Феликс Кандель

Книга времен и событий

3

история евреев Советского Союза (1917–1939)

Феликс Кандель
Книга времен и событий
3

БИБЛИОТЕКА
Российского Еврейского Конгресса

Феликс Кандель

3 история евреев Советского Союза (1917–1939)

Феликс
Кандель

Книга времен и событий

3

история евреев Советского Союза (1917–1939)

ГЕШАРИМ
ИЕРУСАЛИМ
5763

МОСТЫ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2002

Феликс Кандель
Книга времен и событий. Том 3.
История евреев Советского Союза (1917-1939)
М.: Мосты культуры, 2002. – 488 с.

В оформлении книги использованы материалы из Национальной библиотеки Украины имени В. Вернадского, из киевского Института иудаики, а также архивные материалы еврейской общины города Симферополя.

Книга издана при поддержке
Благотворительного фонда
«Российский Еврейский Конгресс»

Издатель
Михаил Гринберг

Научный редактор
Марк Кипнис

Художественный редактор
Даниэль Менделевич

Оформление
Наташа Григорьева

Зав. редакцией
Инна Аблина (Москва)
Менахем Яглом (Иерусалим)

העמותה לקליטת עליה בחיפה
רח' י. ל. פרץ 20 חיפה 33041
ספרייה
מס' 7547
6587/3

ISBN 5-93273-108-7

© Гешарим, 2002

Эта книга — популярный рассказ об истории евреев Советского Союза — является естественным продолжением прежних работ автора, посвященных истории евреев Российской империи. Эта книга о жизни евреев на территории СССР с 1917 по 1939 год — со всеми проблемами, иллюзиями и ошибками, с горем и скорбью, радостями и разочарованиями, которые выпали на долю граждан страны Советов. Автор не претендует на полный охват темы, на описание всех событий, сотрясавших Советский Союз в описываемый период времени. Читатель — при желании — сможет самостоятельно восполнить любую частную тему, которая его заинтересует; автор — со своей стороны — обещает в последующих изданиях книги исправлять возможные ошибки и добавлять те материалы, которые к тому времени окажутся в его распоряжении.

В 1915 году еврейские писатели С. Ан-ский, Я. Динезон и И. Л. Перец опубликовали воззвание в еврейской газете: "Мы переживаем исключительно важный период, не имеющий прецедентов в мировой истории, когда жизнь человека является не более чем пылинкой в процессе формирования истории целых наций и рас. Идет мировая война... Мы должны стать историками, летописцами нашего участия в этом процессе, ибо горе тому народу, чья история написана чужими руками, народу, которому осталось лишь слагать песни плача и молитвы. Поэтому историком должен стать каждый. Каждый должен собирать, записывать, сохранять. Ничто из материальных свидетельств нашей истории не должно быть потеряно или забыто..." В начале двадцать первого века, отягощенные воспоминаниями Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства, мы можем повторить эти слова с еще большей убежденностью: "...ибо горе тому народу, чья история написана чужими руками..."

Знать свое прошлое — это не прихоть, не страсть книголюба, не развлечение для скучающего читателя. Это тысячелетняя традиция еврейского народа — фиксировать историю жизни каждой общины в годы ее расцвета и в годы угасания, ибо завещали наши мудрецы: "Знай, откуда ты пришел..." Жил в Пензе Моше Мордехай Певзнер, староста синагоги, летописец еврейской общины города до 1933 года, — свои записи он начинал такими словами: "Есть древний обычай, который был зако-

ном в Израиле, со дня, когда вступил наш народ на длинную стезю изгнания, рассеянный и разрозненный меж другими народами, — записывать в книгу общины все дела и события, которые произошли с общиной в месте ее поселения... По этому пути пошли и мы, чтобы оставить след памяти... чтобы читающий эти строки... смог оценить каждое дело по справедливости, каждого человека — по делам его и вознести знамя восхвалений тем, кто достоин быть примером для детей и братьев своих, которые придут за нами..."

Иерусалим, 2002 год

Часть первая

Февральская революция 1917 года. Октябрьский переворот. Победа большевиков в Гражданской войне

Тов. Ленин ОЧИЩАЕТ землю от нечисти.

Очерк первый

Февральская революция 1917 года и ее последствия. От февраля к октябрю

1

"9 ава 5674 года, или 1 августа 1914 года по европейскому летосчислению, вспыхнула кровопролитная война между двумя лагерями разных царей и государств. Внезапно земной шар превратился в поле битвы, прекратилась всякая радость, вся земля встревожилась и сжалась от страха..." (Моше Мордехай Певзнер, еврейский летописец)

1 августа 1914 года началась война на территории Европы и Азии, в которой принимали участие многие государства и которая принесла с собой неисчислимые жертвы и разрушения. В истории человечества не было прежде ничего подобного, и не случайно назвали ту войну Мировой войной; порядковый номер — Первая мировая война — присвоили ей позднее. Современники воспринимали ее как некую "историческую случайность", которая довела жестокость и человеческие страдания до немыслимых пределов; оптимисты надеялись, что ужасы "бессмысленной" бойни послужат уроком всем странам и предотвратят будущие кровопролития. У. Черчилль, министр в правительстве Великобритании, свидетельствовал: "После окончания Первой мировой войны

существовала глубокая уверенность и почти всеобщая надежда, что на земле воцарился мир...” (а до начала Второй мировой войны оставались два десятилетия).

За годы той войны положение в Российской империи непрерывно ухудшалось. Расходы на военные нужды возрастали, налоги и займы не могли их покрыть, а потому приходилось печатать огромное количество бумажных денег. Ценность рубля постоянно падала. В стране недоставало одежды, обуви, железных изделий, нефти и керосина. Электростанции работали с перебоями; хлеб, мясо и масло подорожали в несколько раз, неумолимо подступал голод, и бесконечные очереди с ночи становились у булочных.

За два с половиной года войны мобилизовали в армию пятнадцать миллионов мужчин; в деревнях не хватало земледельцев; мобилизация инородцев на тыловые работы вызвала восстание в Средней Азии, которое подавили войска. Население в тылу устало от нескончаемой войны с ее огромными жертвами; солдаты на фронте изнемогали от окопной жизни и стремились вернуться домой: к концу 1916 года насчитали около полутора миллиона дезертиров, пополнения из тыла приходили на передовые позиции, растеряв в дороге до двадцати пяти процентов своего состава. Оппозиционные настроения в обществе нарастали. Предрекали новые поражения на фронтах. Открыто говорили о том, что окружение русской императрицы предает Россию императору Вильгельму. Повсюду ругали правительство, в котором назначали и смещали министров по рекомендациям Г. Распутина; по свидетельству генерала А. Деникина, эти назначения “поражали своей неожиданностью и казались издевательством”. Даже умеренные депутаты Государственной Думы заявляли: “Власть гниет на корню...” — “Бороться надо — правительство дрянь...”

В январе 1917 года великий князь Александр Михайлович предупреждал Николая II: “Факты развала и произвола налицо... Недовольство растет с большой быстротой, и чем дальше, тем шире становится пропасть между тобой и твоим народом... Приходишь в полное отчаяние, что ты не хочешь внять голосам тех, которые знают, в каком положении находится Россия, и советуют принять меры, которые должны вывести нас из хаоса”. В том же месяце председатель Государственной Думы М. Родзянко докладывал царю о возможности скорых “самых серьезных потрясений”; Николай II сжал голову руками и сказал: “Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался?..” Когда председатель Думы намекнул о “темных силах” и “предательстве” при дворе, царь спросил: “Что же, по-вашему, я — первый изменник?” Родзянко в смущении ответил: “Ваше величество — помазанник Божий...”

2

Монархические организации готовились провести съезд, чтобы принять меры против "немецкого и еврейского засилья" в науке, промышленности, торговле и банковском деле, но это было уже не их время. 23 февраля 1917 года начались волнения в Петрограде, забастовали девяносто тысяч рабочих. Толпы вышли на улицы с красными флагами и плакатами "Долой самодержавие!", "Хлеба!", "Долой войну!"; солдаты отказывались разгонять демонстрантов и присоединялись к ним. Николай II телеграфировал из Ставки: "Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки...", а министры пока что решали, насколько серьезны эти беспорядки и требуют ли они применения энергичных мер. Художник М. Шагал вспоминал: "Солдаты грозили небу кулаками. Бежали с фронта. Прощайте, вшивые окопы! Хватит взрывов и крови! Бежали неудержимо, выбивали в вагонах окна, брали приступом ветхие составы и, набившись как сельди в бочке, ехали в города, в столицы. Свобода полыхала у всех на устах. Сливалась с бранью и свистом... Свобода, полная свобода..."

На площадях Петрограда шли непрерывные митинги. 26 февраля рота Павловского полка открыла огонь по солдатам, разгонявшим демонстрацию. М. Родзянко направил телеграмму царю: "Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано..." Подступало время нерегулируемых событий, необходимости принятия решительных, быть может, болезненных мер, и монархист В. Шульгин признавал бессилие думских депутатов, поддерживавших царя: "Мы были рождены, чтобы под крылышком власти хвалить или порицать. Мы способны были в крайнем случае безболезненно пересесть с депутатских кресел на министерские скамьи... При условии, чтобы императорский караул охранял нас. Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала у нас кружилась голова и немело сердце. Бессилие смотрело на меня из-за белых колон Таврического дворца. И был этот взгляд презрителен до ужаса".

> Историк С. Дубнов, из дневника: "Мы в царстве смерти людей, эпох, культур... Надвигается революция, но впереди идет брюхо, голодное, вопиющее, а головы не видно..."

Утром 27 февраля восстал батальон Волынского полка: солдаты убили офицера и вышли с оружием из казарм. Восстали и другие воинские части, и к середине дня многие районы Петрограда были в их руках. На улицах избивали городовых и убивали офицеров; демонстранты братались с солдатами, а те группами ходили по городу, стреляли в воздух и

кричали: "Довольно, повоевали!" 27 февраля еще собирался Совет министров, обсуждая сложившуюся обстановку, а вечером в Таврическом дворце состоялось первое заседание созданного в тот день петроградского Совета рабочих депутатов. Большинство в нем составляли меньшевики и эсеры; председателем Совета избрали лидера меньшевистской фракции в Государственной Думе Н. Чхеидзе, одним из его заместителей — депутата Думы эсера А. Керенского. Первое воззвание Совета рабочих депутатов "К населению Петрограда и России" начиналось такими словами: "Старая власть довела страну до полного развала, а народ до голодания. Терпеть дальше стало невозможно..." Массовые демонстрации проходили в Москве, Харькове, Нижнем Новгороде; в Твери толпа убила градоначальника, в Кронштадте восставшие матросы застрелили несколько офицеров и адмирала, а остальных командиров заперли в каземате. Еще сохранялась возможность восстановить порядок, и один из депутатов Думы утверждал впоследствии: "Достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено... В марте еще мог вернуться царь".

2 марта 1917 года Николай II подписал манифест об отречении от престола — от своего имени и от имени наследника Алексея, после чего пометил в дневнике: "Кругом измена и трусость и обман..." В тот же день лидер кадетов П. Милюков объявил на митинге в Петрограде о создании Временного правительства. "Кто выбирал вас?" — кричали из толпы. Он ответил: "Нас выбрала русская революция..."

> Из дневника Э. Бруцкус, домашней хозяйки: "27 февраля 1917 года. Беспрестанные звонки по телефону. Мои родственницы и знакомые дамы изливают свои мечты и вожделения. Революция началась. Какое счастье! Наконец рухнет проклятое самодержавие... Уныло и грустно выслушивала я эти восторги... У меня дети при сорокаградусной температуре, а врача нельзя достать... Мне не до революции. Я прежде всего мать, у которой дети больны. Революция в России, мне кажется, будет что-то уж очень длительная, невиданная в мире неурядица..."

У. Черчилль писал в своих воспоминаниях: "Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была на виду... Долгие отступления окончились, снарядный голод побежден, вооружение притекало широким потоком... Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна... Держа победу уже в руках, Россия пала на землю заживо, как древний Ирод, пожираемый червями..."

3

Это была революция, которая распространилась по всей стране с помощью телеграфных сообщений. Весть о событиях в Петрограде достигла самых отдаленных районов Российской империи; повсюду проходили митинги и торжественные шествия под красными флагами; после неожиданной для всех и бескровной смены власти наступили "буйные дни восторга". "Первые дни свободы, — записывала в дневнике поэтесса З. Гиппиус. — Первые дни светлой, как влюбленность, февральской революции..." Ей вторили многие: "Это были дни необычайной политической напряженности... Жили со дня на день возбужденно, нервно, окунаясь головой и душой в шумный водоворот слухов, событий, дерзаний и свершений..." — "Киев — да и все города России — превратился в площадку для митингов. Митинг был сплошным. Он начинался с раннего утра и продолжался до поздней ночи... Аудитория менялась, люди приходили и уходили. Каждый хотел сказать свое слово..." — "Вокруг газетчика, который принес номер "Одесских новостей", — в нем был опубликован царский манифест об отречении, — образовалась взволнованная и ликующая толпа, вырывавшая номера газеты. Но меня тогда поразило: одна пожилая русская женщина, узнав о содержании газеты, заплакала. Это не были слезы радости..."

> Генерал А. Деникин, из воспоминаний: "Небывалое оживление, тысячные толпы народа, возбужденные лица, возбужденные речи, радость освобождения от нависшего над всеми тяжелого маразма, светлые надежды на будущее России и, наконец, повисшее в воздухе, воспроизводимое в речи, в начертаниях, в образах, музыке, пении, волнующее — тогда еще не забрызганное пошлостью, грязью и кровью — слово: Свобода!.."

Февральская революция произошла на Пурим, традиционный еврейский праздник в память спасения народа от уничтожения, — евреи усмотрели в этом символический смысл, "чудесное освобождение" от очередного притеснителя. В петроградской синагоге состоялось торжественное богослужение, взамен молитвы за царя зачитали новую молитву "за благополучие родины, армии и свободы". Подобное происходило в Москве и в других городах. Очевидец свидетельствовал: "В Баргузине (в Сибири) после церковного богослужения русские жители вышли праздновать праздник свободы и при встрече с евреями, возвращавшимися из синагоги, обнимались с ними, плача от радости. Все вместе спешили в зал собрания. Там на сцене сидели священник и раввин, и после одного из выступлений, растрогавшего присутствовавших, священник встал

и всенародно облобызался с раввином". Из статей в еврейских газетах можно понять настроение, охватившее еврейское население в первые месяцы надежд: "Свершилось чудо. В несколько дней, без крови и тяжелых потрясений, Россия стала свободной..." — "Ожила страна. Ожили люди, ожили их души. Ожили и выпрямились великие и малые, сильные и слабые, богатые и бедные — все граждане России. Ожили и рабы старой власти, мы — евреи..." — "Все это свершилось так быстро, так неожиданно, что еврейство... неуверенно делает несколько шагов вперед и боязливо оглядывается назад — туда, в кошмар старой России, в кошмар бесправия и погромов..."

Во Временное правительство вошли кадеты, эсеры, меньшевики, народные социалисты. Кардинальные меры, которые проводило правительство, поражали одних и возмущали других, вызывая восхищение, ненависть, неспособность разобраться в столь быстрых переменах. Были провозглашены свобода слова, печати и забастовок, отменены предварительная цензура и смертная казнь, объявлена полная амнистия политическим заключенным, расформированы Департамент полиции и Отдельный корпус жандармов, смещены губернаторы и градоначальники, взамен которых появились выборные органы местного самоуправления. Запретили деятельность черносотенных организаций и всякую антисемитскую пропаганду. Началась подготовка к созыву Всероссийского Учредительного собрания для избрания законного правительства России и определения путей развития многонационального государства. Временное правительство провозгласило независимость Польши, восстановило полную автономию Финляндии, приняло постановление об упрощении правописания русского языка, и всей стране пришлось привыкать к новой орфографии.

20 марта 1917 года Временное правительство — "исходя из убеждения, что в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом" — приняло закон "Об отмене вероисповедных и национальных ограничений". С этого момента ограничительные антиеврейские законы бывшей Российской империи перестали существовать, и евреи получили равные гражданские, политические и национальные права с остальным населением. "Нет больше ненавистной "черты" со всеми ее ужасами! — сообщала еврейская газета своим читателям. — Нет больше ограничений, процентной нормы! Нет наконец стоящего вне закона "бесправного еврея", а есть свободный, полноправный гражданин — еврей!" Новый закон подписали все министры Временного правительства, и министр-председатель князь Г. Львов сказал еврейской депутации: "Редко мне приходилось так волноваться, как в настоящие минуты. Мы были в мыслях и чувствах братьями, но нам не давали соединяться. Давайте забудем страницы прошлого и будем вместе работать для укрепления свободы новой России".

Й. Недава, израильский историк: "Правительственная газета, поместившая этот закон, дала в приложении список действовавших прежде законов и постановлений против евреев. Список этот, набранный мелким шрифтом, без уточнения деталей, оказался настолько внушительным, что не лишенный воображения человек невольно задавался вопросом: а как же, собственно, жили, как выжили эти люди, преследовавшиеся законом только за одно свое имя?.."

Вскоре после Февральской революции в канцелярию петербургского градоначальника поступила телеграмма от полицейского исправника из Полтавской губернии: "Можно ли купцу третьей гильдии Циперовичу приехать на неделю в Петроград?" Вновь назначенный помощник градоначальника распорядился ответить следующим образом: "Исправнику такому-то. Купец третьей гильдии Циперович может прибыть в Петроград, когда ему заблагорассудится. Срок пребывания неограничен. Вообще, Циперович имеет теперь право свободного передвижения и пребывания в пределах Российской империи..."

4

После Февральской революции политические заключенные вернулись из тюрем и ссылок; восторженные толпы встречали их на станциях железных дорог по пути следования, оркестры играли "Марсельезу", в их честь устраивали торжественные обеды с речами и здравицами. Нелегальные партии вышли из подполья и возросли числом, началась бурная общественная и культурная деятельность; на всех фронтах образовывались союзы евреев-воинов; заговорили о будущей России — федерации равноправных народов, каждому из которых будет обеспечена широкая автономия. "Еврейский народ бурлил, — свидетельствовал современник. — Во всех городах происходило сильное брожение, обсуждались планы проведения выборов в еврейские автономные советы. Каждая партия выдвигала своих кандидатов..." В городах и местечках прошли выборы в советы еврейских общин — до восьмидесяти процентов голосов получили религиозные и сионистские партии, а за большевиков практически никто не голосовал. Евреи-большевики составляли ничтожнейшее меньшинство шестимиллионного еврейского населения и в тот момент представляли лишь самих себя; еврейские массы Украины и Белоруссии не слышали имен их лидеров, ничего не знали о них. В еврейской газете сообщали: "8 июня в Петрограде состоялся митинг, посвященный отношению еврейского общества к большевизму. Ораторы (Винавер, Дубнов, Слиозберг и др.) громили большевиков и доказывали

(на примерах из Библии, Талмуда, истории и т. д.), что большевизм чужд еврейству..."

В результате свободных выборов председателем городской Думы в Москве стал эсер О. Минор, в Минске — бундовец А. Вайнштейн, в Екатеринославе — меньшевик И. Полонский, в Саратове — бундовец Д. Чертков; городским головой Петрограда избрали эсера Г. Шрейдера. Четыре адвоката-еврея стали сенаторами, среди них М. Винавер и О. Грузенберг; эсеру А. Гоцу предлагали портфель министра Временного правительства, но он отказался из опасения, что это пробудит "расовые страсти" и может повредить российскому еврейству. "Не нужно сразу стремиться на те места, где нас не было до сих пор, — предостерегал М. Винавер, один из лидеров партии кадетов. — Будем пока сдержанны". Ему возражали многие: "Мы должны проводить до конца гражданское равноправие и проводить его немедленно, не боясь того, что о нас скажут и подумают..." — "Все речи о воздержании — это проявления рабства в свободе..." — "Если мы не возьмем все права сегодня, нам не дадут их завтра..." Кадет С. Лурье стал товарищем (заместителем) министра торговли и промышленности, меньшевики С. Шварц и А. Гинзбург-Наумов — товарищами министра труда, А. Гальперн — управляющим делами Совета министров. Две тысячи шестьсот еврейских юношей поступили в юнкерские училища и школы прапорщиков, открытые теперь для всех; к лету 1917 года в Киеве и Одессе произвели в офицеры около трехсот евреев.

> "Народ Израиля, не имевший никакой опоры и безопасности в России, народ притесняемый и измученный, — блеснул для него луч спасения в этой стране, и вышел он из тьмы на свет, из притеснения на свободу. Год 5677 (1917) — это исторический год... в нашей жизни. Народ отверженный получил гражданские права в полном объеме, сыны его удостоились высоких должностей в государстве, которых не помышляли достичь прежде..." (Моше Мордехай Певзнер, летописец)

После Февральской революции началось бурное развитие еврейской культуры — появились новые издательства, десятки газет с журналами, школы и детские сады на идиш и иврите, профессиональные и любительские театры, вокальные ансамбли и студии художников. В городах и местечках возникали профессиональные союзы, женские, студенческие и спортивные организации, клубы, общества, кружки любителей знаний, в которых читали лекции по еврейской истории, ставили спектакли, проводили диспуты на современные темы.

Свобода опьяняла. Любые проекты казались осуществимыми. В пер-

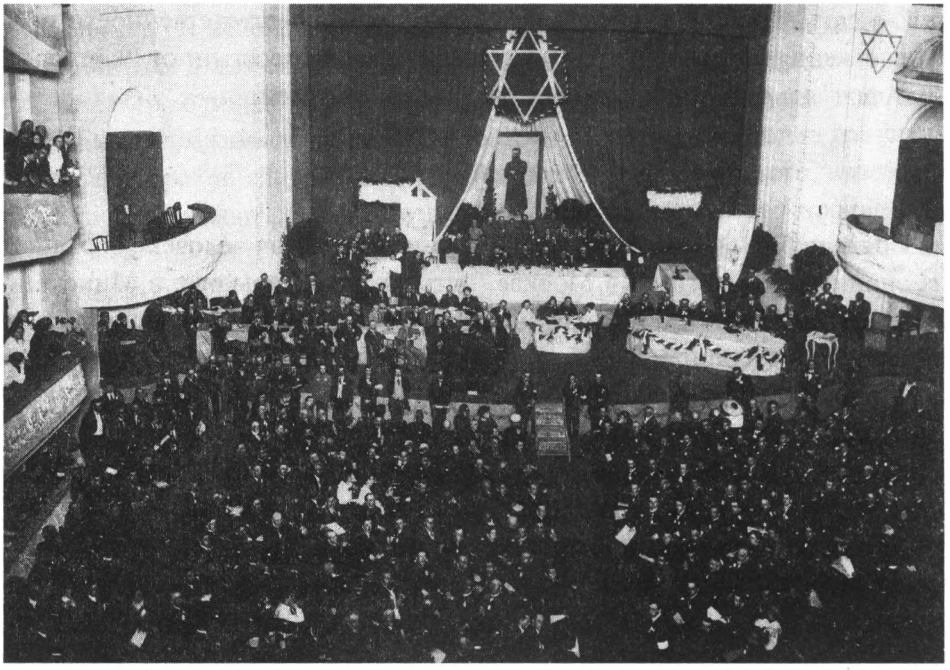
вые дни после революции появились надежды, что российские евреи начинают новую жизнь полноправными гражданами страны; хотелось верить, что ушел в прошлое государственный антисемитизм, приутих антисемитизм улицы; газета "Еврейская жизнь" разъясняла читателям: "Накопленные годами запасы антисемитских инстинктов... не исчезли бесследно с лица земли, а лишь залегли под спудом... Сейчас они крепко придушены и бессильны прорваться наружу". Открывалась новая страница истории российского государства, но опасения оставались, и осторожные люди — как бы в предвидении будущих трагических событий — предлагали проявлять повышенное чувство ответственности при "выдвижении евреев на передовые посты", предостерегали от "картавых ораторов" на митингах, которые раздражали население.

5

После победы Февральской революции семь тысяч человек собрались на сионистском митинге в Москве, пять тысяч в Харькове, в Минске и Ростове-на-Дону — до тысячи; на общих манифестациях колонны сионистов шли по улицам под бело-голубыми флагами, и оркестры встречали их сионистским гимном "Га-Тиква". В Киеве некий офицер возглашал с трибуны при всеобщем одобрении: "Отныне вы свободны. Правда, ваш исторический путь еще не закончен. Ваш путь — в Палестину, и русская свобода облегчит вам этот путь!" Многие тогда полагали, что российские евреи потеряют всякий интерес к сионизму, так как они получили равные права и не нуждаются теперь в убежище вне России, в далекой, нищей, заброшенной Палестине. Но на деле случилось иначе: в городах и местечках появились во множестве детские кружки и молодежные сионистские организации, где изучали иврит, историю еврейского народа, географию Эрец Исраэль. Молодежь объединялась в группы, чтобы при первой возможности отправиться в путь; от одного к другому передавали самые невероятные слухи о том, что евреи уже освободили свою землю, а в Иерусалиме сформировано еврейское правительство. По всей России собирали пожертвования в помощь еврейскому населению Палестины, пострадавшему от войны, и отправили туда тридцать миллионов рублей.

В мае 1917 года в Петрограде состоялась всероссийская конференция сионистов. На нее приехали 552 делегата, которые представляли сто сорок тысяч членов сионистских организаций России, Кавказа и Средней Азии, — без учета тех, кто находился на территориях, занятых немецкими войсками. Присутствовали полторы тысячи гостей из разных городов России; председателями конференции избрали М. Усышкина и И. Членова; начальник военного округа Петрограда сказал, приветствуя со-

бравшихся: "Когда наступит час и Палестина вновь станет еврейской, забудьте, русские евреи, все зло, причиненное вам не по вине русского народа, и дайте нам, русским, доступ к нашим православным святыням". И. Членов заявил с трибуны конференции: "Никогда еще эмансипация не была предоставлена евреям так человечески просто и благородно, как это сделала свободная Россия. (Аплодисменты.) Но в главном нас Россия удовлетворить не может, если бы она даже хотела; она нам не может дать нашей территории".

Всероссийская конференция сионистов. Петроград, 1917 год

По всей стране готовились к выборам во Всероссийское Учредительное собрание — парламент страны, который должен был принять конституцию России и образовать законное правительство. Еврейские организации и общины выдвигали депутатов на Всероссийский еврейский съезд, чтобы подготовить свои предложения будущему Учредительному собранию. 20 октября (2 ноября) 1917 года британское правительство приняло декларацию министра иностранных дел А. Бальфура, в которой впервые от имени великой державы было заявлено об историческом праве еврейского народа на Палестину. Декларация провозглашала: "Правительство Его Величества благосклонно относится к восстановлению в Палестине национального очага еврейского народа и приложит все усилия к облегчению достижения этой цели..."

Декларация Бальфура вызвала взрыв энтузиазма среди российских

евреев. В Москве собрались на митинг более трех тысяч человек. По улицам Киева прошла гигантская манифестация с бело-голубыми знаменами. В Петрограде, как сообщала газета, "публика переполнила театр... Стоят в проходах, толпятся у стен, много народу осталось на улице... Сцена декорирована бело-голубой материей, щитами Давида и белыми цветами. Сбоку высится большой портрет Герцля... Настроение публики — к началу спокойно торжественное — переходило часто в бурный энтузиазм". Демонстрации, митинги и праздничные службы в синагогах проходили в Екатеринославе, Харькове, Херсоне, во многих городах и местечках. В Одессе более ста тысяч человек вышли на улицы города: оркестры играли "Га-Тикву" и "Марсельезу", развевались флаги, колонны демонстрантов проходили мимо британского консульства и кричали "ура" в честь англичан. "Я не верил своим глазам, — вспоминал вице-консул. — Я хорошо знал евреев Одессы. Это были в большинстве своем спокойные, интеллигентные, несколько скептически настроенные люди. Я никогда не подумал бы, что они способны на такое бурное выражение чувств и на такую горячую веру. Для меня декларация Бальфура ничем не отличалась от других дипломатических документов, которые в изобилии выпускал Лондон. Для них — это были трубные звуки самого освободителя-Мессии".

После опубликования декларации Бальфура противники сионистов из еврейской партии Бунд выпустили прокламацию, в которой говорилось: "Народ израильский, старый и умный народ! Посмотри, как кучка людей взяла тебя за нос и водит по улицам. И ты радуешься и танцуешь, под чужую музыку поешь гимны. Ты кричишь: "Палестина наша!" и не видишь, как тонко улыбаются дипломаты и политические дельцы. Им удалось обделать свое дело. На политической сионистской бирже спекулянты собирают "нахес". Им удалось поднять цену бумаг, уже прогоревших..."

6

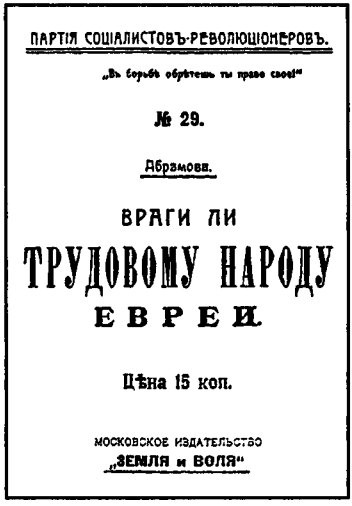
В июне 1917 года Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов избрал Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК), подавляющее большинство которого составили эсеры и меньшевики; первым председателем ВЦИК стал эсер Абрам Гоц, внук основателя фирмы по торговле чаем К. Высоцкого. Количество евреев, избранных во ВЦИК, было велико. На волне радостных ожиданий это можно было рассматривать как весомый вклад в общее дело, но очень быстро заговорили о "еврейском засилье", об их "чрезмерном" участии в потрясении основ государства.

М. Горький, писатель, из статьи в газете "Новое время" (июнь 1917 года): "Антисемитизм жив и понемножку, осторожно снова поднимает свою гнусную голову, шипит, клевещет, брызжет ядовитой слюной ненависти. В чем дело? А в том, видите ли, что среди анархически настроенных большевиков оказалось два еврея. Кажется, даже три. Некоторые насчитывают семерых и убеждены, что эти семеро Самсонов разрушат вдребезги 170-миллионную храмину России. Это было бы очень смешно и глупо, если б не было подло..."

Положение в стране было нелегким. Повсюду закрывались фабрики и заводы. Временное правительство выпускало новые деньги, которые прозвали "керенками", но им не доверяли и на всякий случай припрятывали царские ассигнации. Чтобы продолжать войну, требовались средства, и министр финансов признавал: "Выпуск бумажных денег идет с ужасной быстротой, а вместе с этим растет цена на все товары. За два года до революции было выпущено восемь миллиардов рублей, а за три месяца революции — четыре миллиарда". Цены на продукты питания выросли в несколько раз. В Москве и Петрограде ввели карточки на хлеб, сахар, крупу и жиры. В дорогих магазинах не было недостатка в деликатесах и предметах роскоши, а возле завлекающих витрин стояли на тротуарах длинные очереди к булочным. Рост дороговизны и хроническая нехватка товаров вновь подтолкнули на поиски виновников; черносотенные круги усилили антисемитскую агитацию, в очередях и на уличных митингах заговорили о том, что евреи больше всех выгадали от свержения самодержавия: они получили равные права, захватили власть, распоряжаются всеми запасами товаров и продовольствия.

Комиссар Временного правительства сообщал из Одессы, что антиеврейские настроения очень сильны и "эксцессы вполне возможны". В Киеве распространяли листовки: "Проснись, русский народ! Недавно светило солнышко, в Киев приезжал русский царь, а теперь всюду жиды..." — толпа нападала на евреев на улицах города и избивала заступавшихся за них милиционеров. В Александровске грабили еврейские лавки, в Тирасполе раскидывали листовки с призывами бить евреев, в Елисаветграде разрывали еврейские могилы в поисках запрятанного продовольствия; погром в Балте предотвратили присланные туда солдаты с пулеметами. Летом 1917 года прокурор петроградской судебной палаты докладывал министру юстиции: "На базарах и в других местах, где собирается много публики, изо дня в день ведется погромная пропаганда... Погромщики призывают даже к убийству отдельных лиц, называемых иногда поименно". Современник подтверждал это: "Дворники, лавочники, извозчики, парикмахеры, вся мещанская толща Петербурга толь-

ко и ждала того, чтобы начать бить "товарищей, жидов и изменников"..." В еврейских газетах появилась постоянная рубрика "Погромная агитация", но вскоре ее заменила рубрика "Погромы" — с описанием избиений, грабежей и нередких убийств.

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!"

№ 29.

Абрамовъ.

ВРАГИ ЛИ

ТРУДОВОМУ НАРОДУ

ЕВРЕИ.

Цѣна 15 коп.

МОСКОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ"

Брошюра партии эсеров, 1917 год

Вспышки антисемитизма летом 1917 года проходили на фоне всеобщего хаоса, а порой и полного безвластия: вновь созданная милиция была плохо организована, судебные органы бездействовали, в губерниях начались самосуды. Кое-кто воспринял свободу как вседозволенность; считали, что не надо теперь платить налоги, подчиняться законам, и даже проститутки не желали проходить врачебный осмотр, так как стали "свободными гражданами". Исчезла сильная централизованная власть; уездные города и примыкавшие к ним деревни жили отдельной жизнью, создавая собственные, выгодные для них постановления. Страна скатывалась к анархии. Крестьяне захватывали и делили земли, громили и убивали помещиков; русская армия распадалась, дезертиры тысячами уходили с фронтов по домам, разбивали винные заводы и склады, резали скот и птицу, напивались и буйствовали. Генерал А. Деникин вспоминал: "Донесения с фронтов говорили: "Проходящие воинские части сметают все, уничтожают посевы, скот, птицу, разбивают казенные склады спирта, напиваются, поджигают дома, громят не только помещичьи, но и крестьянские имущества... Самые плодородные области погибают! Скоро останется голая земля!.."

Н. Полетика, историк: "Украинское крестьянство, обладавшее избытками хлеба и картофеля, создало чуть ли не в каждой хате самодельные водочные заводы, курившие самодельную водку-"самогонку". Деревня напивалась, дурела, отравлялась этой самогонкой

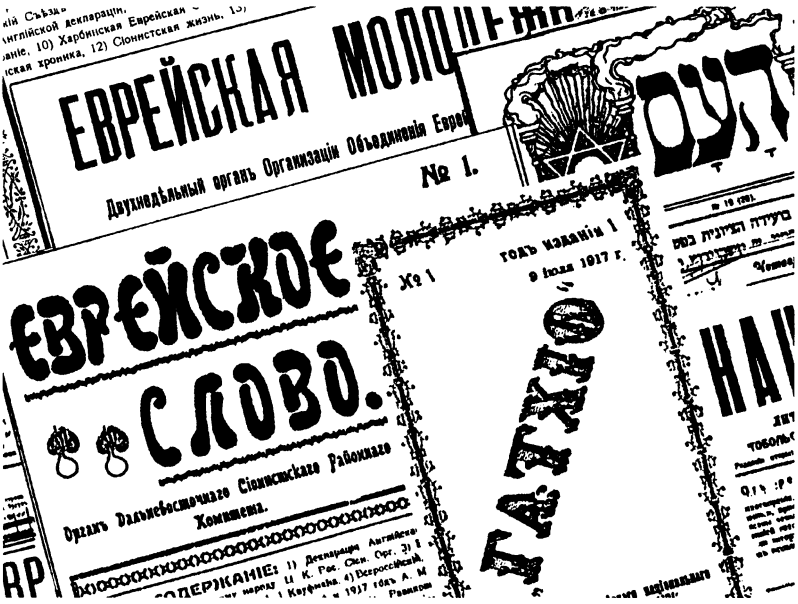
и спаивала солдат... Крестьянство начало с захватов помещичьих усадеб, грабежей помещичьих домов и убийств помещиков. Но так как помещиков было немного, то постепенно крестьянство переключилось на погромы евреев..."

С сентября и до конца 1917 года еврейские погромы прошли в Умани, Погребище, Каневе, Овруче, Остроге, Полонном, Ямполе — в шестидесяти населенных пунктах Киевской, Подольской и Волынской губерний. "Все здоровое и взрослое мужское население находится в армии, и отпор громилам дать некому... — сообщали с мест. — Горят города, разгромлены лавки, уничтожается домашний скарб... Ямполь разгромлен. Лава громил из Ямполя движется на Томашполь..." Погромы обычно начинали солдаты, а к ним присоединялись жители окрестных деревень и увозили по домам награбленное. Безнаказанность погромщиков воодушевляла и поощряла крестьян, которые уверовали, что солдаты присланы центральной властью для расправы с евреями. Из Волынской губернии передавали: "Крестьянское население открыто говорит, что не только имущество может и должно быть у евреев отобрано, но и сами они находятся вне закона и с ними можно сделать что угодно". По решению сельских сходов начали изгонять евреев из деревень Подольской и Киевской губерний, даже тех, кто прожил там тридцать—сорок лет, и один из выселяемых жаловался в Киев: "Крестьяне определенно заявляют, что "не треба нам жидив в сили, нехай идут соби в город..."

Будущее настораживало, заставляя сплачиваться, и в газете "Еврейская неделя", в статье под тревожащим названием "Зловещие предчувствия" уже предостерегали: "Без различия партий и классов мы все — прежде всего евреи... в глазах тех, кто будет подвергать нас мучениям". События развивались стремительно. Дальновидные люди угадывали надвигавшиеся перемены, и историк С. Дубнов записывал в дневнике: "Вот прогноз, вытекающий из жутких фактов наших дней. Кровавый потоп войны скоро перевалит за третью годовщину. Нынешний полуголод превратится в полный голод... Когда война продлится и голод усилится, пойдет сплошное озверение. Начнется всеобщая резня под флагом "классовой борьбы", "истребления буржуев"... Посреди этого потопа зверств в России позорно закончится бессмысленная бойня народов..."

После Февральской революции и отмены цензуры появились во множестве еврейские газеты и журналы на идиш и иврите; выходили они и на русском языке: "Еврейский голос" в Казани, "Наше слово" в Тобольске, "Пролетарская мысль" в Кременчуге, "Даркейну" ("Наш путь") в Чите, "Вестник сибирских евреев" в Томске,

"Еврейские письма. Издание группы якутских евреев" в Якутске, "Еврейский путь" в Екатеринославе, "Еврейское слово" в уездном городе Александровске, "Юный Израиль" в Тифлисе, "Первый луч" в Красноярске, "Еврейский юноша" в Саратове, "Еврейская молодежь" в украинском селе Гуляй-Поле и другие. Некоторые из этих изданий продержались один-два выпуска и закрылись из-за отсутствия средств, но все они с восторгом встретили Февральскую революцию и первые декреты Временного правительства.

Еврейские газеты 1917 года

Частичный перечень событий в еврейской общине города Томска (март—июль 1917 года): собрание евреев-учащихся, учредительное собрание группы Бунда, общее собрание еврейской общины, общее собрание сионистов города, митинг литовцев, евреев, грузин и украинцев, стоящих на страже интересов угнетенных наций, подготовка к выборам делегатов на Всероссийский сионистский съезд, концерт-митинг местной организации Бунда, панихида в синагоге в годовщину смерти Т. Герцля, собрание евреев-солдат и многое другое.

После Февральской революции действовали в России несколько еврейских партий. 1. Социал-демократическая партия Бунд — считала себя единственным представителем еврейского пролетариата, выступала за еврейскую культурную автономию, в общеполи-

тических вопросах поддерживала партию меньшевиков. 2. Еврейская социал-демократическая рабочая партия "Поалей Цион" ("Рабочие Сиона") — призывала к массовой эмиграции в Эрец Исраэль и к развитию там национальной экономики, что приведет к росту пролетариата, классовой борьбе и неминуемой победе социализма. 3. Сионистская социалистическая рабочая партия — проповедовала построение справедливого социалистического общества в будущем еврейском государстве и не настаивала на непременной связи еврейского народа с Эрец Исраэль. 4. Социалистическая еврейская рабочая партия — ее сторонники считали, что собственную территорию евреи сумеют получить лишь в отдаленном будущем, а пока что следует добиваться национальной автономии в составе федеративной России. (Летом 1917 года Социалистическая еврейская рабочая партия объединилась с Сионистской социалистической рабочей партией под названием Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия — "Фарейникте", "Объединенная"). 5. Общие сионисты — составляли большинство в мировом сионистском движении, выступали за заселение Эрец Исраэль и против объединения идей сионизма с социализмом. 6. Еврейская народная партия ("Фолкспартей") — в общеполитических вопросах поддерживала кадетов, а в национальном вопросе стояла на позициях "автономизма", требуя национально-культурной автономии для евреев России. 7. Еврейская народная группа — поддерживала партию кадетов, боролась за гражданское равноправие, за общинное еврейское самоуправление и выступала против сионистов. 8. Ортодоксальная религиозная партия "Ахдус" ("Ахдут" — "Единство").

Евреи входили в состав русских партий — большевиков, меньшевиков, кадетов и эсеров. Петербургский адвокат М. Винавер был одним из создателей и лидеров конституционно-демократической партии (партии кадетов). Среди руководителей социал-демократической партии меньшевиков — Ю. Мартов, Ф. Дан, М. Либер, П. Аксельрод и другие. В ЦК партии социал-революционеров (эсеров) в июне 1917 года вошли А. Гоц, М. Натансон, М. Гендельман, О. Минор; активно сотрудничали Б. Камков, М. Вишняк, И. Фондаминский и другие. Партия эсеров существовала на пожертвования богатых русских семейств; эсерам давали деньги и наследники еврейских предпринимателей — Высоцкие, Гоцы, Гавронские, Цетлины, Фондаминские. Фабрикант С. Морозов жертвовал до революции на нужды большевиков.

Из письма в еврейскую газету: "Свобода ослепила нам глаза, притупила наши чувства. Рассеяны мы по разным партиям, заимствовали принципы, которые не имеют места в действительности, и одолело нас библейское проклятие: "Куда ни пойдете, будет поздно, и всюду вы будете последними"... Мы тащим камни для чужих построек, а о себе совершенно забываем. Ограбленный еврейский портной из Овруча".

В феврале 1917 года в книге записей еврейской общины Петрограда появилась графа "Список крещеных евреев, перешедших обратно в иудейство". Первым в списке записан некий Д. Кенигсберг, числившийся до этого в евангелической вере, следом за ним — О. Левенштейн, православная; там же указаны историк С. Лурье, евангелист (автор книги "Антисемитизм в древнем мире") и С. Дымшиц (бывшая жена писателя графа А.Толстого), — всего в 1917 году в книге записей отмечено более ста пятидесяти случаев возвращения в иудаизм. В сентябре того года раввины Петрограда направили послание церковным лидерам православного духовенства: "В десятках городов и местечек театра военных действий... еврейские синагоги были разгромлены и разграблены, а затем сожжены или превращены в хлевы. Величайшая наша святыня, пергаментные свитки завета (Тора) осквернялись, разрывались на части, и из них выделывались предметы обихода: непромокаемые плащи, сумки, рукавицы, барабаны и прочее..." В ответ на это митрополит Тихон попросил верховного главнокомандующего А. Керенского "принять все меры" и устранить подобные явления, "налагающие несмываемое позорное пятно на всю армию". Всероссийский собор православного духовенства потребовал от армейских священников, чтобы разъясняли солдатам "преступность кощунства, а также всяких насмешек и глумлений над чужими вероисповеданиями, к каким бы религиям они ни относились".

До Февральской революции священнослужителями в русской армии были лишь христиане и мусульмане. Летом 1917 года раввин Бердичева рав Яаков Берман был назначен главным раввином при штабе Юго-Западного фронта — в чине подполковника. Он посещал в госпиталях раненых евреев, организовал кашерную кухню в военном лагере для солдат-евреев, приобретал палатки, в которых устраивали полевые синагоги, помогал пленным евреям из немецкой и австрийской армий. После прихода большевиков к власти все должности священнослужителей в войсках были ликвидированы.

Из еврейских газет лета 1917 года:

"Юнкера-евреи старшего курса Ташкентского военного училища отправились на фронт в ударный батальон... Первый, кто поднял красное знамя и храбро бросился на австрийские окопы, был еврей-одессит студент Ш. Гандлер. Во время атаки он был убит. Гандлер еще до революции удостоился двух Георгиевских крестов и унтер-офицерского чина..."

"Граждане евреи! Подписывайтесь на "Заем свободы"! Сплотимся для финансовой поддержки молодой русской свободы, понесем Временному правительству наши сбережения..."

"В саратовской синагоге в течение часа подписались на "Заем свободы" на восемьсот тысяч рублей. Крупный сахарозаводчик в Киеве Гальперин подписал на "Заем свободы" миллион рублей. Попечительский совет еврейского политехникума в Екатеринославе — на пятьсот тысяч рублей..."

После Февральской революции вернулся в Россию бывший эсер Петр (Пинхас) Рутенберг и стал заместителем губернского комиссара (губернатора) Петрограда по гражданским делам. В октябрьские дни 1917 года его назначили помощником особого уполномоченного Временного правительства "по водворению порядка в Петрограде". Рутенберг организовывал защиту Зимнего дворца, был ранен, арестован вместе с министрами Временного правительства и заключен в Петропавловскую крепость. Затем он приехал в Эрец Исраэль и попросил у англичан концессию на строительство электростанций. В британской палате общин его называли сионистом-большевиком, но на его защиту встал тогдашний министр колоний У. Черчилль. "Нет ничего менее правдоподобного, чем большевизм Рутенберга, — сказал он. — Мне известно, что в качестве чиновника Временного правительства Рутенберг рекомендовал Керенскому повесить Ленина и Троцкого и был при этом вполне последователен". Рутенберг получил концессию и построил гидроэлектростанцию на реке Иордан, электростанции в Тель-Авиве, Хайфе и Тверии, был инициатором строительства морского порта в Тель-Авиве и национальной авиакомпании. В. Жаботинский писал о нем: "Высокий, широкоплечий, плотно скроенный человек. В каждом движении и в каждом слове — отпечаток большой и угрюмой воли... А заодно добродушные глаза и совсем детская улыбка. Я понимаю, почему его служащие и рабочие в Палестине повинуются Рутенбергу, как самодержцу, и любят его как родного..."

Очерк второй

Октябрьский переворот.
Отношение еврейского населения к новому режиму.
И. Трумпельдор

1

Февральская революция произошла неожиданно для всех слоев российского общества, для всех политических организаций и их руководителей, а также для лидера большевиков В. Ленина, который не предполагал подобного развития событий и говорил незадолго до этого: "Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв грядущей революции..." Лидеры революционных партий находились в сибирской ссылке или в эмиграции, и после отречения Николая II власть в стране перешла в руки умеренной оппозиции. Большевики оказались в меньшинстве в Совете рабочих и солдатских депутатов, их влияние на первых порах было незначительным — к тому времени в партии большевиков насчитывалось лишь 23 600 человек.

1 марта 1917 года петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию — "Приказ № 1" по гарнизону Петроградского округа, одобренный Временным правительством. Приказ потребовал, чтобы каждая воинская часть создала комитет "из выборных представителей от нижних чинов", которому обязаны подчиняться солдаты "во всех своих политических выступлениях"; все виды оружия — винтовки, пулеметы, броневики и прочее — должны были находиться "в распоря-

жении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям"; приказ запрещал обращаться к солдату на "ты", отменял "отдавание чести вне службы" и титулование офицеров ("ваше превосходительство", "ваше благородие" и тому подобное). Нововведение восприняли в армии с восторгом, как "освобождение от офицерского гнета", и от дисциплины ничего не осталось. Недоверие к командирам усилилось; распоряжения десятков тысяч комитетов, созданных в ротах, батальонах и полках, нередко отменяли приказы офицеров; солдаты самовольно заменяли командиров на фронте, а то и убивали неугодных, бросая в их землянки ручные гранаты. Н. Полетика, историк: "Полк, в котором служил мой товарищ, получил приказ подготовиться к наступлению, чтобы захватить одну высоту. Солдаты заявили командиру полка, что наступления не будет, а они собираются уйти с фронта и разойтись по домам... "Неприятель у нас хороший, — говорили солдаты. — Он сказал нам, что не будет наступать, если не будем наступать и мы. Нам важно вернуться домой, чтобы пользоваться свободой и землей. Зачем же нам калечиться?.."

Ленин вернулся из Швейцарии в начале апреля, проехав через Германию с ведома немецких властей; подобным образом вернулись и другие социал-демократы, сторонники поражения России в той войне. (Немецкий генерал Э. Людендорф отметил: "С военной точки зрения проезд Ленина через Германию имел свое оправдание. Россию нужно было повалить".) До появления Ленина в Петрограде большевистская газета "Правда" выступала в поддержку Временного правительства и за продолжение войны, чтобы "на пулю отвечать пулей и на снаряд — снарядом". Но Ленин провозгласил в "Апрельских тезисах": "Никакой поддержки Временному правительству", — это стало началом борьбы за власть.

> В. Засулич, меньшевичка (в разговоре с Лениным): "Жорж (Плеханов) — борзая: потреплет, потреплет и бросит, а вы — бульдог: у вас мертвая хватка..."
>
> М. Горький (ноябрь 1917 года): "Ленин... обладает всеми свойствами "вождя", а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс... Рабочий класс для Лениных то же, что для металлиста руда..."
>
> У. Черчилль о Ленине: "Ни один азиатский завоеватель, ни Тамерлан, ни Чингисхан, не пользовались такой славой, как он... Его симпатии холодны и широки, как Ледовитый океан; его ненависть туга, как петля палача. Его предназначение — спасти мир; его метод — взорвать этот мир..."

В апреле 1917 года солдаты Петроградского гарнизона с оружием в руках вышли на улицы, требуя немедленного прекращения войны, но их выступление было подавлено. Лидер кадетов П. Милюков потребовал арестовать Ленина за его "криминальные речи", однако меньшевики отвергли с возмущением это предложение: "Разве можно у нас, в свободной стране, допускать мысль, что вместо открытого спора будет применено насилие к человеку, отдавшему всю жизнь на службу рабочему классу, на службу всем обиженным и угнетенным?.." Многие не принимали всерьез заявления Ленина, которые, по словам А. Деникина, "казались такими нелепыми и такими явно анархическими"; тон в обществе и в правительстве задавал военный министр А. Керенский. В мае—июне 1917 года Керенский проявлял "изумительную деятельность, сверхъестественную энергию, величайший энтузиазм... — сообщал современник. — Всюду его носили на руках, осыпали цветами... К ногам Керенского, зовущего на смерть, сыпались Георгиевские кресты; женщины снимали с себя драгоценности и во имя Керенского несли их на алтарь победы".

Положение на фронтах ухудшалось с каждым днем; десятки тысяч солдат уходили с боевых позиций или сдавались в плен, не желая воевать; военное командование предупреждало Временное правительство, что наступление невозможно: "Армия на краю гибели. Еще миг, и она, свергнутая в бездну, увлечет за собой Россию и ее свободы, и возврата не будет". Однако Керенский начал в июне наступление по всему фронту, которое закончилось поражением. Это деморализовало усталых, полуголодных, плохо одетых солдат; П. Краснов, генерал царской армии, вспоминал: "Ясно было, что армии нет, что она пропала, что надо как можно скорее, пока возможно, заключить мир, уводить и распределять по своим деревням эту сошедшую с ума массу".

Большевики использовали неудачу июньского наступления и повели массовую агитацию против Временного правительства, призывая солдат брататься с противником. В начале июля вооруженные рабочие и матросы вышли на улицы Петрограда с плакатами "Вся власть Советам!" и "Долой министров-капиталистов!" Временное правительство перебросило с фронта войска и разоружило восставших; В. Ленин с Г. Зиновьевым ушли в подполье, Л. Троцкий, Л. Каменев и другие лидеры большевиков были арестованы по обвинению в мятеже. В конце августа генерал Л. Корнилов обратился с воззванием к народу: "Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час кончины..." — и во главе нескольких дивизий пошел на Петроград. Правительство выступило против Корнилова в союзе с большевиками, и с этого момента их влияние резко возросло. Большевики получили право легально вооружаться; Красная гвардия — отряды вооруженных рабочих — насчитывала в Пе-

трограде до двенадцати тысяч человек, и иностранный наблюдатель утверждал в те дни: "Если Ленин и Троцкий захотят взять Петроград, кто им помешает в этом?"

К осени 1917 года влияние большевиков в петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов стало преобладающим; председателем Совета избрали Л. Троцкого. Временное правительство было связано обещанием продолжать боевые действия на стороне стран Антанты, но та война была крайне непопулярной, и большевики умелыми лозунгами привлекали на свою сторону солдат, рабочих и крестьян: "Мир — народам!", "Фабрики — рабочим!", "Землю — крестьянам!" Дезертирство с фронта усилилось. На заводах проходили постоянные митинги. 10 октября ЦК партии большевиков большинством голосов (десять против двух — Г. Зиновьева и Л. Каменева) принял предложение Ленина о скором вооруженном восстании. Зиновьев и Каменев направили письмо в партийные организации: "Мы глубочайшим образом убеждены, что объявлять сейчас вооруженное восстание — значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбы русской и международной революции... Говорят: 1) за нас уже большинство народа в России и 2) за нас большинство международного пролетариата. Увы! Ни то, ни другое неверно, и в этом все дело..."

> Э. Бруцкус, домашняя хозяйка, из дневника: "9 октября 1917 года. Сегодня вышла погулять по Петрограду... Улицы пустоваты, но в некоторых местах бесконечные хвосты серых, грустных людей. Это хвосты у съестных лавок и булочных... Вспоминаю слова французского историка: "О закрытые двери булочных разбиваются правительства..."
>
> А. Верховский, военный министр Временного правительства (19 октября, на заседании правительства): "Народ не понимает, за что воюет, за что его заставляют нести голод, лишения, идти на смерть. В самом Петрограде ни одна рука не вступится на защиту Временного правительства, а эшелоны, вытребованные с фронта, перейдут на сторону большевиков..."

Большевики создали Военно-революционный комитет для подготовки и проведения вооруженного восстания, который разместился в Смольном дворце. И в те же дни барон А. Будберг, генерал царской армии, записывал в дневнике: "22 октября 1917 года. Керенский... мечется во все стороны и делает только то, на что способен, то есть болтает, сыплет красивые слова, актерствует... пытается входить в компромиссы с теми, которые ни на какие компромиссы неспособны..." 24 октября Ленин заявил: "Положение донельзя критическое... Правительство ко-

леблется. Надо добить его во что бы то ни стало..." В ночь на 25 октября отряды Красной гвардии заняли без единого выстрела Главный телеграф, Центральную телефонную станцию, Государственный банк, вокзалы, мосты, правительственные учреждения, — по выражению свидетеля событий, это походило "на смену караула". Зимний дворец, где размещалось Временное правительство, защищали юнкера, ударный женский батальон и несколько сот казаков; там не было запаса снарядов, продовольствия — как признавал впоследствии Керенский, происходило "полное, всеобщее почти, непонимание рокового смысла развивающихся событий".

25 октября, в день переворота, репортеры и очевидцы сообщали: "Публика переполняла тротуары Невского проспекта вечером, направляясь в театры и в другие места развлечений..." — "Толпа на улицах и в трамваях поражала своим безразличием..." — "Режим погибал при всеобщем к нему отвращении. Ясно было, что никто пальцем не шевельнет в его защиту..." В восстании участвовали матросы и группы красногвардейцев, а солдаты Петроградского гарнизона соблюдали нейтралитет и не вмешивались в события. В тот день вечером открылось заседание Второго Всероссийского съезда Советов. Эсеры, меньшевики, представители прочих партий покинули съезд, протестуя против захвата власти большевиками. Ночью поступило сообщение: Зимний дворец взят, министры Временного правительства арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость. 25 октября 1917 года (7 ноября по новому стилю) большевики захватили власть в Петрограде...

М. Винавер, кадет: "Будущий историк не поверит нам. Не поверит, что все это для нас не было неожиданностью, что мы задолго до 25 октября знали о готовящемся выступлении, ибо против ожидаемого бедствия защищаются, готовятся к защите. А здесь..."

Л. Троцкий, большевик: "Тщетно память пытается найти в истории другое восстание угнетенного класса... которое было бы заранее во всеуслышание назначено на определенное число и было бы в положенный день совершено и притом победоносно..."

П. Малянтович, министр юстиции Временного правительства: "Арестуй я Ульянова летом семнадцатого — все пошло бы иначе..."

2

Барон А. Будберг записывал в дневнике в октябрьские дни: "Кто виноват в том, что нас слопали без остатка товарищи большевики, еще так недавно "quantité négligeable" (пренебрежимо малая величина)? Неужели же не было иного, менее чреватого своими последствиями исхода?.."

Этот вопрос задавали эсеры, меньшевики, кадеты, народные социалисты, а также сочувствовавшие им либералы: "Неужели не было иного исхода?.." Искали виновных. Обвиняли друг друга. Дружно проклинали большевиков, а заодно и евреев. Вспоминали те дни, когда можно было что-то предпринять, однако ни одна из партий так и не организовала активного сопротивления. Что повлияло на это? Общая близорукость? Неверие в силы большевиков и их влияние на массы? Воспоминания о недавнем прошлом, когда в эмиграции или в сибирской ссылке они, соратники по борьбе с самодержавием, мирно обсуждали теоретические вопросы будущей революции? В Петрограде было много офицеров, оказавшихся в столице в те дни, однако никто не удосужился призвать их для защиты правительства. Бытовало мнение: если большевики попробуют захватить власть, они будут разгромлены. Так же считал и Керенский: "Пусть они только выступят, и тогда я уничтожу их... Они будут раздавлены окончательно". Так кто же виноват в поражении?..

> А. Изгоев (Ланде), кадет (1918 год, сборник "Из глубины", запрещенный большевиками): "Напрасно интеллигенция пытается спасти себя отводом, будто она не отвечает за большевиков. Нет, она отвечает за все их действия и мысли. Большевики лишь последовательно осуществили все то, что говорили и к чему толкали другие... Под каждым своим декретом большевики могут привести выдержки из писаний не только Маркса и Ленина, но и всех русских социалистов и сочувствующих как марксистского, так и народнического толка. Единственное возражение, которое с этой стороны делалось большевикам, по существу сводилось к уговорам действовать не так стремительно, не так быстро, не захватывать всего сразу..."

Российские социалистические партии оказались неподготовленными к октябрьскому перевороту. На съезде меньшевиков говорили: "Наша партия сейчас переживает катастрофическое состояние. Она стерта почти совершенно с политической арены". У эсеров положение обстояло не лучшим образом; И. Штейнберг, деятель этой партии, признавал: "История нам дала сразу слишком много. Революция к нам пришла неожиданно... Когда русская революция потребовала от нас сотни и тысячи крепких рук, светлых голов, мужественных сердец, мы оказались на редкость бедными — людьми, вождями, руководителями". На заседании ЦК партии эсеров отмечали: "Глубокие бреши раскололи нашу партию на части. Нет единства действий, нет единства непосредственных целей..." Партия эсеров разделилась на две группировки — левых и пра-

вых; левые эсеры поддержали октябрьский переворот, их лидер М. Спиридонова говорила о большевиках: "Как нам ни чужды их грубые шаги, но мы с ними в тесном контакте, потому что за ними идет масса, выведенная из состояния застоя... Но это временное явление... Во второй стадии борьбы, когда нужна органическая работа, когда нужно создавать новую жизнь на основе любви и альтруизма — тогда большевики и обанкротятся".

В декабре 1917 года левые эсеры составили коалицию с большевиками; они принимали участие в карательных органах советской власти, а пять представителей этой партии вошли в правительство. Среди них оказался адвокат И. Штейнберг, который недолгое время был наркомом юстиции (до революции защитил в Германии докторскую диссертацию на тему "Понятие преступления в Талмуде"). Правоверный еврей, он строго соблюдал религиозные заповеди, молился три раза в день, употреблял лишь кашерную пищу и даже в царской тюрьме не расставался с тфилин. Когда Штейнберга избрали в Уфе депутатом городской Думы и по субботам следовало присутствовать на заседаниях, он шел пешком от своего дома, а следом шагал нееврей с его портфелем. Штейнберг считал, что иудаизм не противоречит социализму, так как еврейские пророки проповедовали социалистические идеи; согласно Торе, земля принадлежит Всевышнему, а потому не должно быть помещичьей собственности на землю, которую следует раздать тем, кто ее обрабатывает.

Из воспоминаний о Штейнберге: "В глазах странная смесь: столетия гетто, "вечного жида" — и пафос жизни, жажда солнца, людей и борьбы. По утрам, повернувшись лицом на восток, в одеянии чудном — плач о Сионе, вечером — Смольный, бунт всенародный, гибель богов..." Штейнберг, которого "каким-то странным ветром занесло в революцию и даже взметнуло до Совнаркома" (по выражению Л. Троцкого), участвовал в разгоне Учредительного собрания, в марте 1918 года вышел из правительства в знак протеста против заключения Брестского мира, а затем уехал из России.

> И. Штейнберг (о первых годах правления большевиков): "На одной стороне — опьянение властью, наглость и безнаказанность, издевательство над человеком и мелкая злоба, узкая мстительность и сектантская подозрительность, все более глубокое презрение к низшим: одним словом, г о с п о д с т в о. На другой стороне — задавленность, робость, боязнь наказания, бессильная злоба, тихая ненависть, угодничество, неустанное обманывание старших: одним словом, р а б с т в о. Получаются два новых класса... класс советских комиссаров и их челяди и класс советских "подданных"..."

3

Октябрьский переворот 1917 года совершила группа людей разных национальностей, которые умело воспользовались тогдашними обстоятельствами и нерешительностью Временного правительства. Практически все еврейские партии и общественные группы осудили незаконный захват власти. Сионисты протестовали против "преступной узурпации": "В марте месяце революция была народной в полном смысле слова. Теперь она представляет собой только солдатский заговор..." Бундовцы назвали "несчастьем все, что происходит в Петрограде", — "переворот есть безумие", и призвали бойкотировать большевиков. Вторили этому многие еврейские публицисты: "Революция вылилась в анархию, бесстыдную и грубую анархию..." — "Господство большевиков недолговечно, но и за короткий срок они могут довести страну до конечной гибели..." — "Люди, приученные в течение веков к нагайке и к Сибири, потерявшие способность иметь свою волю, свое хотение, получают вдруг полную свободу, свободу зверей лесных и птиц небесных, для которых законы не существуют... — но подготовлен ли народ к новому строю жизни?.." — "Отчаяние охватывает душу. Сомнения наполняют сердца..."

Еврейское население настороженно отнеслось к перемене власти. В массе своей оно было консервативно, желало сохранить традиционный образ жизни, следуя заветам предков и указаниям авторитетных раввинов, а потому не поддерживало радикальные идеи, которые могли привести к необратимым изменениям в еврейской среде. Существовала и национальная память, отягощенная воспоминаниями тяжелейших бедствий; не было недостатка в примерах из прошлого, которые предостерегали от чрезмерного участия в делах других народов, особенно в периоды народных волнений, грозивших евреям неисчислимыми жертвами. Еще свежи были в памяти кровавые погромы 1905 года; наиболее дальновидные люди уже тогда прозревали наступление "диких, жутких" времен, и не случайно заметил философ М. Гершензон: "Каковы мы есть (русская интеллигенция), нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной". (То же самое говорил еврейский мудрец рабби Ханина за две тысячи лет до описываемых событий: "Молитесь о благополучии верховной власти. Если бы не страх перед ней, люди глотали бы друг друга живьем...")

Наступили времена, когда восстал брат на брата, сосед на соседа, русский на русского, украинец на украинца, еврей на еврея. Евреи оказались среди тех, кто свергал Временное правительство, были они и в рядах его защитников: в день большевистского переворота в Зимнем двор-

це оказалось немало юнкеров-евреев — Гольдман, Шварцман, Шапиро, братья Эпштейн и другие.

> Поручик А. Синегуб, командир взвода юнкеров (последние часы перед штурмом Зимнего дворца): "В коридоре творилось что-то невероятное. Галдеж. Движение казаков, собирающих свои мешки. Злые, насупленные лица. Все это ударило по нервам, и я, вскочив на ящик, стал просить, убеждать станичников не оставлять нас... "Ничего с ними не сделаете, — пробившись ко мне, заговорил подхорунжий. — Когда мы сюда шли, нам сказок наговорили, что здесь чуть не весь город с образами, да все военные училища и артиллерия, а на деле-то оказалось — жиды да бабы, да и правительство тоже наполовину из жидов. А русский-то народ там с Лениным остался... Вольному воля, а пьяному рай..." И эта отповедь, и эти смешки взбесили меня, и я накинулся с обличениями на подхорунжего: "Черти вы, а не люди? Кто мне говорил вот на этом самом месте, что у Ленина вся шайка из жидов, а теперь вы уже и здесь жидов видите. Да, жиды, но жид жиду рознь", — вспомнил я своих милых, светлых юнкеров... Казаки уходили, и в этом было что-то дикое, жуткое..."

Через четыре дня после октябрьского переворота восстали юнкера петроградских военных училищ, "дети-герои", — среди них были и юнкера-евреи. Одним из руководителей восстания стал А. Гоц, глава вновь созданного Комитета защиты родины и революции; юнкера заняли телефонную станцию и Инженерный замок, пытались захватить Петропавловскую крепость и Смольный, но части Петроградского гарнизона к ним не присоединились, не поддержали их и казаки, на чью помощь надеялись. Очевидец свидетельствовал: "Тяжко было смотреть на безнадежное упорство обреченных. Юнкера сдались только после того, как снаряды разнесли стену. Несколько человек пробовали спрятаться, но солдаты в слепой жестокости выбросили их из окон верхних этажей на мостовую. Другие бежали в сторону Невы — но и этих похватали на мосту и сбросили в реку. Всех, кто был заподозрен в малейшей связи с мятежом, забрали, отправили в Петропавловскую крепость или выдали кронштадским матросам, — больше их не видели".

Большевики подавили восстание, и петроградские газеты сообщали: "За последние дни петроградская еврейская община оплакивает свои многочисленные жертвы, как в дни еврейского погрома. На еврейском Преображенском кладбище за один день похоронено пятьдесят жертв. Среди похороненных тридцать пять юнкеров, убитых при осаде Владимирского училища и телефонной станции..." — "В Петропавловской

крепости сидят юнкера: Лившиц, Мирончик, Берент, Берман, Левин, Моисей, Соломон, Моисей, Гуревич, Абрам, Арон, Соловейчик..." (Названы тридцать пять имен, из них двенадцать — еврейские.) Писатель В. Короленко предостерегал наркома А. Луначарского: "Вы торжествуете победу, но эта победа гибельная для победившей с вами части народа, гибельная быть может и для всего русского народа в целом..."

В первые месяцы после октябрьского переворота в разных районах страны стихийно возникали партизанские отряды для борьбы с большевиками, в которые вступала еврейская молодежь. Генерал А. Каледин, войсковой атаман Донского казачества, собирал войско для борьбы с советской властью, и евреи Ростова-на-Дону пожертвовали для этой цели восемьсот тысяч рублей. "Лучше спасти Россию с казаками, — сказал их представитель, — чем погубить ее с большевиками". Казаки захватили почти весь Донбасс, но в начале 1918 года восстание потерпело неудачу; Каледин покончил самоубийством, заявив перед этим: "Развал строевых частей достиг последнего предела... Удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам — за денежное вознаграждение... Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно".

Генерал Л. Корнилов формировал на Дону Добровольческую армию, куда вступала и еврейская молодежь. Девятнадцати-двадцатилетние прапорщики-евреи служили в отборном Офицерском полку; были они в юнкерском батальоне — еврейские юноши, не успевшие закончить военные школы; вступали и в батальон, сформированный из студентов-добровольцев Ростова. В стране образовался подпольный Союз защиты родины и свободы, активным участником которого стал Георгиевский кавалер А. Виленкин, расстрелянный большевиками. Летом 1918 года этот Союз поднял восстание в Муроме; Г. Перкус, один из руководителей восстания, был расстрелян после его подавления. В подпольный Союз возрождения России входили среди прочих меньшевик В. Цедербаум, эсеры И. Фондаминский, М. Вишняк и А. Гоц, который формировал вооруженные группы и переправлял их на юг России для борьбы с большевиками.

О. Грузенберг, адвокат: "Апрель 1918 года — испуганный и зябкий. Ветер треплет измотанные за год красные флаги и насмешливо свищет: за это ль умирали?.. Светские дамы обиженно щебетали: "Снесли Дом Романовых — это мы понимаем и даже сочувствуем: приезд ко двору при последней царице был смертельною скукою, но при чем тут наши особняки? Жгут, вселяют. Даже Карл Маркс и Энгельс этого не велели". А солдаты, обалдевшие за трехлетние бои и сидение в промерзлых окопах, хмуро отругивались: "Подите с вашим Карлою..."

С. Дубнов: "7 мая 1918 года. Кровь, безумие, голод, нищета, диктатура слева и справа, беспросветность и бесконечность этого ужаса — вот что убивает душу..."

Э. Штейнман, писатель, из брошюры на иврите "Еврейский коммунист" (1919 год, Одесса): "Мир вам, братья мои, бойцы Красной Армии!.. Где бы я ни увидел вас, братья мои, пеших или верхами, — сердце мое переполняется гордостью, бьется с радостью... Даже если подковы ваших коней растопчут меня, я прощу вас, прощу новому миру, чей порядок водворится через мою гибель, в чьих колесах свободы и я стану винтиком... Мир вам, братья мои, от неизвестного вам еврея, окрашенного в малиновое, пурпурное, красное кровью героев-мучеников..."

4

Летом 1917 года вернулся из Англии в Петроград герой русско-японской войны, четырежды Георгиевский кавалер Иосиф Трумпельдор. По окончании той войны он получил за особые заслуги недосягаемый для еврея офицерский чин прапорщика запаса и поступил на юридический факультет Петербургского университета. Закончил его, в 1912 году уехал в Эрец Исраэль, стал рабочим в Галилее, но во время Первой мировой войны турки выслали его из страны как российского подданного. В Египте совместно с В. Жаботинским Трумпельдор организовал, а затем и командовал еврейским отрядом погонщиков мулов, который воевал в составе британской армии в Малой Азии. Под огнем турецкой картечи солдаты каждую ночь вели мулов, нагруженных хлебом, консервами и боеприпасами, к передовым траншеям и обратно. Затем Трумпельдор попал в Лондон, где формировался еврейский легион, но англичане не позволили инвалиду вступить в армию. Жаботинский вспоминал: "Трумпельдор выслушал приговор, улыбнулся, сказал сначала: "Не хотят, шельмы этакие, — а потом прибавил: — Эйн давар" и решил уехать в Россию..." Это было его любимое выражение — "эйн давар", что в переводе с иврита означает — ничего, не беда, сойдет...

Появление Трумпельдора в Петрограде вызвало огромный интерес у евреев столицы. Очевидец вспоминал: "Из уст в уста передавалась легенда, туманная и отрывистая: Порт-Артурский герой... Георгиевский кавалер всех рангов... потерял левую руку... высокообразованный человек... английский офицер... боролся мечом за Палестину... Его личность, его прошлое, его душа были затканы сплошными тайнами — манящими и возбуждающими... Отложной воротник офицерской тужурки, защитного цвета простой галстук, брюки навыпуск, ремень через плечо и вокруг пояса. Высокий, стройный, широкоплечий... Могло показаться,

что высится перед вами осколок скалы, отторгнутый от гор Иудеи, чудом преображенный в человеческий лик и занесенный попутной бурей сюда, на далекий север...”

Иосиф Трумпельдор

Трумпельдор предложил министрам Временного правительства создать стотысячную еврейскую армию, отправить ее на кавказский фронт, совершить прорыв через Армению, Месопотамию, Заиорданье и захватить Палестину. Он сообщал в июне 1917 года: “Очень может быть, через месяц получим разрешение, а там через два или три — уже на фронте, и знамена русской революции, красные, и знамена еврейского возрождения, бело-голубые, — будут развеваться над нашими головами. Я переговорил с несколькими министрами. Они одобрительно относятся к идее”. Осенью 1917 года был учрежден Всероссийский союз евреев-воинов, чтобы стать основой еврейской самообороны и бороться с антисемитизмом; представителем союза при Временном правительстве стал Иосиф Трумпельдор.

Затем большевики совершили переворот, и современник свидетельствовал: “Ноябрь 1917 года. Власть в руках большевистского военно-революционного комитета. Вернее сказать, власти совсем нет... Слухи — туманные, дикие — ползут от уха к уху: власти нет... толпа взбудоражена... есть подстрекатели... готовятся погромы на евреев... Трумпельдор организовал самооборону, завербовал туда евреев-солдат, студентов и вообще “разночинцев”. Все тянулись к нему с открытыми сердцами и молили о приеме... Это был подлинный вождь, изумительно одаренная, ду-

ховно-богатая натура. Все окружающие это чувствовали и сознавали, и добровольно, просто, без малейших колебаний и сомнений склонялись перед его авторитетом".

Из удостоверения Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (1 декабря 1917 года): "Сим удостоверяется, что организация Еврейской Самообороны разрешена Военно-Революционным Комитетом. Предписываем всем штабам Красной гвардии без нашей особой санкции обысков в указанной организации не производить. Главный штаб Красной гвардии".

Трумпельдор получал сведения о погромной агитации, расставлял бойцов в разных районах Петрограда и в декабре 1917 года сообщал в письме: "Получил разрешение сформировать Первый еврейский сводный отряд. По размерам это батальон, то есть около тысячи человек... Главная, но не единственная задача отряда — борьба с расправами, учиняемыми над евреями". Командир петербургского гарнизона разрешил солдатам и офицерам еврейской национальности перейти в этот отряд; вступали в него и русские, чтобы защищать евреев от погромов. Но в январе 1918 года большевики расформировали еврейский отряд.

В декабре 1917 года лидер меньшевиков Ю. Мартов уже предсказывал: "Под покровом "власти пролетариата" на деле тайком распускается самое скверное мещанство со всеми специфическими русскими чертами некультурности, низкопробным карьеризмом, взяточничеством, паразитизмом, распущенностью, безответственностью... Мы идем через анархию несомненно к какому-нибудь цезаризму, основанному на потере всем народом веры в способность самоуправляться..."

М. Иоффе (жена советского дипломата А. Иоффе, соратника Л. Троцкого, провела в ГУЛАГе и ссылке двадцать восемь лет, закончила жизнь в Израиле) написала на исходе дней про первые годы советской власти: "Нам выпало бороться за море обездоленных, за всякую человеческую масть, за розово-желтых, красных, коричневых. За всех... Все расцветало, неслось, почти летело, и я, малая песчинка... особенно захватывающе ощущала полет. Иду в рядах ЧОНа, субботника, Красной гвардии, демонстрации, мои плечи касаются других плеч — верных, надежных; передо мной ряды, ведущие нас вперед, позади — сливающийся с моим мерный топот тысяч... с единым горячим внутренним дыханием. Победителей. Борцов..."

В январе 1918 года прошли выборы делегатов на Всероссийский еврейский съезд, который должен был определить направление будущей национальной жизни евреев России. За списки сионистов проголосовали две трети избирателей; большевики называли состав будущего съезда "гнездом еврейской черной сотни" и несомненно разогнали бы его, — съезд не состоялся из-за хаоса Гражданской войны. Летом 1918 года собрались в Москве представители еврейских общин, находившихся на советской территории. Они избрали Центральное бюро еврейских общин (Цеваад) для координации совместных действий, но большевики его вскоре ликвидировали, так как решили, что еврейские общины и Цеваад "группируют вокруг себя явных противников интересов еврейского рабочего класса".

ГРАЖДАНЕ-ЕВРЕИ!
При выборахъ на
ВСЕРОССІЙСКІЙ ЕВРЕЙСКІЙ СЪѢЗДЪ
ГОЛОСУЙТЕ ЗА СПИСОКЪ
кандидатовъ выставляемыхъ еврейскими общинами Харбина и Владивостока и рекомендуемыхъ сіонистскими организаціями Дальняго Востока

Призыв голосовать за сионистский список на выборах во Всероссийский еврейский съезд

С первых месяцев советской власти начали менять названия городов и населенных пунктов, чтобы увековечить большевистских руководителей. В 1918 году село Талдом Московской губернии переименовали в Ленинск, а затем — "по желанию трудящихся" — на карте России появились названия в честь И. Рыкова, Ф. Дзержинского, М. Фрунзе, С. Орджоникидзе, К. Ворошилова, а также большевиков-евреев. С 1918 года слободу Иващенково Самарской губернии стали называть Троцк в честь Л. Троцкого; в 1923 году город Гатчину под Петроградом также переименовали в Троцк, а после высылки Троцкого из СССР первый Троцк стал именоваться Чапаевск, а второй — Красногвардейск. В 1918 году Павловск под Петроградом переименовали в Слуцк в память революционерки В. Слуцкой, Пошехонье Ярославской губернии — в Пошехонье-Во-

лодарск в память убитого М. Володарского, а Лигово в Петроградской губернии получило название Урицкий в память председателя петроградской Чрезвычайной комиссии С. Урицкого. В 1924 году Екатеринбург на Урале переименовали в Свердловск, чтобы увековечить имя Я. Свердлова, а Елисаветград стал называться Зиновьевск в честь Г. Зиновьева; после убийства С. Кирова этот город превратился в Кирово, затем в Кировоград. В 1924 году Петроград назвали Ленинградом, а через год Царицын стал Сталинградом. В более поздние времена переименования продолжались; на карте СССР исчезали имена репрессированных деятелей и взамен появлялись другие.

В Пензенской губернии издавна существовал уездный город Керенск, стоявший при слиянии рек Керенки и Вади. Чтобы это название не напоминало фамилию бывшего председателя Временного правительства А. Керенского, город переименовали по названию второй реки — Вадинск.

Очерк третий

Разгон Учредительного собрания.
Евреи-большевики. Л. Троцкий

1

После захвата власти большевиками преобладало мнение, что они продержатся несколько дней, затем заговорили о неделях, затем — о считанных месяцах: "Преступная авантюра, затеянная большевиками, уже на исходе... Мало кто верит, что эта оперетка продлится более двух-трех недель. Многие из захватчиков сами насмерть перепуганы тем, что сделали..." И в те же дни барон А. Будберг, генерал царской армии, записывал в дневнике: "Новое правительство товарища Ленина разразилось декретом о немедленном мире... Это гениальный ход для привлечения солдатских масс на свою сторону... Если бы Керенский лучше знал русский народ, то он обязан был пойти на что угодно, но только вовремя вырвать из рук большевиков этот решительный козырь в смертельной борьбе за Россию... Теперь, когда большевики швырнули в солдатские массы эту давно желанную для них подачку, у нас нет уже никаких средств в борьбе с теми, кто дал ее массам". Однако многие не понимали этого или не желали понимать; уверенность в недолговечности нового режима была так велика, что вкладчики частных банков не забирали из сейфов многомиллионные ценности в золоте и валюте, которые большевики вскоре национализировали.

Свидетель того времени: "В Петрограде я нашел жизнь спокойной и привольной, а некоторые даже с приятной улыбкой заявили, что не так страшен черт, как его малюют... В ночь под Новый (1918) год я был с женой во вновь открытом ночном ресторане... Тысячи электрических лампочек, заливавших светом бальные дамские платья, бриллианты в пышных прическах и на тонких кружевах, безукоризненные смокинги и лакированные полуботинки мужчин, эстрада с "пикантными" танцовщицами и шансонетками, крахмальное белье и ливреи прислуги и, наконец, белоснежные скатерти, великокняжеский фарфор и дорогие вина..."

Совет народных комиссаров во главе с В. Лениным располагал правами временного правительства "впредь до созыва Учредительного собрания" — так было сказано в декрете Второго Всероссийского съезда Советов. Совнарком мог остаться у власти лишь с согласия депутатов будущего российского парламента, а потому большевики призывали на митингах: "Вся власть Советам до дня созыва Учредительного собрания!" Однако на партийных заседаниях говорили уже иное: "Быть может нам придется разогнать Учредительное собрание штыками..." Во время предвыборной кампании проходили стычки между большевистскими агитаторами и агитаторами других партий, и поэтесса З. Гиппиус отметила в дневнике: "За агитацию любых списков, кроме ихнего, бьют и убивают. Хорошенькое Учредительное собрание! Да еще открыто обещают "разогнать" его, если, мол, оно не будет "нашим"..."

Выборы во Всероссийское Учредительное собрание начались через несколько дней после октябрьского переворота и продолжались около двух недель по всей стране, за исключением территорий, занятых немецкими войсками. В избирательных списках числилось около девяноста миллионов избирателей, проголосовала примерно половина. В Петрограде большевики получили 40 процентов голосов, и это ошеломило тех, кто утверждал, что они не пользуются поддержкой населения. Влияние большевиков было ощутимым в крупных промышленных центрах и воинских гарнизонах, однако итоги выборов по всей стране показали иное: 59 процентов избирателей отдали голоса социалистическим партиям, в основном эсерам, большевикам достались 24 процента голосов, прочим несоциалистическим партиям — 17 процентов. На выборах в Учредительное собрание был выставлен объединенный еврейский список, чтобы создать самостоятельную фракцию в будущем российском парламенте. Семь еврейских депутатов победили по национальному списку, шестеро из них были сионистами.

Семь еврейских депутатов: публицист Ю. Бруцкус от Минской губернии, А. Гольдштейн от Подольской губернии, врач Я. Берн-

штейн-Коган от Бессарабской, раввин Я. Мазе от Могилевской, общественный деятель Н. Сыркин от Киевской, адвокат О. Грузенберг и казенный раввин В. Тёмкин от Херсонской губернии. Партию эсеров поддерживало российское крестьянство; она получила наибольший процент голосов и среди избранных оказалось много евреев, в том числе С. Ан-ский, М. Гендельман, А. Гоц, О. Минор, М. Вишняк, а также И. Фондаминский, избранный от Черноморского флота подавляющим большинством избирателей.

В еврейской газете Одессы "Наш голос" сообщали с воодушевлением: "Осуществляется прекраснейший сон жизни нашего поколения: Учредительное собрание... Сколько надежды, упования и радостных ожиданий в этих двух словах! Оно близко, оно будет!.." Результаты выборов не оставляли сомнений, что будущий парламент страны сформирует коалиционное правительство, а потому Ленин заявил: "Мы делали переворот для того, чтобы иметь гарантии, что Учредительное собрание не будет использовано против народа... Учредительное собрание соберется не так, как хотел Керенский". Это была явная угроза, однако руководители оппозиционных партий не желали применять силу для устранения диктатуры, опасаясь развязать гражданскую войну, которая могла привести к восстановлению монархии. Газета меньшевиков предостерегала: "Всякая насильственная ликвидация большевистского переворота неизбежно явится вместе с тем ликвидацией всех завоеваний русской революции". Среди эсеров образовалась группа заговорщиков, которые подготавливали убийство Ленина и Троцкого, но лидеры партии запретили проводить террористические акции.

В день открытия Учредительного собрания по улицам Петрограда прошла мирная демонстрация в его поддержку; красногвардейцы стреляли по демонстрантам, и были жертвы. Первое заседание открылось 5 января 1918 года в Таврическом дворце. Здание оцепили матросы и красногвардейцы с пушками и пулеметами; по свидетельству Троцкого, Ленин распорядился "о доставке в Петроград одного из латышских полков, наиболее рабочего по составу... Мужик может колебнуться в случае чего, — говорил он, — тут нужна пролетарская решимость". Из 715 избранных депутатов присутствовали 410, среди них — 155 большевиков и левых эсеров. Председателем собрания избрали лидера правых эсеров В. Чернова, в прошлом министра Временного правительства. На открытии первого и единственного заседания Чернов говорил о предоставлении национальных прав малым народам России; отдельно он упомянул и еврейский народ, "народ-пасынок", который в будущей России сможет развивать свою национальную жизнь. Секретарь Учредительного собрания М. Вишняк вспоминал: "Большевики всячески

"срывали" Чернова, заглушали его речь свистом, оскорбительным улюлюканием и угрожающими выкриками... С секретарского кресла, лицом к залу, можно было видеть, как вооруженные люди... "для развлечения" вскидывали винтовку и брали "на мушку" кого-нибудь из находящихся на трибуне".

Большевики предъявили ультиматум Учредительному собранию — признать законным их правительство и утвердить декреты советской власти, принятые к тому времени. П. Дыбенко, нарком по военным и морским делам, угрожал с трибуны: "Мы признаём только советскую власть; за советскую власть наши штыки, наше оружие, а все остальное — мы против них, долой их!.." Когда депутаты отказались принять ультиматум, большевики покинули зал заседания; вслед за ними ушли левые эсеры. В четыре часа ночи матрос А. Железняков, начальник охраны Таврического дворца, прервал речь Чернова и произнес историческую фразу: "Я получил инструкцию: чтобы все присутствующие покинули зал заседаний, потому что караул устал". Начали гасить свет — сначала боковые лампы, а затем и центральную люстру; зал постепенно погружался в темноту; депутаты в спешке приняли закон о земле, резолюцию о мире и постановление о государственном устройстве: "Государство Российское провозглашается Российской Демократической Федеративной Республикой".

Назавтра депутаты обнаружили, что дворец закрыт и никого туда не пускали. В тот же день ВЦИК принял решение о роспуске Учредительного собрания; в газете "Правда" написали: "Прислужники банкиров, капиталистов и помещиков... холопы американского доллара, убийцы из-за угла правые эсеры требуют в Учредительном собрании всей власти себе и своим хозяевам — врагам народа... пытаются захлестнуть петлю на шее социалистической власти и революции..." Депутаты Учредительного собрания решили собраться в Киеве и продолжить заседания, но Киев вскоре был занят большевиками.

> Р. Пайпс, американский историк: "Отказавшись ответить силой на силу, левая интеллигенция обрекла на смерть демократический путь развития России... Несмотря на то, что три четверти населения поддерживали социалистов, последние были разобщены, не имели настоящего лидера, а главное — не желали драться... Корни той беспримерной жестокости, с которой большевики управляли Россией, следует искать в осознании собственной безнаказанности, появившейся после 5 января 1918 года..."

Через несколько дней после закрытия Учредительного собрания собрался в его поддержку Всероссийский съезд Советов крестьянских де-

путатов. Появились матросы, чтобы всех разогнать, но заседание тем не менее продолжалось; депутаты выступали в защиту Учредительного собрания, матросы внимательно их слушали, а затем один из них закричал: "Я слушаю ваши речи, товарищи крестьяне, и ничего не понимаю... Что же это происходит? Мы крестьяне, и вы — крестьяне. Но мы — здесь, а вы — там... Почему? Кто разделил нас? Ведь все мы братья..." Начиналась Гражданская война, которая расколола страну на множество лагерей и фронтов, политических и военных союзов, разорвала родственные и товарищеские связи, вознесла насилие на невиданный прежде уровень.

Р. Гуль, писатель-эмигрант: "Мы в нем — в этом омерзительном бунте — жили. "Грабь награбленное!" — и в Пензе бессмысленно грабят все магазины на Московской улице. "Жги помещичьи усадьбы!", "Убивай буржуев!" И жгут. И убивают всех, кто "подлежит уничтожению". Ведь нет уже ни судов, ни судей, ни тюрем, ни полиции. "Все поехало с основ"..."

> Барон А. Будберг, из дневника: "Все звериное, так роскошно взращенное русской жизнью и ничем не сдерживаемое, вылезло наружу и рвет на куски все чужое и все жирное и вкусное... Что же будет дальше, когда эти начинающие гастролеры сделаются настоящими мастерами в деле истребления людей?.. На нас надвигается настоящая черная пугачевщина... а когда к ней присоединится неизбежный при общем развале голод, то на Руси получится ужас, которого вероятно еще не ведала старушка-земля..."

2

Историк С. Дубнов отметил: "Ленин и Троцкий, коренной русский дворянин и отчужденный от своего народа еврейский интеллигент, стояли во главе этого переворота, который разрушил Россию и в ней главный центр еврейства... Все эти Зиновьевы, Каменевы, Урицкие, Володарские... не отставали от своих русских товарищей в перевороте, сочетавшем заветы марксизма с приемами дикой пугачевщины..."

Среди большевиков, захвативших власть в Петрограде, видное место занимали Л. Троцкий, Г. Зиновьев, Я. Свердлов и прочие евреи. Еще с юношеских лет эти люди отреклись от религии отцов, от обычаев и культуры своего народа и яростно боролись с традиционным еврейством. Они считали свою принадлежность к еврейскому народу случайностью рождения и постоянно заявляли, что это обстоятельство не имеет для них никакого значения. "Я не еврей, я интернационалист... — повторял Троцкий в разные времена. — Евреи меня интересуют не боль-

ше, чем болгары... Владея всеми европейскими языками, я мог бы возглавить революцию в любой европейской стране. Чистая случайность, что это произошло в России".

> Х. Вейцман, первый президент государства Израиль (о встречах в Германии с Г. Плехановым, В. Лениным, Л. Троцким): они "с презрением смотрели на любого еврея, которого волновала судьба его народа и воодушевляла еврейская история и традиции. Они не могли понять, как это русский еврей хочет быть евреем, а не русским. Они считали недостойным, интеллектуально отсталым, шовинистическим и аморальным желание еврея посвятить себя решению еврейской проблемы..."

Лидеры большевиков, выходцы из разных народов, завоевывая власть в России и удерживая ее любыми способами, руководствовались в своей деятельности не национальными, а идеологическими мотивами; их политика не отражала интересов какого-либо народа — независимо от состава Политбюро, ЦК партии и Совнаркома. Настроения большевиков прекрасно выразила еврейка Р. Люксембург, убежденная интернационалистка: "Зачем вы приходите ко мне со своим частным еврейским горем? Я точно так же горюю об индейцах Путамайо и африканских неграх... Возвышенная тишина вечности, в которой остались неуслышанными столько криков о помощи, звучит во мне так сильно, что в моем сердце не остается специального уголка для гетто". Эти слова немецкой революционерки могли бы принадлежать любому большевистскому лидеру того времени, который мыслил категориями мировых проблем, а не "частным горем" того или иного народа; когда Троцкого спрашивали, кем он себя ощущает — евреем или русским, он отвечал: "Ни тем, ни другим. Я социал-демократ!" Как и многие большевики еврейского происхождения, интернационалист Троцкий считал ассимиляцию евреев исторически неизбежной: чем скорее они растворятся в окружающих народах, тем лучше будет для них и для всего человечества. Более того, Троцкий предлагал евреям стать авангардом в этом деле, чтобы на их примере и прочие народы отбросили свои национальные особенности и стали единым народом мира.

После октября 1917 года заговорили о том, что большевистский переворот подготовили и провели евреи, а новую власть сочли еврейской властью. Никто не связывал русский народ с Лениным—Бухариным—Луначарским, никто не обвинял латышей, поляков, грузин за действия Лациса-Дзержинского-Сталина, однако от Троцкого—Зиновьева—Свердлова и им подобным перебросили мостик ко всему еврейскому народу. Русский философ Н. Бердяев вспоминал: "В разгар коммунисти-

ческой революции еврей — хозяин дома, в котором я жил, при встрече со мной часто говорил: "Какая несправедливость! Вы не будете отвечать за то, что Ленин русский, я же буду отвечать за то, что Троцкий еврей". А после заключения Брестского мира с Германией в марте 1918 года — советскую делегацию возглавлял Л. Троцкий — заговорили о том, что евреи отдают врагу огромные российские территории, чтобы удержать свою власть.

> М. Бонч-Бруевич, генерал царской армии на службе у большевиков (из доклада советскому правительству, январь 1918 года): "Армии совершенно небоеспособны и не в состоянии сдержать противника... Общее состояние армий характеризуется полной потерей боеспособности и разложением..."
>
> П. Краснов, генерал царской армии, борец с советской властью: "Брестский мир явился неизбежным следствием приказа № 1 и разрушения армии. И если бы большевики не заключили его, его пришлось бы заключить Временному правительству..."

Когда отряды Белой армии подошли вплотную к Петрограду, в городе начали распространять письма о предстоящем погроме; неизвестные лица призывали жителей собирать сведения о местах проживания большевиков и евреев, "чтобы их всех, в один заранее назначенный день и час, можно было перерезать". Было уже понятно, что если советская власть не удержится, отвечать придется всему еврейскому населению, а потому в один из тревожных дней в синагогах Петрограда — как это случалось и в прежние трагические времена — читали молитву о спасении от погромщиков. И снова С. Дубнов пророчески записывал в дневнике: "Нам не забудут участия еврейских революционеров в терроре большевиков. Сподвижники Ленина: Троцкие, Зиновьевы, Урицкие и другие заслонят его самого... Почва для антисемитизма готова... Об этом говорят в очередях у лавок, на улицах, в трамваях. Народ, озлобленный большевистским режимом, валит все на евреев... Мы гибнем от большевиков и погибаем за них".

Российские евреи страдали от большевистского режима не менее других; во времена "красного террора" их арестовывали наравне со всеми и расстреливали в подвалах ЧК. Но кто вспоминал тогда, что среди врагов большевизма было много евреев — меньшевиков, кадетов, эсеров, бундовцев? Не обращали особого внимания на поляков, латышей, грузин, армян в партии большевиков, но евреев замечали прежде других. До революции их почти не было на государственных постах, а теперь они появились повсюду — в Красной армии, в административных и партийных учреждениях; они оказались среди самых страстных ораторов на съездах

и митингах, были они и в рядах активных деятелей нового режима. Но более всех выделялся Лев Троцкий: его еврейская внешность вызывала ненависть у противников, его стремительные передвижения в бронированном поезде с одного фронта на другой для руководства боевыми операциями приводили в ярость врагов, его таланты, неукротимая энергия, поразительная работоспособность и победы на фронтах в самых, казалось, проигрышных ситуациях наводили на мысль о дьявольской природе этого человека. В красноармейской газете "Красный штык" написали: "В течение короткого времени ему удалось совершить почти чудо: создать прекрасную армию и повести ее к победе. Сам Троцкий всегда на фронте, самом настоящем фронте... Когда Троцкий отдыхает — никому не известно..." Народный комиссар по военным и морским делам, председатель Революционного военного совета (Реввоенсовета) республики, основатель Красной армии, блистательный оратор, воодушевлявший народные массы: "Слушай, крестьянин! Слушай, рабочий! Слушайте все, страдающие и угнетенные!..", — он-то и стал самой ненавистной фигурой врагов большевизма.

Л. Троцкий произносит речь с броневика "Сторож революции"

Й. Недава, израильский историк: "Трижды... судьба режима висела на волоске; документы и люди свидетельствуют, что в каждый из этих моментов советская власть выжила лишь благодаря полководческому таланту и неимоверной активности главнокомандующего Красной армией, крестьянского сына Льва Бронштейна..."

Б. Шоу, английский писатель: "Троцкий, опьяненный своим успехом... в борьбе с Колчаком, Деникиным и Врангелем, которых он раздавил, как три гнилых ореха, преуспел в наведении такого страха на Европу, в каком ее не держал никто..."

Троцкий не был военным специалистом, однако на Западе его называли "красным Наполеоном", "одним из величайших еврейских генералов в истории человечества". Дипломат Р. Локкарт, глава британской миссии в Петрограде, записал в дневнике (1918 год): "Бар-Кохба, Сын Звезды, князь и вождь иудеев в их войне с римлянами в 132 году, обращался к Богу со странной молитвой: "Я не прошу у Тебя помощи нам, — не помогай только нашим врагам!" Почти с теми же словами ко мне ежедневно обращался Троцкий... Был ли Троцкий новым Бар-Кохбой?.."

3

Из воспоминаний современников: "В июне 1919 года, проходя по Николаевской улице, где было здание цирка, я увидел быстро мчавшийся автомобиль. Это была настоящая "симфония в черном": черные кожаные фуражки, кожаные куртки, кожаные штаны и сапоги... Автомобиль подлетел к цирку. Военный средних лет с остроконечной бородкой, окруженный своими телохранителями с револьверами наготове, величественно и "по-орлиному" огляделся кругом и ринулся в цирк. Это был председатель Революционного военного совета Лев Троцкий..." — "У него был сильно очерченный рот, большой, кривой, кусающий, наводящий страх..." — "Троцкий был великим оратором... Лучшие ораторы партии эсеров обращались к сердцам своих слушателей и будили в них чувства братства. Троцкий же обращался к разуму и к ненависти. Он был слишком опасен, чтобы с ним соперничать. Когда он нападал на людей, он стирал их в порошок..."

Лейб Бронштейн — будущий Лев Троцкий — родился 25 октября 1879 года в украинском селе Яновка неподалеку от Елисаветграда (в 1917 году, в тот же день, большевики захватили власть в Петрограде). "Отец мой, — вспоминал он, — Давид Леонтьевич Бронштейн, был крестьянином. Вместе со своими родителями он мальчишкой оставил родное местечко в Полтавской губернии и отправился искать счастья в свободных

степях Юга... Неутомимым, жестоким трудом, не щадя ни себя, ни других, откладывая каждую копейку, мой отец возвышался в мире". Троцкий сожалел всю жизнь, что ему не посчастливилось родиться в рабочей семье: "Нет более отвратительного существа, чем мелкий буржуа, занятый первичным накоплением... От всего этого я оторвался мощным толчком, чтобы никогда не вернуться".

В семь лет Лейб Бронштейн пошел в хедер, с девяти лет учился в одесском реальном училище, был первым учеником в классе по всем предметам, а отец нанял ему меламеда для изучения Библии. Один из учеников училища вспоминал впоследствии: "Активно проявить свою волю, возвыситься над всеми, быть всюду и везде первым — это всегда составляло основную сущность личности Бронштейна". С восемнадцати лет Троцкий занялся революционной деятельностью, вел пропаганду среди рабочих и впервые попал в тюрьму в 1898 году. В одесской тюрьме служил надзиратель Троцкий, суровый и властный, который держал в страхе заключенных, — у него Лейб Бронштейн, по-видимому, и позаимствовал свой псевдоним. В 1900 году его сослали в Сибирь на четыре года; он жил с женой в маленькой деревне и занимался самообразованием: "Книги и личные отношения поглощали меня. Я изучал Маркса, сгоняя тараканов с его страниц..." Троцкий печатал статьи в иркутской газете, и читатель отметил: "Помню, с каким нетерпением мы ждали выхода каждого номера "Обозрения" и как заглядывали в оглавление, чтобы прежде всего узнать, есть ли в номере статья за подписью Антида Оте — это был литературный псевдоним Бронштейна-Троцкого". (Антид Оте — от antidote — в переводе с французского означает "противоядие".)

В 1902 году Троцкий бежал из Сибири за границу и в эмиграции познакомился с В. Лениным, который дал ему такую характеристику: "Человек, несомненно, с недюжинными способностями, убежденный, энергичный, который пойдет еще вперед". Во время раскола партии РСДРП на большевиков и меньшевиков Троцкий склонялся к меньшевикам, а затем занял независимую позицию. В начале 1905 года, после расстрела рабочей демонстрации в Петербурге, он вернулся в Россию с паспортом на имя отставного прапорщика Арбузова. Участвовал в работе забастовочных комитетов столицы, произносил речи на площадях: "Граждане! Наша сила в нас!..", сочинял воззвания: "Солдаты! При встрече с народом — ружье вверх! Офицеру, который скомандует залп, — первая пуля!.." Во время революционных событий 1905 года двадцатишестилетний Троцкий фактически возглавил петербургский Совет рабочих депутатов и с этого момента стал знаменитым. Его снова арестовали, приговорили к "вечному поселению" в Сибири, за Полярным кругом, за тысячу верст от железной дороги, но по пути туда он бежал, проделал сотни километров на оленях до Урала, а затем оказался в Австрии. Жил в

Вене, писал статьи в либеральную газету "Киевская мысль"; в мае 1917 года вернулся в Петроград, вступил в партию большевиков и был выбран в ее Центральный комитет, получив на два голоса меньше, чем Ленин. Было ему тогда тридцать семь лет.

> Н. Бердяев, русский философ: "Бесспорно, Л. Троцкий стоит во всех отношениях многими головами выше других большевиков, если не считать Ленина. Ленин, конечно, крупнее и сильнее, он глава революции, но Троцкий более талантлив и блестящ..."

Троцкий много выступал перед рабочими, студентами, матросами в залах, цехах, казармах, на улицах и площадях, и никто из политических противников не отваживался возражать ему в открытом споре, лицом к лицу. Он мгновенно устанавливал контакт со слушателями, произнося те слова, которые ожидали в тот момент усталые, голодные и отчаявшиеся: "Советская власть уничтожит окопную страду. Она даст землю и уврачует внутреннюю разруху... У тебя, буржуй, две шубы — отдай одну солдату... У тебя есть теплые сапоги? Посиди дома. Твои сапоги нужны рабочему..." Основным местом выступлений Троцкого стал петроградский цирк "Модерн", куда он приезжал по вечерам: "Каждый квадратный вершок бывал занят, каждое человеческое тело уплотнено. Мальчики сидели на спинах отцов. Младенцы сосали материнскую грудь. Никто не курил. Галереи каждую минуту грозили обрушиться под непосильной человеческой тяжестью. Я попадал на трибуну через узкую траншею тел, иногда на руках. Воздух, напряженный от дыханья, взрывался криками, особыми страстными воплями цирка "Модерн"..."

Популярность Троцкого стремительно возрастала, и в сентябре 1917 года он стал председателем петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, одним из организаторов и руководителей октябрьского переворота. "Если бы в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции: руководство большевистской партии помешало бы ей свершиться... — утверждал Троцкий. — Если б в Петербурге не было Ленина, я вряд ли справился бы с сопротивлением большевистских верхов... Но, повторяю, при наличии Ленина Октябрьская революция все равно привела бы к победе".

На другой день после захвата власти было образовано новое правительство — Совет народных комиссаров (Совнарком). Ленин предложил назначить Троцкого председателем Совнаркома, однако тот отказался, так как считал, что евреи не должны быть в правительстве. Тогда Ленин предложил ему другой пост, и Троцкий вспоминал в изгнании: "После переворота я пытался остаться вне правительства, предлагал взять на себя руководство партийной печатью... Но Ленин не хотел и слышать об

этом. Он требовал, чтобы я стал во главе наркомата внутренних дел: борьба с контрреволюцией сейчас главная задача. Я возражал и, в числе прочих доводов, выдвинул национальный момент: стоит ли, мол, давать в руки врагам такое дополнительное оружие, как мое еврейство? Ленин был почти возмущен: "У нас великая международная революция, — какое значение могут иметь такие пустяки?.." — "Революция-то великая, — отвечал я, — но и дураков осталось еще немало... К чему нам на первых же порах лишние осложнения?"

Председателем Совнаркома стал Ленин. В первое советское правительство вошли четырнадцать наркомов; Троцкий — единственный среди них еврей — занимал пост народного комиссара иностранных дел. С марта 1918 года Троцкий — нарком по военным и морским делам, а затем и председатель Реввоенсовета республики; в 1920 году — также нарком путей сообщения. Он говорил впоследствии: "Вспомните... как пользовались в своей агитации наши враги тем, что во главе Красной армии стоит еврей... я никогда этого не забывал. Владимир Ильич считал это моим "пунктиком" и не раз так и говорил в беседах со мной и с другими товарищами, как о моем "пунктике"..."

Л. Троцкий на смотре воинских частей на Красной площади Москвы

Отец Троцкого был неграмотным и лишь к старости научился читать по слогам. Он владел землей, которую обрабатывал с помощью наемных работников, был состоятельным человеком и говорил сыну: "Я не люблю деньги. Но я люблю еще меньше, когда их нет". После октябрьского переворота он потерял все свое состояние; во время Гражданской войны семидесятилетний Давид Бронштейн пришел пешком в Одессу через территории, охваченные войной и насилием, и никто не догадался, что это отец знаменитого, восхваляемого и проклинаемого Льва Троцкого. Затем Д. Бронштейн переехал в Подмосковье, где управлял небольшой государственной мельницей. Троцкий рассказывал, что его отец не имел возможности навестить сына из-за отсутствия обуви; он мог бы ему помочь, но почему именно ему, когда в стране так много раздетых и разутых? Н. Седова, жена Троцкого, вспоминала: "Положение сына могло быть для него (Д. Бронштейна) источником гордости, но он таковой не обнаруживал. С недобрым блеском в глазах он говорил о том, что отцы трудятся не покладая рук, чтобы обрести утешение в старости, — и тут сыновья делают революцию". Бронштейн желал очевидно, чтобы его похоронили по еврейскому обряду, но этого не произошло. Он умер в 1922 году; по свидетельству современника, "Троцкий отказался похоронить его на еврейском кладбище... Это была еще одна попытка сына разделаться со своим неотвязным еврейским прошлым".

> У. Черчилль: уважение к Троцкому в армии "было столь велико, что он без труда стал бы диктатором России, — если бы не одно роковое обстоятельство: он был евреем. Он все еще был евреем. Ничто не могло изменить этого. Это ли не жестокость судьбы, когда после всех жертв, оставив и свою семью, и свой народ, наплевав на веру отцов, поставив вне закона как евреев, так и неевреев, — ты в итоге все-таки упускаешь такую великую награду из-за такой ничтожной причины!.."

Троцкий не был выкрестом, однако еврейская религия, история, нравственные законы народа мало его интересовали. "Кто не борется против религии, — утверждал он, — недостоин звания революционера". Троцкий знал идиш, пользовался им при необходимости, но утверждал, что не владеет этим языком. Интернационалист Троцкий не считал себя евреем, не хотел быть евреем и говорил, что "национальные пристрастия" вызывают у него "брезгливость" и "нравственную тошноту". Однако противники большевистского режима отмечали в первую очередь его еврейское происхождение, а вместе с Троцким и ему подобными обвиняли заодно весь еврейский народ. Этому способствовали многолетняя черносотенная пропаганда и прежняя антиеврейская политика в

Российской империи, а потому в народной массе созрело убеждение: в бедах, обрушившихся на Россию, виноваты евреи — все, как один. А это привело к страшным последствиям в атмосфере анархии и безвластия времен Гражданской войны. "Еще до 1917 года сионисты предостерегали евреев не совать нос в русскую свару... — напоминал исследователь того времени. — За кресло военного министра для Троцкого русское еврейство дорого заплатило".

В мае 1918 года съезд раввинов Украины, собравшихся в Одессе, провозгласил "херем" — проклятие советской власти и предал анафеме Троцкого, Зиновьева и прочих видных большевиков-евреев. Во время Гражданской войны крупнейший религиозный авторитет раввин Хафец Хаим разрешил евреям нарушить святость субботы и срочно покинуть свои дома перед вступлением большевиков в белорусское местечко Радунь: ибо "коммунизм — это уничтожение души". В период погромов на Украине к Троцкому пришел московский раввин Я. Мазе и сказал примерно следующее: "Все эти погромы происходят из-за вас. Народ связывает с вами и с евреями продразверстки и продналоги". — "Ну и что? — ответил на это Троцкий-Бронштейн. — Еврейский вопрос исчезнет после мировой революции". — "Эх, Лев Давидович, Лев Давидович, — вздохнул мудрый раввин. — Революции делают Троцкие, а расплачиваются за это Бронштейны..."

4

30 августа 1918 года Л. Каннегисер застрелил в Петрограде председателя петроградской Чрезвычайной комиссии С. Урицкого. Писатель-эмигрант М. Алданов (Ландау) вспоминал: "Молодой человек, убивший Урицкого, был совершенно исключительно одарен от природы. Талантливый поэт, он оставил после себя несколько десятков стихотворений... Баловень судьбы, получивший от нее блестящие дарования, красивую наружность, благородный характер..." В протоколе допроса записано: "Леонид Каннегисер заявил, что он убил Урицкого не по постановлению партии или какой-либо организации, а по собственному побуждению, желая отомстить за арест офицеров и расстрел своего друга". Что заставило его выстрелить в Урицкого? Алданов ответил на это так: "Горячая любовь к России... ненависть к ее поработителям и чувство еврея, желавшего перед русским народом, перед историей противопоставить свое имя именам Урицких и Зиновьевых".

В тот же день в Москве — 30 августа 1918 года — Ф. Каплан стреляла в Ленина и ранила его. Из протокола допроса: "Назовите полностью свое имя, отчество и фамилию". — "Меня зовут Фанни Ефимовна Каплан. По-еврейски мое имя Фейга". — "Кто был ваш отец по профессии?" —

"Отец мой был еврейским учителем". — "Где вы взяли оружие?" — "Не имеет значения". — "Вам его кто-нибудь передал?" — "Не скажу". — "С кем вы связаны? С какой организацией или группой?" — "Отвечать не желаю". — "Почему вы стреляли в Ленина?" — "Стреляла по убеждению... Большевики — заговорщики. Захватили власть без согласия народа. Я стояла за Учредительное собрание и сейчас стою за него..."

Фаня Каплан

Каннегисера расстреляли в тюрьме. Каплан казнили во дворе Кремля под шум работающего автомобильного мотора, чтобы не услышали звук выстрела. Я. Свердлов распорядился: "Хоронить Каплан не будем. Останки уничтожить без следа..."

> Из антисоветской листовки 1918 года: "Бронштейн, Апфельбаум... Нахамкис. Несомненно еврейские имена... Несомненно большевистские комиссары... Каннегисер, Каплан, Виленкин... Тоже евреи, дети одного и того же народа. Но не вправе ли мы, русские патриоты, гордиться их именами? Они отдали свою жизнь за Россию. И не мы, русские, подняли руку на Ленина, а еврейка Каплан, и не мы, русские, убили Урицкого, а еврей Каннегисер. Не следует забывать об этом..."

Какова же роль евреев в организации и проведении октябрьского переворота, а затем и в последующих событиях? Об этом много писали и пишут: одни в защиту евреев, другие — для сурового осуждения. И вновь возникает та же самая проблема, что в прежних обвинениях, которые сопровождали еврейский народ на протяжении его истории. Евреи не употребляют кровь христианских младенцев: это подтверждали указы коро-

лей и буллы римских пап, но желающий верить в это — поверит и с удовольствием перескажет другим. Евреи не стремились и не стремятся к мировому господству, но невозможно доказать это тому, кто убежден в заговоре "сионских мудрецов". Чрезвычайно трудно переубедить человека, который считает евреев виновниками всех бед, обрушившихся на Россию в двадцатом веке. Да и не стоит этого делать — занятие неблагодарное и обреченное на неудачу. Факты и разъяснения не помогали и не помогут там, где действуют предвзятость, обида и ненависть, особенно в "смутные", неустойчивые времена, когда рушится привычный образ жизни и невозможно разобраться в хаосе стремительных событий, потрясающих страну. А потому обратимся к цифрам и оценкам современников тех судьбоносных лет, когда в России к власти пришли большевики.

Современные исследователи выделили триста политических деятелей, которые играли видную роль в событиях 1917 года. Среди них оказались ~~сорок~~ три еврея; тридцать семь из них осудили захват власти большевиками, шестнадцать — стали активными участниками переворота.

Из прокламаций штаба Северо-Западной армии генерала Н. Юденича (1919 год): "Кто орудует и верховодит делами России? Ведь это стыд и срам выговорить: господин Троцкий (по-настоящему Лейба Мовшевич Бронштейн), господин Зиновьев (по-настоящему Сруль Мордухаевич Апфельбаум), господин Стеклов (по-настоящему Мошка Беркович Нахамкис) и все в таком же роде... Тебе, многострадальный русский народ, не дают кровожадные иудо-правители Бронштейны и Апфельбаумы ни мира, ни спокойной жизни, ни дешевых товаров..."

Ф. Родичев, кадет, депутат Думы всех созывов (из брошюры "Большевики и евреи", написанной в эмиграции): "Большевики — это власть жидов, говорят нам. Откуда это? Большевиков вознесла к власти разлагающаяся армия, а не евреи. Не евреи убивали в Петрограде защищавших Временное правительство юнкеров. Не евреи бомбардировали Москву. Матросы-убийцы, плававшие не по морю, а по крови офицеров, — не евреи... Те, кто по призыву Ленина бросились на грабеж усадеб и убивали по системе и с наслаждением... — не евреи, а подлинные русские обыватели... Люди возвращаются к прежней ненависти так же, как возвращаются к прежней любви. Чего искать виновников всех бед, когда старые под рукой? Русский мужик никогда не повинен в своем грехе. Он не сам виноват — его "лукавый попутал"..."

В августе 1917 года в ЦК партии большевиков вошли двадцать один человек, пятеро из них евреи — Г. Зиновьев, Я. Свердлов,

Г. Сокольников, Л. Троцкий, М. Урицкий (в члены ЦК был избран и крещенный при рождении Л. Каменев, воспитанный в русской среде, которого обычно причисляют к евреям: его мать — русская, отец — крещеный еврей). Накануне октябрьского переворота евреи составляли в партии большевиков около пяти процентов от общего состава членов партии. Председателем Военно-революционного комитета, руководившего переворотом, был Н. Подвойский, начальником полевого штаба — А. Бубнов. Атакой на Зимний дворец командовали В. Антонов-Овсеенко, Н. Подвойский и еврей Г. Чудновский. Ф. Дзержинский руководил захватом Главного телеграфа, В. Менжинский занимал конторы Государственного банка, А. Бубнов — железнодорожные вокзалы, Н. Крыленко и еврей М. Лашевич — различные объекты столицы.

Л. Карсавин, религиозный философ: "Необходимо покончить с глупою сказкою... будто евреи выдумали и осуществили русскую революцию. Надо быть очень необразованным исторически человеком и слишком презирать русский народ, чтобы думать, будто евреи могли разрушить русское государство..."

В. Шульгин, монархист, редактор газеты "Киевлянин" (из статьи "Пытка страхом" в дни "тихого" деникинского погрома 1919 года): "По ночам на улицах Киева наступает средневековая жуть. Среди мертвой тишины и безлюдья вдруг начинается душу раздирающий вопль. Это кричат жиды. Кричат от страха... Целые улицы, охваченные смертельным ужасом, кричат нечеловеческими голосами, дрожа за свою жизнь... Русское население, прислушиваясь к ужасным воплям, вырывающимся из тысячи сердец, под влиянием этой "пытки страхом", думает вот о чем: научатся ли евреи чему-нибудь в эти ужасные ночи? Поймут ли они, что значит разрушать государства, которые они не создавали?.. Будет ли еврейство, бия себя в грудь и посыпая пеплом голову, всенародно каяться в том, что сыны Израиля приняли такое роковое участие в большевистском бесновании?.."

В. Маклаков, кадет, депутат Думы: "Я убежден, что если вычеркнуть даже всех евреев, то в главных чертах революция совершилась бы точно таким же способом, как она совершилась... Для объяснения событий в России еврейский вопрос мне вовсе не нужен... Это вовсе не значит, что он никакой роли в событиях не играл и притом роли отрицательной, а просто, что сравнительно с общими причинами катастрофы, эта причина была поистине "квантите неглижабль" (пренебрежимо малая величина)..."

Из анонимного письма во ВЦИК (1919 год): "Разве вы ослепли и не видите, кто ныне правит Россией? Троцкий, Свердлов, Зиновьев и дру-

гие; все это чистокровные жиды, которые именуют себя русскими фамилиями, чтобы дурачить русский народ... Не имея своего отечества, они хотят в России основать себе отечество, заселить Россию жидами, а вас сделать рабами... Вместо Св. Евангелия Господа нашего Иисуса Христа, которое изгнали из школ, будут вам преподавать талмуд. Вот чего хочет это жидовье!.."

В марте 1918 года в состав ЦК партии большевиков вошли пятнадцать человек; пятеро из них евреи — Г. Зиновьев, М. Лашевич, Я. Свердлов, Г. Сокольников, Л. Троцкий. В марте 1919 года из девятнадцати членов ЦК трое были евреи — Г. Зиновьев, К. Радек, Л. Троцкий (если считать Л. Каменева, то четверо). Однако общее количество евреев в большевистской партии было невелико. В сентябре 1918 года в Петрограде провели анкету среди членов партии: большевики русского происхождения составили 74,2% (при 92,6% от всего населения города), большевики-латыши — 10,6% (0,7% населения города), поляки — 6,3% (4,2%), эстонцы — 3,7%, евреи — 2,6% в петроградской организации большевиков (1,8% населения столицы).

Н. Устрялов, публицист и политический деятель (глава Бюро печати в армии А. Колчака): "Разве не началась она, революция наша, и не развивалась через типичнейший русский бунт, "бессмысленный и беспощадный" с первого взгляда, но всегда таящий в себе какие-то нравственные глубины, какую-то своеобразную "правду"? Нет, ни нам (интеллигенции), ни "народу" неуместно снимать с себя прямую ответственность за нынешний кризис — ни за темный, ни за светлый его лики. Он — наш, он подлинно русский, он весь в нашей психологии, в нашем прошлом..."

И. Наживин, общественный деятель (из статьи времен Гражданской войны): бесконечно "обилие еврейских имен среди разрушителей России, надругавшихся над ней; это обилие евреев, точнее, отбросов еврейства, в застенках разных чрезвычаек, во всех этих безобразных убийствах, начиная с омерзительного убийства государя и его семьи. Все это режет глаз, все это приводит в бешенство русского человека, почувствовавшего позор русской земли... Уходите отовсюду, где вас (евреев) видно, молчите, спрячьтесь..."

М. Горький: "Есть еще тысячи доказательств в пользу того, что уравнение "еврей = большевик" — глупое уравнение, вызываемое зоологическими инстинктами раздраженных россиян. Я, разумеется, не стану приводить эти доказательства: честным людям они не нужны, для бесчестных — неубедительны. Идиотизм — болезнь, которую нельзя изле-

чить внушением... А посему честный и здоровый русский человек снова начинает чувствовать тревогу и мучительный стыд за Русь, за русского головотяпа, который в трудный день жизни непременно ищет врага своего где-то вне себя, а не в бездне своей глупости..."

В 1922 году в партии большевиков было 19 562 еврея — 5,21% от общего количества (7,2 членов партии на каждую тысячу еврейских жителей). У поляков было 10,8 членов партии на тысячу польских жителей, проживавших в России, у латышей — 78 на тысячу латышей, у литовцев — 32,8, у эстонцев — 16,3, у финнов — 8 на каждую тысячу финского населения России. В 1922 году в московской партийной организации было 12% евреев, а в конце 1926 года — 6,5%, что равнялось проценту евреев от численности населения столицы. В 1925 году насчитали в партии 31 200 евреев, 3,9% от общего количества большевиков. В том же году в составе ЦК партии большевиков было 104 человека, среди них 11 евреев; в Президиуме ВЦИК — 2 еврея из 37; среди председателей Совнаркомов национальных республик, председателей губернских и окружных исполкомов — 1 еврей из 88; в Совнаркоме СССР и Совнаркоме РСФСР — ни одного.

Из антисоветской листовки 1918 года "Евреи, большевики и погромы": "Ленин — не еврей, Красин — не еврей, Дзержинский — не еврей, Лацетис — не еврей... Луначарский — не еврей. Не довольно ли этих имен? Будем справедливы. Россией правят большевики, между ними много евреев. Из этого не следует, что Россией правят евреи... Казните виновных евреев, но не троньте еврейский народ. Кто не уразумел этой истины, тот не спасет, а погубит Россию, ибо произволом пошатнулась она и произволом колеблется до сих пор. Мощь же и величие государства в справедливости и законе. А закон равен для всех..."

Из постоянного призыва газеты "В Москву" во время наступления армии А. Деникина: "Бери хворостину, гони жида в Палестину..."

Яков Свердлов, из семьи ремесленника — активный участник октябрьского переворота, секретарь ЦК партии большевиков, председатель ВЦИК; после покушения на Ленина временно председательствовал на заседаниях Совнаркома. Умер от болезни в марте 1919 года, похоронен у Кремлевской стены в Москве. Л. Троцкий вспоминал: "Свердлов был поистине несравненен: уверенный, мужественный, твердый, находчивый — лучший тип большевика... Сколько раз, бывало, Владимир Ильич звонит Свердлову, чтобы

предложить принять ту или другую спешную меру, и в большинстве случаев получает ответ: "Уже!" Это значило, что мера уже принята. Мы часто шутили на эту тему, говоря: "А у Свердлова, наверно, уже!" В. Ленин сказал о Свердлове: "Та работа, которую он делал один... эта работа будет теперь под силу нам лишь в том случае, если на каждую из крупных отраслей, которыми единолично ведал товарищ Свердлов, вы выдвините целые группы людей, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один человек..."

Во время Гражданской войны возникла идея сформировать в Красной армии отдельные еврейские батальоны и полки. Считалось, что красноармеец-еврей в составе еврейского подразделения станет лучше сражаться с врагами советской власти, так как не будет ощущать антисемитских настроений прочих солдат. К тому времени в Красной армии уже существовали боевые части других национальностей, и командование разрешило "сосредоточить еврейских красноармейцев в отдельных подразделениях из-за господствующего в армии антисемитизма". Но многие возражали против этого, опасаясь спровоцировать новые погромы, и еврейские части не были созданы. На это повлияла, возможно, и пропаганда противника, которая придавала непомерную роль деятельности евреев в Красной армии и тем самым подпитывала антисемитизм.

На второй день после захвата власти большевики издали декрет об отмене на фронте смертной казни, однако Л. Троцкий считал иначе: "Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни". Троцкий подготовил, написал или продиктовал около тридцати тысяч документов — приказов, воззваний, листовок, писем, докладов, телеграмм и радиограмм. Из приказов председателя Реввоенсовета в годы Гражданской войны: "Предупреждаю: если какая-либо часть отступит самовольно, первым будет расстрелян командир части, вторым — комиссар..." — "Удирающий шкурник должен наткнуться на револьвер или напороться на штык. Во главе заградительных отрядов должны стоять работники твердой воли и испытанного мужества..." — "Вчера по приговору военно-полевого суда... расстреляны те командиры и комиссары, которые покинули вверенные им позиции. Затем расстреляны трусливые лжецы, прикидывавшиеся больными. Наконец расстреляны несколько де-

зертиров-красноармейцев...” — “Нужно поднять основную клеточку армии: пехотного бойца. Он должен быть сыт, в тепле и в чистом белье. Солдат с вошью есть полсолдата... Солдат без сапог чувствует себя бандитом... Пара сапог и рубаха решают на фронте все...” — “Чтобы раздавить врага, нужно только ударить. Чтобы ударить — нужно подойти. Поэтому — вперед, наступай, наступай, наступай!..”

С 1918 по 1924 год заместителем председателя Реввоенсовета страны был Эфраим Склянский (фронтовой врач в годы Первой мировой войны), который занимался организационной работой по созданию и снабжению Красной армии, руководил мобилизацией и подготовкой военнослужащих, переброской резервов, санитарным и техническим обеспечением войск, назначением командного состава, вел практически всю текущую работу, выполняя многочисленные распоряжения председателя Реввоенсовета. Троцкий вспоминал: “Это была превосходная человеческая машина, работавшая без отказа и без перебоев. Это был на редкость даровитый человек, организатор, собиратель, строитель, каких мало”. Склянский критиковал деятельность И. Сталина на фронтах Гражданской войны, а потому был снят с военных постов, отправлен в командировку в США, где утонул при загадочных обстоятельствах в 1925 году.

Р. Гуль, писатель-эмигрант: “Подпольщики-большевики, в октябрьские дни захватившие власть над Россией, в большинстве своем носили псевдонимы: Ульянов-Ленин, Бронштейн-Троцкий, Джугашвили-Сталин, Радомысльский-Зиновьев, Скрябин-Молотов, Судрабс-Лацис, Валлах-Литвинов, Оболенский-Осинский, Гольдштейн-Володарский и т.д. По-моему, в этом есть что-то неслучайное и страшное. Тут дело не только в конспирации при “царизме”. Псевдонимы прикрывали п о л у л ю д е й ... Жизни псевдонимов были вовсе не жизнью людей. Их жизнью была исключительно — партия. В партии интриги, склока, борьба, но главное — власть, власть, власть, власть над людьми...”

Представители всех нелегальных партий России носили псевдонимы; возможно, у большевиков их было больше, чем у других, и к этому списку можно добавить — Розенфельд-Каменев, Костриков-Киров, Ильин-Раскольников, Бриллиант-Сокольников, Ефремов-Томский, Сергеев-Артем и прочие. Сразу после Февральской революции большевик Ю. Нахамкис, крещеный еврей, возбудил ходатайство о перемене фамилии на псевдоним, и в газете “Еврейская жизнь” написали: “Ходатайство удовлетворено. Одним Нахам-

кисом стало меньше, одним Стекловым больше... Стеклов и до революции подписывал свои статьи Стекловым и, конечно, никто не мешал ему и после революции остаться в литературе Стекловым. Стало быть, все дело в том, чтобы у него и его потомства исчезла из паспорта фамилия Нахамкис..." (репрессирован в 1938 году, погиб в лагере).

М. Нордау, писатель и философ (о большевиках-евреях): "По какому праву антисемиты возлагают на нас ответственность за их действия? Еврейство выдвинуло Иисуса — разве его почитатели уважают нас за это? Если вы утверждаете, что все представители народа ответственны друг за друга, зачтите нам в качестве оправдания еврейство Иисуса и святого Павла... Отказав нам в этом, вы обесцениваете ваш принцип взаимной ответственности, и тогда мы с презрением возвращаем вам всех ваших Троцких..."

Очерк четвертый

Образование Украинской Народной республики.
Погромы на Украине. Еврейская самооборона.
Н. Махно. С. Петлюра

1

В начале января 1918 года Центральная Рада в Киеве — парламент Украинской Народной республики — приняла закон о национально-персональной автономии, который давал право русским, полякам, евреям и прочим "неукраинским" народностям "на самостоятельное устройство своей национальной жизни". Было создано министерство по еврейским делам во главе с лидером партии "Фарейникте" М. Зильберфарбом; оно занималось вопросами еврейского образования, культуры и общинного самоуправления на Украине. В том же месяце Центральная Рада провозгласила полное отделение от России и признала Украину "свободной, суверенной державой Украинского народа".

Еврейские депутаты в Раде не соглашались на разделение российского еврейства: это привело бы к разрыву с родными и близкими, которые оставались в других частях бывшей империи, могло подорвать экономические связи в торговле и промышленности, способствовало бы отрыву от русской культуры, воспринятой к тому времени ассимилированными евреями. Опасались и нерегулируемого развития событий, что могло привести ко многим жертвам, и потому бундовцы проголосовали против отделения от России, а депутаты от прочих еврейских партий — совме-

стно с депутатами от русских и польских партий — воздержались. Это вызвало взрывы негодования на заседаниях Центральной Рады: выступления представителей национальных меньшинств сопровождались свистом, топаньем; бундовцу не давали выступать и кричали с мест: "В синагогу! В синагогу!.." Заговорили о том, что национальные меньшинства выступают против интересов украинского народа, "мешают освобождению Украины" и им нельзя доверять.

Большевики начали войну против отделившейся Украины и в конце января 1918 года, после многодневного артиллерийского обстрела, заняли Киев. Украинское правительство и депутаты Рады переехали в Житомир, но депутаты от партий национальных меньшинств к ним не присоединились. Это вызвало озлобление, особенно против евреев: усиленно подчеркивали тот факт, что в большевистском восстании в Киеве участвовали рабочие-евреи, евреи были и в комитете, руководившем восстанием, а в воинских частях, захвативших Киев, оказались комиссары-евреи. И хотя в Красной армии было немало командиров-украинцев и комиссаров-украинцев, хотя несколько украинских полков перешли на сторону большевиков и помогли овладеть Киевом, повсюду крепло убеждение, что именно "евреи — враги Украины", "евреи на стороне большевиков".

> А. Гольденвейзер, адвокат (первые дни советской власти в Киеве): "Эти дни были полны ужаса и крови. Большевики производили систематическое избиение всех, кто имел какую-либо связь с украинской армией и особенно с офицерством... Солдаты и матросы, увешанные пулеметными лентами и ручными гранатами, ходили из дома в дом, производили обыски и уводили военных. Во дворце, где расположился штаб, происходил краткий суд и тут же, в царском саду — расправа... Тогда же был самочинно, гнусно и бессмысленно расстрелян киевский митрополит Владимир..."

Большевики пробыли в Киеве три недели, но успели за это время оставить по себе недобрую память. Было создано правительство во главе с Г. Пятаковым, однако власть фактически находилась в руках командующего войсками М. Муравьева, в прошлом подполковника царской армии, который заявил в приказе: большевистская армия "на остриях штыков принесла с собой идеи социализма". Расстреляли более двух тысяч офицеров царской армии, казнили сановников старого режима, общественных деятелей, священников; проводя русификацию края, большевики закрывали украинские газеты, школы и книжные магазины, срывали со стен портреты Т. Шевченко. Среди большевистских деятелей были русские, украинцы, поляки, представители разных национальностей, но

застарелый антисемитизм выделил в рядах ненавистной власти еврейские имена и сделал ответственными за их действия всех евреев.

В феврале 1918 года украинское правительство заключило сепаратный мир с Германией и Австро-Венгрией. Те признали независимость Украины, согласились помочь "в трудной борьбе против великороссов", после чего немецкие войска перешли в наступление и заняли Киев. Вместе с ними вернулись и украинские отряды с накопленным зарядом ненависти и желанием отомстить. Это были полки Сечевых стрельцов, сформированные в Германии из пленных украинцев, а также отряды "вольного казачества": серые и синие жупаны, кривые сабли, широченные шаровары, высокие серые папахи с огромными кокардами, длинные чубы на бритых головах. Еврейская делегация из Киева поехала им навстречу, чтобы выяснить намерения солдат и командиров, успокоить и переубедить, и услышала в ответ: "Мы расправимся, и расправимся беспощадно!.." — "Полгорода, всех жидов надо перерезать!.." — "Я один вырежу не меньше пятидесяти евреев..."

По пути от Житомира к Киеву солдаты украинских полков устраивали погромы; евреев грабили и убивали в Коростене, Бердичеве, на железнодорожных станциях по пути следования; особенно жестокие насилия совершали в поездах: отнимали деньги, резали, душили ремнями и веревками, выбрасывали на ходу из вагонов. На улицах освобожденного Киева гайдамаки избивали евреев нагайками, уводили в Михайловский монастырь и расстреливали под видом "жидовских комиссаров", а трупы сбрасывали в Днепр. Городской голова напечатал в газете призыв к военному начальству: "Остановите казни без суда... Остановите преследование казаками евреев — только потому, что в среде большевиков были евреи. Евреи были и есть и в числе боровшихся против большевиков, как были и украинцы среди большевиков... Прошу Вас, прекратите кровавое мщение!.."

2

Во время отступления Красной армии под напором немецких войск красноармейцы громили еврейские поселения возле Николаева, Херсона, Полтавы, Екатеринослава, Киева, Харькова. В марте 1918 года красноармейцы убили пятнадцать евреев в городе Мглин Черниговской губернии, — среди погибших оказалась двухлетняя девочка. Отряд Первого полка имени Ленина грабил в Сураже еврейские квартиры, но самый страшный погром прошел в Глухове — под лозунгом "Вырезать всех буржуев и жидов!" В газете написали: "Двое с половиной суток город был во власти разъяренной черни... Пострадали почти исключительно евреи... У многих из оставшихся в живых отрублены руки. На глазах у

матерей убивали малолетних детей... Мужчин выволакивали на улицу, били прикладами, кололи и расстреливали. Все это с пьяными песнями и дикой руганью..."

В Глухове погибло более ста евреев; пьяные солдаты застрелили на улице старика-раввина, разгромили синагогу, разорвали свитки Торы. Два дня подряд красноармейцы грабили еврейское население, а затем появились крестьяне из окрестных сел, забрали оставшееся имущество и товары в разгромленных домах и лавках, сняли даже одежду с убитых; на похоронах жертв погрома присутствовали только женщины, так как мужчины опасались выходить из укрытий на улицу. В газете "Правда" это событие отметили как обычный военный эпизод: "Доблестный Рославльский отряд занял Глухов после упорного сопротивления. Улицы Глухова и прилегающие к железнодорожной линии места покрыты трупами. В городе организован Совет". Вслед за этим красноармейцы разгромили город Новгород-Северский: погибли восемьдесят восемь евреев, многие были ранены и изувечены. Погром в Новгороде-Северском прекратился с приходом немецких войск, но через день красноармейцы выбили их из города, а следом за немецким отрядом, сообщали очевидцы, "как в дни великого исхода из Египта, потянулось все еврейское население города".

Возвратившись в Киев, Центральная Рада восстановила закон о национально-персональной автономии и вновь создала министерство по еврейским делам. Но в апреле 1918 года немцы разогнали Раду и назначили правителем Украины гетмана П. Скоропадского, бывшего царского генерала, который упразднил автономию и ликвидировал министерство по еврейским делам.

> Немцы навели порядок в занятых городах: дворники подметали улицы и убирали мусор, мобилизованные женщины вычистили от грязи киевский вокзал, движение поездов происходило строго по расписанию. Писатель В. Короленко, из дневника: "Одна знакомая приехала из Киева в аккуратно составленном и аккуратно вышедшем поезде. Стоило прийти немцам, и русские поезда пошли как следует. Доехала до Ромодана. Полторы версты пешком, а там опять теплушка, опять грязь, разбитые окна, давка, безбилетные солдаты, отвратительный беспорядок. И этим людям, не умеющим пустить поезда, внушили, что они способны пустить всю европейскую жизнь по социалистическим рельсам. Идиотство... Кровавое и безумное..."

По мирному договору с Германией Украина обязалась предоставить союзнику десятки миллионов пудов хлеба и продовольствия. Поставки

не выполнялись из-за сопротивления деревенских жителей, а потому немецкие отряды реквизировали продукты у крестьян, секли их шомполами и расстреливали, разрушали взбунтовавшиеся поселения огнем артиллерии, возвращали помещикам их земли; в ответ на это восставали целые районы, крестьяне выкапывали принесенное с фронта оружие, жгли поместья и усадьбы — так началось повстанческое движение против немцев и помещиков, а с ним и новые еврейские погромы. Все как будто забыли о том, что немцев пригласило украинское правительство; снова, как прежде, в числе виновников оказались и евреи. "Жиды привели немцев!" — кричали крестьяне во время разбоев, грабили, громили и убивали в домах, на улицах, на дорогах, кидали бомбы в погреба, где прятались евреи. Исследователь отметил: "Погромы имели исключительно зверский характер: у жертв выкалывали глаза, отрезали носы и уши, вспарывали животы, раненых закапывали в землю живыми". Из местечка Жашков направили в Киев послание, "вопль истерзанных": "Жизнь наша висит на волоске. Один день ужаснее другого... Мы не успеваем предать погребению один труп, как уже привозят второй и третий... По ночам мы не спим, бродим, как живые тени... Поторопитесь и спасите!"

В местечке Лысянка Киевской губернии погромщики убили сорок человек, и местный кантор сложил горестный "плач" по жертвам: "Пусть глаза мои станут родником слез, чтобы до конца дней своих, до последнего вздоха оплакивать погибших... Реб Мойше Антоновский и верная его жена — ни он вдовцом не остался, ни она вдовою: вместе погибли мучительной смертью... Реб Шамай Кочубеевский с семьей прятался в погребе, но изверги гранатами взорвали погреб — и их не стало. Невеста, готовая к венцу, чистая душа, была убита вместе со своей сестрой... Благочестивый реб Мордхе, сын Авраама, великий ученый, мудрый и скромный... убит посреди улицы и три дня не сподобился быть погребенным... И в страхе бежало все местечко, от мала до велика: кто на повозках, кто пешком, кто со спящими детьми на руках... а иные несли обувь на палке — знамя изгнанничества..."

Погромы проходили не только на Украине. В 1918 году польские легионеры грабили и поджигали еврейские дома во Львове, громили местечки в Минской и Могилевской губерниях, убивали на улицах и в помещениях; пострадали евреи Кельце, Вижниц, Владимира-Волынского, Калиша, Хелма, Ченстохова, Пинска. Погромы с убийствами проходили в Екатеринославе, Симферополе, Бухаре, Ташкенте, и в еврейской газете "Рассвет" подвели печальный итог: "Из Бессарабии, занятой Румынией, из Глухова, занятого советскими красногвардейцами, из Могилева, занятого польскими легионами, из Туркестана и Бухары, занятых не знаем уже кем — идут эти отвратительные погромные звуки... В

широких массах населения многочисленных областей России накоплены такие грозные залежи жестокой юдофобии, которые при всяком сдвиге, при всякой встряске выбрасывают кровавые фонтаны погромной энергии..."

3

В ноябре 1918 года в Германии началась революция, был свергнут Вильгельм II, а с ним пришел конец власти гетмана П. Скоропадского. Скоропадский бежал, войска С. Петлюры вошли в Киев, Красная армия снова двинулась на Украину, чтобы присоединить ее к России, и для евреев начались страшные времена. В 1919 году Украина стала гигантским полем боя, на котором одновременно воевали друг с другом — порой в неожиданных сочетаниях — регулярные части независимой Украины, полки Красной армии, отряды Н. Махно, повстанцы-крестьяне во главе со своими атаманами и Добровольческая армия генерала А. Деникина. Невероятная разруха и хаос царили по всей Украине, беспредельная распущенность и вседозволенность. Частые смены власти привели к анархии и всеобщему ожесточению. Сосед шел на соседа, отец на сына; братские кровопролития породили людей скорых на расправу, равнодушных к человеческой жизни, склонных к утонченному мучительству, наслаждавшихся страданиями беззащитных жертв, — два миллиона украинских евреев в полной мере испытали на себе ужасы Гражданской войны, когда каждый воевал против каждого и все вместе против беззащитного еврейского населения.

В первые дни 1919 года Информационное бюро независимой Украины выпустило обращение в угрожающем тоне: "Есть еще много элементов, которые, пользуясь гостеприимством Украинской Народной республики, приютом и защитой государства, питают против него черные мысли и замышляют его гибель. Первыми погибнут эти элементы, если только они не прекратят свою вероломную деятельность. Эти элементы должны добровольно покинуть пределы Украины, и чем скорее, тем лучше". Такими "элементами" в первую очередь оказались евреи, которым некуда было уходить, и 1919 год встал в один ряд с самыми страшными датами в истории еврейского народа. По выражению современника, "по еврейству, распятому на наковальне, бьет не один молот, не два, а все молоты, которые работают на этом диком и злом грунте. Они бьют без устали, днем и ночью, летом и зимой..."

Адвокат А. Марголин, заместитель министра иностранных дел в правительстве независимой Украины: "Когда пало самодержавие, когда армия самочинно бросила фронт и побежала по домам, ис-

чезли те железные обручи, которыми держалась огромная деревянная бочка. И бочка распалась, рассыпалась. Все, что таили в себе село и город преступного и злодейского, вышло наружу и воскресило старые сказания о великих русских бунтах и разбое, о гайдамаках на Украине и о многом другом... Жажда крови, грабежа, половая распущенность искали себе оправдание в том, что жиды и чужие, и большевики..."

Среди лидеров украинского движения были эсеры и социал-демократы, которые исповедовали идеи свободы и равенства. Они понимали, что в борьбе за независимую Украину не следует пренебрегать национальными меньшинствами, в том числе и евреями, которые могли помочь участием в этой борьбе, финансовой поддержкой, тесными связями с европейскими странами. Директория — правительство независимой Украины — вновь провозгласила закон о национально-персональной автономии и восстановила министерство по еврейским делам; чтобы противостоять русификации евреев, ввели в еврейских школах обязательное изучение еврейской истории, языка идиш или иврита, выделяли средства для издания учебных пособий. Директория издавала строгие указы о наказании: "правительство будет искоренять разбойников и погромщиков самыми суровыми мерами", выделяла деньги для оказания помощи пострадавшим от погромов, намеревалась посылать воинские части для защиты еврейского населения, но дальше обещаний дело не пошло. Антиеврейские настроения в армии и в деревнях были невероятно сильны, подпитываясь антисемитской пропагандой и преданиями прежних поколений. Украинские лидеры должны были учитывать это, чтобы не оттолкнуть от себя население; они нуждались и в поддержке вооруженных соединений, без которых не продержались бы и недели. А отсюда проистекала политика замалчивания погромов, защита и выгораживание воинских начальников, отличившихся в жестоких насилиях.

У Директории не было реальной власти на местах, что подтвердил впоследствии ее председатель В. Винниченко: "Действительная власть находилась в руках атаманов". Атаманы и "батьки" получали у головного атамана (главнокомандующего) С. Петлюры право на формирование вооруженных отрядов; им выдавали средства для этой цели, после чего появлялось очередное воинское соединение, которое действовало самостоятельно. Центральная власть пыталась обратить разрозненные отряды в украинскую регулярную армию, но атаманы лишь формально подчинялись правительству и действовали на местах по собственному желанию и усмотрению.

В январе 1919 года солдаты убили в Овруче восемьдесят евреев, разграбили еврейские дома, а затем сказали своему атаману: "Слава Богу, батько, трохи постреляли жидов..." В том же месяце казаки "Куреня смерти" устроили погром в Бердичеве и убили семнадцать евреев; их атаман заявил: "Все жиды — большевики", а потому он "покарал большевиков в Бердичеве и покарает их в Житомире". И действительно, из Бердичева казаки отправились в Житомир, где во время двухдневного погрома убили пятьдесят три человека; следующий погром в этом городе случился через два месяца, число его жертв превысило триста человек.

Большевики рассматривали независимую Украину как "временно отчужденную часть страны", и Л. Троцкий потребовал "решительное наступление на Украину, быстрый и короткий удар на Киев". В январе 1919 года полки Красной армии заняли Харьков, Полтаву, Екатеринослав, в феврале они опять вошли в Киев, и евреев снова обвинили в большевистских победах на Украине. Атаманы крестьянских отрядов Зеленый, Ангел, Тютюнник, Струк, Волынец, Закусило, Заяц и десятки других призывали к поголовному уничтожению еврейского населения; неудачи на фронте приписывали шпионам-евреям; утверждали, что евреи отбирают у крестьян имущество и загоняют их в коммуны, а православные церкви превращают в конюшни. "Ступайте против врагов на фронт, — призывал один из атаманов, — и защищайте своей грудью ваши хаты, ваших жен и сестер, а если вы этого не сделаете, то придут жиды и вас вырежут". Этот доходчивый призыв ставил под знамена атаманов новых и новых добровольцев, пылавших ненавистью к евреям. Даже в официальном органе Директории предупреждали с угрозой: "Евреи... ведут агитацию против украинской самостийности, подчеркивают свое знание русского языка, игнорируют факт украинской государственности и стараются вернуть старый привычный порядок... Теперь Украина воюет с Московщиной, и еврейство снова перешло в лагерь наших врагов. Заплатят они и за это".

В феврале 1919 года большевики попытались устроить переворот в подольском городе Проскурове. Еврейский отряд "квартирной стражи" не поддержал их, но после подавления восстания евреев обвинили в помощи большевикам. Атаман Семесенко, командир Запорожской казачьей бригады имени Петлюры, выстроил казаков перед полковым знаменем и взял с них клятву — вырезать всех евреев Проскурова "для спасения Украины", но при этом никого не грабить, "так как грабеж недостоин казака". Была суббота, время послеобеденного отдыха — 15 февраля 1919 года. Казаки разбились на группы по нескольку человек, ходили из дома в дом и за три с половиной часа вырезали саблями и пика-

ми тысячу шестьсот пятьдесят человек, вплоть до спящих грудных младенцев. Затем по команде атамана они построились и с песнями, под музыку полкового оркестра ушли на вокзал. Современники свидетельствовали: "Всюду валяются трупы... Застыла кровь..." — "Лишь священник Климентий Кочеровский вышел из церкви с иконами и призывал к человечности; гайдамаки убили его..." — "Всю ночь шел грабеж. Казаки, солдаты, уголовные, обыватели с мешками и тюками награбленного молчаливыми жуткими тенями сновали по улицам..." До утра светились окна в еврейских домах, потому что некому было погасить лампы, зажженные до наступления субботы. Погибших хоронили в огромных общих могилах; по окончании этого ужаса насчитали в Проскурове около тысячи детей-сирот.

Жертвы погрома в Проскурове 15 февраля 1919 года

На другой день в соседнее местечко Фельштин отправился отряд казаков; им сообщили перед выходом, будто евреи местечка сняли церковные колокола и повесили взамен дохлых собак. Атаман Семесенко напутствовал отряд такими словами: "Жиды хотят захватить Украину. Мы вырезали их в Проскурове, вырежем и здесь. Гуляйте, братцы, не щадите их!" В Фельштине казаки убили четыреста восемьдесят пять человек, четверть еврейского населения местечка, сопровождая убийства изощренным мучительством, ранили сто восемьдесят и с награбленным добром вернулись в Проскуров.

Французские писатели, ученые, общественные деятели выпустили обращение "ко всему человечеству": "Из Восточной Европы — из Украины, Польши, Литвы, Галиции — доносится к нам крик ужаса и мучительной боли: целый народ в отчаянии взывает о помощи... Кровавый ужас Гражданской войны с преступной жестокостью вымещается на несчастном еврейском меньшинстве... То немногое, что евреям оставила война, теперь систематически разграбляется. Весь народ находится в опасности..."

4

Во время боев на Украине города и местечки неоднократно переходили из рук в руки, и очередные завоеватели — они же и освободители — грабили и реквизировали, насиловали и убивали. Погром в Белой Церкви начали отряды Петлюры, вслед за ними устроил резню атаман Зеленый, а довершили казаки Добровольческой армии. В местечке Тальное банда атамана Тютюнника вырезала пятьдесят три человека; Тютюнника вытеснили махновцы и ограбили население; затем появился отряд регулярной украинской армии и провел реквизицию; наконец, через местечко прошли казаки Добровольческой армии, убили несколько человек, ограбили и сожгли многие дома. Случалось и так, что в городе шли бои между двумя отрядами, но солдаты враждующих сторон находили время, чтобы грабить евреев по обе линии фронта. Раненых, как правило, добивали, женщин насиловали; порой вооруженные отряды врывались в поселения с единственной целью — для массового изнасилования.

В прежние времена погромщики могли рассчитывать лишь на тайное одобрение местных властей; теперь они сами стали властью и поступали по сиюминутному настроению: желаю — помилую, желаю — уничтожу. Захватив очередное поселение, атаманы требовали сначала, чтобы еврейская община откупилась деньгами, продовольствием, сапогами, бельем и одеждой, а затем начинался грабеж. Вооруженные люди врывались в еврейские жилища, вымогали под угрозой смерти, забирали деньги и вещи, нередко убивали. Вслед за первой группой появлялась вторая, третья: погром в Василькове и Балте длился девять дней, в Златополе семь дней, во время трехдневного непрерывного погрома в Переяславле грабители заходили в каждый еврейский дом по двадцать—тридцать раз в день. А затем съезжались крестьяне из окрестных деревень, спокойно и неторопливо разбирали крыши опустевших домов, снимали оконные и дверные рамы, отдирали половицы, загружали на возы мебель, запасенные на зиму дрова и продукты, не оставляли практически ничего — вплоть до бутылки, веревочки, ржавого гвоздя, выдернутого из стены, который мог пригодиться в хозяйстве.

После грабежа и убийств оставшиеся в живых — нищие, раздетые, обезумевшие от ужаса — убегали в соседние города и местечки. Очевидец сообщал: "Тысячи беглецов — оборванные, босые, со сгнившими рубахами на теле или совсем без рубах, мужчины и женщины, здоровые и заразно больные валяются по синагогам, в пустых амбарах или просто на улице..." А потом и в этот город врывались вооруженные отряды, и теперь уже все его обитатели — как местные, так и пришлые — бежали дальше в поисках убежища. Безнаказанность развращала убийц. Опьянение от крови было повсеместным. Бандиты неторопливо делали свое дело, никто не мог им помешать, и убийства порой превращались в долгие мучительные казни.

> Писатель Р. Гуль, из воспоминаний: однажды в эмиграции ему показали фотографию, сделанную, очевидно, у провинциального фотографа. На фоне примитивной декорации сидел, развалившись в кресле, здоровенный обезьяноподобный детина, увешанный оружием, и напряженно смотрел в объектив. Это был атаман Ангел. Рядом с креслом стоял стол, а на столе была выставлена напоказ отрубленная человеческая голова — знак того времени.

Атаманша Маруся Черная, бывшая сельская учительница, налетая на местечко со своей бандой, не оставляла в живых ни одного еврея. Атаман Струк побывал в армиях С. Петлюры и А. Деникина, был он и командиром Красной армии, но во все времена грабил и убивал еврейское население. Банда Волынца ранила и убила в Брацлаве около двухсот человек. В Брусилове погибли все евреи, в Дубно насчитали триста убитых и раненых — треть евреев города, в Радомысле банда Соколовского уничтожила более четырехсот человек, заставляя петь перед расстрелом "Ще не вмерла Украина..." Отряд атамана Зеленого захватил возле Межигорья два парохода, и всех пассажиров-евреев утопили в Днепре. В Триполье Зеленый разбил присланный из Киева отряд рабочих и комсомольцев; среди попавших в плен оказалось около ста еврейских юношей, которых расстреляли или утопили, — погиб и их девятнадцатилетний руководитель М. Ратманский.

В мае 1919 года Н. Григорьев, командир бригады Красной армии, поднял мятеж на юге Украины, захватил многие города и местечки, где устраивал жестокие еврейские погромы под лозунгом — Украиной правят "люди, распявшие Христа". За один только месяц отряды Григорьева убили в Елисаветграде около полутора тысяч евреев, в Черкассах семьсот, в Тульчине пятьсот двадцать; после подавления григорьевского мятежа насчитали в Умани пятьсот пятьдесят жертв, в Брацлаве двести сорок, в предместье Екатеринослава — более ста пятидесяти. Всего с де-

кабря 1918 по август 1919 года — по данным комиссии Международного Красного Креста — от рук украинских частей и крестьянских банд погибло около пятидесяти тысяч евреев Украины. Из свидетельств того времени: "Цветущая еврейская община превратилась в кладбище..." — "Разрушенные дома с темными отверстиями вместо дверей и окон... Безлюдные мертвые улицы и площади... Гробовая тишина, испуганные лица..." — "Остатки еврейского населения прячутся в подвалах или в других убежищах... Многие скрываются в лесах, подбирают на полях еще зеленое, сгнившее или остатки в разгромленных домах..."

> Из обращения еврейских общественных деятелей Украины: "Всем! Всем! Всем! Стокгольм, Копенгаген, Брюссель, Берлин, Вена, Рим, Париж, Буэнос-Айрес!.. Мы взываем к еврейским общинам: шлите немедленно отряды помощи, медикаменты, продовольствие, одежду..."

В 1919 году еврейское население Украины заново испытало судьбу своих предков, которых в семнадцатом веке громили казаки Б. Хмельницкого, а в восемнадцатом веке — гайдамаки. Рабби Натан из Заславля — потомок рабби Натана Гановера, автора исторической хроники "Пучина бездонная" — записывал в книгу памяти: "Двести семьдесят один год тому назад в моем родном городе Заславле на Волыни сидел реб Натан и вел летопись тех ужасных дней — дней Богдана Хмельницкого, описывая бедствия, которые претерпел наш народ. Приходило ли ему тогда в голову, что через много поколений, двести семьдесят один год спустя, после целых эпох человеческого прогресса, научных истин и социальных идей, поразительных открытий и изобретений, в том же самом городе будет сидеть пишущий эти строки, который носит то же имя, что и он, реб Натан... является внуком его в пятом поколении — и кровью сердца будет вести такую же летопись страданий своего народа, несчастий и ужасов, зверств и насилий, которые причинили евреям дикие полчища Петлюры, кровавые потомки великого Хмельницкого... Виделось ли это ему когда-нибудь?.."

5

Союз евреев-воинов России организовывал отряды еврейской самообороны, которыми командовали бывшие офицеры и солдаты российской армии, снабжал их винтовками, револьверами и холодным оружием, изготовленным еврейскими кузнецами. В январе 1918 года украинский отряд "вольного казачества" разогнал в Киеве Всероссийскую конференцию евреев-воинов; руководитель Союза И. Гоголь и его замести-

тель были убиты, однако работа по созданию отрядов самообороны продолжалась по всей Украине. Эти отряды не могли противостоять частям регулярных армий с пулеметами и артиллерией, но нападения небольших банд они с успехом отражали; в защищаемые поселения стекались евреи из окрестных местечек — известны случаи, когда христиане просили помощи у еврейских отрядов.

> Из воспоминаний (Подолия, местечко Бабчинцы): "Приметы приближения погрома были уже известны. Сначала появлялись крестьяне и крестьянки с пустыми мешками. Они ходили между хатами или прятались неподалеку в овраге — приготавливались, как только войдет банда, первыми начать грабеж. По этому признаку, как по сигналу, жители убегали из домов, девушки, женщины и дети прятались в высоких бурьянах, кустарниках и оврагах, а дружина самообороны занимала оборонительные позиции... У некоторых были винтовки, наганы, у остальных — топоры, вилы, металлические прутья, палки, косы, серпы... Однажды дружинникам удалось выдержать двухчасовой бой с небольшим отрядом казаков, начавших было погром... Много было жертв с той и другой стороны. В том неравном бою погибли мой отец и несколько дружинников. Плач, крики, истерики, обмороки. Каждая семья хоронит своих погибших..."

В Овруче, Немирове, Брацлаве, Богуславе, Шполе, Корсуни, Остроге, Луцке, Могилеве-Подольском еврейские дружины выстрелами разгоняли погромщиков; в Елисаветграде они отражали атаки отрядов атамана Григорьева; в местечке Хабно Киевской губернии двести бойцов самообороны два с половиной года защищали население, устраивая сражения с бандитами и захватывая пленных; успешно действовала и дружина еврейского сельскохозяйственного поселения Ново-Златополь. Гирш Тур командовал отрядом еврейской самообороны в местечке Тетиев Киевской губернии; его отряд успешно отражал атаки бандитов, но в одной из схваток Гирш был убит. В Голованевске Подольской губернии еврейские юноши обзавелись винтовками, пушкой, самодельными гранатами; они не допускали в местечко окрестных бандитов и выходили на помощь в соседние поселения. "Про голованевскую молодежь рассказывали чудеса, — подтверждал очевидец. — О ее героизме и храбрости слагались легенды во всех городах и местечках Киевщины и Подолии. Но только немногим посчастливилось пробраться в Голованевск: по всем дорогам, ведущим туда, прохожих и проезжих подстерегали бандиты".

Отряды самообороны стихийно образовывались в разных местах, однако немецкие войска их разоружали, забирала у них оружие Добро-

вольческая армия генерала А. Деникина, занимались этим и части Красной армии, так как отряды самообороны были созданы "по национальному, а не по классовому признаку". В августе 1919 года петлюровские отряды разоружили еврейскую дружину в Погребище, после чего банда атамана Зеленого разгромила местечко и уничтожила четыреста евреев, половину которых составили женщины.

В годы Гражданской войны в Одессе оказался адвокат О. Грузенберг, прославившийся при защите М. Бейлиса. "Кучка молодежи, побывавшей на войне... — вспоминал он, — стала меня подбивать к образованию еврейской Боевой дружины. Неверно, что евреи — трусы: они лишь чрезмерные калькуляторы, старающиеся точно подсчитать, стоит ли заманчивая идея расплаты за нее жизнью. Но, раз решившись, они прут как осатанелые... Дружина составилась отличная: в нее вступило около полутораста человек — все как на подбор. Штатский из штатских, я принял избрание меня председателем дружины: только трусы умирают, не попытавшись перегрызть горло насильникам..." Боевая дружина существовала более двух лет, увеличившись до шестисот человек, которым платила зарплату еврейская община. Дружина была хорошо вооружена, имела пулеметные команды, не раз спасала Одессу от погромов и даже высылала летучие отряды в окрестные города и местечки.

Отряд еврейской самообороны. Одесса, 1918 год

Из записей бойца одесской дружины, младшего унтер-офицера, Георгиевского кавалера А. Барского, погибшего при защите мирных жите-

лей: "Город заняли большевики... Еврейская дружина была расформирована. Официально она прекратила свое существование, но фактически сохранилась, и весь город знал, что в случае нападения грабителей надо звонить... прапорщику Крахмальникову, и солдаты-евреи немедленно явятся на помощь..." — "С момента эвакуации большевиков и до прихода немцев город два дня находился в руках грабителей. Бойцы еврейской дружины самовластно взяли на себя охрану города. Тюрьма была оцеплена и у нее поставлены пулеметы, город разбит на участки и поставлен под надзор дружины..." — "Снова появилась Добровольческая армия... В день парада на Соборной площади начальник округа обратил внимание на неизвестную ему часть, хорошо обмундированную, прекрасно обученную и имевшую в своем составе много Георгиевских кавалеров. Это был еврейский батальон..." — "В город вновь вошли отряды коммунистов... Еврейский батальон переименовали в Первый Советский пехотный еврейский полк... Его деятельность сводилась к охране населения от грабежей и насилия..."

"Король Молдаванки" Мишка Япончик (М. Винницкий) — сын биндюжника, мужчина небольшого роста с раскосыми глазами — руководил бандой одесских налетчиков, большинство которых составляли евреи. Они совершали дерзкие нападения на банки, магазины, игорные и публичные дома, забирали деньги и драгоценности; часть награбленного Япончик отдавал бедным жителям города, устраивал для них пиршества, на которые сходились нищие и обездоленные. Мишка Япончик, дерзкий, жестокий и бесстрашный, любил прогуливаться по Дерибасовской улице в кремовом костюме с галстуком-бабочкой, на голове желтая соломенная шляпа "канотье", и полицейские делали вид, будто его не замечают. Япончик посылал самых отчаянных громил защищать еврейские кварталы от погромщиков и обучать евреев обращению с оружием; историк С. Боровой отметил в своих воспоминаниях: "Люди Мишки Япончика... в "погромно опасные моменты" патрулировали на улицах с преобладающим еврейским населением, безжалостно пристреливали тех, кого подозревали в подготовке погрома".

Мишка Япончик называл себя анархистом и в апреле 1919 года вместе со своими "мальчиками" вступил в Красную армию; в его полку было более двух тысяч человек, и на фронт их провожала вся Одесса.

> Из воспоминаний: "Впереди шли музыканты. Люди Япончика собирали их по всему городу. Трубачи и флейтисты из Оперного театра, нищие скрипачи, побиравшиеся по дворам, гармонисты из слободских пивнушек — все они шагали рядом, играя походные марши и блатные мелодии. Позади оркестра ехал на белом жеребце сам Япончик в кожаной фуражке, в офицерском френче и крас-

ных галифе — два маузера и уланский палаш на боку... Несли огромное знамя из тяжелого малинового бархата. На нем было вышито название: "Первый непобедимый интернациональный одесский железный полк "Смерть буржуям!.." Рядом с Япончиком гарцевал на рыжем жеребце его адъютант Герш Гундосый, а следом шагали "мальчики" со своими подругами, одетые в мундиры разных армий, на головах котелки, цилиндры и береты..."

В бою под Вапняркой Япончик поднял в атаку свой полк, и они выбили петлюровцев из окопов. Среди прочих прославился в том сражении известный на всю Одессу налетчик Толик Бумбер; командующему армией отправили телеграмму следующего содержания: "Мы Петлюру зашухерим ручными гранатами". Во втором бою "мальчики" вынуждены были отступить и начали расходиться по домам; полк разоружили, а своенравного командира Мишку Япончика застрелили — возможно, по телеграфному распоряжению Л. Троцкого.

6

В 1919—1921 годах на юге Украины действовала армия Нестора Махно. Центром махновщины стало село Гуляй-Поле Екатеринославской губернии, откуда Махно был родом. Революционная повстанческая армия под его командованием сражалась против Добровольческой армии А. Деникина и отрядов С. Петлюры — иногда во взаимодействии с Красной армией, а порой и в ее составе. Махно отличался бесстрашием, четырнадцать раз был ранен в боях, за смелый рейд в тылу деникинской армии получил орден Красного Знамени. Бывали периоды, когда Махно не выполнял приказы большевиков, его объявляли вне закона, и к тем временам относится лозунг его отрядов: "Бить белых, пока не покраснеют. Бить красных, пока не почернеют". Армия Махно насчитывала в лучшие времена до восьмидесяти тысяч человек — пехота, конница, тачанки; одним из полков командовал еврей А. Клейн, одной из бригад — М. Черняк. Были в армии русские, украинские, греческие полки, была и артиллерийская батарея с артиллеристами-евреями под командованием А. Шнайдера, с еврейскими солдатами отряда прикрытия, которые сражались с деникинцами до последнего человека и последнего снаряда при защите Гуляй-Поля.

Отряды Махно выступали под анархистскими лозунгами; это было, по его выражению, "могучее антигосударственное революционное движение широких украинских масс"; среди идеологов его движения оказалось немало анархистов-евреев.

Ближайшим сподвижником Махно и заместителем председателя военно-революционного совета армии был В. Волин (Эйхенбаум, сын русской и крещеного еврея). Агитационным отделом армии руководил А. Барон (Канторович). Начальником контрразведки, командиром личной охраны Махно был Л. Задов (Зиньковский, крещеный еврей), который не раз выносил раненого командира с поля боя (впоследствии вернулся в СССР, работал в одесском отделе НКВД, награжден именным боевым оружием, расстрелян в 1938 году). Примкнули к Махно и евреи из украинской анархистской конфедерации "Набат" — Е. Келлер, И. Эмигрант (Гутман), Я. Алый (Суховольский). Анархисты приезжали в Гуляй-Поле даже из США, чтобы бороться за свои идеалы, среди них евреи Э. Голдман и А. Беркман.

Отряды махновцев тоже грабили, а порой и убивали евреев занятых городов и местечек, налагали непосильные контрибуции, однако Махно расстреливал зачинщиков прогромов и наделял оружием отряды еврейской самообороны. В приказах за подписью "Батько-Махно" он обещал "беспощадно расправляться со всеми виновниками" грабежей и убил (возможно, собственноручно) атамана Григорьева, прославившегося чудовищными погромами со многими жертвами. На одной из железнодорожных станций Махно застрелил коменданта, который к его приезду вывесил плакат "Бей жидов, спасай революцию, да здравствует батько Махно!" На его стороне сражалась Вольная боевая дружина под командованием М. Никифоровой, дочери русского офицера, которая расстреливала погромщиков и своими речами сумела предотвратить несколько разбоев. Махно вспоминал впоследствии, что во время выступления "Маруси" солдаты, намеревавшиеся "громить жидов, плакали как дети".

Отряды Махно участвовали в штурме Перекопа и взятии Крыма, а когда он отказался расформировать свои полки и войти в состав Красной армии, его объявили врагом советской власти и разгромили.

В столицу анархистского движения Гуляй-Поле вошла латышская дивизия и части особого назначения. Уничтожали на месте махновцев, взятых с оружием в руках, казнили их семьи без суда и следствия, расстреляли родственников Махно. После потери своей армии Махно сформировал новые отряды, до августа 1921 года боролся против "большевистской диктатуры и ее контрреволюции", а затем с малой группой — тяжело раненный в последнем бою — ушел через Днестр в Румынию.

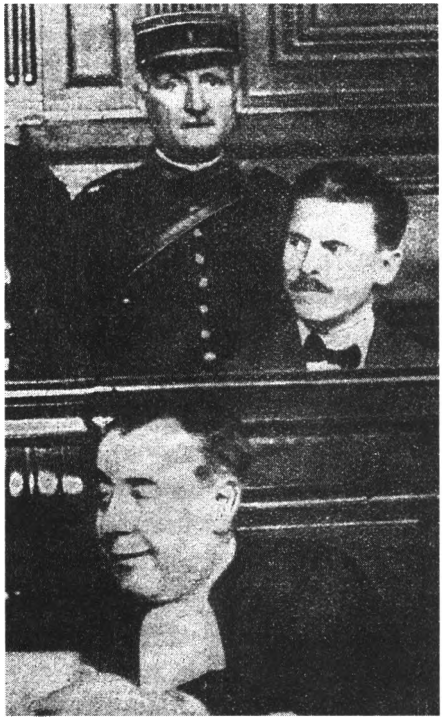
Историки по-разному оценивают меру личной ответственности Генерального секретаря военных дел Украины, а затем главы Директории Симона Петлюры в проведении еврейских погромов. В конце 1917 года он призывал солдат нарождавшейся украинской армии не допускать антиеврейских выступлений: "Если вы их допустите, то покроете позором украинское войско. Никакие погромы не должны быть допущены на нашей земле". Однако после погрома в Житомире Петлюра не принял представителей еврейской общины, а в Елисаветграде ответил еврейской делегации: "Не ссорьте меня с моей армией". После отступления из Киева правительство Директории расположилось в Каменец-Подольском, осудило погромы, выделило деньги для пострадавших и призвало евреев сотрудничать с украинцами против большевиков и деникинцев. В июле 1919 года Петлюра заявил, что еврейское население "стало на путь активной помощи нам в борьбе с врагом и в строительстве Украинской независимой республики, поэтому любое насилие принесет лишь вред, раскол в наши ряды и погубит все дело".

Выступления Петлюры против погромов становились более частыми и решительными; он расформировал воинскую часть за грабежи с насилиями, отстранял от должности командиров, грозил "карать беспощадно" погромщиков. В начале 1921 года Петлюра обратился с воззванием "К населению Украины": "Передавайте это воззвание из села в село, из хаты в хату, из рук в руки... Еврейское население — мелкие торговцы, ремесленники и рабочие... — так же, как и вы, селяне, ждет не дождется освобождения от коммунистов-грабителей. Если вы встретите среди коммунистов евреев, помните, что они для своего народа такие же каины-предатели, забывшие веру и законы отцов своих, как и те наши предатели, что пристали к коммунистам; несправедливо было бы перекладывать вину за них на весь еврейский народ, как нельзя перекладывать вину за наших предателей-коммунистов на весь украинский народ..." Глава Директории приходил к такому выводу в своем воззвании: "Я уверен, что... не вы уничтожаете еврейское население, а уничтожают его сами большевики и те бандиты, которые при коммуне расплодились на нашей земле".

В мае 1926 года анархист Ш. Шварцбард застрелил Петлюру на парижской улице, считая его виновником массовых убийств евреев и гибели своих родственников во время погромов на Украине. Он записал незадолго до покушения: "Кровь... десятков тысяч погибших... не дает мне покоя и тревожит мою совесть... Она зовет меня стать мстителем..." В 1927 году состоялся суд, на котором Шварцбард заявил: "Я исполнил долг истерзанного народа". Его защищал известный адвокат-социалист А. Торез. Свидетели обвинения, бывшие офицеры украинской армии, доказывали на суде, что Петлюра осуждал погромные действия, помогал

пострадавшим евреям и жестоко покарал за убийства полк под названием "Гуляй душа"; украинцы-эмигранты утверждали, что Шварцбард совершил покушение по заданию ОГПУ. В поддержку обвиняемого выступали писатели и общественные деятели разных стран, среди них М. Горький и Р. Роллан; свидетели защиты рассказывали на суде о кровавых событиях на Украине. Присяжные заседатели — "по велению души и совести" — оправдали Шварцбарда; в зале рукоплескали и возглашали "Да здравствует Франция!"; председатель суда заявил: "Шварцбард, вы свободны!"

Из еврейской газеты: "В окрестностях Жмеринки неизвестные преступники убили девять евреев, ехавших на ярмарку в село Красное. Бандиты оставили на месте преступления записку, объясняя убийство местью за Петлюру. Восемь человек, среди них один священник, были преданы суду по обвинению в убийстве и расстреляны..."

Ш. Шварцбард на скамье подсудимых

В октябре 1917 года в киевский революционный комитет входили евреи-большевики Я. Гамарник, А. Горвиц, И. Крейсберг, И. Кулик. Подпольную борьбу против немецкой оккупации Украины возглавила Повстанческая девятка, в которой участвовали евреи —

два большевика и левый эсер. В июле 1918 года в Москве была создана коммунистическая партия Украины, в состав ее Центрального комитета входили евреи. В ноябре того года в Курске сформировали Совнарком Украины, в который вошли два еврея — наркомы юстиции и труда. Большевик Г. Сокольников командовал армией в боях на Украине, а И. Якир — Южной группой войск. Во главе кавалерийской дивизии стоял Д. Шмидт, награжденный двумя орденами Красного Знамени; такие же награды имел С. Медведовский, командир стрелковой дивизии; два ордена Красного Знамени заслужил и "красный казак" Л. Рапопорт, командир Первого казачьего трудового полка.

Одесский финансист С. Гутник стал министром торговли и промышленности в правительстве П. Скоропадского. В правительстве независимой Украины были евреи — заместители министров народного хозяйства и труда; адвокат А. Марголин занимал пост заместителя министра иностранных дел, а затем стал дипломатическим представителем Директории в Лондоне. Министерство по еврейским делам Украинской Народной республики, созданное для защиты интересов евреев, оказалось первым государственным учреждением такого рода в истории еврейского рассеяния. Сначала его министром был лидер партии "Фарейникте" М. Зильберфарб, затем И. Хургин; в правительстве Директории эту должность занял представитель "Фолкспартей" Я. Лацкий-Бертольди, вслед за ним А. Ревуцкий из партии "Поалей Цион", который вышел в отставку, протестуя против погромов. Министерство по еврейским делам существовало до конца 1920 года; последним его министром был П. Красный из "Фолкспартей" (в эмиграции написал книгу о С. Петлюре и погромах на Украине, "заклеймил" в ней генерала А. Деникина и "сиониста-фашиста" В. Жаботинского, получил разрешение вернуться в СССР, был расстрелян в 1939 году по обвинению в создании сионистской террористической организации).

В мае 1919 года в Киеве была образована Редакционная коллегия по собиранию материалов о погромах на Украине. В ее обращении было сказано: "Евреи! Страшное проклятие погромов обрушилось на наши города и местечки, и мир не знает об этом. Нам самим известно слишком мало или совсем ничего. Вы не должны молчать!.." Собрали тысячи свидетельских показаний, сотни фотографий убитых и раненых, письма, дневники, книги записей еврейских общин, поименные списки десятков тысяч погибших, сняли несколько кинофильмов, запечатлевших разгромленные по-

селения; эти материалы составили огромный архив, который нелегально вывезли в Берлин и начали там издавать. С. Дубнов, из предисловия к первой книге: "Взрывчатое вещество накапливается в украинских народных массах годами на почве национальных, религиозных и экономических столкновений с окружающим инородным населением, но для производства взрыва требуется непременно политический фитиль — война, революция, контрреволюция, всякий надлом государственного организма. И в центре взрыва всегда стоит еврейство..."

В книге "Летопись мертвого города" Рахиль Фейгенберг свидетельствовала о судьбе местечка Дубово неподалеку от Умани, уничтоженного во время погромов 1919 года. "Под вечер в Дубово вошли человек сорок крестьян с гармониками и пением. При них были ружья и шашки. Они остановились на базаре, чтобы отточить шашки, и по улицам разнесся хриплый лязг оттачиваемого оружия..." — "Атаман собрал крестьян у церкви и заявил им, что настала пора вырезать всех евреев; согласны ли они на это? Крестьяне ответили, что он может сделать с евреями, что захочет, но чтобы не трогал евреев-кузнецов: теперь идет жатва, и без них обойтись невозможно. И атаман согласился оставить кузнецов в живых..." — "На глазах у семидесятилетнего Пейсаха Зборского убили его детей и внуков, а он продолжал громко читать псалмы. Затем ему отрубили руку, в которой он держал книгу псалмов; тогда он наклонился и поднял книгу другой рукой. Ему отрубили и эту руку, но старый меламед продолжал произносить псалмы наизусть..." — "Обезглавили беременную женщину Эстер Динштейн. Посреди улицы в пыли и мусоре валялась ее черноволосая голова с маленькими гребенками в прическе, а рядом лежал младенец, вынутый из ее распоротого чрева; бандиты перебрасывались им, как мячиком..." — "Старого раввина стащили на пол и били сапогами по голове... Его пытали со среды до пятницы... а затем сбросили убитого раввина в "глинище" — "смертную яму", где уже лежала почти вся его паства..." — "На селе все еще был праздник... У каждого двора плясали подвыпившие крестьянские девушки в бусах, лентах и праздничных безрукавках, хвастаясь подаренными им браслетами и кольцами... Пьянствовали и пировали, угощаясь самыми лучшими яствами, пели и играли на гармониках и балалайках, а в местечке еще раздавались гнусные насмешки крестьян над оставшимися в живых..." — "В местечке осталось только сто десять вдов и около двухсот сирот... После их отъезда дубовские

крестьяне разобрали все еврейские дома, очистили землю и запахали ее; разрушили они и еврейское кладбище, вспахали его и засеяли..."

В октябре 1918 года во Львове была образована Украинская Национальная Рада, которая провозгласила создание Западно-Украинской Народной республики (ЗУНР). В ее состав вошли территории бывшей Австро-Венгрии, распавшейся после поражения в Первой мировой войне: восточная Галиция, юго-западная Буковина и часть северо-восточной Венгрии. Депутаты Рады обещали предоставить автономию всем национальным меньшинствам, включая евреев, но Польша сразу же начала военные действия, чтобы захватить вновь образованную республику. Для ее защиты был сформирован Еврейский курень на тысячу двести солдат под командованием лейтенанта С. Лайнберга. С января 1919 года отряды ЗУНР воевали против Красной армии и, по свидетельству участника тех событий, "Еврейский курень из Тернополя под командованием Соломона Лайнберга героически сражался с большевиками". После захвата Львова поляки устроили в городе еврейский погром, в котором погибли сто пятьдесят два человека; погромы проходили и в других местах — с этого момента возросла помощь евреев молодому украинскому государству. Еврейские комитеты собирали деньги, одежду и медикаменты для солдат; евреи-офицеры, врачи и фельдшеры служили в украинских отрядах. Польская армия была многочисленнее, лучше оснащена, и летом 1919 года Западно-Украинская Народная республика перестала существовать.

Очерк пятый

Гражданская война.
Наступление Добровольческой армии.
Уничтожение евреев Украины

1

1917 год дал толчок для развития сепаратистских движений, и огромная Российская империя стала распадаться на всевозможные государственные образования на больших и малых территориях. В ноябре того года Союз объединенных горцев Кавказа объявил о создании автономной Горской республики. В декабре провозгласила независимость Финляндия; в Бахчисарае было образовано Крымско-татарское национальное правительство, а в Кишиневе создали Молдавскую народную республику. В Средней Азии появилась Туркестанская автономная республика со столицей в Коканде (Кокандская автономия), которая просуществовала недолго, — в состав ее правительства вошли бухарские евреи Р. Потилахов и Вадияев. В начале 1918 года провозгласили независимость Украина, Литва, Латвия и Эстония. В мае была образована Грузинская демократическая республика; в ее Учредительном собрании выделили два места для грузинских евреев и одно для евреев-ашкеназов; министром финансов стал грузинский еврей И. Элигулашвили. Возникли Азербайджанская и Армянская республики. Провозгласила независимость Польша. Башкиры и волжские татары создали национальные автономии. Даже губернии объявляли себя независимыми республиками,

воспринимая буквально большевистский лозунг "Вся власть советам!" и не желая никому подчиняться.

> А. Валидов, командующий войсками автономной Башкирии: "Мы не большевики и не меньшевики, мы лишь башкиры. На какой же стороне мы должны быть? Ни на какой. Мы на своей собственной стороне... Двухмиллионный башкирский народ не может быть игрушкой в ничтожных политических забавах. У него должны быть свои нужды, свои потребности, своя политика, своя точка зрения..."

В ноябре 1918 года Германия капитулировала — так закончилась Первая мировая война, которая привела к серьезным изменениям в Европе и Азии. Германия превратилась в демократическую республику; Австро-Венгрия распалась на Австрию, Венгрию и Чехословакию; Бессарабия отошла к Румынии; Турция потеряла Палестину и Сирию; отделились от России Польша, Финляндия, Литва, Латвия и Эстония. Однако в России война продолжалась. С юга на большевиков наступал А. Деникин, со стороны Финляндии шел на Петроград Н. Юденич, с востока двигался А. Колчак, во власти которого оказалась вся Сибирь. С 1918 года войска стран Антанты оказывали материальную помощь для свержения советской власти. Английские, японские, американские, французские, итальянские, греческие и румынские воинские подразделения высадились в Баку и Владивостоке, в Одессе, Николаеве и Севастополе, в Мурманске и Архангельске.

На территории бывшей Российской империи большевики создавали государственные образования, которые выполняли временные тактические задачи. В январе 1918 года они провели успешное восстание в Одессе и провозгласили Одесскую советскую республику; в ее правительство входили три еврея, в том числе председатель Совнаркома В. Юдовский. В том же месяце большевики создали Донецко-Криворожскую республику с центром в Харькове, которая просуществовала считанные дни. В марте 1918 года они провозгласили в Крыму Советскую социалистическую республику Тавриды, продержавшуюся один месяц; ее Совнарком возглавлял еврей Н. Слуцкий, убитый восставшими татарами. В декабре 1918 года была создана Литовско-Белорусская республика, продержавшаяся лишь несколько месяцев. В мае—июне 1919 года существовала Крымская ССР, правительство которой возглавлял Д. Ульянов, брат В. Ленина. Появились Северо-Кавказская республика, Хорезмская и Бухарская советские республики в Средней Азии; на Дальнем Востоке образовали Дальневосточную республику, чтобы избежать столкновений с японцами: глава правительства — еврей Б. Шумяцкий.

В годы Гражданской войны власть в больших и малых городах менялась неоднократно. Очевидец описывал "пеструю картину улиц Одессы, где, сменяя друг друга, а иногда сосуществуя, мелькали оселедцы (чубы) гайдамаков, жупаны германской варты (полиции), каски немецких солдат, потрепанные мундиры австрийцев, юбки греческих вояк, восседавших на унылых мулах, надменные английские моряки с неизменными трубками, французские зуавы, конфедератки польских легионеров..." Гражданская война набирала силу, и от этой "всероссийской кровавой колошматины и человекоубоины" никому и нигде не было спасения. Убивали пленных. Расстреливали заложников. Добивали раненых врагов в лазаретах: белые — красных, красные — белых. Уничтожали всякого, вызывавшего подозрения во враждебной деятельности. Человеческая жизнь стремительно падала в цене; классовая непримиримость заглушала сострадание и здравый смысл; Россия захлебывалась в кровавой волне ненависти: жители одной страны, одной порой национальности и единой веры, родственники, соседи и земляки яростно и беспощадно уничтожали друг друга.

Писатель Р. Гуль, участник тех событий: "Это значило, что я должен убивать неких неизвестных мне, но тоже русских людей, в большинстве крестьян, рабочих. И я почувствовал, что убить русского человека мне трудно. Не могу. Да и за что? У меня же нет с ним никаких счетов. За что же я буду вразумлять его пулями?.."

2

Лидеры Белого движения сформировали на юге России Добровольческую, Донскую и Кавказскую армии под командованием генерала А. Деникина (общепринятое название — Добровольческая армия). Состав армии был разнородным. В нее входили добровольцы — офицеры, юнкера, студенты, гимназисты старших классов; были в ней и мобилизованные солдаты и офицеры; значительную часть армии составляли кубанские, донские и терские казаки, а также горцы Северного Кавказа — чеченцы, ингуши, осетины. В Добровольческой армии были и евреи, но антисемитизм в частях возрастал, евреи, по признанию Деникина, "подвергались постоянному глумлению; с ними не хотели жить в одном помещении и есть из одного котла", а потому солдат-евреев собрали в отдельные роты, а затем практически перестали брать в армию.

Из приказа по Севастопольскому полку: "Всем ротным командирам иметь строгое наблюдение за нижними чинами еврейского происхождения, не исключая и крещеных и именующих себя пра-

вославными русскими именами, которые выказывают перед начальствующими лицами храбрость, вызываются добровольно в разведку, а на самом деле ищут способы и возможности сноситься с большевиками во вред Добровольческой армии, так как все евреи вообще находятся на службе у красных. Командир полка полковник Анисимов".

В Добровольческой армии служили офицеры-евреи, юнкера, сестры милосердия, которые совместно с прочими "первопроходниками" совершили в феврале—апреле 1918 года "ледяной поход" с Дона на Кубань, чтобы вырваться из окружения. "Кучка людей, затерянных в широкой донской степи, посреди бушующего моря, затопившего родную землю... — вспоминал Деникин. — Они были оборваны, мерзли и голодали, видя как беснуется и веселится богатейший Ростов, финансовая знать которого с большим трудом "пожертвовала" на армию два миллиона рублей, растворившихся быстро в бездонной ее нужде. Они встречали в обществе равнодушие, в народе вражду, в резолюциях революционных учреждений и социалистической печати злобу, клевету и поношение".

Офицеры-евреи желали остаться в Белой армии, "но офицерское общество отказалось их принять... — признавал Деникин. — По жалобе одного из них — первопроходника, дважды раненого в боях, я потребовал... принять решительные меры против самочинных действий частей. Но меры эти разбились о пассивное сопротивление офицерской среды". Еврейские общественные деятели требовали оставить евреев в боевых отрядах: "Если на первых порах офицеры-евреи... подвергнутся моральным мукам, даже смерти, мы идем на это, мы жертвуем своими детьми". Но Деникин хорошо знал настроения в частях, а потому уволил из армии офицеров-евреев, даже тех, кто отличился до этого в боях. И лишь кое-кому удалось остаться в армии и воевать с большевиками, скрывая свою национальность.

Из свидетельства командира батальона Дроздовского полка: "В третьей, помнится, роте моего батальона командовал взводом молодой подпоручик, черноволосый, белозубый и веселый храбрец, офицер с превосходным самообладанием, распорядительный, за что и получил командование взводом в офицерской роте, где было много старших его по чину... Тот подпоручик в бою был убит. Мы похоронили его с отданием воинских почестей, наш батюшка прочел над ним заупокойную молитву, а хор пропел ему "Вечную память"... В Харькове, проходя по одной из улиц, я увидел еврейскую похоронную процессию. Шла большая толпа. Я остановился невольно: на крышке черного гроба алела дроздовская фуражка... Я

узнал, что жена подпоручика... перевезла его прах в Харьков... По дороге мне удалось вызвать дроздовский оркестр, и теперь уже не на православном, а на еврейском кладбище, с отданием воинских почестей, был погребен подпоручик нашей третьей роты..."

С июня 1919 года части Добровольческой армии двинулись на Москву. Они захватили Харьков, затем Киев; к сентябрю того года в их руках была почти вся Украина, за исключением районов Подолии и Волыни, занятых силами Директории. Еврейское население Украины приветствовало приход деникинцев — в надежде на избавителей, которые защитят от ужасов погромов, разрешат частное предпринимательство и ремесла, запрещенные советской властью, восстановят порядок и гражданские права, провозглашенные Февральской революцией, вновь созовут Учредительное собрание. Успокаивали и официальные заявления Деникина: "Добровольческая армия относится с величайшим негодованием к попыткам восстановить одну национальность против другой". В Киеве был создан Еврейский комитет содействия возрождению России; в городах и местечках по пути следования Добровольческой армии еврейские депутации выносили хлеб с солью и предлагали пожертвования на столь благородное дело. Но первые же контакты с солдатами и офицерами повергли их в сомнение: "Хлеб-соль вам не поможет, жидовские морды... — заявляли солдаты передовых отрядов. — Чего жиды радуются? Придут наши, все равно всех перережут..."

Осведомительное агентство Добровольческой армии издавало погромную литературу и "Протоколы сионских мудрецов", фабриковало ложные сведения о "еврейских большевистских и сионистских полках" в составе Красной армии, распространяло слухи, будто евреи стреляли в спины солдатам и казакам, кидали в них гранаты, обливали кипятком с чердаков и из окон квартир. Осведомительное агентство финансировало черносотенные газеты и организации; повсюду расклеивали лубочные плакаты, на которых изображали Троцкого горбоносым уродом с окровавленными губами, с утрированными еврейскими чертами — штык солдата протыкал его. Командиры деникинских полков и дивизий в своих приказах призывали солдат идти в бой против установления "жидовского царства в России", а главное, против "совдепского царя Лейбы Бронштейна". В воззвании о мобилизации крестьян Киевской губернии было сказано: "Ну что такое был раньше главный предводитель большевиков Троцкий? Так себе, маленький еврейчик Лейба Бронштейн, которого хороший человек и в хату не пустит. А теперь? Ого, теперь он великий пан: заместо царя в Москве сидит..."

Вскоре выяснилось, что несут с собой "избавители", на которых надеялись. По Украине двигалась регулярная армия под руководством кадро-

Карикатура
на Л. Троцкого

вых офицеров и генералов, которые начинали службу еще при царе. У этой армии была цель — скорейшее "восстановление Великой, Единой, Неделимой России", а потому она воевала не только против большевиков, но и против отрядов С. Петлюры, сражавшихся за независимую, "самостийную" Украину. "Да, этот край — русский, — утверждал В. Шульгин, член Особого совещания при генерале Деникине. — Мы не отдадим его ни украинским предателям, покрывшим его позором, ни еврейским палачам, залившим его кровью..."

Н. Полетика, историк: "Петлюровские войска подступали к Киеву с запада, деникинские войска — с востока. Канонада звучала все громче и громче. Но кто займет город раньше?.. Вопрос был крайне важен: если раньше придет Петлюра, то нужно изображать "щирого украинца" и быть юдофобом. Если раньше придет Деникин, то при нем нужно проповедовать "единую, неделимую", называть Украину "Малороссией" и говорить о крестовом походе на Москву... Ошибка... могла стоить жизни. Добровольцы избивали и убивали "петлюровцев", а последние резали "офицерню", желающую включить "Малороссию" в "единую, неделимую". Но самой

тяжелой и роковой ошибкой была обмолвка "товарищ". За "товарища" били шомполами и нагайками одинаково дружно и петлюровцы, и добровольцы..."

В Добровольческой армии служили монархисты, которые не могли смириться с падением монархии и попытками разных народов отделиться от России. Служили в армии и бывшие помещики, которые надеялись вернуться в свои имения, свергнув власть большевиков. Были люди с застарелым, привитым в прежние времена антисемитизмом — они отвергали участие евреев в политической жизни страны и выступали против еврейского равноправия, провозглашенного революцией. Одними двигала ненависть, другими корысть, третьими и то и другое — в евреях сосредоточилось то зло, с которым они боролись, местечковые евреи, далекие от какой-либо политики, стали виновниками всех бед, постигших этих людей и страну, а потому должны были заплатить за революцию, которую они не совершали, за большевиков, которых они не знали, даже за крестьян, отнявших у помещиков земли.

Регулярная армия под командованием профессиональных офицеров захватила огромные территории, и это привело к ужасающим результатам при полной безнаказанности и вседозволенности того времени. Погромы Добровольческой армии не были всплеском дикой, стихийной ярости атаманов и их отрядов, но сознательной местью "противнику", очищением России от "язвы еврейства и большевизма".

3

Принадлежность к еврейскому народу оказывалась достаточным поводом для погромов и истребления. Когда очередной отряд Добровольческой армии входил в поселение, сразу же начинались грабежи и убийства евреев, которые сопровождались невероятными жестокостями. Вспарывали животы, отрубали руки и ноги, носы и уши, выбивали зубы, штыками выкалывали глаза, отрезали груди у женщин и половые органы у мужчин, рубили саблями, приговаривая: "Это вам за Троцкого! Это за Свердлова!.." Очевидец свидетельствовал: "Толпа казаков прикладами и штыками выгоняет на улицу прячущихся стариков, женщин и детей, а навстречу уже бежит другая волна казаков, которая расстреливает, рубит шашками и штыками голых обезумевших евреев..."

А. Деникин: "Четыре года войны и кошмар революции не прошли бесследно. Они обнажили людей от внешних культурных покровов и довели до высокого напряжения все их сильные и все их низменные стороны... Был подвиг, была и грязь. Героизм и жесто-

кость. Сострадание и ненависть... Среди кровавого тумана калечились души жизнерадостных и чистых сердцем юношей..."

Отчеты уполномоченных Красного Креста и комиссий по расследованию переполнены описаниями тех событий. Белая Церковь: "Всего убитых триста шестнадцать. Ограблено почти все еврейское население. Цветущий торговый город превращен в стан нищих..." Местечко Яблоново Полтавской губернии: "Все, что могло быть забрано, увезено солдатами, остальное разбито и уничтожено... Население местечка осталось нагим, босым, голодным... Число изнасилованных женщин и девушек очень велико... Поражают крайние проявления одичалого скотства и разнузданного зверства..." В Фастове, в Судный день поста и молитв, казаки ворвались в синагогу, избивали мужчин, разрывали свитки Торы, насиловали женщин; за несколько погромных дней убили в Фастове более шестисот евреев, многие умерли затем от ран и болезней. В Черкассах местное население устроило бал в честь освободителей-деникинцев; в городском саду играл военный оркестр, пускали фейерверки, кавалеры танцевали с дамами, а на окраине города в это время убивали евреев.

В Смеле погибли сто тридцать евреев и шестьсот были ранены; в Монастырщине насчитали более ста убитых, десятки уничтоженных в Боярке и Хащеватом; в Александровске Киевской губернии погибли сорок восемь человек, среди них семеро детей; в местечке Мястковка Подольской губернии в живых остались восемь евреев — остальных убили или сожгли заживо. В Ивангороде деникинцы повесили восьмидесятилетних стариков, в Макарове убили калек в местной богадельне, в Росаве задушили руками пятнадцатилетнего мальчика, в Джурине зарубили саблей годовалого ребенка, в Нежине застрелили раввина города Ш. Хейна. Тела подолгу валялись неубранными на улицах, собаки и свиньи грызли их; подростки учились стрелять в цель, используя трупы вместо мишеней. В местечке Кривое Озеро Подольской губернии после многодневного погрома похоронили четыреста трупов и несколько мешков черепов с костями — останки ста человек, съеденных собаками. Свидетель тех событий сообщал: "В пассажирских поездах проверяли "подозрительных", заставляя читать наизусть "Отче наш" и "Верую", произносить слова на "р". Не выдержавших экзамен истязали и выбрасывали на полном ходу из вагонов..."

Н. Полетика: "Первого сентября Добровольческая армия торжественно вошла в Киев... На улицы высыпала расфранченная нарядная публика. В церквах зазвонили колокола. Всюду благовест, цветы, флаги, впечатление светлого праздника... Первого сентября в

два часа дня по Крещатику провезли на извозчиках группу избитых и истерзанных евреев...” — “Толпы женщин с нашейными крестиками поверх одежды... набрасывались на евреев и евреек, обвиняя их в том, что они коммунисты, что они работали в советских учреждениях и помогали большевикам. Стоило кому-нибудь на улице указать на прохожего — “чекист”, “коммунист”, как толпа бросалась на него и била смертным боем: били молча, остервенело, кулаками и палками, топтали ногами, кололи зонтиками глаза. Я был свидетелем двух таких самосудов...”

Добровольческая армия получала помощь от Англии и Франции, и Деникина предупреждали, что он может “потерять сочувствие всей Европы” из-за жестоких погромов. И тогда деникинцы начали устраивать в Киеве “тихие” погромы, чтобы не привлекать внимания представителей зарубежных стран при штабе главнокомандующего. Это в те дни В. Шульгин написал в газете о “пытке страхом”: “По ночам на улицах Киева наступает средневековая жуть. Среди мертвой тишины и безлюдья вдруг начинается душу раздирающий вопль. Это кричат жиды. Кричат от страха...” Три месяца подряд солдаты и офицеры ходили из одной еврейской квартиры в другую, неторопливо и деловито отнимали деньги и драгоценности, били, насиловали и нередко убивали. Галантные офицеры извинялись за ночное вторжение в квартиры, говорили дамам комплименты и подавали упавшие вещи, усаживались за рояль и музицировали, а затем преспокойно забирали золотые часы, обручальные кольца и серьги, вынутые из ушей у тех же самых дам. “Странный это был погром, спокойный, деловитый... — отмечал современник. — В прежние времена расхищение еврейского имущества происходило в облаке пуха из распоротых перин и под звон разбитых стекол. Теперешние погромщики стали несравненно деловитее и практичнее. Они понимали, что при существующих ценах было бы грешно разломать хотя бы безделицу... Ни одного разбитого стекла, ни одного поломанного стула; деловитость и экономия сил; деньги, деньги и деньги...”

Грабежи проходили повсюду. Чтобы поощрить солдат к наступлению, отдавали на разграбление очередной населенный пункт, который требовалось захватить. Из каждого практически эшелона, останавливавшегося на промежуточной станции, солдаты и офицеры бежали к местному коменданту и требовали на несколько часов выдать им город, чтобы “погулять”. Забирали вещи и драгоценности, посуду и одежду, снимали с бедняков последнюю рубашку и нижнее белье, отнимали швейные машины у портных и инструменты у ремесленников; в поисках тайников ломали стены, разваливали печи, вскрывали полы. Награбленное свозили на рыночную площадь и продавали по дешевой цене, а

затем уезжали в ближайший город, где предавались разгулу в злачных местах, тратили несчитанные миллионы и снова отправлялись на грабеж, чтобы наполнить карман за счет беззащитного еврейского населения. Исследователь тех событий отметил: "В этой помеси наживы и мести участвовали почти все части Добровольческой армии, все лучшие ее полки — и "дроздовцы", и "марковцы", и "волчанцы", и казаки "Дикой дивизии", и донцы Мамонтова, и "шкуровцы", и пластуны, и кубанцы, и терцы, и ингуши, и чеченцы, и прочие народности... В погромах одинаково участвовали как командиры частей, аристократы-гвардейцы, кадровые офицеры, казацкие старшины, так и рядовая масса солдат и казаков..."

В августе—сентябре 1919 года кавалерийский корпус генерала К. Мамонтова совершил рейд по тылам Красной армии, занял Курск, Тамбов, Воронеж, Орел. Мамонтов призывал местное население: "Вооружайтесь и поднимайтесь против общего врага нашей Русской Земли, против жида-большевика-коммуниста... завоевавших нас в рабство, уничтоживших нашу веру, нашу церковь..." Погромы прошли в Балашове, Белгороде, Ельце и Козлове; в этих городах было очень мало евреев, а потому казакам пришлось потрудиться, разыскивая их. Кавалерийский корпус с триумфом вернулся назад, и обоз с награбленным добром растянулся на многие километры. Не случайно В. Шульгин опубликовал статью под заголовком "Взвейтесь, соколы... ворами!", назвав Доброармию "Грабьармией", которая деморализовалась из-за непрерывных погромов и не желала больше воевать. О том же говорил Деникин на встрече с представителями еврейских общин России и Украины: "Трудно ожидать чего-нибудь доброго от людей, совершенно оподлившихся. Это ведь не добровольцы, идейно шедшие в армию... это настоящий сброд". И он же признал уже в эмиграции: "Добровольческая армия дискредитировала себя грабежами и насилием..."

Барон А. Будберг, военный министр в правительстве А.Колчака (из дневника): "В армии развал; в Ставке безграмотность и безголовье; в правительстве нравственная гниль, разлад и засилье честолюбцев и эгоистов; в стране восстания и анархия, в обществе паника, шкурничество, взятки и всякая мерзость; наверху плавают и наслаждаются разные проходимцы, авантюристы. Куда же мы придем с таким багажом!.."

Барон П. Врангель, командующий Белым движением в Крыму: "Армия, воспитанная на произволе, грабежах и пьянстве, имея начальников, которые примером своим развращали войска, — такая армия не могла создать Россию..."

4

Из еврейских воспоминаний времен Гражданской войны.

Киев, осень 1919 года: "Вот все и кончилось. Вот внизу казаки, переругиваясь, отвязывают лошадей, приторачивают к седлам сумки с награбленным, вскакивают в седла... Вот раздается топот. Они умчались... Мы остаемся одни. И вдруг в передней слышатся чьи-то осторожные, вкрадчивые шаги. На пороге столовой появляются какие-то типы с бегающими глазками, но, увидев нас, шарахаются назад. Только позже я поняла, кто это: мародеры. Они надеялись увидеть здесь трупы и ограбить мертвых... К нам в этот день больше не ломились, но воздух кругом был наполнен криками, стонами и похожими на набат беспрерывными ударами меди о медь. Это обреченные, когда к ним подступали насильники, били пестиками в медные тазы для варенья, которые висели на кухне у каждой киевской хозяйки. На что надеялись они? На помощь? Но кто мог и кто решался оказать им помощь? Этот набат означал крик отчаяния: "Люди, мы погибаем!.."

Екатеринослав: "Шесть недель подряд, изо дня в день, из ночи в ночь, над Екатеринославом стон стоял — в буквальном смысле слова. По ночам город выл страшным звериным воем. То жители... пытались отпугнуть грабителей, осаждавших дома... Каждую ночь жители уходили из квартир: жутко быть ограбленным в одиночку. Собирались всем домом во дворах и ждали. По вымершим улицам передвигались группы теней — от дома к дому. Казаки под предводительством офицеров, вооруженные до зубов, храбро шли на обывательские квартиры... Подходят к воротам. Стучатся... "Откройте!" В ответ раздается многоголосое звериное: "О-о-о... А-а-а... О-о-о..." Наутро на всех базарах идет бойкая торговля. Награбленное добро быстро разбирается скупщиками. Обобранные жители покупают у грабителей собственные вещи... А ночью снова мрак, тени, хохот, пьяная песня и вой со дворов: "А-а-а... О-о-о..." Беззащитность взывает к небу — больше не к кому..."

Железнодорожная станция: "На пути стоит поезд, ожидающий отправки в Екатеринослав. Нескончаемый ряд теплушек, переполненных пассажирами... Тишина и пустынность. И вдруг — живые, громкие голоса. Группа теней идет по платформе вдоль поезда, от вагона к вагону... Стучат нагайкой у открытых дверей: "Кто тут евреи? Выходи". Молчание. "Которые евреи — выходи, говорят". Никто не выходит. И вдруг слышится радостно предупредительный голос из вагона: "Вот... Вот тут евреи..." Две фигуры, вытолкнутые услужливыми руками, в смертном ужасе останавливаются перед казаками. "Идем". Их ведут к следующему вагону. "Евреи есть?" — "Есть, есть", — радостно откликаются оживленные голоса. Еще четыре человека изъяты из вагона. Лов-

цы идут дальше: "Евреи, выходи..." И раскатистый, разухабистый смех... Особенно — бабий. Спавшая неподалеку от меня женщина подняла голову, поглядела вслед казакам и спросила: "Чего это?" — "Евреев забирают", — спокойно деловым тоном сообщил сосед-мешочник. "Так им и надо", — изрекла удовлетворенно баба и опустила голову на мешок..."

Поезд: "Мы едем. В вагоне нескончаемые разговоры о большевиках и евреях. Мешочник, мастеровой, сельский учитель, конторщик, студент, баба немытая и дама в завитушках — все трогательно солидарны. Непрерывно стучит в ухо: "Жиды... жиды... жиды..." И кажется, колеса вагона выстукивают мерно и злобно: "Жид... жид... жид... жид..." На каждой станции — на стенах, заборах, водокачке, вагонах — тот же героический, возвышающий душу лозунг: "Бей жидов — спасай Россию"... Прибыли в Харьков. По улице с песней проходили войска. "Папа, — окликнул меня сын, — ты слышишь, что они поют?" Я вслушался. Ровным, молодцеватым шагом шла регулярная армия со знаменами, с офицерами впереди. Уже не казаки — пехота. И зычно в ясном тихом июльском воздухе гремела песня:

Выпьем за крест святой,
За литургию,
И дружно: "Бей жидов
И спасай Россию..."

5

С декабря 1919 года началось стремительное отступление Добровольческой армии; она распадалась на отдельные отряды, за которыми двигались гигантские обозы с беженцами. Деморализованные, озлобленные неудачами солдаты и офицеры вымещали свои чувства на еврейском населении; ненависть к евреям стала патологической до такой степени, что отступавшие теряли порой человеческий облик, и теперь уже нельзя было откупиться деньгами или драгоценностями. Еврейские делегации упрашивали пощадить население, но их не желали слушать; в Макарове Киевской губернии изрубили саблями стариков местечка, умолявших казаков не губить жителей. Пощады не давали никому, пытавшихся убежать ловили арканами и убивали самыми зверскими способами. Нагружали возы еврейским имуществом, устраивали огромные костры и сжигали все, что не могли унести с собой; еврейские дома и лавки обливали керосином и выжигали целые улицы. Тысячи жителей лишились крова — в Богуславе, Фастове, Белой Церкви, Шполе, Корсуни, Томашполе и в других местах.

"Никогда еще казаки не выказывали такой ненависти к евреям... — сообщали из городов и местечек. — Они скрежетали зубами... Убивали

каждого, кто попадался под руку... Была пьяная и кровавая оргия, изощрение озверелых людей, которые никак не могли напиться досыта еврейской кровью..."

> В. Шульгин, из воспоминаний: "В одном месте мальчишка лет восемнадцати с винтовкой в руках бегает между развалинами разгромленных кем-то (нашими? большевиками? петлюровцами? бандитами? — кто это знает?) кварталов. "Что вы там делаете?" — "Жида ищу, господин поручик". — "Какого жида?" — "Да тут ходил..." — "Ну ходил... А что он сделал?" — "Ничего не сделал... Жид..." Я смотрю на него, в его молодое, явно "кокаиновое" лицо, на котором все пороки... Ищет жида с винтовкой в руках среди бела дня. Что он сделал? Ничего — жид..."

Добровольческая армия находилась на территориях со значительным еврейским населением с июня 1919 по март 1920 года. На ее счету оказалось около трехсот погромов, которые выделялись среди прочих разбоев на Украине огромным количеством изнасилований. Насиловали группами, по многу раз — от восьмилетних девочек до семидесятипятилетних женщин; насиловали беременных и больных сыпным тифом; насиловали с садистскими извращениями и заставляли присутствовать при этом родителей и малолетних детей. Если женщина пыталась сопротивляться, ее убивали; убивали и после изнасилования, а также отцов, матерей и мужей, пытавшихся встать на защиту. Многие женщины заразились сифилисом, сошли с ума, остались на всю жизнь инвалидами, покончили самоубийством.

"Все забрано и уничтожено, — написали из местечка после ухода деникинцев. — Не осталось никаких средств к жизни. Живые завидуют мертвым..."

В ноябре 1918 года (после ухода немецких войск) власть в Крыму перешла к Крымскому краевому правительству в Симферополе, которое поддерживала Добровольческая армия. Возглавлял правительство караим С. Крым, министром внешних сношений был М. Винавер. А. Деникин, из воспоминаний: "Правительство г. Соломона Крыма, пробывшее у власти ровно пять месяцев, являет собой законченный опыт демократического правления, хотя и в миниатюрном территориальном масштабе". Последнее заседание Крымского правительства проходило на борту корабля, который увозил министров из России; в эмиграции Винавер призывал западные страны поддержать Белое движение, а американских евре-

ев — оказать помощь "по созданию новой антибольшевистской демократической России".

В. Шульгин (в период наступления армии А.Деникина): "Надо заставить евреев уйти с мест, которые они могут использовать во вред возрождающемуся русскому государству. Не должно быть евреев офицеров, чиновников, судей. Надо стараться, чтобы не было евреев земских и городских гласных, а также служащих городу и земству..." На территориях, занятых Добровольческой армией, устанавливалась гражданская администрация, и местные власти по собственной инициативе вводили ограничения для еврейского населения. В Черкассах, Нежине, Кременчуге, Белой Церкви не допускали евреев к участию в городских Думах, в Новочеркасском политехникуме ввели процентную норму, а в Екатеринодаре судебная палата приняла решение "воспрепятствовать евреям приобретение земель в собственность и аренду" на юге Украины.

Вновь появились полицмейстеры, урядники и городовые по примеру прежних времен, и один из них выпустил такой документ: "Город Кременчуг. Надзирателю второго околотка Бельскому. Немедленно по получении сего выяснить и донести мне, на каком основании местные евреи убирают на еврейском кладбище могилы похороненных евреев, убитых во время беспорядков. Установить на кладбище надлежащий надзор. Всех занимающихся этим демонстративным делом — арестовать... Пристав Лавренюк". Из рапорта об исполнении этого приказа: "За последние два дня мною арестованы евреи: Сима Срулевна Шарфштейн, 14 лет, Хана Азриелевна Нусинова, 11 лет, Рива Мееровна Зильберман, 16 лет, Фейга Михелевна Браверман, 9 лет, Хася Фроимовна Браиловская, 10 лет и Нухим Бер Янкель Залманов Волкенштейн, 11 лет, которые очень усердно, как показали свидетели, посещают кладбище, но путают и не могут точно указать, где похоронены их родные... Околоточный надзиратель Бельский".

Записка сотрудника агитпоезда Отдельного конного отряда генерала Шкуро (на официальном бланке): "Милый Костя! Пожалуй к нам в вагон сегодня в семь часов вечера на чашку чая. Будем тебя увеселять весьма интересным зрелищем. Даня где-то раздобыл жиденка, которого он именует комиссаром, и думает его вечером очень интересно и забавно израсходовать. Даня приготовил постромки и толстую бамбуковую палку. На голову жиденка будет на-

дета “корона” из постромка, и палкой сам Даня будет крутить до тех пор, пока не лопнет красный череп. Правда, оригинально? Воображаю жидовскую морду при этом... Будет, кстати, Ирина Петровна, а также Анна Николаевна. Жду тебя. Твой Степан”.

Письмо прапорщика офицерского стрелкового полка Абрама-Хаима Рувимовича Шафира генералу А. Деникину: “Прослужив в русской армии три с половиной года и в Добровольческой армии восемь месяцев... я был уволен в отставку только за то, что я еврей. Я понял, что Россия для евреев мачеха, и мне, как лишнему, выброшенному за борт, остается причалить к другому берегу... А потому прошу распоряжения о выдаче мне документа в том, что я... противник большевизма. Предоставив такой документ английской миссии в Константинополе, я получу от миссии пропуск в Палестину, где я думаю найти применение своим физическим и духовным силам. Прапорщик в отставке Шафир”.

Из текстов к лубочным картинкам для бойцов Красной армии:

“Эх, калина, эх, малина!
Как Деникин-то скотина...”
“Получил Колчак по роже
И Деникин просит тоже...”
“Вот-те, выродок злодейский!
Знай кулак красноармейский!..”
“Не гляди, король, героем:
Двойкой мы тебя покроем.
Наш удар-то наверной:
Бьем мы двойкой козырной!
Ленин с Троцким — наша двойка,
Вот попробуй-ка, покрой-ка!..”

Во время Первой мировой войны командующий Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич, дядя Николая II, распорядился перевести “Протоколы сионских мудрецов” на английский язык и распространять среди союзников — таким путем “Протоколы” впервые попали на Запад. Осведомительное агентство Добровольческой армии печатало их во множестве в Симферополе, Новочеркасске, Харькове, Ростове-на-Дону, что подтолкнуло к жестоким погромам. “Протоколы” издавали и на территориях, занятых армией А. Колчака: в Омске, Иркутске, Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске-на-Амуре.

В 1918 году в частях Северо-Западной армии генерала Н. Юденича распространяли поддельный документ "для сведения и прочтения" — отголосок "Протоколов сионских мудрецов": "Председателям отделов Всемирного Израильского Союза! Сыны Израиля!.. Мы стоим на пути достижения нашего Всемирного Могущества и власти; то, о чем мы раньше только тайно мечтали, уже находится почти в наших руках... Троцкий-Бронштейн, Зиновьев-Радомысльский, Урицкий, Каменев-Розенфельд, Штейнберг... захватили высшие места в Государстве, властвуют над рабским племенем, предназначенным служить удобрением для Нашего роста и величия... Сыны Израиля, час нашей окончательной победы над Россией близок. Сомкните теснее ряды..." Ниже приписано: "Верно с жидовского подлинника: полковник Сумароков... Найдено у убитого красноармейца".

В 1919 году, когда армия Юденича приблизилась к Петрограду, в городе распространяли листовки "Изголодавшимся жителям Петрограда": "Немедленно поднимайте восстание... С оружием в руках свергните эту гнусную еврейскую банду..." — евреи Петрограда вновь опасались за свою судьбу и молились в синагогах, чтобы отвести беду.

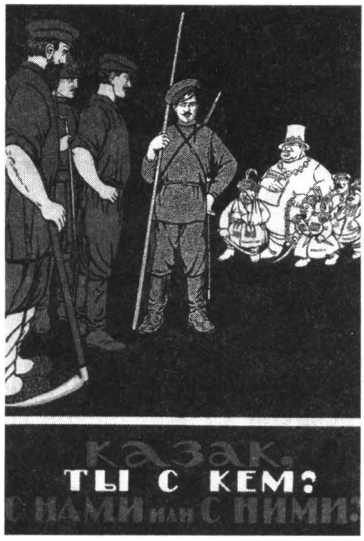
Армия А. Колчака зависела от американской финансовой поддержки, а потому командование старалось не допускать погромов; в районах действия армии было мало евреев, что также не способствовало созданию погромных ситуаций. Колчак — в отличие от Деникина — подтвердил равноправие еврейского народа, полученное после Февральской революции; съезд еврейских общин Сибири и Урала поддержал Белое движение. При отступления армии Колчака происходили погромы в Забайкалье, а затем и в Монголии, куда убегали российские евреи от ужасов Гражданской войны. Командир Конно-азиатской дивизии барон Р. Унгерн фон Штернберг призывал уничтожать евреев, мужчин и женщин, включая выкрестов — "даже семя не должно остаться"; после взятия города Урга (Улан-Батор) он приказал убивать всех евреев, и его солдаты успешно этим занимались.

Весной 1920 года А. Деникин подал в отставку, и на последнем этапе Белого движения армией в Крыму командовал барон П. Врангель. Он не допускал грабежей, которые могли деморализовать солдат и офицеров, закрыл газету за печатание погромных статей, запретил "публичные выступления, лекции и диспуты, сеющие политическую и национальную рознь"; уличенных в погромах судили военно-полевые суды и приговаривали к смертной казни.

Евреи Елисаветграда были спасены от очередного погрома после вмешательства священника Колосова. Епископ Амвросий в Ельце защищал евреев от казаков К. Мамонтова. Протоиерей К. Агеев предостерегал в статье "Мой ответ Шульгину": "Еврейский погром, с точки зрения религиозной, есть такой ужас, что его нельзя преувеличить. Я не говорю — участвовать, а просто сочувствовать в тайниках своей души избиению людей и вместе с тем считать себя достойным милости Спасителя Христа — это есть издевательство над Распятием".

Патриарх Московский и всея Руси Тихон (из "Послания чадам Православной Российской Церкви", июль 1919 года): "Зажигаются страсти. Вспыхивают мятежи. Создаются новые и новые лагери. Разрастается пожар сведения счетов... Вся Россия — поле сражения! Но это еще не все. Дальше еще ужаснее. Доносятся вести о еврейских погромах, избиении племени, без разбора возраста, вины, пола, убеждений. Озлобленный обстоятельствами жизни человек ищет виновников своих неудач и, чтобы сорвать на них свои обиды, горе и страдания, размахивается так, что под ударом его... руки падает масса невинных жертв... Православная Русь, да идет мимо тебя этот позор. Да не постигнет тебя это проклятие. Да не обагрится рука твоя в крови, вопиющей к Небу... Помни: погромы — это торжество твоих врагов. Помни: погромы — это бесчестие для тебя, бесчестие для Святой Церкви!.."

Очерк шестой

Победа большевиков и окончание
Гражданской войны.
Итоги погромов 1918—1921 годов

1

Большевики победили в той войне. В ноябре 1920 года корабли стран Антанты вывезли из Крыма почти сто пятьдесят тысяч человек. Из воспоминаний эмигрантов (уход из Севастополя): "Последние останки Российской империи собирались на многочисленных судах — и частных, и военных..." — "В воскресенье, во второй половине дня, мимо нас стали проходить один за другим корабли Белого флота, палубы которых наполнены были сплошной массой людей. На некоторых идущих на буксире баржах люди стояли сплошной стеной, как щетина на щетке. Это был великий исход, которому не было примеров в истории... исход в полную неизвестность..." — "К нашему миноносцу подъехал ялик с тремя офицерами. По грязной одежде, по сумкам и винтовкам видно было, что все они с фронта... Первым влез на лестницу старый полковник с седыми подусниками и с Георгием на шинели. Он снял с плеча винтовку, размахнулся и с силой бросил ее в море... Помню, многие тогда заплакали..." — "Я понял, что старая Россия, которая меня выкормила и вырастила, навеки умерла, и тосковать по ней можно только так, как тоскуют по покойнику..." — "У меня нет будущего: я стар. У меня нет настоящего: я беженец..."

Н. Тэффи, писательница (уход из Новороссийска): "Дрожит пароход, бьет винтом белую пену, стелет по берегу черный дым. И тихо, тихо отходит земля. Не надо смотреть на нее. Надо смотреть вперед, в синий широкий свободный простор... Но голова сама поворачивается, и широко раскрываются глаза, и смотрят, смотрят... Дрожит пароход, стелет черный дым... И вот — как жена Лота — застыла, остолбенела навеки и веки видеть буду, как тихо, тихо уходит от меня моя земля..."

Когда Красная армия в четвертый (и последний) раз заняла Киев, на здании университета появился плакат: "Мы ушли ненадолго. Мы вернулись навсегда..."

Историки во всем мире потратили немало усилий, чтобы определить причины победы большевиков в Гражданской войне. У них были простые и доходчивые лозунги, которые безотказно действовали в рабочей и крестьянской среде: "Мир — народам!", "Фабрики — рабочим!", "Землю — крестьянам!" Они применяли невероятно жестокие меры массовых насилий для устрашения и истребления не только инакомыслящих, но и потенциальных врагов. В первые месяцы своего правления большевики конфисковали помещичьи, церковные, монастырские земли и передали их земледельцам — в стране, где подавляющее большинство населения составляли сельские жители; это подтолкнуло к ним на первых порах многомиллионное крестьянство, которое с победой Белого движения связывало возвращение помещиков. Большевики шли на уступки, заключая самые неожиданные политические и военные соглашения, чтобы разорвать их в нужный момент и уничтожить вчерашнего союзника, а их врагам недоставало политической гибкости из-за принципов, которых они придерживались. Для нейтрализации возможных противников большевики предоставили независимость некоторым национальным меньшинствам, не имея возможности удержать их силой и не теряя надежды вернуть утраченное при подходящем случае. А Белое движение А. Деникина и А. Колчака в борьбе за "Единую и Неделимую Россию" оттолкнуло от себя народы бывшей Российской империи, провозгласившие свою независимость; оттолкнуло оно и еврейское население — разбоем и убийствами, то самое население, которое могло оказать существенную поддержку в борьбе с советской властью.

Р. Гуль, писатель-эмигрант: "К белым народ не хотел идти: господа. Здесь сказался один из самых больших грехов старой России: ее сословность. И связанный с ней страшный разрыв между интеллигенцией и народом... Царскому генералу Антону Деникину... мужик не верил. В этом была беда и мужика, и всей России..."

Из воспоминаний очевидца (первые годы советской власти): "До образования и закостенения новой бюрократии был период, когда простые люди почувствовали: к управлению пришли с в о и. Не надо ломать шапку перед барином. Не надо унижаться перед вышестоящим. Нет больше "благородий", "высокоблагородий", "превосходительств"... В моем родном Киеве за три года — с 1917 по 1920 — власти сменялись пятнадцать раз... И я видела — свидетельствую, кто встречал с восторгом и забрасывал цветами деникинцев, а кто — красноармейцев. В первом случае — дамы в шляпах со страусовыми перьями, архимандриты в шитых золотом рясах, господа в котелках и цилиндрах; во втором — платки, кепки, картузы, тужурки..."

2

Во время Гражданской войны большевики мобилизовали более пяти миллионов человек, в основном крестьян. Красная армия состояла из представителей тех же слоев населения, что и армии ее врагов, и порой лишь случайность, насильственная мобилизация, обещания умелых ораторов заплатить побольше и кормить получше ставили солдата и казака под те или иные знамена. Генерал А. Деникин свидетельствовал: "На огромном пространстве страны возник десяток правительств и десяток армий, отмеченных всеми цветами политического спектра... Все они производили мобилизации на занятых ими территориях. Во все шел народ — с превеликим нежеланием, оказывая пассивное, очень редко активное сопротивление, но все же шел и воевал, проявляя то высокую доблесть, то постыдное малодушие; бросал "побежденных", переходил к "победителям", менял красную кокарду на трехцветный угол и наоборот с такой легкостью, как будто это были только украшения форменной одежды".

В. Короленко, писатель (из дневника времен Гражданской войны): "Наконец "оно" пришло. Полтава три дня пьянствует и громит винные склады... "Все наше, — кричат солдаты. — Буржуи попили довольно. Теперь мы..." — "Приходит наниматься в Красную гвардию человек. Ему говорят: "Вы, товарищ, значит, знаете нашу платформу?" — "Та знаю: пятнадцать рублей в сутки..."

Случаи перехода на сторону вчерашних врагов никого не смущали; перебегали группами и поодиночке, а то и целыми отрядами во главе с атаманами. Колебания солдат и офицеров отражали настроения окружающего населения, частью которого они являлись, а потому от больше-

виков с легкостью уходили к петлюровцам, от деникинцев к большевикам, оказываясь в ином лагере в родной среде, принося с собой прежние свои интересы, переменчивые симпатии и устойчивую ненависть. Неприязнь к евреям была присуща и красноармейцам, и хотя советская власть старалась подавить погромные настроения, ей это не всегда удавалось. Отдельные отряды, входившие в состав дивизий и армий, жили, как правило, реквизициями, не получая довольствия от интендантских служб, и все зависело от сиюминутных настроений красноармейцев, когда неприметный грабеж мог перейти в открытый разбой со многими жертвами.

В феврале—марте 1919 года солдаты Богунского и Таращанского полков Первой Конной армии громили еврейские местечки на Украине; в Теофиполе Волынской губернии разграбили и сожгли почти все местечко, убили более ста человек. Советская власть на Украине опубликовала декрет, который грозил жестокими наказаниями, вплоть до смертной казни, за погромные действия. В мае 1920 года бойцы Первой Конной армии разгромили местечко Любар в Волынской губернии — зачинщиков погрома повесили, отряды разоружили. В августе того же года одну из дивизий расформировали после погрома и расстреляли более ста пятидесяти солдат.

> И. Бабель, писатель, из дневника (лето 1920 года, Первая Конная армия, война с Польшей): "Рынок. Маленький еврей философ... Его философия — все говорят, что они воюют за правду, и все грабят. Если бы хоть какое-нибудь правительство было доброе..." — "Еврейское кладбище... заросло травой, оно видело Хмельницкого, теперь Буденного, несчастное еврейское население, все повторяется..." — "Евреи, не спавшие ночь, стоят жалкие, как птицы, синие, взлохмаченные, в жилетах и без носков... Какие изуродованные фигурки, какие изможденные лица..." — "Лицо цадика, никелевое пенсне. — Откуда вы, молодой человек? — Из Одессы. — Как там живут? — Там люди живы. — А здесь ужас..." — "Коптит лампочка, воет старуха... ночь, казаки, все как тогда, когда разрушали Храм..." — "Сапожник ждал советскую власть — он видит жидоедов и грабителей, и не будет заработка, он потрясен и смотрит недоверчиво... Какие раздерганные, замученные люди. Несчастная Галиция, несчастные евреи..." — "Ненависть одинаковая, казаки те же, жестокость та же, армии разные, какая ерунда. Жизнь местечек. Спасения нет..."

3

Бывший священник С. Гусев-Оренбургский составил "Книгу о еврейских погромах на Украине в 1919 году", в которой приведены многие свидетельские показания — ужас, страдания, кровь, слезы и смерть: недаром одно из ее изданий получило название "Багровая книга". Местечко Тростянец Подольской губернии: евреев согнали в одно здание, бросали внутрь бомбы и ручные гранаты, а затем "ножами, штыками, топорами довершили свое дело... Пять часов продолжалось избиение беззащитных. Клочки четырехсот трупов были свезены и свалены в приготовленную днем могилу. А колокола, не смолкая, били набат..." Белая Церковь: "Убили семидесятилетнюю старуху. Расстреливали малолетних. Задушили семимесячного ребенка при обыске его люльки..." Чернобыль: "Атаман отправляет экспедицию для погрома в Камарин и произносит речь: "Ни одного жида не оставьте там, ни одного". Оркестр провожает их маршем... К вечеру приехали из Камарина, нагруженные чемоданами и награбленным, хвалятся: "Потопили пятьдесят восемь детей и женщин..." Местечко Ладыжинка Киевской губернии: "Погребальщики собрали шестьдесят трупов и множество отрубленных голов, рук, ног, а также совершенно неопознанных и неопределенных обрывков мяса... Собрали двадцать пять женщин, девушек и замужних, в полном смысле разорванных на части..." Там же: "В горячее время уборки хлеба нельзя заниматься лишь резней, и крестьяне оставляли ладыжинских евреев в покое от восхода и до заката солнца, работая в поле. Но время от времени, когда хочется немножко поразвлечься, отдохнуть от работы, крестьяне посещают синагогу, где ютятся остатки ладыжинского недорезанного населения, — изголодавшиеся евреи с застывшими от ужаса глазами, голые, грязные, многие в сыпно-тифозном жару. Начинается "представление"... Приказывают дряхлому, шамкающему еврею петь хасидские песни и проделывать гимнастические приемы. Протягивают ему грязную ногу в вонючей портянке. "Целуй". Выводят тифознобольного на улицу и велят плясать, ползать в грязи на четвереньках. Между прочим изнасилуют девочку-подростка, а иногда и дитя. Являются налетчики-бандиты из других мест, и крестьяне... угощают их "представлением"..." Елисаветград: бросили еврея в вырытую могилу и стали засыпать землей. "Он сел в могиле, умоляя не убивать его. Мольбы не помогли. Тогда он принялся выбрасывать землю руками из могилы. Убийцы не препятствовали. Они только смеялись: "Посмотрим, кто одолеет". Их было пять человек, и он был заживо похоронен..." Местечко Словечно Волынской губернии: "Нам кричали, чтобы мы уходили из местечка, чтобы ни одного из жидов тут не оставалось. "Куда же нам идти, когда отовсюду в нас стреляют?" Отвечали: "В могилу..."

М. Горький (из предисловия к книге С.Гусева-Оренбургского): "Книгу эту следовало бы озаглавить так: "деяния обезумевших скотов"... Потомки людей, отравленных монопольной водкой, — ныне отравляющиеся "самогоном" разного рода, — играют в жизни России все более заметную роль, насыщая быт русской болезненной жестокостью — садизмом. "Классовая борьба". Мудрые люди суют это понятие всюду так же охотно и поспешно, как старые бабы всюду суют волю Божию. Там, где русский нищий разбивает палкой или камнем череп нищего еврея, там нет политики, а только патология..."

Летом 1919 года польская армия заняла Минск и огромные территории Белоруссии; поляки захватили даже Киев в мае 1920 года и пробыли в нем больше месяца. Солдаты и офицеры грабили и избивали евреев, обвиняя их в "антипольских", "пробольшевистских" или в "проукраинских" настроениях. Погромы прошли в Минске, Борисове, Бобруйске, Слуцке, Киеве и других городах и местечках. Громили, убивали, насиловали женщин, оскверняли синагоги, рвали свитки Торы, срезали бороды у старых евреев, впрягали их в телеги и погоняли вместо лошадей, заставляя возить по улицам пьяных солдат; в Гродно запретили печатать объявления на иврите и проводили лекции "только для христиан" — "Мы и евреи", "Международный еврейский заговор", "Борьба с евреями за польскую душу". В июле 1920 года польские войска уходили из Белоруссии и на своем пути громили и выжигали еврейские местечки, обливая жилища керосином; пожарным не позволяли тушить огонь, а жителей, пытавшихся спасти имущество, избивали. Из Борисова передавали: "Половина города сожжена, от домов не осталось даже следа..."

В конце 1920 года на территории Белоруссии действовали отряды генерала С. Булак-Балаховича, которые воевали с советскими войсками, а заодно грабили евреев, устраивали массовые изнасилования, убивали с изощренной жестокостью. Очевидец сообщал: "Бандиты вырезали всех до единого, причем их метод — начинать с маленьких детей и заканчивать дедушкой и бабушкой в порядке возраста..."

Из еврейской газеты "Ахдут" ("Единство"): "После погромов, учиненных бандами Балаховича, были свезены в Ковель из окрестных городов и сёл разорванные и залитые кровью свитки священных книг... Из Большой синагоги процессия двинулась по улицам города, останавливаясь возле каждой синагоги, где и совершалось отпевание. Все еврейское население Ковеля принимало участие в процессии. Свитки похоронены на новом кладбище..."

Погромы на Украине и в Белоруссии продолжались до 1921 года, но и после окончательной победы советской власти действовали всевозможные банды, которые грабили и убивали евреев. По примерным подсчетам с 1918 по 1920 год на территории бывшей Российской империи прошло более тысячи пятисот погромов, из которых три четверти пришлось на Украину. Более других пострадала территория между Днепром и Днестром: ее называли "колыбелью еврейского погрома". Некоторые города громили неоднократно: Елисаветград выдержал пять погромов, Володарка — четыре, Черняхов — десять; по нескольку погромов было в Умани, Чернобыле, Богуславе, Радомышле... — этот перечень можно продолжить без конца.

Еврейские дети-сироты — жертвы погромов

Нет точных данных о жертвах погромов 1918—1921 годов. Убивали на проселочных дорогах, в поле или в лесу, выбрасывали из поездов, топили в реках, сжигали в домах и синагогах, оставляли на съедение свиньям и собакам, живыми бросали в колодцы, кидали без счета в общие могилы; некоторые местечки исчезли без следа — ни домов, ни жителей, и некому было подсчитывать жертвы. Историки называют разные цифры: от семидесяти пяти до двухсот тысяч погибших евреев. Погромы оставили за собой множество раненых и изувеченных; около трехсот тысяч еврейских детей на Украине стали сиротами, десятки тысяч — беспризорными; семьсот населенных пунктов были полностью разграблены,

неисчислимое количество еврейских домов, лавок, мастерских и фабрик сожжены и разрушены; сотни тысяч несчастных оказались беженцами — нищие, раздетые и разутые, без пропитания и крыши над головой, умиравшие от тифа, туберкулеза, холеры, голода, нервного потрясения; тысячи изнасилованных, зараженных венерическими болезнями женщин; убитые и искалеченные в каждой почти семье; территории еврейских кладбищ разрослись до невиданных прежде размеров, но некому было приходить на могилы и оплакивать погибших.

П. Маркиш, поэт (1921 год):

Вам, жертвы Украины,
Чья земля насыщена вашими останками.
И вам, сваленным в кучу
В городе Городище, что на Днепре, —
Кадиш!..

4

Во время Гражданской войны еврейскому населению был предъявлен счет за действия большевиков, хотя подавляющее большинство евреев не имело никакого отношения к политике и не разбиралось в отличиях одной партии от другой. Убивали не только мужчин и женщин, убивали и грудных младенцев, которые отвечали за действия "коммунистов и Лейбы Бронштейна". Разбои и насилия тех времен стали объявлением войны целому народу. Страх и отчаяние поселились в каждом еврейском доме, одиночество и покинутость перед лицом враждебного, в лучшем случае равнодушного окружения. Бежать было некуда: на всех дорогах подстерегала опасность; спрятаться было негде: в конце концов, их находили, избивали, грабили и убивали. В хаосе призывов и угроз, насилий и террора, нескончаемых перемен властей и неисполняемых обещаний политиков было почти невозможно определить собственное отношение к происходившим событиям. Спасали интуиция, инстинкт, стихийное желание выявить ту силу, которая поможет выжить в невозможных условиях.

Запуганное и замученное еврейское население готово было принять и поддержать любую власть, которая гарантировала бы ему безопасность. Можно сказать с уверенностью, что враждебное окружение и недальновидная политика оттолкнули еврейское население от возможных союзников, то самое население, которое могло стать существенной подмогой для независимой Украины или Белого движения, стоило только протянуть к нему руку дружбы. Кто знает, как могли повернуться события, если бы евреи с их финансовыми возможностями, огромными людскими

резервами и влиянием во многих странах встали на сторону врагов советской власти? Гонимый народ искал защитников, которые спасли бы его от поголовного уничтожения, — таким защитником оказалась советская власть, та самая власть, экономическая политика которой вела к обнищанию еврейского населения. Когда следовало выбирать между имуществом и жизнью, выбирали, конечно, жизнь и шли к большевикам.

Советская власть беспощадно расправлялась с погромщиками; там, где она устанавливалась надолго, погромы старались не допускать, и это вызывало доверие евреев. В губерниях открывали бесплатные столовые, амбулатории и бани с дезинфекционными камерами для беженцев из районов погромов, предоставляли им жилье, снабжали больных бельем и лекарствами — это также подталкивало к большевикам, меняя настроения и привязанности еврейского населения. По свидетельству современников, евреи Украины встречали отряды Красной армии как единственных защитников от неминуемого истребления. А. Деникину докладывали: когда большевики заняли Киев после погромов Добровольческой армии, евреи "устроили такое ликование, которое сразу показало, на чьей стороне их симпатии". Если Красная армия отступала из города или местечка, вслед за ней уходило порой и еврейское население. Образовался замкнутый круг: чем больше происходило насилий, тем с большими надеждами евреи встречали красноармейцев. Это вызывало в ответ очередные обвинения, евреев вновь отождествляли с большевиками, что приводило к новым насилиям и новому росту симпатий к советской власти.

Переход на сторону большевиков служил гарантией от физического истребления народа, и еврейская молодежь вступала в Красную армию; иногда это делали отряды самообороны во главе со своими командирами. Не все шли добровольно, многих мобилизовывали помимо желания — во время войны с Польшей в красноармейских полках, сформированных в Минске, было большое количество евреев.

> Несколько сот горских евреев (город Куба, Азербайджан) добровольно вступили в Красную армию: "Отряд получил название "Непобедимая горско-еврейская кавалерийская бригада"... Не было пока ни одного коня, ни одной шашки... Прежде чем отправиться в Баку на формирование, наши добровольцы с красными бантами в петлицах, при скоплении тысячной восхищенной толпы, торжественно промаршировали по главной улице Слободы. Впереди с красным знаменем в мускулистых руках шел высокий, широкоплечий, с чуть рыжеватой окладистой бородой Шальму Тавруз. Рядом с ним шагал другой доброволец — горемычный и убогий старик Баабон..."

Кавалерист-еврей

После отступления армии С. Петлюры ее руководители попытались восстановить отношения с национальными меньшинствами на Украине. Повстанческие комитеты Волыни и Подолии призывали евреев выступить против большевиков: "Да здравствует Украина! Да здравствует еврейская Палестина, живущая в ней! Да здравствует союз и единство украинского и еврейского народа!" Но после пережитых ужасов еврейское население уже сделало свой выбор, который определил его отношение к советской власти на ближайшие годы.

5

Оглядываясь назад и ужасаясь содеянному, можно вывести динамику жертв насилий конца девятнадцатого — начала двадцатого века. Во время Кишиневского погрома 1903 года было убито больше евреев, чем за все погромы в Российской империи в девятнадцатом веке. Восемьсот жертв октябрьских погромов 1905 года почти в двадцать раз перекрыли количество жертв Кишинева, но одна лишь резня в Проскурове в 1919 году дала в два раза больше жертв, чем все погромы 1905—1906 годов.

Массовые истребления евреев на Украине стали первой сознательной попыткой физического уничтожения целого народа, что возможно лишь при активном участии окрестного населения. Убийства происходили не только под влиянием слепой ярости или сиюминутного желания, — кое-где заранее рыли могилы, готовили телеги для перевозки трупов на кладбище, заготавливали известь, которой посыпали захоронения, "чтобы не было заразы". Убийцы не имели еще общего плана и единого руководства; в их распоряжении не было технических средств будущих времен; их отвлекала и борьба друг с другом, что помешало планомерному и поголовному уничтожению. Однако лидеры еврейских общин уже тогда предупреждали генерала А. Деникина: "Во всех местах... произошло и сейчас происходит систематическое, более или менее окончательное уничтожение еврейского населения" (не случайно в те времена появился термин judenrein — "территория, свободная от евреев").

А впереди была Вторая мировая война, разработанное нацистами "окончательное решение" еврейского вопроса, лагеря уничтожения, газовые камеры, поезда с обреченными, отправлявшиеся строго по расписанию, шесть миллионов жертв на отлаженном конвейере убийств: в основном те же территории, те же мученики — евреи Польши, Украины, Литвы, Латвии и Белоруссии, все та же чудовищная динамика непрерывного роста неуклонного человеческого озверения...

Несмотря на тяготы и лишения времен Гражданской войны, еврейская культурная жизнь не прекращалась. Из воспоминаний (1918 год, попытка возобновить работу Высшей школы еврейских знаний в Петрограде): "И вот мы сидим за столом, поверяя друг другу свои сомнения, возможно ли нечто подобное в окружающей нас тьме. Саул Гинзбург... предложил подождать, пока кончится это безумие. Но Семен Маркович (Дубнов) возразил ему: "Что вы имеете в виду, говоря о тьме?.. Конечно, вокруг тьма, египетская тьма. Но когда же и зажигать свечу? При свете дня? Мы должны учиться у прошлого..." Историк А. Браудо, вице-директор Публичной библиотеки в Петрограде, призывал в те годы: "Трудности перед Россией стоят неисчислимые. Но нам, уцелевшим интеллигентам, надо работать не разгибая спины. Ждать положительного нечего... Только не ждать..."

В конце 1918 года открыли в Москве Еврейский народный университет "для распространения научных знаний в широких массах народа" (закрыт в 1922 году). В 1918 году в Одессе действовал Еврейский народный университет; музыкальное общество "Га-Замир" ("Соловей") организовывало концерты, киностудия "Мизрах"

("Восток") снимала документальные фильмы "Жизнь евреев в Америке" и "Жизнь евреев в Палестине", художественные фильмы "Кантонисты", "Дело Бейлиса", "Кровавая шутка" по повести Шолом-Алейхема. С 1919 года работал в Петрограде Еврейский народный университет, реорганизованный в Высшие курсы по изучению истории и языка еврейского народа (закрыты в 1925 году). Действовали Общество еврейской народной музыки, Литературно-художественное общество, Еврейское театральное общество, Еврейское общество поощрения художеств. Издательство "Кадима" ("Вперед") выпускало в Петрограде сионистскую литературу на русском языке — сочинения Т. Герцля, М. Нордау, Ахад га-Ама, а также серии книг "Дешевой еврейской библиотеки" и "Палестинской библиотеки".

В 1922 году, после долгого перерыва, возобновили выпуск журнала "Еврейская жизнь"; во вступительной статье "Памяти ушедших" редакция "подводила итог той бури, что пронеслась над Россией": "Смерть со все возрастающей беспощадностью творит свое злое дело, кося и стариков, и молодых. Почти каждый день приносит весть об утрате кого-либо из милых сердцу и дорогих; при нынешнем расстройстве людских сношений нередко, бывает, случайно узнаёшь, что близкий душе твоей человек... давно уже покончил счеты с жизнью в далеком и чужом углу, куда забросили его теперешние превратности судьбы. Порой кажется, что мы скоро начнем считать не выбывших, а остающихся..."

Первого февраля 1918 года советское правительство ввело грегорианский календарь — "в целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени"; с этого момента все даты передвинули на тринадцать дней вперед. В марте 1918 года правительство и центральные учреждения переехали в Москву. Лидеры большевиков жили и работали в Кремле, и Л. Троцкий вспоминал: "Со своей средневековой стеной и бесчисленными золочеными куполами Кремль, в качестве крепости революционной диктатуры, казался совершеннейшим парадоксом... Музыкальные часы на Спасской башне перестроили. Теперь старые колокола вместо "Боже, царя храни" медлительно и задумчиво вызванивали каждые четверть часа "Интернационал"... Над башней с ее колоколом возвышался по-прежнему двуглавый орел. Только корону с него сняли. Я советовал водрузить над орлом серп и молот, чтоб разрыв времени глядел с высоты Спасской башни, но этого так и не удосужились сделать..."

В июле 1918 года была принята первая советская конституция, которая определила название страны — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР). В сентябре того года государственным гимном советской России стал "Интернационал". В апреле 1920 года Красная армия заняла Азербайджан, и Азербайджанская республика перестала существовать; в ноябре того года большевики ликвидировали Армянскую, а через три месяца — Грузинскую республику (революционные комитеты этих республик просили "от имени трудящихся" помощи у Москвы, и это служило основанием для вступления отрядов Красной армии). В декабре 1922 года был образован Союз Советских Социалистических республик (СССР). В него входили РСФСР, Белорусская и Украинская ССР, а также Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика, которая включала Азербайджан, Армению и Грузию (стали отдельными республиками в 1936 году). Туркестанская автономная республика числилась в составе РСФСР, и из нее в дальнейшем выделились Казахская, Киргизская, Узбекская, Туркменская и Таджикская ССР.

В 1920 году большевики заключили мирные договоры с Эстонией, Латвией, Литвой, Финляндией и Турцией. В 1921 году подписали мирный договор с Польшей и Монголией, а через год с Германией. Страны Антанты вывели наконец свои войска из России, последними ушли японцы в октябре 1922 года. В 1924 году были установлены дипломатические отношения с Великобританией, Италией, Норвегией, Австрией, Грецией, Швецией, Мексикой и Китаем, Данией и Францией, в 1925 году — с Японией, которая возвратила Советскому Союзу северную часть острова Сахалин. Во время мирных переговоров между РСФСР и Литовской демократической республикой российскую делегацию возглавлял А. Иоффе, литовскую — заместитель министра иностранных дел Ш. Розенбаум. Чтобы установить "прочные основы для будущих отношений", следовало определить границы между двумя странами; по этому поводу проходили долгие споры, и еврейская легенда рассказывает, каким образом стороны пришли к соглашению. Как известно, большинство евреев Белоруссии, граничившей с Литвой, были хасидами, а большинство евреев Литвы — "миснагдим", их "противниками". Два еврея, Иоффе и Розенбаум, нашли простой способ определения границ между странами: те приграничные районы, где евреи начинали утреннюю молитву по обычаю "миснагдим", отходили к Литве, а те районы, где начинали молитву по обычаю хасидов,

оставались в России. Другая версия легенды такова: в тех местах, где евреи произносили букву "Ш" как "С", была Литва, в тех же местах, где буква "Ш" произносилась как "Ш" — Россия.

По окончании Гражданской войны установились границы новых независимых государств, которые сумели выделиться из состава Российской империи. Польша вобрала в себя обширные пространства Белоруссии, Литвы, Волыни, и на ее территории оказалась треть российских евреев. Бессарабия отошла к Румынии, а с ней и бессарабские евреи. В независимой Литве было сто пятьдесят тысяч евреев, в Латвии девяносто тысяч, в Эстонии четыре тысячи, в Финляндии около тысячи. Прочие евреи бывшей Российской империи очутились на территории СССР — примерно два с половиной миллиона человек. Евреи Советского Союза и соседних стран, добившихся независимости — родители и их дети, братья-сестры, близкие родственники, — оказались по разные стороны границы, связь между ними прервалась на многие годы, а порой и навсегда.

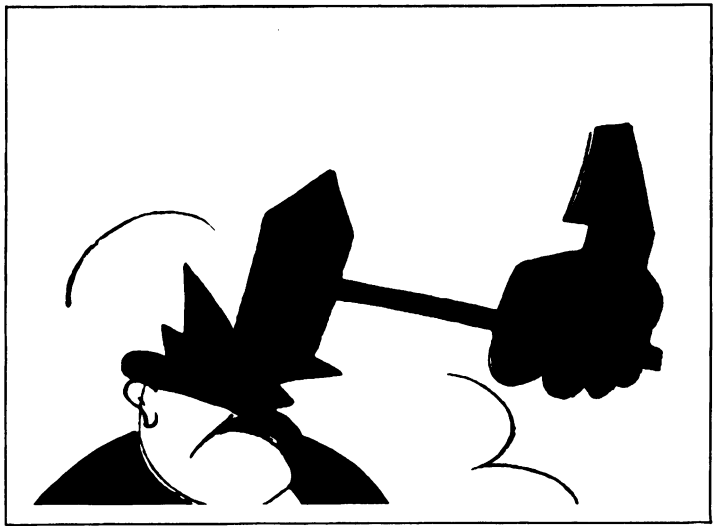
Так закончилась история российских евреев и началась история евреев вновь образовавшихся государств — Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии, а также история советских евреев — евреев Советского Союза, о которых ведется рассказ в этом повествовании.

Часть вторая

Политика “военного коммунизма”. НЭП. Борьба с инакомыслием. “Евреев на землю!” Переселение в города

Очерк седьмой

Террор первых лет советской власти.
Евреи в карательных органах.
Уничтожение царской семьи

1

В первые дни советской власти Союз служащих государственных учреждений провел забастовку в Петрограде. Прекратили работу министерства, работники телеграфа и телефонных служб, почтальоны, учителя и конторщики. Народные комиссары, захватившие власть, обнаруживали в учреждениях лишь швейцаров и уборщиц; сотрудники не выходили на работу и не признавали новое начальство; служащие Государственного банка не выдавали деньги по требованию Совнаркома, так как считали это правительство незаконным, отклонили даже просьбу о "краткосрочной ссуде". У наркомов не было средств на самые неотложные нужды, и лишь силой, с помощью вооруженных солдат, заставили открыть сейф в Государственном банке и взяли деньги. В таких условиях невозможно было управлять государством, и чтобы сломить сопротивление, в декабре 1917 года была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК или ЧК). Командовал ВЧК Ф. Дзержинский, сын мелкопоместного польского дворянина. Чекисты располагали правом "на внесудебные расправы", и Дзержинский заявлял: "Работники ЧК — это солдаты революции... Право расстрела для ЧК чрезвычайно важно".

С. Дубнов, из дневника: "7 января 1918 года, вечер. Кровь, голод, холод, тьма — вот под каким знаком вступаем в новый год... Надвигается ночь террора. Кто обречен?.."

Среди первых руководящих сотрудников карательной организации были русские — Д. Евсеев, Н. Жиделев, И. Ксенофонтов (заместитель председателя ВЧК в 1919—1921 годах), латыши М. Лацис и Я. Петерс (заместитель председателя в 1918 году), армянин В. Аванесов, поляк В. Менжинский (первый заместитель председателя ВЧК), еврей Г. Ягода (с 1923 года — второй заместитель председателя). С конца 1923 года ВЧК стали именовать Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), руководившее работой ГПУ союзных республик. В 1926 году, после смерти Дзержинского, председателем ОГПУ стал бывший дворянин В. Менжинский, сын преподавателя Пажеского корпуса.

В. Ленин провозглашал: диктатура пролетариата "означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть". Вторил ему и Л. Троцкий: "Буржуазный класс сходит со сцены и потому этими мерами насилия мы помогаем ему скорее уйти". По всей стране были созданы Революционные трибуналы, которые руководствовались "классовыми интересами" и "велениями революционной совести". Их освободили от многих ограничений при выборе карательных мер и подготовили списки именитых заложников: при покушении на большевистских лидеров этих заложников следовало "беспощадно истреблять". Ленин рассылал по России срочные телефонограммы: "Расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты..." — "Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города..." Не отставали от Ленина прочие лидеры большевиков в тылу и на фронте, в том числе и коммунисты-евреи.

С первых месяцев советской власти начались массовые политические репрессии по усмотрению местных карательных органов, которые — порой по сиюминутному желанию — распоряжались жизнью и смертью жителей вверенного им города, уезда, губернии. Современник свидетельствовал: "Советская власть, особенно в маленьких городках, была хозяином жизни, смерти и имущества обывателей. В Глухове, например, местный диктатор истребил поголовно всех помещиков и буржуев и собирался истребить их детей, так как они учились в гимназии и из них могли вырасти в будущем помещики и буржуи". М. Лацис, предсе-

датель Всеукраинской ЧК, рекомендовал сотрудникам: "Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого".

В сентябре 1918 года, в ответ на убийство М. Урицкого и покушение на В. Ленина, ВЦИК принял резолюцию: "На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов". Г. Зиновьев заявил: "Вы, буржуазия, убиваете отдельных личностей, а мы убиваем целые классы..."; петербургская "Красная газета" призывала: "За кровь Ленина и Урицкого пусть прольются потоки крови..."; в московской газете "Правда" угрожали: "Гимном рабочего класса отныне будет гимн ненависти и мести..." В Петрограде расстреляли более пятисот человек и опубликовали список сотен заложников, которых обещали уничтожить при попытках новых покушений на советских руководителей. Казни проходили в Москве, в губернских и уездных городах: арестовывали и расстреливали без указания индивидуальной вины, в газетах публиковали "сводки", где вместо состава преступления значилось "расстрелян в порядке красного террора", — в списках казненных оказалось немало еврейских фамилий.

> М. Спиридонова, лидер левых эсеров: "Из-за поранения левого предплечья Ленина убили тысячи людей. Убили в истерике (сами признают), убили без суда и следствия, без справок, без подобия какого-то юридического, не говоря уже нравственного смысла..."

В январе 1919 года секретный документ ЦК партии большевиков потребовал "провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью". Троцкий призывал в приказе: "Каины должны быть истреблены, никакой пощады станицам, которые будут оказывать сопротивление..." Начались массовые расстрелы казаков, поддерживавших Белое движение; уничтожали стариков, женщин, детей, и командир Второй Конной армии Ф. Миронов писал Ленину: "Вся деятельность коммунистической партии, возглавляемой Вами, направлена на истребление казачества, на истребление человечества вообще... Я отказываюсь принимать участие в таком строительстве, когда весь народ и все им нажитое растрачивается для цели отдаленного будущего, абстрактного. А разве современное человечество не цель?.. Почти двухгодовой опыт народных страданий должен был

убедить коммунистов, что отрицание человеческой личности — есть безумие..."

За принадлежность к "враждебному" сословию казнили бывших царских министров и сановников, представителей аристократии и дворянства, членов дореволюционных политических партий, бывших помещиков и промышленников, купцов, домовладельцев, священников, офицеров, чиновников и полицейских. Когда оставляли город под давлением неприятеля, расстреливали порой не только заложников, но и "скрытых" врагов, "слуг самодержавия", "представителей старого режима". Из доклада ЦК Российского Красного Креста (о деятельности ЧК в Киеве): "Полное отсутствие каких бы то ни было правовых понятий, какой бы то ни было тени законности, безнаказанность палачей, беззащитность жертв, жестокость, порождающая садизм... В основу, в идеологию ЧК была положена теория классовой борьбы, вернее, классового истребления..."

> Н. Полетика, историк (1919 год, после занятия Киева Добровольческой армией): "Я увидел, что дома, где помещались различные чрезвычайки... были превращены в застенки. В комнатах — хаос, полы покрыты грудой разорванных бумаг и обломками мебели, на полах и стенах — пятна крови и куски мозга... В саду едва прикрытые землей обнаженные трупы ста двадцати семи жертв, расстрелянных большевиками накануне ухода..."

2

Большевики понимали, что надо победить любой ценой; в случае поражения их всех непременно бы уничтожили, а потому деятели ЧК призывали: "Борьба идет не на жизнь, а на смерть. Ты не будешь бить, так побьют тебя. Поэтому бей, чтобы не быть побитым". Террор стал основным средством для сохранения власти в стране, и И. Штейнберг (нарком юстиции до марта 1918 года) вспоминал в эмиграции: "Изо дня в день, из месяца в месяц граждане революционной России приучались, привыкали к все более тяжелым, все более яростным формам террора. И то, что вначале потрясало, ломало, переворачивало всю душу, позже становилось привычным, неизбежным, почти понятным, подобно тому, как привыкали к все меньшему и меньшему пайку хлеба".

Декрет о "красном терроре" предусматривал среди прочего создание концентрационных лагерей, чтобы оградить "Советскую республику от классовых врагов". В 1919 году появились в стране первые лагеря принудительных работ, которые устраивали в бывших монастырях, выгоняя оттуда монахов; даже в Москве выделили для этого несколько монасты-

рей: за их стенами было легче охранять заключенных. В 1922 году существовали уже десятки лагерей и самым знаменитым среди них стал лагерь особого режима на Соловецких островах Белого моря.

В 1918—1919 годах, по официальным данным ВЧК, было арестовано 128 010 человек, расстреляно 8641. Эти цифры наверняка занижены — кто во времена безудержного террора заботился о регистрации каждой жертвы? Человеческая жизнь ничего не стоила и зависела от настроения тех, в чьих руках находилась власть. Казнили для устрашения, чтобы "произвести должный эффект", казнили, чтобы "отбить всякую охоту" к сопротивлению, подвергали "торжественному расстрелу" перед строем в назидание прочим. С. Дубнов записывал в дневнике: "13 декабря 1919 года. Растоптано все духовное в человеке. Люди, кроме красных, не ходят, а пресмыкаются, измученные голодом, холодом, приниженные насилием..."

Невозможно определить истинное количество жертв во время Гражданской войны, когда с легкостью казнили по обе линии фронта. Сохранились многочисленные свидетельства об изощренных пытках: у каждого местного отделения ЧК, у сотрудников каждой контрразведки Белого движения существовали излюбленные способы мучений, о которых невозможно читать без содрогания. Писатель В. Короленко отмечал в дневнике в те годы: "Несомненно, большевистские подстрекательства первые породили зверства дикой толпы над "буржуазией". Но зверства, хотя бы ответные, — все-таки зверства..." — "Полное озверение. И каждая сторона обвиняет в зверстве других. Добровольцы — большевиков. Большевики — добровольцев..." — "Революция, как известно, смертную казнь отменила. И никогда не было столько смертных казней, как теперь..."

М. Пришвин, писатель: людей приучают к тому, "что зло может оставаться совсем безнаказанным, и новая ликующая жизнь может вырастать на трупах замученных людей и созданной ими культуры — без памяти о них..." — "Революция — это грабеж личной судьбы..."

Из стихотворения неизвестного поэта (1922 год):

Мы — хозяева... Мы — боги...
Крушим, рушим, создаем...
Гей вы, нытики, с дороги!
Беспощаден бурелом...

Гражданская война разрушала не только фабрики и заводы, но и человеческие души. По признанию современника, "страсти, искусственно разожженные в Гражданской войне, вызвали наружу все худшее в человеческой природе... В этой вакханалии произвола, насилия, разнузда-

ности и утонченного издевательства над человеческой личностью многие впали в мистическое равнодушие ко всему окружающему, другие потеряли рассудок". По окончании той войны стоило бы, наверно, проявить великодушие к поверженному противнику, выдвинуть лозунги национального примирения, чтобы утихла ненависть между родителями и сыновьями, зарубцевались душевные раны, изгладились воспоминания о зверствах прошедших лет. Но победители пошли иным путем...

3

"Хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист", — провозглашал В. Ленин. Чрезвычайная комиссия стала символом нового режима и его опорой. Ее сотрудники вызывали страх и неприязнь, их опасались и ненавидели. "Нам все разрешено, — утверждали в газете Всеукраинской ЧК "Красный меч", — ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства".

Встречались среди чекистов идеалисты и фанатики, которые отдавали силы на борьбу с "классовым врагом", но постепенно, шаг за шагом, превращались в обычных палачей. Шли в карательные органы уголовники с авантюристами, наркоманы, искатели легкой наживы; были и такие, что руководствовались прозаическими целями в годы голода и нужды. Свидетель того времени, неоднократно побывавший под арестом, отметил: "Кто освободился таким путем от мобилизации на фронт, кто соблазнился двумя фунтами хлеба в день и жалованьем, кого потянуло русское озорство, а кто по неспособности к производительному труду пошел в чекисты. Одному льстит, что его сверстники, с которыми он в детстве играл в гайки, сейчас его побаиваются, а другого прельстила легкая жизнь и безнаказанность человека с ружьем".

> С. Боровой, историк, из воспоминаний (Одесса, 1920 год): "Во второй половине дня по Канатной улице, по дороге в тюрьму, отправлялось несколько грузовиков. Они увозили заключенных после допросов. На арестованных были направлены дула пулеметов, установленных на крыше кабины шофера, а на крыльях машины лежали в картинных позах охранники... Вспоминается стишок, сочиненный тогда одним одесским поэтом, — пародия на популярный романс Вертинского: "Где вы теперь? И кто вас бьет наганом? Куда умчал вас шумный грузовик? С кем были вы: с Петлюрой или с паном иль, может быть, вы просто большевик? В последний раз мы были с вами вместе, в Чека везли под пулеметом нас. И кажется, что в номере "Известий" я прочитал, что расстреляли вас..."

Деятельности ЧК посвящены многие страницы воспоминаний современников, отметивших активное участие инородцев — представителей национальных меньшинств — в карательных органах советской власти. И хотя большинство сотрудников ЧК составляли лица из наиболее многочисленных народностей страны, "чужаков" замечали в первую очередь, и по ощущениям тех лет складывалось представление о преобладающей роли инородцев в большевистском терроре.

Генерал А. Деникин: "Огромную роль в утверждении коммунистической власти, в особенности вначале, играли отряды наемников — латышей, китайцев, пленных венгров и немцев... Эти отряды составляли личную охрану советских самодержцев, комплектовали кадры палачей в ЧК и в армии, участвовали во всевозможных карательных экспедициях, усмиряли крестьянские восстания, истребляли интеллигенцию и "белых", подогревали с тыла пулеметами дух красных воинов..."

З. Гиппиус, поэтесса: "Россией сейчас распоряжается ничтожная кучка людей, к которой вся остальная часть населения, в громадном большинстве, относится отрицательно и даже враждебно. Получается истинная картина чужеземного завоевания. Латышские, башкирские и китайские полки (самые надежные) дорисовывают эту картину. Из латышей и монголов составлена личная охрана большевиков, китайцы расстреливают арестованных... Чем не монгольское иго?.."

С. Боровой: "Первого мая 1920 года... происходила первомайская демонстрация, и в ней впервые и, как мне думается, единственный раз участвовала одесская ЧК. Шли под соответствующим плакатом и лозунгом. Их было довольно много. Поражало большое количество калек, горбатых, очень некрасивых, уродливых, физически ущербных и обиженных людей и большой процент евреев..."

В первые годы советской власти — по единодушному мнению современников — самыми заметными среди инородцев в карательных органах были латыши. С. Мельгунов, историк: "Латыши вообще занимают особое положение в учреждениях ЧК. Они служат здесь целыми семьями и являются самыми верными адептами нового "коммунистического строя"... В Москву из Латвии в ВЧК едут как в Америку, на разживу..." А. Измайлович, левый эсер (воспоминания о московской тюрьме): "Вся администрация — почти сплошь латыши. Этот революционный когда-то народ теперь специализировался на отхожем промысле шпионства, тюремной охране, провокации и палачестве..." Л. Шестов, философ (1920 год): "Все знают, как работают латышские чрезвычайки..." Л. Брайант, американская журналистка (1921 год, после посещения России): "Все важные посты в ЧК занимали и до сих пор занимают латыши и поляки с безукоризненным революционным прошлым. Евреи там едва заметны..."

Воспоминания свидетелей того времени не свободны от субъективных оценок, а потому стоит обратиться к статистике, почерпнутой в конце двадцатого века из засекреченных прежде советских архивов. Сентябрь 1918 года. В аппарате ВЧК в Москве — 781 сотрудник. Из них 278 латышей (35,6% от общего количества сотрудников), 49 поляков (6,3%), 29 евреев (3,7%). Из 220 ответственных сотрудников ВЧК в Москве — 116 латышей (52,7%), 19 поляков (8,6%), 19 евреев (8,6%). Июнь—июль 1920 года. Национальный состав секретных отделов губернских ЧК по борьбе с контрреволюцией: русские — 75,2% от общего количества сотрудников, латыши — 7,6%, евреи — 5,6%, поляки — 1,9%.

Латыши жили в основном в Петрограде, Москве, Харькове, а потому их было много в центральном аппарате ЧК и значительно меньше в местных органах этой организации. К концу 1920 года русские составили 77,3% всех сотрудников губернских ЧК, евреи — 9,1%, латыши — 3,5%, украинцы — 3,1%. К лету 1924 года русские составляли 69,5% сотрудников центрального аппарата ОГПУ, латыши — 8,7%, евреи — 8,5%, поляки — 3,8%, белорусы — 3,3%, украинцы — 2,8%. Многие латыши вернулись в независимую Латвию, и перепись 1926 года определила, что в Советском Союзе оставалось примерно сто пятьдесят тысяч латышей. Память о их действиях в карательных органах постепенно изгладилась, а евреи продолжали работать в ОГПУ.

Террор набирал силу. Евреи-жертвы были неприметны в тюрьмах, лагерях и на пересылках, затерявшись в бесчисленных шеренгах заключенных, изнуренных голодом и непосильной работой; евреи-жертвы с биркой на ноге ложились в общие безымянные могилы неисчислимых лагерей, а евреи в ОГПУ выделялись среди прочих сотрудников — фамилиями, внешним видом, а порой и акцентом. Их было немало в карательных органах на Украине и в Белоруссии — в местах массового поселения евреев; они появились среди руководящих сотрудников этой организации, не отличаясь от прочих старанием и жестокостью — чекисты без жалости и сомнений, и представление о "еврейском засилье" в карательных органах закрепилось устойчиво на долгие годы.

4

На смену свободе, провозглашенной Февральской революцией, пришла диктатура, которая в трагический момент истории спасала еврейское население от гибели. В годы Гражданской войны многие евреи пошли за большевиками, чтобы выжить в период погромов и массового уничтожения. Молодежь вступала в Красную армию для борьбы с теми,

кто убивал их отцов и матерей; еврейская молодежь шла на службу в ЧК, чтобы ликвидировать явных или тайных врагов советской власти, которые уничтожали их родных и друзей. Эти сотрудники ЧК — в массе своей уроженцы черты оседлости — были преданы новой власти, грамотны и исполнительны. Они знали идиш и иврит, учились в хедерах, кое-кто получил образование в университетах России и Европы. Были среди них бывшие анархисты, эсеры, бундовцы, поалей-ционисты; встречались идейные борцы с врагами "мирового пролетариата", чья фанатичная преданность идеалам вела к беспредельным жестокостям для осуществления желанной цели; работали случайные люди — от равнодушных чиновников, служивших ради заработка, до изощренных садистов, которые с наслаждением выполняли порученное им дело. Появилось и оправдание "навязанного врагами террора": "для охраны завоеваний социалистической революции", "во имя будущих поколений", "до полной победы над эксплуататорскими классами".

> В. Ленин, из секретного письма членам Политбюро: "Если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок..."
>
> Л. Троцкий: "Устрашение является могущественным средством политики, и надо быть лицемерным ханжой, чтобы этого не понимать..." — "Надо навсегда покончить с поповско-квакерской болтовней о священной ценности человеческой жизни..."

Летом 1920 года, при подготовке наступления на Крым, И. Сталин сообщал Л. Троцкому: "Приказ о поголовном истреблении врангелевского комсостава намереваемся издать и распространить в момент начала нашего общего наступления". В конце того года большевики захватили Крымский полуостров, и корабли стран Антанты вывезли оттуда сто пятьдесят тысяч человек. В Крыму оставались офицеры и солдаты Белой армии, не сумевшие или не пожелавшие уехать; им предложили явиться добровольно и пройти регистрацию, обещая сохранить жизнь, — тысячи офицеров, поверивших обещаниям, были арестованы и вскоре расстреляны по приговорам особых "троек". Массовые казни в Крыму проводили с одобрения военных и партийных деятелей; уничтожали не только офицеров, но и представителей "враждебных классов", среди которых оказалось немало евреев; председателем крымского ревкома был в то время Б. Кун — венгерский еврей, комитет партии большевиков в Крыму возглавляла Р. Землячка (Залкинд). Писатель И. Шмелев оплакивал в эмиграции сына: "В далеком Париже, случайно, нашелся человек... и он мне рассказал о последнем часе, в конце января 21-го года,

когда в час ночи повели моего мальчика из Виленских казарм, вывели... и где-то убили... Да, моего сына убили, убили жестоко. Это я теперь знаю. А я все еще надеялся, что миновала бы меня и жену эта чаша... И вот его убили..."

С 1920 по 1922 год губернским отделением одесского ЧК руководил М. Дейч, отличавшийся косноязычием и малограмотной речью; в обращении "к пролетариату и всем честным гражданам" города он грозил репрессиями и призывал к доносам (награжден орденом Красного Знамени, впоследствии расстрелян). В Одессе, по данным ЧК, "после ее освобождения насчитывалось несколько десятков тысяч бывших офицеров, не считая тех, кому удалось скрыть свое золотопогонное прошлое". Это были в основном студенты, инженеры, врачи, прочие представители интеллигенции, которые во время Первой мировой войны прошли краткосрочные курсы и стали офицерами царской армии. Все они попали под подозрение, и только случай мог спасти от неминуемого уничтожения. В одесском ЧК расстреливали в гараже под шум автомобильного мотора, чтобы заглушить выстрелы; в газетах, расклеенных на афишных тумбах, печатали списки казненных — тридцать—пятьдесят человек за ночь; родственники арестованных искали в этих списках фамилии близких им людей.

> С. Мельгунов, историк: в Одессе "получен был донос о контрреволюционной деятельности некоего Арона Хусида, без точного указания его местожительства. В тот же день... по предписанию следователя Сигала арестовано было одиннадцать человек, носящих фамилию Хусид. И после двухнедельного следствия над ними и различных пыток, несмотря на то, что обвинялось одно лицо, казнены были два однофамильца Хусид, так как следствие не могло точно установить, кто настоящий контрреволюционер. Таким образом, второй был казнен так себе, на всякий случай..."
>
> Из протокола ЧК города Одессы: "Приговор приведен в исполнение комиссаром-оператором Бессмертным 4 октября 1920 года..."

Ужесточалась политика по отношению к врагам советской власти — как реальным, так и выдуманным, ожесточались сердца чекистов в карательных органах. Невозможно характеризовать их всех как прирожденных чудовищ, которые желали насытиться кровью многочисленных жертв; этот процесс проходил постепенно, уничтожая тех, кто не соглашался на убийства невинных людей, поощряя и награждая тех, кто с усердием ликвидировал себе подобных, а затем тоже получал пулю — в свою очередь и в свое время. Так происходило с каждым, кто вступал на тот путь, с которого не было возврата, так было и с евреями. Совре-

менник свидетельствовал: "Еврейская молодежь бросилась, очертя голову, в большевизм, порвав с консервативно настроенным старшим поколением. В тысячу первый раз повторилась столь же болезненно, как и в первый, драма взаимного непонимания близких плотью и далеких духом. В подвалах чрезвычаек сидели отцы, в верхних этажах орудовали дети".

Об участии евреев в карательных органах ВЧК-ОГПУ много писали — историки, психологи, социологи, писатели последующих поколений. Й. Недава, израильский историк: "Вербовка палачей из числа недавних жертв — вещь вообще загадочная. Жестокость, по убеждению большинства авторов, никак не вяжется с еврейской традицией. Что случилось с евреями? Почему они, окруженные стеной народной ненависти, орудовали (впрочем, наравне с русскими и с представителями других народов) в застенках этой мрачной организации?.. Народы, как и люди, подвержены ослеплению, а палач, одержимый страстью ко всеобщему благу, не чувствует себя палачом, не кажется таковым и своим товарищам, разделяющим его идеализм. Поэтому мерки относительно спокойного времени не годятся для понимания "роковых минут" в жизни народов".

Объясняет ли это что-нибудь? Оправдывает кого-нибудь? Смотря с какой позиции подходить — палача или жертвы...

5

В мае 1918 года восстал Чехословацкий корпус, состоявший из бывших военнопленных, и при поддержке казаков захватил огромные территории на Урале и вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. При приближении чехословаков к Екатеринбургу большевики расстреляли находившуюся там царскую семью во главе с Николаем II; это произошло по решению Уральского областного совета в ночь на 17 июля 1918 года. Председателем исполкома Уралсовета был А. Белобородов, военным комиссаром Уральского округа — еврей Ф. Голощекин, начальником ЧК — Ф. Лукоянов; за две недели до казни комендантом здания, в котором содержалась царская семья, назначили чекиста, крещеного еврея Я. Юровского. В расстреле принимали участие помощник коменданта Г. Никулин, начальник охраны П. Медведев, начальник отряда ЧК П. Ермаков, чекист М. Медведев и группа латышей; в последний момент два латыша — по признанию Юровского — попросили, "чтобы я избавил их от необходимости стрелять в девиц, так как они этого сделать не смогут".

Юровский руководил расстрелом в подвале дома и впоследствии написал об этом: "Вызвав внутреннюю охрану, которая предназначалась для расстрела Николая и его семьи, я распределил роли и указал, кто ко-

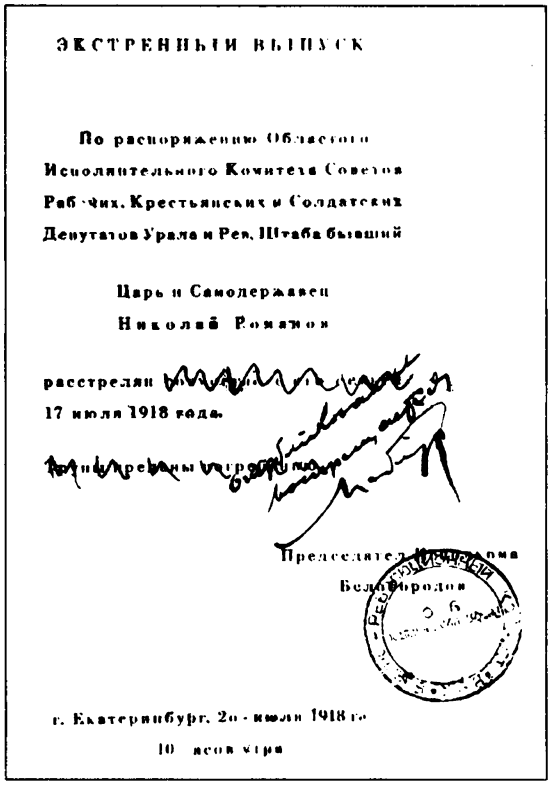
го должен застрелить... В два часа я перевел конвой в нижнее помещение. Велел расположиться в известном порядке. Сам-один повел вниз семью... Николай стоял спиной ко мне. Я объявил: Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Урала постановил их расстрелять. Николай повернулся и спросил. Я повторил приказ и скомандовал: "Стрелять!" Первый выстрелил я и наповал убил Николая..." Погибли Николай II, его жена Александра Федоровна, их сын Алексей, дочери Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, а также приближенные к ним лица — всего одиннадцать человек.

> Из воспоминаний: "Зверский расстрел царской семьи кажется сейчас неправдоподобным, ужасным. Я очень старый человек и я застал то время... Зверство, озверение, остервенение, — они были всеобщими. Убийство царской семьи лишь дополняет эту картину... Чтобы Западу нас понять и нам понять самих себя, надо помнить: убийство царской семьи не казалось тогда страшным, потому что, как это ни ужасно, было обычным..."

Участники расстрела гордились своими делами и спорили между собой, кто из них на самом деле убил царя. Юровский отдал в московский Музей революции "кольт" и "маузер", из которых, по его словам, был "наповал" убит царь, а остальные пули "ушли на достреливание дочерей Николая". Сын чекиста М. Медведева говорил со слов отца: "Царя убил отец... Он сделал свой выстрел быстрее всех..." — Медведев передал свой "браунинг" в московский Музей революции. Ермаков утверждал: "Я дал выстрел в него в упор, он (царь) упал сразу..." — "маузер" Ермакова хранился в Музее революции города Свердловска.

Можно утверждать с полной почти уверенностью, что решение об уничтожении царской семьи принял В. Ленин, согласовав с несколькими членами ЦК партии. За день до расстрела на имя Ленина поступила телеграмма из Дании: "Здесь прошел слух, что бывший царь убит. Будьте добры, телеграфируйте факты". Был подготовлен ответ: "Слух беспочвенен. Бывший царь невредим. Все слухи такого рода — ложь капиталистической прессы. Ленин". Юровский свидетельствовал: "16 июля была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых" (телеграмму отправили из Москвы через Пермь, по всей видимости, из-за неполадок на прямой линии). И вскоре на улицах Екатеринбурга расклеили официальное сообщение: "Исполнительный комитет, выполняя волю народа, решил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых преступлениях". В газете "Уральский рабочий" написали: "Нет больше Николая Кровавого... И рабочие и крестьяне с полным правом могут

сказать своим врагам: "Вы поставили ставку на императорскую корону? Она бита. Получите сдачи одну пустую коронованную голову!.."

ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК

По распоряжению Областного
Исполнительного Комитета Советов
Раб[illegible]чих, Крестьянских и Солдатских
Депутатов Урала и Рев. Штаба бывший

Царь и Самодержавец
Николай Романов

расстрелян [illegible]
17 июля 1918 года.

[illegible]

Председатель [illegible]
Белобородов

г. Екатеринбург, 20-го июля 1918 г.
10 часов утра

Сообщение для газет о расстреле Николая II (в тексте зачеркнуты слова "совместно с его семьей" и "трупы преданы погребению" — с резолюцией "опубликовать воспрещается")

18 июля состоялось заседание президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета, на котором Я. Свердлов сообщил о расстреле царской семьи. "Обсудив все обстоятельства", президиум ВЦИК "признал правильным" постановление Уралсовета и выпустил специальное сообщение, в котором было сказано: "Из-за тяжелой военной ситуации и наличия контрреволюционного заговора в Екатеринбурге по решению Уралсовета был расстрелян Николай II, а его семья переведена в безопасное место".

Л. Троцкий записывал в дневнике в 1935 году: "В один из коротких наездов в Москву, — думаю, что за несколько недель до казни Романовых, — я мимоходом заметил в Политбюро, что, ввиду плохого положения на Урале, следовало бы ускорить процесс царя. Я предлагал открытый судебный процесс, который должен был развернуть картину всего царствования... Ленин откликнулся в том смысле, что это было бы очень хорошо, если б было осуществимо. Но... времени может не хватить... Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатерин-

бурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом: "Да, а где царь?" — "Кончено, — ответил он, — расстрелян". — "А семья где?" — "И семья с ним". — "Все?" — спросил я, по-видимому, с оттенком удивления. "Все! — ответил Свердлов. — А что?" Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил. "А кто решал?" — спросил я. "Мы здесь решали. Ильич считал, что нам нельзя оставлять им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях"... Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтобы запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или полная гибель..."

В. Молотов, член Политбюро (из воспоминаний о расстреле царской семьи): "Думаю, что без Ленина никто на себя не взял бы такое решение. Когда дело касалось революции, советской власти, коммунизма, Ленин был непримирим... Острые вопросы Ленин нередко решал сам, своей властью..."

В. Ленин: "Надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых, чтобы отучить их преемников от преступлений..."

Бела Кун, венгерский еврей (по определению В. Ленина, "наш товарищ и коммунист"), попал в русский плен во время Первой мировой войны, стал большевиком, участвовал в Гражданской войне. Вернувшись в Венгрию, стал одним из основателей венгерской компартии и ее председателем; в 1919 году, во время недолгого существования Венгерской советской республики был народным комиссаром по иностранным делам. После разгрома советской власти в Венгрии вернулся в Россию, проводил в Крыму политику "красного террора"; в последующие годы был на партийной работе, занимался "экспортом революции" в Германию, Венгрию, Австрию. Награжден орденом Красного Знамени, арестован в 1937 году по обвинению в шпионаже, расстрелян после пыток.

Р. Землячка (Залкинд, партийное имя Демон) — в феврале 1917 года секретарь Московского комитета партии большевиков, участвовала в захвате власти в Москве; в Гражданскую войну — начальник политотдела армий, первой среди женщин награждена орденом Красного Знамени (орден № 18). Отличалась беспощадностью во время "красного террора" в Крыму, а впоследствии и при партийных чистках, занимая ответственные должности в органах контроля. В 1939—1943 годах — заместитель председателя Совета народных комиссаров СССР. Умерла своей смертью, похоронена на Красной площади; ее имя носила улица в Москве — улица Землячки.

В тюрьме киевского ЧК работали сестры милосердия Красного Креста, которые ухаживали за заключенными. Они свидетельствовали: "Когда тот или иной начинал расстреливать, это сразу накладывало печать... появлялась какая-то тяжесть во взгляде. Он не смотрел больше нам в глаза, а куда-то мимо, в пространство..." — "Помощник коменданта Терехов — высокий, стройный, красивый молодой человек — был главным палачом. Когда изящный и спокойный, в безукоризненно сшитом офицерском френче, он шел по коридору, заключенные с тоской прислушивались к мелодичному звону его серебряных шпор..." — "Расстрелы поручались и караульным... Их принуждали, поили спиртом, соблазняли добычей, разделом имущества казненных. Прибежал раз к сестре караульный, почти мальчик — еврей. Весь содрогаясь от отвращения, он заявил, что не пойдет расстреливать. И не пошел..." — "Помощник коменданта Извощиков — молодой еврей. По природе мягкотелый, быть может даже сентиментальный, этот мальчик, вероятно движимый чувством жадности, взялся за ремесло тюремщика и палача. Порой трясся от страха, а все-таки убивал. Потом получал золотые часы, или новый костюм, или другую какую-нибудь добычу и был доволен..." — "Комендант Авдохин — пьяница и кокаинист. Окруженный женщинами, нарядными, в перьях, с браслетами и цепочками, катался по городу, устраивал вместе с другими комиссарами буйные празднества. "Ангел смерти" — называли его заключенные, и жутко, холодно делалось при его приближении..."

В июне 1918 года был расстрелян в Перми великий князь Михаил Александрович, брат Николая II. Вскоре после убийства царской семьи казнили великих князей, содержавшихся под стражей в городе Алапаевске на Урале, — их убийством руководил Г. Сафаров, член Уралоблсовета. Большевики уничтожили девятнадцать человек из императорского дома Романовых, однако нарком иностранных дел Г. Чичерин официально сообщил в 1922 году, что казнен лишь Николай II, а царская семья жива.

Площадь перед домом инженера Ипатьева в Екатеринбурге, где расстреляли Романовых, назвали площадью Народной мести. В доме открыли Музей революции, выставили в нем экспонаты, связанные с пребыванием царской семьи, и любопытствующие могли посетить подвал, в котором произошло убийство. В годы "большого террора" почти все руководители Уральского областного совета были ликвидированы, среди них — Ф. Голощекин, Г. Сафаров, А. Белобородов (когда его тащили по тюремному коридору, он кричал:

“Я Белобородов! Сообщите в Центральный комитет, что меня пытают!”) Комендант здания Я. Юровский умер в Кремлевской больнице, избежав неминуемого ареста; его дочь, видный комсомольский деятель, попала в лагерь при жизни отца и провела в заключении двадцать лет. Помощник коменданта Г. Никулин похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Начальник отряда ЧК персональный пенсионер П. Ермаков умер в своей постели; его именем назвали улицу в Свердловске. Музей революции в доме Ипатьева закрыли, здание снесли в 1977 году, площадь Народной мести переименовали в Комсомольскую.

❧

В. Ходасевич, поэт, из воспоминаний (1920 год, посещение в Кремле О. Каменевой, жены члена Политбюро Л. Каменева, разговор об их сыне): “Тем временем Ольга Давидовна тараторит: “А какой самостоятельный — вы и представить себе не можете! В прошлом году пристал, чтобы мы его отпустили на Волгу с товарищем Раскольниковым... Товарищ Раскольников тогда командовал флотом. И представьте — он нашего Лютика там, на Волге, одел по-матросски: матросская куртка, матросская шапочка, фуфайка такая, знаете, полосатая. Даже башмаки — как матросы носят. Ну — настоящий маленький матросик!” Слушать ее мне было противно и жутковато. Ведь так же точно, таким же матросиком, недавно бегал еще один мальчик, сыну ее примерно ровесник: наследник (престола), убитый большевиками, ребенок, кровь которого на руках вот у этих счастливых родителей! А Ольга Давидовна не унимается: “Мне даже вспомнилось: ведь и раньше, бывало, детей одевали в солдатскую форму или матросскую...” Вдруг она умолкает, пристально и как бы с удивлением смотрит на меня, и я чувствую, что моя мысль ей передалась... Я смотрю на нее. Я вижу, что она знает мои мысли. Она хочет как-нибудь оборвать разговор, но ей дьявольски не везет, от волнения она начинает выбалтывать как раз то самое, что хотела бы скрыть, и в полном замешательстве она срывается окончательно: “Только бы он был жив и здоров!..” (О. Каменева, ее муж, их сыновья Александр (Лютик) и восемнадцатилетний Юрий были расстреляны в годы “большого террора”; внука Каменевых отправили в лагерь, лишь только он достиг совершеннолетия.)

❧

Из текстов к лубочным картинкам для солдат Красной армии:

Царю вкатили вечный кол,
И кончен, кончен произвол...

Очерк восьмой

Экономическое положение евреев после Гражданской войны. Голод 1921—1922 годов. Новая экономическая политика. Лишенцы

1

С первых месяцев своего правления большевики начали проводить экономическую политику, которая получила название политики "военного коммунизма". Были национализированы без компенсаций фабрики и заводы, частные банки, торговый флот, железнодорожный транспорт, предприятия коммунального хозяйства; советская власть аннулировала государственные займы, заключенные прежними правительствами, а также иностранные займы — "безусловно и без всяких исключений". Запретили свободную торговлю, а продажу предметов первой необходимости допускали только под контролем. Ввели карточную систему распределения продуктов, основанную на "классовом" принципе, и всеобщую трудовую повинность для "уничтожения паразитических слоев общества". Направляли на производство крестьян и солдат, прикрепляли к месту работы шахтеров, железнодорожников, нефтяников без права ухода, ловили на улицах уклонявшихся от мобилизации и посылали на заготовку дров, сена, расчистку снежных заносов, строительство военных укреплений.

Из воспоминаний: "Утром я бежала в чайную за кипятком и кусочком крохотного ужасного хлеба. Затем бежала на работу... в рваных баш-

маках, без чулок, обвязав ноги тряпками... Ели бурду в общей столовой, за липкими от грязи столами, из оловянных чашек. С улицы прибегали дети в лохмотьях, синие от холода... Глядя помертвевшими, белыми глазами жадно нам в рот, они шептали: "Тетенька, тетенька, оставьте ложечку..." Свело пальцы, ослабли глаза... Многие мои родственники умерли... Нас просто изводили..."

> Физиолог академик И. Павлов (1918 год): "Если то, что делают большевики с Россией, есть эксперимент, то для таких опытов я пожалел бы дать даже лягушку..."

В мае 1918 года ввели в деревнях продовольственную разверстку — обязательную сдачу хлеба по государственной цене, которая составляла ничтожную часть от рыночной стоимости хлеба из-за стремительной инфляции бумажного рубля. Крестьянам оставляли только семенной фонд и зерно для "личного потребления по установленным нормам", но эти нормы были недостаточны, чтобы продержаться до нового урожая. Затем ввели разверстку на обязательную поставку скота, масла, яиц, домашней птицы, картофеля, прочих сельскохозяйственных продуктов и изделий деревенских промыслов. Делегат от крестьян говорил на съезде Советов: "Все обстоит хорошо, только... земля-то наша, да хлебушко ваш; вода-то наша, да рыба ваша; леса наши, да дрова-то ваши..."

Так была установлена "продовольственная диктатура", которая предоставляла властям "чрезвычайные полномочия по борьбе с деревенской буржуазией"; реквизицией занимались комитеты деревенской бедноты и сотни продовольственных отрядов, присланных из городов. В ответ на это крестьяне сокращали посевы, производя минимальное количество зерна, а продотряды — для выполнения разнарядок по сбору продуктов — ужесточали свою деятельность и отнимали все, что можно было отнять. С мест сообщали: "Овес забран весь, даже на семена не оставлено ни зерна. Рожь не уродилась, пшеница у многих забрана вся..." — "Забирали картошку в холодное время и замороженную ссыпали в теплые помещения, отчего она вся испортилась... Забранный по разверстке скот из-за плохого ухода и кормления частью подох..." — "У всех крестьян сейчас вылилось одно мнение, что коммунисты царствуют последний год и потому стараются так быстро разрушить все сельское хозяйство..."

В городах не хватало продовольствия. Население голодало. Голодал тот самый пролетариат, диктатуру которого провозгласили большевики, и по улицам Петрограда прошла демонстрация рабочих с плакатом "Долой Ленина с кониной! Даешь царя со свининой!" Чтобы обеспечить города продовольствием, Совнарком призывал к "борьбе за хлеб", к "беспощадному истреблению предателей и изменников" в деревне.

Л. Троцкий требовал "пройти горячим утюгом" по "спине кулачества". В. Ленин поддерживал "превосходный план массового движения с пулеметами за хлебом" и предлагал коммунистам Пензы: "1. Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше ста заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. 2. Опубликовать их имена. 3. Отнять у них весь хлеб. 4. Назначить заложников... Сделать так, чтобы на сотни верст народ видел, трепетал... Телеграфируйте получение и исполнение. Ваш Ленин".

> Делегаты из Тюмени рассказывали Ленину на партийном съезде: "Для выполнения продразверстки устраивали такие вещи: тех крестьян, которые не хотели давать разверстку, их ставили в ямы, заливали водой и замораживали..."
>
> Ф. Миронов, командарм Второй Конной армии (1919 год, из обращения к Ленину и Троцкому): "Народ стонет... Повторяю, народ готов броситься в объятия помещичьей кабалы, лишь бы муки не были так больны, так очевидны, как теперь..."

Карательные органы преследовали земледельцев, которые не сдавали зерно и прочие продукты; крестьян арестовывали, били, расстреливали, а в ответ восставали деревни и волости, брались за вилы с топорами, выкапывали припрятанное оружие и жестоко расправлялись с "комиссарами". В 1918 году прошло более двухсот пятидесяти крупных крестьянских восстаний в Уфимской и Екатеринбургской, в Смоленской, Орловской, Ярославской, Московской и других губерниях; восстали более ста тысяч крестьян Симбирской и Самарской губерний; в годы Гражданской войны воевали против большевиков донские и кубанские казаки, крестьяне Поволжья, Украины, Белоруссии и Средней Азии. Н. Полетика, историк: "Украинская деревня вела озверелую борьбу против продразверстки и реквизиций, вспарывая животы сельским властям и агентам "Заготзерна" и "Заготскота", набивая эти животы зерном, вырезая красноармейские звезды на лбу и на груди, забивая гвозди в глаза, распиная на крестах".

С 1920 по 1921 год проходило восстание крестьян Тамбовской губернии; их армия во главе с эсером А. Антоновым насчитывала пятьдесят тысяч человек. Восставших жестоко подавили воинские части с артиллерией, броневиками и бронепоездами под командованием бывшего поручика императорской гвардии дворянина М. Тухачевского. Расстреливали крестьян, сжигали непокорные деревни, брали в заложники женщин с детьми, и представитель ВЦИК В. Антонов-Овсеенко докладывал с места событий: сопротивление "было полностью сломлено твердым проведением системы заложников и публичным расстрелом их партиями".

Закончилась Первая мировая война, а затем и война Гражданская, оставившие за собой миллионы жертв, сотни тысяч раненых, искалеченных, отравленных газами, психически травмированных, которым нищая страна не могла помочь. Разрушенные фабрики и заводы, пришедшие в негодность железнодорожные пути — к 1920 году валовая продукция тяжелой промышленности составила четырнадцать процентов от уровня 1913 года; в три раза меньше добывали нефти и угля, в четыре раза меньше электроэнергии, а чугуна и стали — в десятки раз. Национализация банков и промышленных предприятий, неумение новых правителей управлять страной также способствовали разрухе. Не хватало топлива в морозные зимы, в городах не работали водопровод и канализация, простаивали предприятия, отрезанные от источников сырья, свирепствовали эпидемии тифа, холеры, дизентерии и гриппа. Всеобщая безработица, миллионы голодных людей на гигантской территории — и среди них еврейская беднота городов и местечек Украины и Белоруссии, такая же нищая, такая же голодная, прошедшая через ужасы Гражданской войны с ее жестокими погромами и неисчислимыми жертвами.

Из лозунгов и призывов в большевистских газетах: "Еще два таких года титанической работы, и мы будем по ту сторону перевала! Вперед, товарищи! Вон там уже открываются беспредельные светлые дали коммунизма!.. Все на работу! Отдыхать будем после!"

Популярная частушка первых лет советской власти:

Ленин Троцкому сказал:
"Пойдем, Лейба, на базар.
Купим лошадь карею,
Накормим пролетарию..."

2

К началу Первой мировой войны российское еврейство насчитывало около шести миллионов человек — больше, чем в любой другой стране мира. Они были сосредоточены в черте оседлости западных губерний и не имели права переселяться в деревни из перенаселенных местечек. Государственная служба для большинства евреев была закрыта; их отстранили и от фабричного труда, так как крупные промышленные центры находились вне черты оседлости, куда евреям не было доступа; для еврейских рабочих оставались лишь небольшие фабрики в тех местах, где им дозволено было жить. А потому более тридцати процентов российских евреев занимались торговлей и посредничеством, тридцать пять процентов были ремесленниками в мелких мастерских — в основном портные, сапожники, белошвейки, кожевники; более двух процентов ра-

ботали на фабриках и заводах, примерно столько же в еврейских сельскохозяйственных поселениях. Часть евреев занималась свободными профессиями — врачи, адвокаты, учителя, аптекари, а остальные были нищими, без определенных занятий, которых содержали еврейские общины.

Боевые действия во время Первой мировой войны, бегство и выселения евреев из прифронтовых районов значительно ухудшили их экономическое положение. В городах оказались десятки тысяч беженцев — без имущества, денег, жилища, без рабочих инструментов, которые помогли бы заработать на хлеб. Беспризорные подростки. Вдовы и вдовцы. Одинокие люди, потерявшие близких. Голод и эпидемии. Вши, от которых не было спасения. Корь и скарлатина у детей. Гражданская война с ее разрушительными погромами и реквизициями продолжила этот процесс, а экономическая политика советской власти тяжко ударила по торговцам и кустарям. Были национализированы мастерские ремесленников и запрещена частная торговля; "мешочников" ловили в поездах и арестовывали за два килограмма сахара и пуд муки, которые они везли домой, чтобы накормить семью; местные власти устраивали "ночи коммуны" — ходили по домам и забирали "излишние" одеяла, подушки, посуду и прочие предметы домашнего обихода.

> Г.Слиозберг, адвокат и еврейский общественный деятель: "Вихрем революции 1917 года сметены старые порядки, весь прежний уклад российской государственной жизни... Сама Россия в прежнем смысле слова более не существует. На ее место готовится выступить на мировую арену истории нечто новое. Каковым будет это новое — ни знать, ни предусмотреть в настоящее время нельзя. Но несомненно одно: обновление будет полное... Русскому еврейству предстоит пережить бурное время, которое последует за разрухой всего прошлого..."

Политика "военного коммунизма" подорвала основу существования сотен тысяч евреев, которые занимались прежде ремеслами и мелкой торговлей, посредничали между городом и деревней, скупая у крестьян сельскохозяйственные продукты и поставляя им всевозможные промышленные товары, — советская власть монополизировала внешнюю и внутреннюю торговлю, оставив их без всяких средств к существованию. В городках и местечках бывшей черты оседлости не было работы, и люди искали любые способы, чтобы обойти неумолимые законы и прокормить семью. Ремесленники работали тайком, лавочники торговали по ночам, крошечные кожевенные и мыловаренные производства упрятывали на чердаках, в погребах и пещерах; в приграничных районах про-

цветала контрабанда, за которую сурово наказывали. Из Витебской губернии сообщали: в Сиротине "еврейские торговцы пробовали сопротивляться... пытались отразить реквизиции террором и убийствами... Советская власть ответила на убийства расстрелом заложников, по три головы за одну..."; в Лепеле "расстрелянных контрабандистов похоронили на тюремном дворе, и после этого покойники стали являться соседям во сне. Они жаловались, угрожали и требовали, чтобы их перенесли на настоящее кладбище. В конце концов, группа евреев сделала попытку выкрасть тела из тюремных могил и похоронить их на кладбище. Они попались с поличным и тоже жестоко пострадали".

Еврейские дети на Украине. Начало 1920-х годов

Экономическое положение еврейского населения стало катастрофическим, и официальные лица признавали: "Частная торговля местечек и уездных городов убита. Посредничество также. Ремесло отмирает... Земледельцев у евреев почти нет. Рабочих от станка — также... Недавно закончившееся почти десятилетие (1914—1922 гг.) было для евреев десятилетием истребления..."

"Люди, жизнь которых была хороша и приятна, обратились в мгновение ока в бедняков, остались без куска хлеба... Исчезли все

источники заработка, невозможно стало заработать ни копейки... И сейчас, оглядываясь назад, на минувшие дни, мы замираем в недоумении: как выжили и как выдержали? На что существовали и чем кормились?!..” (Моше Мордехай Певзнер, летописец)

3

Е. Постникова, свидетель того времени (из воспоминаний “21-й год”): “А в белом Петрограде ночи белые, люди бедные и тени их бледные... Когда эти милые, добрые люди одной рукой обнимают тебя, а другой прячут под скатерть корки хлеба, то ты понимаешь, почему в Петрограде все поседели...” — “На вокзале, как грязные собачонки, снуют голодные ребятишки: волна голода занесла их в сырой Петроград... Это не слезливые нищие. Нет. Это дети русского крестьянина, которых разверстка вывернула из родного гнезда и бросила на грязную мостовую...” — “А рынок торгует... Плотной стеной стоят голодные люди: кто кольцо продает, кто крест, кто рубашку, а кто и женскую честь. Дешево она тогда стоила, фунт хлеба, да и то никто не покупал...”

Голод 1921—1922 годов охватил огромные районы Поволжья, Украины, Северного Кавказа. По официальным данным голодало более тридцати миллионов человек, среди них — шесть миллионов детей, но в действительности голодающих было значительно больше, так как страдали от недоедания и в тех районах, которые не признавались неурожайными. У голода было много причин: затяжная война, разорение крестьянских хозяйств от насильственных реквизиций и, наконец, засуха с недородом 1921 года, которые привели к окончательной катастрофе. От голода и его последствий умерло около пяти миллионов человек, по некоторым оценкам — до восьми миллионов, что составляло более пяти процентов населения страны.

Голод тех лет вошел в мировую историю, как один из самых опустошительных, по признанию специалистов — “небывалый даже в летописях русских голодовок”. Смертность была так велика, что в зимние месяцы трупы складывали в амбары или засыпали снегом, потому что у ослабевших людей не было сил выкопать могилы в промерзшей земле. Умершие от голода лежали на улицах; в газетах публиковали воззвания: “Граждане! Записывайтесь в трудовые артели по уборке трупов!”; по утрам тела взрослых и детей свозили на кладбища и хоронили в братских могилах. С мест сообщали ужасающие подробности бедствия, от которого не находили спасения, о случаях людоедства и трупоедства, для предотвращения которого выставляли вооруженные караулы возле све-

жих могил. Голодающие употребляли в пищу траву, корни растений, древесную кору, даже глину, отчего распухали животы, отекали ноги и лица, наступала слабость, вялые, замедленные движения.

> Из выступления на съезде Советов: "Миллионы людей голодают, и это не просто недоедание, это значит, что они грызут мерзлую землю, это значит, что они сходят с ума от постигшего их бедствия... Есть сведения, что детей уносят в степь и оставляют там на смерть... чтобы они только не умирали на глазах матерей..."

Евреи пострадавших районов разделяли общую участь. Свирепствовали голод и эпидемии, еврейские кладбища были завалены телами, которые хоронили в общих могилах по сто—двести человек в каждой. Из еврейского сельскохозяйственного поселения Хлебодаровка взывали к землякам в Америку: "В этом году мы засеяли больше, чем в 1916 г. Мы надеялись, что наша жизнь улучшится. Но случилось большое несчастье. Засуха продолжалась все лето, дождя не было, все сожжено. Нет хлеба, фуража. Мы голодаем... Наши дети умирают от голода. Наши лошади и коровы подыхают. Распространяются всевозможные болезни... Братья! Помогите пережить этот ужасный голодный год!.."

Бедствие неумолимо набирало силу; по примерным подсчетам в местечках Украины умерло от голода и тифа до четырнадцати процентов жителей. Еврейские газеты сообщали: "Город Николаев умирает от голода. Все театры закрыты. Улицы пусты. Настроение подавленное..." — "Бердянск превратился в кладбище... Собаки и кошки уже съедены... Дети похожи на скелеты. На улицах то и дело натыкаешься на детские трупики..." — "В Симферополе ежедневно умирает от голода от семидесяти до ста человек. Трупы валяются на улицах. Жители бросают дома, разбредаясь в поисках пищи. Свирепствует тиф, и больным ничем нельзя помочь за отсутствием медикаментов..." — "В Одессе, Екатеринославе, Николаеве, Харькове, Мариуполе и окрестных поселениях положение еврейского населения отчаянное. Целые местечки без какой-либо пищи, дети умирают тысячами..." — "Волна голодных с Поволжья, шедших на Украину, встретилась с волной голодающих Украины, шедших в центральную Россию..."

> Б. Бруцкус, экономист (1923 год): "За два последних года во всей России количество жителей во всех городах, за исключением столицы, убыло на 1,8%. Но если мы возьмем Украину с ее преобладающим в городах еврейским населением, то увидим, что там убыль еще больше — 7,6%, между тем как в голодном Поволжье — 4,6%. В Херсоне убыло 47,5%, в Николаеве — 27%, в Одессе —

26,2%... Так как еврейское население этих городов не уходило в деревни и мало эмигрировало, то приведенные цифры означают безысходную гибель сотен тысяч людей от голода и болезней..."

4

Люди умирали тысячами, десятками тысяч; по дорогам бродили голодные беспризорные дети, количество которых — по официальным данным — приближалось к семи миллионам. Советская власть не могла справиться с бедствием, а потому обратились за помощью к тем самым "капиталистам", которых собирались свергнуть в будущей мировой революции. Из центра посылали указания местным властям — "поднять кампанию по усилению потока писем в Америку", чтобы пробудить сострадание к несчастным и увеличить размеры помощи. Западные страны откликнулись на призыв, и противники советского строя стали собирать средства для спасения голодающих.

Летом 1921 года в Женеве был создан Интернациональный комитет помощи России под председательством путешественника и общественного деятеля Ф. Нансена. Начали помогать голодающим христианские общины квакеров Англии и США; пришло продовольствие от Международного союза помощи детям, Международной федерации профсоюзов, Красного Креста и других благотворительных организаций. Деньги собирали в Италии, Швеции, Швейцарии, Дании, США, Канаде, Бразилии и Аргентине, Южной Африке, Индии и Японии; в Чехословакии за один месяц собрали миллион крон, одежду и продукты, чехословацкие комитеты помощи обязались содержать в столовых полторы тысячи детей.

В августе 1921 года Американская администрация помощи голодающим (АРА) во главе с будущим президентом США Гербертом Гувером подписала соглашение с советской властью, получив право самостоятельно распределять продовольствие. Это была самая крупная из благотворительных организаций, действовавших в России. Третью часть средств на расходы АРА выделил американский конгресс, остальные деньги шли из частных пожертвований. За первый год работы АРА безвозмездно ввезла в Россию сотни тысяч тонн продовольствия, одежды и медикаментов, открыла пятнадцать тысяч столовых для взрослых и детей, выдала миллионы сухих пайков. Из воспоминаний киевского студента: "Я пользовался обедами АРА, которая открыла студенческую столовую... Какую помощь и поддержку эти обеды — самые простые и примитивные (тарелка супа с запахом мяса и тарелка маисовой каши с маслом) — оказали студенческой молодежи в голодном 1921 году, даже трудно представить".

Из дневника Э. Бруцкус, домашней хозяйки (сентябрь 1921 года): "Сегодня мы впервые получили американскую посылку. Целый день просто в каком-то оцепенении... Мы будем сыты: вдоволь сахару, жиров, мучных продуктов после нескольких лет тяжелого недоедания и острого голода... АРА накормит жертв пятилетних опытов коммунистических правителей; американские деятели воочию увидят счастье советской России, и весть об этом "великом счастье", быть может, спасет другие страны от подобных социальных опытов..."

В начале 1922 года в столовых АРА питались более двух миллионов детей, к августу того года американцы кормили около десяти миллионов человек, что составляло семь процентов населения страны. Весной 1923 года ГПУ дало такое заключение о деятельности этой организации: "Американские сотрудники АРА — в большинстве квалифицированные военные, которые в случае надобности смогут стать первоклассными инструкторами контрреволюционных восстаний... Через АРА российская белогвардейщина и контрреволюция сносится со своими единомышленниками и эмигрантами за границей... АРА занимается широкой экономической разведкой". Американская благотворительная организация помогала голодной России менее двух лет, и летом 1923 года Политбюро постановило — "начать ликвидацию АРА, когда ее грузы, находящиеся в пути и в портах, будут развезены по местным базам".

Еврейская благотворительная организация Джойнт собирала деньги среди евреев США и внесла в фонд АРА десятую часть всех затраченных средств — значительно больше, чем другие частные организации. В конце 1922 года Джойнт заключил договор с советским правительством и начал действовать самостоятельно, оказывая поддержку по своему усмотрению. После ликвидации АРА Джойнт стал самой крупной организацией, занимавшейся благотворительной деятельностью в Советском Союзе. Джойнт содержал девятьсот тринадцать детских домов в России, Белоруссии и на Украине, в которых было почти сорок тысяч детей; для них ввозили в СССР муку, крупу, рис, фасоль, жиры, сахар, какао, сухое молоко, детские пальто, костюмы, свитера и обувь; для детских домов заготавливали топливо и необходимое оборудование, ремонтировали здания и нанимали обслуживающий персонал. С помощью Джойнта перевезли в Петроград около трехсот еврейских детей, оставшихся сиротами после погромов на Украине, разместили их в еврейских сиротских домах, обеспечили питанием, одеждой, учебниками. Джойнт открыл сорок три технических училища, обеспечил их оборудованием, а учащихся одеждой и питанием, снабжал еврейские школы учебниками и тетрадями, помогал продовольствием тысячам еврейских студентов Москвы, Петрограда, Киева и Одессы.

Распределение посылок Джойнта в Бобруйске

Американские евреи давали пожертвования, чтобы помочь своим единоверцам, однако значительные средства шли на поддержку нееврейского населения Советского Союза. Джойнт ввозил трактора, плуги и уборочные машины, закупал семена, лошадей и коров, оказал помощь двадцати трем тысячам крестьянских хозяйств. До сорока процентов семян и инвентаря, приобретенных Джойнтом для Украины, пошли нееврейскому населению; помощь Джойнта направлялась в Поволжье, Татарию, Дагестан и Киргизию; питание и одежду со складов Джойнта получали деятели науки и культуры Белоруссии, в том числе Я. Колас и Я. Купала; на деньги Джойнта оборудовали лаборатории медицинского факультета Белорусского университета и приобрели трактора для Сельскохозяйственной академии в Москве; медикаменты со складов этой организации поступали в больницы и амбулатории. Еврейские землячества США с помощью Джойнта направляли сотни тысяч посылок в те города, откуда они когда-то уехали; посылки, не имевшие конкретного адреса, распределяли среди евреев и нееврев.

> Большевики относились с подозрением к этой организации; им не нравилось, что посылки получали "социально чуждые элементы", и из Москвы предупреждали местные власти: "Джойнт — буржуазная организация, которая стремится войти в контакт с клерикалами, сионистами, интеллигенцией..."

5

Помощь поступала не только из-за границы. В августе 1921 года были основаны церковные комитеты помощи голодающим; православное духовенство собирало среди прихожан деньги и продовольствие, золото и ювелирные изделия, жертвовало церковные украшения, не имевшие богослужебного употребления, — однако власти запретили неконтролируемые действия этих комитетов, а собранные средства заставили передать правительственной комиссии.

Был создан и Всероссийский общественный комитет помощи голодающим для сбора средств по всему миру. В его состав вошли писатели, ученые, артисты и режиссеры, агрономы и врачи, многие из которых были в оппозиции к большевикам, — почетным председателем комитета избрали писателя В. Короленко. Комитет начал собирать деньги, одежду и продовольствие, провозгласив в воззвании: "Прежде чем спорить о формах общественного и государственного устройства России, нужно сохранить живые силы. Мы решительно отвергаем лозунг: чем хуже, тем лучше". Большевики ввели в комитет своих представителей, поставили его под контроль ЧК, но вскоре распустили, обвинив в намерениях "использовать легальную организацию помощи голодающим для целей контрреволюции". Одних арестовали, других выслали из Москвы; по именам активных деятелей Е. Кусковой и Н. Кишкина комитет помощи голодающим с пренебрежением называли "Кукиш", и В. Ленин приказал после его закрытия: "На сотни ладов высмеивать "Кукиш"... Изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев".

Российские евреи городов и местечек собирали деньги для голодающих, закупали продукты и посылали в районы бедствия. Раввины публиковали специальные послания, призывая жертвовать на эти цели. Еврейский комитет помощи голодающим создавал отделения в разных странах для сбора пожертвований; особые уполномоченные распределяли на местах поступавшие продукты, медикаменты, одежду, открывали пункты питания и детские дома. Деятельность еврейских благотворительных организаций настораживала коммунистов, опасавшихся неконтролируемой инициативы; власти считали, что "цель этих организаций не помощь, а завоевание влияния на еврейские массы", чтобы "яд религиозно-националистического дурмана оказал свое действие".

> "Несмотря на беды и утраты, о которых поведали мы выше, несмотря на голод и нужду, которые терпел каждый человек, отличался и тогда еврей своим милосердием... и давал дары тайно, чтобы не смущать ближнего своего. Благотворительные общества помога-

ли тем, кто в отчаянии опустил руки, и делились куском хлеба с братьями своими, у которых иссякли силы в изнурительной борьбе за существование...” (Моше Мордехай Певзнер, летописец)

В феврале 1922 года ВЦИК издал постановление о конфискации всех церковных ценностей в помощь голодающим. Установили срок — один месяц. Специальные комиссии приступили к изъятию, что привело к кровавым столкновениям с верующими, преграждавшими путь к церквам; был арестован патриарх Тихон, который заявил, что насильственное изъятие богослужебных предметов “является актом святотатства”. В Москве после “процесса церковников” расстреляли пятерых обвиняемых, в Петрограде казнили четверых, и среди них митрополита Вениамина (обвинитель заявил на процессе: “Вся православная церковь — контрреволюционная организация. Собственно, следовало бы посадить в тюрьму всю церковь!”; защищавший митрополита адвокат-еврей сказал: “Не забывайте, что на крови мучеников растет церковь...”).

Конфискованные ценности продавали в другие страны, однако неизвестно, какая часть вырученных средств пошла на покупку продовольствия. В начале 1922 года, в разгар голода, большое количество валюты перевели в Коминтерн для подготовки мировой революции. Валюту выделили и для укрепления здоровья советских деятелей и членов их семей; специальная медицинская комиссия рекомендовала им курсы лечения в Карлсбаде, Висбадене и прочих заграничных курортах. В то же время из Самарской губернии сообщали, что обезумевшие от голода люди “едят трупы, детей не носят на кладбище, оставляя для питания...”

Изъятие ценностей из церквей и монастырей продолжалось; не избежали этой участи мечети и синагоги. Е. Ярославский (Губельман), председатель Союза воинствующих безбожников, писал в газете: “Очень часто раввины говорят, что в синагогах нет никаких ценностей. Обыкновенно это действительно так. Синагоги не имеют ни икон, никаких других изображений. Стены обыкновенно голые. Но семисвечники бывают и серебряные. Их надо изъять обязательно”. Из синагог изымали серебряные подсвечники, короны и декоративные щитки для украшения свитков Торы, бархатные накидки, вышитые серебром.

В Киевской губернии конфисковали в синагогах двадцать восемь пудов серебряных изделий, в Николаеве — около тридцати килограммов, в Бродской синагоге Одессы — два пуда, из синагог Гомеля изъяли двадцать фунтов серебряных изделий, из молитвенного дома в Красноярске — восемь фунтов, из дома омовения покойных на еврейском кладбище Петрограда забрали серебряные венки.

Известны случаи, когда раввинов и старост синагог арестовывали за сопротивление властям во время изъятия серебряных изделий или за их сокрытие. Золота в синагогах не было; конфискованные ценности стоили немного, а потому Ярославский рекомендовал ввести налог за места в синагогах и за "алию" — восхождение к Торе во время богослужения. Верующие евреи Петрограда, Минска, Витебска и других городов предложили выкупить изъятые предметы и возвратить их в синагоги, но разрешения на это не получили. С подобным предложением обратились к советскому правительству и зарубежные евреи, но власти не пожелали попустительствовать религиозным предрассудкам.

6

Гражданская война и политика "военного коммунизма" довели население до ужасающей нищеты и голода. Специалисты утверждали, что "хозяйство страны дошло до последней грани экономической разрухи", и к 1921 году положение стало угрожающим. Не было топлива. Не работали заводы. Простаивал транспорт. В городах уменьшили и без того скудный паек. Начались забастовки рабочих в Москве и Петрограде. В самом разгаре были крестьянские восстания на Тамбовщине, в Поволжье, Западной Сибири и на Украине; в ответ на карательные действия продовольственных отрядов сотни тысяч вооруженных крестьян захватывали огромные территории и уничтожали представителей советской власти. В марте 1921 года восстал гарнизон Кронштадта и экипажи кораблей Балтийского флота, около двадцати тысяч человек — под лозунгом "Советы без коммунистов". Кронштадтские матросы, "краса и гордость революции", создали Временный революционный комитет для руководства "третьей революцией"; они потребовали свободу торговли и ремесел, отмену принудительного изъятия в деревнях, свободу слова, собраний и профессиональных объединений, освобождение всех политических заключенных и упразднение единой официальной пропаганды. Восстание жестоко подавили, расстреляли более двух тысяч человек, однако это событие стало предупреждающим знаком для большевиков.

Чтобы восстановить промышленность и транспорт, следовало прежде всего накормить городское население, а для этого надо было поощрить деревню, заинтересовать земледельца в расширении производства. В период продразверстки, когда забирали у крестьянина все излишки, ему не было никакого смысла обрабатывать дополнительные площади и разводить скот, потому что результаты его труда отбирали при очередной реквизиции. Эта проблема беспокоила специалистов, и еще в 1919 году меньшевики предложили разработанную программу "Что делать?", предлагая перейти от продразверстки к денежному налогу, к свободной тор-

говле и частной промышленности. В 1920 году Л. Троцкий рекомендовал перейти к иной "продовольственной и земельной" политике, но его предложение отвергли. Однако теперь следовало действовать незамедлительно, и в дни подавления кронштадтского восстания В. Ленин провозгласил на съезде партии программу новой экономической политики (НЭП).

Эта программа повторяла во многом предложения меньшевиков, предусматривая постепенный переход к социализму путем смешанной экономики — государственной и частной. Принудительное изъятие хлеба в деревнях заменили на продовольственный налог, что позволяло крестьянам после его уплаты вывозить на рынок излишки своей продукции. Разрешили частную торговлю и ремесла под государственным контролем. Отменили принудительную трудовую повинность. Допустили в страну иностранные капиталы. Позволили создавать собственные предприятия с небольшим количеством работников и сдавать государственные предприятия в аренду частным лицам и кооперативам. Прошло немного времени, и магазины в городах, как по волшебству, наполнились товарами, поражая видом своих витрин По вечерам к ресторанам съезжались автомобили, из которых выходили мужчины в дорогих костюмах с женщинами в роскошных нарядах. Казино были переполнены, в моду входил фокстрот, девочки в кабаре пели под оркестр популярную песню: "Мама, мама, что мы будем делать...", по улицам прогуливались ярко раскрашенные проститутки в ожидании клиентов — на фоне всеобщей нищеты, скудости, повседневной борьбы за кусок хлеба, в окружении неимоверного количества нищих, выпрашивавших подаяние, и оборванных бездомных подростков, у которых были свои песни: "Я беспризорная, как травка сорная..."

У евреев накопился богатый опыт выживания при ограничительных законах Российской империи, что вырабатывало предприимчивость, изворотливость, деловую расчетливость, — эти качества помогли им во время НЭПа. Возникли коммерческие банки, которые давали кредиты частным лицам. Были арендованы сотни государственных фабрик и мастерских. Нэпманы-евреи скупали у крестьян зерно и прочие сельскохозяйственные продукты, содержали мельницы, скотобойни, маслобойки и лесопилки, открывали портняжные мастерские, типографии, хлебопекарни, парикмахерские, магазины всех видов — гастрономические и бакалейные, галантерейные, скобяные, табачные и писчебумажные. Из двух с половиной тысяч крупных нэпманов Москвы около восьмисот были евреи, основавшие частные промышленные предприятия — "полные товарищества" и "товарищества на вере".

Из данных на 1924 год: евреям-нэпманам в Москве принадлежало 75% аптекарских и парфюмерных лавочек и магазинов, 55% — ма-

нуфактурных, 49% — ювелирных, 40% — галантерейных, по 26% — обувных и скобяных, 19% — мебельных, 18% — табачных, 15% — готового платья, 9% продовольственных ларьков, лавок и магазинов. В книге "Вся Москва" за 1926—1927 годы указаны среди прочих — "Нитяная фабрика" Я. Мохиля и И. Шейдлина, производство гуталина "Богатырь" Л. Заславского и Б. Розенцвейга, целлулоидные изделия "Заря" Б. Либермана и Г. Гинзбурга, бумажное производство П. Тагера и С. Цузмера, завод химико-фармацевтических препаратов И. Волынского, электрохимический завод Я. Каждана, "Северное стекольное общество" С. Арановича и Н. Рейфмана.

На рынках местечек и малых городов процветала торговля в ларьках, на прилавках, а то и просто на земле, когда раскладывали товар на разостланную холстину. Женщины пекли пироги и продавали их вразнос. Традиционным занятием евреев было ремесленничество; к концу 1926 года евреи составляли сорок процентов от общего количества ремесленников Советского Союза. Многие занимались по домам швейным, кожевенным, трикотажным производством, чтобы не арендовать помещения. Власти старались подавить индивидуальную инициативу и вовлечь частников в кооперацию, а потому сапожники, портные, ткачи, мыловары, красильщики образовывали кооперативы, служившие прикрытием частной деятельности. Появились бродячие ремесленники — плотники, жестянщики, портные, которые ходили по деревням, получая плату продуктами, а к субботе с полными мешками возвращались к семье.

Новая экономическая политика дала возможность тысячам евреев заняться торговлей и ремеслами, что несколько облегчило их материальное положение. Однако большинство еврейского населения не ощутило облегчения от введения НЭПа. Основную массу нэпманов-евреев составляли нищие торговцы, располагавшиеся в крохотных помещениях или деревянных ларьках; у них было ничтожное количество товаров для продажи, которые по вечерам уносили домой, чтобы уберечь от кражи. Из свидетельства того времени: "Местечковый торговец работает с утра и до ночи, постоянно суетится, хватает краткосрочные ссуды, уезжает, приезжает, привозит, отвозит, ввозит, делится, рассчитывается, горячится и горит, торопясь нагнать утерянное и забывая обо всем на свете..." В лавочке нэпмана-еврея в местечке под Бобруйском оказались при проверке два десятка глиняных горшков, четыре килограмма мыла, три зеркальца, три пачки чаю по пятьдесят граммов, двенадцать простых карандашей, три вязки грибов, один гребешок, два замка — общая стоимость товаров составила пятнадцать—двадцать рублей. В семье этого нэпмана ели на завтрак картошку с рассолом от огурцов, на обед крохотный ку-

сочек мяса с хлебом, на ужин только хлеб — дневной рацион скудного питания семьи составлял тридцать восемь копеек.

Официальное обследование установило, что налоги на мелкого торговца "превышают сумму товаров, находящихся в его лавке... При НЭПе торговля еврейских местечек сперва было воскресла, а потом снова захирела... Торговцы говорят о себе: "Мы пашем воздух и пожинаем ветер... Два компаньона, и у обоих по дыре в кармане. Вышло по пословице: "Два мертвеца пустились в пляс"... Знаете что, обеспечьте мне службу на десять рублей в месяц и я таки буду вам самым превосходным большевиком... Но лишь бы я знал, что имею пропитание на завтрашний день..."

Заграничный наблюдатель сообщал: "Положение широких еврейских масс в Киеве, Одессе, Николаеве и Харькове не изменилось к лучшему... Бездомные, полуголые и босые дети просят милостыню на улице... Я сделал попытку взять за границу некоторое число этих детей, но наткнулся на настойчивое противодействие советского правительства, желающего, чтобы дети остались в России и сделались приверженцами коммунизма". Из Могилева передавали: "Дела кошмарные, город населен нищими... Вся торговля заключается в том, что несколько евреев торгуют селедкой, которую режут на маленькие кусочки и таковую продают на местном рынке. В общем, жуть..." А на съезде крестьян Белоруссии один из выступавших сказал с трибуны: "Местечковое население состоит из бедняков, которые трижды в день умирают с голода".

> Из статьи "Евреи в Белоруссии" ("Красная газета", Ленинград): "Революция дала мне права? А что я с ними сделаю? Зачем человеку нос, когда нечего нюхать?.." И вот сколачивают кустарные артели "Красный пекарь", "Красный токарь", "Красный портной", "Красный сапожник"... На вывесках все красные, а лица у всех бледные..."

Большевики допустили НЭП, чтобы восстановить экономику страны, однако частное предпринимательство противоречило марксистской идеологии. Существовали опасения, что новая экономическая политика нарушит социалистический характер государства и приведет в будущем к необратимым изменениям. А потому НЭП стал временным возвращением к капитализму и должен был неминуемо погибнуть, так как в противопоставлении идеологии и экономики у советской власти постоянно проигрывала экономика. Национализированные предприятия получали всевозможные привилегии, а если какой-либо нэпман начинал с ними успешно конкурировать, его устраняли с помощью административных мер. Государственная торговля субсидировалась и постепенно вытесня-

ла частников в магазинах и на рынках. Невозможно было достать сырье для работы, так как в первую очередь его распределяли по государственным фабрикам. Налоги были велики и рассчитаны на то, чтобы затруднить конкуренцию предпринимателей, а штрафы за их неуплату разоряли торговцев и ремесленников. Кроме налогов существовали всевозможные сборы во время очередной идеологической кампании — на обязательную подписку газеты и приобретение облигаций, на ремонт школы или клуба, в пользу подшефной воинской части, в поддержку бастующих горняков Англии, а также сборы на строительство самолета "Еврейский труженик", который вошел в состав эскадрильи "Наш ответ Чемберлену". Евреи Гомеля писали в редакцию газеты "Эмес": "Вам, верно, известно, что свободная торговля окончательно уничтожена... Еврейские лавочки замерли: они не могут устоять против государственных магазинов, у них нет достаточно средств для закупки товаров, они не могут платить налоги сверх своих сил. Тысячи людей ходят без дела. Нищета противна, и голова разрывается в поисках копейки..."

Действия властей вели к удушению частной собственности, к скорому и неминуемому разорению мелкого торговца и ремесленника, а более крупные, более удачливые нэпманы, ворочавшие миллионами, ожидали своей очереди, — недаром Ленин говорил после введения НЭПа: "Эту политику мы проводим всерьез и надолго, но, конечно, как правильно было замечено, не навсегда". Нэпманы вызывали всеобщее осуждение на собраниях, в газетах и книгах; поэт грозил новому буржую: "Этот день, этот час недалек: Ты ответишь по счету, дружок!.." К 1927 году началась постепенная, но неуклонная ликвидация новой экономической политики. Запретили частную торговлю зерном, скупку кож, табака, масличных семян, а заодно закрыли частные мельницы, маслобойни, табачные фабрики и кожевенные заводы. Ввели ограничения в торговле и ремеслах, повысили во много раз квартирную плату для "нетрудовых элементов", значительно увеличили налоги для частных предпринимателей, а за их неуплату конфисковывали дома и имущество, арестовывали и выселяли. К 1930 году от новой экономической политики остались лишь воспоминания да тысячи бывших нэпманов, отбывавших срок в лагерях принудительного труда.

7

Конституция РСФСР 1918 года лишила избирательных прав лиц, использующих наемный труд, живущих на нетрудовые доходы, торговцев и посредников, владельцев ремесленных мастерских, монахов и священнослужителей всех религиозных культов. Так вошел в обиход новый термин — лишенцы. Лишенцами стали и бывшие министры с губернатора-

ми, градоначальники, прокуроры и земские деятели, помещики и домовладельцы, бывшие чиновники, полицейские и офицеры царской армии, а также их жены и дети. Введение этой социальной категории лишило права участия в выборах огромного количества граждан; после каждых выборов газеты торжественно сообщали о "всенародной" поддержке советской власти, забывая при этом добавить, что во многих районах страны в голосовании участвовала треть взрослого населения, — остальные были лишенцами.

В эту категорию попали и евреи. Занимаясь в основном торговлей и ремеслами, евреи — даже самые нищие среди них — считались "буржуазным элементом" и по закону становились лишенцами вместе со своими семьями. Бывшие лавочники, мелкие ремесленники, раввины, кантеры, резники, служки в синагогах, прочие лица "чуждого социального происхождения" были лишены избирательного права. На Украине к 1926 году количество лишенцев среди трудоспособного еврейского населения составляло тридцать процентов, а в городах и местечках Подолии доходило до шестидесяти, даже до восьмидесяти процентов.

Лишенцев выселяли из государственных квартир, увольняли с работы, а их детей не принимали в высшие и профессиональные учебные заведения. Чтобы "социально чуждые элементы" не проникли в институты, ввели анкеты с многочисленными вопросами для их выявления: чем занимались родители до революции и какой партии симпатизировали, чем занимаются в настоящее время, нет ли родственников за границей, каково отношение опрашиваемого к советской власти, и многое другое. В институтах заседали особые "тройки", которые изучали эти анкеты и исключали студентов, обманом проникших в учебные заведения. В газетах печатали публичные отречения от родителей-лишенцев, "представителей паразитических классов"; порой это делалось с согласия отцов и матерей, чтобы их дети сумели попасть в институт или получить работу — подобное унижение запоминалось на всю жизнь.

Введение новой экономической политики увеличило количество евреев, которые попадали в категорию лиц, живущих на "нетрудовые доходы", а потому к концу НЭПа насчитывалось по всей стране около миллиона лишенцев-евреев и членов их семей. Им не полагалось бесплатное жилье и государственная медицинская помощь, их не принимали в профсоюзы, не брали на работу, не регистрировали на биржах труда и не выплачивали пособия по безработице. Когда ввели карточки на продукты питания, лишенцам выдавали паек по самой низкой категории или не выдавали его вообще; не было у них права избирать и быть избранными.

Из академического издания книги "Загадки": "Кто с голосом, но без голоса?" (отгадка — "лишенец").

После ликвидации НЭПа началась конфискация имущества у бывших нэпманов, не сумевших или не пожелавших выплатить государству непомерные налоги. В конце 1929 года одесский отдел ГПУ сообщал в секретном донесении, что в "операции" по изъятию участвовали "тысяча сто рабочих от станка, триста работников милиции и двести — от органов и войск ГПУ". Забирали часы, ковры, костюмы, платья и постельное белье, туфли, чулки, посуду и швейные машины, снимали кольца с рук, скатерти со столов, одеяла с кроватей. В том же донесении приведены высказывания одесских рабочих о проведенной операции: "Давно пора было показать нэпману нашу силу..." — "Ничего беззаконного в этом деле нет, ведь наша власть классовая..." — "Я очень рад, что почистили жидов, но не знаю, за что нас почистили... ведь мы не жиды..." В донесении ГПУ отмечены и негативные отклики: "Как это можно отобрать последнее, нажитое собственным трудом, отобрать насильно, и вдобавок еще ночью..." — "Раньше грабили на селе, а теперь грабят в городе..." — "На это способна только такая власть..."

В 1930 году начался новый этап изъятия, который получил название "золотая лихорадка" (или "золотуха"). Вызывали в ГПУ бывших нэпманов, ювелиров, часовщиков, зубных врачей, ремесленников и требовали добровольно сдать государству золото, валюту, драгоценности. Тех, кто отказывался отдавать или приносил малые количества, отправляли в тюрьму, загоняли в битком набитые, жарко натопленные камеры, кормили соленым, не давая воды, лишали сна, вызывали на долгие изнурительные допросы с угрозами — и евреи не избежали общей участи.

> А.Солженицын, писатель (из книги "Архипелаг ГУЛАГ"): "Все они арестуются, все напихиваются в камеры ГПУ в количествах, которые до сих пор не представлялись возможными, — но тем лучше, скорей отдадут!.. Если у тебя на самом деле золота нет — твое положение безвыходно, тебя будут бить, жечь, пытать и выпаривать до смерти или пока уж действительно не поверят... Слишком легко отдавать нельзя: не поверят, что отдал сполна, будут еще держать. Но и слишком поздно отдать нельзя: душеньку выпустишь или со зла влепят срок..."

Из воспоминаний комсомольца-еврея 1930-х годов: "Все это были поганые, жестокие дела. Однако неизбежные. Ведь и хлеб и золото необходимы стране. А прятать драгоценности могли только своекорыстные, классово чуждые людишки. Конечно, случались ошибки, страдали и вовсе ни в чем не повинные. Это плохо. Такого следует избегать. Но из-за отдельных промахов нельзя же прекращать широкое наступление

на фронтах пятилетки. Нет, я не поддавался сомнениям и колебаниям Если иногда и задумывался, то бесплодно..."

В первые годы советской власти условия жизни были необычайно трудными. Одежду шили из старых мешков, которые красили в разные цвета. Мешковину распускали на нитки и вязали платки, шарфы, платья. Подошвы для обуви выпиливали из досок, а верх сооружали из остатков пожарных шлангов — так получались ботинки-"стукалки". Вывески на улицах поражали своими названиями, к которым трудно было привыкнуть: Губтрамот — губернский отдел местного транспорта, Наробраз — отдел народного образования, Комборбез — комитет борьбы с безработицей, Компомбед — комитет помощи бедным, Губкомдезертир — губернский комитет борьбы с дезертирами. Сотрудников учреждений называли шкраб — школьный работник, рабис — работник искусств, местран — служащий местного транспорта, уполгубтоп — губернский уполномоченный по обеспечению топливом. Появилось понятие "мофективные" (морально дефективные) дети, которых следовало исправлять методами эстетического воспитания.

Приметы того времени нашли отражение в известной песне:

Ужасно шумно в доме Шнеерсона,
Эс тит зих хойшех — прямо дым идет;
Он женит сына Соломона,
Который служит в Губтрамот.
Его невеста, курьерша финотдела,
Наряжена на свадьбе в пух и прах:
Фату мешковую надела
И деревяшки на ногах...

А. Гольденвейзер, киевский адвокат (из воспоминаний): "Месяцы и годы жили мы среди этого обнищания и оскудения, под постоянным гнетом и в постоянной тревоге. Выселят... Ограбят на обыске... Мобилизуют... Прислушивались ко всякому шороху на лестнице — не к нам ли... Ходили по мертвым улицам города, смотрели на кошмарно-однообразные вывески, на изможденные и тупые лица прохожих... Мы задыхались. И вокруг нас задыхались. Все — близкие и далекие..." — "В то время, когда ничего нельзя было ни купить, ни продать... разрешалось всем и каждому нанимать извозчика и условливаться с ним о цене на основах самого вольного соглашения. "Чем объяснить такую непоследовательность? — спросил

я однажды у одного чина Губтрамота. — Отчего вы не национализируете извозчиков?" — "Видите ли, — задумчиво ответил мой собеседник, — мы пробовали, но выяснилось одно затруднение. Когда людей не кормят, они отчего-то все же продолжают жить. А когда лошадей не кормят, они непременно умирают. Оттого мы и не национализируем извозчиков..."

В 1922 году экономист Б. Бруцкус опубликовал научную работу в петроградском журнале "Экономист", в которой предсказал "крушение" социалистической экономики и предложил меры "для поворота к капиталистическому строю". В. Ленин ознакомился с его работой, после чего определил журнал как "явный центр белогвардейства", а его сотрудников — "законнейшими кандидатами на высылку за границу". Бруцкуса и членов редколлегии "Экономиста" арестовали и выслали из страны. В 1923 году его работа увидела свет в Берлине, и в предисловии к книге автор написал: "Строй частной собственности и частной инициативы можно преобразовывать, но его нельзя разрушать, ибо на нем зиждется европейская цивилизация; его нельзя разрушать, ибо среди развалин ничего построить нельзя; его нельзя разрушать, ибо неизвестно, что, собственно, придется строить, ибо социалистический строй есть мираж, в погоне за которым можно прийти не в обетованную землю, а в долину смерти..."

Помощь голодающим оказывали из-за границы Общество ремесленного и земледельческого труда (ОРТ) и Еврейское колонизационное общество; Общество охранения здоровья евреев присылало из Берлина оборудование и специалистов, которые восстанавливали старые и открывали новые больницы и поликлиники, аптеки, дезинфекционные камеры, санатории для легочных больных, делали прививки от оспы, тифа и холеры. О. Каменева (жена Л. Каменева и сестра Л. Троцкого) возглавляла правительственную Комиссию по связи с иностранными благотворительными организациями — для восстановления сельского хозяйства и ликвидации последствий голода. Представитель Джойнта вспоминал: "Она заботилась о евреях как о людях, а не как о своих братьях; точнее, и они были братья, но ровно настолько, насколько братьями были татары или башкиры. Лишь изредка, по случайному недосмотру, в минуты потери самоконтроля открывались вдруг тайники ее сердца, обнаруживая любовь к народу, в котором она родилась..."

В. Ленин: "Величайшая ошибка думать, что НЭП положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и террору экономическому". Из воспоминаний современника: "В 1928—1929 годах началась новая волна арестов нэпманов. Многие из них были высланы в Сибирь, в основном в Новосибирск. Туда перевозили этапом в течение месяца, некоторые умирали по дороге. В Новосибирске люди были уже практически свободными, но оставались без имущества, жилья и средств к существованию. Джойнт организовал там кампанию помощи; проводил ее Шмарьягу Зельвинский. Он ежедневно приходил на вокзал, встречал высланных евреев, забирал их домой, давал возможность привести себя в порядок (помыться, постричься), а затем — после отдыха в течение нескольких дней, иногда недель — эти люди с помощью Зельвинского находили работу и жилье..."

Джойнт — Комитет по распределению фондов помощи евреям, пострадавшим от войны — был создан в США в ноябре 1914 года; основатели Комитета — американские евреи Ф. Варбург, Л. Маршалл и Д. Шифф. Во время Первой мировой войны Джойнт помогал евреям по обе линии фронта, помогал и еврейскому населению Эрец Исраэль. Теперешнее название Джойнта — Американский объединенный еврейский комитет по распределению фондов. До начала Второй мировой войны Джойнт оказывал помощь евреям Польши, Румынии, прибалтийских государств и Эрец Исраэль. С помощью Джойнта восемьдесят тысяч евреев были эвакуированы из стран, оккупированных Германией; для еврейского подполья в Польше сбросили на парашютах триста тысяч долларов из фондов этой организации. С 1945 по 1952 год Джойнт выделил триста пятьдесят миллионов долларов на продукты питания, одежду и медикаменты для уцелевших европейских евреев, давал деньги на перевозку евреев в Израиль, на их абсорбцию в стране. С момента основания и до 1980 года Джойнт потратил на благотворительные цели миллиард триста миллионов долларов.

Очерк девятый

Борьба с инакомыслием. Большевики и сионизм.
"Гехалуц". Эмиграция из России.
Палестинский павильон на выставке в Москве

1

В апреле 1917 года, после возвращения В. Ленина из эмиграции, в газете кадетов написали: "Такой общепризнанный глава социалистической партии должен быть теперь на арене борьбы, и его прибытие в Россию, какого бы мнения ни держаться о его взглядах, можно приветствовать..." Кадеты пострадали прежде других после октябрьского переворота и стали первой политической партией, объявленной большевиками вне закона. В ноябре 1917 года Совнарком постановил: "Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционного трибунала".

Ленин говорил: "Государство — это учреждение для принуждения. Раньше это было насилие над всем народом кучки толстосумов... Мы хотим организовать насилие во имя интересов трудящихся". 6 июля 1918 года части Красной армии подавили в Москве вооруженное выступление левых эсеров, союзников большевиков по коалиции, и наступила однопартийная диктатура. "Мы являемся единственной партией в стране, — провозглашал Л. Троцкий, — и в эпоху диктатуры иначе быть не может". К руководству государством пришли люди, которые оправдыва-

ли любые средства для достижения поставленной цели. Во имя этой цели лгали и убивали, провозглашали идеи и действовали от имени пролетариата — "передовой части" народа, не спрашивая его совета или согласия. Итальянский коммунист распознал это, побывав в советской России в 1920 году: "Много раз говорили и повторяли, что основной принцип русской революциии — это диктатура пролетариата... Диктатура существует — и, возможно, ко благу пролетариата, — но, собственно, он, бедняга, тут ни при чем... Диктатуру осуществляет коммунистическая партия".

Это была диктатура партии, устранявшей своих соперников, а точнее, диктатура ее лидеров, которые правили огромной страной, ни перед кем не отчитываясь за результаты своей деятельности. На смену нравственности и морали пришла политика "целесообразности", признававшая нравственными любые действия, которые вели к удержанию власти в стране и захвату власти во всем мире. (В 1976 году сказали престарелому В. Молотову, бывшему члену Политбюро и председателю Совнаркома, который доживал свой век в покое и довольстве на государственной даче: "Люди не видят мяса по всей стране". Он ответил: "Ну и черт с ним, с мясом, только бы империализм подох!..")

Из писем Ленину (1918 год): "Никогда еще не было в России такого произвола, гнета и бесправия... Едва ли надо тащить людей в то светлое царство, от которого они отказываются. Рай под угрозой расстрела..." — "Ленин, что ты с нами сделал? На тебя мы надеялись, тебе мы доверили правление страны и остались без куска хлеба на улице. Лучше бы пристрелили..." — "Девяносто процентов ждут царя, как манны небесной, и предвкушают блаженство, как они будут резать большевиков и держать в клетках Ленина и Троцкого, кормя их трупами собак..."

Из популярной частушки того времени:

Пароход идет мимо пристани,
Будем рыбу кормить коммунистами...

Через два дня после октябрьского переворота Совнарком принял декрет "против контрреволюционной печати разных оттенков", так как "это оружие в руках врага... не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы". Декрет о печати имел "временный характер", до наступления "нормальных условий общественной жизни", однако эти "условия" так и не наступили за все годы правления большевиков. В первые дни советской власти закрыли в Петрограде около двадцати "враждебных" газет; отпечатанные номера конфисковали и сожгли на улице к изумлению прохожих. "Терпеть существование этих газет, — сказал Ле-

нин, — значит перестать быть социалистом... Мы не можем дать буржуазии возможность клеветать на нас".

В начале 1918 года Совнарком учредил Революционный трибунал печати, решения которого были окончательными, обжалованию не подлежали, и вскоре по всей стране закрыли не менее ста двадцати "буржуазных и мелкобуржуазных" газет. Поэтесса З. Гиппиус вспоминала: "Мы надеялись на скорый конец проклятого пути, а он, самый-то проклятый, еще почти не начался. Большевики... еще робко протягивали лапы к разным вещам. Попробуют, видят — ничего, осмелеют. Хапнут. Так, весной 1918 года они лишь целились запретить всю печать, но еще не решались (потом, через год, хохотали: и дураки же мы были церемониться)..."

В течение нескольких лет большевики завершили разгром оппозиционных партий — анархистов, эсеров, меньшевиков. Политические заключенные сообщали из Владимирской тюрьмы в 1921 году: "Почти никому из нас не предъявлено обвинения... Та обстановка, которая окружает нас во Владимире, дает право утверждать, что сейчас речь идет... о мерах, направленных к нашему физическому уничтожению" (под письмом тридцать шесть подписей социал-демократов, эсеров и анархистов, среди них не менее двадцати еврейских фамилий).

> Из свидетельства современника (1921 год): "Я видела жен наших товарищей эсеров, я встречала их на улице, они все ходили в тюрьму и обратно. Это шли старухи, огрубевшие от ветра и холода, черные, голодные, но гордые. Старость пришла так рано, что дети не успели еще подрасти. Я встретила одного нищего, это эсер, который дал подписку о выходе из партии... Он не смел подать мне руку. "Я вышел из партии, потому что многих эсеров в тюрьме на глазах у меня расстреляли. Я вышел из партии, потому что жену с двумя детьми в карцере держали, в Архангельской тюрьме. Партию я люблю, но я ослабел. Я был один в изоляторе, я слышал плач детей..."

В 1922 году проходил суд над правыми эсерами, которые не признавали себя виновными и ни в чем не раскаивались. А. Гоц заявил в последнем слове: "Мы выполним свой долг, какая бы участь нас здесь не ожидала..." А. Либеров: "Признаю себя виновным в том, что в 1918 году я недостаточно работал для свержения власти большевиков..." Е. Тимофеев: "Ни покаяния, ни отречения, ни смирения от нас не дождаться..." С. Морозов: "Вашим врагом был, есть и останусь..." М. Гендельман: "И мертвые и живые мы будем вам опасны..." Суд приговорил обвиняемых к тюремному заключению, а двенадцать человек — к смерт-

ной казни, которую заменили на пять лет лишения свободы под давлением европейских социалистов (М. Гендельмана расстреляли в 1938 году, А. Гоца приговорили в 1939 году к двадцати пяти годам заключения, и он вскоре погиб).

Большевики проводили репрессии против любой инакомыслящей партии. Ленин утверждал, что "все национальные движения реакционны", а потому и сионистское движение, чуждое марксистской идеологии, не избежало общей участи.

2

Во время Гражданской войны трещина пролегла не только между народами, классами, единоверцами, отцами, сыновьями и братьями, но и между политическими партиями, даже внутри этих партий, среди бывших единомышленников в прошлых теоретических баталиях. Рушились привычные связи. Переоценивались понятия. Прежние борцы за еврейское равноправие меняли свои позиции в хаосе событий, потрясавших страну.

Кадеты поддерживали генерала А. Деникина, входили в состав его Особого совещания, временно заменявшего правительство, и практически ничего не сделали, чтобы приостановить погромы и убийства, творимые Добровольческой армией. Те самые кадеты — российские либералы, которые прежде выступали против антисемитизма, замалчивали происходившие события, чтобы не повредить Белому движению; в разгар жестоких насилий они утверждали, что деникинцы делают все возможное для борьбы с погромами, которые "на самом деле" организуют "большевистские агенты для дезорганизации тыла". Газета кадетов в Ростове-на-Дону поддержала лозунг "Россия для русских", предложила признать евреев "подданными иностранной державы" — Палестины и лишить российского гражданства. Даже те либералы, что признавали существование погромных настроений в армии Деникина, надеялись на установление "твердого правопорядка" лишь после победы Белого движения, "ибо с антисемитизмом, как всенародным настроением, справиться может только очень сильная власть".

Но пока не установился этот долгожданный "правопорядок", евреев продолжали грабить и убивать, а потому события тех лет заставили их искать новых союзников в борьбе за национальное выживание. Не только еврейское население инстинктивно кинулось к большевикам в поисках защиты от физического уничтожения, но и некоторые политические деятели, выступавшие прежде против советской власти. На изменение ориентации повлияли и победы Красной армии в Гражданской войне, революции в Германии и Венгрии, подъем рабочего движения в евро-

пейских странах — это вызывало необоснованные, почти мессианские ожидания близких и великих перемен, непременного торжества коммунистических идей по всей Европе; это повлияло и на социалистов-евреев, часть которых поменяла свои позиции: друзья стали врагами, враги — попутчиками.

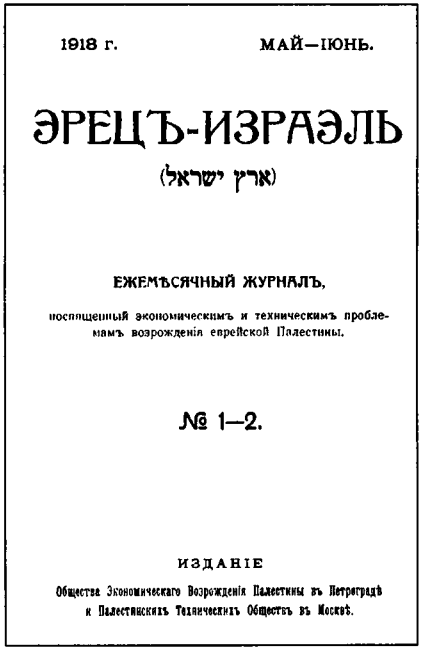
В начале 1918 года, когда большевики заняли Киев, еврейские партии отнеслись к ним враждебно. "Они расстреляли все национальные завоевания революции на Украине", — заявил лидер Бунда М. Рафес. И хотя советская власть упразднила министерство по еврейским делам, тот же Рафес стал впоследствии одним из инициаторов раскола Бунда на Украине. Бунд разделился на две фракции — левых и правых; левое большинство назвало себя Комбундом, Коммунистическим Бундом. Подобное произошло и в "Фарейникте" — Объединенной еврейской социалистической рабочей партии: ее левое крыло слилось с Комбундом в Еврейский коммунистический союз Украины ("Комфарбанд"). Правые бундовцы — союзники меньшевиков — эмигрировали, опасаясь репрессий, продолжили свою деятельность в странах Европы и Америки, а левые в 1921 году ликвидировали Бунд в России. В постановлении было сказано: "1. Прекратить дальнейшее существование Бунда. 2. Предложить всем членам Бунда вступить в РКП — Российскую коммунистическую партию".

С момента своего возникновения Бунд постоянно выступал против сионистского движения. Бундовцы считали, что еврейские вопросы надо разрешать в странах проживания евреев и не заниматься сионизмом — "буржуазным и мелкобуржуазным движением". Бундовцы отвергали иврит и культуру на этом языке, а идею создания еврейского государства в Эрец Исраэль определяли как "реакционное устремление" еврейской буржуазии, чтобы отвлечь евреев от политической борьбы в России. Прежде это были теоретические споры представителей разных партий, но теперь к бывшим бундовцам пришла на помощь советская власть, которой они воспользовались, чтобы расправиться со старым противником и установить свое влияние на "еврейской улице".

3

К октябрю 1917 года сионистское движение на территории России насчитывало тысячу двести отделений, в которых состояли триста тысяч человек, — без учета западных губерний со значительным еврейским населением, занятых германской армией. Сионистские кружки появились повсюду, даже в самых отдаленных районах страны — в Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке. Сионистская организация "Гехавер" ("Товарищ") объединяла учащуюся молодежь Минска, Арзамаса, Уфы, Ниж-

него Новгорода, Читы, Одессы, Томска и других городов. Общество "Гехалуц" ("Первопроходец") подготавливало юношей и девушек к сельскохозяйственному труду, а затем к переезду в Эрец Исраэль. В Петрограде образовалось Общество экономического возрождения Эрец Исраэль для разработки и внедрения различных проектов, возникла и акционерная компания для строительства на той земле санаториев, гостиниц и дачных поселков. Весной 1918 года в сотнях еврейских общин с успехом прошла "Неделя Эрец Исраэль" — митинги, собрания, концерты, сбор пожертвований в Еврейский национальный фонд; на заключительном концерте в Петрограде вместе с еврейскими артистами выступал Ф. Шаляпин, исполнивший песню на идиш и гимн сионистов "Га-Тикву". В марте 1919 года состоялась неделя сбора членского взноса — "шекеля"; это означало солидарность с сионистским движением, и в воззвании было сказано: "Всякий еврей и еврейка, какого бы политического лагеря он ни был, может и должен дать шекель, если он признает... право еврейского народа на Палестину".

1918 г. МАЙ—ІЮНЬ.

ЭРЕЦЪ-ИЗРАЭЛЬ

(ארץ ישראל)

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный экономическимъ и техническимъ проблемамъ возрожденія еврейской Палестины.

№ 1—2.

ИЗДАНІЕ

Общества Экономическаго Возрожденія Палестины въ Петроградѣ и Палестинскихъ Техническихъ Обществъ въ Москвѣ.

Журнал "Эрец Исраэль". Петроград, 1918—1919 годы

Сионистское движение не выступало против советской власти, однако призывы к самостоятельной национальной жизни в Эрец Исраэль противоречили идеологии марксизма и национальной политике новых правителей России. Бывшие бундовцы, став большевиками, принесли с собой прежнюю непримиримую вражду к сионистам, а потому способствовали закрытию сионистских газет и учреждений, школ, клубов и спортивных обществ. Сионисты Тулы жаловались местному начальству,

что прежние их противники "пытаются воспользоваться советской властью, чтобы свести старые счеты", но бундовцы уже усвоили новую терминологию и провозглашали: "Своей палестинской политикой сионистская партия превращается в орудие в руках империалистов Антанты".

Летом 1919 года агенты украинского ЧК произвели обыски у видных сионистов Киева, Одессы, Харькова и потребовали прекратить всякую общественную деятельность под угрозой предания суду Революционного трибунала. Но в тот момент началось наступление армии А. Деникина, и сионистов на Украине ненадолго оставили в покое.

> В 1919 году ЦК партии большевиков принял секретное постановление об усилении борьбы с сионистами и создал при ВЧК особую группу для ликвидации "еврейской контрреволюции". Из секретного циркуляра "Всем местным ЧК" (1920 год): "Сионизм, охватывающий почти всю еврейскую интеллигенцию, если бы ему суждено было осуществиться, немедленно лишил бы нас огромнейших кадров, необходимых для воссоздания нашего народного хозяйства... которыми при нашей бедности приходится до поры до времени дорожить..."

Весной 1920 года прошли аресты сионистов в Петрограде, Витебске, Гомеле и в других городах. В апреле того года власти арестовали в Москве участников Всероссийской сионистской конференции; около ста человек шли по московским улицам в окружении охраны и пели гимн "Га-Тикву". Их обвинили в связях с Антантой, в агитации против Советской России, и девятнадцать человек приговорили к принудительным работам на сроки от шести месяцев до пяти лет. Сионистское движение ушло в подполье; многие лидеры эмигрировали, а оставшиеся образовали нелегальное центральное бюро во главе с Э. Чериковером, которое координировало деятельность местных сионистских групп. В 1922 году на подпольном съезде в Москве была создана молодежная сионистская организация "Гашомер гацаир" — "Юный страж". В городах и местечках появились юношеские отряды и детские дружины: "герцлята" — по имени Т. Герцля, "волчата", "цофим" — "дозорные", "шомрим" — "стражи". Печатали на стеклографах и пишущих машинках информационные бюллетени с листовками, рассылали их по почте, разбрасывали на собраниях и в синагогах, распространяли газеты с журналами для взрослых и детей — "Наш голос", "Новости", "Детский листок", "Даркейну" ("Наш путь") и другие издания. Молодежная организация "Гашомер гацаир" выпускала рукописный журнал "Наша правда", в котором сообщали об очередных арестах: "Гомель: Миля — пять лет политизолятора, Абраша Златин — два года Киргизского края. Бобруйск:

Моисей Фишман и Сёма Михалевич — по три года Киргизского края...” В секретном отчете ГПУ Украины подчеркивали: “Интерес еврейских масс к этим газетам и литературе огромный... (Официальные) периодические издания... неинтересны читателям, они не дают им того, в чем те нуждаются”.

Студентов-сионистов исключали из институтов как “идеологически чуждый элемент”, подозреваемых ставили под негласное наблюдение, проводили массовые обыски и аресты; по ходатайству профессора Московской консерватории Д. Шора и председателя Политического Красного Креста Е. Пешковой удавалось иногда заменить заключение в лагерях высылкой из страны — “без права возвращения в Советский Союз”. Весной 1922 года власти арестовали в Киеве делегатов нелегальной конференции сионистской партии “Цеирей Цион” — “Молодежь Сиона”. Их отвезли в ГПУ, заперли в камере, однако они продолжили там прерванное заседание, провели прения, проголосовали за резолюции, а по окончании конференции пропели “Га-Тикву”. Был суд. Арестованных обвинили в стремлении “бросить еврейскую молодежь в объятия контрреволюционной буржуазии” и осудили на сроки заключения до двух лет. Вскоре после этого прошли аресты сионистов в Харькове, Полтаве, Одессе, Киеве и в других городах Украины. Газеты требовали обратить серьезное внимание на “разложение еврейской сионистской детворы”, печатали письма евреев, раскаявшихся в увлечении “сионистскими бреднями”: “Мне стало легче, как после продолжительной болезни, когда я сбросил с себя весь этот средневековый хлам, именуемый сионистской литературой”.

В 1923 году закрыли в Москве издательство “Еврейский студент” — “по имеющимся в ГПУ сведениям, издательство явно сионистского характера”. Летом того года проходили аресты сионистов в Иркутске, Чите и других городах Сибири. В Бурятии органы ГПУ выявили среди евреев двенадцать сионистов и поставили их “на учет”; в отдаленном бурятском поселении установили наблюдение за всеми евреями, которые там жили (было их восемь человек), и уполномоченный ГПУ сообщал про заведующего аптекой: “Крещен в 1911 году и женат на русской, а потому сионистом быть не может...”

Председатель ОГПУ Ф. Дзержинский считал по-видимому, что следует избавиться от евреев, не желавших ассимилироваться, и предлагал в 1924 году: “Просмотрел сионистские материалы. Признаться точно, не пойму, зачем их преследовать... Их партийная работа для нас вовсе не опасна — рабочие (доподлинные) за ними не пойдут, а их крики, связанные с их арестами, долетают до банкиров и “евреев” всех стран и навредят нам немало. Программа сионистов

нам не опасна, наоборот, считаю полезной... Мы должны ассимилировать только самый незначительный процент, хватит. Остальные должны стать сионистами... Зачем их иметь себе врагами..."

В августе 1924 года сионисты, действовавшие в подполье, распространили по стране десятки тысяч листовок с критикой большевистского режима. В ответ на это в ночь на 2 сентября 1924 года, в еврейский праздник Рош га-Шана, в разных городах Советского Союза прошли аресты. Охота за сионистами продолжалась два месяца, и за решеткой оказалось около трех тысяч человек; в знак протеста по улицам Одессы прошла колонна еврейской молодежи с пением "Га-Тиквы", — демонстрантов разгоняла конная милиция, и многие были арестованы. Теперь их уже не высылали из страны, чтобы это не стало "серьезным стимулом для усиления сионистской работы"; активных сионистов приговаривали к заключению в лагерях, из тюрем отправляли на этап, а сокамерники, ожидавшие своей участи, провожали их песней на иврите: "Смело, друзья! Не теряйте бодрости в неравном бою..."

Сионисты в ссылке у тела погибшего товарища. Киргизия, 1921 год

В 1925 году ГПУ насчитало в Одесской губернии две с половиной тысячи молодых сионистов, в Подольской губернии пять тысяч, в Киевской — две тысячи. Они агитировали за выезд из СССР и отправили несколько пеших групп к границе с Персией, распространяли сионистскую литературу, устраивали демонстрации молодежи под лозунгом "Долой евсекцию!" С начала 1926 года начались новые аресты и высыл-

ки сионистов. Их отправляли на поселение малыми изолированными группами в отдаленные районы Урала, Сибири и Средней Азии, где они встречались с евреями-кадетами, меньшевиками, эсерами и составляли совместно высокий процент среди прочих политических заключенных. Сионистов размещали в крохотных деревнях за сотни километров от железнодорожных станций, под постоянным контролем уполномоченных ГПУ, которые в любой момент могли перевести их в иное, более гиблое место, а то и послать рапорт начальству для продления срока ссылки. Жизнь была невыносимо трудной, впроголодь, без какой-либо медицинской помощи, в тяжелых климатических условиях долгой полярной зимы или невыносимой среднеазиатской жары; ссыльные болели, становились инвалидами и умирали, а иные кончали жизнь самоубийством.

> Из письма молодой женщины, сосланной за сионизм в Среднюю Азию: "Вот уже пять лет, как я нахожусь в ссылке... Нет никакой надежды на освобождение. Иногда я решаю положить конец жизни мучений и одиночества, жизни голодной собаки, но у меня не хватает на это сил и мужества. До каких пор будут продолжаться мои страдания?.."

Немногочисленные сионистские группы существовали нелегально в разных городах страны и издавали рукописные бюллетени, которые распространяли среди евреев. В 1934 году было разгромлено подпольное сионистское руководство в Советском Союзе; остававшийся на свободе Б. Гинзбург пытался поддерживать связь между разрозненными группами, был арестован в 1937 году и погиб. Евреям и в дальнейшем припоминали их сионистское прошлое и отправляли за колючую проволоку; некоторые из них провели в заключении по пятнадцать—семнадцать лет, но большинство погибло в советских тюрьмах, лагерях и ссылках.

4

В начале двадцатого века российский сионист М. Усышкин предложил создать молодежную рабочую организацию для юношей и девушек, готовых "провести три года в сельскохозяйственных поселениях Эрец Исраэль, где они будут солдатами еврейского народа, однако их оружием станут не сабля и винтовка, а плуг и лопата". Эту идею подхватило сионистское движение "Цеирей Цион" ("Молодежь Сиона"), и в 1916 году в Мелитополе и Симферополе, в Прилуках Полтавской губернии и Сквире Киевской губернии появились группы еврейской молодежи, которая готовила себя к физическому труду, чтобы при первой возможности уехать в Эрец Исраэль.

После Февральской революции стали возникать стихийно и независимо друг от друга центры сельскохозяйственной подготовки в России, на Украине, в Белоруссии и Крыму. Туда вступала молодежь из сионистских организаций, а также юноши и девушки, не причастные до этого ни к какому движению. Возле Одессы появилась ферма, где пятьдесят человек завели огородное хозяйство; возникли молодежные группы под Харьковом и Москвой; кое-кто нанимался в еврейские поселения юга Украины, чтобы научиться работать на земле; были и такие, что после дня обычной работы шли на заводы и в мастерские, обучаясь какому-либо ремеслу.

> Из воспоминаний первых участниц движения: "Мы уставали до изнеможения, так как нам пришлось пахать поле, заросшее сорной травой высотой с человеческий рост. Время от времени надо было переворачивать плуг, счищать с него комья мокрой земли и прилипшие сорняки. Неподалеку от нас пахали мужчины-украинцы. Они подходили, предлагали помощь. Мы благодарили их, но от помощи отказывались. Нам хотелось почувствовать себя самостоятельными, самим справиться с работой. "Дядько" не уставал восторгаться нами, называя нас "мои жидовочки". Мы работали от зари до зари, затем на телеге возвращались в коммуну..."

В Библии сказано: когда Моше (Моисей) вывел народ из Египта и вёл его по пустыне, воины из колен Реувена и Гада дали клятву "наавор халуцим" — "пойдем впереди всех по пути Господа". Отсюда возникло понятие "халуцим" — идущие впереди; новое движение в России получило название "Гехалуц" — "Первопроходец", "Пионер", и на его знамени было начертано "Идущий впереди войска". В начале 1918 года в Харькове состоялась первая всероссийская конференция разрозненных групп, которые приняли такое решение: "Каждый член "Гехалуца" в диаспоре должен подготовить себя к труду. По прибытии в Эрец Исраэль он обязан предоставить себя в распоряжение "Гехалуца" на трехлетний срок... Долг каждого участника движения заблаговременно овладеть языком иврит... В "Гехалуц" принимаются люди, желающие остаться в Эрец Исраэль на всю жизнь".

Председателем петроградского отделения стал И. Трумпельдор. На окраине города группа из двадцати человек нанялась выращивать картофель: жили коммуной в съемном доме, трудились на полях, по вечерам учили иврит, не работали по субботам. Когда возникали конфликты, срочно вызывали Трумпельдора, и тот разъяснял молодым людям, что они "должны смотреть на свою жизнь здесь, как на переходный этап, а настоящие трудности еще ждут в Эрец Исраэль". Трумпельдор стремил-

ся к единству сионистского движения, разделенного на политические группировки; в январе 1919 года "Гехалуц" провозгласил себя "трудовым надпартийным объединением", и Трумпельдор стал председателем ЦК этой организации. Весной того года он поехал в Крым и организовал новое хозяйство возле Джанкоя, затем через Стамбул отправился в Эрец Исраэль, чтобы подготовить прием молодежи, но вскоре погиб в стычке с арабами.

В 1920 году появилась "Первая рабочая группа" в Бердичеве: сто сорок человек работали на свекольных полях при сахарном заводе, а зимой занимались столярным и слесарным делом. В еврейском поселении Ново-Полтавка на юге Украины работали около ста юношей и девушек. Возле Саратова появилась ферма "Мишмар га-Волга" ("Стража на Волге"), куда съехались пятьдесят пять человек. "В пять часов утра, на восходе солнца, все купаются в реке, а после завтрака выходят на работу, — сообщал заезжий наблюдатель. — Работа на жаре очень тяжела и сильно изнуряет, однако они уже привыкли. Над ними нет надсмотрщика, который бы понукал, они сами прилежно выполняют все под звучные палестинские песни. В перерыв снова купаются в реке. Пища к обеду — миска гречневой или овсяной каши. Они полны надежды, веселы и радостны... Все очень хорошо знают иврит: на нем только и говорят — и дома, и в поле".

> В Ярцеве Смоленской губернии был создан "Трудовой отряд", куда съезжалась молодежь со всех концов страны, чтобы научиться ремеслам. "Нас расселили по товарным вагонам, по восемь человек в каждом, — рассказывала работница отряда. — Спали на нарах, стуча зубами от холода... Мы занимались тяжелой работой: разгружали вагоны со строительными материалами, пилили лес, строили... С носилками, нагруженными обломками бетона или известью, мы поднимались на второй этаж или спускались оттуда во двор. После первого дня работы я всю ночь корчилась от болей..."

Появились хозяйства "Гехалуца" в Ялте и Белой Церкви, в Томашполе и возле Юзовки. В Крыму создали ферму "Тель-Хай" — по названию поселения в Эрец Исраэль, где погиб Трумпельдор; там выращивали пшеницу, ячмень и овес, разводили коров и кур, работали в кузнице и кожевенной мастерской. Из воспоминаний: "Почти все вечера, собираясь в столовой, мы проводили в песнях и плясках: это разгоняло усталость и приводило нас в отличное расположение духа..." — "Мы повезли на крымскую сельскохозяйственную выставку сено, полевые культуры, коров, лошадей и свиней. "Тель-Хай" получил первые призы по всем отраслям и даже — к стыду делегаций русских коммун — по выра-

щиванию свиней... Большой интерес вызывали и мы сами — молодые люди без сельскохозяйственного опыта, да к тому же евреи, сумевшие за такой короткий срок создать крупное и образцовое хозяйство..."

5

Большевики с недоверием относились к "Гехалуцу" — "разновидности сионизма", однако на первых порах эту организацию не запрещали, "пока ее деятельность не противоречит законам советской власти". "Гехалуц" обучал еврейскую молодежь навыкам труда в коллективных хозяйствах; это направление работы соответствовало идеологии правящей партии, и для еврейских коммун выделяли землю и инвентарь. В 1923 году власти формально признали "Гехалуц", что привело к его расколу. Правое крыло опасалось идеологического перерождения организации под контролем советских учреждений, а потому ушло в подполье и образовало "Национально-трудовую организацию Гехалуц". Левое крыло официально зарегистрировалось под названием "Гехалуц в СССР", и в его уставе говорилось о "строительстве трудового центра в Эрец Исраэль". В 1924 году в Москве проходил всероссийский съезд легального "Гехалуца". Зал украсили портретами Маркса, Ленина и Трумпельдора. От имени двух тысяч юношей и девушек депутаты съезда приняли резолюцию: "Гехалуц" остается беспартийной организацией для практической подготовки переселенцев в Палестину". Заседание съезда закончилось пением "Интернационала" на иврите.

Опасения правого крыла оказались обоснованными, так как легальный "Гехалуц" постепенно приспосабливался к классовой идеологии и перенимал большевистскую терминологию. В газете этой организации писали о мощных "ударах национально-классового молота" в борьбе за "еврейскую коллективистическую Палестину"; во время демонстраций на советских праздниках в колоннах "Гехалуца" несли плакаты с лозунгами на русском языке, иврите и идиш: "Да здравствует единый мировой фронт труда против капитала", "Привет рабочему классу Палестины!", "Рабочая Палестина — факел социализма для миллионов трудящихся Востока!"

В 1925 году левое и правое крыло "Гехалуца" попытались прийти к соглашению, и их представители тайно встретились в Москве. Из записей участника той встречи: "Разногласия были непримиримыми, особенно по таким вопросам, как отношение к советской власти, к социализму и классовой борьбе. Иегуда Каганович (правое крыло) занимал крайнюю позицию по всем вопросам. Иегошуа Альтшулер определил эту позицию как фашистскую... Спор еще бо-

лее ожесточился, вдруг Каганович, к изумлению присутствующих, выхватил револьвер и дважды выстрелил в Альтшулера. Он промахнулся, но участники заседания совершенно потеряли контроль над собой... Дело кончилось дракой... Стоит отметить, что через несколько лет Каганович и Альтшулер встретились в одной из сибирских тюрем и там помирились..."

Нелегальный "Гехалуц" действовал в подполье и создавал законспирированные учебные центры по подготовке молодежи, в том числе "Мишмар" ("Стража") в Крыму, "Билу" — в Белоруссии. Легальный "Гехалуц" основал в Крыму двадцать коммун, среди них "Мааян" ("Источник") и "Керем Йосеф" ("Виноградник Йосефа"), где выращивали табак, овощи, виноград. В Первомайске открыли молочную ферму, в Симферополе жестяную мастерскую, в Херсоне две артели по плетению корзин, в Москве — слесарную мастерскую и артель по производству мебели, в Умани засевали поля и работали в кузнице, в Виннице изготавливали чулки, в Очакове артель рыбаков ловила рыбу; существовало металлургическое предприятие в Ленинграде, учебные фермы под Киевом и Витебском — к 1926 году в составе легального и нелегального "Гехалуца" было не менее четырнадцати тысяч человек. Джойнт выделял средства для содержания и развития хозяйств, присылал трактора и прочий инвентарь, а "Гехалуц" привлекал молодежь, организовывал преподавание иврита, истории и географии Эрец Исраэль — по образному выражению наблюдателя, эта организация закладывала на полях "скирды, подмигивающие Сиону".

Рыболовецкая артель "Гехалуца" в Очакове

С 1926 года начались аресты деятелей "Гехалуца" по всей стране, стали ликвидировать их хозяйства; легальный "Гехалуц" окончательно запретили в 1928 году — как организацию, которая "отвлекает трудящуюся молодежь от задач строительства социализма в СССР". Организация ушла в подполье, тайком переправляла молодежь в Эрец Исраэль и прекратила свое существование к 1934 году.

> А. Солженицын (из книги "Архипелаг ГУЛАГ"): "Ссыльные 20-х годов вспоминают, что единственной живой и боевой партией в то время были сионисты-социалисты с их энергичной юношеской организацией "Гашомер" и легальной организацией "Гехалуц", создававшей земледельческие еврейские коммуны в Крыму. В 1926-м посадили все их ЦК, а в 1927-м неунывающих мальчишек и девчонок до 15—16 лет взяли из Крыма в ссылку. Давали им Турткуль и другие строгие места. Это была действительно партия — спаянная, настойчивая, уверенная в правоте..."

Бывшие участники молодежного движения вспоминали: "Мы организовали в Москве маленькие группы из семи-восьми человек. Все мы были членами ликвидированных хозяйств... Перепробовав много работ, мы обосновались наконец в "Москвострое", где приобрели известность как отличные каменщики. Нашей главной работой было строительство мавзолея Ленина. Стройку посещали Сталин, Молотов... Каждая из советских республик прислала камень, чтобы заложить его в фундамент мавзолея. На каждом из этих камней наши халуцим высекли свои имена..."

6

Ужасы Гражданской войны в России поднимали многих с насиженных мест, но особенно это проявилось на Украине, где среди разгромленного еврейского населения возникло стихийное стремление покинуть страну. С мест сообщали: в Черкассах Киевской губернии желали немедленно уехать восемьдесят шесть процентов опрошенных; в Херсонской губернии "все еврейское население готово при первой возможности бросить свое местечко и выехать в Палестину..." — "Евреи оставляют обжитые места, бросают на произвол судьбы дома и имущество и целыми партиями отъезжают в Польшу..." — "Они идут пешком — целые города и местечки, мужчины женщины и дети; поднимаются и идут со своим скудным багажом за плечами... Куда они идут — никому не известно, да они и сами этого не знают..."

В 1920—1922 годах беженцы уходили группами и поодиночке в Польшу, Румынию, Литву и Латвию, чтобы перебраться оттуда в США, Ар-

гентину, страны Западной Европы и в Эрец Исраэль. В дороге их грабили бандиты, обманывали и обирали посредники и контрабандисты; жандармы гнали их обратно в Россию, а тех, кому удавалось остаться, помещали в лагеря беженцев, где они подолгу ожидали дальнейшего развития событий. Из газет и воспоминаний: "Около сорока тысяч евреев бродят уже несколько месяцев по берегу Днестра, не имея возможности перебраться в Румынию..." — "В местечках на границе синагоги переполнены и от тесноты превратились в гнезда грязи и очаги заразы. Молодые и старые, мужчины и женщины, больные и здоровые валяются кучами на полу. Шум, крик, ругань, стоны больных, плач детей наполняют зараженный воздух..." — "Беженцев то и дело гонят из пограничных местечек, хотя им и некуда идти... Они ни в коем случае не хотят возвращаться и отказываются двинуться с места: "Все равно помирать..."

> Из свидетельства беженцев: "При переходе через реку чей-то ребенок начал плакать. Его не могли успокоить ни уговоры родителей, ни окрики спутников, и тогда воздух распороли звуки выстрелов. Стреляли в нас с обоих берегов реки. Когда стрельба затихла, мы даже не знали, все ли остались живы..." — "Было много случаев, когда эмигрантов заставляли вернуться в Россию, и переходя Днестр по тонкому льду, многие утонули в реке..." — "Плата за перевоз была доступна только богатым людям, поэтому нам советовали ждать зимы: когда Днестр замерзает, цены падают. Пришла долгожданная зима, река наконец покрылась льдом, а плата за переход оставалась не по средствам. И снова нам сказали, ждите весны: когда лед начинает ломаться, цены падают... Пришлось ждать весны, живя вблизи от границы, с фальшивыми документами и в постоянной опасности..."

Организация "Гехалуц" занималась не только подготовкой к труду, но и переправляла молодежь в Эрец Исраэль. В 1920 году выехали через Севастополь сто двадцать человек, следом за ними двести юношей и девушек переплыли на парусных лодках через Черное море, от крымских до турецких берегов: "Мы высадились на азиатском берегу Турции и отправились в Стамбул... Путь был долгим и тяжелым; ни пищи, ни воды у нас не было. Пили мы из грязных луж на дороге. Некоторые так ослабели, что больше не могли идти..." — "Чтобы прокормиться в Стамбуле, мы были согласны на любую работу. Спали, экономя средства, под мостом..." — "В Стамбуле тогда был Трумпельдор. Он бегал по городу, искал для ребят работу, в трудную минуту подбадривал голодных: лучшая еда — помидоры и арбузы. И дешево, и сытно..." — "Из Стамбула мы решили перебраться в Эрец Исраэль, чего бы это ни стоило. Одни

нанимались моряками, другие прятались в трюмах судов; были и такие, что отправились пешком..."

"Гехалуц" переправлял молодежь через Кавказ при содействии британского консула в Батуми, организовывал группы для перехода румынской, польской, литовской и латвийской границ — проходили месяцы, а то и годы, прежде чем удавалось уйти из России после многих неудачных попыток. Бывали периоды, когда за несколько месяцев удавалось переправить в Эрец Исраэль более тысячи человек; случалось и так, что целые группы попадали в руки ГПУ. Границы были закрыты, однако попытки вырваться из Советского Союза не прекращались. Молодые люди переезжали из города в город с подложными документами, бедствовали, опасались ареста, кормились случайными заработками в ожидании выезда.

> Из воспоминаний: "Мы работали на строительстве железнодорожного моста в пятнадцати километрах от города. Мороз в Москве стоял страшный. На покупку теплой одежды у нас не было денег. От холода мы спасались, обматывая себя разными тряпками..." — "Жили голодной жизнью, безнадежной и полной лишений... Целые дни сидели без хлеба, один за другим заболевали тифом..." — "В пограничных районах надо было прятаться по подвалам и чердакам в ожидании темной ночи, удобной для перехода, пугаться шорохов и собственной тени, красться вдоль границы, рискуя получить пулю в спину..." — "Я уехала из дома осенью 1921 года, а попала в Эрец Исраэль зимой 1923-го. Путешествие закалило меня и обогатило опытом..."

В 1921 году, после установления в Грузии советской власти, более полутора тысяч грузинских евреев покинули страну: половина из них приехала в Эрец Исраэль, остальные поселились в Стамбуле. К 1923 году скопилось в Польше до сорока тысяч евреев-беженцев, которых вернули в СССР по согласованию с советским правительством; они официально считались дезертирами, а потому ГПУ установило за ними наблюдение. Количество евреев, переселившихся в США за те годы, составило более ста пятидесяти тысяч человек; когда американские власти ограничили въезд в страну, поток резко сократился — тому способствовала и высокая плата, введенная в Советском Союзе за заграничный паспорт.

С 1919 по 1923 год в Эрец Исраэль приехало тридцать пять тысяч человек; евреи из России — в основном молодежь — составили около половины от общего количества новоприбывших. Одни нелегально пересекали польскую границу, попадали затем на побережье Средиземного

моря и уплывали на кораблях; другие уходили через Румынию и садились на пароходы в Констанце; были и такие, что шли пешком через кавказские горы и Турцию. В пути их ожидали многие опасности, неналаженный транспорт, случайные суденышки в морях, где сохранились мины со времен войны. Порой их маршрут растягивался на годы и шел через Сибирь и Японию, через Гималаи, Индию, Персию — в Эрец Исраэль.

В 1925 году выпустили из Грузии восемнадцать еврейских семей, однако власти вскоре спохватились и не позволили прочим желающим покинуть страну. Бухарские евреи нелегально пересекали границу с Ираном и Афганистаном, и пока им не перекрыли пути, ушли около четырех тысяч человек. С каждым годом выезд из СССР все более затруднялся, и лишь одиночкам удавалось уехать. По официальным данным Еврейского агентства в 1925—1926 годах выехали из Советского Союза в Эрец Исраэль 8157 человек, за последующие четыре года — 1297 человек, с 1931 по 1936 год насчитали 1848 репатриантов, а затем ворота страны закрылись на несколько десятилетий.

7

К началу Первой мировой войны на юге России оказались евреи из Эрец Исраэль, приехавшие по делам или в гости, которые не могли вернуться домой. После революции одесский сионистский комитет начал составлять списки этих людей, и слухи об этом распространились по всему городу. Многие желали попасть в те списки, чтобы убежать от ужасов Гражданской войны, однако из Лондона поступило распоряжение британскому консулу в Одессе: выдавать визы только тем евреям, которые пройдут экзамен перед специальной комиссией и сумеют доказать, что они беженцы из Палестины. Нашелся в городе бывший ученик тель-авивской гимназии, который открыл курсы и начал обучать желающих наименованиям улиц и городов в Эрец Исраэль; с его помощью заучивали на иврите названия предметов быта, овощей и фруктов. В конце концов, визы на въезд получили более шестисот человек: часть из них действительно возвращалась домой, а остальные были зарегистрированы как жители Иерусалима, Цфата и других городов, хотя там прежде не жили.

Они отплыли из Одессы на небольшом корабле "Руслан", на мачте которого развевался бело-голубой флаг. Плыли на корабле раввины, ученые, инженеры, учителя, архитекторы, фармацевты и акушерки, медицинские сестры и воспитательницы детских садов; среди них была и поэтесса Рахель. Путешествие заняло три недели, в невероятной тесноте; в каютах "Руслана" смогла разместиться лишь малая часть пассажи-

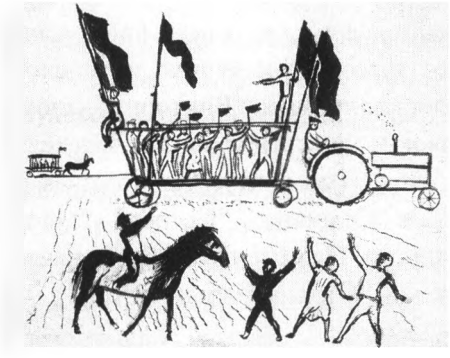
ров, а потому все пространство верхней и нижней палуб было занято людьми и вещами. Пассажиры требовали от капитана, чтобы прямым ходом плыл в Яффу, однако у того был свой интерес: в трюмы корабля он загрузил зерно на продажу и останавливался в разных портах, чтобы его продать. Во время стоянок пассажиров на берег не выпускали; местные власти полагали, что все они — большевики, и опасались тифозных больных, которые могли оказаться на корабле. "Это было кошмарное путешествие, — вспоминал через много лет один из пассажиров. — С тех пор и по сей день меня начинает мутить при одном только слове — корабль".

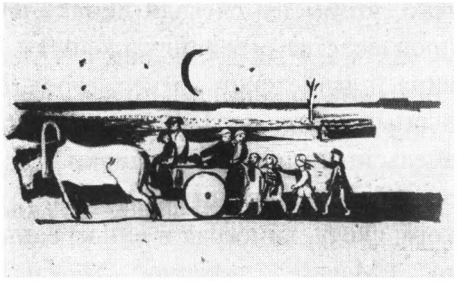
"Руслан" подошел к яффскому порту в декабре 1919 года. Это был первый день праздника Ханука; пассажиры увидели берег в тот момент, когда следовало зажигать ханукальную свечу. Лил дождь, море было неспокойным, высадка пассажиров задерживалась. Полтора дня болтался корабль на волнах возле Яффы; одному из пассажиров стало очень плохо, и он умолял всех — в случае его смерти — не бросать тело в море, но непременно похоронить на Святой Земле.

> В иерусалимской газете написали: "Как же мы ожидали их! Но навёл Всевышний шторм на море, и видели мы, как качался корабль на волнах, видели свет с корабля вдалеке, но добраться до них не могли. День и две ночи качался корабль на волнах, и одна женщина, у которой подошли сроки, родила сына — на корабле, посреди волн. Шли часы. Стояли евреи на берегу и с сердечным волнением наблюдали за кораблем, на борту которого находились сотни людей из России, которых привела сюда тоска по родине..."

Юноши и девушки из российского "Гехалуца" основали в Эрец Исраэль трудовую коммуну — "Рабочий батальон имени И. Трумпельдора". Батальон готовил новоприбывших к непривычному для многих физическому труду и брал на себя выполнение самых тяжелых работ: строительство дорог и зданий, осушение болот, прокладку железнодорожных путей, создание новых поселений. "Рабочий батальон" разделился на две фракции — левую и правую. М. Элькинд, лидер левой фракции, утверждал, что только в Советском Союзе возможно строительство еврейской коммуны; в 1928 году около ста его сторонников, взрослые с детьми, переехали в Крым и создали в Евпаторийском районе сельскохозяйственную коммуну. Им выделили тысячу триста гектаров земли, дали большую ссуду, предоставили скот и инвентарь. Власти не позволили коммунарам взять название на иврите; называться на идиш они не пожелали, и коммуну стали именовать "Войо нова": в переводе с эсперанто это означает "Новый путь". "Войо нова" была организована наподо-

бие кибуцов в Эрец Исраэль: общее хозяйство, коллективный труд, столовая для всех, особые помещения для детей, которые круглосуточно находились на попечении воспитательниц, отдельно от родителей. Выращивали пшеницу, разводили на огородах помидоры с огурцами, и на первых порах власти поддерживали коммуну, противопоставляя ее в своей пропаганде "сионистским неудачам" в Палестине.

В коммуне "Войо нова". Художник М. Аксельрод, 1930—1931 годы (из собрания семьи художника)

Затем их заставили принять в свой состав русских, украинцев и татар, а в 1933 году взамен коммуны основали колхоз "Дружба народов". Часть коммунаров осталась в колхозе, а остальные — в том числе и Элькинд — разъехались по Советскому Союзу. Они жили в атмосфере страха и слежки, опасались встречаться друг с другом, но возвратиться в Эрец Исраэль не было никакой возможности. Более сорока бывших коммунаров оказались за решеткой, и лишь некоторым из них удалось выжить в заключении; основатель коммуны жил с ощущением вины перед своими товарищами и не избежал общей участи: Элькинда обвинили в шпионаже и расстреляли в 1938 году.

Евреи из колхоза "Дружба народов" были уничтожены немцами во время Второй мировой войны; лишь единицам удалось спастись, и в конце двадцатого века переехал в Израиль из Советского Союза пожилой мужчина, который родился в коммуне "Войо нова", в семье переселенцев из Эрец Исраэль.

8

В августе 1923 года проходила в Москве Всесоюзная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. В ней участвовали зарубежные делегации; среди прочих был на выставке павильон Гистадрута — еврейской Всеобщей рабочей федерации в подмандатной Палестине. Делегацию из трех человек возглавлял Д. Бен-Гурион, генеральный секре-

тарь федерации; в удостоверении говорилось, что они уполномочены "вести переговоры с правительствами и коммерческими учреждениями для возобновления торговых отношений между Палестиной и Россией и учредить в случае необходимости Русско-Палестинскую торговую компанию".

Устроители выставки потребовали двести долларов за аренду павильона; для Гистадрута это были огромные деньги, и Бен-Гурион добился того, чтобы им сделали скидку. На стендах были выставлены образцы производства еврейских хозяйств: пшеница, ячмень, овес и бобы, чечевица и египетский клевер, горох, сезам, фасоль и кукуруза, мягкоскорлупный миндаль "Принцесса" и твердоскорлупный "Виктория", табак, апельсины, лимоны и оливки, оливковое и кунжутное масло, мёд, сливы, консервированные фрукты, культивируемый кактус без колючек на корм скоту, виноград и виноградные вина "Оликант", "Сотерн", "Опорто", "Малага", "Мускат", "Токай" и другие. Над стендами было начертано по-русски "Палестина", на иврите — "Страна Израиля".

Павильон Эрец Исраэль на выставке в Москве в 1923 году

Московская газета "Эмес" выступила против приезда еврейской делегации — благодаря этому многие узнали о ее существовании и пришли на выставку. Бен-Гурион писал из Москвы в Иерусалим: "Наш па-

вильон имел успех выше всяких ожиданий. Его посетили тысячи людей всех кругов и классов, евреи и неевреи со всех концов России. Впечатление, произведенное им, колоссально... В ученых кругах наша пшеница вызвала буквально сенсацию. Видные авторитеты посетили павильон и подтвердили, что подобной пшеницы нет ни в России, ни во всей Европе. В Московской сельскохозяйственной академии прочитали доклады о качестве наших экспонатов. Из всех сельскохозяйственных институтов — петроградского, харьковского, киевского, самарского — в павильон являлись профессора и студенты... просили пробы для научных коллекций и опытных станций. Что касается евреев, то значение выставки не поддается описанию... Наш павильон превратился в небольшой палестинский центр, куда стекались евреи из Одессы, Минска, Харькова, Киева, Петрограда, еврейских земледельческих колоний и других мест".

Бен-Гурион намеревался создать совместную компанию, чтобы ввозить в СССР сельскохозяйственную продукцию, а вывозить цемент, лес, железо и нефть, предполагал открыть в Москве отделение банка, но первая попытка организовать торговлю с Советским Союзом ни к чему не привела. На борту корабля, по пути из Одессы в Яффу, Бен-Гурион записал в дневнике: "Нам открылась Россия... Страна глубочайших контрастов и противоречий; страна, призывающая ко всемирной гражданской войне во имя господства пролетариата и лишающая своих трудящихся всех прав... Страна ослепительного света и непроницаемой тьмы, возвышенных стремлений к свободе и справедливости — и безобразной, убогой действительности, страна революции и спекуляции, святых страданий и грязной коррупции, мятежа и взяточничества, идеалов и наживы... где свет и тень неразрывно переплетаются друг с другом, так что не знаешь, где кончается святость и где открываются врата зла..."

В марте 1920 года арабы окружили еврейское поселение на севере Галилеи и смертельно ранили Иосифа Трумпельдора. Один из делегатов разогнанной сионистской конференции в Москве вспоминал: "Май 1920 года. В просторную камеру Бутырской тюрьмы заключили нас, человек тридцать молодежи... Сегодня мы получили весть, всех нас поразившую: Трумпельдор пал около Тель-Хая!.. И умер он, как жил — мужественно, скромно, красиво... У кого-то рождается идея: немедленно справить по Трумпельдору гражданскую панихиду. Быстро прибирают камеру, чистят стол, табуреты... "Товарищи, "Га-Тиква"! — и мощное пение прорезало сумеречную тишину строгих Бутырок... Лица наши пламенели, голоса звучали все громче, крепче, призывнее... неудержимой волной рвались че-

рез железную решетку открытых окон... и верилось, что их аккорд замирает там, в далекой Галилее, над свежей могилой у Тель-Хая..."

Во многих городах страны существовали отделения еврейской спортивной организации "Макаби". На Украине в ней насчитывалось около четырех тысяч юношей и девушек, и власти отметили после расследования: "Нет ни одного города, местечка, где бы не было организации "Макаби"..." — "В Черкассах состоялась клятва макабистов перед бело-голубым знаменем о верности сионизму..." — "Ночью состоялась процессия "Макаби" по Кременчугу с пением сионистских песен..." По комсомольским организациям разослали секретный циркуляр "О борьбе с "Макаби", призывая "в случае необходимости прибегнуть к ГПУ". Чтобы установить связь прочих спортивных клубов с "Макаби", рекомендовали способы их распознавания: "команда на еврейском языке, в частности, восклицание, которым макабисты обмениваются при прощании — "Хазак!" ("Будь сильным!"); бело-голубые значки с портретом Герцля; празднества, приуроченные к еврейским праздникам (Ханука, Пурим и другие)... Установив при помощи этих признаков связь клубов с "Макаби", ЦК комсомола считает нужным немедленно их ликвидировать..." К середине 1920-х годов спортивная организация "Макаби" перестала существовать.

В первое десятилетие советской власти легальным оставалось лишь левое крыло сионистской социал-демократической партии "Поалей Цион" — "Рабочие Сиона". Новое ее название — Еврейская коммунистическая рабочая партия "Поалей Цион"; она полностью поддерживала программу большевиков с учетом территориального решения еврейского вопроса в Эрец Исраэль (при этой партии существовала молодежная организация Евкомол — Еврейский коммунистический союз молодежи). Партия была немногочисленной, ее влияние ничтожным, однако она проводила съезды и выбирала Центральный комитет, выпускала газету "Еврейская пролетарская мысль". Партия претерпевала изменения, менялась программа и состав участников; в 1925 году ее лидеры жаловались в ЦК партии большевиков на "систематические преследования и удушение нашей деятельности". В ответ на это ОГПУ дало такую характеристику: партия "Поалей Цион" "является мелкобуржуазной сионистской партией, маскирующей свою националистическую сущность марк-

систской фразеологией... Ликвидировать не следует, но не нужно давать ей возможности широкого распространения". В 1927 году члены этой партии в последний раз прошли под красным знаменем по Ленинграду, пели "Интернационал" на идиш в первомайской колонне: "Штейт ойф, ир кнехт фун але лендер, Фун клем, фун унгер ун фун нойт...", а прохожие с недоумением их разглядывали, не подозревая о существовании какой-либо иной партии, кроме партии большевиков. К тому времени были уже ликвидированы прочие национальные прокоммунистические объединения, и в 1928 году подошла очередь Еврейской коммунистической рабочей партии. Бывшие ее деятели продолжали собираться по квартирам, вспоминая лучшие времена, а в 1937 году их арестовали по обвинению в сионистской деятельности и отправили в лагерь.

פּריין 25 ק.

פּראלעטאדישער

נעדאנק

אָרגאַן פון צענטראל קאמיטעט

פון דער אידישער קאמוניסטישער ארבעטער פּארטיי

(פּועלי־ציון).

אדרעס פון רעדאקציע און קאנטאר: מאסקוע, וואראנאריקע, פּסקאוער בעסל 7/9. טעלעפאן נומ. 67-45-2.

פּאר טעלעגראמען: מאסקוע פּועלי־ציון.

7־טער יאָרגאנג. דעקאבר 1926 נומ. 43-45

אינהאלט:

1. די 12־טע אלפאראבאנדישע פּארטיי־קאָנפערענץ.
א) רעזאליוציעס פון דער 12־טער, פּארטיי־קאנפערענץ.
2. ז. אבראמאוויטש־די פּאָרמען פון דער ארבעטער־באוועגונג אין פּאלעסטינע.
8. אינטערנאציאָנאלע ארבעטער־באהעלפונג.
9. אָלוועלטליכע פּועלי־ציון־באָוועגונג.
א) פּאָלעסטינע, פּוילן, אָמעריקע, פּראָנקרייך, עסטלאנד, ארגענטינע, דאָרפּעס־אָפּריקע א. א. ו.

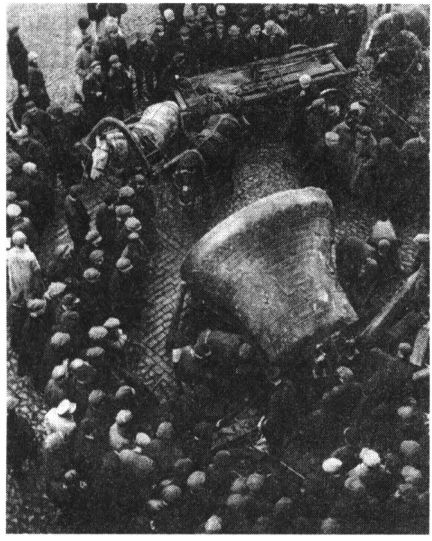
"Пролетарская мысль", 1926 год. Газета Еврейской коммунистической рабочей партии

Из докладной записки украинского ГПУ секретарю ЦК компартии Украины Л. Кагановичу (1925 год, с пометкой "Совершенно секретно"): "Наши меры административной борьбы с сионистским движением не достигают своей цели... Можно без преувеличения сказать, что нет ни одного более или менее населенного еврейского пункта на Украине, где не было бы сионистской ячейки, группы... На детвору сионисты устремляют много сил и уделяют ей много внимания. Создают скаутские ячейки, патрули, отделения, дружины и легионы. В Полтаве легион доходит до двухсот пятиде-

сяти человек... Сбор в Киеве проходил в пятнадцати верстах от города, в лесу. Накануне ночью была разослана эстафета, и в шесть часов утра все поодиночке отправились пешком... Всего присутствовало на сборе около четырехсот человек... Аресты руководителей хотя и ослабляют работу на время, но к существенным результатам не приводят, ибо... место выбывших немедленно занимают оставшиеся..."

Из письма, просмотренного цензурой (Полтава, 1925 год): "На службу попасть не могу, так как дочь нэпмана. Я мечтала и мечтаю о медицине, но это напрасно. У нас принимают членов союза и членов комсомола, а я не могу продавать себя за чечевичную похлебку. Ты, наверно, слышал, что мы — ярые сионисты. Да, я ярая сионистка... Я сейчас работаю в детском движении и готовлю будущих борцов за Палестину. Есть пословица: сколько ни коси траву, скоро вырастет другая. Так и с нами. Евсекция и ГПУ хотят нас уничтожить своими репрессиями... но наши дети нас заменят. Эмиграция в Палестину теперь колоссально большая... приостановили выдавать визы. Я, наверное, скоро уеду в Палестину..."

Очерк десятый

Преследования религии в Советском Союзе. Еврейский комиссариат. Евсекции. Борьба с иудаизмом и еврейскими традициями

1

Православная церковь в дореволюционной России входила неотъемлемой частью в общее государственное построение, основанное на принципе "православие — самодержавие — народность". Вступая в борьбу с прежним укладом жизни, советская власть должна была разрушить и церковь — "эксплуататор трудового народа", а ее служителей уничтожить наравне с буржуазией. Так началось непримиримое противоборство коммунистической идеологии с инакомыслием, растянувшееся на десятилетия, когда на стороне властей был отлаженный аппарат принуждения и запугивания, а на стороне населения — вера во Всевышнего, тысячелетние обычаи и традиции. В декабре 1917 года большевики ликвидировали систему духовного образования в России, закрыли церковно-приходские школы, семинарии, духовные училища и академии, конфисковали их здания и имущество. Затем издали декрет о свободе совести, который отделил церковь от государства, а школу от церкви, и запретил преподавание религиозных вероучений во всех учебных заведениях. Патриарх Тихон писал в Рождественском послании (январь 1918 года): "Зло нашего времени, что новое государство строится без Бога, что люди полагаются только на свои силы, прильнули к земле, хле-

бу и деньгам и упились вином свободы. Церковь осуждает такое строительство..."

В январе 1918 года был расстрелян митрополит Киевский Владимир; к концу того года уничтожили более трехсот священнослужителей, еще через год — несколько тысяч. В начале 1919 года начали вскрывать мощи святых угодников, которых почитали миллионы верующих. Взламывали гробницы и саркофаги, выставляли содержимое для всеобщего обозрения, водили туда экскурсии, проводили документальные съемки для показа в кинотеатрах, чтобы доказать населению, что мощи не являются нетленными. Вскрыли гробницу преподобного Тихона Задонского в Воронеже, отправили в Музей атеизма мощи преподобного Серафима Саровского; в Троице-Сергиевой Лавре под Москвой потревожили мощи преподобного Сергия Радонежского, и В. Ленин отдал распоряжение: "Надо проследить и проверить, чтобы поскорее показали это кино во всей Москве". Прихожане Чудова монастыря в Кремле умоляли передать им мощи Святого Алексия, но вождь пролетариата — в массе своей верующего — начертал на их просьбе следующую резолюцию: "Прошу не разрешать вывоза, а назначить вскрытие при свидетелях. Ленин".

> Из брошюры издательства "Атеист": "Октябрьская революция, самообороняясь, неминуемо должна была потревожить могилы этих императорских слуг и безжалостно (ибо жалость в данном случае — это высшее зверство, безжалостность — наивысшая гуманность) разоблачать их гнусности, кои проделывались и проделываются до сих пор..."

Повсюду устраивали демонстрации под лозунгом "Бога нет!", высмеивали "пузатых попов" в антирелигиозных представлениях, заглушали праздничные богослужения в церквах с помощью духовых оркестров, проводили "красное Рождество", "красную Пасху", даже "красные похороны", которые "прошли довольно живо и многое дали в смысле удара по устоям прогнившей насквозь поповщины". Из Симбирской губернии сообщали (1920 год, закрытие женского Покровского монастыря): "Глумились над иконами, бросая вниз по лестнице, смеялись, издевались, сопровождая кощунством — руганью... Церковь запечатана, часть ризниц разграблена. Все продукты годового труда крестьянок-монашек отобраны. Сто пятьдесят женщин изгнаны из своих жилищ и обращены в нищих, собирающих куски под окнами..." В марте 1922 года Ленин потребовал: "Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением

какого угодно сопротивления... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше".

Из заявления в Моссовет рабочих поселка имени Ильича (1924 год, под заявлением сто пятьдесят три подписи): "Просим Моссовет разрешить вопрос о срытии давно закрытого монастырского кладбища, мешающего и виду, и площади поселка. Снесение кладбища даст нам расчищенную рощу, удобную для прогулок и отдыха рабочих... Срытие кладбища мы мыслим в виде свалки в одно место памятников... и в уравнении почвы..."

Из письма в "Крестьянскую газету" (1925 год, Гомельская губерния): "Партиец Иван Ивкин, чтобы научиться хорошо стрелять, выбрал для этого кладбище и ну давай жарить по крестам и иконам, и попадал очень удачно, по четыре пули впивались в икону..."

В 1930 году запретили колокольный звон в церквах. Колокола сбрасывали на землю, чтобы переплавить на нужды промышленности, спиливали кресты с куполов, срывали ограды и двери храмов, отправляя в металлолом. В 1931 году взорвали в Москве храм Христа Спасителя, построенный в честь победы над Наполеоном, чтобы возвести на его месте грандиозный Дворец Советов. Снесли Чудов монастырь в Кремле, ликвидировали десятки московских монастырей с кладбищами при них — Вознесенский, Страстной, Богоявленский, Златоустовский, Никольский; в Даниловом монастыре содержали детей репрессированных, в Донском — устроили крематорий. Разобрали на дрова усадебную церковь генералиссимуса А. Суворова, в которой он отслужил молебен перед походами русской армии в Италии и Швейцарии. Взорвали собор в Одессе и Михайловский Златоверхий собор в Киеве, построенный в 1108 году. Казанский собор в Ленинграде превратили в Музей истории религии и атеизма. Намеревались убрать с Красной площади в Москве храм Василия Блаженного и здание Исторического музея, а образовавшийся проезд назвать Проспектом Мавзолея Ленина, — к счастью, это не было выполнено. На Кавказе разрушали монастырские здания — памятники архитектуры и уничтожали уникальные фрески давних веков. Сносили по всей стране церкви и погосты при них, памятники с которых пошли на стройматериалы, уничтожали иконы и старопечатные книги; уцелевшие церкви с часовнями приспосабливали под клубы, типографии, рестораны и спортивные залы, склады горюче-смазочных материалов, овощехранилища, а кое-где и под туалеты.

При ОГПУ появилось общество "Друг детей" — для воспитания нового советского человека, строителя коммунистического общества. В

школах ввели уроки по антирелигиозному воспитанию, а в институтах — лекции по научному атеизму. При печатании книг и газет запретили употреблять заглавную букву в слове "Бог". Для замены традиционных имен составляли "красные именословы": Октябрина и Коминтерн, Идея и Новомир, Энергина и Электрина, Элеватор и Полюс, Вилен и Вилена (Владимир Ильич Ленин), Владилен (Владимир Ленин), Рэм (революция, электрификация, механизация), Ким (коммунистический интернационал молодежи), Ревмира (революция мира), Велмир (великая мировая революция), Диамара (диалектический материализм), Гертруда (герой труда) и прочие. Взамен крестин проводили "октябрины"; партийные и общественные деятели лично "октябрили" младенцев на торжественных заседаниях. Профсоюз деревообделочников в Кременчуге провел "красные крестины", на которых новорожденная получила имя Нинель (читаемое наоборот — Ленин); ее зачислили в профсоюз, приняли кандидатом в комсомол, прикрепили к пеленкам значок с надписью "Учись, крепись, борись и объединяйся!"

> Из оперативной сводки ГПУ "о настроениях населения города Одессы" (1930 год, из высказываний жителей): "Не вы церковь строили, не вам и закрывать..." — "Первый перегрызу глотку тому, кто осмелится... снимать колокола..." — "Одно было утешение, и то отняли... так что и жить не хочется..." — "Теперь уже добираются до души рабочего, хотят ее запачкать..."
>
> Г. Федотов, религиозный философ: "В гонении на религию в России есть, бесспорно, какой-то процент чистого демонического богоборчества, но есть и доза (вероятно, более крупная) политического страха перед Церковью, как социальным институтом, возможным центром народного сопротивления..."

Борьба с "религиозным мракобесием" ужесточалась из года в год. Громили общины русских католиков Москвы и Ленинграда, разрушали мечети и репрессировали мусульманских священнослужителей — наступление на иудаизм стало частью общей антирелигиозной кампании в Советском Союзе.

2

Евреи Российской империи были объединены в общины, которые регулировали их социальную и духовную жизнь, сплачивали и защищали еврейское население от нежелательного, а порой и опасного влияния извне. К началу двадцатого века воздействие внешнего мира значительно возросло, изменяя быт и нравы обитателей городов и местечек, однако

основные устои еврейской жизни сохранялись практически такими, какими они были за сотни лет до этого. Ежедневные молитвы в синагоге. Свадьбы, обрезания, бармицвы и похороны по еврейскому обряду. Мезузы на дверных косяках каждого дома. Отдельная посуда для мясной и молочной пищи. Зажигание свечей при встрече субботы, долгие субботние трапезы с традиционными песнопениями, еврейские праздники, справляемые по древним обычаям, и блюда на столе, соответствующие каждому празднику. Любовь к детям и забота о них; свои мудрецы и духовные авторитеты, собственная система ценностей, непонятная, а порой и неведомая окружающему населению. Непременные пожертвования в общинные кассы, благодаря которым содержали еврейские больницы, дома для престарелых, приюты для сирот, обучали детей из бедных семей в хедерах и иешивах, заботились о достойном погребении неимущих, открывали дешевые или бесплатные столовые, собирали одежду для нуждающихся, раздавали лекарства и организовывали дежурства у постели больного, содержали жену и детей кормильца семьи вплоть до его выздоровления, выделяли пособия бедным невестам. Даже в разгар мировой войны, во времена революционных потрясений еврейские общины заботились о своем населении, выделяя средства на синагоги, больницы, хедеры; повсюду создавали общества для оказания помощи жертвам войны, раненым солдатам и их семьям.

После установления советской власти началась идеологическая борьба — тихая поначалу и неприметная — с традиционным укладом еврейской жизни, который существовал веками. В этой борьбе огромную роль сыграли евреи-коммунисты, евреи-комсомольцы и "воинствующие безбожники". Не только война и погромы разрушали старые гнезда еврейской жизни; удар местечку нанесли и его сыновья, которые знали лучше других, как бороться с обычаями и традициями своего народа, какие меры наиболее действенны. Никто не мог обвинить их в антисемитизме: евреи вели борьбу против евреев. Выходцы из городов и местечек черты оседлости, они понимали, что иудаизм определяет образ жизни верующего еврея, его мысли и устремления, а потому основной удар направили против еврейской религии и языка иврит, на котором написана Библия, на котором евреи молились и молятся Всевышнему три раза в день. Культура еврейского народа, его традиции и обычаи веками неотделимы от иудаизма, и всякая антирелигиозная политика неминуемо превращалась в антиеврейскую. Борьба с еврейской религией стала борьбой с культурой народа, с его национальным самосознанием, что неминуемо вело к массовой ассимиляции.

Д. Пасманик, еврейский общественный деятель, эмигрант (1924 год): "Сколько бы ни боролись большевики с православием, они

русского национального духа и творчества, русской культуры и цивилизации не уничтожат, ибо власть земли русской преодолеет все махинации неистовствующих "госполитов" и "комсомолов". Но с уничтожением иудаизма, как религии и национальной традиции, еврейство исчезнет бесследно... Еврейство, не имеющее глубоких корней в земле, лишается всякой опоры и защиты и осуждено на духовную и коллективную смерть..."

3

В январе 1918 года при Народном комиссариате по делам национальностей были созданы отделения национальных меньшинств, и среди них — Комиссариат по еврейским национальным делам. Этот правительственный орган предназначался для разрешения специфических еврейских проблем и "борьбы с национальной буржуазией". Его главой — "комиссаром по еврейским делам" — стал большевик С. Диманштейн, в юношеские годы учащийся иешивы в Любавичах, где он получил звание раввина. В июне 1919 года Комиссариат по еврейским делам постановил закрыть на территории РСФСР еврейские общинные учреждения, так как они "проводят позорную политику, направленную на затемнение классового сознания еврейских трудящихся масс". Декрет подписал заместитель комиссара С. Агурский и утвердил И. Сталин, нарком по делам национальностей; подобные действия произошли на Украине и в Белоруссии. Так окончательно упразднили многовековую еврейскую национальную автономию, и общинные советы, избранные при Временном правительстве, перестали существовать.

В 1919 году Комиссариат по еврейским делам ликвидировал Всероссийский союз евреев-воинов. В том же году закрыли спортивную организацию "Юный Макавей", названную в честь национального героя Иегуды Макавея. В протоколе коллегии Комиссариата сказано: "Слушали: о "Юном Макавее". Постановили: в виду того, что организация "Юный Макавей" воспитывает еврейское юношество в национально-шовинистическом духе, противоречащем интересам классовой борьбы еврейского пролетариата... закрыть оную организация навсегда..."

Из заявления Комиссариата (против "утопии еврейского государства в Палестине"): "Еврейский вопрос в Советской России больше не существует... Никаких других стран нам не нужно. Никаких национальных прав на владение Палестиной мы не предъявляем. Мы всецело признаем эти права за трудовыми массами арабов и бедуинов..."

В партии большевиков были созданы секции национальных меньшинств, и среди них еврейские коммунистические секции (евсекции) — для "распространения идей Октябрьской революции среди еврейских трудящихся масс". Первая евсекция возникла в июле 1918 года в городе Орле, затем они появились в Витебске и в других городах со значительным еврейским населением. Центральным печатным органом евсекций стала московская газета на идиш "Эмес" ("Правда"); газеты евсекций издавали в Харькове, Минске, Киеве, Гомеле, Витебске, Одессе, чтобы евреи могли "приобщиться к коммунистической культуре". Эти газеты печатали малым тиражом на плохой бумаге, с неразборчивыми буквами; читатели плохо понимали новые словообразования на идиш, неохотно покупали газеты, и редакция "Эмес" взывала к подписчикам: "Товарищи, помогите! Время не терпит!.."

До революции большевики не вели практически никакой агитации среди евреев Российской империи, а потому к работе с еврейским населением привлекли на первых порах бывших деятелей еврейских партий, которые знали язык идиш и немало поработали в прошлом в городах и местечках черты оседлости. Активными членами евсекций стали вчерашние бундовцы, вступившие в партию большевиков, и "поалей-ционисты", левое крыло социалистической еврейской партии "Поалей Цион", которые на деле должны были доказать, что избавились от прежних своих "заблуждений". Они провозгласили "диктатуру пролетариата на еврейской улице", и историк С. Боровой отметил: "Евсеки были в подавляющем большинстве выходцами из местечковых семейств... В старой России они — бедняки и недоучки... чувствовали себя людьми второго сорта. Революция открыла для них возможность осознать свою "полноценность" и определить свое место в новом обществе. Мучительно трудно изживая комплекс "неполноценности", они самоутверждались как отрицатели и разрушители. Чем сильнее они были в плену старого... тем решительнее становились на путь тотального отрицания и искоренения груза прошлого".

Из газеты евсекции Одессы: "Мы были до сих пор великодушны и мягкосердечны... Настал час придать гражданской войне на еврейской улице форму решительных действий, а не бумажных резолюций..."

4

В августе 1918 года Еврейский комиссариат предложил "полностью исключить из еврейских народных школ" религиозные предметы. Перестали оплачивать труд преподавателей Библии, и религиозное образование в школах прекратилось; началась кампания против хедеров и иешив, чтобы освободить детей, как было сказано, "из ужасной тюрьмы, от пол-

ной умственной деградации и физического вырождения". Заведующий еврейским отделом Наркомпроса заявил: "Мы предпочитаем, чтобы еврейские дети лучше бегали по улице и кидали камни в окна, нежели посещали эти гнойники духа — хедеры и старые школы". Это была борьба за детские души, и петербургский раввин М. Айзенштадт предостерегал в те годы: "Наше молодое поколение силой отрывают от нас".

В декабре 1920 года закрыли хедеры — начальные еврейские школы, основу многовековой системы национального образования, которая прививала детям знания в области религии, истории, традиций и обычаев. Первый показательный процесс над хедерами проходил в Витебске в 1921 году; защитительную речь произнес раввин Й. Меламед, однако приговор был заранее определен: "Хедеры следует закрыть в кратчайшие сроки, а детей отправить в еврейские школы с преподаванием на идиш". Сотни хедеров и иешив ликвидировали по всей стране; учеников перевели в еврейские (а точнее, советские) школы, где их подвергали усиленной атеистической обработке.

> Хедеры и иешивы ушли в подполье и продолжали действовать нелегально. Из сообщений с мест: "Обществу "Тарбут" удалось основать в Москве тридцать хедеров и детских садов, существующих тайно. Ученики и учителя приходят в школы тайком, изучают там Пятикнижие, иврит и историю. Хедеры эти находятся где-то на окраине города, в домах русских крестьян. Несмотря на различные препятствия, обучаются таким образом в Москве около трехсот еврейских детей..."

В первые годы советской власти начались преследования "служителей культа" — раввинов, канторов, резников, синагогальных служек. В ответ на это главы иешив Житомира, Киева, Бердичева нелегально ушли в Польшу со своими учениками, чтобы продолжить обучение на новом месте. Покинули Россию крупнейший раввинский авторитет рав И. М. Каган (Хафец Хаим) и глава иешивы Слуцка рав И. З. Зельцер, несколько учеников которого погибли при переходе границы. Раввины городов и местечек, оставшиеся в России, продолжали свою деятельность под угрозой ареста; лишь единицы отказывались публично от раввинской должности и снимали с себя "позорное звание раввина", чтобы стать "кашерным советским гражданином".

К середине 1920-х годов ликвидировали по всей стране сотни синагог и молитвенных домов. Из воспоминаний горского еврея-комсомольца (город Куба, Азербайджан): "В помещении одной синагоги была организована мебельная фабрика, в другой — коврово-ткацкая мастерская, в третьей — чулочно-трикотажная артель, в четвертой — кинозал, в пя-

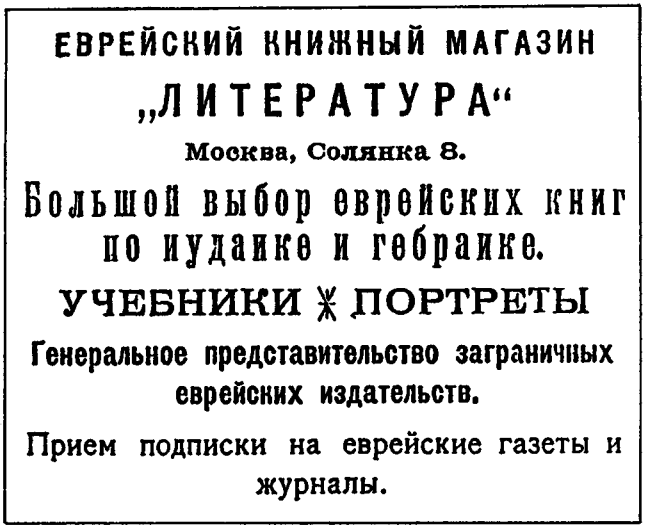
той — аптека, в шестой — пекарня, в седьмой — школа... Одна из синагог стояла посреди единственной магистральной дороги... искривляла улицу и затрудняла движение... Не нашлось ни одного человека, кто бы согласился с киркой в руках свалить хоть один кирпич... Опять пришлось нам, комсомольцам, показывать пример еще одного "грехопадения" и коллективно, с песней, сносить ненужное здание..."

> В 1925 году Бродскую синагогу в Одессе превратили в клуб имени Розы Люксембург: "Прежде всего надо было убрать Десять заповедей, которые никак не подходили для коммунистического клуба, хотя бы и еврейского. Русские рабочие не осмеливались ударить по белоснежным каменным скрижалям с золотыми буквами, опасаясь, как бы еврейский Бог не покарал их за осквернение Его святыни. На помощь пришла смелая женщина из евсекции, которая, схватив молот, нанесла первый удар по мрамору, сделала огромную трещину и цинично заявила: "Вот видите, ничего не случилось! Гром не грянул! Можете продолжать..."

Закрывали не только синагоги, но и "миквы" — бассейны для ритуального омовения под предлогом распространения инфекционных заболеваний. Ликвидировали и благотворительные учреждения, которые содержали еврейские общины: сиротские дома, дома для престарелых, похоронные братства, общества помощи бедным и больным. Из рассказа И. Бабеля (о закрытии одесского дома для престарелых): "По дороге им встретились старики и старухи, выгнанные из богадельни. Они прихрамывали, согнувшись под узелками, и плелись молча. Разбитные красноармейцы сгоняли их в ряды. Тележки парализованных скрипели. Свист удушья, покорное хрипение вырывалось из груди отставных канторов, свадебных шутов, поварих на обрезаниях и отслуживших приказчиков. Солнце стояло высоко. Зной терзал груду лохмотьев, тащившихся по земле. Дорога их лежала по безрадостному, выжженному каменистому шоссе..."

Во время НЭПа борьба с религией ненадолго ослабла. В больших и малых городах появились кашерные магазины и столовые, работали артели по изготовлению кашерных колбас и других продуктов, в газетах печатали объявления о продаже мацы. Еврейская община Москвы открыла столовые и кафе, в которых нуждающиеся евреи получали бесплатные или дешевые завтраки, обеды и ужины. Появились частные еврейские издательства, которые выпускали книги религиозного содержания и еврейские календари; в Ленинграде, Бердичеве, Житомире и Полтаве печатали по старым матрицам молитвенники, псалмы, "Агаду" к празднику Песах. В первые годы советской власти вышло в свет талмудическое со-

чинение петроградского раввина Т.Каценеленбогена; раввины И. Абрамский и Ш. Зевин издали на Украине два выпуска еврейского религиозного журнала, в Полтаве напечатали сочинение раввина И. Красильщикова "Твуна" ("Разум") — комментарий к книге Маймонида.

Реклама в газете "Еврейская пролетарская мысль", 1922 год

В 1925 году цензура в Ленинграде не разрешила издавать "Агаду" — "вещь явно вредную", запретила печатать еврейский календарь и приглашения на праздничные богослужения в синагоге, однако в Бердичеве, Житомире, Бобруйске, Минске, Полтаве и Полоцке книги религиозного содержания издавали еще несколько лет. Книготорговец Я. Гинзбург из Бобруйска в 1927—1928 годах выпустил в свет около ста тысяч экземпляров молитвенников, и в "Комсомольской правде" написали: "У него (Гинзбурга) есть свои агенты, книгоноши и книговозы, честно доставляющие его издания прямо на дом верующим. Ни один агент ни одного нашего издательства не может сравниться с ним в умении распространять книгу". После ликвидации НЭПа ужесточились условия цензуры; издание книг религиозного содержания прекратилось на долгие годы, и лишь через четверть века разрешили выпустить небольшим тиражом молитвенник и еврейский календарь.

В октябре 1926 года в городе Коростень на Украине проходила с согласия властей конференция раввинов Волынской губернии. Одним из инициаторов ее созыва был раввин Ш. Кипнис из Овруча; на конференции присутствовали пятьдесят раввинов Волыни, гости из разных городов России, Украины и Белоруссии, а также секретные осведомители ГПУ. Местная синагога была переполнена; в зале царила радостная атмосфера, словно в ожидании близких и существенных перемен; евсекция признала с неудовольствием: "Ни афиш, ни рекламы, а съезд полу-

чил широкую известность". Конференция избрала исполнительный комитет для выполнения принятых решений; раввин Ш. Зевин из Новозыбкова призвал евреев Советского Союза вернуться к традициям народа, развивать религиозное образование и противодействовать наступлению безбожия. По окончании конференции раввина Ш. Кипниса арестовали, кое-кого из участников вызывали на допросы, а исполнительный комитет вскоре разогнали.

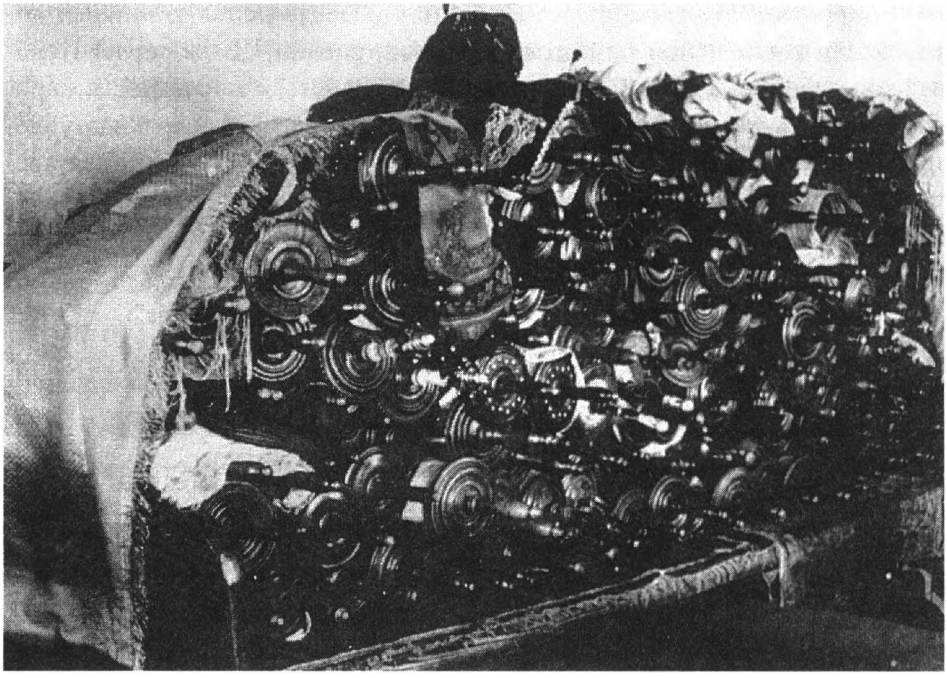
Из популярной песни "воинствующих безбожников":

Не надо нам раввинов,
Не надо нам попов.
Мы на небо залезем,
Разгоним всех богов...

5

Евсекции и комсомол боролись с ритуальным убоем скота и птицы, запрещали выпекать мацу, не позволяли делать обрезание мальчикам, заставляли учеников еврейских школ учиться по субботам. В каждом городе проявляли инициативу по собственному разумению и вкусу. Закрывали еврейские кладбища. Сдавали в макулатуру священные книги из синагог и документы из их архивов. Проводили облавы на молящихся. Отправляли на принудительные работы по субботам и в дни религиозных праздников. Пекли субботние халы в виде серпа и молота. Организовывали лекции на тему "О вреде мацы" и "Дана ли Тора с неба?" В Полтаве повесили в синагоге портрет Ленина; в Минске и Киеве пытались создать "красные общины" во главе с "красными раввинами"; в Дубровне Могилевской губернии фабрику по изготовлению талесов перевели на производство "полезных фабрикатов". Во множестве печатали "красную агаду" об избавлении от царского самодержавия и устраивали "коммунистические седеры" на Песах, пародируя пасхальные церемонии; в день поста и молитв Йом-Кипур приглашали евреев на бесплатные обеды с лекциями, организовывали "йомкипурник" — день общественных работ с торжественными шествиями под оркестр по улицам города. В Минске на Йом-Кипур комсомольцы ходили вокруг синагоги с плакатами, на которых были нарисованы целующиеся раввин со священником и написано "Долой раввинов и попов!"

Из Одессы сообщали: "После полудня к одесским синагогам на Пушкинской, Ришельевской, Ремесленной подкатили разукрашенные плакатами, флагами и транспарантами грузовики, на которых размещалось по двадцать—тридцать... безусых мальчишек и стриженых девочек. На плакатах такие надписи: "Долой дикий праздник!", "Смерть Судному

Свитки Торы, подготовленные к конфискации. Витебск, 1921 год

дню!"... Затем группа ворвалась в синагогу... Один из коммунистов дошел до такого экстаза, что тут же, у алтаря, вынув из кармана кусок хлеба, кричал: "Я ем в Судный день, а ваш Бог мне ничего сделать не может! Мы сильнее вашего Бога. Мы не боимся!.."

> Народ Израиля, израненный тяжко, едва удерживается сейчас на грани жизни и смерти... Наше молодое поколение... мобилизует все силы свои, чтобы уничтожать с враждебностью все то, что свято для нашего народа. Оно разрушает и расстраивает любой замысел или важное дело в национальной жизни, и главное его намерение — приблизить полный крах еврейства. Война его жестока и беспощадна..." (Моше Мордехай Певзнер, летописец)

Повсюду проходили показательные процессы для "разоблачения религиозного культа". На этих процессах подставные "обвиняемые" — в традиционных одеждах верующего еврея — сначала защищали религию, но затем "осознавали" свои ошибки и каялись при всех, что они "сознательно отравляют еврейскую молодежь, чтобы держать народные массы в невежестве и в подчинении буржуазии". В Ростове провели суд над иешивой, в Харькове — над обрядом обрезания; обвинитель в Минске заявил: "На скамье подсудимых сидят не рядовые преступники, а представители тех, кто на протяжении сотен лет сосал во имя религии кровь

еврейского народа". Показательный процесс в Киеве состоялся в том же зале, где некогда судили М. Бейлиса. Во время заседания поднялся с места один из зрителей и сказал "красным судьям": "Десять лет назад... черносотенные судьи пытались очернить еврейскую религию, Тору, Талмуд, — все, что дорого еврейству. Теперь вы, как истые антисемиты и ненавистники евреев, повторяете те же наветы на еврейскую религию и еврейские духовные ценности". В зале бурно зааплодировали; выступавшего немедленно арестовали, а судьи после "расследования" вынесли "смертный приговор еврейской религии".

В 1929 году, в дни празднования Рош га-Шана, еврейского Нового года, провели по стране "осенний антирелигиозный поход", превратив десятки синагог в клубы; на второй день праздника организовали всесоюзный воскресник, а деньги, заработанные на воскреснике, передали на строительство самолета "Биробиджан" (этот самолет вошел в сводную "агитэскадрилью имени М. Горького", чтобы "вести беспощадную борьбу с остатками кулачества, с религией, мракобесием, с национальной рознью").

> Сообщения с мест: "В Минске арестован реб Авраам, единственный в городе моэл, за совершение тайного обряда обрезания над сыном коммуниста..." — "В Кременчуге еврейские рабочие государственной фабрики по выделке мрамора справляли "красный брис" (взамен обряда обрезания). Зал фабрики был разукрашен. Новорожденному дали имя Карл..." — "Трудящиеся Александрии провели антирелигиозный карнавал накануне еврейской Пасхи. На площади города прошел торжественный митинг, на котором выступающие требовали отобрать две синагоги и одну церковь под культурные учреждения. После карнавала были сожжены Тора и Библия..."

Заголовки в советских газетах отражали веяния времени: "В схватке с богом", "Синагогу — под клуб!", "Здесь молятся сотни, а отдыхать могут тысячи", "Маца и кулич — одного поля ягоды", "Гигиена или мракобесие" (против обряда обрезания). Государство финансировало антирелигиозную пропаганду, выпуская огромными тиражами журналы и книги на эту тему, плакаты и фильмы, а также материалы "для массовой работы в избах-читальнях, клубах и красных уголках". Брошюра "О раввинах и синагогах" была "написана для громких читок", и в ней сказано среди прочего: "В связи с ростом безбожия уменьшается нужда в раввинах (еврейских попах). На Украине, например, в 1914 году было 1059 раввинов, а в 1927 году их числилось там 830... На Украине в 1914 году было 1400 еврейских синагог, а в 1927 году — 1034, то есть число

синагог уменьшилось на 366, или на 23 процента. Число православных храмов на Украине за это время уменьшилось также на 23 процента (было 10 897, стало 8324)...” Авторы брошюры предлагали ответы на возможные вопросы: “Могут спросить: почему церквей закрыто больше, чем синагог? На это нужно ответить так: если в районе имеется двадцать церквей и две синагоги, то можно ли, закрывая две церкви, требовать закрытия двух синагог? Нет, нельзя...”

Борьба “за души” не прекращалась. Победа над религией не вызывала, казалось, сомнений, и журналист “Красной газеты” сообщал с удивлением из белорусского местечка: “Случайно я заглянул в одно открытое окно. Там стоял и молился мальчик... Глаза его горели, сухие пальцы перелистывали молитвенник, а губы шептали, и шептали, и шептали, а сам он раскачивался и раскачивался, как раскачиваются старые евреи в синагоге...”

6

В первые годы советской власти вышла книга “Еврейское местечко в революции” — результат обследования еврейского населения Украины и Белоруссии в 1924 году. В книге отмечены изменения, произошедшие после 1917 года, и хотя авторы статей стояли на большевистских позициях и делали соответствующие выводы, стоит пересказать в сокращении подмеченные ими приметы нового быта, которые шли на смену прежнему укладу еврейской жизни.

Местечко Хабно Киевской губернии. Ребятишки бегают совсем голышом, сверкая черным пузом. Об обуви и думать позабыли. Головки выцветают под солнцем, как лён. Одежда у местечковой молодежи заменилась на деревенскую, поровняв евреев и русских. Вместо шубы в ходу овчинный полушубок; если он дубленый и черненый, то считается модным, — на окраине местечка еврейскую молодежь не отличить от деревенской. Общее впечатление таково: чувство катастрофы у стариков, растерянность и недоумение у людей средних лет, сомнения и душевная борьба у беспартийной молодежи, упрямая вера у комсомольцев и восторженная, неиссякаемая радость у пионеров. Энергичные и предприимчивые меламеды поменяли свою профессию, и тем не менее сорок—пятьдесят детей еще обучаются в хедерах. Встречаются в местечке и семидесятипятилетние, восьмидесятипятилетние старики, которые не унывают — “всякое бывало”, строго исполняют законы с обычаями и спокойно доживают свой век. Но эти старики — единицы.

На старом еврейском кладбище нет забора, и свиньи свободно разгуливают на могилах, сровненных с землей. Кое-где валяются остатки каменных плит, на которых с трудом прочитаете надпись. На одном кам-

Еврейская семья. Украина, 1922 год

не указан 1760 год, а рядом крестьянин спокойно понукает лошадку, шагая за плугом. Полагают, будто крестьяне исподволь захватывают по кусочку жирной кладбищенской земли, отодвигая по ночам граничные столбы внутрь кладбища. "Положение религии очень плохое, — говорит раввин. — Суббота еще соблюдается, даже рабочими, но кошер не соблюдают. Многие евреи ездят в субботу за товаром или по другому делу". У раввина больная жена и десять детей. Он терпит материальную нужду, и настроение у него весьма унылое.

Клуб — культурный центр молодежи. Читают лекции о мироздании, новом быте, о текущих политических вопросах. Перед одной из лекций обсуждали вопрос, допустить ли в зал "гнилую, мелкобуржуазную интеллигенцию", как называют комсомольцы своих беспартийных сверстников. Во время лекций клуб переполнен. Забираются на подоконники. Теснятся в соседних комнатах. Малейший скрип двери или разговор вызывают негодующий ропот. В один прекрасный день в клубе проводят чрезвычайное мероприятие. У молодой еврейской девушки и русского парня родилась девочка по имени Партлена (партия Ленина). По этому поводу справляют ее "звездины". Комната битком набита. Председатель открывает заседание. Мать девочки утирает слезы — бледное, красивое, с характерным еврейским носом лицо. Заплетающимся языком клянется, что дочь окажется достойным членом организации юных ленинцев. Матери вручают ленинский значок.

В пасхальный вечер молодежь местечка Хабно натаскала в клуб стулья, большие лампы, разложила на столах калачи и устроила комсомольский "седер". Учителя еврейской школы прочитали пародийную "агаду" взамен сказания об исходе евреев из Египта: "Горек был хлеб родителей наших. Кто богат — все имел, а кто беден — имел право с голода пухнуть. В этом году были здесь, а через год нас могли упрятать в землю Израиля. В этом году были рабами, а через год могли стать свободными на том свете". Завершалась пародийная "агада" таким образом: "Были мы рабами у капитала, но пришел Октябрь и освободил нас, вывел мощной рукой из страны эксплуатации. В этом году — революция здесь, в будущем — революция во всем мире".

Еврейское сельскохозяйственное поселение Ново-Златополь (Екатеринославская губерния). По субботам трудно собрать десять человек, чтобы провести службу. Нет средств отремонтировать синагогу. Невозможно содержать кантора и служку. Раввин, он же резник, получает пятнадцать пудов ржи в месяц и имеет небольшой доход от резания кур. Раввину семьдесят лет. Он приехал из Литвы, живет со старухой-женой, у него два сына: один в Красной Армии, а другой в городе, служит в советском учреждении. Синагога страшно запущена, стены обваливаются, во многих окнах не хватает стекол. Молодежь совсем отошла от религии. В субботу открыто курят, посты не соблюдают, ежедневные молитвы почти никто не совершает. Нерабочим днем считается воскресенье, но празднуется суббота, и получается такая картина: в субботу большинство жителей не работает, а учреждения открыты, в воскресенье они работают, но учреждения закрыты. Из всех обрядов еще крепко держатся "брис" (обрезание) и "хупа" (венчание). Из религиозных братств сохранилась только "хевра-кадиша" (погребальное братство), так как "красных" похорон здесь нет.

Гомель. Синагоги с каждым днем пустеют. По углам синагог видны лишь морщинистые лица и длинные седые бороды. В наиболее крупные праздники проводятся антирелигиозные демонстрации с митингами. В демонстрациях принимает участие преимущественно молодежь; после речи каждого оратора оркестр исполняет революционный гимн. Стариков эти демонстрации возмущают; в страхе перед небывалым нечестием они поговаривают о мессианских временах и гибели мира. В главной синагоге Гомеля помещается зал горсовета. Здесь часто устраивают рабочие конференции, доклады, красные октябрины. На октябринах два новорожденных еврейских мальчика — дети рабочих-печатников — были встречены на пороге жизни не болью обрезания, а радостными приветствиями строителей новой жизни. В другой крупной синагоге ныне устроена сапожная фабрика. И там, где раньше раздавались молитвы, теперь слышен стук молотков и песни рабочих. Вопрос

о работе в субботний день раньше являлся для религиозного еврея чрезвычайно серьезным. Но теперь обстоятельства изменились. Приходится работать по субботам или уходить со службы. И конечно, все ходят на службу.

В конце 1921 года начали закрывать в Гомеле иешивы и хедеры. На этой почве произошло столкновение с раввином Баришанским, который защищал хедеры, "этот единственный жизненный источник еврейства". В результате — арест раввина Баришанского и его ближайших приспешников и суд над ними. Суд происходил в местном театре. Стол, за которым сидели судьи, был покрыт красным сукном, по стенам зала развесили красные революционные плакаты, а в углу группа подсудимых во всем черном — длинные сюртуки и ермолки. Дело слушалось на еврейском языке, в зал допускали по билетам, распределенным по профсоюзам, — на суде были заколочены последние гвозди в гроб старого хедера, хедеры окончательно ликвидировали. И если теперь кто-либо из религиозно настроенных родителей желает обучить своих детей "кадишу" (поминальной молитве, которую читает сын после смерти родителей) или священным книгам, приходится приглашать меламеда к себе домой. Старый меламед бродит по урокам, которые оплачиваются весьма и весьма скудно. Говоря о меламеде, люди уныло покачивают головами: "Что же ему делать, когда жена и дети, да сохранит их Господь, хотят есть..."

В один из субботних вечеров я заглянул к раввину Шнеерсону. В небольшой комнате было человек десять—двенадцать. Все глубокие старики. Шла беседа о величии руководителей хасидизма, раввин и все остальные рассказывали легенды о глубокой прозорливости первых цадиков. Настроение присутствующих стало повышаться, и один из хасидов пылко воскликнул: "Если бы наши цадики оставались в живых и если бы коммунисты узнали про их величие, они не подняли бы руку на еврейскую религию!.." Раввин сказал: "Ко мне обратился молодой человек с вопросом, что, мол, будет делать Всевышний, ведь Он потерял почти всех евреев? И я ему ответил, что основной капитал Всевышнего — шестьсот тысяч человек, освобожденных Им из Египта, цел и неприкосновенен, и Он всегда найдет их в различных уголках земли".

А жизнь бурлит. Старое перемешивается с новым в одном водовороте, и трудно разобрать, чего в нем больше. На базаре по-прежнему идет бойкая торговля по пятницам. "Свежая рыба, евреи! Свежая рыба! Хороша для субботы!.." По-прежнему во многих домах по пятницам готовятся к встрече субботы; выпечка хлеба приурочена к пятнице, по пятницам производится генеральная уборка дома. В день Тиша бе-ав (день разрушения Храма) на кладбище с раннего утра потянулись евреи: это были преимущественно старики и старухи. Они пришли поведать печа-

ли своим дорогим покойникам, чтобы те передали о них Господу Богу. Тут и там мелькали на кладбище группы молодежи с ленинскими значками на груди. Представитель общины собирает пожертвования на ремонт кладбища. "Пожертвуйте, евреи", — обращается он к молодежи. "Мы здесь лежать не будем", — раздается гордый ответ. "Зачем же вы сюда ходите?" — "Наши родители здесь лежат". Вокруг слышны причитания на еврейском языке, и вдруг, резко выделяясь, раздаются причитания по-русски. Это молодая девушка. "Скажите ей, — говорят старухи, — что там понимают и по-еврейски..."

"За истекший год, — сообщает заведующий клубом, — нами проделана большая работа по борьбе с религиозными предрассудками". Рабочие-евреи провели у станка всю еврейскую Пасху, но зато заранее заготовили разные сласти, печенье и пироги, на которых красовались революционные лозунги; три дня подряд праздновали Первое мая, устраивали грандиозные пирушки. В городе существует еврейский детский клуб. По стенам висят портреты вождей революции. В витрине вывешиваются объявления, стенная детская газета "Функен" ("Искры"); вся работа ведется на еврейском языке. На улице, под окнами синагоги, дети распевали песню: "Долой, долой монахов, раввинов и попов..." В синагоге в это время выступал "магид" (проповедник). Дети ворвались в синагогу, подняли невообразимый шум, и только после долгих уговоров удалось их удалить. Мальчик лет двенадцати сказал: "Нужно прибить к дверям синагоги крест, и старики разозлятся".

Некоторые особо религиозные родители, чтобы спасти своих детей от "крамолы", изолируют их от окружающей еврейской детворы, не отдают в советские школы и т. д. Но эти усилия смешны и бесполезны. Комсомол, пионеры, советские школы, рабочие клубы — "крамола" растекается широким потоком...

7

За несколько лет до революции некий дальновидный еврейский педагог предостерегал: "Безбожная еврейская молодежь будет опасна не только для евреев, но и для всей России..." Жизнь показала со временем, что "опасной" оказалась безбожная молодежь каждого народа, населяющего Советский Союз, — и не только молодежь. Большевики-евреи совместно с большевиками иных национальностей искореняли еврейскую религию, а вместе с ней и христианство с мусульманством, что усиливало антисемитские настроения. Г. Зиновьев утвердил решение суда о высшей мере наказания петроградскому митрополиту Вениамину, и израильский историк Й. Недава отметил: "Смертные приговоры церковным иерархам не были редкостью... Но когда смертный приговор хри-

стианскому священнику подписывал еврей, это запоминалось многим, и лишь энергичные меры предосторожности и жестокие наказания способствовали предотвращению погромов".

Адмиралтейский проспект в Петрограде назвали проспектом С. Рошаля, Дворцовая площадь стала площадью М. Урицкого, Коммунистическому рабочему университету присвоили имя Г. Зиновьева; в городе появились фабрики имени В. Слуцкой и Нахимсона. После убийства комиссара по делам печати М. Володарского (Гольдштейна) Литейный проспект переименовали в проспект Володарского, поставили ему памятник в центре города, монумент воздвигли и на месте покушения с такой надписью: "На этом месте наемным убийцей предательски убит 20 июня 1918 года любимый вождь петербургских рабочих М. Володарский". В 1919 году Петроградский совет — не без ведома Зиновьева — объявил конкурс на лучший портрет "деятелей наших дней"; среди тех, кого следовало увековечить, были Ленин, Луначарский, Троцкий, Урицкий, Володарский, Зиновьев — это также подогрело антисемитские настроения.

> Б. Зайцев, писатель-эмигрант: "Это было самое разудалое и полоумное время революции, когда разрушали церкви, а на площадях ставили наскоро слепленных из плохого гипса Марксов и Энгельсов, — одна такая пара, помню, просто растрескалась в Москве от мороза, а потом растеклась под дождем, как снежная кукла от весенних лучей. Это было очень страшное время — террора, холода и всяческого зверства..."
>
> В. Жаботинский (из газеты "Рассвет"): "Урицкий, Володарский, Нахимсон... Три имени сопровождают вас в Петербурге повсюду. Они нагло лезут в глаза. Они назойливо звучат в ушах. Урицкий, Володарский, Нахимсон... Три ничтожества! И надо же им было родиться евреями..."

Евреи — партийные деятели участвовали в закрытии церквей и изъятии церковных ценностей, входили в состав комиссий, которые вскрывали саркофаги почитаемых святых. В 1919 году от взрыва бомбы, брошенной анархистами, погиб секретарь Московского комитета партии В. Загорский, еврей-большевик, и Сергиев Посад — место векового поклонения православных христиан — переименовали в город Загорск. Возможно, большевики-евреи не имели прямого отношения к этому решению, однако им не мешало бы оценить происходящее и воспротивиться изменению названия в предвидении будущих конфликтов. Большевики русского и грузинского происхождения — Ленин, Бухарин, Сталин, Луначарский — тоже боролись с церковью, но то была борьба хри-

стиан (хоть и заблудших) с христианством, "своих" со "своими"; евреи же в той борьбе оказались чужаками, ненавистными иноверцами, которые некогда "распяли Христа", "распинали" теперь церковь, — и к ним предъявляли особый счет.

Л. Троцкий писал в автобиографии: "В числе десятка других работ, которыми я руководил в партийном порядке, то есть негласно и неофициально, была и антирелигиозная пропаганда, которой Ленин интересовался чрезвычайно. Он настойчиво и не раз просил меня не спускать с этой области глаз". Троцкий стоял во главе секретной комиссии по изъятию ценного имущества из церквей, мечетей и синагог; во избежание антисемитских выступлений В. Ленин указывал членам Политбюро: "Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только товарищ Калинин. Никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой товарищ Троцкий..." С 1921 года Союз воинствующих безбожников возглавлял еврей Е. Ярославский, председатель комиссии по отделению церкви от государства при ЦК партии большевиков. В этой комиссии активно сотрудничали Н. Бухарин, Ф. Дзержинский, А. Рыков, В. Бонч-Бруевич, А. Луначарский, И. Скворцов-Степанов, а также большевики-евреи — Л. Троцкий, Г. Зиновьев, Л. Каганович.

М. Горький говорил в 1922 году (из интервью для нью-йоркской газеты на идиш): "Еврейские большевики должны были оставить эти дела для русских большевиков. Русский мужик хитер и скрытен. Он тебе на первых порах состроит кроткую улыбку, но в глубине души затаит ненависть к еврею, который посягнул на его святыни... Ради будущего евреев в России надо предостеречь еврейских большевиков: держитесь поодаль от святынь русского народа! Вы способны на другие, более важные дела. Не вмешивайтесь в дела, касающиеся русской церкви и русской души..."

Из газеты "Еврейская жизнь" (Харбин, 1922 год): "Во время конфискации церковных ценностей в Ростове-на-Дону чернь атаковала еврейские дома и еврейские улицы с криком "Бей жидов!.."

Комиссариат по еврейским национальным делам вначале возглавляла коллегия из пяти человек: С. Диманштейн — большевик, И. Добковский — левый эсер, а также бывшие анархисты С. Агурский, А. Кантор и А. Шапиро, примкнувшие к большевикам. В 1924 году Народный комиссариат по делам национальностей был упразднен, а вместе с ним и Комиссариат по еврейским национальным делам.

С. Диманштейн — комиссар по еврейским делам, с октября 1918 года также председатель Центрального бюро евсекций, редактор первой советской газеты на идиш "Эмес", нарком труда Литовско-Белорусской ССР, нарком просвещения Туркестана, заведующий национальным сектором ЦК партии большевиков, председатель ОЗЕТа, директор Института национальностей в Москве. Арестован в 1938 году, обвинен в шпионаже в пользу английской разведки, расстрелян. С. Агурский — партийный деятель, историк революционного движения, заместитель председателя Центрального бюро евсекций, член-корреспондент Белорусской академии наук; принимал участие в создании компартии США. Арестован в 1938 году, умер в ссылке в Казахстане.

Левые бундовцы, вступившие в партию большевиков, работали в советских учреждениях, но в ЦК партии и Совнарком их не допустили. Партийная перепись 1926 года установила, что в составе РКП(б) было 2463 бывших бундовца. К 1937 году их обвинили в том, что они "вступили в партию большевиков с целью подрыва ее изнутри"; многих расстреляли по обвинению в шпионаже или отправили в лагеря.

М. Рафес — лидер левых бундовцев, работал в евсекции, призывал к ликвидации всех еврейских организаций, "агентов Антанты и империализма". Редактор газет и журналов на идиш. Автор многих книг. Арестован в 1938 году, погиб в лагере. М. Фрумкина (Эстер) — член ЦК Бунда, член Центрального бюро евсекций, яростный борец с иудаизмом, который она называла "крепостью еврейской реакции", в 1923 году выпустила памфлет "Долой раввинов!" Редактор первого восьмитомного собрания сочинений В. Ленина на идиш, автор его биографии на идиш, ректор Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. Арестована в 1938 году, погибла в лагере. М. Литваков — один из основателей Объединенной еврейской социалистической рабочей партии "Фарейникте", член Комбунда, активный деятель евсекции, ответственный редактор газеты "Эмес", непримиримый борец с инакомыслием. Арестован в 1937 году, обвинен в создании "троцкистской террористической группы", расстрелян. А. Чемерисский — бывший бундовец, с 1920 года председатель Центрального бюро евсекций, проводил жесткую политику по подавлению национальных форм еврейской жизни. Его именем назвали центр еврейского национального района на Украине — поселок Чемерисск, переименованный затем в Сталиндорф. Арестован в 1939 году, погиб в лагере.

В 1920 году был расстрелян последний калонтар — руководитель еврейской общины Бухары П. Рабин. В 1922 году, в праздник Шавуот, в Гомеле проходил суд над хедером, раввина Р. Баришанского осудили на два года лишения свободы. В 1923 году власти обнаружили в Москве тайную еврейскую молельню и при ней хедер на несколько детей — руководителей хедера привлекли к суду. В 1924 году арестовали в Грузии несколько раввинов и учителей иешив. В 1925 году в Киеве проходил суд над основателем подпольной иешивы Винярским. С 1927 года раввин А. Дрейзен руководил иешивой в Витебске, куда приезжали учиться из других городов СССР; эта иешива просуществовала три года, а затем нескольких раввинов и жителей города, помогавших иешиве, отправили в лагеря. В 1930 году в Минске арестовали раввинов по обвинению в контрреволюционной деятельности и клевете на СССР; их освободили после того, как они подписали письмо об отсутствии религиозного преследования в Советском Союзе. В том же году осудили на десять лет раввина хасидской синагоги Ш. Лазарова за организацию религиозного обучения в Ленинграде (умер в заключении). Подпольная иешива на квартире М. Раппопорта существовала в Киеве до 1937 года, а в белорусском местечке Щедрин был подпольный хедер, которым руководил раввин С. Фрадкин. Раввина М. Робинсона, главу подпольной иешивы в Бердичеве, арестовали в 1938 году, сослали в Среднюю Азию, но и там он впоследствии стал главой иешивы в Самарканде.

Раввины, покинувшие СССР, заняли ведущие места в еврейских общинах мира. Рав Ш. Аронсон из Киева стал главным раввином Тель-Авива и Яффы. Рав Х. Брук из Новгорода-Волынского был раввином в Тель-Авиве и Ришон ле-Ционе. Рав Ш. Кипнис из Овруча стал раввином одного из районов Иерусалима, а рав Ш. Гликсберг из Одессы — раввином одного из районов Тель-Авива. Рав Ш. Зевин из Новозыбкова был главным редактором "Энциклопедии Талмуда" в Иерусалиме. Рав Р. Баришанский из Гомеля стал раввином в Нью-Йорке и Вашингтоне, а рав Б. Рабинович из Витебска — раввином в Чикаго. В 1930 году в Слуцке осудили на десять лет заключения раввина И. Абрамского; он был освобожден досрочно из-за протестов в европейских странах, выехал из СССР, жил и работал в Иерусалиме, стал первым раввином, получившим в 1956 году Государственную премию Израиля.

Устрашающий итог борьбы с православием: за годы Гражданской войны погибло около десяти тысяч представителей духовенства, в 1922 году уничтожили более восьми тысяч священнослужителей, с 1924 по 1936 год репрессировали почти пятьдесят тысяч, в 1937 году — восемьдесят пять тысяч, с 1938 по 1941 год — более двадцати пяти тысяч. В 1915 году в Российской империи числилось 141 757 служителей православной церкви — епископы, священники, дьяконы, псаломщики, монахи и монахини. 130 000 из них погибли к 1941 году, в том числе триста архиереев — лиц высшего священнического сана.

Отец Георгий, преподаватель истории русской православной церкви в Духовной академии Санкт-Петербурга (1997 год): "Безусловно, главная доля ответственности за церковный геноцид, имевший место в России, должна быть возложена на представителей русского народа, допустивших в своей стране это страшное явление. Но вместе с тем нельзя делать вид, что эти события не имеют никакого отношения к представителям еврейской радикальной интеллигенции... Китайский палач в харьковском ЧК или латышский стрелок, охраняющий членов Совнаркома, для христианина не то же самое, что представитель еврейского народа, осуществляющий руководство политикой большевиков... Для христиан евреи выступают как представители особого народа, к которому предъявляется особый счет, и этот особый счет заключается в главном — еврейский народ, как, возможно, никакой другой, не может быть равнодушным к проблеме Бога, и он действительно чаще всего стоит перед выбором: либо быть с Богом, либо быть против Него..."

Из еврейских газет зарубежья (1922—1923 годы):

"Витебская газета "Комунистише фон" ("Коммунистическое знамя"), опубликовала отчет о процессе, возбужденном еврейской секцией... против известного произведения Переца "Бонтче молчаливый". Герою произведения ставится в вину самое тяжелое преступление с пролетарской точки зрения: молчаливое страдание. Суд заявил, что пролетарий не имеет права молчать, когда его обрекают на страдания. Защитник указал на то, что Бонтче жил до рождения Карла Маркса и не знал современной пролетарской морали. Это объяснение спасло Бонтче..."

"Очень характерен случай с мацой, которую прислала организация Джойнт. Эту мацу не раздали еврейскому населению под тем предлогом, что она представляет собой контрреволюционную пи-

щу. Мацу распределили между солдатами, которые перепродавали ее евреям..."

"Известный проект еврейских комиссаров о запрещении обряда обрезания был провален только благодаря татарам. В программу стратегических действий входит и план — выкопать из могил рабби Исраэля Баал Шем Това и рабби Нахмана из Брацлава, а также искоренить древнееврейский язык..."

"Раввин Я. Мазе сообщил на совещании раввинов, что за последний год он лично венчал по еврейскому обряду 367 христианских женщин, перешедших в еврейство. Евсекция приняла решение, что каждый венчающийся по "закону Моисея и Израиля" исключается из партии..."

В 1923 году руководители евсекции попытались превратить Московскую хоральную синагогу в еврейский коммунистический клуб, но раввин Москвы Яаков Мазе обратился с протестом к Ф. Дзержинскому, и синагогу удалось отстоять. Рав Мазе умер в декабре 1924 года; чтобы оповестить евреев столицы о его похоронах, решили поместить объявления в газетах, но власти отказались это сделать. И тогда группа молодых сионистов нашла выход из положения: они взяли телефонную книгу Москвы и стали звонить по тем номерам, возле которых были указаны еврейские фамилии. Каждому сообщали кратко: "Умер раввин Мазе. Похоронная процессия

Московский раввин Яаков Мазе

отправляется от Главной московской синагоги в такое-то время". Это продолжалось всю ночь; иногда им отвечали евреи-большевики и с негодованием бросали телефонную трубку, но в назначенный час у Главной синагоги столицы собрались тысячи евреев, чтобы проводить рава Мазе в последний путь. Траурная процессия направилась на еврейское Дорогомиловское кладбище; по пути следования гигантской колонны останавливалось движение транспорта, прохожие спрашивали с изумлением: "Кого вы хороните?.."

Перед основными еврейскими праздниками журнал "Воинствующий безбожник" выпускал приложение на идиш "Эпикорес" — "Безбожник". В одном из его выпусков напечатали "Красную агаду" для проведения пасхального "седера". В пародии на традиционную пасхальную песню "Дай даейну" ("Этого было бы достаточно") высмеивали нэпмана-еврея, который спасался от фининспектора:

Если бы пришли большевики
И ничего не забрали,
Этого было бы достаточно.
Если бы они пришли и все забрали,
Но разрешили бы нам торговать,
Этого было бы достаточно.
Если бы запретили торговать и пришел фининспектор,
Мы бы с ним поделились,
И этого было бы достаточно...

Очерк одиннадцатый

“Евреев на землю!” Биробиджанский проект

1

Потери в Первой мировой, а затем и в Гражданской войне привели к значительному сокращению населения России. Миллионы убитых на фронтах, умерших от ран и инфекционных болезней, эмигрировавших после победы большевиков, погибших от погромов, бандитизма, террора, при подавлении крестьянских восстаний — таков итог тех лет. В 1914 году рождаемость в Российской империи превышала смертность, положительный прирост населения составлял 16,5 человек на каждую тысячу. Но постепенно смертность стала превышать рождаемость, и в 1919 году на каждую тысячу населения умирало на пятнадцать человек больше, чем появлялось на свет.

> Из письма В. Ленину (1920 год): “Раньше в тюрьмах кормили лучше, чем при советской власти. В два года все разорено, приведено в нищету... Декреты пекутся ежедневно, а пользы — ни на волос. Человек малограмотный, не умеющий правильно мыслить, занимает пост комиссара, жрет за десятерых, ездит на извозчиках и портит воздух...”

В годы НЭПа началось развитие промышленности, которая по основным показателям стала постепенно приближаться к довоенному уровню. Сократилась инфляция, курс рубля стал более устойчивым после проведения финансовой реформы. В стране отменили продовольственные карточки. Крестьяне в деревнях, освобожденные от продразверстки, засевали дополнительные участки земли, разводили скот: в 1926 году валовая продукция земледелия и животноводства превысила довоенный уровень. Повышалось потребление мяса, молока и сахара в пищевом рационе населения, а потребление картофеля — основного продукта питания в годы войны — постепенно снижалось. Возобновили работу фабрики и заводы. Восстанавливался транспорт, строились автомобильные и железные дороги, взамен теплушек появились пассажирские вагоны; в городах заработали водопровод и канализация. Смертность уменьшалась, рождаемость увеличивалась — возрастал естественный прирост населения.

По окончании Гражданской войны демобилизовали из Красной армии около пяти миллионов человек. Победителям казалось, что для них наступит теперь сытая, привольная жизнь, однако действительность оказалась иной. Бывшие красноармейцы, командиры и комиссары не получили того, о чем мечтали; "пламенные" революционеры и ниспровергатели буржуазного строя заговорили о перерождении общества во время НЭПа и сползании к капитализму "со знаменем коммунизма в руках". На их глазах вновь происходило расслоение на бедных и богатых в городе и деревне, расцветали частные предприятия и магазины, обогащались те самые — или похожие на них — "буржуи" и "кулаки", которых еще недавно они безнаказанно уничтожали. Из письма в ЦК ВКП(б) (1926 год): "Товарищи, подумайте, как же так: если я кулака, например, в 1918 году ставил к стенке, а теперь приду и скажу: "Иван Иванович, возьми меня подработать". Вытерпит ли мое революционное сердце, чтобы склонить перед ним голову?.."

Некий крестьянин из Владимирской губернии жаловался в столицу: "Видим, идет семипудовая тетка с заплывшим от жира лицом, в пышном наряде, за ней идут дети, тоже нарядные, самодовольные, счастливые. Идут очкастые, усатые, в три обхвата дяденьки с золотыми, блестящими кольцами. Идут совбарышни с самодовольной, счастливой улыбкой, за ними — ухажеры... И если посмотришь с глубоким вниманием вокруг, то видишь, что те люди, которые делают подлости, которые не имеют права жить, они больше обеспечены правом к жизни. Обездоленные, запуганные, оборванные, грязные, с честным порывом жизни лишены права пользоваться ею. Жить можно только за деньги. Неужели жизнь-то проститутка?.."

Из письма Варламова в газету "Батрак" (1926 год): "Я был всю Гражданскую войну на фронте... а теперь я пасу скотину, всеми забытый солдат революции... Нет, товарищи, не было правды и не будет, хоть сделай сто революций. Как мы были бедняками, так и остались... я был пастух и помру пастухом..."

Из письма земледельца в "Крестьянскую газету" (Воронежская губерния, 1926 год): "Социализм придет очень нескоро или же совсем не будет его, потому что все стоящие у власти получают большое жалованье, а при социализме жалованья не должно быть никому — потому им нет никакого смысла проводить социализм..."

17 декабря 1926 года проходила всеобщая перепись населения, которая насчитала на территории Советского Союза почти сто пятьдесят миллионов человек (147 027 915) — 18% из них жили в городах и 82% в сельской местности. Перепись выявила более полутора миллиона безработных, зарегистрированных на биржах труда, но в действительности их было значительно больше. В рядах безработных оказалось огромное количество евреев; требовалось принять экстренные меры, чтобы их трудоустроить и предоставить средства к существованию, — так возникла кампания по переселению евреев на землю.

2

С начала девятнадцатого века царское правительство создавало в черте оседлости сельскохозяйственные поселения, в которых крестьяне-евреи обрабатывали землю. К 1914 году их количество составляло пятьдесят три тысячи человек, в основном на юге Украины, а также в Белоруссии, Литве и Латвии. В Екатеринославской губернии было семнадцать еврейских поселений, среди них — Сладководная, Хлебодаровка, Веселая, Приютная, Роскошная, Богодаровка и Трудолюбовка; в Херсонской губернии евреи занимали двадцать одно поселение — Добрая, Излучистая, Израилевка, Бобровый Кут, Нагартов (в переводе с иврита "хорошая река"), Ефингарь ("красивая река"), Сейдеменуха ("поле отдыха") и другие. Там сеяли пшеницу, ячмень и овес, сажали картофель, косили сено для скота; земледельцы держали коров, волов, лошадей и овец, разводили домашнюю птицу, высаживали фруктовые сады, мололи зерно на собственных мельницах, перерабатывали молоко в сыр и масло; в поселках были построены каменные дома, школы, синагоги, аптеки; на собранные средства содержали врачей и раввинов. В неурожайные годы поселенцы бедствовали так же, как и их соседи-христиане, но несмотря на различные трудности земля кормила тех, кто ее обрабатывал. В поселениях преобладали небогатые земледельцы, которые

с трудом дотягивали до очередного урожая, но были и зажиточные хозяева, обрабатывавшие свои наделы с помощью новейшего инвентаря. Ни одно из еврейских поселений не распалось со времени возникновения; третье, а то и четвертое поколение поселенцев освоилось на земле, изменился и внешний их облик: взамен болезненной бледности и физической недоразвитости торговца или ремесленника — загар на лице и мускулистое тело земледельца от привычной полевой работы.

Во время погромов Гражданской войны еврейские сельскохозяйственные поселения разделили судьбу окрестных местечек. В Трудолюбовке убили всех мужчин, поселение уничтожили, а его территорию распахали и засеяли хлебом; наполовину исчезло поселение Нечаевка, серьезно пострадали Добрая, Сагайдак, Ново-Полтавка и другие. Одни из жителей погибли, другие умерли от голода и болезней, третьи побросали свои дома или продали их на снос и ушли в города. Количество земледельцев в еврейских поселениях значительно уменьшилось, их хозяйства были разорены войной, погромами, реквизициями времен "военного коммунизма"; многие оказались без коров, лошадей, семян, необходимого инвентаря и запасов продовольствия — не было возможности вспахать землю и дождаться результатов нового урожая.

Евреи-земледельцы на Украине. Начало 1920-х годов

По окончании Гражданской войны часть беженцев вернулась на прежние места и снова занялась сельским хозяйством. Появились коммуны "Гехалуца", которые объединяли молодежь, возникли земледельческие артели, созданные общественной организацией Сетмасс (Союз

еврейских трудящихся масс), происходило и стихийное расселение на земельных участках, которые раньше принадлежали помещикам и остались свободными после наделения крестьян землей. На этих участках — как правило, неподалеку от местечек — евреи организовывали группы земледельцев, чтобы прокормиться в голодные годы. "Издали замечаем двух крестьян, которые пашут на поле, — сообщали очевидцы. — Мы подходим, останавливаемся. "Хаим. Йосл". Если бы не имена, ни за что не признали бы евреев в этих людях, стоящих перед нами. В домотканых холщовых портах и рубахах, босые, они так ловко ходят за плугом, как если бы отцы и праотцы их были земледельцами".

> Из газетной статьи: "Какой-то дядя в картузе, съехавшем козырьком на ухо, ходит за плугом и покрикивает на коня, а позади него шагает другой и пихает что-то в борозду. Это и есть переселенцы, минские евреи — двое портных... или двое мелких лавочников, которых слопала кооперация, или двое сватов-шадхенов, которых сводит со света эта новая мораль, позволяющая юношам и девушкам влюбляться друг в друга, не давая при этом заработать бедному еврею-посреднику, хотя, казалось бы, ему тоже надо жить..."

В степных районах юга Украины насчитывалось полтора миллиона десятин бывшей помещичьей земли, которую прежде не обрабатывали. Туда начали переселяться украинские крестьяне, а вместе с ними отправились в путь и евреи. Они объединялись в группы, на свой страх и риск шли на юг Украины или в Крым, где занимали и распахивали свободные целинные земли. В те годы в Крыму появилось двадцать новых еврейских поселений, часть из них с названиями на иврите — Кадима (Вперед), Херут (Свобода), Ахдут (Единство), Бейт-Лехем. К началу 1925 года в Советском Союзе занимались земледелием около ста тысяч евреев с учетом членов семей: половина из них поселилась на земле еще в царское время, а остальные после Гражданской войны. Представитель евсекции побывал в новых, стихийно созданных поселениях, где условия жизни были невыносимы, и задал естественный вопрос: "Почему вы не посоветуете тем, кто сидит в местечке, не трогаться пока с места? Вы так сильно мучаетесь, — отчего же еще находятся желающие переселяться?" На это он получил ответ: "Нам нечего терять. В местечке остается только умереть с голода..."

С. Диманштейн говорил на совещании в ЦК ВКП(б): "От революции в большинстве своем евреи даже проиграли, а не выиграли... Пятнадцать—двадцать процентов улучшили свое положение после революции, тридцать процентов осталось в том же положении и у пятидесяти процентов положение ухудшилось... Еврейское население в местечках вы-

Еврейское местечко, 1920-е годы

мирает, молодежь уходит в контрабанду, где находит себе выход человек, ни к чему не приспособленный".

> Из материалов обследования украинских местечек: "Дома не имеют дворов, не имеют зеленых насаждений... крайне близко расположены друг к другу... Улицы немощеные, тротуаров нет... Пищевые продукты (на базарной площади) продаются прямо с земли, в лучшем случае с возов... Общественных уборных, мусорных ящиков нет... Колодцы содержатся в крайне антисанитарном состоянии... Все отбросы, мусор, вплоть до человеческих выделений выбрасываются на улицу куда попало... Все это дождями смывается в реку, в сухую погоду пылью разносится по местечку, заносится обувью в квартиры..."

Стороннего наблюдателя поражали в местечках обветшалые деревянные дома, покосившиеся, подпертые бревнами стены, забитые фанерой окна, повалившиеся заборы, непролазная грязь после дождей. "Если еврейское местечковое население не перевести на другие хозяйственные рельсы, — предупреждали экономисты, — то оно несомненно обречено на голодное вымирание". Чтобы разрешить эту проблему, в августе 1924 года был создан Комитет по земельному устройству трудящихся евреев (КОМЗЕТ). Его задачу определили однозначно: "открыть для еврейской бедноты доступ к производительному труду на земле". Председатель Ко-

митета П. Смидович заявил: "Экономическая политика советской власти зажимает и будет зажимать" традиционные источники дохода еврейского населения — частную торговлю, посредничество, ремесленный труд, поставив евреев "перед опасностью вырождения", а потому выход один: наделить землей беднейшие слои еврейского населения.

КОМЗЕТ обещал в ближайшие десять лет переселить на землю сто тысяч семей — примерно двадцать процентов еврейского населения Советского Союза. Для этого решили выделить сто тысяч гектаров из государственного земельного фонда в степных малонаселенных районах северного Крыма и юга Украины, где "евреи могли бы селиться более или менее компактными массами". Земля предоставлялась для обработки безвозмездно, в постоянное трудовое пользование; наравне с прочими переселенцами евреям полагались льготы на переезд, освобождение от налогов и воинской повинности на первые три года, материал для постройки домов, кредит на приобретение инвентаря — и тысячи семей торговцев, ремесленников, лиц без определенных занятий заявили о своем желании стать земледельцами, чтобы вырваться из нищеты еврейских городков и местечек.

> Из письма евреев Гомеля в редакцию газеты "Эмес" (1925 год): "Мы проживаем последние крохи. Одни из нас уже похожи на мертвецов, другие еще немного барахтаются и... тоже погибнут... Дайте нам возможность переселиться на землю... Вы не хотите нашей торговли — дайте нам землю..."

3

В 1925 году начало работу всесоюзное добровольное Общество землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ), чтобы помогать переселению и собирать для этого средства в Советском Союзе и за границей. "Никакими посторонними делами, — утверждал Ю. Ларин, первый председатель Общества, — ни борьбой с религией, ни борьбой с сионизмом, ничем этим ОЗЕТ не занимается. Его дело — организовать еврейское земледелие". Работу ОЗЕТа контролировала евсекция; работники этого добровольного общества превратились в государственных служащих, которых назначали и смещали по указанию властей. В правление ОЗЕТа вошли советские партийные и государственные деятели — председатель президиума ЦИК М. Калинин, нарком внешней торговли Л. Красин, нарком иностранных дел Г. Чичерин и его заместитель М. Литвинов. Почетными членами Общества стали известные деятели науки и культуры, среди них М. Горький, который написал из Италии: "Факт возникновения ОЗЕТа несколько отрезвит граждан-антисемитов, в чьих черепах снова начинает закипать нездоровый мозг".

Плакат "Вступи в члены ОЗЕТа"

Плакат "Построим еврейскую жизнь на полях Советского Союза", 1926 год

ОЗЕТ совместно с КОМЗЕТом вербовал переселенцев, помогал им при переезде, размещал на новых местах, строил дома, обеспечивал скотом и инвентарем. Переселение на землю пропагандировали в книгах и брошюрах на идиш, русском, украинском, узбекском, татарском и других языках, в агитационном фильме "Евреи на земле" и в газете "Трибуна"; для привлечения переселенцев исполняли по радио песни на идиш: "На Херсонской вольной ниве не познаете нужду..." Отделения ОЗЕТа появились по всему Союзу — в Ленинграде, Минске, Харькове, Казани, Тбилиси, Омске, Красноярске, Хабаровске; чтобы подчеркнуть его интернациональный характер, создавали тысячи ячеек на заводах и в учреждениях, в школах и институтах, в воинских частях и на флоте — целые предприятия записывались в них по команде начальства, и со временем в ОЗЕТе оказалось более трехсот тысяч человек, половину которых составляли неевреи.

ОЗЕТ направлял трудовые бригады на уборки урожаев, посылал делегации рабочих, военных, школьников и студентов для ознакомления с жизнью евреев-земледельцев, собирал пожертвования среди евреев-нэпманов, проводил всесоюзные лотереи, по которым можно было выиграть часы, фотоаппарат, велосипед, швейную машину или Большую Советскую энциклопедию, даже поездку в США, — доход с каждой лотереи давал дополнительные средства на переселение еврейских семей.

"ОЗЕТ-лотерея"

Из воспоминаний первых переселенцев: "Отец был меламедом. Перестали приходить ученики. Не стало заработков. Поехали на телеге в Крым..." — "Было голодно. Мама-учительница получала семьдесят рублей в месяц, а пуд муки стоил триста рублей... Бросили все, приехали на пустое место..." — "Воды не было, воду покупали у соседей. Вырыли землянки, начали строить бараки, совместно обрабатывали земли..." — "Голая степь. Солончаки. Вспахали — заблестела соль. Посеяли — ничего не уродилось..." — "Местные не верили, что евреи смогут утвердиться, а мой отец говорил: "Мы трудно работаем, но мы хорошо будем жить..."

Украинцы на Украине и татары в Крыму с беспокойством встретили пришельцев, которые занимали свободные земли, и отношения между соседями бывали напряженными. Татарские руководители в Крыму призвали татар расселяться без разрешения на пустовавших землях, а деятели ОЗЕТа обвинили их в натравливании татарского населения на переселенцев-евреев. Крестьяне на Украине захватывали порой участки, выделенные для переселенцев, пытались завладеть их урожаем, уничтожали посевы на полях, и евреи поговаривали о создании отрядов самообороны. На отношения соседей влияли и невиданные ранее трактора, новейший инвентарь, семена и породистый скот, которые евреи получали бесплатно из-за границы — к зависти окрестных жителей. В ЦК партии Украины отметили с беспокойством: "И сейчас уже в крестьянство проникли слухи об особых льготах для переселения евреев и соответствующие разговоры. На Правобережье, где земельная теснота наивысшая, такие разговоры наиболее политически опасны".

Первые переселенцы-евреи из Украины, Белоруссии, России жили в бараках, палатках, на подводах под открытым небом, получали у госу-

дарства инвентарь и семена, засевали выделенные им участки, которые прежде не обрабатывались, сооружали временные землянки с убогой мебелью — стол, кровать и скамейка. Условия жизни были тяжелыми, и в ежегоднике "Еврейский крестьянин" написали: "Когда вчерашний сапожник, одетый в рубище, с блестящими глазами, с перекошенным от отчаяния лицом, внешне спокойно заявляет, что если ему не будет оказана немедленно помощь, он уйдет куда глаза глядят, — это не жест, не шантаж, а крик наболевшей души доведенного до отчаяния бедняка... У него есть лошадь, которая не может работать, у него есть корова, которая не дает молока, и у него есть куча детей, которые тщетно молят о куске хлеба. Этого земледельца даже не радует выпавший благодатный дождь, не тешит предстоящий урожай, который нечем и некуда убрать и до которого он едва ли доживет... Бедность ужасающая: почти все голодают в буквальном смысле слова... Голодны люди, голодны лошади..."

Не выдержав тяжелых условий жизни, новые земледельцы уходили из поселений, разбредались по округе, искали работу в городах. В харьковской газете "Штерн" появилось такое сообщение: "В Харьков прибыло из Крыма большое количество цыган, среди которых многие говорят по-татарски и на идиш и объявляют себя евреями, оставившими свои места из-за голода... Неясно, оцыганившиеся ли это евреи, случайно приставшие к табору, или оевреившиеся цыгане..."

4

У советского правительства не было средств, чтобы осуществить такой грандиозный проект, а потому руководители ОЗЕТа обратились за помощью к еврейским общинам всего мира. Известные еврейские писатели подписали воззвание "К евреям всех стран" — финансово поддержать переселенческую деятельность, чтобы "презрение поколений" не стало уделом тех, кто не впишет в это начинание "своего имени". Группы содействия ОЗЕТу появились в Берлине, Лондоне, Нью-Йорке, Копенгагене, в Риге и Тель-Авиве, в Буэнос-Айресе и Иоганнесбурге. Ежегодник "Еврейский крестьянин" предостерегал: "Еврейские массы говорят своим американским землякам: "Требуйте, чтобы каждый трудовой грош, собираемый среди вас в Америке... пошел на землеустройство евреев в Советском Союзе... Следите, чтобы эти деньги не были вписаны в сионистскую "золотую книгу", а были засеяны еврейскими земледельцами в плодоносной земле Советского Союза..."

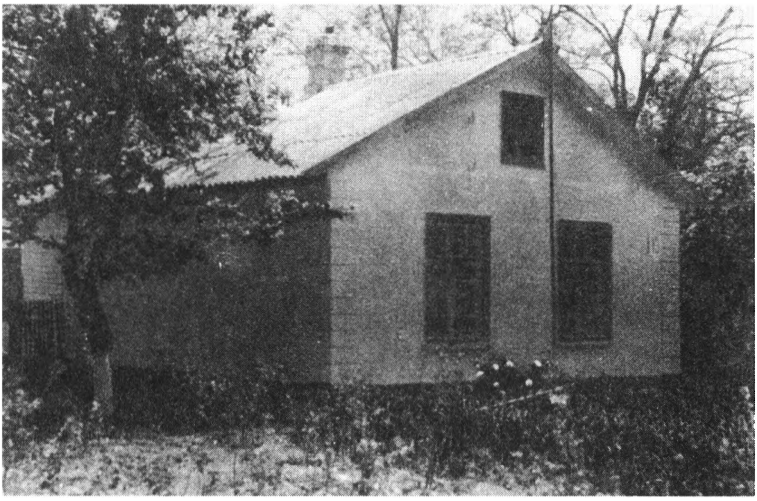
Общество распространения земледельческого и ремесленного труда среди евреев (ОРТ) присылало из Берлина деньги и специалистов, чтобы подготовить молодежь к профессиональной деятельности, развивало

ремесла в земледельческих поселениях — изготовление ковров, платков, покрывал, шляп и перчаток для дополнительного заработка. Еврейское колонизационное общество (ЕКО) снабжало земледельцев инвентарем и посевными семенами, создавало и финансировало школы для приобретения технических и сельскохозяйственных специальностей. Пришло на помощь и американское Общество содействия еврейской колонизации в России (ИКОР). За первые пять лет советское правительство выделило для переселения евреев не более тридцати процентов от всех затраченных средств, а остальное дополнили благотворительные организации из-за границы.

Более других помогал Джойнт, который в 1924 году образовал дочернюю компанию — Американскую еврейскую агрономическую корпорацию (Агро-Джойнт) для оказания помощи переселенцам. Директор Агро-Джойнта Д. Розен говорил: решение о его создании "было навязано нам страдающими еврейскими массами России. Для них вопрос о колонизации является не темой для теоретических споров... а вопросом жизни и смерти в самом подлинном, самом ужасном и неприкрашенном смысле этого слова".

> П. Смидович, председатель КОМЗЕТа, из выступления: "Если бы мы знали, что калмыки тоже смогут достать деньги за границей, чтобы вложить их в наше сельское хозяйство, — мы бы дали землю и им..."

По договору с советским правительством Агро-Джойнт безвозмездно ввозил сотни американских грузовиков, тракторов и комбайнов, машины для копания глубоких артезианских колодцев на засушливых землях Крыма, корчевальные машины для расчистки лесных массивов в Белоруссии, а также сельскохозяйственный инвентарь — все это навсегда оставалось в СССР и не подлежало какой-либо оплате. Работники Агро-Джойнта выбирали и подготавливали земельные участки, строили для переселенцев поселки, школы, больницы и клубы, инкубаторы, птицефермы и силосные башни, занимались водоснабжением, обеспечивали семенами, создавали ремонтные станции и курсы по подготовке механизаторов, закладывали фруктовые сады и виноградники, поставляя из Франции лучшие сорта виноградной лозы, развивали огородничество, овцеводство, кустарные промыслы, выдавали ссуды на покупку скота, птицы, инвентаря, выделяли средства на улучшение медицинского обслуживания населения, награждали медалями Агро-Джойнта лучших земледельцев-евреев. На деньги этой организации свыше тысячи детей учились в школах для подготовки полеводов, а техникум в Ново-Полтавке преобразовали в сельскохозяйственный институт.

Типовой дом для евреев-земледельцев по программе Агро-Джойнта

Агро-Джойнт тратил огромные средства на безвозмездную помощь, но — в отличие от Джойнта прежних времен — требовал возврата выдаваемых ссуд с учетом годовых процентов; переселенцев обязывали вложить и собственные средства, чтобы присутствовала личная заинтересованность. На устройство одной семьи следовало затратить тысячу рублей, из которых триста-четыреста рублей выделял переселенец, двести—триста — КОМЗЕТ и ОЗЕТ, четыреста—пятьсот рублей — Агро-Джойнт.

Учащиеся токарного цеха Агро-Джойнта

Лошадь — подарок земледельцам от Агро-Джойнта

Его директор Д. Розен писал про еврейских земледельцев: "Они поразительно сильны духом несмотря на очень тяжелые условия, в которых им приходилось жить без каких бы то ни было удобств, в жалких землянках или лачугах, часто даже под открытым небом, выполняя работу, к которой многие не привыкли".

> Из воспоминаний о том времени: "Отец получил кредит у Агро-Джойнта, купил двух лошадей и корову, кур и индеек, инвентарь и посевной материал... На деньги кредита отцу построили небольшой, сельского типа дом под железной крышей..." — "После вспашки засевали землю пшеницей, ячменем, овсом, кукурузой, подсолнечником. Огород засевали овощами, не требовавшими много воды — тыква, лук, картофель... На вырученные деньги погашали кредит..." — "Когда пришел первый трактор "Фордзон" красного цвета, в поселке был праздник, катали на нем детей и взрослых. Спасибо Джойнту — помог жить вместе, еврейским поселком, без чужих..."

Агрономы утверждали, что на Украине "уже на втором году хозяйствования еврейский переселенец осваивает девяносто процентов всей надельной земли". Земледельцы-евреи использовали трактора, тщательно обрабатывали почву под наблюдением специалистов Агро-Джойнта,

очищали семена перед севом и получали порой более высокие урожаи, чем их соседи — потомственные крестьяне. Выращивали пшеницу, рожь, овес, ячмень и подсолнечник, закладывали виноградники, разводили коров и овец, основывали пункты по переработке молока и сыроварни, кожевенные и черепичные заводы. Представитель Агро-Джойнта отметил в своем исследовании: "Новые еврейские земледельцы... владея живым и подвижным умом, культурными навыками и запросами городских жителей, быстро усваивают любой экономический совет... Любое просветительское начинание — будь то лекция или беседа по сельскому хозяйству, устройство сельскохозяйственной библиотеки — находит тут самое живое сочувствие и напряженное внимание".

Для поселения евреев выделяли земли не только в Крыму и на юге Украины, но и небольшие участки в Белоруссии, Дагестане и Узбекистане, в Брянском и Смоленском округах РСФСР. К 1928 году в земледельческих поселениях Советского Союза находилось около двухсот тысяч евреев, что составляло примерно восемь процентов еврейского населения страны. К 1931 году Агро-Джойнт образовал сто семьдесят поселков на Украине и в Крыму, способствовал расселению двадцати тысяч семей, построил для них семь с половиной тысяч домов. В Херсонском округе еврейские поселки занимали сплошную территорию на расстоянии пятидесяти километров; можно было пересечь Крым из Феодосии в Евпаторию, встречая на пути одно еврейское поселение за другим.

Названия поселков отражали веяния того времени: по-русски — Красный пахарь, Новая заря, Пролетарий, Трудовая нива, Красный луч, Сталино, Луначарск, Комзетовка; на идиш — Эрд Арбейтер (Земледелец), Арбейт (Труд), Штерн (Звезда), Най Вег (Новый путь), Фрайндшафт (Дружба), Лениндорф и Бухариндорф (село Ленинское и село Бухаринское). Появилось и поселение Икор по названию американского благотворительного общества, а также село Розенвальд — в честь чикагского еврея Ю. Розенвальда, пожертвовавшего пять миллионов долларов на нужды переселенцев.

> Из брошюры ОЗЕТа (1929 год): "Безусловно, деятельность заграничных буржуазных организаций не может не иметь кое-какое нежелательное для нас идеологическое влияние... однако это уже наше дело разъяснить еврейскому населению истинный смысл деятельности всяческих буржуазных филантропов, которые под различными масками — то благочестия, то национальной солидарности — преследуют свои классовые интересы..."

Агро-Джойнт предоставил Советскому Союзу заем на выгодных условиях — девять миллионов долларов, а также крупное безвозмездное по-

жертвование; договор о совместном сотрудничестве был продлен до 1953 года. Но экономический кризис в Америке и Европе уменьшил поступление средств, и Агро-Джойнт начал сворачивать свою деятельность. На это повлияло и усиление репрессий в СССР, аресты поселенцев-евреев, преследования иностранных специалистов — врачей, инженеров, агрономов, которые работали в Агро-Джойнте, хотя эта организация постоянно подчеркивала свое невмешательство во внутренние дела государства. В атмосфере постоянного запугивания и террора не было возможности продолжать работу, и в 1938 году Агро-Джойнт прекратил свое существование. Его сотрудники, граждане СССР, также не избежали репрессий. Юриста И. Гроера, заместителя Д. Розена, приговорили к расстрелу за измену родине и шпионаж в пользу Германии; другого заместителя, агронома С. Любарского, расстреляли за шпионаж, экономическое вредительство, организацию террористических актов (реабилитированы посмертно).

5

Евреи не составляли большинства населения ни в одном из районов страны, а потому создание еврейской автономии — наподобие национальных областей малых народов — казалось невозможным. Лишь массовое переселение на какую-либо территорию могло разрешить обе задачи — привлечь безработных к труду на земле и образовать еврейскую автономию в Советском Союзе.

В 1923 году в ЦК партии поступило предложение — создать еврейскую национальную область на территории Белоруссии; работала комиссия для разработки проекта, но это ни к чему не привело. В том же году журналист А. Брагин предложил переселить евреев на пустующие степные земли юга Украины, чтобы у побережья Черного моря, между Бессарабией и Абхазией создать еврейскую автономию со столицей в Одессе. Этот план поддержали видные партийные деятели, однако его отклонили, чтобы не обострять отношения с коренным населением. Затем заговорили о еврейской автономии на пустующих землях северного Крыма, но деятели евсекции воспротивились этому: "Проект создания еврейской автономной республики в Крыму есть проявление глупости и злонамеренности. Глупости потому, что нам, евреям, он не нужен; злонамеренности потому, что выдумали его с единственной целью — выманить деньги у "состоятельного" американского еврейства".

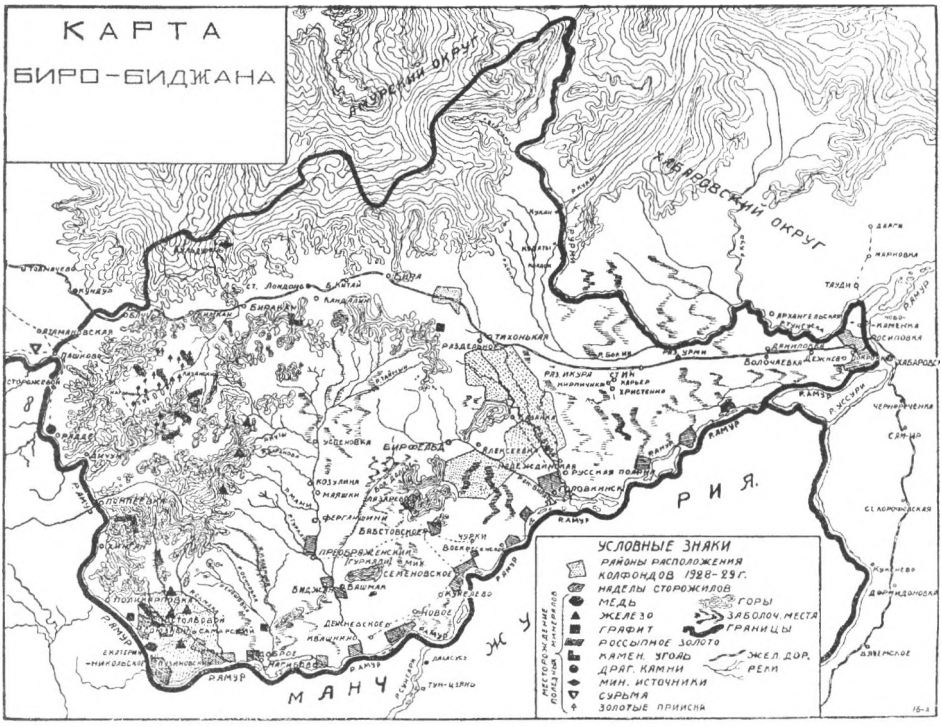
Большевики-евреи опасались быть обвиненными в национализме, а потому выступали против еврейской автономии и постоянно подчеркивали, что переселение евреев имеет единственную цель — занять их "полезным" трудом для решения экономических проблем. Однако на съез-

де ОЗЕТа в конце 1926 года М. Калинин неожиданно выступил против ассимиляции: "Перед еврейским народом стоит большая задача — сохранить свою национальность, а для этого нужно превратить значительную часть еврейского населения в оседлое крестьянское земледельческое компактное население, измеряемое, по крайней мере, сотнями тысяч. Только при таких условиях еврейская масса может надеяться на дальнейшее существование своей национальности".

К тому времени стало ясно, что грандиозные планы КОМЗЕТа и ОЗЕТа практически невыполнимы. В стране было огромное количество крестьян с недостаточными наделами земли, которые стремились переселиться на новые места, а потому власти не могли выделить сотни тысяч гектаров для еврейского неземледельческого населения. Переселенческий земельный фонд на Украине был почти исчерпан; чтобы не возбуждать вражды, следовало найти земли для расселения евреев на пустых или малонаселенных территориях. Их искали в районе Азовского моря, на Северном Кавказе и Алтае, в степях Северного Казахстана; летом 1927 года экспедиция КОМЗЕТа побывала на Дальнем Востоке, за восемь тысяч километров от Москвы, и обследовала неосвоенные земли к западу от Хабаровска, на левом берегу полноводного Амура, отделяющего Советский Союз от Маньчжурии, провинции Китая.

Экономисты и агрономы ОЗЕТа возражали против переселения в тот район: там были обширные болотистые местности, непроходимая тайга, неисчислимые виды кровососущих насекомых, змеи, хищники, непроезжие грунтовые дороги со сгнившими мостами, долгая малоснежная зима с температурой до сорока градусов мороза и промерзанием земли на глубину до двух метров, жаркое и влажное лето с многодневными непрерывными дождями, когда реки выходили из берегов и смывали до основания целые деревни. Та территория изобиловала древесиной, рыбой, дичью и пушным зверем, отличалась богатством полезных ископаемых — железная руда, золото, уголь, мрамор и графит, однако добыть эти ископаемые было чрезвычайно трудно. И тем не менее в марте 1928 года советское правительство выделило этот район "для нужд сплошного заселения трудящимися евреями", чтобы "при благоприятных результатах" создать там в будущем "еврейскую национальную административно-территориальную единицу".

Площадь того обширного края превышала территорию Бельгии, а его население составляло не более тридцати тысяч жителей, менее одного человека на квадратный километр. Выделенный для заселения район пересекала грунтовая дорога "колесуха", построенная еще каторжанами. Пересекала его и Транссибирская железнодорожная магистраль — из Москвы, через Сибирь, до Владивостока на Тихом океане, на которой стояла станция Тихонькая и небольшой таежный поселок при ней в ме-

Карта Биробиджана

ждуречье Биры и Биджана, притоков Амура. По названию этих рек и возникло наименование района — Биробиджан, а на месте станции Тихонькой вырос город с таким же именем. В брошюре ОЗЕТа написали: "Биробиджан в настоящее время почти не заселен и на эту землю не имеется претендентов со стороны местного населения; это исключает возможность нежелательных национальных трений между старожилами и еврейскими переселенцами".

> Б. Бруцкус, экономист (1928 год): "Колонизация Амурской области... сопряжена с совершенно исключительными трудностями; невозможно себе представить, чтобы выходцы из еврейских местечек справились с такой задачей. Когда "евсекам" указывают на эти затруднения, они их не отрицают, но они говорят: положение еврейского населения настолько тяжело, что за охотниками поехать в Биробиджан дело не станет..."

6

Инициатором этой идеи был "всесоюзный староста" М. Калинин — так он, во всяком случае, утверждал: "Я дал КОМЗЕТу задание найти такое место, где были бы все необходимые политические, климатиче-

ские и естественные условия. И действительно, в Биробиджане имеется все. Прежде всего большая, свободная, плодородная территория на государственной границе. Там другой национальности, кроме еврейской, в качестве претендентов нет". Существовали и стратегические соображения того времени — укрепить дальневосточную границу Советского Союза, не допустить проникновения китайцев на те земли, а когда японцы начали оккупацию Маньчжурии, заселение дальневосточных земель приобрело особую важность.

> Из брошюры КОМЗЕТа: "Через десять—пятнадцать лет китайцы подойдут плотной массой к рекам Амур и Сунгари... Вопрос сводится к тому, удастся ли заселить в ближайшие десять—пятнадцать лет Биробиджанскую приамурскую полосу. Если она будет заселена своевременно, то тогда китайская сельскохозяйственная иммиграция станет невозможной..."

Специалисты рекомендовали начать переселение через год, чтобы подготовиться к приему первых групп, однако все произошло значительно быстрее — в эпоху досрочного выполнения и перевыполнения любых планов. В марте 1928 года приняли решение о переселении евреев в Биробиджан, и уже через месяц первые группы из Украины и Белоруссии отправились в путь. Корреспондент газеты "Эмес" сообщал: "Харьков провожал нас скромно, но тепло... Короткий митинг. Делегации выстраиваются у паровоза, начинают петь "Интернационал". Переселенцы подхватывают, и под бодрые, веселые звуки музыки поезд отходит". На станции Тихонькая их тоже встречали с музыкой; первые переселенцы получили лошадей, упряжь, кое-какой инвентарь и, разделившись на две группы, поехали на заранее выбранные участки. Одна группа отправилась по размытой грунтовой дороге на опытное поле — путь в шестьдесят километров занял у них несколько дней; другая группа поплыла на пароходе по Амуру, чтобы в безлюдном месте заложить рисовые плантации. А со станции Тихонькая уже телеграфировали в Хабаровск (май 1928 года): "В четверг прибывают сто шестьдесят пять переселенцев. Расквартировать невозможно. Срочно вышлите палатки..." — "Люди болеют. Настроение крайне напряженное. Дайте срочное распоряжение занять клубы, школы..." — "Фуража и продовольствия совершенно нет. Лошади и переселенцы голодают..."

Переселенцы на Дальний Восток — и евреи в том числе — получали повышенные льготы по сравнению с переселенцами в другие районы страны: почти бесплатный проезд по железной дороге, долгосрочные ссуды, освобождение от налогов на продолжительное время, отсрочку от призыва в армию; лишенцы получали на новом месте избирательные

Переселенцы в Биробиджан

права, а их дети — "право поступления в высшие учебные заведения Сибири и Дальнего Востока наравне с детьми рабочих". К концу 1928 года в Биробиджан приехали девятьсот пятьдесят человек, однако шестьсот из них вскоре уехали обратно. Для многих переселение оказалось не продуманным желанием изменить образ жизни, но вынужденным бегством от голода и лишений. Они попадали в Биробиджан, ничего не зная об этом крае, порой в отдаленные его районы, куда можно было добраться лишь по реке, и то не в любое время года; у них не было навыков работы — пилить деревья в тайге, корчевать пни, распахивать целинную землю, а потому они уезжали обратно или отправлялись в индустриальные центры, где можно было устроиться на завод.

> Из результатов обследования (1929 год): "В поселке при станции Тихонькая... образуется затор из еврейских переселенцев. Они живут в бараках. В невероятной скученности и грязи там валяются вповалку на двухэтажных нарах десятки чужих друг другу людей — холостяков, молодых женщин, стариков, многодетных семейств с грудными младенцами... Они сидят там по два и по три месяца, так как, во-первых, земельные фонды не подготовлены, а во-вторых, нет дорог..."

Тяжелые условия быта, болезни, отсутствие медицинской помощи, беспокойство за будущее детей гнали людей из Биробиджана. Этому способствовали и климатические условия, неподготовленность местных организаций к массовому переселению, а также нехватка средств, чтобы

обеспечить на первое время хлебом, орудиями труда, крышей над головой. Планы по переселению составляли завышенными, путевки выдавали порой немощным людям, неспособным к физическому труду, которые тут же возвращались обратно, а сотрудники КОМЗЕТа докладывали в центр о выполнении норм переселения. Приезжали, конечно, и молодые идеалисты, захваченные грандиозной идеей создать в диком, заброшенном краю еврейский национальный район, — это был вызов для них, желание сразиться с природой и победить, но реальность сразу же начинала диктовать свои условия. Холод. Затяжные дожди. Непролазная грязь. Отсутствие дорог. Жизнь в палатках на голой земле. Перебои с поставками продовольствия. Поголовный падеж скота от сибирской язвы. Гнус, от которого не было спасения. "В последние ночи комары не давали спать, — сообщали первые поселенцы. — Печь сломана, питаемся плохо. Свиньи погибают. Дожди не прекращаются. Сено гниет. Все вместе создало у части ребят настроение: домой!.." В 1929 году планировали переселить пятнадцать тысяч человек, приехали не более двух тысяч; многие из них вскоре вернулись обратно или разъехались по городам Дальнего Востока.

В 1930 году был основан в Биробиджане еврейский национальный район (население — 38 000 человек, евреев — 2672). Официальная пропаганда делала свое дело, и в книге очерков написали о переселенцах: "Они приехали за десять тысяч километров, из голодных местечек, из бывшей черты их оседлости, которая осталась чертой их нищеты; они одолели традиции поколений и расстояние, и тайгу, и построили себе селение, и живут, и корчуют старые пни, и обрабатывают землю. Слушай это, Израиль! И не-Израиль тоже слушай хорошенько!.."

И. Фефер, из стихотворения на идиш:

Чей шаг? В сибирские леса
Вступила чья нога?
То мы, то наши голоса!
То мы,
То мы,
Тайга!..

Переселение в Биробиджан пропагандировала организация ОЗЕТ; ее отделения были повсюду, даже в Верхнеудинске существовал ОЗЕТ Бурят-Монгольской АССР, выпустивший газету "Озетовец Бурятии". Проводили лотереи в пользу переселенцев, печатали пропагандистские материалы на идиш и русском языке, посылали в Биробиджан делегации рабочих, писателей, журналистов для пропаганды заселения района. Но несмотря на многие усилия, количество переселенцев было незначи-

тельным, и деятели евсекции признавали: "Евреи голосуют за Биробиджан руками, но не ногами..." В 1931 году призвали к переезду солдат-евреев, и после демобилизации поехали в Биробиджан около тысячи человек. Удачным для переселения оказался 1932 год, когда в западных районах страны свирепствовал голод: приехали четырнадцать тысяч евреев, в основном с Украины, однако более шестидесяти процентов из них в том же году уехали обратно. В 1933 году планировали переселить двадцать пять тысяч человек, но приехали лишь три тысячи.

Промышленность и сельское хозяйство Биробиджана развивались слабо из-за недостатка отпускаемых средств и малого количества жителей, которые не могли освоить огромные, труднодоступные территории. Еврейский национальный район не обеспечивал себя продовольствием, а потому хлеб, картофель и другие продукты завозили из других районов. В городе Биробиджане были три мощеные улицы, отсутствовали водопровод и канализация, питьевую воду брали из неглубоких загрязненных колодцев, и жители страдали желудочно-кишечными заболеваниями; две поликлиники обслуживали население города, одна из которых предназначалась для начальства и членов их семей.

Одна из центральных улиц Биробиджана, 1936 год

В мае 1934 года еврейский национальный район преобразовали в Еврейскую автономную область в составе Дальневосточного края. По этому поводу М. Калинин говорил: "Вы спрашиваете, почему организовали Еврейскую автономную область?.. Основная причина, что у нас евреев очень много... это единственная в Союзе ССР национальность, на-

считывающая до трех миллионов населения и не имеющая государственного образования... Биробиджанская еврейская национальность не будет национальностью с чертами местечковых евреев... потому что из нее вырабатываются сейчас социалистические "колонизаторы" свободной, богатой земли с большими кулаками и крепкими зубами".

Первым секретарем обкома партии Биробиджана назначили М. Хавкина, а председателем областного исполкома И. Либерберга. В Биробиджане возникли еврейские сельсоветы; в 1937 году в еврейских школах учились почти две тысячи детей; пытались ввести изучение языка идиш в русских и корейских учебных заведениях, но из этого ничего не получилось. Выходила на идиш газета "Биробиджанер штерн" ("Биробиджанская звезда"), работали Государственный еврейский театр имени Л. Кагановича и областная библиотека имени Шолом-Алейхема. Идиш стал официальным языком наравне с русским, а потому вывески на улицах и железнодорожных станциях, печати и почтовые штемпеля изготавливали на двух языках. Однако языком делопроизводства идиш не стал, хотя и пытались это осуществить: большинство населения Еврейской автономной области не знало этот язык, и даже в еврейских колхозах документы составляли по-русски.

> Из брошюры ОЗЕТа "Биробиджанские зарисовки" (1934 год): "Город Биробиджан насчитывает около шести тысяч душ населения... "Товарищ, что это за большое трехэтажное красное здание?" — "Это наш биробиджанский Дом Советов. Еще не закончен, но там уже разместилось большинство наших учреждений: райпартком, райкомсомол, районный исполком, райнаробраз, райздрав, райснаб"... Дождь... Как видно, дождь зарядил на целый день, но я думаю: "Светит солнце. Над Биробиджаном восходит солнце, наше большое социалистическое солнце, солнце трудовой и свободной жизни..."

В Биробиджан переселялись представители разных национальностей, и к 1935 году количество евреев составило 23%: самый высокий процент еврейского населения за все времена. В 1937 году переселением занялись органы НКВД, предполагая направить туда семнадцать тысяч человек, но приехали лишь три тысячи. КОМЗЕТ и ОЗЕТ были распущены; плановое переселение евреев практически прекратили, чтобы возобновить его на короткий срок после окончания Второй мировой войны. В 1939 году в Еврейской автономной области насчитали 17 695 евреев (16,2% населения), и первый секретарь обкома партии заявил: "Незначительный процент еврейского населения не оправдывает той цели, которая была поставлена при создании автономной области".

7

Переселение евреев на землю было воспринято во всем мире как вызов сионистскому движению, которое желало заселить Эрец Исраэль.

Большевики-евреи противопоставляли свою работу деятельности сионистов, и заместитель председателя КОМЗЕТа А. Мережин провозглашал: "Мы думаем, что переход к земледелию — лучший способ истребить сионизм... За три года планомерной работы в области сельского хозяйства... мы имеем успех, превышающий почти в пять раз результаты усилий сорокапятилетней работы в Палестине". Коммунисты подчеркивали разницу между заселением Биробиджана и Палестины и утверждали, что переселение на Дальний Восток заменит сионистскую идею: вместо того, чтобы строить национальный дом на берегах Иордана, евреи построят его на берегах Амура. М. Калинин говорил: "Сионисты ведут кампанию против советской власти, сманивая еврейскую бедноту в Палестину, где они попадают в невероятную кабалу английского и еврейского капитала... Советская власть не может терпеть того, что из ее страны бежит не богач, не враг трудового народа, а обманутый еврейским капитализмом еврейский бедняк".

> Из брошюры ОЗЕТа "Биробиджан и Палестина" (1930 год): "Сионисты надеялись, что земельные массивы на Украине, в Белоруссии и в Крыму быстро иссякнут, и тогда они вновь смогут обманывать весь мир своей Палестиной. И вдруг — все надежды лопнули, как мыльный пузырь... Конкурировать с Биробиджаном Палестине не под силу..."
>
> Еврей-коммунист из Германии (1930 год, после посещения СССР): "У Биробиджана большие перспективы. Евреи смогут наслаждаться там полной свободой... В Биробиджане нет арабской проблемы!"

Агро-Джойнт не принимал участия в биробиджанском проекте, вкладывая средства в развитие еврейских поселений в Крыму, Белоруссии и на Украине. Помогал Американский комитет по поселению евреев в Биробиджане (АМБИДЖАН), собирали пожертвования еврейские организации в странах Америки и Европы, в Латвии было создано Общество содействия еврейской колонизации в СССР (ОСЕК). Американская благотворительная организация ИКОР безвозмездно привозила в Биробиджан тракторы, экскаваторы и автомобили, техническое оборудование, сельскохозяйственный инвентарь, разборные деревянные дома, медикаменты, типографии и электрические прачечные, породистых кур для птицеводческих хозяйств, сотни видов растений для опытных посадок; прислали в подарок даже коллекцию картин американских художников-евреев для местного музея, но картины в Биробиджан не попали, и следы их затерялись.

Заселение огромного района на Дальнем Востоке вызвало большой

интерес у евреев всего мира. На митинге в Нью-Йорке один из выступавших заявил: “Я благодарю судьбу за счастье жить в тот великий час, когда советское правительство официально объявило Биробиджан Еврейской автономной областью...” В Биробиджан приезжали делегации и

Самолет с еврейским экипажем. Биробиджан, 1930-е годы

эксперты; около двухсот евреев-коммунистов из Германии отправились туда в поисках лучшего будущего, сотни евреев из США, Аргентины и Уругвая, Канады, Франции, Бельгии и Польши, Латвии и Литвы, а также несколько десятков из Палестины. Из воспоминаний иностранных переселенцев: “При компартии США организовали группу переселенцев. Я мечтал о Советском Союзе... и в 1932 году приехал в Биробиджан...” — “В самом начале тридцатых годов было очень трудно найти работу, поскольку Америка переживала период депрессии... Тридцать три семьи из Лос-Анджелеса, разбившись на три группы, отправились в далекий Биробиджан...”

Первая международная коммуна в Биробиджане получила название “Икор-Соцгородок”: в ее состав вошла молодежь — выпускники еврейской сельскохозяйственной школы в Белоруссии, а также десятки евреев из разных стран. Из США прислали туда электростанцию, трактор, экскаватор, грузовики и бетономешалки, полное оборудование деревообделочной мастерской; об этой коммуне писали в еврейских газетах всего мира, а ее население предполагали довести до пяти тысяч человек.

Иностранные переселенцы намеревались построить в Биробиджане еврейский национальный дом, однако условия жизни оказались чрезвычайно тяжелыми — жизнь в бараках, очереди в магазинах и столовых, работа не по специальности, тиф, оспа и воспаление легких. "Жили в очень примитивных условиях, — свидетельствовал один из них, — сначала в жару с угнетающими комарами, а затем в свирепый, пронизывающий зимний холод. Мой отец заболел сразу несколькими серьезными болезнями... После долгих и трудных мытарств нашей семье позволили выехать из Советского Союза..." Большинство иностранцев покинуло СССР, а образцовая коммуна "Икор-Соцгородок" объединилась с украинским колхозом и потеряла свое название.

С 1935 года разрешили переселяться в Биробиджан лишь тем евреям, которые принимали советское гражданство "до въезда в СССР" и обязаны были "не менее трех лет работать в пределах Еврейской автономной области", — это охладило многих. Одиночные переселенцы из других стран приезжали еще пару лет; ехали и туристы, чтобы предварительно выяснить условия жизни в Еврейской автономной области. В конце 1937 года в газете "Правда" написали: "Пусть весь мир видит, как надо решать еврейский вопрос, и решать его будут только по-большевистски, по-сталински". Наступило время "большого террора", и Биробиджан не избежал общей участи...

Из украинских газет в эмиграции (1926 год): "У украинского народа мало земли. Из Подольской, Киевской, Харьковской губерний украинские крестьяне отправляются на край света — в Сибирь, в Ташкент, лишь бы получить клочок земли... А в то же самое время власти Украины раздают жидам огромные территории урожайной земли, разрывая тело украинского народа, свозя жидов со всех сторон и устраивая для них государство..." — "Жиды не хотят идти в Сибирь, а потому московские большевики посадили их на самые урожайные украинские земли возле Черного моря..."

У партийных деятелей Украины возражения были иного рода: "Специально собирать евреев в одно место — это не логично, это пахнет сионизмом..."

В.Маяковский, из стихотворения:

Еврея не видел?
В Крым! К нему!
Камни обшарпай ногами!
Трудом упорным

Из брошюры "ОЗЕТработа среди детей" (1930 год): "Могут ли дети и пионерские организации... остаться в стороне и не принимать участия в работе ОЗЕТа? Нет, не могут..." Авторы брошюры рекомендовали детям распространять лотерейные билеты ОЗЕТа, изготавливать и вывешивать плакаты "Царизм гнал евреев к торговле, Октябрь ставит их к трактору и земле!", устраивать лекции на тему: "Почему царская власть угнетала евреев и чего она этим добилась?" В брошюре сказано среди прочего: "Ячейка "Друзей ОЗЕТа" устанавливает ящики во дворах и коридорах, вывешивает плакаты: "Зола подымает урожайность! Сыпьте золу в ящики! Отдадим золу на поля еврейских колонистов!.."

КОМЗЕТ закрыли в мае 1938 года во время "большого террора". Через неделю после этого ликвидировали и ОЗЕТ; по оценке партийной комиссии, эта организация оказалась "замечательным притоном для всяких контрреволюционных бундовских элементов, перебежчиков и шпионов".

Первый председатель ОЗЕТа экономист Ю. Ларин (Лурье) — сын киевского казенного раввина, потомок крупнейшего раввинского авторитета шестнадцатого века Шломо бен Иехиэля Лурия из Люблина. Был одним из создателей Госплана, участвовал в налаживании торговли, промышленности, финансовой системы СССР. Несмотря на болезнь (прогрессирующая атрофия мышц, затрудненность в передвижении), много работал, публиковал статьи по истории партии, экономике, демографии, стал одним из организаторов кампании по переселению евреев в Крым и на юг Украины, а также кампании по борьбе с антисемитизмом. Считал массовое переселение евреев в Биробиджан "весьма маловероятным", обреченным на неудачу, за что его называли "правым оппортунистом — маловером". Поддерживал И. Сталина в борьбе с троцкистами и в проведении насильственной коллективизации. Умер в 1932 году, прах похоронен в Кремлевской стене; его имя носил в Крыму Лариндорфский еврейский национальный район. Дочь Ларина А. Лурье стала женой члена Политбюро Н. Бухарина; после расстрела мужа была репрессирована, провела в лагерях и ссылке многие годы.

Русские отряды впервые появились в Приамурском крае в семнадцатом веке; там жили тогда местные племена, которые занима-

лись земледелием, разводили скот и платили дань китайскому богдыхану. Неоднократные попытки присоединить эту территорию оставались безуспешными; лишь в 1858 году Россия подписала договор с Китаем, и левый берег Амура стал владением Российской империи. Для охраны границы туда решили переселить часть забайкальских казаков; никто не хотел ехать в Приамурье, а потому метали жребий. Тех, кто вытягивал билетик с надписью "в Амур", грузили вместе с семьями и скотом на плоты, сплавляли вниз по Амуру и высаживали посреди тайги, где казаки закладывали станицы. Поселенцы страдали от длительных наводнений, падежа скота, от неисчислимых волков с тиграми, которые не боялись человека, задирали коров и лошадей. Затем в тех краях появились корейцы из Приморья, принявшие православие и основавшие свои деревни. Во время Гражданской войны многие амурские казаки воевали на стороне А. Колчака и после поражения ушли со своими семьями из тех мест. Оставшихся беспощадно уничтожали органы ЧК; казацкие станицы обезлюдели, и их заселили выходцами из Украины и Белоруссии. Кроме переселенцев из европейской части СССР жили в Приамурье корейцы, казахи с китайцами, гольды, тунгусы и якуты, а также малое количество амурских казаков, оставшихся на той земле. "Эти казаки живут богато и широко... — сообщили участники экспедиции, — никогда не видели евреев, но из разговоров с ними стало ясно, что они ничего не имеют против широкого переселения кого бы то ни было, в том числе и евреев, в Биробиджан". Однако в предварительном отчете экспедиции сказано иначе: "Население знает о предстоящем землеустройстве и относится к нему с тревогой и опасением... Местный старожил плохо представляет себе условия существования в плотно заселенной стране и смотрит на предстоящее землеустройство как на бедствие..."

В 1936 году член Политбюро Л. Каганович посетил Биробиджан; накануне его приезда снесли два десятка старых домов на привокзальной площади, улицы города вычистили от грязи. Из брошюры ОЗЕТа: "Верного соратника великого Сталина товарища Кагановича встретили овациями и горячими приветствиями на еврейском, русском и корейском языках: "Да здравствует великий Сталин!", "Да здравствует товарищ Каганович!.." — "С горячей любовью и гордостью мы приветствуем тебя, дорогой Лазарь Моисеевич, на территории Еврейской автономной области, на земле, которая еще недавно была дикой тайгой..." Из журнала ОЗЕТа "Трибуна" (о встрече с Кагановичем): "Я сидела в двенадцатом ряду. В бинокль

я хорошо видела товарища Кагановича. Как нежно он смотрел на нас! "Все, — думала я, — что товарищ Каганович здесь видит и слышит, он передаст ему — дорогому, близкому, любимому, родному Сталину..." — "Товарищ Каганович взглянул на меня своими ласковыми глазами... Внимая каждому его слову, я не переставал думать: вот у кого надо учиться ленинско-сталинскому искусству передавать простым и всем понятным языком глубочайшие мысли и идеи..."

По переписи 1926 года на станции Тихонькая насчитали около девятисот жителей, среди которых не оказалось ни одного еврея. В 1948 году в Еврейской автономной области было тридцать тысяч евреев, самое большое количество за все время ее существования. В последние годы жизни И. Сталина закрыли еврейский театр, арестовали деятелей культуры, прекратили в школах преподавание на идиш, уничтожили в библиотеке десятки тысяч книг на этом языке; на почтовом штемпеле осталась лишь надпись по-русски — "СССР. Биробиджан областной". В 1959 году в ЕАО было 14 269 евреев (8,8% всего населения), в 1970 году — 11 452 (6,6%), в 1989 году — 8887 (4,15%). При переписи 1970 года менее двух тысяч евреев Биробиджана назвали идиш родным языком.

Очерк двенадцатый

Переселение в города.
Евреи на государственной службе.
Антисемитизм в 1920-х годах

1

По окончании Гражданской войны более двух миллионов эмигрантов оказались за пределами России, разбросанные по странам и континентам. Они потеряли свой дом и надежду на возвращение, испытали голод, нужду, ощущение одиночества и ненужности в чуждом им и равнодушном мире, что приводило к психическим заболеваниям, употреблению наркотиков, а порой и к самоубийству. "Кто хотел и мог, тот ушел с петлюровцами, добровольцами и поляками, — отметил историк Н. Полетика. — Кто остался, должен был принять жизнь такой, какой она сложилась к середине 1920 года. А это значило принять советскую действительность и попробовать ужиться с ней, то есть работать на большевиков". Сотни тысяч специалистов оставались на своих местах: инженеры на заводах, врачи в больницах, адвокаты в судах и конторах, ученые в институтах и лабораториях, представители свободных профессий — в издательствах, консерваториях, театрах и киностудиях.

Л. Троцкий, из выступления: "Нельзя, говорят, сидеть на штыках. Но и без штыков нельзя... Вся эта мещанская сволочь, что сейчас не в состоянии встать ни на ту, ни на другую сторону, когда уз-

нает, что наша власть сильна, будет с нами... Мелкобуржуазная масса ищет силы, которой она должна подчиняться. Кто не понимает этого — тот не понимает ничего в мире, еще меньше — в государственном аппарате..."

Одни служили без охоты советской власти, чтобы в голодные годы прокормить семью, и утешали себя надеждами на лучшие времена. Другие подчинялись ненавистному режиму, надеясь улучшить его изнутри, делали постепенно служебную карьеру и забывали о прежних намерениях. Были и такие, что опасались большевиков, которые могли раскопать их дореволюционное прошлое, а потому старались заслужить репутацию честного "попутчика". Появилось немало энтузиастов, воодушевленных грандиозными планами, которые трудились на своих местах и отдавали силы на благо народа. Нашлось и теоретическое оправдание сотрудничеству с советской властью: "Большевизм — явление чисто народное, он погибнет сам, когда народ изживет его; сопротивление бесполезно и задерживает лишь исторический процесс". Вариантов было достаточно; А. Гольденвейзер, киевский адвокат, утверждал в те годы: "Примирился ли кто-либо с большевизмом? Думаю, что искренне и честно едва ли кто с ним примирился. Но многие, не видя и не зная выхода, примирились со своей судьбой и со своим положением обреченных и пассивных жертв большевизма".

С 1918 года Троцкий и его помощники создавали регулярную Красную армию взамен красногвардейских отрядов, привлекая офицеров и генералов царской армии. Это вызывало недовольство красных командиров, не желавших подчиняться командам вчерашних "золотопогонников", однако В. Ленин поддержал Троцкого. Одни из военных специалистов шли добровольно, другие по принуждению; А. Деникин свидетельствовал: "Красная армия строилась исключительно умом и опытом "старых царских генералов"... Периодически на большевистском горизонте вспыхивали довольно яркими звездами самородные таланты, рожденные войной и революцией, но это были лишь редкие исключения, и вся сила, вся организация Красной армии покоилась на старом генералитете и офицерстве".

Во время Гражданской войны были призваны в Красную армию десятки тысяч царских офицеров. Генералы и полковники Д. Надежный, А. Самойло, В. Шорин, А. Снесарев, П. Лебедев, П. Сытин, А. Свечин, В. Гиттис, А. Егоров, С. Харламов и другие командовали фронтами и армиями, возглавляли штабы полков, армий и фронтов, разрабатывали и проводили операции по разгрому армий Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля. Полковник И. Вацетис, командир латышского стрелкового полка, после октябрьского переворота перешел на сторону большевиков,

стал командующим Восточным фронтом, а затем главнокомандующим всеми вооруженными силами. Главкомом был и полковник царской армии С. Каменев. Служили в Красной армии бывший военный министр Временного правительства А. Верховский и "красный адмирал" А. Немитц, командовавший военно-морскими силами страны. Знаменитый генерал А. Брусилов стал председателем особого совещания при главнокомандующем во время войны с Польшей.

Троцкий вспоминал в изгнании: "Я пошел к Ленину в его кремлевский кабинет и поставил ему вопрос: "Вы знаете, сколько у нас в армии царских офицеров?" — "Нет, не знаю", — ответил он, заинтересованный. "Приблизительно?" — "Не знаю". Он категорически отказывался угадывать. "Не менее тридцати тысяч!" Цифра прямо-таки поразила его. "Тридцать тысяч..." — повторял он..." — "В 1918 году 76% всего командного и административного состава Красной армии представляли бывшие офицеры царской армии..."

> Генерал царской армии М. Бонч-Бруевич, начальник Генерального штаба Красной армии: "Скорее инстинктом, чем разумом, я тянулся к большевикам, видя в них единственную силу, способную спасти Россию от развала и полного уничтожения... Все начальники отделов Ставки... решили, считаясь с текущим моментом, работать на своих местах до последней возможности..."

За время длительной войны командиры и комиссары Красной армии отвыкли от какой-либо работы и после демобилизации не стремились вернуться в деревню или на завод, чтобы снова встать у верстака или ходить за плугом. Они привыкли командовать, претендовали на ответственные посты разных уровней и занимали их, не всегда соответствуя этому. В массе своей эти "выдвиженцы" были малограмотными и необразованными — партийная перепись показала, что подавляющее большинство членов партии имело в лучшем случае начальное образование. Для повышения квалификации их посылали на краткосрочные курсы, однако этого было недостаточно, чтобы руководить заводами, банками и учреждениями, давать указания специалистам. Бывшие командиры и комиссары принесли с собой прежние методы командования, распоряжаясь таким образом, будто решали не производственные задачи, а все еще водили в атаку полки и эскадроны. От ощущения полученной власти, от подсознательного понимания собственного невежества они свысока — с "комчванством" — обращались со специалистами, бравируя пролетарским или крестьянским происхождением. Неспособных руководителей сменяли новые "выдвиженцы" с партийным билетом и незапятнанным прошлым; "кто был ничем" стремился как можно скорее

стать "всем", поглядывая с подозрением, а то и с ненавистью на образованного и делового конкурента из "бывших".

Даже у новых правителей страны — бывших профессиональных революционеров — не было ни малейшего опыта управления огромным государством, не было порой и необходимого образования. В. Ленин закончил экстерном юридический факультет Петербургского университета, но адвокатской практикой почти не занимался. И. Сталин учился в духовной семинарии. Л. Каменев прослушал два курса юридического факультета Московского университета. Л. Троцкий, Я. Свердлов, Г. Зиновьев, М. Калинин, В. Молотов, наркомы первого советского правительства А. Рыков, В. Милютин, А. Шляпников, П. Дыбенко, В. Ногин были без специального, а порой и без законченного школьного образования.

> И. Солоневич, адвокат (из книги "Россия в концлагере"): "В 1918 году в германском Киеве мне как-то пришлось "по душам" разговаривать с Мануильским, нынешним генеральным секретарем Коминтерна... Я доказывал Мануильскому, что большевизм обречен, ибо сочувствие масс не на его стороне... "Послушайте, дорогой мой, — усмехнулся он весьма презрительно, — да на какого же нам чёрта сочувствие масс? Нам нужен аппарат власти. И он у нас будет. А сочувствие масс? В конечном счете наплевать нам на сочувствие масс..."

2

Всесоюзная перепись населения 1926 года определила, что на территории Советского Союза находилось более двух с половиной миллионов евреев (2 676 109), что составляло 1,8% населения страны. По сравнению с предыдущей переписью 1897 года еврейское население на территории СССР увеличилось примерно на сто семьдесят тысяч человек. Это было значительно меньше естественного прироста, что объяснялось массовой эмиграцией из Российской империи, многочисленными жертвами погромов Гражданской войны, бегством из страны, повышенной смертностью от болезней и эпидемий, уменьшением рождаемости, а также последствиями голода 1921—1922 годов.

Перемещения еврейского населения начались во время Первой мировой войны, когда беженцы уходили из районов боевых действий или их насильственно изгоняли по приказанию военных властей. Во время Гражданской войны жители городов переселялись в сельские местности, где было легче найти продовольствие, а евреи бежали им навстречу, из местечек в города, в надежде на защиту от поголовного истребления. Го-

лод 1921—1922 годов вызвал к жизни новую волну беженцев, которые уходили из районов, пораженных бедствием. Но и затем перемещение еврейского населения не прекратилось; оно шло из сельских районов в города, из малых населенных пунктов в промышленные центры, где легче было устроиться на работу. Лишенцы и их дети покидали родные края, бросали дома, нажитое имущество, могилы родных, чтобы затеряться в большом городе, скрыть социальное происхождение, найти применение своему ремеслу, поступить в учебное заведение и получить специальность. Новая экономическая политика возродила частную инициативу, что также способствовало переселению в города наиболее активной части населения. Уже не существовала черта оседлости, ограничивавшая перемещение: сотни тысяч евреев в поисках заработка покинули городки и местечки и переехали в крупные города Украины, Белоруссии и России.

Ц. Прейгерзон, писатель: "Вначале в большой мир из местечек потянулась молодежь. Легионы комсомольцев с горящими глазами разлетелись по необъятным просторам СССР, вливаясь в ряды его строителей. Вслед за ними двинулись старики, и вот тогда-то, вконец опустев, местечки покрылись пылью забвения. Разъехались все, кто куда, а за ними поплыл по течению и я... Налетал ветер, в который раз равнодушно перелистывая книгу истории нашего народа. Большие города встречали нас настороженно..."

Еврейские юноши уходят из местечка в город

По окончании Гражданской войны восстановилось транспортное сообщение с Украиной и Белоруссией, и десятки тысяч евреев переехали оттуда в Москву. Перепись 1926 года насчитала в столице 131 244 еврея — 6,5% населения города, и эта цифра продолжала увеличиваться: к 1933 году в Москве было уже более двухсот тысяч евреев, к 1939 году — двести пятьдесят тысяч. Приезжие селились в центре города — на Солянке, Маросейке, Арбате и Большой Никитской, жили также на Соколе, в Марьиной Роще, Черкизове, заселяли окраины — Давыдково, Останкино, Коптево, Петровско-Разумовское; освоившись на новом месте, вызывали родных и знакомых, помогали найти жилье и устроиться на работу. Из воспоминаний москвича-еврея: "Жизнь новоприбывших была на первых порах очень нелегкой. У большинства не было ни средств к существованию, ни специальности, негде было жить. С огромными трудностями снимали жилье, ютясь в чуланах, кладовках, кухнях, коридорах и проходных комнатах, — лишь бы переночевать". Прописка населения, введенная властями, затруднила поселение в Москве, и многие обосновались неподалеку от столицы. В подмосковных поселках Малаховка и Перловская евреи составляли до двадцати процентов населения, жили они и в Томилино, Красково, Лосиноостровской, Салтыковке, снимали под жилье дачи, избы, всевозможные пристройки, отправлялись по утрам на работу в Москву, а к вечеру возвращались обратно.

Значительно увеличилось еврейское население Ленинграда, Киева, Минска, Харькова, Одессы. Украинские евреи уходили из густонаселенных районов Волыни, Подолии, Киевщины в крупные индустриальные центры; по сравнению с концом девятнадцатого века численность евреев в Киеве возросла более чем в четыре раза, а евреев Харькова, тогдашней столицы Украины — в семь раз. В небольших городах бывшей черты оседлости появились деревообделочные, металлообрабатывающие, мебельные, кирпичные, обувные фабрики и заводы, которые притягивали к себе евреев окрестных местечек: так было в Бобруйске, Виннице, Летичеве, Томашове, Славуте, Полонном, Дунаевцах. Переселялись не только евреи, но и украинцы с белорусами, а потому некоторые местечки утратили до половины, а кое-где до восьмидесяти процентов населения.

> Ю. Ларин, экономист: "За первые почти двенадцать лет революции (1917—1928 гг.) расселилось около миллиона евреев. Очевидно за предстоящие десять лет (1929—1938 гг.) вполне сможет расселиться еще около шестисот тысяч человек. Только тогда... исчезнет та чрезмерная теснота в городах западной полосы СССР, какая там имеется..."

3

После победы большевиков сотни тысяч специалистов оказались в эмиграции — врачи, инженеры, учителя, юристы и агрономы, бывшие чиновники, управляющие торговыми, промышленными и финансовыми предприятиями, лица свободных профессий; среди них было немало евреев. Многие специалисты, оставшиеся в России, ушли во "внутреннюю эмиграцию"; они были враждебны советской власти, тайно или явно саботировали ее, и большевики им не доверяли. В самый короткий срок требовалось найти замену, чтобы не прекратилось управление огромной страной; нужны были новые люди с "незапятнанным" прошлым, которым можно было доверить руководящие должности.

Переселившись в города, евреи стали заниматься ремеслами, открывали мелкие предприятия и магазины во времена НЭПа, но большинство новоприбывших пополнило собой ряды безработных, которые исчислялись сотнями тысяч. Чтобы не умереть с голода, искали любые работы — на железной дороге, на стройках, фабриках и заводах, в государственных учреждениях. В то время руководители страны выступали против дискриминации национальных меньшинств, да и еврейское происхождение способствовало поступлению на работу: большевики прекрасно понимали, что погромы времен Гражданской войны сделали евреев сторонниками советской власти. А потому в создавшихся условиях, при огромной нехватке служащих, стали брать на работу евреев — энергичных, деловитых, грамотных (в 1926 году процент грамотности населения Советского Союза составлял 40%, у евреев — 71,8%; к 1930 году в стране было около 30% неграмотных). Так евреи оказались на государственной службе и совместно с представителями других национальностей должны были демонстрировать усердие и лояльность, чтобы не лишиться заработка, не попасть в число уволенных или репрессированных.

Отношение евреев к большевикам не было однозначным. Одни из них проклинали новый режим, который лишил их свободы, провозглашенной Февральской революцией, разорил сотни тысяч мелких частников, ликвидировал общинные и благотворительные организаций, помогавшие в трудные минуты жизни. Но значительная часть евреев поддерживала советскую власть, так как она давала возможность получить образование и работу по специальности, заслужить почет и уважение в обществе. Евреи были среди тех, кто руководил страной. Их портреты висели повсюду, и о них слагали песни. Особенно выделялся Троцкий — "Арье бен Давид" (Лев сын Давида), популярность которого не знала границ. Это подтверждало для многих правильность выбранного пути; работа на советской службе позволяла впервые без ограничений проявить знания и способности, занять достойное место

в том обществе, которое еще недавно выталкивало евреев из своей среды. Появилась уверенность, что они необходимы, ими не пренебрегают и продвигают по служебной лестнице, а потому евреи отдавали свои силы и способности на службе у новых правителей — в учреждениях, банках, на промышленных предприятиях страны, в местных партийных организациях.

> В. Жаботинский (из газеты "Рассвет"): "Возьмите... телефонную книжку и посмотрите, сколько в ней Певзнеров, Левиных, Рабиновичей и прочих, как говорят советские антисемиты, гишпанских фамилий. Телефон — это свидетельство: или достатка, или хорошего служебного положения. Списки служащих наркоминдела, внешторга, ВСНХ, управлений трестов пестрят еврейскими фамилиями. Конечно, евреи переполнили также и Соловецкие острова, сибирскую и другие ссылки и дома заключения, но этого население не видит. Как не видит оно вымирающих ремесленников — евреев белорусских и украинских местечек... Москвич понятия даже не имеет о том, что еврею вообще живется так же плохо, как и всем остальным..."

4

В первые месяцы своего правления большевики не придавали особого значения антисемитским настроениям в обществе, недооценивали их глубину и разрушительную силу. Новые правители России считали проявления национальной розни "наследием проклятого прошлого", результатом предрассудков и "невежества широких масс", которые отбросят антисемитизм с исчезновением эксплуатации человека человеком и обратятся в сознательных граждан социалистического государства. Всю вину за национальные конфликты приписывали происками буржуазии, для которой "антисемитизм — оружие в классовой борьбе", чтобы сокрушить братство народов. Но вскоре многое прояснилось; убийство царской семьи подхлестнуло антисемитские настроения, и большевикам пришлось начать борьбу.

В июле 1918 года Совнарком принял декрет за подписью В. Ленина "О пресечении в корне антисемитского движения": "Всякая травля какой бы то ни было нации недопустима, преступна и позорна... Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона". В марте 1919 года Ленин произнес речь "О погромной травле евреев", записанную на граммофонную пластинку для широкого распространения: "Только совсем темные и забитые люди могут верить лжи и клевете, распространяемой о евреях... Не евреи — враги трудящихся.

Враги рабочих — капиталисты всех стран... Позор тем, кто сеет вражду к евреям, кто сеет ненависть к другим нациям!"

В 1921 году газета "Петроградская правда" сообщала о росте антисемитской агитации по всей стране: "Жиды якобы жестоко мстят русским за свое унижение, опутали самого Ленина... хотят уничтожить христианскую церковь, организованно покровительствуют только своей нации..." Уголовный кодекс РСФСР 1922 года определял тюремное заключение на срок до одного года за "агитацию и пропаганду, возбуждающую национальную рознь и вражду"; в годы войны за этот проступок полагалась смертная казнь.

Ломка старого мира происходила стремительно. Ее трудно было осмыслить и еще труднее примириться с происходящим. Чтобы объяснить крушение привычного порядка и нарождение нового, пугающего и ненавистного, требовалось изобрести причину, некие внешние силы, демонических "носителей зла", намеренно разрушающих прежний мир, — переселение евреев в города предоставило такую возможность. Не стало черты оседлости и процентной нормы в учебных заведениях, наступило время неограниченных, казалось, возможностей; повсюду появились евреи из местечек с их специфической внешностью и одеждой, провинциальными манерами, бурной жестикуляцией, картавой и неправильной речью на русском языке — портные, сапожники и парикмахеры, часовщики и ювелиры, работники торговли, артелей и мастерских. Коренное население прежде почти не видело евреев во внутренних губерниях России, а теперь ежедневно сталкивалось с ними — в коммунальных квартирах, на улице, в трамвае, в школах, институтах и учреждениях.

Евреи Советского Союза стали преимущественно городскими жителями, и это привело к тому, что многие поступили на государственную службу. Их видели в наркоматах и конторах, в бухгалтериях, магазинах, домоуправлениях и заводоуправлениях; еврейские имена встречались повсюду — на митингах, собраниях, в газетах. Оценивая это явление, историк В. Бурцев писал в эмиграции: "Еврейская масса в России не причастна к большевизму и не ответственна за него, как непричастны и неответственны те евреи, кому приходится жить и работать при большевиках, у большевиков, не будучи большевиками, как приходится часто работать с большевиками многим русским, убежденным антибольшевикам..." Однако не всякое объяснение, даже самое разумное и убедительное, способно что-либо доказать или опровергнуть. Прежде не любили еврея — торговца, посредника, банкира, теперь эту нелюбовь перенесли на еврея — советского служащего, чиновника, рядом с кото-

рым не замечали (или не желали замечать) чиновников других национальностей.

> Ю. Ларин (из статей об антисемитизме): "Борьба направлена, таким образом, не против преимуществ, а против равенства, которое осуществлено революцией..." — "Надо прямо говорить: да, мы пускали, пускаем и будем пускать и дальше евреев в Москву так же, как пускаем поляков, немцев и представителей всех других национальностей... ибо мы имеем перенаселенные городки и местечки западной окраины СССР, где нечего делать тамошнему населению..."

Интеллигенцию беспокоила возрастающая конкуренция евреев, их продвижение по службе и появление на тех постах, которые они не могли занимать при царской власти. Приходилось подчиняться тому, кто еще недавно был изгоем, отверженным, запертым в черте оседлости, — это вызывало досаду, неприязнь, плохо скрытые, а то и открытые проявления антисемитизма. Рабочие — чьей диктатурой прикрывались большевики — оставались в подневольном положении, а потому им не нравилось преуспевание евреев, которые, по распространенному мнению, не занимались физическим трудом. Массы крестьян Украины и Белоруссии переселились в города и пополнили ряды безработных, конкурируя с евреями на биржах труда; они принесли с собой прежние взгляды и настроения, сложившиеся во времена Гражданской войны, когда еврейское население было поставлено вне закона и человеческая жизнь ничего не стоила. Верующие люди считали евреев виновниками гонений на церковь: кто же мог поверить, что православный, крещенный при рождении большевик по собственному желанию поднимет руку на святыню народа? Еврей становился служащим, становился порой начальником, проводником непопулярной политики ненавистной власти, — его делали ответственным за все безобразия, которые тогда творились, что подпитывало антисемитизм прежних времен и вызывало к жизни новые его проявления. "Только они выиграли от революции" — популярное мнение тех лет и не менее популярная формула, объединившая прошлое с настоящим: "Чай Высоцкого, сахар Бродского, Россия Троцкого".

Монархист В. Шульгин, эмигрант, отметил в книге "Что нам в них не нравится" (1929 год): "Можно сказать, что евреи на революции выиграли тактически, но проиграли стратегически. Революция принесла евреям равноправие... и огромный подъем антисемитизма... Даже если бы сами евреи молили: "верните нам наши ограничения, лишь бы только антисемитизм был такой, как раньше, не больше..." — то ограниче-

ния не будут возвращены, а антисемитизм будет расти, пока не исчерпает положенной ему меры..."

Из письма, просмотренного цензурой (Ленинград, 1925 год): "На панели публика в кожаных тужурках и серых шинелях, плюющая тебе в лицо семечками, и масса жидов, словно ты в Гомеле, Двинске или Бердичеве, с длинными пейсами и чувствующими себя как дома..."

Из анекдотов того времени: "Что означает — СССР? Сруль, Сруль, Сруль и один Русский, да и тот позади всех..."

5

В годы НЭПа вновь возникла конкуренция в частной торговле и промышленности, появились преуспевающие евреи, что вызвало противодействие нэпманов других национальностей, зависть и вражду нищих и малоимущих. В газетах печатали сообщения из зала суда о взяточниках, растратчиках и жуликах-нэпманах, среди которых встречалось немало подсудимых с еврейскими фамилиями; герои литературных произведений — жадные и беззастенчивые дельцы, "граждане спекулянтского вида", "алчные искатели наживы" часто носили еврейские имена, наделялись специфическими еврейскими чертами, и отрицательный образ нэпмана-еврея устойчиво закрепился в обществе.

Жизнь была нищей, скудной, малорадостной, переполненной ежедневными бытовыми заботами практически для всех слоев населения. В городах не хватало жилья, власти насильно вселяли неимущих в частные дома и квартиры, и бывшие их владельцы — после "уплотнения" — оказывались под одной крышей с рабочими, вчерашними крестьянами, а также с евреями из местечек. Совместное проживание в перенаселенных коммунальных квартирах и общежитиях, многочасовые стояния в очередях за продуктами, поездки в переполненном транспорте могли обратить любую бытовую неурядицу в национальную вражду. В минуты раздражения, злобы или досады, не зная, не видя, не понимая истинных причин происходящего, шептались или вслух говорили о том, что для евреев существуют привилегии при поступлении в институты и на работу, при получении продуктов и жилья: "Мы здесь в своем городе, а к нам приезжают и стесняют нас". Из дома, со двора, с улицы антисемитизм проникал в учебные заведения, и отовсюду сообщали: "В самарской школе ученики преследуют еврейскую ученицу Бурштину. Они устроили на нее нападение, избили ее, поломали скамейку..." — "В пионерском доме отдыха под Минском часть детей, антисемитски настроенных, нападает на еврейских детей, ругает их безобразными словечками..." — "Я почти ни-

когда не слышу в классе своей настоящей фамилии. Меня зовут Абрам, Абрамка, Нация и так далее...” — “Учащиеся одной из московских школ взяли на себя социалистическое обязательство об уменьшении антисемитизма среди школьников на десять процентов...”

Горских евреев Дагестана обвиняли в употреблении мусульманской крови; ритуальные наветы возникали на Кавказе — в Дербенте, Тбилиси, Ахалцихе, а также в Бухаре и других местах Средней Азии. Когда начали переселять евреев на пустующие участки, заговорили о том, что им достаются “лучшие земли”; появилось даже популярное присловье: “Русских в Нарым, а евреев в Крым”. На собраниях поступали из зала записки: “Почему жидов поселили в Крыму, а не в Якутской губернии?” — и докладчикам приходилось разъяснять, что евреям выделили лишь небольшую часть земельного фонда, их размещают не на побережье Черного моря, где расположены курорты, а в центре полуострова, на засушливых солончаковых землях, которые никогда прежде не использовались и требуют обводнения. Деятель КОМЗЕТа А. Мережин докладывал в 1927 году: “По отношению ко всей посевной площади СССР переданные евреям земли составляют меньше половины одного процента... Сто восемь тысяч десятин, переданных в пользование евреев в Крыму, составляют четыре процента всей территории Крыма... Бессовестны и лживы юдофобские утверждения, будто евреям отдали чуть ли не все земли Украины, или Крыма, или даже СССР”.

> Из письма комсомольца В. Овчинникова М. Калинину: “Крестьяне говорят: наши сыны и братья боролись под Перекопом, десятки тысяч легло там наших братьев... — чем же заслужили евреи такое внимание, которым разрешают селиться в Крыму?..” Из ответа Калинина: “Товарищ Овчинников, я вам задам вопрос: почему... тысячи крестьян самовольно... идут в Сибирь, а заколдованные места Крыма, избранные советской властью для евреев, остаются свободными?.. На эту землю простых поселенцев посадить нельзя; чтобы их посадить, на каждую десятину надо уложить минимум пару сотен рублей (для обводнения); ни у советского правительства, ни у населения, переселяемого в Сибирь, этой суммы нет. Эта сумма может быть собрана только за границей, что евреи и делают...”

Массовый антисемитизм отождествлял евреев с “жидовской” советской властью, мог привести в будущем к нерегулируемым последствиям, а потому И. Сталин заявил на съезде партии: “С этим злом надо бороться, товарищи, со всей беспощадностью”. С 1926 года началась усиленная кампания против антисемитизма. Страницы газет больших и малых городов — Тулы, Читы, Пензы и Самары, Махачкалы и Сухуми, Фрун-

зе и Ташкента — запестрели заголовками: "Антисемитизм — орудие контрреволюции", "Классовый враг в маске", "Проклятое наследие", "Враги ли нам евреи", "Антисемиты распоясались", "И пионерия заразилась"; даже "Пионерская правда" выходила под лозунгом "Антисемитизму объявлена война!" Увольняли с работы за антисемитские высказывания, исключали из партии и профсоюза, присуждали порой к тюремному заключению; в газетах и книгах перечисляли проявления национальной вражды среди рабочих и служащих, беспартийных, коммунистов и комсомольцев.

Борьба с антисемитизмом. Из советских газет, 1926—1927 годы

"Фактов этих, тяжелых и жгучих, очень много... — отметили в брошюре 1929 года. — Антисемитизм проникает во все слои общества, отравляя молодое поколение. Темное царство шевелится..." На фабрике Иваново-Вознесенска рабочие издевались над пятнадцатилетним "жи-

денком" Бейрахом: "били руками, иногда драли ремнем, а потом стали раздевать и прижигать индуктором. Когда же он кричал и плакал, негодяи гоготали и пинали его ногами. В стакан с чаем бросали окурки и требовали, чтобы "жиденок лакал"..." На льнопрядильной фабрике Витебска: "Работница Степанова всеми способами старалась не допускать Циркину к работе: то толкнет ее в бок, то ударит по голове. А когда Циркина пожаловалась мастеру Лиховидову, тот заявил: "Можете делать с жидовкой, что хотите! Все равно скоро конец им будет..." На ткацкой фабрике Шлиссельбурга: молодые рабочие травили рабочего Шульмана, "обливали его кипятком, мазали лицо смолой и тому подобное..." На оружейном заводе в Туле: евреев не принимали на работу, "так как этот завод никогда в своих стенах не терпел евреев..." В университете Воронежа: "Студент Майзель отравился, указав в предсмертной записке и в своем дневнике, что три года его травили и затирали, как еврея..." В московской школе: "Во время перемены был придушен ремнем мальчик-еврей. Мальчику удалось спасти жизнь лишь благодаря тому, что воспитательница не растерялась. Его придушили учащиеся-антисемиты..."

Деятели евсекций выпускали книги и брошюры для борьбы с антисемитизмом, ставили пьесы в театрах и самодеятельных кружках, снимали фильмы на эту тему, посылали делегации рабочих в еврейские сельскохозяйственные поселения, чтобы увидели, в каких тяжелых условиях работают новоселы, и убедились, что евреи — в противоположность антисемитским заявлениям — не ведут "паразитический" образ жизни.

> Журнал "Огонек", из статьи "Антисемитов больше не будет" (1929 год): "В майские дни делегация юных пионеров поехала в еврейские земледельческие колонии... Пионер Сидоров из Зарайска сказал на летучем митинге: "Мы отправляемся не на прогулку, не на экскурсию, а на важное политическое дело. Нам надо видеть жизнь трудящихся евреев, чтобы потом с фактами в руках бороться с антисемитской клеветой..." На еврейские поля в Криворожье уже приезжали и шахтеры Донбасса, и металлисты Днепропетровска... причем подбор групп ведется с таким расчетом, чтобы туда попало побольше колеблющихся, побольше скрытых, а если возможно, то и явных антисемитов..." Статья в "Огоньке" сопровождалась фотографиями еврейских поселений с подписями под ними: "Там, где была пустыня", "Новые люди в старой синагоге", "Приезжая пионерка Корнеева убеждает старого еврея сбросить молитвенную одежду".

Кампания против антисемитизма стала ослабевать с 1930 года. Она могла, возможно, дать положительные результаты в атмосфере терпимости и уважения к человеческой личности, но с первых же дней устано-

вления диктатуры большевики повели беспощадную борьбу на уничтожение "классового врага", "националистов" и "уклонистов", "вредителей" и "двурушников", посягая на убеждения человека и образ его мыслей. При постоянных поисках противника, виновного во всех бедах, была обречена на провал борьба с антисемитизмом, направляемая сверху; самые красноречивые разъяснения, даже подкрепленные цифрами, не могли оказать существенного влияния, когда одновременно с этим шла охота на "чужаков" — противников правящей идеологии. Евреи тоже были "чужаками", хотя и иного рода, "пришельцами", расселившимися на "нашей" земле, которые взялись командовать и переделывать жизнь, — этого евреям не прощали нигде, этого не простили и в Советском Союзе. Конечно, каждый отдельный представитель еврейского народа мог чувствовать себя комфортно в те годы, мог упиваться своими удачами и достижениями соплеменников, не ожидая нежелательных последствий или пренебрегая ими, — потому и написал в Америку некий ленинградский еврей: "Дорогой брат, ты не представляешь жизнь в России... Не нужно было никуда уезжать, еврей теперь имеет все права, как и все граждане. Нет городовых, нет черты оседлости..." Но в те же годы поэт В. Маяковский опубликовал стихотворение с такими словами:

Сегодня шкафом на сердце лежит
Тяжелое слово — "жид"...

Многие века евреи были рассеяны по разным странам, говорили в быту на разных языках, а потому большевики не рассматривали еврейство как отдельную нацию, так как для этого — по марксистской теории — требовались общность территории и языка. И. Сталин, из статьи "Марксизм и национальный вопрос" (1913 год): "О какой общности судьбы и национальной связи может быть речь, например, у грузинских, дагестанских, русских и американских евреев, совершенно оторванных друг от друга, живущих на разных территориях и говорящих на разных языках?.." В. Ленин придерживался того же мнения, считая евреев не нацией, а обособленной кастой — из-за искусственных условий существования, навязанных правителями разных стран. Ленин был последовательным противником антисемитизма и любых форм национальной вражды, однако решительно боролся с сионистской идеей, "совершенно ложной и реакционной по своей сущности", которая провозглашала евреев нацией среди прочих наций. Ленин выступал за добровольную, не навязанную со стороны ассимиляцию, против которой "могут кричать только еврейские реакционные мещане, желающие повернуть назад колесо истории".

В начале двадцатого века среди российских либералов считалось неприличным быть антисемитом и выступать против угнетаемых евреев, загнанных в черту оседлости. Для одних это было глубокое убеждение, а для других — дань моде того времени, когда истинное отношение к евреям было приглушено. Февральская революция, а затем и Гражданская война все изменили. Евреи стали равноправными партнерами в обществе, появились они и на руководящих постах, и либерализм многих не выдержал испытания. Даже в эмиграции продолжался этот вечный спор об отношении к еврейскому народу.

Адвокат Н. Карабчевский, в прошлом защитник на суде М. Бейлиса: "Еврейство вообще склонно быть ржавчиной всякого государства; оно незримо, но неуклонно разоряет его..."

Кадет Ф. Родичев, депутат Думы всех созывов: "Антисемитизм верхов, так же как и низов, имеет одни и те же корни — темноту непонимания, силу темных страстей и зоологических инстинктов, неспособность критического анализа... Национальная вражда, так же как и классовая, ведет к одичанию, к рабству..."

В. Шульгин, монархист: "Хотя мы сами злы, как демоны, и слабы, как дети, но нравятся нам (русским) Сила и Добро. Мы и друг друга ненавидим именно за то, что во всех нас — бессильное зло. Вы (евреи) — уже сильны; научитесь быть добрыми, и вы нам понравитесь..."

М. Горелов, эмигрант, свидетель того времени: "Каждый русский, любящий родину, не потому должен бороться с антисемитизмом, что этот последний опасен для еврейства, а потому, что антисемитизм в первую голову гибелен для России... Эти требования диктуются не комическими "Протоколами сионских мудрецов", а умом и совестью каждого из нас..."

Из сборника "Россия и евреи" (1924 год, составители — евреи-эмигранты): "Русский человек никогда прежде не видел еврея у власти; он не видел его ни губернатором, ни городовым, ни даже почтовым чиновником... Теперь еврей — во всех углах и на всех ступенях власти... А власть эта такова, что, поднимись она из последних глубин ада, она не могла бы быть ни более злобной, ни более бесстыдной. Неудивительно, что русский человек, сравнивая прошлое с настоящим, утверждается в мысли, что нынешняя власть еврейская и потому именно она такая осатанелая..."

Из еврейской газеты "Ахдут" (Рига, 1928 год): "Власть посылает еврейских чиновников отнимать у крестьян хлеб за гроши, ставит еврейских служащих в государственных лавках, и они дерут с крестьян и рабочих за пару сапог в три или четыре раза дороже, нежели до войны. Эксплуатируемый крестьянин не хочет знать, совершается ли это во имя коммунизма или чьих-то личных интересов. Ему плохо, он недоволен и ищет выместить на ком-нибудь свою злобу. А тут подворачивается еврей, инородец, давно ненавидимый, приводящий в исполнение те страшные поручения, которые ведут крестьянина к гибели... Тут никакая агитация в пользу евреев не помогает. Голодный чувствует только свои страдания и обиды, он глух ко всяким агитациям и пропагандам..."

В 1925 году ЦК компартии Белоруссии запретил употреблять в белорусском языке традиционное название "жид", заменив его на "еврей"; всякое применение слова "жид" рассматривалось теперь как оскорбление и проявление антисемитизма. Книги и брошюры против антисемитизма выходили на разных языках в Москве, Ленинграде, в столицах сосных республик и областных центрах. Их выпускали в расчете на массового читателя, а потому они содержали разъяснения, интересовавшие многих: "Правда ли, что среди безработных нет евреев?", "Отчего много евреев в институтах?", "Почему евреи не стоят в очередях?", "Уклоняются ли евреи от воинской повинности?", "Евреи ли правят Советским Союзом?" Вот ответы на некоторые вопросы, подкрепляемые статистическими выкладками: "По имеющимся данным безработица среди еврейских рабочих и служащих гораздо более значительна, чем среди всех рабочих и служащих вообще..." — "В настоящее время в Красной армии имеется на десять процентов больше евреев, чем следовало бы по численности еврейского населения в стране..." — "Всякие разговоры о том, что "у нас жиды у власти" и т. п., совершенно не соответствуют действительности. Кроме того, для всякого сознательного рабочего и трудящегося ясно, что так ставить вопрос может только агент контрреволюции, злостный антисемит..."

Всесоюзная перепись 1926 года насчитала на Украине полтора миллиона евреев (1 574 428) — 5,4% населения УССР и около шестидесяти процентов от общего количества евреев Советского Союза. По мирному договору 1921 года Белоруссия была разделена

между Россией и Польшей, и на ее территории оказалось четыреста тысяч евреев (407 059) — 8,2% населения Белоруссии. В РСФСР было 566 900 евреев — 0,5% населения республики. В Ленинграде — 84 480 евреев (5,0% населения города), в Киеве — 140 256 евреев (27%), в Одессе — 153 194 (36,4%), в Харькове — 81 138 (19%), в Екатеринославе (Днепропетровске) — 62 073 (более 26%), в Бердичеве — 30 812 (55,6%), в Виннице — 21 800 евреев (37.6%). Перепись насчитала в Минске 53 686 евреев (40,8%), в Гомеле — 37 745 (43,7%), в Витебске — 37 013 (37,5%), в Бобруйске — 21 558 (42%). В Сибири было 32 750 евреев, в Азербайджане — 19 000 ашкеназских и 7500 горских евреев, в Грузии — 20 897 грузинских евреев и 9673 ашкеназов. В Крыму оказалось 45 921 еврей (в том числе 6000 крымчаков), что составляло 6,4% населения полуострова, а также 4213 караимов, отрицавших свою принадлежность к еврейскому народу. В Узбекистане было 37 834 еврея (0,7% населения), в Казахстане — около трех с половиной тысяч, в Туркмении — две тысячи, в Армении, Киргизии и Таджикистане — по триста евреев.

В 1926 году рабочие составляли 14,8% еврейского населения (без учета членов семей), служащие — 23,4%, ремесленники — 19%, торговцы — 11,8%, крестьяне — 9,1%, безработные и лица без определенных занятий — 17%. В 1926—1927 учебном году было 15,4% студентов-евреев в высших учебных заведениях страны (в университетах — 12,8% евреев, в медицинских институтах до 30%, в социально-экономических — 26%, в педагогических и технических вузах — по 16%, в художественно-музыкальных — 19% от общего количества учащихся).

С 1928 года в Грузии существовал Всегрузинский еврейский комитет бедноты (Евкомбед) — для подготовки квалифицированных рабочих, ликвидации неграмотности и улучшения условий жизни еврейской бедноты. Активистки Евкомбеда пели со сцены:

Я, еврейка молодая,
Знала много зла,
Раньше бегала босая,
Нищая была.
А теперь я в Евкомбеде
Строю и учусь,
К окончательной победе
Партии стремлюсь...

Евкомбед выпускал газету “Трудящийся еврей” на русском и грузинском языках; к пятилетию создания этой организации было опубликовано в газете приветствие первого секретаря ЦК компартии Грузии: “Вы делаете большое нужное большевистское дело. Лаврентий Берия”. В 1936 году Евкомбед ликвидировали, а его руководителя А. Линецкого расстреляли.

Часть третья

И. Сталин и Л. Троцкий. Коллективизация. Борьба с религией. Евреи в литературе, искусстве, науке

Очерк тринадцатый

Борьба за власть после смерти В. Ленина.
И. Сталин и Л. Троцкий.
Изгнание и убийство Л. Троцкого

1

В апреле 1922 года Г. Зиновьев и Л. Каменев выдвинули И. Сталина на пост генерального секретаря партии большевиков — в то время это была должность, которую считали административной, почти канцелярской, предназначенной для учета и распределения партийных кадров. Однако Сталин умело распорядился появившимися у него возможностями и расставил повсюду своих сторонников, контролировавших положение на всех уровнях власти.

Из "Завещания В. Ленина" членам Политбюро (декабрь 1922 года): "Товарищ Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий... отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела. Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу..." Через несколько дней Ленин добавил в "Завеща-

нии" требование: снять Сталина с поста генерального секретаря партии, потому что "Сталин слишком груб, и этот недостаток... становится нетерпимым в должности генсека..."

Если бы Ленин прожил еще некоторое время, карьера Сталина, возможно, подошла бы к концу, однако очередной приступ болезни помешал этому. Вождь партии большевиков умер 21 января 1924 года, и У. Черчилль написал впоследствии: "Он один мог вывести Россию из трясины... Русские люди остались барахтаться в болоте. Их величайшим несчастьем было его рождение, но их следующим несчастьем была его смерть". Сразу после смерти Ленина начали публиковать в газете "Рабочая Москва" письма трудящихся: "Тело Ленина надо сохранить! Рабочие этого хотят... Пусть он всегда будет с нами..." — "Не зарывайте прах Ильича под землей от миллионов трудящихся... Оставьте его на поверхности земли на Красной площади..." — "Ударишься в оппозицию, пойдешь к телу Ильича и станешь опять на правильный путь..." Ленина уже не было, но оставалась "партийная гвардия", члены партии с дореволюционных времен, которые занимали ключевые посты в государстве. Чтобы пробиться к власти, следовало их потеснить, и после смерти вождя Сталин объявил о "ленинском призыве" в партию "рабочих от станка". Принимали поодиночке и коллективно, участками и целыми цехами — за несколько месяцев вступили в партию около четверти миллиона человек.

В феврале 1917 года у большевиков было 23 600 членов партии, к 1925 году их количество достигло восьмисот тысяч, а к 1930 году, за счет нескольких "ленинских" призывов, превысило полтора миллиона человек. Пропуском в привилегированные слои общества служил теперь партийный билет, а потому многие стремились получить его, чтобы проложить дорогу в жизни. Революция закончилась — подошло время занимать освободившиеся места: партийцы "ленинских призывов" и составили ту бюрократию, тех руководящих работников, которые поддерживали Сталина. Многие из них были без образования; они держались за свои места, за большие оклады с привилегиями и желали в полной мере насладиться благами, которые им предоставили — закрытые распределители продуктов питания, дачи с автомобилями, отдельные квартиры, недостижимые для других, роскошные санатории в царских дворцах на берегу Черного моря. Исключение из партии вело к потере ответственного поста, могло повлечь за собой арест и физическое уничтожение — так возникло новое поколение руководителей, преданных, беспринципных и послушных "выдвиженцев", беспрекословно выполнявших указания своих покровителей — "об исполнении доложить", чтобы удержаться на высокой должности и сохранить привилегии.

Р. Пайпс, американский историк: "Большинство новичков присоединилось к большевикам после их победы и только в поисках личной выгоды, которая в России традиционно сопутствовала государственной службе... (В партию принимали) любого, кто обладает подходящим социальным происхождением и готов выполнять приказы, не задаваясь вопросами и не испытывая угрызений совести..."

> В. Шульгин, монархист: "Вернулось неравенство... Жизнь восторжествовала. И как в природе нет двух травинок одинаковых, так и здесь бесконечная цепь от бедных до богатых... Коммунизм же был эпизодом. Коммунизм ("грабь награбленное" и все прочее такое) был тот рычаг, которым новые властители сбросили старых. Затем коммунизм сдали в музей (музей революции), а жизнь входит в старое русло при новых властителях. Вот и все..."

После смерти Ленина усилиями журналистов, писателей, партийных деятелей начал складываться образ мудрого и непогрешимого вождя народов. Его мавзолей на Красной площади стал местом поклонения, ему воздвигали по всей стране десятки тысяч памятников всевозможных размеров — из бронзы, гранита, мрамора, чугуна и гипса; не случайно написали в Москву из глубин России: "Разве нет новой советской религии? Есть, и мощи есть, существует новое идолопоклонство... Для чего существуют памятники, как не для поклонения?.." А затем те же самые, быть может, журналисты, писатели и пропагандисты начали лепить образ верного последователя Ленина, несгибаемого большевика Иосифа Виссарионовича Сталина. Не сразу и не за один год складывался облик мудрого вождя, ведущего народы Советского Союза к коммунизму. На съезде партии в 1927 году рабочие сахарного завода торжественно вручили подарки президиуму съезда — "бюст дорогого вождя Владимира Ильича Ленина из одиннадцати пудов сахара" и "вылитый из сахара барельеф-портрет нашего железного, непоколебимого генерального секретаря товарища Сталина".

2

Тесное сотрудничество В. Ленина и Л. Троцкого началось с октябрьских дней 1917 года, и Троцкий вспоминал впоследствии: "У нас бывали с Лениным острые столкновения, ибо в тех случаях, когда я расходился с ним по серьезному вопросу, я вёл борьбу до конца... Но стократно более многочисленны те случаи, когда мы с Лениным понимали друг друга с полуслова, причем наша солидарность обеспечивала прохождение вопроса в Политбюро без трений. Эту солидарность Ленин очень ценил".

Троцкий был неотделим от Ленина — для друзей советской власти и для ее врагов; его популярность была огромной, сравнявшись с популярностью "Ильича", ненависть к нему не знала границ. Осенью 1922 года Ленин вернулся к работе после продолжительной болезни и обнаружил, что "триумвират" Зиновьев—Каменев—Сталин фактически стал фракцией в партии и постепенно отстранял Троцкого от власти. Каменев посоветовал Ленину "выкинуть Троцкого за борт", но глава партии и правительства с возмущением ответил: "Если вы не считаете меня оглупевшим до безнадежности, то как вы можете это думать!.." Ленин предложил назначить Троцкого первым заместителем председателя Совнаркома, чтобы заменил его при возможном обострении болезни, но Троцкий отказался занять этот пост — "чтобы не подать нашим врагам повода утверждать, что страной правит еврей".

"Изба-читальня". Из рисунков, присланных на конкурс в "Крестьянскую газету" (на стене портреты В. Ленина, Л. Троцкого, М. Калинина)

За четыре дня прощания перед гробом Ленина прошло полмиллиона человек; артисты еврейского театра "Габима" шли в похоронной процессии со знаменем, на котором было начертано на иврите: "Ты освободил угнетенные народы! Твое имя никогда не забудется!" Троцкий в это время находился на Кавказе, где проходил курс лечения; он собирался срочно вернуться в Москву, но Сталин телеграфировал ему: "Похороны состоятся в субботу, не успеете прибыть вовремя". На са-

мом деле Ленина хоронили в воскресенье, а потому с клятвой от имени партии выступал Сталин: "Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам..." Отсутствие Троцкого на похоронах отметили многие, сочли это неуважением к памяти вождя пролетариата и сделали соответствующие выводы.

После смерти Ленина соперничество в партии усилилось, обострилась борьба за власть между сторонниками Сталина и Троцкого, а вместе с ней и споры о путях развития: что делать дальше? Захватив власть в аграрной стране, большевики сначала не верили, что смогут ее удержать без поддержки мирового пролетариата. Очень надеялись на революцию в Германии, откуда она должна была распространиться по всему миру, а потому Ленин говорил в марте 1918 года: "Абсолютная истина, что без немецкой революции мы погибнем. Погибнем может быть не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке или других далеких местах, куда нам придется отступать". Через год он призывал венгерских коммунистов: "Каждый месяц приближает мировую пролетарскую революцию. Будьте тверды! Победа будет за нами!.." Лидер большевиков надеялся и на "пробуждающийся Восток" с сотнями миллионов народов Азии, "вот-вот готовых к выступлению". Идея мировой революции и построения всемирного коммунистического общества была неоспоримой догмой большевиков в первые годы советской власти; манифест Коминтерна признавал Россию частью "федерации советских республик во всем мире", и Ленин провозглашал: "Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути".

> Г. Уэллс, английский писатель (из книги "Россия во мгле"): "Мне постоянно задавали в России вопрос: "Когда произойдет социальная революция в Англии?" Меня спрашивали об этом Ленин, руководитель Северной коммуны Зиновьев и многие другие... После трех лет ожидания они все еще упрямо верят в это... Рабочее движение Запада получает частые нагоняи из Москвы за то, что ведет себя не так, как предсказал Маркс. Ему следует быть красным, а оно — только желтое..." Ленин спросил Уэллса во время их встречи: "Почему вы не уничтожаете капитализм и не создаете коммунистическое государство?.."

Троцкий и его сторонники выступали за мировую революцию; они подготавливали ее с помощью Коминтерна, однако время шло, надежды не оправдывались, и большевики-прагматики во главе со Сталиным начали склоняться к строительству социализма в "одной отдельно взятой" стране, в условиях "капиталистического окружения". Троцкий называл это проявлением "национальной ограниченности" и обвинял Ста-

Плакат на русском и арабском языках для народов Азии

лина в измене мировому пролетариату: "Русская Советская республика есть для нас только точка отправления для европейской и мировой революции".

Борьба за власть разгоралась. Опытные партийные деятели оперировали понятиями — "центризм", "левизна", "правый уклон" и "политический зигзаг", а неискушенным гражданам оставалось лишь теряться в догадках, не понимая, что же происходит на самом деле. Очевидец подтверждал это: "В иные дни, читая один и тот же газетный лист, я по нескольку раз менял суждения... либо вовсе недоумевал, в чем же сущность спора? Все вроде хотят одного и того же, все за советскую власть, за рабочих, против кулаков, против буржуев, против бюрократов. Чего же они там не поделили?.." В стране началась паника, заговорили о том, будто собираются отобрать все сбережения, и толпы напуганных людей штурмовали сберегательные кассы. От одного к другому поползли многочисленные слухи, которые фиксировали в своих отчетах органы ОГПУ: "Троцкий ранен Зиновьевым на одном из партийных заседаний..." — "Троцкий не болен, а ранен в живот Калининым и больше к работе не вернется..." — "Говорят о еврейском погроме в Москве, а Ленин жив и уехал за границу вместе с Троцким..." — "Ленина отравили, стараются изжить Калинина, и власть станет жидовская..." — "Хоть бы Бог дал, чтобы вместо Ленина был не еврей..."

Портреты Троцкого еще висели повсюду рядом с портретами Ленина; его именем были названы улицы, фабрики и города; некий его сторонник предлагал "переименовать Киев в город Троцкиев", однако в газетах уже печатали решения первичных партийных организаций: "решительно протестуем против антибольшевистского выступления Троцкого...", "не останавливаться перед применением строжайшей меры партийного взыскания...", "пусть лучше уходит из нашей партии..."

> Из свидетельства современника: "Тот, кто не слышал Троцкого в Петрограде во время наступления Юденича, когда одной силой своего красноречия Троцкий заставил женщин подтаскивать боеприпасы своим мужьям-рабочим, защищавшим город; кто не слышал речей Троцкого в волжских городах во время битвы с Колчаком; кто не был свидетелем его борьбы против Деникина; кто, наконец, не вобрал в себя хотя бы части яда и враждебности, отовсюду сочившихся в адрес этого "жидка", — тот никогда не поймет превратностей судьбы этого человека, его взлетов и падений..."

Жена Троцкого вспоминала: "Он сильно похудел и побледнел. В нашей семье мы избегали разговоров на тему о травле, но ни о чем другом тоже не могли говорить..."

3

В 1918 году Сталин еще упоминал об огромных заслугах Троцкого в революционных завоеваниях, но впоследствии он называл своего противника "красивой ненужностью", "комедиантом", цирковым "чемпионом с фальшивыми мускулами". Сталин и его сторонники всячески преуменьшали роль Троцкого в подготовке октябрьского переворота и в Гражданской войне, отмечали его авантюризм, "поверхностность и легкомысленность", разоблачали "маловера и капитулянта" Троцкого, не верившего в построение социализма в "одной отдельно взятой" стране. К противоборству двух лидеров примешивались и личные неприязненные отношения: по оценке Троцкого, Сталин отличался "психологической грубостью и особым цинизмом провинциала... При огромной и завистливой абициозности... он не мог не чувствовать на каждом шагу своей интеллектуальной и моральной второсортности".

В начале 1925 года Троцкого сняли с постов наркома по военным делам и председателя Реввоенсовета. Вытеснив противника с руководящих постов, Сталин не пожелал делить власть со своими попутчиками — Зиновьевым и Каменевым, да и те уже понимали, что их союзник неуклонно двигался к личной диктатуре. "Мы против того, чтобы делать "во-

ждя"... — заявил Каменев на съезде партии. — Лично я считаю, что наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб". Зиновьев и Каменев сблизились с Троцким, создали объединенную "левую оппозицию", чтобы устранить Сталина от власти, заговорили о невозможности окончательной победы социализма в одной стране, а в ответ на это началась кампания против их "пораженческих настроений". Сталин предлагал В. Молотову: надо "набить морду Троцкому и Грише с Каменевым" и превратить их в "отщепенцев".

В октябре 1926 года Троцкого вывели из состава Политбюро; его ругали во всех газетах, на собраниях и митингах старательно развенчивали героя революции. Троцкий писал статьи в разъяснение своей позиции, но их нигде не печатали; ему даже не разрешали выступать перед рабочими на заводах, — "борьбу на истощение", отметил Троцкий, Сталин заменил "борьбой на истребление". Сторонников Троцкого, студентов и преподавателей, начали изгонять из высших учебных заведений, и по стране прошла волна самоубийств; оппозиционеров исключали из партии, увольняли с работы, ссылали в Сибирь и Среднюю Азию. Некоторые недавно образованные имена стали опасными для их обладателей, а потому их спешно меняли на более нейтральные — к примеру, имя Лентрозина, что означало Ленин—Троцкий—Зиновьев. Меняли и распространенную до этого фамилию Троцкий — чаще всего на Троицкий.

Но Троцкий не прекращал борьбу: "В разных концах Москвы и Ленинграда происходили тайные собрания рабочих, работниц, студентов... чтобы выслушать одного из представителей оппозиции. В течение дня я посещал два-три, иногда четыре таких собрания. Они происходили обычно на рабочих квартирах. Две маленькие комнаты бывали битком набиты, оратор стоял в дверях посредине. Иногда все сидели на полу, чаще, за недостатком места, приходилось беседовать стоя..."

В сентябре 1927 года руководители зарубежных коммунистических партий единогласно исключили Троцкого из Исполкома Коминтерна. На заседании Исполкома с ним обращались грубо, оскорбительно; член Политбюро Н. Бухарин сказал: "Если мы посмотрим на речь Троцкого, то она есть платформа дикой лжи и клеветы против нашей партии и Коминтерна. Нужно спросить Троцкого, почему он сейчас не стоит, как солдат — руки по швам — перед партией?.. Если вы не опомнитесь вовремя, вас неизбежно ждет политическая смерть..." (Через год после этого Бухарин попытался сблизиться с Зиновьевым и Каменевым, сожалея о разгроме оппозиции и называя Сталина "Чингисханом, интриганом самого худ-

шего пошиба"; еще через год Бухарина — "застрельщика и руководителя правых уклонистов" — вывели из состава Политбюро, а в 1938 году расстреляли.)

В октябре 1927 года пленум ЦК партии обсуждал оппозиционную деятельность Троцкого. Во время его выступления присутствовавшие кидали в него стаканы, книги и прочие предметы, оказавшиеся под рукой, ему кричали — "лжец", "болтун", "предатель", "шпана ты этакая", "ступай прочь из партии!" Троцкий с трудом закончил речь, сказав среди прочего: "Фашистские свистуны, работа кулаками, швыряние книгами или камнями, тюремная решетка — вот пока на чем временно остановился сталинский курс, прежде чем двинуться дальше". Сталин заявил в ответ под бурные аплодисменты: "Да, мы арестовываем и будем арестовывать, если они не перестанут подкапываться под партию и советскую власть". Троцкого вывели из состава Центрального комитета, и он пошел к выходу мимо кричащих, оскорбляющих, ненавидящих его бывших соратников. "Отторгнуть меня от истории они не в состоянии", — сказал он.

7 ноября 1927 года страна отмечала десятилетие Октября. Сторонники Троцкого в Москве и Ленинграде вышли на демонстрации отдельными колоннами с портретами Ленина, Троцкого, Зиновьева, но их разогнала милиция и сотрудники ГПУ. Троцкий проехал по улицам, приветствуя демонстрантов, — автомобиль закидали камнями и разбили стекло, из толпы кричали: "Долой еврея-предателя Троцкого!" Через несколько дней после этого его исключили из партии большевиков, и он написал заявление: "Сим извещаю, что в связи с состоявшимся обо мне решением я вчера, 14 ноября, выселился из... квартиры в Кремле". 17 ноября застрелился друг и соратник Троцкого А. Иоффе; его смерть восприняли как знак протеста против нарождавшейся диктатуры, и на похоронах Троцкий сказал: "Борьба продолжается. Каждый остается на своем посту. Никто не уйдет". Это было его последнее публичное выступление в Советском Союзе.

Борьба лидеров партии интересовала всю страну, однако не каждый разбирался в тонкостях закулисной политики; теоретические споры были непонятны непосвященным, и сельский корреспондент с Украины спрашивал в письме: "Кто из здравомыслящих людей в состоянии понять это словесное скопление, этот словесный бред о капитализме, империализме, социализме и т.п.? Кого может убедить это беспочвенное многословие? Решительно никого, потому что... у нас у самих все это имеется с избытком: и капитализм, и империализм, и монархизм, и бюрократизм, все имеется, кроме... социализма, который только славословится..."

Из анонимного письма (1927 год): "Товарищ Сталин, кричу вам об этом из глубины партии: Троцкого рабочие любят больше, чем вас... Троцкий борец, он сила и честный член партии, с Зиновьевым мы его сравнить не можем. При таком гнилом ленинизме, занятом вами, мы скоро свалимся..."

Из письма крестьянина А. Милошевского (Белоруссия, 1927 год): "В течение десятка-другого лет верили Зиновьеву, Троцкому, Каменеву. Вдруг оказывается, что они плохие люди. У них все ошибки и ошибки... Кто даст гарантию, что кто-нибудь другой не скажет завтра, что у товарищей Сталина и Бухарина много ошибок, не станет выкапывать их старые грехи да судить за них?.."

Участники "левой оппозиции" Зиновьев и Каменев повторили путь Троцкого: их вывели из состава Политбюро, затем из ЦК и исключили из партии. Обеспокоенные разгромом оппозиции, они предлагали Троцкому: "Пришло время, когда мы должны иметь мужество сдаться". Вскоре они покаялись, получили назад партийные билеты, но теперь уже бывшим оппозиционерам пришлось разоблачать троцкизм и прославлять Сталина, что не уберегло их от расстрела.

4

Каждому в партии было известно, что еще в эмиграции, во время теоретических споров, Троцкий называл Ленина "демагогом", "злобным человеком", "дезорганизатором партии"; он предупреждал, что "мелочная и отталкивающая подозрительность Ленина" сменит диктатуру пролетарита на диктатуру над пролетариатом, приведет к террору, и "львиная голова Маркса первой падёт под ножом гильотины". Ленин, в свою очередь, не стеснялся в выражениях и назвал своего оппонента "Иудушка Троцкий", использовав прозвище литературного героя М. Салтыкова-Щедрина — Иудушка, которое напоминало христианам имя того, кто предал Христа. Будущий вождь мирового пролетариата — возможно, помимо своего желания — придал антисемитский привкус прозвищу Троцкого, чем и воспользовался Сталин во время борьбы с главным своим противником. Не случайно брошюра под названием "Предатель Троцкий" начиналась такими словами: "Ленин назвал Троцкого Иудой и неоднократно советовал остерегаться его..."

На первом этапе борьбы, когда Сталин выступал в союзе с Зиновьевым и Каменевым, "игра на струнах антисемитизма, — по признанию Троцкого, — носила очень осторожный и замаскированный характер". Пропагандисты разъясняли на собраниях, что троцкисты — это представители мелкой буржуазии из "местечек", не уточняя их национальности.

"Иудушка Троцкий".
Карикатура В. Дени

Когда же Зиновьев с Каменевым присоединились к Троцкому, заговорили о том, что во главе оппозиции "три недовольных еврейских интеллигента". Среди сторонников Троцкого были русские — Г. Пятаков, В. Антонов-Овсеенко, Е. Преображенский, Л. Серебряков, А. Бубнов, Н. Муралов и другие, болгарин Х. Раковский, латыш И. Смилга, армянин Г. Сафаров, грузины П. Мдивани и С. Кавтарадзе. Было среди них и немало евреев, однако противники оппозиции подчеркивали прежде всего еврейские имена, выдвигая на первый план даже второстепенных лиц; агитаторы прямо говорили рабочим, потакая антисемитским настроениям: "В Политбюро бузят жиды". Разгром оппозиции рассматривали теперь как борьбу с чрезмерным участием евреев в руководстве партией и страной. Это подпитывало антисемитские настроения; некий член партии "ленинского призыва" открыто заявлял: "Евреи — самая вредная нация. Если бы я мог, я бы их сам собственными руками передушил до одного".

Когда Троцкий предостерег, что в борьбе с оппозицией — а точнее, в борьбе за власть — Сталин использует антисемитизм, многие партийные деятели не поверили подобному обвинению: это противоречило большевистской теории и политике тех лет по отношению к малым народам Советского Союза. Троцкий предлагал Н. Бухарину посетить завод в Москве, чтобы убедиться в черносотенной агитации, но тот уклонился от посещения — Сталин и Бухарин объединялись в тот момент

для совместной борьбы с оппозицией. Троцкий поднял этот вопрос на заседании Политбюро, но ему ответили, что антисемитизма в стране нет и нечего заниматься подобными измышлениям. Сталин утверждал: "Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры". На очередном съезде партии он поручил еврею Е. Ярославскому ответить Троцкому, и тот отверг его обвинения, "отравленное оружие бесчестной клеветы". Однако троцкизм продолжали связывать с еврейством; снимали евреев с ответственных постов, уменьшилось их количество среди делегатов партийных съездов; газеты печатали сатирические стихи и карикатуры на оппозиционеров, подчеркивая специфические еврейские черты.

> Из сообщения московского корреспондента лондонской газеты (1926 год): "Антиеврейская агитация поощряется и поддерживается; борьба с Троцким может привести к нешуточным погромам..."
>
> Из высказываний члена ЦК партии К. Радека (1927 год): "В чем разница между Моисеем и Сталиным? Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин выводит их из коммунистической партии..."

ОГПУ подготавливало сводки антисемитских проявлений по всей стране, которые отражали настроения в обществе. В Туле распространяли слухи об аресте "еврея-врача Буха, убивавшего христианских мальчиков, чтобы получить кровь для еврейских обрядов..." В Никополе "рабочие открыто заявляют, что в удобный момент они устроят погром евреев..." В окрестностях Житомира "демобилизованные красноармейцы, возвращаясь пьяными с базара... избили одного еврея с криками "бей жидов, спасай Россию"..." В Могилеве молодежь разгромила еврейские лавки. В Пскове убили рабочего-еврея. В Киеве студенты-коммунисты потребовали восстановить для евреев процентную норму при поступлении в институты. Лекторам задавали такие вопросы: "Почему евреи не хотят выполнять тяжелую работу?", "Как им удалось занять все хорошие должности?", "Не станут ли евреи предателями во время войны?"

Во время реквизиции зерна в деревнях было удобно сваливать перегибы на оппозиционеров-евреев, и отделы ГПУ докладывали в 1928 году: "На почве продовольственных затруднений растут антисемитские настроения среди крестьянства, выливающиеся в отдельных случаях в погромные призывы..." — "Лозунг "бей жидов, спасай Россию" сейчас произносят несколько иначе: "бей жидов, спасай Советы"..." — "В одной деревне крестьяне устроили суд над Троцким за его лозунг нажима на кулака... Достали несколько портретов Троцкого, плевали на них, испражнялись и под конец сожгли..." Из высказываний, отмеченных в сводках ГПУ: "Евреи хорошо устроились в России, и если их не лишить

власти, то Россия пропадет...” — “Фактически нами правят жиды, наживающие капиталы на революции. Эх, если бы какая-нибудь вспышка! Буду я резать гадов беспощадно...”

> Й. Недава, израильский историк: “Сталин, скорее всего, победил бы Троцкого в борьбе за власть и без помощи антисемитизма... Но остается непреложным фактом, что антисемитизм был тем оружием, которое предрешило борьбу, сделав ее заведомо беспроигрышной для Сталина и заведомо безнадежной для Троцкого...”

5

В первые дни 1928 года Троцкого вызвали в ОГПУ и зачитали постановление: “В соответствии с законом, карающим любого за контрреволюционную деятельность, гражданин Лев Давидович Троцкий высылается в город Алма-Ату. Срок пребывания там не указывается. Дата отправления в ссылку 16 января 1928 года”. В назначенный день Сталина не было в Москве, и ему сообщили шифрованной телеграммой: “Сегодня в два часа отправили Троцкого под конвоем в Алма-Ату. Пришлось взять силой и нести на руках, так как сам идти отказался, заперся в комнате, пришлось выломать дверь”.

Троцкому было известно, что многие оппозиционеры покаялись и пришли с повинной, но он не сдавался, посылал из Алма-Аты сотни писем и телеграмм, разыскивая сосланных сторонников, поддерживая в них надежду: “Убедительно советую наладить правильный образ жизни, чтобы сохранить себя. Во что бы то ни стало. Мы еще очень и очень пригодимся...” Особая группа ОГПУ взяла под контроль переписку Троцкого, докладывая начальству о ее содержании, и наконец Сталин заявил на Политбюро: “Из ЦК и партии его вышибли, но уроков перерожденец не извлек. Что же, будем ждать, когда Троцкий организует террор или мятеж? Предлагаю выслать за границу”. Ни одна страна не пожелала его принять, лишь Турция, в конце концов, согласилась на это. В Турции было много участников Белого движения, которые могли организовать покушение на ненавистного “Лейбу Бронштейна”, — возможно, Сталин предполагал подобное, высылая соперника в эту страну.

В январе 1929 года к Троцкому явился сотрудник ОГПУ и зачитал постановление: за действия “контрреволюционного характера” “гражданина Троцкого Льва Давидовича выслать из пределов СССР”. Троцкого, его жену и их старшего сына привезли в Одессу, и на пристани он сказал: “В мире все меняется. Изменится многое и в Москве. Мы вернемся... Обязательно вернемся!” Пароход под названием “Ильич” навсегда увез Троцкого из России.

Д. Волкогонов, историк (из книги "Троцкий): "Пароход "Ильич" медленно подходил к дальнему причалу Константинополя. Человек, заложивший вместе с Лениным основы мощной и зловещей государственной системы, был ею решительно отторгнут. Не потому, что он не подходил, а потому, что на вершине этой системы было место только для одного..."

Изгнанники поселились на крохотном острове Принкипо в Мраморном море, в полутора часах плавания от Стамбула. Троцкий печатал статьи в крупных американских газетах, на заработанные деньги выпускал журнал "Бюллетень оппозиции", будучи его редактором, а порой и единственным автором. Группы последователей Троцкого возникли во Франции, США, Германии, Греции и Китае, в Италии, Испании и других странах. Сын Троцкого жил в Париже, занимался делами отца, печатал и распространял "Бюллетень", номер за номером; к нему внедрили агента ОГПУ, и многие статьи Троцкого до их опубликования поступали на стол Сталина. Троцкий просил визу на въезд в разные страны, но повсюду опасались знаменитого революционера, да и не хотели, по-видимому, портить отношения с советской властью. Не пожелали впустить изгнанника Англия, Франция, Чехословакия, Голландия, Австрия, Люксембург и Норвегия; правительство Германии — еще до прихода Гитлера к власти — отказалось предоставить Троцкому постоянное жительство, и в нацистской газете написали: "Троцкий, советско-еврейская кровавая собака, желает годы своего изгнания провести в Берлине. Нам придется смотреть в оба за этим еврейским мошенником и убийцей".

Годы жизни в Турции оказались для Троцкого очень плодотворными: "На Принкипо хорошо работать с пером в руках, особенно осенью и зимою, когда остров совсем пустеет и в парке появляются вальдшнепы. Здесь нет не только театров, но и кинематографов. Езда на автомобилях запрещена... У нас в доме нет телефона. Ослиный крик успокоительно действует на нервы..." После четырех лет жизни на острове Троцкому удалось получить визы на въезд во Францию. За ним следили советские агенты, ему угрожали фашисты и местные коммунисты, а потому приходилось менять квартиры, маскироваться, сбривать бороду, прятаться на чердаке у знакомых — так продолжалось два года. В 1935 году Троцкий получил разрешение на въезд в Норвегию, где ему запретили заниматься политической деятельностью, просматривали его почту, не разрешали выходить из дома, не допускали к нему журналистов.

Наконец мексиканский художник Д. Ривера, убежденный троцкист, называвший Троцкого "великим человеком", уговорил президента Мексики предоставить изгнаннику политическое убежище. В январе 1937 го-

Лев Троцкий

да Троцкий с женой и внуком поселился в Мехико — сначала в доме Риверы, а затем на окраине столицы. Здание окружили высоким забором, выстроили вышку с прожектором, двери в кабинет и спальню обили листовым железом; дом изнутри охраняли доверенные лица, а снаружи размещался полицейский пост.

В изгнании Троцкий основал Четвертый Интернационал — "мировую партию социальной революции", чтобы "распространить Октябрьскую революцию на весь мир"; идеи "верных ленинцев", провозглашал он, непременно овладеют миллионами, и они "сумеют взять штурмом и землю, и небо". Троцкий называл немецкий фашизм и сталинизм "симметричными явлениями", предсказал сближение Сталина с Гитлером и поражение Франции, предугадал дату нападения Германии на СССР — 1941 год; он верил, что в результате будущей войны разразится мировая революция, которая покончит с диктатурой Сталина и Гитлера.

В годы своего стремительного возвышения Троцкий призывал, чтобы "чугунный каток пролетарской революции прошелся по позвоночнику меньшевизма"; теперь тот же самый каток, которым правили иные люди, ликвидировал не только троцкистов, но и безжалостно уничтожал родственников Троцкого. Первая его жена еврейка А. Соколовская была старше мужа почти на десять лет; их сочетал браком раввин в московской пересыльной тюрьме, а обручальное кольцо одолжил на время один из заключенных. В сибирской ссылке она родила Троцкому двух

дочерей, которых он оставил в младенчестве, бежав за границу. Младшую дочь Нину уволили с работы за "троцкистские убеждения", ее мужа арестовали, а затем расстреляли; Нина тяжело заболела и умерла от туберкулеза, когда Троцкий был в Алма-Ате, — следы ее единственной дочери затерялись. Муж Зинаиды, старшей дочери Троцкого, пропал в лагерях, а ей удалось выехать с сыном за границу; немецкая полиция предложила ей немедленно покинуть Берлин, и в состоянии глубокой депрессии Зинаида покончила жизнь самоубийством: ее смерть "не была добровольной, — утверждал Троцкий, — Сталин навязал ей эту смерть" (в Москве оставалась дочь Зинаиды, которую отправили в ссылку, когда она достигла совершеннолетия). "Зинушки нет больше на свете... — сообщал Троцкий ее матери. — Я совсем одеревенел и с трудом пишу... Крепко, крепко обнимаю твою седую голову и смешиваю свои слезы с твоими. Твой Лев..." Соколовская пережила своих дочерей; в 1935 году ее репрессировали, и она умерла в ссылке.

Н. Седова, вторая жена Троцкого, была русской, и они сочетались гражданским браком. Она родила двух сыновей, которые носили фамилию матери; по желанию родителей подростков окрестили в Вене в лютеранскую веру. Младший сын Сергей не пожелал отправиться в эмиграцию вместе с родителями и остался в СССР. Он не занимался политической деятельностью, но власти тем не менее обвинили его во вредительстве и расстреляли в 1937 году, а его жену отправили в лагеря на многие годы. "Этот достойный отпрыск продавшегося фашизму отца, — говорили о Сергее на митинге, — пытался отравить газом большую группу рабочих завода". ("Далеко ли отстоит это обвинение, — отметил Троцкий, — от обвинения евреев в ритуальном использовании христианской крови?..") Расстреляли племянника Троцкого, сына его старшего брата, расстреляли затем и брата, заставив перед этим публично отказаться от родственника; расстреляли сестру Троцкого Ольгу, которая была замужем за Л. Каменевым, а также двух ее сыновей. Случайно уцелел лишь Эстебан (Всеволод) Волков, сын Зинаиды, старшей дочери Троцкого; уцелела и Юлия, дочь расстрелянного сына Сергея, — ее отправили в ссылку с престарелой бабушкой Рейзе и дедушкой Моисеем.

Из воспоминаний политзаключенной (1941 год, Украина, узников угоняли на восток от наступавших немецких войск): "Тридцать километров я тянула за собой мою сокамерницу Соколовскую. Это была старая женщина, лет под семьдесят, совершенно седая, ярко выраженного еврейского типа... Мне было тяжело тащить ее за собой, и я сама стала падать. Она говорит: "Ну, отдохни немного, я пойду одна". И тут же отстала... Ее закололи штыком. Со спины... Она не видела этого штыка. Она не успела испугаться..." Б. Соко-

ловская была женой И. Соколовского, брата первой жены Троцкого; он шел в том же этапе, слепой старик: "Его добили, когда выбилась из сил молодежь, когда никто не мог тащить никого и ничего..."

Лев, старший сын Троцкого, погиб в 1938 году в парижской больнице, после несложной операции — по всей видимости, его отравили. Троцкий написал некролог "Лев Седов. Сын, друг, борец": "Прощай, милый и несравненный друг! Мы не думали с матерью, не ждали, что судьба возложит на нас еще и эту страшную работу: писать твой некролог..." — "Мы не верим, что его больше нет, и плачем, потому что не верить нельзя... Вместе с нашим мальчиком умерло все, что еще оставалось молодого в нас самих..."

6

Исследователи троцкизма потратили немало усилий, чтобы объяснить причины поражения Троцкого в борьбе со Сталиным. Английский историк Е. Карр так характеризовал его: "Выдающийся интеллектуал, крупный администратор, блестящий оратор... Троцкий умел зажечь массы, умел вызвать шумное одобрение людей и увлечь их за собой. Но он не умел создавать себе авторитет среди коллег, не обладал искусством терпеливого убеждения, не умел внимательно и с симпатией выслушивать мнения людей меньшего интеллектуального калибра. Он не выносил глупцов, и его постоянно обвиняли в нетерпимом отношении к соперникам..." Троцкий был высокомерен и честолюбив; он не щадил противников по теоретическим спорам, публично свергая всяческие авторитеты, — подобное не прощается и запоминается надолго. "В годы войны в моих руках сосредоточилась власть, которую практически можно назвать беспредельной... — вспоминал в изгнании бывший председатель Реввоенсовета. — Я не оглядывался по сторонам, отталкивал локтем тех, которые мешали военным успехам, или в спешке наступал на мозоли зевакам и не успевал извиняться. Есть люди, которые все это запоминают. Недовольные и обиженные находили дорогу к Сталину, отчасти к Зиновьеву..."

В борьбе со Сталиным Троцкий выступал против дорвавшихся до власти вельмож и засилия партийного аппарата: "Партия живет на два этажа... В верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях", но его поддержало малое количество видных большевиков. Для старейших членов партии Троцкий был чужаком, присоединившимся к ним лишь в 1917 году; они вспоминали нелестные высказывания Ленина о Троцком и опасались, что в случае победы он непременно станет дик-

татором. Сталин, наоборот, казался вначале скромным, неприхотливым, доброжелательным человеком, а потому бытовало мнение: "Сталина мы не боимся. Если начнет зазнаваться — снимем его". Тем временем Сталин привлекал к себе людей, обиженных Троцким, возвышал их, и они становились преданными его сторонниками.

> Д. Волкогонов, историк: Троцкий "никогда не ставил под сомнение правомочность одной партии вершить судьбу миллионов людей в огромной стране... Возникающая тоталитарная Система всегда нашла бы своего сталина. А для ее установления и укрепления сам Троцкий сделал очень много..."

Они родились в один год с разницей в несколько недель, оба были профессиональными революционерами, оба выступали за насилие с принуждением и подписывали приказы (Троцкий, возможно, больше, так как занимал более высокую должность), которые приводили в действие расстрельные команды по всей стране. Но было между соперниками одно существенное различие. Последовательный марксист Троцкий был нацелен на мировую революцию во все годы своей сознательной жизни. В 1919 году, когда казалось, что армия А. Деникина скоро войдет в Москву, Троцкий разрабатывал план создания конного корпуса до сорока тысяч всадников, чтобы "бросить его на Индию", так как "путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии". Фанатик и пропагандист единой идеи обращался к пролетариату Европы и Азии: "Подождите, братья, подождите! Ждать осталось меньше, чем мы ждали!.."

"Из Рура полыхнет пламя революции... — возглашал Троцкий. — С Запада раздастся набат..." Но прошли годы после окончания Гражданской войны, закончились неудачей революционные выступления в Германии, Венгрии, Словакии, Финляндии, однако Троцкий еще надеялся на революцию в Китае, откуда она непременно распространится на другие страны. Потерпела поражение революция в Китае, но он продолжал отстаивать идею мировой революции, после победы которой — и только после победы — восторжествует социализм во всех странах, в том числе и в России. Это отодвигало на долгое время — быть может, навсегда — мечты о сытой и спокойной жизни; призывы к жертвенности и лишениям ради отдаленного будущего уже не вызывали энтузиазма у людей, уставших от войны, голода и разрухи. По образному выражению Троцкого, "кочевники революции перешли к оседлому образу жизни, в них пробудились, ожили и развернулись обывательские черты, симпатии и вкусы самодовольных чиновников".

В противоположность своему противнику Сталин предлагал на пер-

вом этапе построение социализма в "одной отдельно взятой" стране, не дожидаясь, пока пролетариат во всем мире свергнет буржуазию, а потому за ним пошла партийная и государственная бюрократия, получившая власть с привилегиями. Троцкий явно недооценивал Сталина, называя его "наиболее выдающейся посредственностью нашей партии"; он поздно заметил силу и влияние аппарата, тех исполнительных чиновников, которых Сталин "вывел из ничтожества" и расставлял на командных постах. Постепенно Троцкий начал понимать, на какие силы опирался Сталин, но время было потеряно, и оставалось лишь запоздалое признание: "Он нужен им... всем червям, которые ползают по вспаханной революцией почве. Он говорит на их языке и умеет их вести за собой. Если все будет развиваться автоматически и дальше, как сегодня, то Сталин тогда автоматически же сделается диктатором".

А. Авторханов, историк: "Та новая "партия в партии", которая выросла за годы после смерти Ленина, нуждалась в новом боге, в таком боге, который, будучи их "образом и подобием", воплощал бы в себе... их жажду к властвованию... Этим новым людям нужен был новый бог не меньше, чем самому богу нужны были эти люди. Поэтому совершенно не важно, как этот бог будет именоваться — Петров, Иванов или Джугашвили..."

В. Ленин и Л. Троцкий на Красной площади 7 ноября 1919 года (впоследствии Троцкого "изъяли" с фотографии)

Сталину годились любые средства, если они оправдывались целью; он мог отступить на время, затаив обиду и ведя закулисные маневры, а Троцкий очевидно полагал, что его превосходство не требует подтверждений, и потому унизительно заниматься интригами, вступать в борьбу с человеком, которого он презирал. Впоследствии Троцкий признавал, что он мог свергнуть Сталина с помощью Красной армии, командиры которой обращались к нему, бывшему прославленному наркому, с подобным предложением. Возможно, ему советовали физически устранить Сталина, но в изгнании, оценивая прошлые события, Троцкий ответил на это так: "Убийством нельзя изменить соотношение социальных сил и остановить объективный ход развития. Устранение Сталина лично означало бы сегодня не что иное, как замену его одним из кагановичей, которого советская печать в кратчайший срок превратила бы в гениальнейшего из гениальных". В отличие от своего противника Сталин начертал такую резолюцию для членов Политбюро: "Я думаю, что господина Троцкого, этого нахала и меньшевистского шарлатана, следовало бы огреть по голове... Пусть знает свое место. И. Сталин".

Властолюбие диктатора, его жестокость и жажда мести несгибаемому противнику неминуемо вели к трагической развязке. За Троцким неустанно следили. Каждый его шаг становился известным в Москве. В Мексику были посланы агенты для его уничтожения. Троцкий стал пленником в собственном доме и лишь изредка, под охраной телохранителей, решался ненадолго выйти наружу. Он понимал, что за ним охотятся, и незадолго перед гибелью признавал: "Я могу сказать, что живу на земле не в порядке правила, а в порядке исключения..."

> Й. Недава, историк: "Конец его был трагичен. Сочувствовавшая Троцкому оппозиция в СССР была физически уничтожена, имя его — предано проклятью... Сама идея, которой он служил, — столь несомненная, столь воодушевляющая в начале века... — не была уже незапятнанно чиста: во славу ей пролились потоки невинной крови, ею возвышались властолюбивые негодяи. Жизнь изгнанника была тяжела. Мир, говорил Троцкий, стал для него "планетой без визы"... Свою судьбу... он знал, не знал только даты..."

Первая попытка покушения на Троцкого — 1938 год: некий человек пытался проникнуть в охраняемое здание под видом посыльного, но охрана не впустила его, и он оставил неподалеку от дома пакет с взрывчатым веществом. Второе покушение, более серьезное — май 1940 года, четыре часа утра: нападавшие подъехали к дому Троцкого, обезоружили полицейских, прорвались во двор и открыли пулеметный огонь по окнам спальни, выпустив около двухсот пуль, — командовал операцией

мексиканский художник Д. Сикейрос, пламенный сторонник Сталина. Троцкий и его жена чудом остались в живых, укрывшись за кроватью, их десятилетний внук был легко ранен. Бомба, брошенная террористами напоследок, не взорвалась. Возникший пожар быстро потушили. Архив Троцкого уцелел. После того покушения он неоднократно говорил жене, открывая по утрам глаза: "Ну вот, судьба подарила нам еще один день. Они не пришли..."

Сталин был разгневан, узнав о неудаче. Сотрудникам НКВД грозили суровыми карами, и они решили совершить покушение при помощи своего агента. 20 августа 1940 года, во второй половине дня, к воротам дома подъехал молодой человек, "жених" секретарши Троцкого, которого охрана хорошо знала и потому не обыскивала, — под плащом у него был спрятан альпинистский ледоруб. Хозяин дома пригласил его в кабинет, сел за стол, и гость ударил его ледорубом по голове. На другой день Троцкий умер в больнице — было ему шестьдесят лет. Тело выставили для прощания, перед гробом прошли сотни тысяч человек; в день похорон в столице Мексики состоялась гигантская антисталинская демонстрация. В московской газете "Правда" сообщили, что Троцкого убил один из его "ближайших людей и последователей": "Троцкий запутался в собственных сетях, дойдя до предела человеческого падения"; статья в газете называлась "Смерть международного шпиона".

Троцкий написал однажды такие слова: "Террор может быть очень действителен против реакционного класса, который не хочет сойти со сцены". Через много лет после этого его убийца повторил практически тоже самое: "Терроризм необходим в борьбе за коммунизм". Убийцей оказался испанец Рамон Меркадер; он был подослан НКВД по указанию Сталина, о котором Троцкий пророчески сказал: "Сталин стремится нанести удар не по идеям оппонента, а по его черепу..."

> Раввин С. Уайз, американский сионистский лидер, о Троцком: "Может, он и в самом деле был пламенным идеалистом и вулканическим предводителем людских масс, но предательство своего народа — не лучшая рекомендация для человека, желающего руководить миром. Скончался еще один блестящий, своенравный сын нашего народа. Он не знал Израиля, и Израиль не горюет над его могилой..."

За полгода до гибели Троцкий составил завещание, в котором сказано среди прочего: "Я умру как пролетарский революционер, марксист, диалектический материалист и, следовательно, как непримиримый атеист... Каковы бы ни были обстоятельства моей смерти, я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее".

7

Троцкий был противником насильственной ассимиляции и не поддерживал чрезмерные усилия большевиков-евреев в этом направлении; в то же время ему было непонятно упорное сопротивление евреев, которые не желали поддаваться "безболезненному самоубийству" — ассимиляции всего народа. "Я никогда не интересовался сионизмом, — говорил Троцкий. — Сионизм — это утопия. Еврейское государство — химера". В 1903 году он критиковал лидера сионистов Т. Герцля: "Этот беззастенчивый авантюрист все еще пожинал на Базельском конгрессе бурные рукоплескания... На съезде представителей "еврейского народа" не нашлось ни одной руки, которая занесла бы бич негодования над этой отвратительной фигурой". Слова "еврейский народ" Троцкий заключил в кавычки. Правоверный марксист, он не считал евреев народом, ибо они не имели в тот момент отдельной территории и говорили в быту на разных языках: "Судьба еврейского народа может быть разрешена только полной и окончательной победой пролетариата".

С приходом Гитлера к власти Троцкий начал менять свои убеждения, предвидя Катастрофу, которую готовил нацизм. "Не забывайте, — предостерегал он, — что между Вартой (река в Германии) и Волгой живут семь миллионов евреев; в будущей войне они будут уничтожены первыми". Наблюдая рост антисемитизма в Германии и его проявления в Советском Союзе, Троцкий решил наконец, что необходимо территориальное решение еврейского вопроса; он применил без кавычек это словосочетание — еврейский народ и назвал "великой исторической перспективой" добровольное переселение рассеянных по миру евреев на какую-либо территорию.

Б. Идельсон (в будущем депутат парламента Израиля) посетила Троцкого в Мексике в 1937 году и рассказала ему о сионистской работе в Эрец Исраэль. "У меня не было чувства, что я говорю с чужим, — вспоминала она через много лет. — Мне представлялось, что передо мной еврей-скиталец, человек без родины... Я несколько раз прерывала свой рассказ вопросом: уверен ли он, что у него нет дел более важных, не навязчив ли мой рассказ; он всякий раз просил меня продолжать, попутно что-то записывая... Он попросил сказать несколько слов на иврите и улыбнулся, услышав, как они звучат... Беседа продолжалась почти три часа. Мой рассказ о нашей борьбе за еврейскую иммиграцию погрузил его в глубокую задумчивость. Я сказала: "Вот страна, готовая вас принять; быть может, и вы приедете в Палестину?.." — "А вы не побоитесь?" — "Нет, мы не побоимся, наша идея — сильнее страха перед любым человеком, даже таким, как вы". Троцкий поднялся, подошел ко

мне, пожал руку и сказал: "Спасибо. Я давно не чувствовал себя так хорошо. Но вы должны знать, что у меня есть друзья во всем мире, и мы не отреклись от наших взглядов..." Он внимательно слушал о наших детях-сабрах, об их любви к родине; я видела, что... он был рад услышать о мире, с которым добровольно порвал... Прощаясь, Троцкий просил меня не обнародовать ни факта нашей встречи, ни содержания беседы: "Пусть это останется между нами. Иначе меня поймут неправильно. Меня обвинят в сокрытии чуждых взглядов или даже в симпатии к сионизму". Я обещала ему это — и сдержала слово, промолчав девятнадцать лет..."

Н. Зарницын, "пролетарский поэт" из Новгорода (1922 год, из стихотворения, посвященного Л.Троцкому):

В твоей душе, как в огневой стихии,
И бури стон, и ярых волн разгул.
Ты — пролетарский сын разгневанной России,
В твоих словах Коммуны слышен гул...

С. Есенин, из "Песни о великом походе" (1924 год):

Ой ты, атамане,
Не вожак, а сотский,
И зачем у коммунаров
Есть товарищ Троцкий?
Он без слёзной песни
И лихого звона
Приказал коней нам наших
Напоить из Дона...

Из частушек, рекомендованных к исполнению:

Мы обжигать умеем
Искусные горшки,
Сумеем и троцкистов
Мы искрошить в куски...

До изгнания Троцкого из СССР вышли в свет двадцать один том его сочинений, что составило лишь часть работ. В его литературном наследии — книги, статьи, очерки, памфлеты, исторические исследования, репортажи с мест событий, "политические силуэты" общественных деятелей и революционеров, книга "Литература и революция", критические эссе о творчестве Н. Гоголя, Л. Толстого,

Г. Успенского, М. Горького, К. Бальмонта, Г. Ибсена, Л. Андреева, Д. Мережковского. Из очерка "А. Блок": "Россия раскололась надвое — в этом и состоит революция. Блок одну половину назвал паршивым псом, а другую благословил теми благословениями, какие имелись в его распоряжении: стихом и Христом... Конечно, Блок не наш. Но он рванулся к нам. Рванувшись, надорвался. Но плодом его порыва явилось самое значительное произведение нашей эпохи. Поэма "Двенадцать" останется навсегда..."

В 1921 году литературный критик Ю. Айхенвальд осудил расстрел большевиками поэта Н. Гумилева. В ответ на это Троцкий опубликовал статью "Диктатура, где твой хлыст?" — Айхенвальда арестовали и выслали за границу.

В изгнании Троцкий написал книги "Моя жизнь", "История русской революции", "Преданная революция", "Сталинская школа фальсификации", "Преступления Сталина" и многое другое. Б. Шоу, английский писатель: "Если мне нужен здравый смысл, откровенность и образованность, подайте мне книги Троцкого... Его перо — страшное оружие". Троцкий до последних дней работал над книгой о Сталине. Тот знал об этом и торопил убийц, словно опасался прославленного автора, его анализа сталинской диктатуры. Д. Волкогонов, историк: "Портрет Сталина... не был закончен... Возможно, это единственный случай в истории, когда "натурщик" убивает художника до завершения портрета..."

Из книги Троцкого "Сталин": "У него как будто нет предыстории. Процесс восхождения совершался где-то за непроницаемыми политическими кулисами. Серая фигура неожиданно отделилась в известный момент от кремлевской стены — и мир впервые увидел Сталина, как готового диктатора..." — "Его честолюбие, как и его ненависть, подчинены строгому расчету... Он долго носит свою ненависть, пока она не превращается в отстой..." — "Памятники, которые он построил себе, будут разрушены или сданы в музей тоталитарного гангстерства, и будут поставлены на площадях освобожденного Советского Союза памятники несчастным жертвам сталинской системы подлости и бесчестия..."

А. Мережин, на совещании по борьбе с антисемитизмом: "С двенадцатого съезда (апрель 1923 года) мы проводим усиленно снятие евреев с ответственных постов..." К началу 1927 года было 1 147 074 членов партии и кандидатов из 132 народностей СССР.

Русские составляли среди них 65%, украинцы — 11,7%, евреи — 4,3%, а в последующие годы эта цифра снизилась до 4%. После исключения Троцкого и его сторонников из Политбюро там не осталось евреев; в 1926 году кандидатом в члены Политбюро стал Л. Каганович.

Усиление кампании против антисемитов с 1926 года было сделано, быть может, с определенной целью — затушевать антисемитизм, направляемый сверху при разгроме оппозиции. Сталин в своих публичных заявлениях постоянно выступал против нападок на евреев и называл антисемитизм пережитком "человеконенавистнических нравов", "наиболее опасным пережитком каннибализма". Однако из воспоминаний очевидцев следует, что он не раз высказывался против евреев, и еще в сибирской ссылке суд чести политических заключенных вынес ему порицание за проявления антисемитизма. В разгар борьбы с Троцким Сталин сказал председателю Совнаркома А. Рыкову: "Мы теперь всех жидов из Политбюро удалили..." В 1947 году он заявил политическому деятелю Югославии М. Джиласу: "У нас в ЦК нет евреев", добавив с ехидным смешком: "Вы, Джилас, тоже антисемит, вы тоже..." Некоторые считали, что Сталин прибегал к антисемитизму лишь из политических соображений, однако С. Аллилуева, его дочь, отметила: он "никогда не любил евреев". Н. Хрущев, из воспоминаний: "Сталин официально боролся с антисемитизмом как секретарь ЦК, как вождь партии и народа, а внутренне, в узком кругу, подстрекал к антисемитизму".

В 1918 году левый эсер Я. Блюмкин организовал в ВЧК отдел по борьбе с иностранными шпионами — было ему тогда двадцать лет. В июле того года, по заданию ЦК партии левых эсеров, Блюмкин участвовал в убийстве графа Мирбаха, посла Германии в Москве, чтобы сорвать Брестский мир. Он писал, отправляясь на задание: "Черносотенцы-антисемиты... возлагают на евреев ответственность за большевистскую политику и за сепаратный мир с немцами... Пусть узнают... что еврей-социалист не побоялся принести свою жизнь в жертву... чтобы смыть ею позор Брест-Литовска". После убийства посла Блюмкин ушел в подполье, через год явился с повинной в киевское ЧК, и его амнистировали. Вступил в партию большевиков, работал в секретариате Троцкого, затем в иностранном отделе ОГПУ; под именем персидского купца Якуба Султан-заде он побывал в Хайфе, Тель-Авиве, Иерусалиме, создавая разведывательную сеть на Ближнем Востоке. Прикрытием его деятель-

ности служило торговое предприятие по продаже редчайших еврейских книг и рукописей из советских библиотек и конфискованных коллекций, которые ему присылали в Турцию. В 1929 году Блюмкин навестил Троцкого на турецком острове и взял у него запечатанный пакет с письмами; в Москве он передал пакет К. Радеку, тот отдал письма в ОГПУ, и через несколько дней Блюмкина расстреляли "за повторную измену делу пролетарской революции". По свидетельству чекиста-перебежчика, он воскликнул перед казнью: "Да здравствует Троцкий!"

Троцкого убил испанец Рамон Меркадер, офицер республиканской армии, завербованный советской разведкой во время Гражданской войны в Испании. В день покушения руководитель операции сотрудник НКВД Н. Эйтингон и мать Меркадера (член компартии и агент НКВД) ожидали его в машине неподалеку, и лишь невероятная живучесть Троцкого помешала убийце выйти из кабинета и скрыться. Он говорил на суде в Мехико: "Троцкий издал такой крик, который я никогда не забуду... порывисто вскочил, бросился на меня и укусил мне руку... Я его оттолкнул, он упал на пол. Затем поднялся и, спотыкаясь, выбежал из комнаты..." Меркадер отсидел полностью свой срок — двадцать лет, вышел на свободу в 1960 году, был переправлен в СССР, где получил звание Героя Советского Союза. Затем он уехал на Кубу, умер в Гаване, похоронен на московском кладбище, а его мать получила орден Ленина за удачно проведенную операцию и умерла во Франции под портретом Сталина. До последнего дня они получали пенсию от КГБ, и на средства этой организации поставили памятники на их могилах. На памятнике Меркадера написано: "Герой Советского Союза Лопес Рамон Иванович. 1913—1978".

В Мехико находится дом-музей, в котором Троцкий прожил последние годы. Высокий каменный забор с бронированными воротами, сторожевые вышки с бойницами, сохранившиеся с прежних времен, гостиная-библиотека с книгами и журналами, с пишушей машинкой "Ундервуд" и ламповым радиоприемником; возле спальни маленькая комната — там сохраняются одежды обитателей дома. В кабинете, где убили Троцкого, стоит его кресло и письменный стол, лежат советские газеты того времени; в "Известиях" крупный заголовок: "К суду банду контрреволюционеров-убийц!", фотографии в "Правде": толпы народа приветствуют приговор

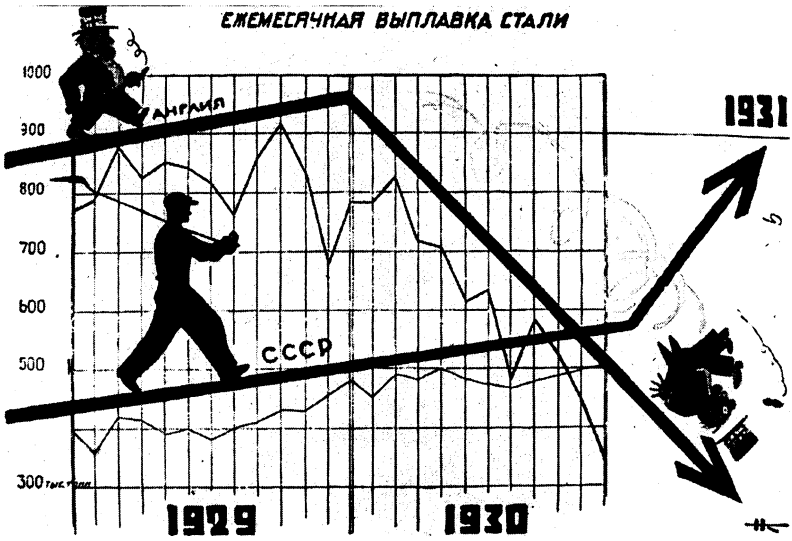
троцкистам — высшую меру наказания. Во дворе дома высится скромный обелиск из белого камня, под которым находятся урны с прахом Троцкого и его жены; на обелиске выбиты серп и молот, а поверху золоченая надпись — "Leon Trotsky".

Л. Троцкий у знамени Четвертого Интернационала
на фоне Маркса—Энгельса. Фрагмент фрески Д. Риверы

После смерти Сталина ненависть к Троцкому и троцкизму не уменьшилась, сохраняясь в официальной советской идеологии; в 1960-е годы "Лейбу Бронштейна" называли лидером "всемирного масонско-сионистского заговора". С началом "гласности" это обвинение заполнило страницы газет и книг националистических организаций, которые возложили на Троцкого и на большевиков-евреев вину за все беды, обрушившиеся на Россию в двадцатом веке. По сей день в разных странах существуют троцкистские группы, которые пропагандируют идеи Троцкого и неизбежность социалистической революции во всем мире. Д. Волкогонов, историк: "По революционной тропе, оставившей глубокие шрамы на Земле, прошли тысячи, миллионы людей. Следы подавляющего большинства стерты временем и исчезли навсегда. О Троцком же сегодня спорят и говорят, как и семьдесят лет назад. Говорят с ненавистью и почитанием, злобой и восхищением. Человек необычной судьбы никого не оставляет равнодушным..."

Очерк четырнадцатый

Коллективизация деревни и "голодомор" 1932–1933 гг.
Еврейские колхозы и их судьба.
Еврейские административные районы

1

1928 год — начало первого пятилетнего плана, когда по всей стране закладывали гигантские стройки: Днепрогэс, Магнитогорский металлургический комбинат, Харьковский тракторный завод, Уралмаш, химические комбинаты, предприятия военной промышленности, автомобильные заводы, электростанции и железные дороги. Для строительства требовалась валюта, чтобы закупать оборудование в других странах и приглашать на работу иностранных специалистов, а потому продавали за границей шедевры мирового искусства и национальные реликвии из Эрмитажа и других музеев страны, из царских и великокняжеских дворцов, в огромных количествах вывозили из страны зерно, лес, кожу, пушнину.

К концу 1927 года назрел кризис в сельском хозяйстве. Цены на сельскохозяйственные товары были занижены, промышленные товары стоили дорого, а потому земледельцы — в ожидании лучших времен — не желали продавать зерно по низкой цене. В ответ на это власти ввели чрезвычайные меры; в сущности, это был возврат к политике "военного коммунизма" с его принудительными изъятиями: вооруженные отряды шли по деревням и после повальных обысков увозили

излишки зерна. "Хлеб нельзя рассматривать как простой товар... — утверждал Сталин. — Хлеб есть валюта валют..." Оказывавших сопротивление арестовывали, отправляли на лесоповал и строительство каналов, их землю, имущество, скот и инвентарь забирали; протестовавших против незаконных мер сажали в тюрьму за "контрреволюционную агитацию".

> Из анонимного письма в "Крестьянскую газету" (1928 год): "Проклятие вам, человекоубийцы, от трудового крестьянства; вы отняли у труженика его землю и отдали лодырям... отняли у нас хлеб, отняли у нас скот... Пошлите открыто свои банды и перестреляйте нас; легче умереть сразу, чем страдать долгое время..."

Чтобы привлечь на свою сторону неимущих крестьян, им стали выделять часть конфискованного зерна за участие в его изъятии: это подтолкнуло бедноту на поиски запрятанных излишков, на более активную помощь сотрудникам милиции и ГПУ. Но земледельцы продолжали упорствовать, добровольно не сдавали зерно, и тогда власти приступили к коллективизации сельского хозяйства, чтобы сломить сопротивление единоличника, лишить его возможности распоряжаться плодами своего труда и забрать землю в государственное владение, ту самую землю, которую после 1917 года передали крестьянам. На языке пропаганды это называлось — "выкорчевывание корней капитализма в деревне и ликвидация кулака, как класса, на базе сплошной коллективизации".

1929 год И. Сталин провозгласил годом "великого перелома". Началось "наступление социализма по всему фронту"; крестьян загоняли силой в колхозы, используя всевозможные методы "воздействия", чтобы доложить в центр о выполнении плана. К началу 1930 года провели коллективизацию двадцати процентов земледельцев, а за первые месяцы того года — угрозами, запугиванием и арестами — это количество увеличили в три раза, загнав в колхозы сотни тысяч крестьянских семей. Из воспоминаний (Псковская область): "В нашей деревне все были работящие, жили крепенько и не хотели своего отдавать... Четыре брата Паничевых сковали эту власть. Из бедняков были, непутевые хозяева... Как пошли колхозы, они коммунистами стали, ездили по деревням, наганами махали — загоняли в колхоз. Лютовали сильно, даже расстреливали людей на месте..."

> В 1930 году была создана специальная комиссия ЦК партии для подготовки плана окончательного уничтожения "кулацкого элемента" в деревне. Комиссию возглавлял В. Молотов, который вспоминал на старости лет: "Коллективизацию мы неплохо провели... Я

сам лично размечал районы выселения кулаков". В работе комиссии участвовали двадцать четыре человека, среди которых были и евреи: Г. Ягода, Ф. Голощекин, Я. Яковлев (Эпштейн), М. Хатаевич (расстреляны в годы "большого террора").

Во время ликвидации НЭПа ухудшилось снабжение горожан продуктами питания. У магазинов вставали многочасовые очереди за хлебом; население раскупало спички, соль, керосин; в начале 1929 года ввели карточки на продовольственные товары. Отовсюду поступали жалобы: "без голода сделали голод... в магазинах ничего нет, кроме тухлой рыбы... за гнилой селедкой надо стоять в очереди двенадцать часов... нет спичек, нет мыла, не с чем в баню пойти... у нас правительство не рабочее, а шайка самозванцев..." Но несмотря на подступавший голод, экспорт зерна за границу возрастал из года в год. Забирали из колхозов все, что крестьянам удавалось вырастить на полях; с мест докладывали о сокращении поголовья скота до пятидесяти, даже до семидесяти процентов из-за завышенных планов поставок мяса.

В ответ на произвол и насилия начались стихийные крестьянские волнения. В 1929 году насчитали более тысячи трехсот мятежей в разных районах Советского Союза, и власти признавали в секретном документе: "Сопротивление крестьян перерастает в повстанческое движение, обстановка грозит гибелью..." Выступления земледельцев против коллективизации — их называли "кулацкими восстаниями" — беспощадно подавляли войска с применением танков. Доклады сотрудников ГПУ переполнены сообщениями: за полтора месяца 1930 года на Украине "арестовано 25 000 человек, раскрыто и ликвидировано контрреволюционных организаций — 36, кулацких и террористических групп — 256... расстреляно — 656 человек, заключено в концлагерь — 3673, административно выслано — 5580..."; в приграничных районах Украины проводили "решительную чистку от бандитских, контрреволюционных и кулацких элементов", которых оказалось пятнадцать тысяч человек.

За три года коллективизации ликвидировали более миллиона "кулацких хозяйств"; у раскулаченных забирали перед выселением дома, участки земли, коров, лошадей, весь инвентарь и передавали в колхозную собственность. Экономисты предлагали разместить выселяемых на незаселенных просторах Алтая и Северного Казахстана для освоения плодородных земель, но это предложение отвергли; миллионы крестьян и членов их семей — с крохотными детьми и немощными стариками — оказались в отдаленных и малопригодных для земледелия районах Урала и Сибири, в Средней Азии и на северных окраинах России. Раскулаченных отправляли под охраной — пешком, на телегах, в товарных ва-

гонах; на пересыльных пунктах их размещали под открытым небом или в церквах, где были сколочены восьмиэтажные нары, а затем вывозили на пустое место в тайге или в степи; во время суровой зимы или невыносимой среднеазиатской жары от недоедания и болезней первыми умирали старики и дети. Из свидетельств того времени: "В каждом вагоне ехало пятьдесят—пятьдесят пять человек с вещами. Окна были переплетены колючей проволокой, двери заперты. Нас сопровождал многочисленный конвой. Поезд редко останавливался. Из вагонов никого не выпускали. В Москве дали сырой воды..." — "Теснота творилась такая, что не пройти, не проползти. В вагон дали три ведра и сказали: "Одно на парашу (для природных человеческих нужд), одно на суп и одно — для воды..."

> Из заключения комиссии Политбюро ЦК КПСС (1989 год): "Органами ОГПУ было осуществлено выселение из европейской части СССР в северные районы и Сибирь в 1930—1931 годах 356,5 тысяч крестьянских семейств общей численностью 1 680 000 человек. Часть их была направлена в места заключения, другая — в спецпоселения..."
>
> А. Авторханов, историк (со ссылкой на воспоминания У. Черчилля): "Трехлетняя "классовая борьба" во время "сплошной коллективизации" (1930—1932) унесла в тундры и под тундры около десяти миллионов человек. Эту цифру Сталин сообщил Черчиллю во время их беседы..."

Репрессировали не только кулаков и "подкулачников", но и их родственников за "сращивание с чуждыми элементами"; в эту категорию попадали бывшие красноармейцы, "красные" партизаны, "революционные" матросы — тогда очевидно и возникла формула: "За прошлое — спасибо, за настоящее — отвечай!" Сотни тысяч раскулаченных отправили в "спецпоселения"; они заполнили лагеря принудительного труда возле шахт и крупнейших строек страны. На строительстве Кузнецкого металлургического комбината работали восемьдесят тысяч заключенных, половина из них — бывшие крестьяне. Их содержали в бараках на нарах, давали пайку хлеба и лопату с тачкой — рыть котлован под фундамент будущей домны или заводского цеха. Это была бесплатная рабочая сила: в 1933—1935 годах крестьяне составляли в лагерях принудительного труда около семидесяти процентов заключенных, не менее трех миллионов человек.

Деревню обескровили — безжалостными реквизициями, высылкой и уничтожением трудолюбивых земледельцев, и наступил голод, тяжелейший "голодомор" 1932—1933 годов. Рабочим и служащим в городах вы-

давали карточки, по которым они получали минимум продуктов питания; крестьянам карточки не полагались, и они стали вымирать — на Украине, в Поволжье, в Центрально-Черноземных областях, Северном Кавказе и Казахстане. По очень приблизительным подсчетам умерло от голода более трех миллионов человек (некоторые исследователи увеличивают эту цифру в полтора-два раза, относя три миллиона жертв к одной лишь Украине). Люди искали любые способы, чтобы добыть пропитание для семьи, но в 1932 году, в самый разгар голода, был принят закон об охране социалистической собственности; он устанавливал наказание до десяти лет заключения за кражу зерна, даже за собирание колосьев, оставшихся на полях после уборки урожая — в 1933 году по этому закону осудили в РСФСР более ста тысяч человек. Беженцы из голодных районов разбредались по всей стране, чтобы спастись от смерти; крестьянские дети бродили возле лагерей заключенных, выпрашивали у арестантов кусочек хлеба и съедобные отбросы; очевидец свидетельствовал: "А вот люди сказывают, — говорил крестьянин, — что в лагере теперь лучше, чем на воле: хлеб дают, кашу дают..."

> Из книги И. Солоневича "Россия в концлагере" (1933 год, на строительстве Беломор-Балтийского канала): "Однажды я обнаружил, что моя кастрюля, стоявшая под нарами, была полна до краев и содержимое ее превратилось в глыбу сплошного льда... Я взял кастрюлю и вышел из палатки. Была почти уже ночь... Вдруг застуженный детский голос пропищал: "Дяденька, дяденька, может, что осталось, дяденька, дай!.." Это была девочка, лет, вероятно, одиннадцати... "А тут только лед". — "От щей, дяденька?" — "От щей"... Девочка почти вырвала кастрюлю из моих рук... распахнула рваный зипунишко... прижала кастрюлю к своему голому тельцу... чтобы теплом изголодавшегося тела растопить эту полупудовую глыбу замерзшей, отвратительной, свиной — но все же пищи... Я стоял перед ней пришибленный и растерянный, полный великого отвращения ко всему в мире, в том числе и к самому себе. Как это мы, взрослые люди России... могли допустить до этого детей нашей страны?.. Как это все мы, все поголовно, не взялись за винтовки?.."

Политика советской власти распространялась на земледельцев всех национальностей, и евреи не избежали общей участи. Недаром написали в газете: "Еврейский кулак так же зловреден, как кулак русский, украинский и всякий другой". Коллективизация коснулась и евреев, а вместе с ней повсеместный голод в городах и местечках.

2

В 1928 году евреи-земледельцы испытывали огромные трудности из-за плохого урожая и гибели озимых. Многие из них были новичками в сельском хозяйстве, не располагали накопленными запасами, и евсекция Украины докладывала: "На еврейских переселенческих фондах создалось в высшей степени тяжелое положение. Люди в буквальном смысле голодают... Это грозит полнейшей катастрофой для всего еврейского населения". В 1929 году началась коллективизация еврейских хозяйств. Во вновь образованные колхозы вступали в основном бедняки, чтобы улучшить свое положение и выбиться из нищеты. Они и прежде объединялись в товарищества по совместной обработке земли, совместно пахали, сеяли, убирали урожай, а потому переход к колхозной жизни не казался поначалу чрезвычайной мерой. Но зажиточные земледельцы не желали вступать в колхозы, и их загоняли силой или же, обвинив в кулачестве, сионизме, "мелкобуржуазности", ссылали в отдаленные края.

Известны случаи, когда евреи сопротивлялись насильственной коллективизации, но к 1931 году девяносто пять процентов еврейских хозяйств на Украине объединили в колхозы. Официальная пропаганда прославляла их "сытую и радостную" жизнь: "Тетя Соре у косилки, Бейле возле молотилки...", однако действительность была иной. Новые хозяйства еще не окрепли, а с них уже требовали выполнение планов хлебозаготовок, которые возрастали из года в год. Каждый колхоз должен был прежде всего поставить зерно государству, расплатиться с машино-тракторной станцией, создать семенной фонд для будущего сева, обеспечить скот фуражом, а оставшееся — если что-либо оставалось — распределяли между колхозниками по количеству выработанных трудодней. Если колхоз не выполнял плана, применяли карательные меры: забирали у земледельцев уже полученное ими зерно и сдавали его для покрытия нормы, накладывали штрафы по дополнительным поставкам мяса, вывозили из сельских магазинов товары, чтобы ничего нельзя было купить, — уполномоченные ходили по домам и силой забирали последнее.

> Распоряжения районного начальства были кратки и категоричны: "Председателя колхоза "Форойс" ("Вперед") за саботаж хлебозаготовок предать суду... Передать следственным органам дело на правление артели "Соцдорф"... Предать суду бывшего председателя колхоза "Ройтер Пойер" ("Красный крестьянин") тов. Косева и счетовода тов. Эйдельмана, немедленно провести их арест..."

"Евреи на земле". Фотовыставка журнала "Огонек", 1930 год

Во время "голодомора" 1932—1933 годов самые большие жертвы пришлись на долю украинских деревень. Голод не обошел и их соседей, земледельцев-евреев: многие еврейские колхозы попали в список Совнаркома Украины, как наиболее пострадавшие от голода; в числе местностей с наивысшей смертностью оказался и Калининдорфский еврейский национальный район. Вне колхозов, в городах и местечках Украины жило огромное количество ремесленников-евреев, которые работали на сельское население, — портные, сапожники, жестянщики, столяры и кузнецы; с наступлением голодных времен прекратились заказы окрестных земледельцев, прекратился и традиционный подвоз продуктов на местечковые базары.

Голодали теперь все, и официальные документы того времени это подтверждали. В еврейских местечках Винницкой области "отмечено немало случаев опухания на почве недоедания и смертности..." В Немирове — "семь смертных случаев..." В Тульчине — "сорок семь смертных случаев от голода среди еврейской бедноты местечка..." В Бердичеве: семья Азакевич — "родители умерли, осталось трое детей 11—8—4 года, живут одни в квартире, ходят по домам и попрошайничают..."; семья Цуркис — "глава семьи умер, осталась жена и двое детей, семья голодает, дети поражены отёками..." В Сталиндорфском районе — "положение колхозников по Ворошиловскому (еврейскому) сельсовету отчаянное,

люди перестали просить помощи, лежат в холодных нетопленых домах и ждут смерти. По сельсовету отмечено четырнадцать случаев смерти от голода... У колхозника Бравермана в хате лежит четверо детей в возрасте от пяти до десяти лет, не двигаются, опухшие, с открытыми ранами, что говорит о том, что они разлагаются живьем..."

Из письма Х. Шарбер из Бердичева (на имя Н. Крупской, вдовы В. Ленина): "Это письмо пишет вам человек, который сидит в ожидании голодной смерти. Ох, что это за чувство, какие это муки, какой это ад — голодать и знать, что ничто, за исключением гнусной голодной смерти, не предстоит. Это темное, как пергамент, опухшее лицо, — хоть бы кусочек хлеба... Помогите нам. Мы хотим еще жить и трудиться, мы не хотим умереть голодной смертью, не дайте голоду победить нас..."

> В. Гроссман, писатель (из книги "Все течёт..."): "Старики рассказывали: голод бывал при Николае — все же помогали, и в долг давали, и в городах крестьянство просило Христа ради, кухни такие открывали, и пожертвования студенты собирали. А при рабоче-крестьянском правительстве зернышка не дали..." — "Дети кричат, не спят: и ночью хлеба просят. У людей лица, как земля, глаза мутные, пьяные..." — "Пошел по селу сплошной мор. Сперва дети, старики, потом средний возраст. Вначале закапывали, потом уж не стали закапывать. Так мертвые и валялись на улицах, во дворах, а последние в избах остались лежать. Тихо стало. Умерла вся деревня..."

Несмотря на чудовищный "голодомор" с неисчислимыми жертвами, власти продолжали изымать зерно из колхозов и запретили местным руководителям докладывать о последствиях проводимой политики. Районный партийный деятель докладывал в Винницкий обком партии: "Несмотря на ваше запрещение, чтобы не писать о наличии голодающих, считаю, что будет преступным не поставить вас в известность о положении дел в районе. Местечко Уланов — большинство населения по национальности евреи... Голодающих насчитывается до девяносто пяти человек. На двадцатое апреля 1933 года от голода уже умерло тридцать пять человек..."

Умирали по всей Украине, и евреи в том числе — в Фастове, Проскурове, Умани, Бердичеве, Житомире. Голоду сопутствовали дизентерия и сыпной тиф; недоедание в первую очередь поражало малолетних, и известны случаи, когда дети умирали на школьных уроках. В деревнях люди лежали на кроватях, лавках и на печах в ожидании смерти: от всеобщего голода наступало состояние бессилия и обреченности. По сельским улицам ездили подводы, останавливаясь у домов с распахнутыми

дверями, — возчики выносили умерших, отвозили на кладбище и хоронили в общих могилах. Чтобы спастись от смерти, голодающие шли из деревень в города в надежде раздобыть кусок хлеба; только за один месяц, в феврале 1933 года, среди трупов, подобранных на улицах Киева, насчитали — по официальным данным — более девятисот евреев, умерших от голода. Современник свидетельствовал: "Каждую ночь грузовики, крытые брезентом, собирали трупы на вокзалах, под мостами, в подворотнях... Все лечебницы в городе были переполнены. Морги тоже. Детей, оставшихся без родных, отправляли в приемники. Но всех, кто покрепче, просто увозили подальше от города и там оставляли".

Еврейские организации Америки, Англии, Франции и Польши предложили свою помощь, но в ответ им официально заявили, что в стране нет никакого голода, и не позволили их представителям посетить колхозы на Украине. Недовольство в стране нарастало, и работники ГПУ докладывали начальству о высказываниях в адрес советских руководителей. С. Рубинштейн, рабочий из Бердичева: "Докатилась наша власть со своей пятилеткой, только писать и кричать умеют, что рабочий будет обеспечен всем, а мы голодаем, и люди у нас умирают от голода..." Мильман, механик на фабрике в Могилеве-Подольском: "Надо всем нам бросить фабрику. Лучше жить и голодать без работы, чем работать впроголодь..." Х. Лендерзон, рабочий из Винницы: "Другого выхода не вижу, как только устроить забастовку. Власть наверное хочет, чтобы мы сделали открытое восстание..."

О. Мандельштам, поэт (1933 год, первый вариант стихотворения):

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны.
Только слышно кремлевского горца,
Душегубца и мужикоборца...

3

В еврейские колхозы, располагавшиеся неподалеку от местечек, вступали торговцы, ремесленники, лица без определенных занятий, которые не могли прокормиться иным путем. Новые земледельцы были неопытны, в колхозах недоставало инвентаря, и чтобы выстоять, вводили дополнительные промыслы — мельницы и лесопилки, кузницы, хлебопекарни, маслобойки и крупорушки, доход с которых покрывал недостачу сельскохозяйственного производства. Некоторые вступали в колхоз на время и уходили затем в города, подыскав более привычную работу, а взамен них появлялись окрестные жители — неевреи. Преодолев труд-

ности первых лет существования, еврейские колхозы укрепляли свои хозяйства, жизнь улучшалась, улучшались и условия быта.

Из колхозной песни, разрешенной к исполнению:

Новые горизонты
Зовут меня и кличут.
Новые песни пою я,
"Идише мужик"...

В местечке Меджибож в Подолии существовал еврейский колхоз "Равенство", в котором выращивали зерновые и овощи, арбузы и клубнику, держали коров и овец. Колхозники получали на трудодень в три раза больше, чем в соседних селах; колхоз выстоял во время "голодомора" и принял в свои ряды украинских крестьян, спасая от голодной смерти. В сибирском городе Каинске несколько лет существовала еврейская сельскохозяйственная артель "Золотая нива", переименованная в колхоз имени Я. Свердлова. В Томском округе был еврейский колхоз "Найгебурт" ("Возрождение"). Появились колхозы бухарских евреев в Узбекистане, горских евреев в Дагестане, Азербайджане и Краснодарском крае, колхозы грузинских евреев в Грузии, где сохраняли традиционную общинную жизнь, соблюдали субботу и еврейские праздники. В Сибири, в Минусинском крае, жили потомки ссыльных субботников, которые в девятнадцатом веке основали село Обетованное, переименованное начальством в Иудино, — в том селе был создан колхоз "Путь Ильича". В деревне Ильинка под Воронежом субботники организовали коммуну "Еврейский крестьянин" с выходным днем в субботу; эта коммуна превратилась в колхоз с тем же именем.

А. Рывкин, председатель колхоза имени К. Ворошилова в Крыму. 1929 год

Еврейские колхозы в Крыму получили названия: "Путь Ленина", "Беднота", "Семнадцатый партсъезд", "Вторая большевистская весна", "Сталино", "Котовский", "Имени Буденного", а также "Ройтер фон" ("Красное знамя"), "Най вег" ("Новый путь"), "Фрайгайт" ("Свобода"), "Дер эмес" ("Правда"), "Най лебен" ("Новая жизнь"), "Дер идишер пойер" ("Еврейский крестьянин"). Из свидетельств бывших колхозников-евреев Крыма: "Мы жили под Киевом очень бедно. Было голодно. Привезли нас в степь, там стояли два амбара: так был основан колхоз "Политотдел". В 1932 году снова голод, умирали, сосед убил соседа из-за головки чеснока. С 1934 года и до войны был богатый колхоз..." — "В колхозе имени Дзержинского на двести пятьдесят человек было двое русских. Со временем стали жить неплохо..." — "Мама работала дояркой. Дедушка Мостовой Мейер Ицкович работал на баштане сторожем, а бабушка на птичнике. Дядя Хаим Шия работал на току, где особенно было трудно... Выращивали пшеницу, овощи; помню, поля были засеяны хлопком и был большой баштан, большой коровник, возили молоко на симферопольский базар для продажи..."

> Из воспоминаний о еврейском колхозе на Украине: "Деревня наша была электрифицирована и радиофицирована, часто слушали передачи на идиш... У нас был очень хороший клуб, при клубе библиотека, драмкружком руководил Герш Рейдлер, который работал скотником, а его дети Изя, Циля, Табя, Яша, Руся, Сарра также участвовали в драмкружке... Беренсон Шмуэль Лейзер и его жена Голда, их дети Роза, Злата, Лиза, Маня — вся семья была очень музыкальная; их отец собирал нас, детей, устраивал хоровое пение. Сам Шмуэль Лейзер работал на молотилке..."

К концу 1930 года в Биробиджане было четыре еврейских колхоза, составленных из переселенческих семейств: "Бирофелд" ("Бирское поле"), "Ройтер Октябер" ("Красный Октябрь"), "Икор" и "Валдгейм". В 1936 году насчитали уже пятнадцать еврейских колхозов, и в них восемьсот семейств. Они выращивали зерновые, держали коров, разводили свиней, занимались пчеловодством. "Валдгейм" снабжал овощами и молоком город Биробиджан; в советской пропаганде этот колхоз стал символом еврейского заселения Дальнего Востока, и туда привозили делегации, чтобы продемонстрировать достигнутые успехи. В брошюре ОЗЕ-Та сказано: "Деревянная, украшенная искусной резьбой арка с пятиконечной звездой и красным флагом на верхушке. Ровными, хорошо распланированными рядами домов тянется широкая главная улица... Сюда из Белоруссии и других местностей приехали первые биробиджанцы, врезавшиеся в изумленную тайгу. Они сказали себе: здесь, в лесу, мы

построим социалистический поселок. И дали имя поселку Валдгейм — "Лесной дом". Еще и еще прибывали строители из Белоруссии, из Украины и рабочие из капиталистических стран. И продолжают строить — пока не создадут большой, красивый, сытый и культурный социалистический Валдгейм..."

В колхозе "Валдгейм" построили теплицы для выращивания овощей, лесопилку, кузницу, кирпичный завод; зимой мужчины уходили на лесозаготовки, а женщины работали в швейной мастерской. Открыли клуб на четыреста мест, общественную пекарню, столовую, баню и прачечную; дети учились в начальной еврейской школе; на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939 года колхоз представлял Лейб Резник — за достигнутые успехи в сельском хозяйстве. Впоследствии "Валдгейм" переименовали в "Заветы Ильича", и лишь через многие годы вернули прежнее имя (к концу двадцатого века там оставалось несколько десятков евреев).

Евреи — сплавщик леса, рыбак и пасечник. Биробиджан, 1930-е годы

Репрессии тех лет не обошли стороной еврейские колхозы. В газетах и брошюрах сообщали о "вредительских и воровских махинациях классового врага", о "кулаках и белогвардейцах", проникших в колхозное руководство, которые мешали "претворять в жизнь указания товарища Сталина: "Сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными". В 1938 году прекратилось организованное переселение евреев на земли Крыма и юга Украины. Власти проводили "интернационализацию" еврейских колхозов страны, включая в их состав земледельцев других национальностей, объединяли еврейские колхозы с нееврейскими для "компактной коллективизации". Насильственное перемешивание людей с разными обычаями нарушало традиционный образ жизни и сложившиеся отношения — это подталкивало к уходу из деревень. Опытные земледельцы-евреи, работавшие прежде в артелях взаимопомощи, привыкли сообща решать все вопросы, а потому не могли примириться с новыми методами руководства, когда им диктовали условия, что сеять, где и как, — это также способствовало уходу из колхозов. То был период индустриализации, появлялись новые фабрики и заводы, повсюду требовалась рабочая сила, и евреи переселялись в города. Туда же уходила и колхозная молодежь — учиться, получить специальность.

Отток населения из деревень происходил повсюду. Чтобы избежать коллективизации и спастись от голода, крестьяне разных национальностей переезжали в города; к 1935 году там оказалось около семнадцати миллионов бывших сельских жителей.

4

Из воспоминаний учителя И. Кучерова о судьбе еврейского поселения Икор — Землепашец (пересказано с сокращениями):

"В 1922 году Агро-Джойнт решил создать в Крыму образцово-показательное еврейское поселение. В десяти километрах от Евпатории нашли заброшенное помещичье имение с двумя колодцами и полуразрушенными зданиями; приехали евреи из Москвы, Одессы, Евпатории, Мелитополя, получили ссуды и начали строительство домов. Мимо Икора ездили по дороге жители двух сёл — татарского и немецкого; они смеялись над новыми поселенцами и говорили: "Вы сеете, а мы убирать будем". Агро-Джойнт выделил три трактора марки "Ватербойм", и за ними поехали в Евпаторию. Инструктор объяснил, как заводить трактор, ехать на нем, и они отправились в путь. Двое благополучно приехали в Икор и выключили моторы, а третий забыл, как надо останавливаться, и долго крутился по кругу, пока не кончилось горючее.

К первым поселенцам стали приезжать жены с детьми. Сообща вспахали землю и сообща посеяли, а затем по жребию выбирали свои наде-

лы — в зависимости от количества членов семьи. Отец получил кредит, мы купили две лошади и две коровы, развели много птицы, а трудолюбию нас не надо было учить: выезжали на поля чуть свет и работали дотемна. Хозяйства разрастались; производили в избытке продукты животноводства, а потому договорились с санаториями Евпатории поставлять ежедневно свежее молоко, мясо и яйца. У поселенцев появились деньги, каждый мог покупать одежду и расширять производство; жители немецких сёл поражались тому, как мы вели хозяйство и сочетали труд с умением сбывать продукцию. Приехал шойхет Шапиро и построил себе дом. Приехал учитель Иосиф Исаакович Хенкин, открыл школу в одном из сараев и сказал жителям села: строительство школы — дело всенародное, каждый должен отработать на стройке шесть дней. И к осени школа была построена.

На следующий год урожай зерновых выдался на славу. Все были обеспечены хлебом и зерном для скота, часть урожая продали на рынке и государству. На приусадебных участках высадили виноград. Агрономы учили правильному соблюдению севооборота, уходу за виноградниками, зоотехник проводил осмотр скота и делал ему прививки. Агро-Джойнт предложил взять сообща кредит, чтобы построить клуб, заложить парк, озеленить поселение; на средства Агро-Джойнта обещали построить ледник и медицинский пункт, соединить поселение с Евпаторией трамвайной линией. Жители покупали тачанки на рессорах; на них молодежь ездила в город. Затем появился в Крыму еврейский театр; артисты приезжали на пять-шесть дней, давали спектакли и концерты на идиш.

Слава о поселении Икор гремела по всему Крыму и далеко за его пределами. Делегация американских евреев приехала в село и зашла в наш дом. В это время мать вынимала из печи огромные караваи свеженспеченного хлеба, каждому отрезала по ломтю, поставила тарелку с маслом и налила по кружке холодного молока. Гости ели с большим аппетитом и не могли нахвалиться вкусу хлеба, домашнего сливочного масла и молока. Жизнь в поселении била ключом, подсобное хозяйство давало доход, построили клуб, озеленили село, дети учились в новой школе. Но вот начался печальный период в нашей жизни, когда Сталин стал осуществлять бездарный план коллективизации.

На базе нашего поселения решили создать колхоз “Икор”. Каждый должен был сдать лошадей, упряжь, весь сельскохозяйственный инвентарь и корову. Свезенный в одно место инвентарь не смазали, всю зиму он стоял под дождем и ржавел — на это было больно смотреть. Кормов для животных не нашлось, начали искать виновных в массовой гибели лошадей и коров, и ветеринарных врачей Евпатории судили как врагов народа. За труд в колхозе ничего не платили, записывали трудодни или, как их в народе называли, “палочки”. В стране начался голод. Вся Пол-

тавщина заполнила Крым — несчастные, истощенные люди. В 1932 году мы очень голодали; я часто терял сознание в школе — это были голодные обмороки.

Привыкают к хорошему, привыкают и к плохому. Менялись председатели колхоза, и наконец был избран умный человек, Абрам Григорьевич Золотонос, выросший на крестьянской земле. Он назначил своим заместителем Арона Ильича Годосевича, который всю душу вкладывал в работу, вставал в четыре часа утра и до позднего вечера объезжал хозяйство. Они понимали, что надо с уважением относиться к земле, и она отдаст человеку все. Соблюдали севооборот, задолго до Хрущева начали выращивать кукурузу на силос и на зерно. Колхоз "Икор" собирал лучшие урожаи в районе, давал по полкилограмма зерна на трудодень, позже — по одному килограмму, а везде выдавали по двести граммов. Икор был первым селом, в котором электрофицировали все дома и общественные помещения, фермы и улицы.

Поток людей шел в наш колхоз, но не было свободного жилья. Золотонос говорил: "Ищите жилье, и я вас приму". Взяли кредит, пробили скважину для поливного огородничества, овощей стало хватать для санатория и для колхозников — капуста, морковь, огурцы, помидоры, болгарский перец, картофель, дыни и арбузы. Выгадывал тот, кто имел больше трудодней, поэтому старались ежедневно выходить на работу. На лето в помещении школы организовали детский сад, чтобы привлечь женщин к работе. Мы, дети десяти—одиннадцати лет, в летние каникулы тоже шли работать.

Колхозников давили налогами. Душил заем: подписывали на такую сумму, что едва хватало заработка, чтобы с ним рассчитаться. Молодежь стала уходить из села, и почти все уехали. В 1936 году выдался богатый урожай, выдавали по два килограмма зерна на трудодень, но молодых ничто не могло удержать — коллективизация погубила чувство хозяина. Агро-Джойнт свернул свою работу, отменили изучение еврейского языка в школах, начались аресты. Я в это время учился в Евпатории. Гудела сирена, мы бежали в спортзал, и директор объявляла, что в школе орудовал враг народа учитель географии Соколов, затем старушка-учительница немецкого языка Эмма Павловна. Запрещалась всякая связь с заграницей, и после смерти бабушки отец перестал переписываться с родственниками из США. В селе решили создать коммунистическую ячейку, но желающих вступить в партию не было, нашелся только один. Члена партии обязывали информировать о настроении людей, о тех, кто недоволен советской властью, — люди старались держать язык за зубами.

Но как бы там ни было, колхоз набирал силу, работали трактористы-евреи, шоферы, кузнецы; люди трудились очень хорошо, и многие жела-

ли вступить в наш колхоз. Урожай 1941 года был обильным, особенно на озимую пшеницу и кукурузу, такого урожая не помнили даже старожилы. Утром 22 июня фашистская Германия напала на нашу страну..."

Евреев Икора, не успевших эвакуироваться, расстреляли. После войны вернулись в село восемьдесят один человек — взрослые с детьми, вернулся и председатель колхоза Золотонос. Несмотря на возражения жителей, их соединили с колхозом "Грядущий мир", у которого долгов было больше, чем стоимость всего имущества. Преодолели и это, отстроили разрушенное; урожаи были стабильными, виноградник давал доходы, колхозники стали получать по полтора килограмма зерна на трудодень. Затем Золотоноса уволили, председателем колхоза назначили нерадивого человека, и положение ухудшилось; колхозные ларьки в Евпатории закрыли, снабжение санаториев прекратилось. Евреи стали уезжать из колхоза, Икор переименовали в село Ромашкино и остались в нем, в конце концов, две еврейские семьи. Так завершилась история поселения Икор — гордости Агро-Джойнта...

5

Еще до начала коллективизации начали создавать на Украине и в Белоруссии сельские советы и национальные районы — в местах массового расселения греков, поляков, болгар, немцев, молдаван, чехов и евреев. Это не было изобретением большевиков: еврейские сельскохозяйственные поселения, возникшие в девятнадцатом веке, также были объединены в самостоятельные административные единицы. Первый в Крыму еврейский Ротендорфский сельсовет появился в Джанкойском районе, объединив одиннадцать поселений; подобное происходило и на Украине, где были образованы десятки еврейских сельских советов.

В марте 1927 года в Херсонском округе Украины проходили торжества по поводу создания еврейского административного района; поселение Большая Сейдеменуха переименовали в Калининдорф (Калининское) в честь "всесоюзного старосты" М. Калинина, и оно стало центром Калининдорфского еврейского национального района (севернее Каховки, между реками Днепр и Ингулец). В этот район входили украинские, немецкие и еврейские поселки; евреи составляли около восьмидесяти процентов населения района, разместившись в старых, а также во вновь созданных поселениях — Эмес (Правда), Фрайдорф (село Свободное), Идендорф (Еврейское), Шолом-Алейхем и другие. В Калининдорфском районе были еврейские школы и агрошкола с преподаванием на идиш, две больницы с амбулаториями, два еврейских народных дома, две биб-

лиотеки, пятнадцать хат-читален и четыре почтовых отделения, в которых при необходимости принимали и передавали телеграммы на идиш. В Калининдорфе выходила газета на идиш "Колвирт эмес" ("Колхозная правда"), работал межрайонный еврейский театр, который ездил с гастролями по Украине.

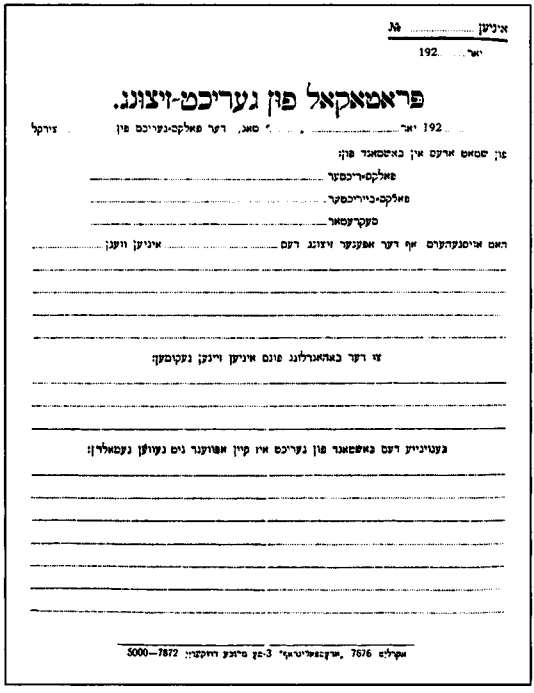
К началу 1928 года было на Украине более тысячи национальных сельских и поселковых советов и двадцать шесть национальных районов. В июле 1929 года в Запорожском округе появился Ново-Златопольский еврейский национальный район; его административным центром стало село Ново-Златополь (на идиш Най-Златополь). Евреи составляли в районе около семидесяти процентов населения; в Ново-Златополе были две школы-десятилетки и зоотехникум с преподаванием на идиш, в районе насчитывалось около двадцати еврейских школ, выходила газета на идиш "Колвирт штерн" ("Колхозная звезда"). В начале 1930 года в Криворожском округе появился Сталиндорфский еврейский национальный район; его центром стало поселение Чемерисск, переименованное затем в Сталиндорф (Сталинское). По занимаемой площади это был самый большой еврейский национальный район Украины — пятьдесят два еврейских поселка, около пятидесяти процентов населения района составляли евреи; выходила газета на идиш "Сталиндорфер эмес" ("Сталиндорфская правда"), работали еврейские школы и районный театр.

В Крыму были созданы украинский, немецкий и несколько татарских национальных районов, а в конце 1930 года в северо-западной части полуострова появился Фрайдорфский еврейский национальный район с центром в селе Фрайдорф (Свободное). Евреи составляли в районе примерно тридцать процентов населения, однако по переселенческим планам их количество намеревались удвоить; выходила газета на идиш "Ленинер вег" ("Ленинский путь") и радиогазета "Эмес" ("Правда"), работал Крымский еврейский передвижной театр. Район занимал большую территорию, в нем отсутствовали шоссейные и железные дороги, телефонная связь была недостаточной, и в 1935 году — для улучшения административного управления — из Фрайдофского района выделили Лариндорфский еврейский национальный район с центром в селе Джурчи; еврейское население района — около шестидесяти процентов от общего числа жителей.

Еврейские сельсоветы появились и в Белоруссии, в местах массового проживания евреев; два еврейских сельсовета были образованы в западных областях РСФСР. Вывески, штампы и печати в еврейских национальных районах Украины изготавливали на двух языках — украинском и идиш, однако делопроизводство лишь час-

тично вели на идиш, потому что не все служащие владели этим языком. Подобное происходило и в иных национальных районах Украины — немецких, болгарских, греческих, молдавских, польских, где официальным языком считался язык преобладающей национальности.

В Бердичеве евреи составляли большинство населения, и в 1924 году там появился первый на Украине суд с делопроизводством на идиш. В том году появился такой же суд в Киеве, а затем это распространилось на другие города со значительным еврейским населением: существовали судебные камеры, где слушание дел проходило на языке идиш, на этом языке составляли протоколы судебных заседаний и подавали кассационные жалобы. К 1931 году слушание дел на идиш ввели в сорока шести судах Украины, в Белоруссии — в десяти, в РСФСР — в одиннадцати, в том числе в Смоленске и Брянске (существовали также судебные камеры со слушанием дел на польском, немецком, болгарском, литовском и греческом языках).

פראטאקאל פון געריכט-זיצונג.

Протокол заседания суда на языке идиш

Суды с делопроизводством на идиш столкнулись со многими трудностями. В начале их работы не было гражданских и уголовных кодексов на этом языке и не существовала необходимая терминология. Недоставало достаточного количества судей, следователей и прокуроров, владевших этим языком, не каждый из них желал работать на столь неперспе-

ктивной должности, да и местные власти не поддерживали эту "затею". Кассационные жалобы на языке идиш, попадавшие в высшие судебные инстанции Украины, Белоруссии или России, задерживались там надолго из-за отсутствия специалистов, способных прочитать эти жалобы, а потому многие евреи — по совету адвокатов — предпочитали обращаться в обычные суды.

> В Одессе, Киеве, Харькове, Белой Церкви и в других городах появились районные отделения милиции, в которых рабочим языком был идиш. Из постановления исполкома города Бердичева: "1. Выделить в городе три участка с густым еврейским населением, чтобы милиция обслуживала население исключительно на идиш... 2. Все сотрудники милиции — начальник, его помощник, старшие милиционеры и канцеляристы должны безусловно владеть языком идиш. 3. Делопроизводство, штемпеля, вывески и прочее должны быть на обоих языках — украинском и идиш..."

С 1938 года — по указанию из Москвы — началась кампания против национальных советов. В Белоруссии ликвидировали сначала польские национальные районы и сельсоветы, созданные "для насильственной полонизации белорусского населения", а затем обратились к другим национальностям. ЦК партии Украины принял постановление "о ликвидации и преобразовании искусственно созданных национальных районов и сельсоветов". Крымский обком партии докладывал в Москву: "Установлено, что прошлым руководством, разоблаченным впоследствии как враги народа, при организации национальных сельсоветов проводилась явно враждебная вредительская линия..." К 1941 году "искусственно созданные" национальные сельсоветы и районы, в том числе и еврейские, прекратили существование по всей стране. К тому времени — а может, и раньше — неприметно исчезли районные отделения милиции, в которых рабочим языком был идиш, и суды со слушанием дел на этом языке.

Л. Троцкому принадлежит такое высказывание: "Тот, кто думает, что с помощью марксизма можно наладить производство на свечном заводе, слабо разбирается в марксизме и в изготовлении свечей". Однако это не мешало ему применять классовый подход при решении экономических проблем. Троцкий настаивал на скорейшей индустриализации страны, средства для которой следовало взять с повышенного налогообложения зажиточных крестьян, требовал начать борьбу с кулаком и ввести пятилетнее планирование

взамен ежегодного. Его обличали за это во время борьбы с "левой оппозицией", но И. Сталин вскоре пошел тем же путем, ввел пятилетний план, начал коллективизацию и попутно разгромил другую оппозицию, теперь уже "правую", приверженцы которой во главе с Н. Бухариным не соглашались с крутыми мерами против крестьянства.

В 1928 году М. Фрумкин, заместитель наркома финансов СССР, направил членам ЦК партии письмо, в котором доказывал на основании статистических данных: сельское хозяйство страны находится в состоянии упадка, крестьяне в массе своей против большевиков, насильственное изъятие зерна может закончиться гибелью советской власти. Политику властей Фрумкин определил таким образом: "Мы требуем расширения посевной площади — крестьяне расширяют ее, а за это мы записываем их в кулаки! Мы требум увеличения товарооборота, торговцы открывают ларьки — мы записываем их в спекулянты! Мы требуем развития промышленности, люди открывают мастерские — мы записываем их в нэпманы! Мы выступаем за советскую демократию, люди указывают нам на нашу недемократичность — мы сажаем их в ГПУ..." Политбюро осудило "правооппортунистическое антипартийное выступление" Фрумкина; его сняли с поста заместителя наркома, а впоследствии репрессировали.

В 1932 году приехал на работу в Советский Союз Р. Вольтерс, архитектор из Германии, и через год, вернувшись домой, выпустил книгу "Специалист в Сибири". Первые впечатления: поезд из Москвы был облеплен малолетними беспризорниками, которые ехали на крышах и под вагонами; на привокзальной площади Новосибирска, конечного пункта следования, иностранный специалист увидел солдат с ружьями, которые гнали огромную колонну крестьян, — затем это зрелище он наблюдал постоянно, изо дня в день. Фрагменты из книги: "Мне никто не поверит, если я скажу, что холостые рабочие живут по 20—30 человек в одной комнате в казармах или бараках, а многие семьи делят одну комнату..." — "У всех была одна проблема — еда. Русский инженер неприхотлив и доволен, если к обеду в двенадцать часов у него есть стакан горячей воды, кусок черного хлеба, леденец или кусок сахара..." Вольтерс описал общество, в котором люди лишены свободы, испытывают страх перед карательными органами, живут в очень плохих бытовых условиях, верят под воздействием пропаганды, что "по сравнению с немецкими рабочими они находятся в раю", а им постоянно твердят о скором по-

строении социализма, когда стремительно возрастет уровень жизни. Немецкий архитектор пытался поделиться своими наблюдениями с ответственными работниками, но в ответ ему посоветовали: "Вы должны читать газеты. То, что вы видите своими глазами, создает у вас неправильное впечатление о нашей системе..."

Из газеты "Биробиджанская звезда" (1935 год, посещение колхоза "Икор"): "Звуки трубы, бой барабана и пение детских голосов врываются в дом: "У нас есть учитель, у нас есть отец, Сталин — наш сердечный друг..." Отряд пионеров, тридцать здоровых стройных учеников и учениц, одетых в новые синие костюмчики с красными галстуками... шагают по три в ряд... Пожилой еврей с серебристой бородкой, Залман Тинкельберг, подошел ко мне. Лицо его сияет от радости: "Дожили... — говорит он восхищенно. — Хорошие, дорогие дети растут. Они счастливейшие дети в мире..."

Поговорки о колхозной жизни (Из книги "Народные пословицы и поговорки"): "Если бы не советская власть, к нам бы трактору не попасть"; "У лодыря ни гроша, а у колхозника жизнь хороша"; "Была жизнь темная да слёзная, а стала светлая колхозная". Из частушек, рекомендованных для исполнения еврейской самодеятельностью:

Солнце светит все сильней,
Даже глазу больно.
Песенку кузнец-еврей
Затянул довольный...
В колхозе жизнь богатая,
И масло есть, и сыр.
Мы все теперь стахановцы,
Ой, как прекрасен мир!..
Йошке, Йошке, ты в колхозе
Бригадир лихой,
И на самом сердце носишь
Орден боевой.
И пускай исчезнет след
Бед и горя прежних лет!..

В 1939 году в почетную книгу Всесоюзной сельскохозяйственной выставки занесли 256 колхозников Крыма, 64 из них были евреи: Исаак Аврут, Ефим Брион, Израиль Брискин, Илья Егудин и другие. И. Егудин, сын ломового извозчика из Гомеля, переселив-

Свидетельство об участии Залмана Дынькина, бригадира крымского колхоза "Ленинец", во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Москва, 1940 год

шегося в Крым, стал в 1934 году председателем колхоза в Крыму — было ему тогда не более двадцати лет. Вскоре его наградили орденом Ленина, а после войны Егудин в течение тридцати лет был председателем колхоза-миллионера "Дружба народов" — Герой Социалистического Труда, член Крымского обкома партии, депутат Верховного Совета Украины, заслуженный работник сельского хозяйства, обладатель золотых и серебряных медалей Выставки достижений народного хозяйства СССР.

К 1937 году количество еврейских колхозов на Украине уменьшилось на одну треть; уменьшилось и количество евреев в еврейских национальных районах из-за ухода в города. Колхоз в поселении Ефингарь (Калининдорфский еврейский национальный район) считался одним из самых богатых в Херсонской области. В сентябре 1941 года немцы и их помощники расстреляли там всех евреев (более пятисот человек), которые не успели эвакуироваться. После войны евреев в деревне уже не было; Ефингарь переименовали в Плющевку, старое еврейское кладбище уничтожили. В Нагартове перед войной насчитывалось тысяча двести евреев, было три колхоза, мельница, маслобойня, сыроваренный завод, еврейская шко-

ла, клуб и больница, — в сентябре 1941 года немцы расстреляли в Нагартове почти девятьсот человек. Уничтожили около двух тысяч евреев Калининдорфа (Большая Сейдеменуха), почти четыре тысячи в Сталиндорфском районе и более восьми тысяч — в Ново-Златопольском. Оставшиеся в живых вернулись после войны на старые места, но их дома были заняты; они рассеялись по украинским городам, а малая часть переехала в Биробиджан.

В 1944 году, после освобождения Крыма советскими войсками, было выселено с полуострова все татарское население — более четырехсот тысяч человек, а затем с карты Крыма исчезли татарские, немецкие, болгарские, греческие, а также еврейские названия поселений. Лариндорфский район переименовали в Первомайский, Фрайдорфский в Новоселовский, село Шолом-Алейхем стало называться Колоски, Перецфельд — Зимино, Лариндорф — Крестьяновка, Юдендорф — Октябрьское. Поселение Комзет переименовали в Тургенево, Комзетовку в Вересаево, Мережино в Наташино, Дер Эмес — в село Правда. Некоторые поселения за годы своего существования трижды меняли наименования. Хаклай (в переводе с иврита "земледелец") поменяли на Майфелд (на идиш "майское поле"), а затем переименовали в село Майское. Поселение Херут (на иврите "свобода" — в сефардском произношении, принятом в Эрец Исраэль) получило название Хейрус в ашкеназском произношении, а потом превратилось в село Дмитровка. Такая же участь постигла и поселение Бейт-Лехем (по географическому названию в Эрец Исраэль, в переводе с иврита "дом хлеба"): Бейт-Лехем — Бейс-Лехем — село Хлебное. Подобное случилось и с поселением Кадима (на иврите "вперед"): Кадима — Кадымо — Дымовка (не от созвучия ли: каДЫМО — ДЫМОвка?).

Очерк пятнадцатый

Становление коммунистической идеологии.
Арест Любавичского ребе. Борьба с религией.
Изменения в еврейских местечках 1930-х годов.
Еврейский "дворик" в Витебске

1

С первых лет советской власти стала прокладывать себе дорогу коммунистическая идеология, навязываемая сверху партийными и государственными органами, поддерживаемая снизу искренне или от безвыходности, преодолевающая сопротивление тех, кто не желал лгать и поддаваться единообразию в мыслях и поступках. Единственным источником информации стали официальные газеты, которые публиковали материалы, угодные правителям. Налаживалось массовое производство портретов и скульптур вождей. Вырабатывались иные рефлексы, навязывался антидемократический способ мышления, прямолинейная, без полутонов, оценка высказываний и поступков: "наш" — "не наш", "друг" — "враг", "свой" — "чужой". Клеймили тех, кого уничтожали, и прославляли победителей, на чьей стороне была сила огромного государства. Провозглашали лозунги, призывавшие к ненависти и беспощадности: "Кто не с нами, тот против нас!", "Если враг не сдается, его уничтожают!" Принудительно внедряли идеи коммунизма, того самого райского будущего, которое наступит во всем мире, когда восторжествует мировая революция и будут уничтожены на земном шаре кулаки с буржуями.

Н. Полетика, историк: "Скоро и я, и многие другие идеалистические и наивные караси поняли, что мы, в сущности, обломки... потерянного поколения, которое любило свободу и хотело жить в свободах социалистической демократии... Нашему поколению досталась тяжелая жизнь и тяжелая смерть, потому что наш век — век буржуазно-демократической революции — умер в России раньше нас..."

Лозунги и призывы по радио, в газетах и неисчислимых агитационных брошюрах влияли на население, которое начинало мыслить этими штампами, применяя их на собраниях и в повседневной жизни. Из заявлений, писем, жалоб и доносов в центральные органы власти в первое десятилетие диктатуры можно углядеть начало того пути, который постепенно привел к удушению разума и свободы, к перерождению старого и появлению нового поколения, не знавшего — или не желавшего знать — иной жизни и иных убеждений.

Из письма неизвестного автора в Совнарком (декабрь 1917 года): "Больше двух партий у нас не должно быть. Должны быть только угнетаемые и угнетатели. Кроме того, свобода должна быть только для угнетаемых. Для угнетателей нужна палка. Только палкой введем справедливость на нашей земле..."

Из письма крестьянина И. Демидова (Воронежская губерния, 1924 год): "Прочитавши несколько ваших газет... я вижу на факте, как мы, крестьяне и рабочие, победоносно строим лучшую жизнь... "О чем раньше мечтали, теперь мы на деле видим", — говорят крестьяне..."

Из письма рабкора А. Богдановой (Ленинград, 1924 год):

Ясно видит стенгазета,
В чем наш минус, в чем наш плюс.
Держит к ленинским заветам
Неуклонный, верный курс...

Из сочинения Т. Безуглова (Екатеринославская губерния, 1924 год): "Я замечаю, что гангрена охватила весь строй буржуазии Запада и Востока... Буржуазный способ жизни Запада и Востока заканчивает свое существование..."

Из письма сестры милосердия Н. Черняк (Ленинград, 1924 год):

Серп и молот на престоле,
Ликует пахарь и кузнец,
Свободно дышится на воле,
А буржуям всем конец...

Из письма крестьянина Е. Любасева (Смоленская губерния, 1925 год): автор предлагал "десять заповедей советских" (взамен библейских), среди которых имелись такие: "1) Я есть власть твоя, которая спасает тебя от гнета, кроме этой власти больше себе не ищи... 5) чти советскую власть лучше отца и матери, чтобы жилось хорошо детям, внукам и правнукам... 8) не укрывай от советской власти ни земли, ни скота, ни ее достояния... 9) не слушай клеветников на советскую власть и не защищай достойных наказания..." Автор письма рекомендовал и "две главных советских заповеди: 1) возлюби соввласть всем сердцем и душой... 2) возлюби трудящихся пролетариев всего мира, угнетенных и рабов..."

Из письма М. Калинину (Смоленская губерния, 1925 год): "Офицеров... министров и высших дворян с крупными помещиками... посадить в арестантские вагоны и доставить в Соловки... Чем скорее избавимся от сего навара царизма — тем лучше, немыслимо заниматься этой поганью... Покорный слуга СССР Н. Тихонов..."

Из письма П. Еремеева И. Сталину (Каменец-Подольский, 1926 год): "Настоящим прошу обратить внимание, что дорогой наш вождь и учитель революции рабочих и крестьян товарищ Ленин скончался не по своей болезни, а от отравления яда... Вся старая гвардия гибнет от яду, яд приобретен у врагов наших — антанты капитала, которая стремится всеми силами уничтожить наилучших борцов революции..."

Из письма учителя Н. Савельева и крестьянина Н. Жучкова И. Сталину (Подмосковье, 1927 год): "Мы желаем, чтобы ОГПУ с еще большей жестокостью усилило надзор в крупных промышленных центрах нашего Союза. По Москве и Ленинграду нужно очень часто проверять публику, где живет, что делает и так далее... Если Англия на нас пойдет, мы ее раздавим своей могучей силой..."

Из письма П. Минькова И. Сталину (1927 год): "Мало быть вообще готовыми. Нужно быть начеку каждую минуту, в каждом месте, на каждом шагу. Нужно, чтобы эта готовность била в глаза и пугала наших врагов. Нужно создать гипноз страха..."

Советская власть укрепляла свои позиции. Шла непрерывная промывка мозгов на всех уровнях, от младенцев до стариков. В сознание внедряли штампы — "всеобщее одобрение", "по просьбе трудящихся", "монолитное единство партии и народа", "щупальца загнивающего капитализма", а также "трудности роста" и "удовлетворение постоянно растущих потребностей". Создавались образы внешних и внутренних врагов, закладывались ненависть и нетерпимость, принуждение и беспощадность ко всякому инакомыслию, чтобы закрепиться в сознании на многие десятилетия.

В 1932 году в Союзе воинствующих безбожников состояло пять с половиной миллионов человек, в 1935 году тринадцать миллионов, в 1937 — двадцать два миллиона. Из академического издания книги "Загадки": "К чему ни приложь — обман и ложь; затменье уму и ведет во тьму" (отгадка — "религия"). Из частушек, рекомендованных к исполнению:

У кого на полке
Образа-иконки,
А у комсомолочки
Книжечки на полочке...
Даже Лизки, Дуньки, Верки
Записались в пионерки;
Все забыли о попе,
Держат курс на ВКП...

2

В 1920 году духовным лидером любавичских хасидов стал рабби Йосеф Ицхак Шнеерсон, который жил тогда в Ростове-на-Дону. Деятели местной евсекции угрожали ему репрессиями; рабби Шнеерсон переехал в Ленинград и возглавил Раввинский комитет, в который входили главные раввины Москвы, Минска, Харькова. Энергия и организаторские способности сделали рабби Шнеерсона религиозным лидером того времени, и не случайно на конференции раввинов в Коростене его избрали почетным председателем. Раввинский комитет получал от Джойнта ежегодную материальную помощь для проведения "культурной работы"; деньги собирали и верующие евреи Советского Союза. Эти средства направляли на содержание нелегальных хедеров на территории СССР, где учились тысячи еврейских детей; в Москве, Ленинграде, Минске, Витебске были созданы иешивы, в которых по вечерам занималась молодежь. Рабби Шнеерсона называли в ОГПУ "одним из столпов еврейского религиозного движения". В 1925 году он основал в городе Невель бейт-мидраш для подготовки раввинов и резников; его посланники разъезжали по городам, чтобы поддержать евреев и укрепить их в вере; в разные общины отправляли раввинов, меламедов, резников — взамен тех, кого арестовывали.

В 1927 году И. Сталин заявил: надо "довести до конца дело ликвидации реакционного духовенства", — это неминуемо вело к трагическим событиям, которые наступили довольно скоро. Они описаны в воспоминаниях рабби Й. И. Шнеерсона "Записки об аресте", дополнены свидетельствами очевидцев и хасидскими рассказами о "чуде освобождения"

ребе, — повторим с сокращениями эту историю, теперь уже в третьем лице, сохраняя, по возможности, стиль автора.

Лето 1927 года. Ленинград. Дом номер 22 на Моховой улице. В полночь в двенадцатой квартире неожиданно зазвонил звонок. Открыли дверь, и в квартиру стремительно ворвались вооруженные солдаты.

— Мы из ГПУ! Кто здесь Шнеерсон?

Группой командовал старший следователь Нахмансон, еврей из Невеля, его помощником был низенький, черноволосый Лулов из Риги. Два еврея-хасида пришли арестовывать Любавичского ребе, который был духовным наставником их родителей, предки которого были наставниками их предков. Произвели обыск, составили акт; ребе сложил вещи в маленький саквояж, передал его солдату, но тут подскочил Лулов и подхватил саквояж.

— Хасид остается хасидом, — зачастил он на идиш. — Мой дед носил свертки вашего отца, а я понесу ваши вещи.

Но ребе ему этого не позволил:

— Ваш дедушка был настоящий хасид и был достоин помогать моему отцу, когда тот шел по своим делам. Вы же уводите меня не по моей воле и хотите нести мои вещи? Такого удовольствия я вам не доставлю — именно потому, что хасид остается хасидом.

Машина проехала по ночному городу и въехала во двор дома на Шпалерной улице, где находилась следственная тюрьма. Ребе шел медленно по тюремному двору, у него болели ноги. На лестнице он напомнил Нахмансону, что тот разрешил ему повязывать в тюрьме тфилин и молиться.

— Забудьте здесь, что вы уважаемый всеми Шнеерсон, — грубо ответил Нахмансон. — Теперь вы самый обычный человек, которого накажут по всей тяжести преступлений!..

В большой комнате стояли длинные столы вдоль стен. За столами сидели секретарши с папиросами во рту и заполняли бумаги.

— Ваше социальное положение?

— Потомственный почетный гражданин.

— Род ваших занятий?

— Я занимаюсь исследованием, — ответил ребе. — Божественным исследованием, называемым хасидизм. А кроме того, изучением законов и предписаний еврейской религии.

— Как же я запишу все это? — перепугалась секретарша.

— А кто вас заставляет? Хотите — пишите, не хотите — не надо.

Секретарша заполнила анкету и взяла бланк, на котором было напечатано крупно: "Ярлык №..." Над многоточием она написала цифру, и арестант получил новое имя: "Ярлык № 26818".

По пути в камеру ребе попросил конвоира, чтобы разрешил ему повязать тфилин и помолиться. Конвоир в ответ сообщил, что жил когда-

то в местечке, видел как евреи молятся, но сейчас это невозможно. Конвоир шел впереди, ребе — за ним. Он решил помолиться на ходу, успел повязать тфилин на руку, но получил сильный удар и покатился вниз по железным ступеням. Металлический бандаж, который он носил много лет, сломался при падении, и острый кусок железа вонзился в тело. С огромным трудом ребе поднимался по лестнице. Кровь шла не переставая. Боль была нестерпимой. Сверху кричал начальник отделения:

— Веселее, старикан, чего карабкаешься? Время дорого...

В комнате ребе обыскали. Он снова попросил разрешения помолиться, но ему опять отказали. И тогда ребе быстро повязал тфилин, прочитал "Шма, Исраэль" и начал молитву. В этот момент тюремщик повернулся к нему, вцепился в тфилин и заорал:

— Жидовская морда! В карцер посажу, изобью, изувечу...

Ребе успел закончить благословение: "...и царствуй над нами, Ты Сам, Всевышний, с любовью и милосердием", — и его повели в камеру.

Духота. Тусклая лампочка. Железные койки, железный стол и железные двери, каменные глухие стены и невозможная теснота, при которой любое движение беспокоило соседа. Старожилы камеры встретили ребе приветливо, относились с уважением и помогали, чем могли. Через два дня его вызвали на первый допрос. Войдя в комнату, ребе сказал:

— Впервые вхожу в помещение, где собравшиеся даже не считают нужным привстать в знак уважения.

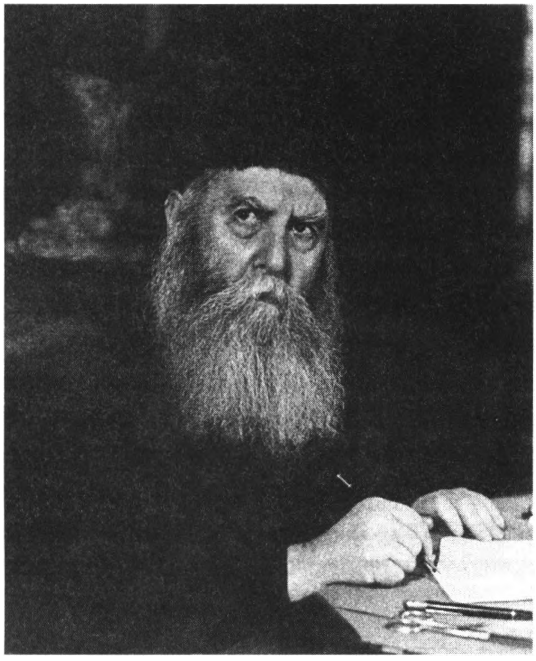
Следователь спросил, знает ли он, где находится. Ребе ответил:

— Конечно, знаю. В помещении, где по закону не следует устанавливать мезузу. Впрочем, есть и другие помещения подобного рода: например, конюшня или туалет.

На первом же допросе ребе заявил, что не будет отвечать ни на какие вопросы, пока ему не возвратят тфилин. Несмотря на крики и угрозы, он объявил голодовку, упрямо повторяя свое требование, и наконец следователи принесли тфилин в камеру. Допросы проходили каждый день, и однажды в комнату заглянул Нахмансон, который арестовал ребе.

— Мои родители, — сказал он, — были хасидами и долгое время оставались бездетными. И тогда отец поехал к Любавичскому ребе, получил от него благословение, Бог вспомнил о моей матери, и она родила сына. Этот сын стоит сейчас перед вами.

Следователи развеселились, а ребе в ответ на это рассказал о споре своего прадеда с одним ученым атеистом. Никакие доводы не смогли убедить атеиста, и тогда Цемах-Цедек, третий Любавичский ребе, сказал ему: "Ты пересмотришь свои взгляды, когда придет к тебе час мучений". Нахмансон выслушал это и замолчал...

Рабби Йосеф
Ицхак Шнеерсон

На другой день после ареста рабби Шнеерсона в его квартире собрались руководители ленинградской общины. Политическая обстановка в стране была накалена. Великобритания разорвала отношения с СССР и предъявила резкий ультиматум. В стране была объявлена высшая боевая готовность для армии и флота. После убийства в Варшаве советского посла П. Войкова ОГПУ проводило массовые аресты. Крупный партийный деятель сказал дочери ребе: "Молись, чтобы твой отец остался в живых". А вскоре из Лениграда передали: за контрреволюцию, за организацию сети хедеров и иешив, за получение из-за границы денег для распространения религии: приговор — расстрел.

Раввины объявили пост в своих общинах, синагоги были переполнены, евреи молились за жизнь арестованного и подписывали петицию, которая начиналась словами: "Освободите ребе!.." Из многих стран мира приходили письма и телеграммы протеста; правительство Германии официально запросило советского посла в Берлине, и тот ответил таким образом: "Я уверен, что советское правительство не заинтересовано в лишении свободы раввина Шнеерсона. Расцениваю эту историю как попытку одного из секторов партии — так называемой еврейской секции — свести счеты с энергичным религиозным деятелем". Председатель ленинградского ГПУ в любой момент мог отдать приказ о приведении приговора в исполнение, а на все письма в правительственные органы приходил стандартный ответ: "Раввин Шнеерсон арестован законно, как злостный преступник, и приговор остается в силе".

Через неделю после ареста ребе в комнате, где заседал комитет по его спасению, раздался телефонный звонок. Е. Пешкова кричала в трубку: "Слава Богу, расстрел отменили!" Пешкова возглавляла в те годы Политический Красный Крест, была знакома со многими членами правительства — расстрел заменили заключением на Соловецких островах, и неожиданное помилование, поступившее из Москвы, вызвало переполох в ленинградском ГПУ. Тюремщики принесли в камеру присланные из дома субботние одежды и халы для встречи субботы, вернули отобранные книги, кипятили для ребе воду в отдельном баке, разрешили читать и писать за столом после отбоя. В темной камере не было часов, нельзя было понять, когда наступает время вечерней молитвы, и надзиратели — стуком в дверь — извещали ребе о часе молитвы. Уникальная, по-видимому, ситуация в истории советской тюрьмы: по коридору разносились слова на непонятном языке, сопровождаемые хасидской мелодией, а надзиратели не врывались в камеру, не прерывали недозволенное, молча слушая молитву вчерашнего смертника. И заключенные слушали тоже.

В последний момент Пешкова встретилась с председателем ОГПУ В. Менжинским, и тот изменил приговор: вместо Соловков — "выслать на три года в город Кострому". За несколько минут до отхода поезда ребе поднялся на ступеньки вагона и в присутствии сотрудников ГПУ сказал провожавшим его хасидам:

— Все народы мира должны знать: лишь тела наши были преданы изгнанию и порабощению чужим властям. Но души наши не были изгнаны и в порабощение властям не переданы... Мы должны помнить, что тюрьма и каторга временны, а Тора, Заветы и народ Израиля — вечны.

И опять в дело вмешалась Пешкова, которой удалось невероятное. Генеральный прокурор подписал полное помилование, и вскоре ребе вернулся из Костромы. Теперь он жил под Москвой, в Малаховке, но руководители евсекции по-прежнему требовали принятия решительных мер: "Почему не арестовывают раввина-мракобеса? Кто победитель: революция или Шнеерсон?.." Назревал новый арест. Выбора не было, и ребе решил уехать из страны, для чего потребовались усилия многих, в особенности еврейских лидеров Латвии. Тысячи евреев пришли в синагогу на последнее выступление своего наставника, которое совпало с праздником Симхат-Тора. В самый веселый день, когда радуются и танцуют, Любавичский ребе прощался со своими хасидами.

— Да поможет Всевышний устранить все трудности и препятствия на пути к изучению Торы... — сказал он. — Вам мой наказ: берегите время и строго соблюдайте расписание занятий. Нужно дорожить каждой секундой именно теперь, когда мгновения равны годам... потому что на этом пути один человек равен десяткам тысяч.

20 октября 1927 года рабби Йосеф Ицхак Шнеерсон, шестой Любавичский ребе, вместе со своей семьей и несколькими ближайшими последователями навсегда покинул Россию. Его влияние на верующих не уменьшилось; власти, понимая это, принимали карательные меры; в одном из официальных изданий даже появился лозунг: "Против ребе Шнеерсона — за Ленина!.."

> После отъезда ребе Раввинский комитет продолжал недолгое время свою деятельность, и его руководители сообщали: "Атаки, которым подвергаются иешивы, как бы сильны они ни были, не сломили дух учащихся и их учителей... Когда евсекция начинает притеснять иешиву, она перемещается в другой город и, разбившись на несколько групп, продолжает занятия. После закрытия иешивы в Невеле ее ученики разъехались по разным городам и учатся — по десять—пятнадцать человек в группе..."

3

К началу 1930-х годов кампания против религии возобновилась с новой силой. В Советском Союзе провозгласили антирелигиозную пятилетку, чтобы к 1 мая 1937 года закрыть в стране молитвенные дома всех религий и "изгнать само понятие Бога". Иудаизм не обошли стороной и объявили "центром, вокруг которого группируются разнородные антисоветские элементы, сионисты, бундовцы, нэпманы".

Здания синагог использовали "для общественных целей", перестраивая в кинотеатры, фабрики, хлебопекарни, общежития, превращая в склады, овощехранилища, гаражи и мастерские. Закрыли Старую синагогу в Феодосии, старейшую на территории СССР, в которой молились до этого сотни лет, и забрали из нее свитки Торы. Закрыли многие синагоги Бердичева, а главную хоральную синагогу превратили в клуб "воинствующих безбожников". В Бердянске запретили молиться в караимской кенассе, изъяли свитки Торы, молитвенники, бронзовые подсвечники. В Кременчуге решили разместить в хоральной синагоге Дом Красной армии. В Проскурове Большую синагогу города превратили в спортивный зал. В здании синагоги Хабаровска разместился художественный музей, в синагоге Якутска открыли Дом пионеров, а в хоральной синагоге Киева — еврейский детский театр. В Орле закрыли два монастыря, несколько церквей и единственную синагогу — здания оказались "излишними по территориальному расположению", и власти не усмотрели необходимости в "исполнении религиозных потребностей". В Симферополе официальная причина оказалась иной: "ввиду требования трудящихся ликвидировать синагогу и использовать ее под столовую". В

Старой синагоге Херсона разместили Дом санитарного просвещения. В здании хоральной синагоги Харькова расположился клуб имени Третьего Интернационала. В Тифлисе одну из синагог превратили в спортивный зал, а в другой разместился Дом культуры трудящихся евреев Грузии имени Л. Берия.

В 1931 году на Украине закрыли более ста синагог. В Белоруссии действовали до революции 704 синагоги; 633 из них закрыли, а оставшиеся поставили под контроль советских органов. К концу 1933 года на территории РСФСР ликвидировали 257 синагог — 57% от общего количества, 28% православных церквей и 42% мусульманских мечетей.

> Из протокола заседания (1931 год): "Слушали: о закрытии шести церквей г. Пензы. Постановили: ликвидировать в г. Пензе синагогу и пять церквей..." В том же году ликвидировали в Пензе беспроцентную ссудную кассу еврейской общины для выдачи займов нуждающимся и закрыли еврейский дом для престарелых, существовавший на пожертвования, — "как опасное проявление буржуазного национализма".

Несмотря на упразднение еврейских общин, религиозные организации продолжали действовать в городах и местечках, регистрируясь под разными названиями и переходя после запрета на нелегальное положение. Они следили за сохранностью синагог и кладбищ, содержали раввинов и резников, надзирали за соблюдением кашрута, помогали больным и неимущим, хоронили умерших по религиозным законам. Издание религиозных книг было под запретом, а потому распространяли молитвенники и сборники раввинских проповедей, переписанные от руки, а также еврейские календари на каждый год, чтобы религиозные евреи могли узнать даты наступления праздников. В эти календари включали основные молитвы и поминальный "кадиш", которые дублировали русскими буквами, так как многие уже не могли читать на иврите. Появились странствующие проповедники, шойхеты — резники птицы и скота, переписчики свитков Торы, учителя в нелегальных хедерах и иешивах; раввины приезжали по приглашению, чтобы провести бракосочетание по еврейскому закону, а моэлы — совершить обряд обрезания новорожденного. Тайно преподавали Закон раввин Х. Брук в Бердичеве и раввин Н. Хайтман в Минске, а раввин А. Дрейзен из Витебска под видом крестьянина переезжал из города в город и обучал группы учеников.

Массовый переезд в большие города разобщал еврейское население, но остатки общинной жизни сохранялись. Чтобы проводить богослужение на частных квартирах, требовалось разрешение местных властей, однако не всякий решался на подобный шаг. Устраивали тайные молель-

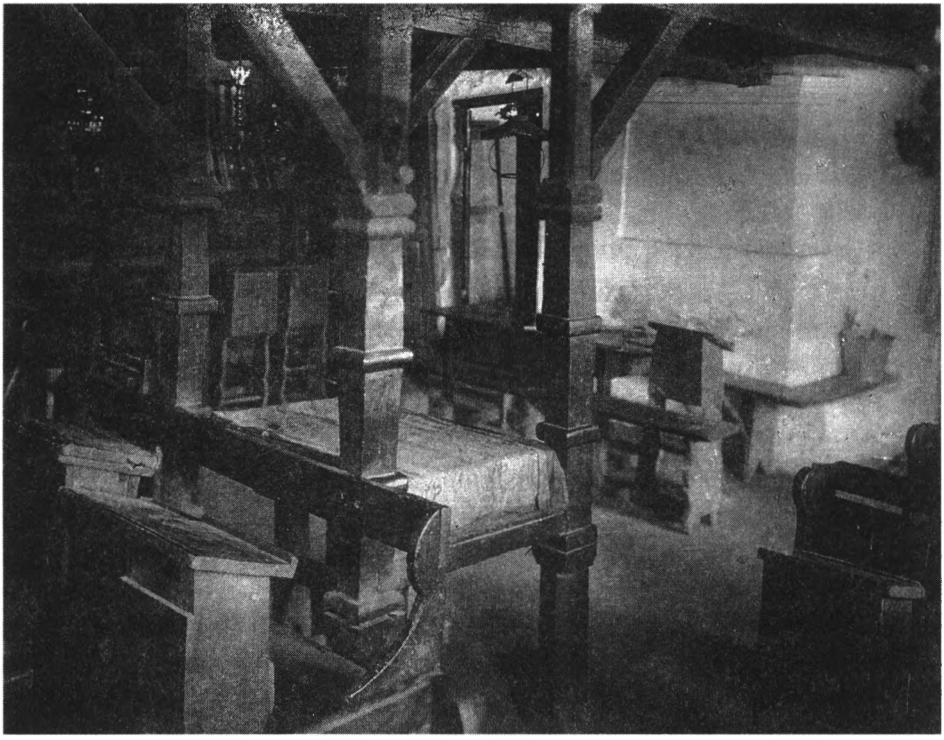
Еврейская семья. Украина, 1927 год

ни, куда сходились по одному, принимая меры предосторожности; использовали любые возможности и предлоги, чтобы не ходить на работу по субботам и праздникам. Религиозные евреи становились ремесленниками и брали работу на дом; Джойнт присылал для них чулочные, вязальные, оверлочные машины — таким способом они зарабатывали на жизнь и не нарушали религиозные предписания.

Евреи в подмосковных поселках говорили между собой на идиш, устраивали молельни в домах и избах, молились и по квартирам, переходя из семьи в семью; меламеды обучали детей, стараясь не привлекать к себе внимания. Люди среднего и старшего возраста соблюдали еврейские традиции, отмечали праздники, готовили те же блюда, что и их предки, даже если переставали молиться и ходить в синагоги. Для соблюдения кашрута покупали на рынке живую курицу и ехали за город к резнику, пересаживаясь с трамвая на пригородный поезд; на Хануку жарили традиционные "латкес" из картофеля, на Пурим пекли "гументаши" с маком, к празднику Песах выпекали мацу, изготавливали вино из изюма, к столу подавали бульон с "кнейдлах" — галушками из перемолотой мацы с гусиным жиром. Из воспоминаний жителя подмосковного поселка: на Суккот "помню, один раз вышли во двор старики с палками и простынями. Устроили навес из веток над головами и под этим навесом ели..." — "За три дня до праздника Песах мы снимали печку у нашей русской соседки: эта печка была самая большая.

Хорошенько ее прокаливали. Потом приходили женщины и девушки из нескольких еврейских семей и брались за дело. Мацу пекли не каждый для себя, а на всех".

Еврейская жизнь сохранялась, теплилась, не желала умирать, особенно в небольших городах и местечках Украины и Белоруссии, в тех краях, где жили некогда великие цадики и раввины. В Меджибоже на Подолии негласно существовали погребальное братство и общество пособия больным; община сохранила в целости старинный бейт-мидраш — дом молитвы и учения основателя хасидизма Баал Шем-Това, в котором хранились его головной убор, посох и кресло; следили и за сохранностью места его погребения на местном кладбище, куда приезжали хасиды, чтобы помолиться у могилы своего учителя.

Синагога Баал Шем-Това в Меджибоже

В Новозыбкове на Украине бейт-мидраш был постоянно заполнен: туда приходили молиться и изучать Закон; когда здание сгорело, община объявила всеобщий траур, и на похороны обгоревшего свитка Торы приехали раввины из других городов. "В Шаргороде были четыре молитвенных дома и большая хоральная синагога, — сообщал очевидец, — был и свой кантор Герш Кривошей. Когда он исполнял молитвы, в синагоге стояла мертвая тишина, и люди, затаив дыхание, слушали его чарующий

голос...” — “В Шаргороде справляли традиционные свадьбы: главным здесь был парикмахер Хаим Шнайдер и два его сына, которые при помощи барабанщика Бени-пукера веселили народ, играя на музыкальных инструментах...”

> Из воспоминаний: “Я помню микву, куда иногда брала меня мама, помню дом над речкой, куда я носила субботний челнт и халу для бедной вдовы. Иногда, перед праздниками, мы с подругами потихоньку ходили собирать “цдаку” (пожертвование) для бедных, хотя такое занятие не значилось в кодексе чести советского пионера...” — “Религиозное воспитание, которое я с раннего детства получила дома, пришло в столкновение с тем, чему учила школа, и этот конфликт был непростым для ребенка. На ночь я читала молитву “Шма, Исраэль”, конечно, не понимая ни слова. Но как быть теперь, когда я стала октябренком, да еще членом СВБ (Союза воинствующих безбожников)? И я жарко молилась: “Боже, прости меня, но я ведь не имею права в Тебя верить. Я же октябренок! И молиться больше не буду...”

Из года в год нападки на религию ужесточались. За исполнение элементарных обрядов и обычаев — вплоть до участия в пасхальном седере, в похоронах родителей по религиозному ритуалу и исполнении семидневного траура — могли взять на заметку, выгнать из партии и с работы; даже ношение бороды вызывало подозрение, предполагая тайное соблюдение традиций, с которыми беспощадно боролись. Из воспоминаний современника: “В 1929 год скончался мой отец. Нашлись люди, которые доложили руководителям евсекции, что я купил в кооперативе ткань для савана и участвовал в религиозном обряде при отпевании отца... На собрании одна учительница выступила с новым разоблачением: после похорон отца в течение семи траурных дней у меня на квартире ежедневно собирался “миньян”, и я произносил заупокойную молитву “кадиш”...”

Притеснения набирали силу, но верующие продолжали сопротивляться. По разным городам существовали немногочисленные квартирные “миньяны”, разрешенные властями, однако почти все молились в одиночестве за закрытой дверью, опасаясь преследований. В городе Фрунзе, в Киргизии, синагоги не было, а потому “по субботам немногочисленные евреи собирались у кого-нибудь, молились, обменивались новостями и быстро расходились, опасаясь, как бы кто-нибудь не заметил и не донес “наверх”... Мацу пекли тайно, каждый у себя дома, и национальные праздники отмечали тоже с опаской: как бы чего не вышло. Обрезание мальчикам делали в глубочайшей тайне: родители трех-четы-

рех младенцев договаривались о дне свершения обряда, собирали деньги, выписывали специалиста из Ташкента..."

> В 1931 году временно разрешили получение посылок с мацой из-за границы через магазины Торгсина ("Торговля с иностранцами"), но с непременным условием — "выручить за эту операцию не менее одного миллиона рублей в иностранной валюте".

В начале 1930-х годов в Москве существовало нелегальное погребальное братство, члены которого хоронили евреев по религиозному обряду, произносили по покойному "кадиш" — поминальную молитву в течение последующих одиннадцати месяцев, устанавливали памятники на могилах на собранные средства, отмечали годовщины смерти, помогали вдовам и детям; раз в году члены погребального братства произносили специальную молитву, прося у покойных прощения, так как не имели возможности в полной мере воздать им должные почести. С помощью Джойнта организовывали в Москве промышленные артели по производству мебели и швейных изделий. Эти артели перевыполняли план, завоевывали красные знамена в социалистическом соревновании и получали премии; там находили работу верующие евреи, которые не желали нарушать субботу. Из свидетельства очевидца: в одну из артелей приехал инспектор "и, как назло, в субботу утром. Конечно, ни в правлении, ни на производстве никого не было. По подсказке местных жителей он застал почти все руководство в частном доме, где после утренней молитвы люди сидели за столом, делали "кидуш" (благословение). Назревал скандал... Многие сразу же выехали из Москвы в Ташкент, в Самарканд и другие города. Ведь это был печально известный 1937 год!.."

В 1937 году в газете "Эмес" с возмущением писали о "несознательных" родителях, которые в дни еврейских праздников не пускали в школы своих детей, о изготовлении мацы на Песах, о секретаре партячейки, который делал обрезание сыновьям. В том же году запретили еврейским религиозным общинам выпекать мацу; ленинградские евреи послали письма И. Сталину, В. Молотову и М. Калинину, назвав это подлинным бедствием, не имеющим "прецедентов в истории евреев", но запрет не отменили. Государственные пекарни выпекали мацу, которая была некашерной, и верующие евреи не смогли традиционно отметить праздник Песах.

Представитель Витебского обкома партии докладывал в 1939 году: в белорусском местечке Колышки "до сих пор функционирует синагога, которую посещают до сорока пяти евреев. В дни еврейской Пасхи все еврейское население употребляет мацу, празднует этот праздник. Характерно, что в выпечке мацы участвовали школьники старших классов..." — "В сельсовет явилась группа стариков... с просьбой дать разрешение на

существование религиозного погребального общества... Хотя разрешение сельсоветом не было дано, эта группа... устроила похороны старушки Гуревич..."

> "Да не станет насмехаться грядущее поколение над скромностью деяний и малостью трудов наших. Для тех условий — тяжелых и невыносимых, в которых мы жили, велики и громадны были эти дела. Во времена горести не отчаивались мы, совершалась работа малая, но непрерывная — из нее, из нее соткано полотно жизни, ибо дела незначительные сливаются в огромные и создают бытие человеческое... Да не будут потомки пренебрегать самой малой работой — и удостоятся тогда дел великих..." (Моше Мордехай Певзнер, еврейский летописец)

4

В 1930-е годы менялся облик городков и местечек Украины и Белоруссии; там появились мебельные, бумажные, суконные, кирпичные, деревообрабатывающие фабрики, хлебозаводы и мясокомбинаты, цеха по переработке овощей и фруктов, которые притягивали к себе окрестное население. В местечках скапливалось большое количество рабочих, для которых строили новые кварталы домов, улицы заливали асфальтом или мостили булыжником, возводили здания почты, школы, клуба, гостиницы и больницы, открывали магазины по торговле продуктами и промышленными товарами, проводили электричество и радиосеть. Стандартная архитектура новых зданий с непременным памятником Ленину соседствовала со старыми домишками на запущенных улочках окраин, которые получили современные названия — Советская, Ленинская, имени Красной армии, а то и улица Фердинанда Лассаля, Розы Люксембург или Карла Либкнехта. Городки и местечки Украины и Белоруссии становились неотличимы от прочих населенных пунктов Советского Союза, где возводили однотипные здания, а улицы получали те же самые названия. Безликость пришла на смену прежнему облику еврейского местечка; пионеры с комсомольцами распевали на идиш с клубных сцен:

Умерло все старое —
Да будет оно благословенно.
Даже холодные компрессы
Поздно уже класть...

На улицах местечек появились громкоговорители, радио входило в дома, а вместе с ним — официальная идеология на русском, украинском, белорусском языках или на идиш. Из сообщений по радио и ста-

тей в газетах местечковые жители узнавали об очередных достижениях в промышленности и сельском хозяйстве страны, о борьбе с вредителями и враждебными троцкистскими группировками, о буржуазии Запада, под гнетом которой мучались и голодали многомиллионные массы рабочих и крестьян. Молодежь уже не изучала Тору и Талмуд, не знала или не желала знать основ еврейской традиционной жизни; новые веяния увлекали сладостными мечтами о светлом будущем, когда все будут равными и счастливыми: "Мы наш, мы новый мир построим..."; новая идеология освобождала от прежней морали, от влияния религии и опеки родителей, принося ощущение мнимой свободы. Дети салютовали под пионерское приветствие: "Будь готов!" — "Всегда готов!" Подростки изготавливали самодельные плакаты "Да здравствует комсомол!" и "Лордам по мордам!", выходили на демонстрации под портретами вождей, собирали деньги на эскадрилью "Наш ответ Чемберлену" и каждому, кто жертвовал хоть копейку, выдавали значок — самолет с кулаком вместо пропеллера. Юноши и девушки пели на марше: "Красная армия, смело вперед, нас товарищ Троцкий в бой ведет...", "Ленин, и Троцкий, и Луначарский — они основали союз пролетарский..."; затем песни о Троцком изъяли из употребления и взамен стали петь о "красном командире" Ворошилове, о "мудром и великом" Сталине. Популярны были песни и более проникновенного характера, исполняемые в минорном тоне, — для молодежи, склонной к задумчивости и меланхолии:

Мы идем на смену старым,
Утомившимся борцам,
Мировым зажечь пожаром
Пролетарские сердца...

Прежняя, веками сложившаяся в еврейской среде тяга к учению обратилась в желание поступить в институт или техникум, получить образование и нужную стране специальность. Это увеличивало отток молодежи из местечек: юноши и девушки отправлялись в окрестные города или в столицы, чтобы со временем стать инженерами, учителями, учеными, офицерами Красной армии. По организованному набору КОМЗЕТа были направлены в школы фабрично-заводского ученичества более тридцати тысяч еврейских юношей и девушек, которые после овладения специальностью разъехались по индустриальным центрам Украины, Урала, Дальнего Востока. Еврейская семья — в прошлом оплот общинной жизни — начала потихоньку распадаться. Дети уходили в города, взрослые оставались в местечках, и когда сыновья или дочери приезжали навестить родителей, они ощущали образовавшийся разрыв в мышлении и образе жизни. Отношение к религии, соблюдение обычаев или борьба с ними приводили к конфликтам в семьях, раздорам с род-

ными и соседями, к яростным спорам в защиту или отрицание традиций. Подростки вступали в Общество воинствующих безбожников, выпускали стенгазеты и устраивали спектакли с антирелигиозной пропагандой; дети разъясняли родителям вред всякой религии — "опиума для народа", требовали снять мезузы с дверей, прекратить соблюдение обычаев; в газетах и по радио сообщали об очередном публичном отречении от религиозных предписаний.

Еврейская семья. Украина, 1929 год

Переняв новую идеологию и образ жизни, многие тем не менее сохраняли прежние традиции, делали обрезания сыновьям, совершали благословение над свечами при наступлении субботы, всей семьей усаживались за праздничную трапезу, и женщины подавали на стол форшмак из селедки, тертую редьку с луком и гусиным жиром, гефилте фиш — фаршированную рыбу, кугл — запеканку, челнт — мясо с фасолью и картошкой, фаршированную куриную шейку, кисло-сладкое мясо с черносливом, цимес из тушеной моркови, локшн — вермишель домашнего приготовления, прочие традиционные блюда еврейской кухни. Идиш еще сохранялся в семье, но перестал быть языком общения на работе, в клубе, на почте и в магазине. Религиозные евреи уже не могли содержать раввина и кантора на свои средства, однако кое-где раввины оставались, зарабатывая на жизнь случайной работой. В местечках сохранялись и резники, или же приезжали перед праздниками, чтобы обеспечить кашерным мясом. Порой устраивали "столы для бед-

ных", как в прежние времена, и нуждающиеся евреи сходились туда в обеденное время.

Поселяясь в городах, евреи вступали в смешанные браки, и даже при браке еврея с еврейкой ограничивались регистрацией в государственном учреждении. В местечках подобный процесс шел медленнее; несмотря на огромные изменения, местечко оставалось хранилищем еврейских традиций и языка идиш. Родители требовали от детей, чтобы свадьба состоялась по религиозному закону, и приглашали раввина из города. Смешанный брак в семье у верующих евреев рассматривался как трагедия. В местечке Хащеватом девушка из религиозной семьи вышла замуж за украинца Степана: "Все сбежались, как на пожар. Всем не терпелось посмотреть на набожного еврея, дочь которого выкрестилась... Все тревожились за своих дочерей — как бы уберечь их от подобного..." Отец девушки семь дней исполнял траур по дочери, как по покойнице, а затем не пожелал видеть ее мужа и родившегося внука — это случилось в 1937 году.

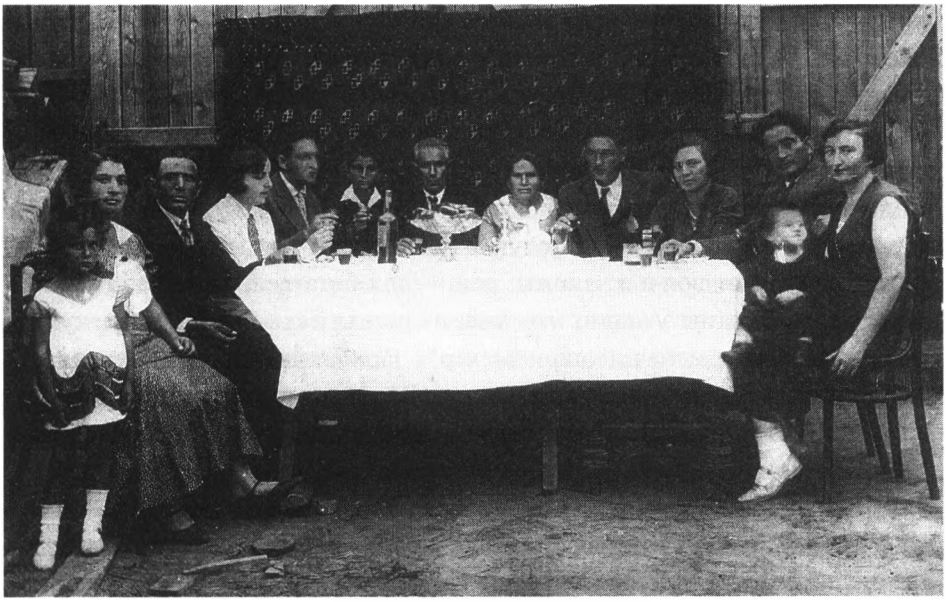
> М. Калинин, из выступления: "Если бы я был старый раввин, болеющий душой за еврейскую нацию, я бы предал проклятию всех евреев, едущих в Москву на советские должности, ибо они потеряны для своей нации. В Москве евреи смешивают свою кровь с русской кровью, и они для еврейской нации со второго, максимум с третьего поколения потеряны, они превращаются в обычных русификаторов..."

5

Евреи переезжали из местечек в провинциальные города Украины и Белоруссии, приобретали профессии, меняли условия быта, взгляды с убеждениями, и остатки традиционной жизни постепенно размывались под напором новых веяний. Перескажем с сокращениями воспоминания Ц. Сегаль о еврейской жизни в городе Витебске в 1930-е годы.

"Когда я вспоминаю город моего детства, мне прежде всего видится наш витебский двор. Он был не очень многолюден, в двух деревянных домах и небольшом флигеле размещались шесть-семь семей. Летними вечерами женщины выходили во двор с одеялами и стелили их рядком возле сараев. Около них резвились дети, иногда присаживались и мужья. Здесь был своеобразный клуб, место общения. Сюда первыми поступали дворовые и уличные новости, здесь горячо обсуждались житейские ситуации, давались очные и заочные советы, выносились приговоры. Милые мои соседи: Яхнины, Лаговиры, Фляпаны, Русины, Беленькие — мир людей без привилегий и претензий; именно здесь, среди вас, я получила свои первые жизненные уроки!

Окна нашей квартиры выходили во двор, и мой папа "обеспечивал" развлекательную часть нашего отдыха. Он выставлял на окно патефон и "крутил" пластинки. Сидя на траве, мы упивались пением Вадима Козина и Петра Лещенко, сопереживали Ляле Черной и Изабелле Юрьевой, подпевали Леониду Утесову и Клавдии Шульженко. Звучали в нашем дворе и еврейские песни в исполнении Шульмана, Эпельбаума, Тамары Ханум — но, если честно, они не очень волновали. Сейчас думаю: почему? Может быть, потому, что всем хотелось вырасти из местечковой среды, а эти песни не пускали? Может быть...

Еврейская семья. Украина, 1930-е годы

В нашем дворе систематически, по какому-то своему "графику", появлялись нищие. Они тоже были евреи, к ним относились с сочувствием и подавать считали своей обязанностью. Нищих знали по именам, и если они долго не являлись, это все замечали. Были они, помню, вежливыми, неприхотливыми, но держались с достоинством. Слово "побирушки" к ним не подходило. Постоянным "клиентом" нашего двора был нищий Меер — человек без возраста, неопрятно одетый, давно не мытый. У него была чахлая бороденка, неизменный картуз с обломившимся козырьком и полотняная сумка, куда он складывал хлеб. Он шаркающей походкой входил во двор, с полуулыбкой здоровался: "Золт ир гобн а гутен тог" ("Пусть у вас будет хороший день"), — и тихонько садился на скамеечку во дворе. Съев тарелку супа, которую ему выносили, он благодарил, но не сразу уходил: "Я посижу еще, мне некуда спешить", — и сидел до сумерек, мурлыча себе под нос.

Неожиданно сама Америка появилась в нашем дворе. Американская тетя пробыла у нас недолго, но несколько дней ее пребывания буквально "перепахали" сознание обитателей двора. Прежде всего тетя из Америки, побывав в нашей дворовой уборной, пришла в неописуемый ужас и спросила, нет ли поблизости нормального туалета, она даже готова платить за каждое посещение. Весь двор напряженно размышлял, куда бы ее направить, и пришлось "бедной" тете ходить каждый день в "цивилизованный" туалет на вокзале. Ночевала она у нас, в постели, которую уступили ей мои родители, так как дворовый коллектив решил, что у нас самая красивая квартира и самая ухоженная постель. Это дало нам возможность увидеть невиданные доселе вещи: шелковую ночную сорочку с кружевами, немыслимой красоты утренний халат, предметы дамского туалета. Эти диковинки приводили в изумление не только детей, но и взрослых, ходивших на "экскурсию" в нашу спальню во время утреннего похода тети на вокзал.

Американская тетя побудила наш двор взглянуть иначе на свою жизнь и долго обсуждать ту, другую жизнь, о которой мы знали лишь то, что там властвуют волчьи законы: рай — для богатеев, ад — для простых людей. Когда же мы узнали, что американская тетя вовсе не буржуйка, а обыкновенный "собачий парикмахер", зарабатывающий на жизнь честным трудом, мы и вовсе растерялись. Все в нашем дворе тоже честно трудились, а жили бедно — правда, с надеждой на светлое будущее, которого не было у "загнивающей Америки".

Сестра отца Ида уехала из местечка в Бобруйск, устроилась официанткой в командирскую столовую и вскоре вышла замуж за летчика Сергея Костина. За гоя! И без того больную бабушку это совсем подкосило. Она вызвала Иду для разговора: "Ты что, хочешь моей смерти?" — "А что я такого сделала? Он хороший, и я его люблю". — "Она его любит! А среди евреев нет уже хороших?" — "Я не нашла". — "Ну, все! Все евреи попрятались от нашей Иды! И она не нашла! Вот, Ицик, — обратилась бабушка к деду. — Надо было больше ломать спину, чтобы вырастить для гоев этих безмозглых кобыл". И чтобы не повторилась эта история с другими "кобылами", их посылали в Витебск под покровительство старшего брата. Папа помогал им устраиваться на работу, а еврейских женихов они сами находили, без всякой помощи, легко и быстро: папины сестры были видными. Жениться и выходить замуж за своих соплеменников в нашей среде было тогда незыблемой традицией; смешанные браки были еще редкостью в довоенном Витебске... Хочу добавить, что женская полнота в то время считалась эталоном красоты и достоинства. Помню, как сетовала соседская старушка, что одному из ее сыновей не повезло с женой: у Моисея, Моти, Гриши жены как жены — полные, представительные, а у Миши не на что посмотреть: "а цукрóхене", кожа да кости.

Мацу пекли в нашем доме. Пекарней становилась большая столовая в квартире Яхниных и кухня, в которой по этому случаю растапливали русскую печь. Процесс выпечки мацы был настоящим праздником для всех. Для этой работы обычно приглашали несколько женщин из бедных. Тут их нельзя было узнать: тщательно вымытые, одетые в чистые платья, в белых фартуках и белых косынках, — они не были похожи на тех, кто приходил в наш дом за подаянием. Чувствовали они себя за общим, угодным Богу делом уверенно и благостно, много говорили и смеялись. Я хорошо запомнила процедуру выпечки мацы, но не помню, чтобы кто-либо в нашем дворе отмечал Пасху по правилам; не помню ни одной хупы, ни одной бармицвы, ни одной субботней трапезы. Но многие вековые привычки еще держались, их поддерживало неосмысленное убеждение: так надо, потому что так поступали отцы, деды, прадеды. Только обряд обрезания строго держался до самой войны. Этому обряду подвергли и моего младшего братишку Яшу, хотя законы религии в нашей семье совершенно не соблюдались. Верующих в нашем дворе не было, но даже у моего папы, бывшего комсомольца, хранился на дне сундука талес. Верующих не было, но когда мы, дети, под влиянием антирелигиозной пропаганды вертелись около стариков и злорадно кричали: "Бога нет! Бога нет!" — то получали от соседей затрещину, и родители эту меру приветствовали.

В моем довоенном детстве еще писали письма на идиш. Именно такие письма мы получали от тети из Слуцка. Я разглядывала буквы-раковинки, и мне страшно хотелось проникнуть в их загадочный смысл. В них было что-то таинственное и необычное, как в сказках "Тысячи и одной ночи". Когда я приставала к маме, чтобы она научила меня читать эти буквы, мама со смехом отмахивалась: "Зачем это тебе? Это никогда в жизни не пригодится". Мама была абсолютно уверена, что еврейство растворится в многонациональной советской среде, и не скрывала, что она бы одобрила этот путь. И поэтому, когда пришла пора моего ученичества, мама, не колеблясь, повела меня в русскую школу, хотя еврейская была гораздо ближе, и мне хотелось в нее..."

6

Р. Зайчик, свидетель того времени (из воспоминаний, написанных в 1990-е годы):

"Мой отец — раввин реб Авроом Зайчик, сын раввина реб Бецалеля Гакоэна — родился в еврейском местечке Смиловичи Игуменского уезда Минской губернии, где его отец — мой дедушка — рав реб Бецалель, сын рава реб Цви Зеэва Гакоэна, почти шестьдесят лет был раввином... Броха, моя будущая мать, была дочерью известного раввина Александ-

ра-Сендера Элиягу Бухмана из местечка Юревичи Речицкого уезда Минской губернии... Броха была единственной дочерью, признанной красавицей и редкостным для девушек и женщин знатоком иудаизма. Она знала переводы и толкования молитв, знала наизусть Танах, разбиралась в комментариях к нему, изучала Талмуд...

Отец был раввином в Юревичах до 1922 года. Его знали во всех городах и местечках от Киева до Минска, на раввинский суд к нему стояли в очереди. Отец много работал, писал комментарии по религиозным проблемам... С 1922 по 1929 год он был раввином в Смиловичах и, продолжая дело своего отца, пользовался большим авторитетом по всей округе. Но гонения на верующих начались и там. И отец решил переехать в Москву, чтобы скрыться от бдительного ока большевистских властей... Буквально через неделю после отъезда отца в Смиловичах были арестованы все, кто имел отношение к духовенству...

Мой отец организовал в Москве объединение "Ахим" ("Братья"). В тот период семейные связи распадались, дети были вынуждены покидать родителей, даже делать вид, что отказываются от них; многие оставались без родителей, погибших от войны, погромов, лишений и репрессий. Организация "Ахим" объединила молодежь, в основном одиночек... приобщила к религии (или дала возможность не отойти от нее), обеспечила круг человеческого общения, психологическую поддержку, в какой-то степени придала уверенность в завтрашнем дне... В 1934 году отцу было предложено место московского раввина, но он отказался, учитывая политическую обстановку тех лет.

Времена резко менялись к худшему. Наступал зловещий 1937 год... Жизнь превратилась в сплошной кошмар. Долгие ночи напролет отец просиживал без сна в темноте, у окна дома на окраине Москвы, где мы жили. Как только где-то проходил автомобиль, он говорил, обращаясь к моей матери: "Броха, это за мной..." Страшно стало хранить еврейские — особенно религиозного содержания — книги. Частично отец раздал их, частично хранили в чуланах, даже в погребах, ибо многие боялись держать их дома... О рукописях я уже не говорю. Они представляли наибольшую опасность. Отец все дни просматривал их и со слезами на глазах бросал в огонь. Было сожжено огромное количество рукописей... Так отец жил три года. Все это отразилось на его здоровье, он тяжело заболел и был призван ко Всевышнему 14 швата 5700 года (24 января 1940 г.)...

Моя жизнь сложилась трудно: я попал, можно сказать, "меж теснин", прожил в страхе долгие-долгие годы. Но мне многое довелось увидеть, во многом принять участие... Мой сын — единственный внук моих родителей — профессор рав реб Бецалель Гакоэн (он назван именем моего дедушки) взялся за книги предков, — эти "головни, спасенные из ог-

ня" в прямом смысле слова, — многое собрал, пересмотрел, привел в порядок. В его планах использовать их и написать об этом, в том числе и о сохранившихся рукописях моего отца. И Всевышний да будет ему в помощь!.."

Хасидский цадик рабби Шломо Бенцион Тверский из Чернобыля бежал в Киев от погромов Гражданской войны, переехал затем в США, но в 1929 году вернулся на Украину к своим последователям. В его киевской квартире была устроена синагога; ежедневно цадик принимал посетителей, по субботам хасиды приходили к нему на трапезу, а на проводах субботы пели и танцевали. Это было время преследования религии, однако ежемесячно рабби Шломо Бенцион выходил на улицу вместе со своими хасидами и приветствовал наступление нового месяца; во время праздника Суккот на его балконе строили сукку. На похоронах рабби Шломо Бенциона в 1939 году хасиды несли тело цадика по киевским улицам от его дома до кладбища; похоронная процессия была многолюдна и останавливала движение транспорта; над его могилой хасиды построили склеп.

В 1934 году раввином хоральной синагоги Ленинграда стал рав Менахем Мендл Глускин из Минска. Не было никакой возможности получить государственное жилье для раввина-лишенца; он ютился с детьми по разным углам и через два года умер в подвальном помещении, в проходной комнате чужой квартиры, из окна которой были видны ноги прохожих. Из воспоминаний дочери: "Тело его перевезли в хоральную синагогу и положили на полу перед амвоном. Тут же проходила панихида. Лермонтовский проспект перед синагогой был заполнен народом. Гроб взяли на плечи молодые хасиды и несли его через весь город. Шествие походило на первомайскую демонстрацию. Так шли до самого Московского вокзала и только там... положили гроб на открытую грузовую машину и повезли на Преображенское кладбище..."

Во время Первой мировой войны пятый Любавичский ребе Шалом Дов-Бер Шнеерсон переехал в Ростов-на-Дону, а свою библиотеку — многие сотни книг — сдал на хранение на частный склад. После революции склад национализировали, и книги поступили в Румянцевский музей в Москве. Шестой Любавичский ребе Йосеф

Ицхак Шнеерсон потребовал вернуть библиотеку, но это ему не удалось. Ребе уехал из России, его последователи пытались получить книги, но им постоянно отказывали в просьбе.

Подобная участь постигла и библиотеку редчайших еврейских изданий барона Д. Гинцбурга, собранную до революции: восемь тысяч книг и две тысячи рукописей, самая древняя из которых датируется 914 годом. Летом 1917 года группа российских евреев приобрела у вдовы барона всю коллекцию, чтобы переправить ее в Национальную библиотеку в Иерусалиме, но после октябрьского переворота коллекцию национализировали. Многие попытки вернуть ее в Иерусалим не увенчались успехом: советские власти под разными предлогами уклонялись от выдачи книг и рукописей, хотя им и представляли необходимые документы о законном владельце. После образования государства Израиль и установления дипломатических отношений с СССР часть рукописей и некоторые книги сфотографировали, снимки послали в Иерусалим, однако уникальная коллекция барона Гинцбурга по сей день находится в запасниках Ленинской библиотеки в Москве.

Из газеты "Рассвет" (Париж, 1930 год): "В Нью-Йорк доставлены из советской России ценные еврейские книги, конфискованные в синагогах. Книги прибыли в адрес Амторга (неофициальное советское торгпредство), который распродает их коллекционерам..."

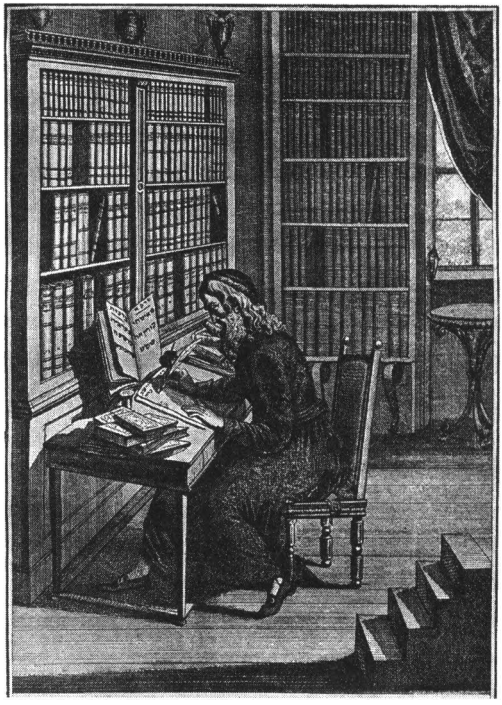
❧

К 1939 году в Москве действовали Большая синагога в Спасоглинищевском переулке возле Солянки и синагога в Марьиной Роще. При Большой синагоге существовал бейт-мидраш, где занимались пожилые люди и несколько юношей; погребальное братство хоронило усопших на еврейском кладбище в Дорогомилово, возле Москвы-реки, однако по плану реконструкции столицы Дорогомиловское кладбище предназначили под застройку. Родственникам предложили перезахоронить останки близких в пригороде, на еврейском кладбище в Вострякове. Кое-кто сумел перенести прах, на новые холмики воткнули временные таблички с номерами — но вскоре началась война, на территории кладбища обучали новобранцев, которые и затоптали могилы с табличками. После войны евреи ходили по разгромленному Дорогомиловскому кладбищу посреди разбросанных плит, в поисках могил отцов-братьев. Впоследствии на том месте построили жилые дома; памятники с Дорогомиловского кладбища навалом лежали в Вострякове, с них стесывали старые надписи и выбивали фамилии иных усопших.

Во многих городах уже не было мест на еврейских кладбищах, однако власти не выделяли отдельные участки земли под новые захоронения, заставляя погребать на "смешанных" кладбищах. Еврейские кладбища закрывали и уничтожали вплоть до последних десятилетий двадцатого века — в Минске, Кишиневе, Львове, Бердичеве, Вильнюсе. В 1951 году в Томске ликвидировали все захоронения на старом еврейском кладбище и застроили территорию; подобное произошло и в Нижнем Новгороде. В середине 1950-х годов распахали еврейское кладбище в Гродно, а камни с могил использовали для сооружения памятника В. Ленину. В 1960-х годах ликвидировали Лукьяновское еврейское кладбище в Киеве; в 1970-е годы уничтожили старое еврейское кладбище в Одессе, существовавшее с конца восемнадцатого века, — на нем были похоронены писатель Менделе Мойхер Сфорим, поэт Семен Фруг, многие религиозные и общественные деятели.

В семнадцатом веке раввином города Острога на Украине был рав Шмуэль Эдельс, глава иешивы, комментатор Талмуда и литургический поэт, один из крупнейших религиозных авторитетов того времени. Он прославился своей добротой и стремлением помогать людям; на косяке входной двери в его дом был написан стих из Книги Иова: "Странник не ночевал на улице, и двери мои открывал я путнику..." Легенды о добрых делах и чудесах рава Эдельса передавали из уст в уста; памятник на его могиле сохранялся триста лет, к нему приходили верующие евреи и молились возле погребения знаменитого ученого. В 1967 году старое еврейское кладбище Острога было уничтожено. Солдаты, больные психиатрической больницы, прочие добровольцы завалили и разбили памятники на мелкие осколки, которые пошли на мощение дорожек. Памятник с могилы рава Эдельса установили во дворе городского музея, как экспонат семнадцатого века, но вскоре, по указанию местных властей, его уничтожили. На территории еврейского кладбища создали парк "Юбилейный" — с танцплощадкой, увеселительными заведениями, возможно, даже с "комнатой смеха". В 1990 году из Израиля привезли мраморную плиту и установили на месте предполагаемого захоронения рава Эдельса, но неизвестные лица ее разбили; из Израиля привезли еще одну плиту, которую защитили металлической оградой. В 1992 году парк ликвидировали, территорию кладбища передали еврейской общине города, однако определить места конкретных захоронений прошлых веков уже невозможно. На мраморной плите у входа на уничтоженное кладбище высечены

слова на идиш и украинском языке: “Здесь покоятся останки тех, кто с пятнадцатого столетия своим трудом, умом и талантом способствовал расцвету культуры и экономики края”.

Рав Шмуэль
Эдельс
из Острога

В годы репрессий хасиды Ленинграда тайно собирались на праздники в доме ребе Авраама Плоткина, и он говорил им: “В старое время лошадей “призывали” в армию, а после нескольких лет службы списывали и продавали крестьянам. Лошадей ожидал тяжелый труд, недостаток корма, и вскоре ничего не оставалось от былой красоты и осанки. Но заслышав звуки военной трубы и цокот копыт, клячи преображались и словно говорили своим видом: “И мы когда-то служили в кавалерии...” Так и мы, некормленные, замученные жестоким хозяином, едва заслышим звуки трубы хасидского праздника, как выпрямляем согнутую спину и снова чувствуем себя частью гордого и веселого хасидского племени...”

Очерк шестнадцатый

Борьба с языком иврит.
Закрытие школ с преподаванием на иврите.
Запрет на издание книг. Театр "Габима"

1

В каждой национальной культуре большевики выделяли две составляющие — прогрессивную и реакционную, буржуазную и пролетарскую. Буржуазную культуру следовало подавлять, а пролетарскую всячески поддерживать, построив на классовых принципах. Захватив власть, большевики начали борьбу с "реакционной" культурой, а точнее, с чуждыми мнениями и убеждениями, которые не укладывались в ложе официальной идеологии, и дальновидные люди прозревали непоправимые последствия, неумолимо ведущие к "обнищанию духа".

Н. Бердяев, философ (1918 год): "Русская революция одержима страстью к уравнению, она движется черной завистью ко всякому... качественному преобладанию... (Происходит) подбор худших и низвержение лучших. Грозит опасность гибели нашего культурного слоя..."

М. Горький (1918 год): "Большевизм — национальное несчастье, ибо он грозит уничтожить слабые зародыши русской культуры в хаосе возбужденных им грубых инстинктов..."

Из свидетельства сестер милосердия Красного Креста (1920 год, киевская ЧК): "Ужасно было, если приводили кого-нибудь очень одухотворенного, очень светлого. Тогда мы знали, что это обреченный на

смерть. Все культурное, выделяющееся, высокое большевиков задевает. В них ненасытная потребность истребить все лучшее..."

Сотни тысяч эмигрантов — представителей образованной части российского общества — покинули страну во время Гражданской войны, что привело к ощутимым интеллектуальным потерям. Затем большевики начали избавляться от неугодных писателей, философов, ученых, и В. Ленин требовал: "Т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции... Изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу". В конце 1922 года изгнали около трехсот виднейших ученых, среди которых оказались философы Н. Бердяев, С. Булгаков, Л. Карсавин, О. Лосский, С. Трубецкой, С. Франк, литераторы и публицисты Ю. Айхенвальд, А. Изгоев, М. Осоргин, историк С. Мельгунов. Одних высылали насильно, другие покидали Россию нелегально, переходя границу с соседними странами или пробираясь по льду Финского залива, рискуя провалиться под лед и быть застреленными пограничниками. Уходили на несколько лет, не более, в надежде на кратковременное пребывание в эмиграции, пока не рухнет ненавистная власть, но вернуться суждено было немногим.

> И. Шмелев, писатель-эмигрант: "По-моему, лучше временно быть без России, чем в ней жить с затянутым ртом, с заплеванной душой и со связанными руками, питая даже признательность за то, что тебя терпят и дают хлеб, пока ты ходишь с покорной головой, — а только поднял — выгонят или в мурью кинут..." (Из словаря В. Даля: "Мурья — лачуга, конура, землянка, тесное и темное жилье, пещерка"; здесь, очевидно, камера, тюрьма.)

По окончании Гражданской войны подвели итоги и подсчитали наконец, какие жертвы пришлось заплатить за политические и социальные изменения в стране. Современники свидетельствовали: "Не только в материальном, но и в духовном смысле мы стали жить упадочно и убого. Мыслительная реакция на все происходящее вокруг стала у большинства элементарнее и примитивнее. Люди спустились на несколько ступеней вниз по лестнице духовной культуры..." — "Большевизм держится рабством. Рабы доктрины палками вбивают ее рабам духа... Раб или на веру все принимает, или, раз сорвавшись с цепи, все авторитеты и истины, не исключая таблицы умножения, валит в мусорную яму..." — "Ни жизни, ни Бога: один страх..."

Советские лидеры уделяли серьезное внимание внедрению большевистской идеологии. В 1922 году было создано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) с отделениями по всей стране,

чтобы "ликвидировать литературу, направленную против советского строя", а через год при Главлите появилось Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром (Главрепертком). Так образовалась государственная система предварительной цензуры: ни один спектакль или концерт, ни одна газета или книга не могли увидеть свет без разрешения Главлита и Главреперткома — вплоть до рекламного объявления, программы спектакля, пригласительного билета на торжественное заседание, наклейки на коробке спичек. Выступления конферансье на эстраде, клоуна в цирке, Деда Мороза и Снегурочки на ёлочном представлении также требовали согласия цензора. Запрещалась критика советской власти, пропаганда каких-либо идей, не соответствовавших официальной идеологии, восхваление прежнего образа жизни; из книг и статей вымарывали слова — молитва, Бог, Христос, святые угодники. Изымали не только идеологически "порочные" произведения — особое внимание уделяли "нерегулируемому подтексту" в литературном или драматургическом произведении, который мог привести советского человека к нежелательным выводам и обобщениям.

Цензура не пропускала из-за границы книги, "проводившие чуждую и враждебную пролетариату идеологию", даже литературу для детей "с восхвалением старых бытовых условий". Библиотечные фонды были тщательно просмотрены, огромное количество книг уничтожили либо перевели в специальные хранилища, откуда их выдавали читателям по особому распоряжению.

> В. Вересаев, писатель (1925 год): "Общий стон стоит по всему фронту современной русской литературы: "Мы не можем быть самими собою, нашу художественную совесть все время насилуют, наше творчество все более становится двухэтажным: одно мы пишем для себя, другое — для печати"... Такое систематическое насилование художественной совести даром для писателя не проходит..."

Устранение "чуждой" культуры распространилось и на евреев — недаром Ленин провозглашал: "Борьба против всякого национального гнета — безусловно да. Борьба за всякое национальное развитие, за "национальную культуру" вообще — безусловно нет..."

2

После Февральской революции появились по всей стране школы и вечерние курсы для изучения языка иврит, работали драматические студии на этом языке и детские кружки "Пирхей Цион" ("Цветы Сиона").

Общество "Тарбут" ("Культура") готовило учителей и воспитательниц детских садов, содержало во многих городах детские сады и народные школы с преподаванием на иврите, в которых обучалось до сорока тысяч учеников. Печатали на иврите учебники по школьным предметам, книги для чтения для детей и юношества, литературные сборники, справочники, словари и научные труды. В мае 1917 года проходила в Москве конференция "Любителей древнееврейского языка", на которой поэт Х. Н. Бялик сказал: "В изгнании мы утеряли все: нашу родную землю, Храм, но не утратили нашего языка... За долгий период скитаний по свету народ вынужден был облегчить свою ношу: не в силах удержать все, он отдал многое за "малое, стоящее много". Так поступает человек, который опасается разбойников: отдает все имущество за одну жемчужину, а ее проглатывает. Эта жемчужина — язык наш... Тысячи евреев, отрекшихся от еврейства в средние века, прежде всего отреклись от иврита и вскоре перестали быть евреями... Так будем же хранить нашу душу. Наш язык — язык души нашей!"

Деятели евсекций категорически отрицали иврит и признавали лишь идиш — "язык еврейского пролетариата" — единственным языком еврейской культуры и просвещения, на котором советские евреи смогут "удовлетворять свои интеллектуальные потребности". Это был давний спор еврейской интеллигенции России, еще со второй половины девятнадцатого века, "спор языков" между "гебраистами" и "идишистами", какой язык признать родным для еврейской общеобразовательной школы: древнееврейский — иврит или "жаргон" — идиш. "Гебраисты" — многие из них были сионистами — вводили в школах преподавание предметов на иврите, организовывали кружки для изучения этого языка. "Идишисты" — и среди них бундовцы — отрицали "мертвый" древнееврейский язык и пропагандировали идиш, язык народных масс, язык улицы и семьи, требуя признать его единственным языком еврейской культуры. После захвата власти большевики обнаружили разветвленную систему школьного образования на иврите, с которой они начали борьбу. И если прежде это были лишь бесконечные споры между "гебраистами" и "идишистами", то теперь бывшие бундовцы заняли руководящие посты в евсекциях и могли применять любые способы принуждения.

Иврит неразрывно связан с иудаизмом: на этом языке написаны Священные книги, на этом языке евреи возносят свои молитвы, а потому борьба с иудаизмом стала борьбой и с языком иврит, который в глазах властей был "проводником религиозного мракобесия". Иврит связан с сионистским движением, провозгласившим его языком национального возрождения в Эрец Исраэль, — борьба с сионизмом стала борьбой и с языком иврит.

Из заявления руководителя евсекций С. Диманштейна: "Факт таков, что древнееврейский язык мертв. А тот мертвец, который не хочет, чтобы его похоронили, он смердит..."

Летом 1918 года Еврейский комиссариат предложил сократить преподавание в еврейских школах "на чуждом древнееврейском языке", который "калечит детские души"; по требованию евсекций иврит объявили "языком реакции и контрреволюции", отвлекающим от строительства социализма, языком синагоги, буржуев и сионистов — "прислужников британского империализма". По тем временам это звучало дико, и даже нарком просвещения А. Луначарский признал борьбу с каким-либо языком актом вандализма. Однако в августе 1919 года народный комиссариат просвещения постановил: "Родным языком еврейских трудовых масс, населяющих Советскую Россию, является только еврейский язык (идиш), а не древнееврейский (иврит)", а потому "преподавание на языке иврит в школах первой ступени должно быть немедленно прекращено". Иврит признали "иностранным языком", временно сохранив в старших классах и педагогических институтах, но вскоре его преподавание запретили во всех учебных заведениях, даже в вечерних школах для взрослых; прекратились и научные публикации на этом языке.

В 1923 году письмо в защиту языка иврит подписали профессор Московской консерватории Д. Шор, философ М. Гершензон, композитор М. Гнесин, академик Н. Марр, писатель Д. Гофштейн, востоковед М. Тубянский, но эти действия уже не могли помочь. Представители власти откровенно заявляли, что "все пишушие на древнееврейском языке — контрреволюционеры, независимо от содержания произведений": "Суть дела не в содержании, а в языке. "Шулхан" на иврите не просто "стол", а стол с сионистской окраской. Даже "Интернационал" на иврите звучит подобно сионистскому гимну".

Из анонимного письма в ЦИК СССР (1926 год): "Считать язык контрреволюционным так же абсурдно, как считать море контрреволюционным, потому что в нем купались цари и прочие контрреволюционеры... Пусть каждый изучает то, что ему нравится, а не то, что нравится Еврейской секции..."

Наступление на язык продолжалось; преследовали даже частных преподавателей иврита, причисляя их к сионистам, что могло привести к ссылке в Сибирь или Среднюю Азию. На Украине собирали подписи под воззванием — разрешить преподавание иврита в школах; дети жаловались в Москву: "Нам не дают заниматься на древнееврейском языке...", а украинские власти заявили в ответ, что письма детей — это по-

пытка "подрыва еврейской советской школы и замены ее древнееврейской националистической". Летом 1928 года учителя иврита направили письмо М. Горькому: "Как в мрачные времена средневековья, во всех городах и местечках иврит сейчас изучается в глубоком подполье. В подвалах, за плотно закрытыми ставнями, в вечном страхе сотни и тысячи детей и юношей изучают этот язык и ивритскую литературу. Нет сил молчать!.."

Иврит продолжали изучать в подпольных группах, хедерах и иешивах, в общинах горских, грузинских, бухарских евреев. В 1931 году под Москвой состоялся нелегальный семинар для подготовки преподавателей иврита; все участники семинара были затем арестованы.

3

В 1921 году поэт Х. Н. Бялик попросил М. Горького помочь группе писателей выехать из России: "Служить нашему народу и его культуре на другом языке мы не можем, ибо только иврит есть язык души нашей..." Горький обратился к В. Ленину, разрешение было получено, и в июне того года группа писателей вместе с Бяликом отплыла из Одессы. Молодые литераторы, писавшие на иврите, клеймили позором уехавших маститых писателей, "генералов от литературы", которые "в страхе перед октябрьским набатом покинули поле битвы, сбежали, предали"; они заявляли: "Мы выросли вместе с революцией. Мы не хотим скитаться по чужим странам, убегая от трудов новой жизни..." — "Мы не сионисты. Мы не верим, что клочок земли размером с ладонь... является главным условием, без которого иврит теряет свой смысл и содержание..." — "Человек, которого не захватил здесь революционный поток, — не человек, а мумия, в его жилах течет лягушачья кровь..."

Писатели и поэты, ровесники века, воспевали на иврите "восходящую зарю нового мира" и желали служить ему на древнем языке — это было то единственное, что они хотели сохранить из прежней еврейской жизни, "обреченной на уход с исторической арены". Пламенные призывы большевиков к социальной справедливости напоминали им речи библейских пророков. Их настроения были созвучны настроениям прочих пролетарских поэтов и писателей, а потому молодые литераторы провозглашали на иврите: "Во времена мировых потрясений нет места слезам и жалости..." — "Лучше смерть, чем агония среди гнилых обломков прошлого..." — "Возьмите мою кровь, чтобы украсить прогнившие стены красными плакатами..." — "Огни мщения закалили железо наших мускулов..." — "Мы рвемся в бой, мы жаждем крови..." Они еще не догадывались, что вскоре подойдет и их очередь решать этот вопрос — уезжать из страны или обречь себя на молчание и гибель.

Э. Штейнман, писатель: "Буря, революция, весть об избавлении — вот что лежит в основе иудаизма... Обратитесь к Торе, к книгам пророков, к Писаниям — каждая их страница взывает: переворот! Власть справедливости или всеобщее запустение..." (в 1924 году уехал в Эрец Исраэль).

Ц. Плоткин, писатель: "Революция — единственная наша реальность, сущность нашей жизни, и нет для нас другой. Только революция приводит в движение мускулы нашей грудной клетки..." (в 1948 году осужден на пятнадцать лет заключения).

В 1923 году издали в Харькове сборник на иврите "Цилцелей шама" ("Звенящие цимбалы") тиражом в сто экземпляров. Понадобились долгие хождения по инстанциям, чтобы добиться разрешения на выпуск этого сборника — тридцать две страницы малого формата. Через два года после этого группа писателей получила разрешение выпустить на иврите сборник стихов и прозы "Берешит" ("В начале"). Книгу отпечатали в Берлине и прислали в Москву триста экземпляров; ее авторы желали "сквозь первозданный хаос, сквозь кровь, огонь и клубы дыма" увидеть рождение иного мира без неравенства и эксплуатации. Но по соседству с пафосом и плакатностью соседствовали строки раздумий и сомнений, — к примеру, обращение к старой бабушке: "Твой внук лишь гасит искры в своей душе, но нового огня не зажигает. Кто же осветит ему сумрачную ночь?.."

Иллюстрация к сборнику "Цилцелей шама" ("Звенящие цимбалы")

В 1927 году в Харькове увидел свет сборник стихов поэта Б. Фрадкина, посвященный десятилетию Октября: это была последняя книга с художественными произведениями на иврите в Советском Союзе. В том же году разогнали ленинградское объединение группы "гебрейских писателей" и многие из них попали в тюрьму; иврит оказался единственным из языков различных народностей Советского Союза, который под-

лежал запрещению, хотя по этому поводу не было издано ни одного постановления. В своем обращении к властям писатели настаивали на принятии какого-либо решения: "Если наш язык по непонятным для нас причинам вреден и контрреволюционен, то мы требуем его запрещения законом. Если же национальная политика допускает существование всех языков, то мы требуем закона, запрещающего его преследование". В ответ на это им разъяснили: иврит — мертвый язык, а у мертвого нет прав.

> В 1932 году в Большой Советской энциклопедии написали: литература на иврите "имеет своей базой почти одну только Палестину, где она развивается под знаком сионизма, еврейского фашизма..." В 1934 году, после смерти Х. Н. Бялика, М. Горький назвал его "почти гениальным" поэтом, предложил издать его произведения, но поэта "заклеймили" в газете "Эмес": "Бялик превратился в активного лидера фашистской интервенции против Советского Союза..."

Иврит всячески противопоставляли языку идиш. Утверждали даже, что гебраизмы — слова с корнями из иврита — ввели в идиш раввины и буржуазия, а евреи-рабочие ими почти не пользовались и готовы к их немедленному искоренению. Не пропускали из-за границы книги на иврите и исключили его из учебных программ университетов. В библиотеках изымали книги на этом языке и сдавали в утиль на переработку, закрывали издательства и журналы, в типографиях уничтожили шрифт, а потому цитаты на иврите в научных публикациях вписывали в набор от руки. Литераторов, работавших на иврите, не принимали в Союз писателей, не разрешали проводить вечера для чтения их произведений. Любители языка издавали рукописные журналы, печатали их на гектографах и передавали из рук в руки, — один из них получил название "Заполнение пробела". Это были варианты "самиздата" тех времен, "одинокие островки в море равнодушия и враждебности к языку иврит".

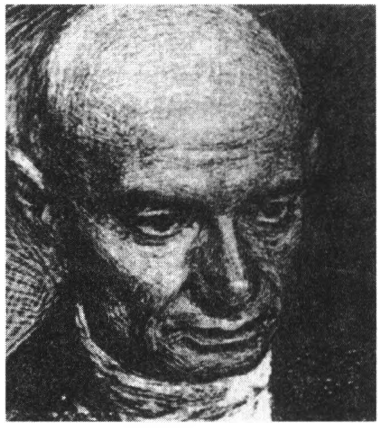
Одни литераторы успели выехать в Эрец Исраэль, других ожидали тюрьмы с лагерями — в годы "большого террора" даже самостоятельное изучение иврита приравнивалось к преступлению. Писатель А.Карив вспоминал: иврит нашел "последнее прибежище в надписях на памятниках еврейских кладбищ... Шло время, но ни одной печатной строчки на иврите не попадалось мне на глаза. В те годы я сохранил лишь свои старые спрятанные записи, которые доставал и перечитывал время от времени, чтобы наедине с самим собой услышать звучащий шепотом иврит. Порой, когда я писал стихи на иврите, странные сомнения закрадывались в мою душу: не создал ли я сам этот язык в своем воображении?.."

4

Авраам Фриман, поэт и прозаик. Родился в Подолии на Украине, поселился в Одессе, преподавал иврит и писал на этом языке без надежды на публикацию. "Как давно не видел я ни одной книги на иврите... — жаловался он. — Видимо, кто-то нарочно лишает меня этого..." В Тель-Авиве вышел в свет его роман "1919" — о реальных событиях из жизни украинских евреев во время Гражданской войны, о еврейской самообороне и погромах, во время которых автор романа случайно уцелел, а его отец, братья и сестра были убиты. Фриман бедствовал в Одессе, жил случайными заработками, сообщал другу в 1932 году: "Очень страдаю из-за рваных галош и ботинок, впитывающих в себя грязь и влагу... Приходится часами стоять и мерзнуть в больших очередях, чтобы получить три галеты, немного мамалыги или водянистый суп, литр керосина для освещения. Но самое неприятное — вечный холод в моей комнате, днем и ночью, холод промозглый, пронизывающий тело до костей..." В 1936 году Фримана арестовали за связь с зарубежными сионистами и отправили в ссылку на Урал, где он провел десять лет. Израильские писатели присудили ему литературную премию имени Х. Н. Бялика за роман "1919", но Фриман так и не увидел своей книги. Его друг вспоминал: "Он был одет, как нищий, его нервы были настолько напряжены, что Авраам боялся собственной тени..." Авраам Фриман умер в 1953 году.

Элиша Родин, поэт. Первые его стихотворения на идиш были широко известны, их учили в еврейских школах, пели песни на его стихи; в 1920-х годах, в период гонений на иврит, он стал писать только на этом языке. Не смог выехать из СССР, несмотря на старания друзей; жил в Москве, подметал улицы, убирал по ночам тоннели метро; не имея возможности печататься, посылал стихи и очерки в тель-авивские газеты и журналы, не прячась за псевдонимом. Он говорил о себе: "Ничего необычного я не принес в этот мир. Я приношу лишь свое сердце..." Его исключили из Союза писателей, многократно вызывали в НКВД, допрашивали, и лишь тяжелое нервное заболевание спасло Родина от ареста. В 1938 году в Тель-Авиве напечатали сборник его стихов и прозы (в переводе с иврита "На чужбине"). Он писал о "страстной тоске по земле единственной", повторяя в изгнании слова Иова: "Опротивела душе моей такая жизнь..." Считал себя обязанным "нести бремя пророков среди презрения и осмеяния" — в том мире, где приходилось заворачивать Библию в газету "Правда", "чтобы укрыть ее от враждебных глаз". Воспевал иврит — "язык языков", "утешение в несчастье", "последний остаток наших сокровищ"; даже словарь иврита на столе "светится чудесным светом, ведь в нём душа моего народа". Не побоялся напечатать в Тель-Авиве, под своим именем, такие строки о коллективизации: "Зе-

мля усеяна святыми костями крестьянских детей — от их домов и до Сибири. Чем они провинились? Тяжек их грех — они хотели работать на своей земле... каждый на своем наделе..."

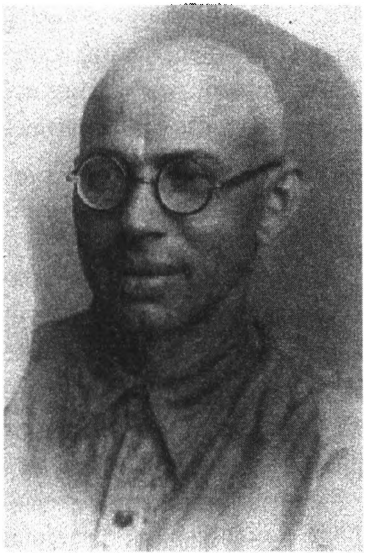
Элиша Родин

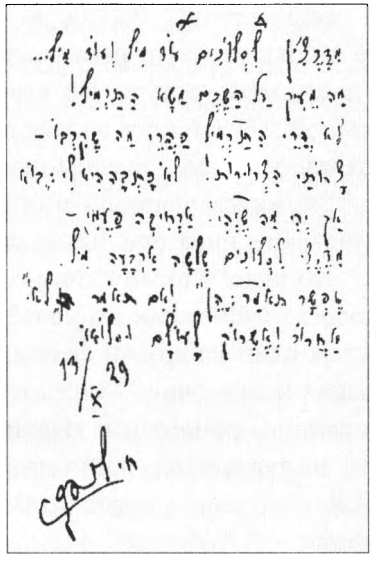
Личная жизнь Родина сложилась трагически. Несмотря на сопротивление жены, его сыну сделали обрезание, он учил его языку иврит, знакомил с Библией, "чтобы проветрить мозги, напичканные пятилетними планами, клеветой на Бога, иудаизм и человечность... Их много, а я один — кто победит?.." Жена Родина опасалась ареста, считала, что страдания и жертвы, принесенные древнему языку, нелепы и бессмысленны, а потому ушла от мужа и забрала сына; в годы войны семнадцатилетний юноша ушел добровольцем на фронт и вскоре погиб. Перед смертью сын написал отцу, что "стал немного его понимать", и Родин сказал после этого: "Я знаю, что прежде, чем сомкнуться навеки, твои глаза открылись ивриту". Элиша Родин написал цикл траурных элегий "Ла-бен" ("Сыну") и попросил цензоров отправить его в Эрец Исраэль: "Стихи написаны на языке Библии, языке моего детства, языке моего народа, языке, который я люблю, как любит музыкант свой музыкальный инструмент, потому что только на этом языке я способен выразить свои чувства... Поэт, пишущий на иврите, Элиша Родин". С разрешения властей стихи были напечатаны в Тель-Авиве, несколько экземпляров прислали в Москву, и после долгих проволочек поэт сумел увидеть свою книгу. Из воспоминаний о его последних днях: "Комнатка величиной с могилу. На колючей соломенной подстилке лежал поэт... Несколько полуочищенных картофелин мокли в заржавленной жестяной банке. Единственное окно каморки было затянуто паутиной. Желтой рукой скелета угасающий Элиша Родин вытащил из-под изголовья свои рукописи и едва слышно прошептал: "Передайте моему другу... и поцелуйте за меня Святую Землю..." Больной и одинокий, Элиша Родин умер в 1946 году с ощущением: "Я — последний поэт на иврите в Советском Союзе".

Это ему принадлежат строки: “На реках печали они умертвили наш язык. Никогда, никогда не забыть мне унижений...”

Хаим Ленский (Штейнсон), поэт. Родился в Литве, жил в Ленинграде, работал металлистом в артели “Гехалуца”, писал стихи на иврите. Из воспоминаний: “Перед нами предстал небольшого роста молодой человек в черной рубахе и кепке... Поставленный на работу у пресса, он оказался одним из самых добросовестных и требовательных к себе работников... Был он замкнут, всегда задумчив, и нам казался чудаком. Но поздно вечером, когда мы возвращались домой после второй смены по заснеженным улицам, или летом, в сером свете белых ночей, его душа раскрывалась в беседе...” Ленский переправлял свои стихи в Тель-Авив, где их печатали в альманахах, переписывался с Х. Н. Бяликом, который ценил его дарование и безуспешно пытался вызволить из СССР. “Вытащите меня отсюда! — писал Ленский своим друзьям. — Не бойтесь: если мои стихи не сгодятся — руки прокормят меня. Ведь рельсы нужны и для железных дорог в Эрец Исраэль...” В 1934 году Ленского приговорили к пяти годам заключения “за контрреволюционную деятельность” и отправили в Сибирь на принудительные работы. Он сообщал жене: “Еще больше ослабел... Еле хожу... Обмороженные пальцы гноятся и нестерпимо болят... Все мои рукописи без возврата пропали. Стихи приходится восстанавливать по памяти...”

В сердце Сибири, в чистоте снегов,
Что приготовила ты мне, судьба?
Еще одно мучение? Пусть. Лишение? Пошли его,
И я не стану спрашивать, откуда оно.
Готов я к нему, готов...

Хаим Ленский и автограф его стихов (из коллекции М. Бейзера)

Ленский отбывал срок в сибирских лагерях, а друзья в Тель-Авиве считали его погибшим и выпустили в память поэта сборник его стихов. Он вышел из заключения в 1939 году, жил под Ленинградом на положении ссыльного, не имея возможности соединиться с женой и маленькой дочерью, работал ночным сторожем, писал стихи на иврите о еврейских местечках Литвы, о сибирских пейзажах и жизни в лагере, переводил А. Пушкина, М. Лермонтова, А. К. Толстого, перевел на иврит часть эпоса вогулов — малого народа Сибири. Хаима Ленского называли "соловьем без гнезда", который обогатил современный иврит, а он продолжал работать, не желая "выбрасывать скрипку, пока хоть одна струна звучала радостно": "Будь благословенна, радость, спасибо за визит, нежданная госпожа..." В 1941 году Ленского снова арестовали и осудили на десять лет за "антисоветскую деятельность". Жена скончалась в эвакуации, дочь отправили в детский дом, Ленский погиб в заключении в сибирском лагере, в 1943 году, — было ему тогда тридцать семь лет, и место захоронения неизвестно. Через пятнадцать лет после этого в Израиль попали записные книжки поэта, сохраненные его другом, в которых оказалось более ста неизвестных стихотворений. Ленский писал незадолго до гибели: "Израиль далекий! Склонятся ли пальмы твои вослед сыновьям, что исчезают в снежных пустынях Сибири?.."

Цви (Григорий) Прейгерзон, прозаик и поэт. Иврит был для него "скрытой родиной"; он писал рассказы и стихи на иврите и посылал за границу, пока это не стало опасным занятием в Советском Союзе. Был специалистом по обогащению каменного угля, автором научных работ и учебных пособий, преподавал в Московском горном институте, а в свободное время писал на иврите без надежды на публикацию. В 1949 году был осужден на десять лет лагерей за участие в "антисоветской националистической организации". Выйдя на свободу, Прейгерзон написал: "Еще в тюрьме я поклялся, что не оставлю иврит, и я верен этой клятве поныне. И пусть меня посадят во второй и в третий раз, иврит все время будет со мной... будет жить во мне до последнего вздоха..." Он пересылал в Израиль рассказы, воспоминания, роман "Эш га-тамид" — "Вечный огонь", которые печатали под псевдонимом А. Цфони ("Северный"); израильские писатели называли автора "своим человеком в доме иврита": "Это чудо! Как мог он сохранить свое дыхание? Как разыскать розу посреди заснеженного поля?.." Прейгерзон умер в 1969 году, и на похоронах один из друзей сказал: "Цви, ты обогащал не только уголь, ты обогащал наши души!" Через год урну с прахом писателя, согласно его завещанию, привезли в Израиль и захоронили на кладбище кибуца Шфаим; на памятнике написано: "Здесь похоронен ивритский писатель, ученый, сын своего народа". Одну из улиц Тель-Авива назвали улица А. Цфони.

Цви Прейгерзон

Ц. Прейгерзон, из рассказов (1934 год):

"Я родился в начале века в маленьком, тесном городишке. Здесь я сделал свои первые шаги в вечно непросыхавших лужах. Пыльный, слякотный и угасавший — таким мир впервые предстал перед моими глазами. Верующие старики-евреи тревожно вглядывались в будущее, неизвестно чем грозившее их внукам и правнукам. Как раненое животное, что беспокоится за судьбу своего детеныша, так и те, кому вскоре предстояло уйти из жизни, тревожились за нас, за судьбы тех, кто вступал в эту жизнь.

Душу народа лихорадило в синагогах. По субботам, совершая с хасидами три трапезы, я впитывал в себя этот трепет еврейской души, и томительная тяга к еврейству вошла в мою кровь, отравила меня сладостным своим ядом и навечно сделала пленником иврита. Хасиды, покачиваясь, пели грустные песни, а я не сводил с них увлажненных глаз, с благоговением погруженный в особый мир. Их песни казались мне молитвой сердца, пред которой, на ее пути к Всевышнему, расступались небеса... Я жил в этом мире, отдавая ему весь жар своего детского сердца. И радостно было мне сознавать себя частью этого целого. Ибо к тому времени я уже понял, что тот, кто разрывал цепь и выпадал из нее, терял самого себя, становился изгоем... Откуда мне было знать, что и с меня еще сурово спросится за жизнь ушедших поколений, что на моих плечах отныне лежала доля спасительной работы Машиаха. Но увы, ноги мои были еще так слабы, а вокруг парили звонкие сны-птицы..."

5

Учитель из Белостока Н. Цемах (будущий актер и режиссер) собрал в родном городе учащуюся молодежь, основал Еврейский любительский артистический кружок, и они впервые в России сыграли спектакль на иврите — 29 июня 1909 года. Это была переделка пьесы Мольера "Школа мужей", которая шла под названием "Мораль для дурной молодежи".

Артистический кружок превратился в передвижной театр "Га-бима га-иврит" ("Ивритская сцена"), поставил пьесу О. Дымова "Слушай, Израиль!", гастролировал в Вильно и в других городах. Затем Цемах оказался в Варшаве, познакомился с М. Гнесиным, и тот вспоминал впоследствии: "Его губы и руки дрожали, когда он рассказывал о своем пути в театре... Глаза его горели и ничего не видели перед собой, ноги носили его взад и вперед по комнате, как будто он грезил наяву..." Цемах и Гнесин создали в Варшаве театр на иврите, поставили несколько спектаклей, и к ним присоединилась Хана Ровина, будущая знаменитая актриса.

Нахум Цемах (стоит) и Менахем Гнесин. Москва, 1918 год

Началась Первая мировая война; среди прочих беженцев Цемах оказался в Москве, и в 1917 году там появился театр "Габима" ("Сцена") — "будущий передвижной театр еврейской трагедии". В сентябре того года Цемах встретился с создателем Художественного театра К. Станиславским и убедил его, что для развития национальной еврейской культуры необходим театр на языке иврит. "Единственное, чего я прошу, — сказал Цемах, — это помочь нам учиться, особенно в нынешний период родовых мук". Станиславский предложил Е. Вахтангову стать художественным руководителем "Габимы", и на первой встрече с артистами Вахтангов сказал: "Начните учиться с самого начала и забудьте, ради Бога, что вы были когда-то актерами, потому что это может только помешать". Актеры работали в дневное время, чтобы прокормиться в голодные годы, от недоедания падали в обмороки, но не прекращали вечерние и ночные репетиции. Их конечная цель была грандиозной — переехать в Иерусалим, основать там театр, и один из артистов вспоминал холодную московскую зиму, когда они пытались согреться возле печки: "Цемах прекратил на мгновение подбрасывать дрова, поднялся, как человек, которому явилось видение... начал говорить сильным голосом: "И вот мы в Иерусалиме, и здание "Габимы" возвышается во всем своем

великолепии на горе Скопус, наши актеры — современные левиты, у нас свой хор, художники, режиссеры, танцовщики — все наше. И люди, живущие в Сионе, идут к нам, странники со всех концов земли приходят, чтобы увидеть спектакли "Габимы". Мы еще увидим все это, но пока... Холодно, очень холодно, я не могу поддержать огонь".

В октябре 1918 года состоялась премьера первого спектакля — четыре одноактные пьесы еврейских писателей, переведенные на иврит с языка идиш. Затем больного Вахтангова заменил режиссер В. Мчеделов, и через год они показали премьеру спектакля "Вечный жид" Д. Пинского, которая прошла с успехом. М. Горький трижды побывал на спектакле, предсказав будущее театра, — "этот здоровый красавец-ребенок обещает вырасти Макавеем"; он написал о своих впечатлениях: "Что тебе — русскому, атеисту — Иерусалим и Сион, что тебе гибель Храма?" — спрашивает разум. А сердце горестно трепещет, видя муки пророка, который предчувствует несчастье народа... муки его размозженной души". В том спектакле Хана Ровина исполняла роль матери Мессии, оплакивавшей разрушение Иерусалима; один из зрителей вспоминал через много лет: в спектакле "Вечный жид" было "мгновение, принадлежащее к великим мгновениям еврейского театра... Слышавшие ее вопль помнили много лет спустя дрожь по спине, рожденную плачем Ханы, будто предвещавшим ужасы Катастрофы".

> Из журнала "Еврейская летопись" (Петроград): "Язык "Песни песней" может вдохновить того, кто говорит на этом языке, так же, как язык Софокла мог бы вдохновить современного грека, если бы он сохранил чистоту расы, так же, как латинский язык мог бы вдохновить латинянина-римлянина, если бы исторические судьбы не превратили его в современного итальянца... Со сцены звучит гибкий, звонкий, сочный язык, не производящий впечатления увядшего и мертвого..." Из газеты "Последние новости" (Петроград): "Сколько бы проиграли мощь, величие, красота, подлинность зрелища, если бы оно было разыграно на жаргоне (языке идиш) или великорусском языке. Ни тот, ни другой не передали бы и тени звуков, составлявших, как бы сказать, самую душу зрелища..."

Основателям "Габимы" пришлось преодолеть многие трудности — отсутствие репертуара на иврите, нехватку актеров, знающих этот язык, предубеждение против спектаклей на языке молитв, невероятные сложности при изготовлении декораций и костюмов в нищей, разоренной и голодной стране, но более всего — сопротивление деятелей евсекции, выступавших против театра, который "не поднимает боеспособность пролетариата", против "буржуазного и реакционного театра, играющего

на языке, который давно устарел и вышел из употребления". "Габима" получила статус Государственного академического театра и финансовую поддержку наравне с Большим, Малым и Художественным театрами, но евсекция предпринимала огромные усилия, чтобы отменить субсидию и закрыть этот театр. С. Диманштейн, председатель Центрального бюро евсекций, говорил: "Габима" есть прихоть еврейской буржуазии, и содержать на средства государства... такой театр, который не нужен ни рабочим, ни крестьянам, недопустимо... Еврейская буржуазия пусть, пожалуй, благодарит, что мы не закрываем ее учреждения через ВЧК ".

Цемах устроил публичный диспут, на который пришли сторонники и противники театра, и споры на эту тему были яростными. Театральный критик С. Оболенский вспоминал: "Нужно ли говорить, что противники "Габимы", восставшие против "буржуазной затеи" и требовавшие театра на жаргоне, были коммунисты?.. Много я видел людей яростных за эти годы, людей в последнем градусе каления, но таких людей, как еврей-коммунист, я не видел. В его жилах не кровь, а пироксилин; это какие-то с цепи сорвавшиеся, рычащие, трясущиеся от злобы... До чего доходило! Театр обвиняли в "деникинстве"... но самое страшное для них слово... от которого они поднимались на дыбы, это — сионизм... Помню великолепную речь Цемаха... "Габима", — говорил он, — это наша духовная весна, это ледоход нашей души". Немало было блёсток еврейского юмора. Один старичок сказал: "Здесь много спорят о том, мертвый или живой древнееврейский язык. Собственно, не так это важно, но думаю, что если бы он был мертвый, то о нем бы или не говорили, или говорили бы только хорошее".

На помощь "Габиме" пришли люди разных убеждений — московский раввин Я. Мазе и член Политбюро Л. Каменев, певец Ф. Шаляпин и писатель М. Горький, режиссеры К. Станиславский, В. Немирович-Данченко и А. Таиров, поэт Вяч. Иванов, актеры и художники, — И. Сталин бывал на спектаклях "Габимы" и оставил благожелательную запись в книге отзывов. В 1920 году крупнейшие работники искусств подписали петицию с просьбой сохранить театру государственную субсидию; Л. Каменев написал "Всецело присоединяюсь", и наконец было принято решение: "Выражаю свое согласие на выдачу субсидии древнееврейскому театру "Габима". Народный комиссар по делам национальностей И. Сталин". Однако вскоре после этого — когда сократили средства на театральные расходы — "Габиму" исключили из списков театров, получавших поддержку от государства.

Режиссер Е. Вахтангов вернулся в "Габиму" и начал работу над будущим спектаклем "Диббук". "Когда он приходил к нам усталый, перегруженный работой в других студиях, — вспоминала актриса театра, — мы понимали, что ему надо. Тихо, тихо, постепенно переходя во всезахваты-

вающий экстаз духа, начинали габимовцы хасидский напев... Воспламенялись мы, загорался Вахтангов: "Теперь могу, давайте репетировать..."

> Поэт Х. Н. Бялик — о состоянии актеров во время репетиций: "Я не знаю, был ли это сон, сумасшествие или опьянение... Я не знаю, удостоятся ли актеры "Габимы" пережить еще раз столь вдохновенное время".

31 января 1922 года состоялась премьера спектакля "Диббук" по пьесе С. Ан-ского — режиссер Е. Вахтангов, художник Н. Альтман, музыка к спектаклю композитора Й. Энгеля, перевел пьесу на иврит с языка идиш Х. Н. Бялик. Это был настоящий триумф театра. По единодушному мнению режиссеру удалось создать новаторский спектакль, проникнутый фольклором и преданиями еврейских местечек прошлого, спектакль, занявший одно из первых мест на вершине мирового театрального искусства. Его с восторгом приняли выдающиеся режиссеры того времени — В. Мейерхольд, К. Станиславский, А. Таиров. Роль Леи сыграла Х. Ровина, и ее работу признали шедевром актерского исполнения. Один из критиков написал в рецензии: "Крепкое библейское вино, отстоянное в веках, бросилось в голову, в ушах еще стоит торжественная песня из "Песни песней"..." После просмотра "Диббука" Ф. Шаляпин послал приветствие актерам: "Прекрасному театру "Габима". Бросайте, бросайте сердца в священный огонь вашего алтаря, честные актеры! Знайте, что светом пламени вы озаряете мысль и открываете путь слепцам".

Хана Ровина
в роли Леи
в спектакле "Дибук"

На фронтоне здания театра было написано его название на иврите, над кассой висела табличка на этом языке, и Д. Бен-Гурион, побывавший на спектакле "Диббук", отметил с изумлением: "И это в Москве 1923 года, где в государственной библиотеке не выдают газеты и книги

на иврите, не разрешают обучать на этом языке?.. Мною овладело ощущение чуда, чего-то сверхъестественного, нереального... в коммунистической Москве". Нападки евсекции не прекращались. "Габиму" упрекали в попытках "воскресить мертвый язык Библии в угоду контрреволюционерам и нэпманам", запрещали новые спектакли "с мистическим и религиозным уклоном", и актеры понимали, что дни театра сочтены. Бялик говорил впоследствии: "Габима" была одиноким островком, единственным оставшимся после того, как поток ярости и гнева залил все тропинки иврита в России. Все остатки вырывались с корнем, но "Габима" стояла, защищаясь, сопротивляясь и отстаивая свое право на жизнь. И она победила. Назло всем притеснителям и злопыхателям, она уцелела и выстояла вплоть до своего выезда из России".

В январе 1926 года театр дал прощальный, трехсотый спектакль "Диббук", выехал на триумфальные гастроли по странам Европы и Америки и не вернулся в Советский Союз. В Нью-Йорке труппа разделилась; часть актеров отправилась в Тель-Авив, где они создали новую "Габиму".

Деятели евсекции, сражавшиеся с "буржуазной затеей", сгинули в лагерях. Театры на идиш закрыли в СССР в 1949 году, в период борьбы с "безродными космополитами", а профессиональные театры на иврите существуют в Израиле, среди них "Габима" — Национальный театр страны. Как сказал однажды Нахум Цемах: "После ужасов инквизиции, страха погромов, мучений и массовых убийств, никому не удалось вырвать у преследуемого народа двадцать две буквы его алфавита — великого наследия предков..."

В 1917—1919 годах увидели свет около двухсот книг на иврите разных наименований, половину из которых напечатали в Одессе. Там работали издательства "Мория" и "Оманут" ("Искусство"), выходили литературные альманахи "Кнесет" ("Собрание") под редакцией Х. Н. Бялика, "Эрец" ("Земля"), "Масуот" ("Факелы"), историко-этнографический сборник "Решумот" ("Записи"), журнал "Сфатейну" ("Наш язык") — "для обогащения и возрождения языка иврит". Возобновили и в течение двух лет печатали еженедельник на иврите "Гашилоах" под редакцией И. Клаузнера; последним периодическим изданием на иврите в советской России стал одесский журнал "Баркаи" ("Утренняя звезда"), закрытый властями в 1920 году.

В Петрограде напечатали сборник на иврите "Оламейну" ("Наш мир") и два тома "Ге-авар" ("Былое"), посвященных истории российских евреев. С лета 1917 года выходила в Москве ежедневная га-

Цѣна № 12 коп. № 49. מחיר הגליון 12 קופיקות. ГООМЪ НООМ

העם

מתקבלת החתימה על העתון היומי „העם" מיום 1 אוקטובר 1917 עד סוף השנה.

יהודי מוסקבה! —— אנו קוראים לכם:

6 הצביעו בעד הרשימה הציונית № 6

Газета "Га-ам" ("Народ"). Москва, 1917 год

зета на иврите "Га-ам" ("Народ"); ее тираж был недостаточен для того, чтобы окупить расходы, и недостающее жертвовали ревнители этого языка. Газета критиковала политику большевиков: "Нам осталась лишь надежда, что власть новой инквизиции недолго продержится...", за что и была закрыта летом 1918 года вместе с прочими оппозиционными изданиями. Московское издательство "Оманут" до переезда в Одессу выпускало на иврите учебники, литературу для юношества, детский журнал "Штилим" ("Ростки"), печатало переводы на иврит, в том числе "Тысячу и одну ночь". Издательство А. Штыбеля в Москве выпустило три номера литературного сборника на иврите "Га-ткуфа" ("Эпоха") и переводы на иврит сочинений Л. Толстого, И. Тургенева, О. Уайльда, Р. Роллана, М. Метерлинка, Г. Гейне. В 1919 году власти конфисковали шрифт, уничтожили в издательстве наборы романов Э. Золя, Г. Флобера, Р. Роллана, переведенные на иврит; часть книг на складе сожгли, остальные отправили на продажу в другие страны. Из воспоминаний: "Никогда не забуду сегодняшней сцены, когда я проходил мимо склада издательства Штыбеля. Я увидел сваленные на заснеженный тротуар груды... книг, выпущенных фирмой; солдаты грузили их на грузовики, чтобы использовать для отопления совучреждений..."

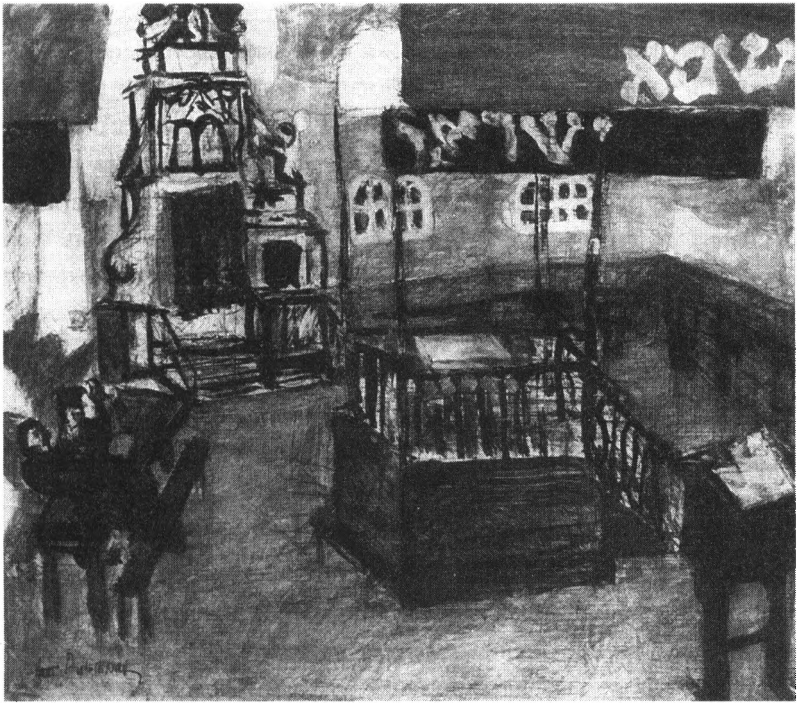
В 1923 году в киевскую цензуру поступил на рассмотрение сборник стихов на иврите Шмуэля Новака — под общим наименованием "Гааш" ("Бушующий"). Одна из поэм называлась "Сказание об Октябре", и цензор писал в заключении: "Сказание об Октябре" —

панегирик Октябрю, насыщенный крайним отвращением к миру прошлого и его морали... В другой обстановке, в Палестине, этот сборник был бы одним из материалов агитации местной компартии, поскольку значительная часть рабочих говорит там по-древнееврейски. Но в условиях нашей действительности этот сборник будет предметом филологически-литературного смакования клерикально-буржуазной части еврейского общества. Ясно, что это издание нежелательно..." Несмотря на возражения цензора, сборник был напечатан тиражом сто экземпляров, но подобное случалось очень редко.

Сборник стихов Бен-Циона Фрадкина 1927 года содержал на десяти страницах четыре стихотворения. Фрадкина расстреляли в 1938 году по обвинению в "активной шпионской и диверсионной деятельности". В 1994 году в Харькове увидел свет сборник стихов Фрадкина "Хазара" ("Возвращение") — это была, возможно, первая книга с художественными произведениями на иврите в СССР после перерыва почти в семьдесят лет.

Художник Н. Альтман о работе над спектаклем "Диббук": "Вахтангов не знал ни еврейского языка, ни местечкового быта, ни еврейских обычаев, легенд и суеверий, то есть всего того, на чем строилась пьеса. В своей работе он поневоле должен был руководствоваться указаниями студийцев. Они тянули его в сторону бытовщины, а пьеса была экстатической (восторженной, исступленной) и героико-трагической. Люди, которых я изобразил на эскизах, были трагически изломаны и скрючены, как деревья, растущие на сухой и бесплодной почве. В них были краски трагедии. Движения и жесты были сгущены и утрированы... они должны были походить на танец. Когда я привез эскизы в Москву, у Вахтангова был уже закончен первый акт... Он перечеркнул сделанное и заново начал работу, отталкиваясь от эскизов. Работа над спектаклем продолжалась в каком-то невероятном возбуждении, почти экстазе... Впечатление от спектакля было ошеломляющее..."

Из критических статей: "Двухэтажный домик на Нижней Кисловке. Зрительный зал крутым амфитеатром, человек на двести. Серый простой занавес, скрывающий небольшую сцену... Гаснет свет. Тишина. И в полном мраке звенит дальняя мелодия скрипки. Мрак. Скрипка. Вы чувствуете, как вступаете в какой-то тесный и душный круг. "Диббук" начинается..." — "Бедный юноша, изучающий писание и живущий на подаяние общины, полюбил дочь богатого купца

Эскиз декорации к спектаклю "Дибук". Художник Н. Альтман, 1921 год

Лею. Ее собираются выдать замуж за другого, и юноша хочет помешать этому колдовством. Но смертный не должен касаться тайн Кабалы. Юноша умирает. Девушку выдают за богатого молодого человека. Невесту поражает безумие. Это "диббук" — дух погубившего себя из-за любви к ней вселился в нее. Девушку приводят к праведнику. Молитвой и заклинанием он изгоняет "диббука" из тела девушки и очерчивает вокруг нее магический круг. Но любовь сильнее заклинаний и молитв. Она разомкнула магический круг, и девушка соединяется со своим возлюбленным. Они соединяются в смерти..."

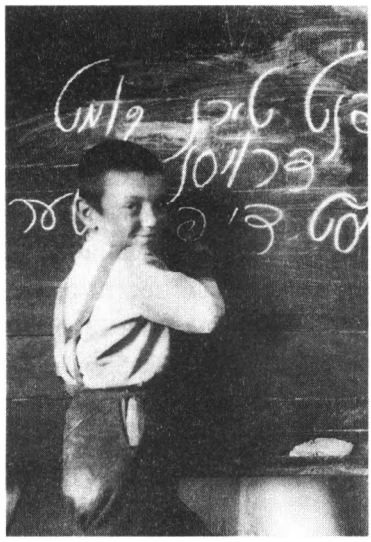
Режиссер Ю. Завадский вспоминал тот спектакль: "Казалось, что силой искусства вы вырваны за пределы времени и пространства. Вы буквально забывали, где вы и что с вами происходит. И когда вы просыпались, вы понимали: да, это был изумительный театр..." После переезда в Тель-Авив актеры "Габимы" продолжали играть "Диббук" в постановке Е. Вахтангова до 1970-х годов; общее их количество превысило тысячу сыгранных спектаклей.

В 1888 году в Рязани, в семье православного священника, учителя и книгоиздателя И. Жиркова родилась девочка, которую назвали Елизавета. Она росла в Москве, училась в гимназии, писала

стихи и опубликовала два поэтических сборника "Тайные песни" и "Минуты". Елизавета Ивановна Жиркова заинтересовалась языками идиш и иврит, поступила на Высшие вечерние курсы по изучению иврита, а по окончании их стала писать на этом языке. "Меня очень увлек и воспламенил этот язык, — вспоминала она, — язык сердца и грез". Ее переводы поэзии и прозы с языков идиш и иврит публиковали в еженедельнике "Еврейская жизнь", их включали в сборники, выходившие в России. В Москве проходили вечера поэзии, на которых артисты театра "Габима" читали стихи на иврите поэтессы Элишевы — это был псевдоним Елизаветы Жирковой.

Элишева говорила, что на нее произвела "сильное впечатление еврейская национальная идея, а позднее сионизм". В 1920 году она вышла замуж за учителя иврита и издателя Ш. Быховского, а через пять лет семья переехала в Тель-Авив. В разных странах мира публиковали стихотворения Элишевы, рассказы, повести, критические статьи на иврите, писали музыку на ее стихи. Элишева была популярна среди еврейских читателей; ее называли "Рут с берегов Волги", хотя она не перешла в иудаизм. В Тель-Авиве увидели свет ее поэтические сборники "Кос ктана" ("Малая чаша") и "Харузим" ("Рифмы"); ее стихи переводили с иврита на идиш, английский, немецкий, итальянский, русский языки; критик писал о ней: "Легко и естественно, без риторики и украшательства передает поэтесса свою тихую тоску по крупице счастья и душевного покоя, которые природа отпускает нам так скупо". Элишева умерла в 1949 году, похоронена на берегу озера Кинерет, рядом с поэтессой Рахель. По сей день включают ее стихи в поэтические сборники; появились и современные переводы стихов Элишевы на русский язык. Удивительная судьба — родиться в Рязани, писать на иврите в Израиле, вернуться к читателю в Россию в переводах с иврита. "У чуда сердце и душа в плену..."

Очерк семнадцатый

Развитие культуры на языке идиш.
Ученые. Писатели и поэты.
Театры на идиш. С. Михоэлс. М. Шагал

1

Одним из первых декретов советской власти стала "Декларация прав народов России", которая провозгласила: "1. Равенство и суверенность народов России. 2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. 4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России".

В первое десятилетие советской власти политика большевиков способствовала развитию культур национальных меньшинств, повышению образования и ликвидации неграмотности, а также использованию языков разных народов в деятельности административных учреждений. На Украине и в Белоруссии началось внедрение украинского и белорусского языка; в Грузии государственным языком стал грузинский, в Армении — армянский. В Якутии, Чувашии, Коми и других национальных образованиях язык коренного населения признали государственным языком; в автономной республике немцев Поволжья было два государственных языка — немецкий и русский, с обязательным преподаванием

немецкого языка в русских школах. Конституция Украинской ССР провозгласила равноправие языков всех национальностей. Конституция Белорусской ССР признавала государственными четыре языка — белорусский, русский, еврейский и польский; надпись на гербе и флаге "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" писали по-белорусски, по-русски, на идиш и польском языке.

> К 1933 году в начальных школах Украины обучались на родном языке 93,9% украинцев, в Белоруссии — 90,2% белорусов, в Киргизии — 90,5% киргизов, в Чувашии — 92,3% чувашей, в Грузии — 98,1% грузин. Более восьмидесяти процентов татар, проживавших на территории РСФСР вне Татарии, отдавали своих детей в начальные школы с обучением на родном языке. К 1933 году издавали в СССР 250 национальных газет на 59 языках, среди них 63 газеты на украинском языке, 22 — на татарском, 13 — на казахском, 11 — на армянском, 9 — на белорусском.

"Украинизация" привела к тому, что началось выдвижение национальных кадров — в основном взамен русских и евреев; подобное происходило и в Белоруссии. Г. Зиновьев заявил в 1922 году: "Когда мы на Украине наконец прочно стали на ноги, Ленин сказал: "У нас на Украине слишком много евреев. К осуществлению власти должны быть привлечены истинные украинские рабочие и крестьяне". Конечно, такой подход может легко вызвать антисемитизм, но мы уж сможем побороть любой шовинизм..." В 1928 году комиссариат просвещения Украины рекомендовал во время приемных экзаменов в институтах и техникумах "вести линию на увеличение процента украинцев".

С середины 1930-х годов стала меняться национальная политика, прекратили поощрять украинизацию и белорусизацию, началась постепенная ликвидация национальных культурных учреждений, школ, газет. Летом 1937 года в Белоруссии закрывали польские школы, детские сады, избы-читальни, польские отделения в институтах и техникумах; прекратили издание газеты и книг на польском языке, ликвидировали польскую секцию Союза писателей Белоруссии и радиовещание на этом языке. В Витебске закрыли цыганскую школу; преподавание в немецких, латышских и литовских школах Белоруссии переводили на белорусский или русский языки. В 1938 году приняли поправку к конституции Белоруссии, и с этого момента польский язык и идиш перестали быть государственными языками; "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" на флаге и гербе уже не писали на этих языках. С первого сентября 1938 года закрыли в Смоленской области польские, литовские, белорусские, латышские, цыганские и еврейские школы. Учебные заведения нацио-

нальных меньшинств на Украине признали источниками буржуазно-националистической пропаганды, продолжение их деятельности — "нецелесообразным и вредным", а потому эти школы перевели на русский и украинский языки обучения.

Диктатура одного человека, наступившая в стране, неминуемо вела к главенству русского народа — "старшего брата" в многонациональном государстве. В марте 1938 года Совнарком и ЦК партии большевиков приняли постановление "Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей". С этого момента по всей стране началась принудительная русификация: арестовывали и уничтожали ученых, деятелей искусств, партийных и советских руководителей за "контрреволюционный национал-уклонизм", закрывали газеты, журналы, школы, библиотеки и клубы, прочие культурные центры национальных меньшинств Советского Союза.

2

В начале двадцатого века идиш был основным разговорным языком евреев черты оседлости. Сочный, красочный, поистине народный язык, в котором нашли применение украинские, белорусские и польские слова; язык семьи, улицы и рынка, на котором разговаривали в минуты радости или горя, пели песни, рассказывали сказки детям, веселились, утешали и оплакивали; язык ученых, журналистов и литераторов, на котором писали научные и газетные статьи, стихи и прозу; это был язык, который понимали окрестные жители и разговаривали с евреями на идиш в мастерской ремесленника и лавке торговца.

> С 1918 года на Украине развернуло работу общество "Культур-Лига". В городах открывали еврейские школы на идиш для взрослых и детей, вечерние курсы, библиотеки; в Киеве было основано училище для подготовки учителей начальных школ и Еврейский народный университет на триста студентов; печатали книги на идиш, работали театральная и художественная студии, проходили выставки еврейских художников, спектакли и концерты еврейской музыки, литературные вечера и диспуты. Отделение "Культур-Лиги" в Москве издавало книги на идиш, подготавливало учителей для еврейских школ, устроило выставку работ художников Н. Альтмана, М. Шагала, Д. Штеренберга. "Культур-Лига" была ликвидирована в 1924 году.

Многие большевики-евреи были сторонниками скорейшей ассимиляции еврейского населения; всякую работу среди евреев они считали

"националистическим уклоном" и не поощряли развития языка идиш. С. Диманштейн говорил: "Мы не фанатики еврейского языка. Идиш для нас не священный язык, как для иных еврейских националистов. Возможно, что в близком будущем более богатые языки вытеснят повсюду еврейский язык. Мы, коммунисты, не прольем ни слезинки по этому поводу". Но когда на Украине и в Белоруссии начали внедрять национальные языки — украинский и белорусский, это повлияло и на развитие языков национальных меньшинств.

Деятели евсекций поддерживали "идишизацию" евреев; они верили, что работают на пользу еврейского национального дела, чтобы социалистическая культура на языке идиш расцвела в СССР невиданным прежде образом. Некая двойственность была присуща работникам евсекций: беспощадно искореняя еврейскую религию и традиции народа, они одновременно способствовали развитию образования и культуры на идиш; усиливая гонения на иврит, они поддерживали издание книг и периодических изданий на языке идиш, что в некоторой степени тормозило процесс ассимиляции. В 1926 году идиш признали родным языком 90,7% евреев Белоруссии, на Украине — 76,1% евреев, в РСФСР — 50,3%; в среднем по СССР — 73%. На идиш выходили центральные ежедневные газеты — "Эмес" ("Правда") в Москве, "Штерн" ("Звезда") в Харькове, "Октябер" ("Октябрь") в Минске, однако тираж этих газет был маленьким — не помогали разъяснения, уговоры и кампании по подписке. Для языка идиш изобрели новую орфографию, чтобы устранить сходство с ивритом (были даже попытки перевести идиш на латинский алфавит); эта орфография затрудняла чтение газетных статей, которые и без того были наполнены малопонятными выражениями из набора коммунистической идеологии. Спрос на газету "Эмес" был настолько мал, что ее порой не доставляли в газетные киоски.

В районах массового проживания евреев открывали еврейские школы, переводили преподавание с русского, украинского, белорусского языков на идиш, — исследователи называли тот период "принудительной идишизацией". Это было время, когда белорусы должны были посылать своих детей в белорусские школы, украинцы в украинские, поляки в польские, а евреи — в еврейские, не считаясь с пожеланиями родителей. Уклониться от этого было чрезвычайно трудно; всякая попытка рассматривалась как "непонимание ленинско-сталинской национальной политики".

На Украине и в Белоруссии поощряли перевод школ с русского языка на идиш, опасаясь русификации населения. К 1930 году там было создано около тысячи начальных и средних еврейских школ, в которых обучалась половина еврейских детей. Педагогические училища готовили учителей для преподавания на идиш литературы, физики, химии, мате-

Ученики и учителя еврейской школы. Город Богуслав Киевской губернии, 1923 год

матики и биологии, истории и географии; государственные издательства выпускали учебники на этом языке; в профессиональных училищах и техникумах преподавали на идиш, чтобы подготовить механизаторов, агрономов, садоводов и ветеринаров. Появились детские сады на идиш, клубы, библиотеки и избы-читальни, курсы ликвидации неграмотности, коллективы самодеятельности и кружки политграмоты. На фабриках и заводах выпускали стенгазеты на идиш для еврейских рабочих. Существовали даже партшколы с преподаванием на идиш, в которых обучали инструкторов для работы с еврейским населением; на этом языке проходили профсоюзные и партийные собрания. Школы на идиш, клубы и библиотеки появились в Ташкенте, а также в Иркутске, Томске, Омске и в других городах Сибири.

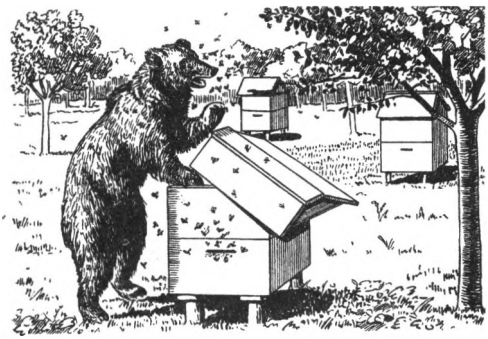
К 1933 году 8% еврейских детей в РСФСР обучались в школах на идиш, на Украине — 49,6%, в Белоруссии — 55,5%. Из воспоминаний: "Я поступила в Днепропетровский педагогический техникум, где была еврейская группа на идиш. В этой группе было около тридцати человек. Я стала учительницей младших классов. На еврейском языке в еврейской школе... Зарплата была очень-очень маленькая, жили, конечно, бедненько..." — "У нас в деревне жила одна русская семья, а их дети Сёма, Митя, Лена вместе с нами учились в школе; первое время им было очень трудно, приходилось учителям отдельно с ними проводить занятия, а затем они освоили идиш и очень хорошо учились..."

Еврейский детский сад. Город Малин Киевской губернии, 1925 год

Заканчивая школу на идиш, молодые люди недостаточно владели русским языком и не могли найти работу в городах или продолжить обучение в институтах. Знание русского языка становилось гарантией успеха, получения образования и продвижения по службе, а потому родители не желали отдавать детей в еврейские школы. Даже в местечках, как правило, был недобор во всех классах, укомплектованность школ составляла порой тридцать—сорок процентов. Школьный работник свидетельствовал: "Все мамы бросились доказывать, что ее Изя, Гриша, Роза еврейского языка не знают и учиться в еврейской школе не могут... А я согласно полученным указаниям пытался доказать этим мамам, что язык можно выучить, что евреям важно возродить свою культуру — и так далее, в том же духе. Сбить меня было невозможно... но однажды вместо мамы явился папа и перевел дело совсем в другую плоскость. Он спросил: а где его Изя будет учиться по окончании еврейской школы? И я скис..."

Иллюзий поначалу было много, но они рассеивались со временем. Культура на идиш, разрешенная и направляемая властями, не могла развиваться естественным образом. Для большевиков язык идиш не был инструментом, с помощью которого передаются культурные и нравственные ценности народа, — это называли "национализмом" и с этим беспощадно боролись; идиш оставался лишь языком преподавания, "обслуживающим механизмом" для воспитания молодежи в коммунистическом и атеистическом духе. В еврейских школах не рассказывали о традициях еврейского народа. Из школьных программ исключали "неугодных" писателей прошлого. Из учебников изымали религиозные терми-

א בער א נאשער.
נאש ניט, בער,
עס ניט מער.
אָט פֿליִען בינען.
אָט א בער א נאשער!

נא-שער	נאש	פֿלי
נאשער	נאשט	פֿליט
בי-נען	נאשן	פֿלי-ען
בינען	זאשן	בלי-ען

Страница
из букваря
языка идиш.
Киев, 1937 год

ны, понятия “еврей” и “еврейский”; язык идиш изучали в букварях на таких примерах: “Сталин — наш учитель” и “Сталина все любят”. Взамен еврейской истории рассказывали о классовой борьбе евреев против царизма; даже тексты диктантов и условия задач по математике были предназначены для единой цели — привить молодежи идеологию правящей партии. Школьникам преподавали политграмоту, вытравливали национальные чувства и привязанности, воспитывали с первых классов пренебрежение и неприязнь к раввинам и синагоге; перед еврейскими праздниками усиливали антирелигиозную пропаганду, преследовали учеников, пропускавших занятия по субботам, — комсомол и пионерская организация завершали их образование.

В еврейских школах преподавали учителя, у которых за годы обучения в педагогическом институте или училище вытравили уважение к религии и традициям народа, а они, в свою очередь, занимались этим на школьных уроках.

В ново-златопольской еврейской школе дети писали диктант под диктовку учителя — рассказ про “кошечку”, которая радостно встретила хозяев-евреев, возвратившихся с полевых работ после

трудового субботнего дня. А затем вся семья уселась за стол, полакомилась на ужин кровяной (некашерной) колбасой и запила ее молоком (смешав мясное с молочным), — "кошечка" ела вместе со всеми любимую "кровянку" и лакала молоко из блюдечка.

В 1930 году ликвидировали все национальные секции в партии большевиков, а с ними пришел конец и еврейской секции. Бывшие активисты евсекций пытались продолжить свою работу в научных и культурных учреждениях, но их репрессировали в последующие годы. В 1936 году закрыли последнюю еврейскую школу в Москве; через год это случилось в Ленинграде, где арестовали директора школы З. Киссельгофа. В 1938 году ЦК партии Украины принял постановление "О реорганизации национальных школ" — "очагов буржуазно-националистического, антисоветского влияния на детей". О том же говорил и Н. Хрущев, первый секретарь компартии Украины: "Враги насильно тянули евреев в еврейские школы. Это... делалось для того, чтобы озлобить население и, с другой стороны, чтобы создать свои вражеские гнезда".

Летом 1938 года ЦК компартии Белоруссии — "идя навстречу многочисленным заявлениям еврейского населения" — постановил преобразовать к первому сентября все еврейские школы в белорусские. Это оказалось неожиданностью для родителей; они просили перевести преподавание в школах на русский язык, но местные власти уже сообщали вышестоящему начальству, что решение партии "было встречено единодушным одобрением" и лишь кое-где "имелись враждебные выступления националистически-бундовских элементов", получившие "резкий отпор со стороны родителей". Учебники на идиш изъяли из магазинов, и отец одного из учеников жаловался в еврейскую газету: "Чем повинен мой ребенок, что я еврей и отдал его учиться в еврейскую школу? Он перешел в четвертый класс, только сейчас начал изучать русский язык, и сразу же стал неграмотным. Почему эта работа проделана так внезапно? Не вредительство ли это?.."

К 1940 году закрыли в Советском Союзе почти все национальные учебные заведения, в том числе еврейские школы, педагогические училища и техникумы. До начала войны с Германией еврейские школы существовали в Западной Украине и Западной Белоруссии, присоединенных к СССР в 1939 году.

3

В первое десятилетие советской власти еврейская тема в науке еще не была под запретом. С. Дубнов готовил к печати очередные тома "Истории еврейского народа" до отъезда за границу, участвовал в госу-

дарственных комиссиях по исследованию и публикации архивных материалов, связанных с погромами и ритуальными процессами. Ю. Гессен выпустил переработанное и дополненное издание "Истории еврейского народа в России". Частные издательства братьев Сабашниковых, "Радуга", "Атеней", "Пучина" издавали во время НЭПа книги по истории и культуре евреев. Товарищество "Мир" напечатало один том "Истории еврейского народа", в который вошли материалы, подготовленные еще до революции. Увидела свет работа С. Лурье "Антисемитизм в древнем мире", а впоследствии книга А. Тагера "Царская Россия и дело Бейлиса". Историк И. Галант собирал на Украине архивные материалы и исследовал в своих работах жизнь евреев Российской империи. Группа врачей выпустила три тома сборника "Вопросы биологии и патологии евреев". И. Цинберг исследовал историю еврейской литературы в Европе и переправлял рукописи в Польшу, где вышли восемь томов на идиш.

В Киеве был создан Институт еврейской культуры, а в Минске — Институт еврейской пролетарской культуры, которые издавали на идиш свои труды. В Одессе работали Еврейский народный университет и Всеукраинский музей еврейской культуры имени Менделе Мойхер Сфорима с коллекцией синагогальной утвари, ханукальных светильников, собранием старинных пинкасов — книг записей еврейских общин. В 1928 году редакция "Еврейской старины" попросила у С. Дубнова, основателя журнала, материалы в юбилейный номер. Его статьи, присланные из Берлина, не пропустила цензура, и в еврейской газете написали с угрозой: "Мы умели расправляться с нашими врагами беспощадно, и когда нам нужно было, мы сумели перешибить хребет ученой контрреволюции и выслать всех дубновых... в их родные палестины к близким им по духу белогвардейцам".

> Вскоре после этого ликвидировали Общество для распространения просвещения между евреями в России и Еврейское историко-этнографическое общество с музеем при нем, прекратили выпуск журнала "Еврейская старина". Их архивы и музейные материалы разослали по разным городам; многие из них были утеряны, а сохранившиеся более полувека оставались не доступными для исследователей.

Контроль со стороны властей ужесточался из года в год, пока наконец не провозгласили: "Период мирного сожительства с буржуазной наукой изжит до конца". Ограничивали тематику научных исследований и доступ к архивным документам, пресекали связи с исследователями других стран; от ученых требовали работать на основе марксистко-ленин-

ского учения, чтобы рассматривать научные проблемы с позиций "классовой" борьбы. Выявляли и громили "буржуазное наследие" в науке, утверждали планы лекционных курсов в институтах и тезисы лекций, обращали внимание на "политфизиономию" преподавателей, воспитывающих молодое поколение. Партийные руководители требовали: "Идея борьбы должна преобладать в нашей научной работе. Как можно меньше отстранения от жгучих проблем классовой борьбы. Как можно больше контактов между наукой и проблемами дня. Мы должны рассматривать свою научную работу как прямое участие в социалистическом строительстве Советского Союза".

В еврейских научных центрах появился новый тип ученых, которых характеризовал историк С. Боровой: "Неполучившиеся партийные деятели, они подходили к научной работе как мелкие политиканы. Для них задача "научной" работы сводилась к отрицанию и разоблачению. Все прошлое отрицалось и разоблачалось... Институт еврейской культуры Академии наук Украины был переименован в Институт еврейской пролетарской культуры. Оставалось все же неясным, чем должен заниматься этот институт и какое конкретное содержание вкладывается в понятие "пролетарская" культура... На этот вопрос руководители института не успели дать ответа... Все они — за редчайшими исключениями — погибли".

В 1936 году Институт еврейской пролетарской культуры в Киеве объявили "гнездом троцкизма", многих его сотрудников арестовали или уволили, а институт реорганизовали в малочисленный Кабинет изучения еврейского языка, литературы и фольклора. Кабинет просуществовал до 1949 года, а затем почти всех сотрудников арестовали по обвинению "во враждебной националистической деятельности"; руководитель Кабинета И. Спивак, член-корреспондент Украинской академии наук, погиб в тюрьме во время следствия.

> Из воспоминаний бывшего сотрудника: "К зданию, в котором размещался Кабинет, подъехало несколько грузовиков. На них в спешке беспорядочно сбрасывались книги, фонотека Кабинета... Вскоре в освобожденном от книг помещении начался ремонт. Чтобы не запачкать паркет побелкой... на пол набросали десятки тысяч каталожных карточек — огромная уникальная картотека Кабинета, списки уникальных книг, рукописей... фольклорных находок на еврейском, украинском, русском, белорусском, польском, немецком, английском, французском языках... Спасти удалось лишь считанные карточки, воспоминания о свершившемся вандализме..."

Культура на языке идиш препятствовала в какой-то степени полной ассимиляции еврейского населения, а потому была обречена на уничтожение. К концу 1930-х годов ликвидировали практически все еврейские культурные и научные учреждения. Закрыли в Москве Всероссийское общество по изучению еврейского языка, литературы и истории, кафедру еврейского языка и литературы в Московском педагогическом институте, Институт еврейской пролетарской культуры в Минске (заодно закрыли и Институт польской пролетарской культуры в Киеве — по обвинению в шпионаже в пользу "панской" Польши). В Одессе ликвидировали Музей еврейской культуры, а в его здании разместили контору Заготзерно. Были арестованы и погибли многие ученые, среди них — историк еврейской литературы И. Цинберг, ученый-гебраист И. Равребе, историки Д. Магид и А. Тагер.

В архивах страны проводили "макулатурные" кампании, отправляя на переработку в бумагу тонны всевозможных документов, — среди них оказались и еврейские архивные материалы; уцелевшие документы по еврейской истории попали в "спецхранение" и стали не доступными для исследователей. До 1948 года книги на идиш выпускало лишь московское издательство "Эмес", ликвидированное во время борьбы с космополитизмом. Затем закрыли Еврейский музей в Вильнюсе и краеведческий музей в Биробиджане, прекратили передачи московского радио на идиш, предназначавшиеся для слушателей других стран. Всех пережил Историко-этнографический музей евреев Грузии, который ликвидировали в 1951 году: ведущих сотрудников арестовали, часть музейных материалов уничтожили.

4

В первые десятилетия советской власти поощрялась "пролетарская" культура на идиш; Шолом-Алейхема и Менделе Мойхер Сфорима признали классиками еврейской литературы, "певцами народной бедноты", а потому их произведения включали в школьные программы, их именами называли улицы в городах и местечках. Печатали на идиш книги и журналы, переводы советских и зарубежных писателей, стихи и прозу еврейских поэтов и прозаиков.

П. Маркиш:

На низком встал пороге я
И вскинул парус свой...
Прощайте, дни убогие,
И — здравствуй, мир живой!..

И. Фефер:

Так прощайте печи,
Горбатых крыш гряда,
Крохотные домики,
Прощайте навсегда!..

В то время в Советском Союзе выделяли значительные средства на развитие литературы на идиш. С 1923 по 1927 год вышли в свет более восьмисот наименований книг, журналов и газет на этом языке общим тиражом около трех миллионов экземпляров. Подобного не было ни в одной стране мира; это привлекало многих, вселяя радужные надежды на свободное развитие культуры на языке идиш, а потому вернулись из-за границы писатели и поэты М. Кульбак, П. Маркиш, Д. Бергельсон, Дер Нистер, Д. Гофштейн, Л. Квитко. В 1925 году в Москве была создана еврейская секция Российской ассоциации пролетарских писателей. В нее входили литераторы, которые безоговорочно приняли советскую власть и большевистскую идеологию, восторженно встретили революцию как освобождение еврейского народа от нищеты, страданий и жестокости старого мира. Они вспоминали прежние бои: "Штурмуют мосты и заставы, скрестились шашки и пики, — Даешь мосты и заставы!

Обложки книг на идиш для детей. 1920-е годы

Даешь Украину, Деникин!..” (Э. Фининберг). Они гордились героическим прошлым: “Лишь мне, лишь нам — босым и взрослым детям — Вчерашнее досталось расстрелять...” (И. Фефер). Они возглашали: “Отойдите, отойдите, унылые деды... Нам некогда задавать вопросы...” (И. Харик). Они обещали: “И будет весь мир перевернут, — Еще мы не выдохлись, нет!..” (А. Кушниров).

“Пролетарские” писатели с недоверием относились к “попутчикам”, “идеологически неустойчивым” писателям, которые стали известными еще до революции. Прозаиков Д. Бергельсона и Дер Нистера обвиняли в том, что они писали для немногочисленных “элитарных” читателей, а не для “широких еврейских масс”; неминуемые столкновения приводили к яростным спорам на собраниях, к обвинениям в символизме и мистицизме, даже к угрозам в печати — “свести старые счеты” с “попутчиками”.

Ш. Галкин:

У ножа, у ножа я учусь,
Злобно блещущего и стального!
Что однажды отрублено, снова
Никогда не воскреснет, — и пусть!..

А. Кушниров:

Мы гибли во имя живых,
Мы жили за тех, кто не дожил,
Сдирали с себя и с других
Проклятого прошлого кожу...

И. Фефер:

В полях и шахтах, в дымном окруженьи,
Где каждый угол счастием пропах...
Я — самый пылкий с шашкой средь сражений,
Я — самый пылкий с молотом в цехах...

“Пролетарские” писатели и поэты выпускали журнал “Октябер” на идиш, а “попутчики” объединились вокруг журнала “Найэрд” (“Новь”). С 1922 года выходил в Москве литературный журнал на идиш “Штром” (“Поток”); обложку первого номера оформил художник М. Шагал, эпиграфом журнала стали строки из стихотворения О. Шварцмана “Но под скалами я слышу течение и рокот потока...” (“Штром” закрыли в 1924 году). В Москве выходили журнал комсомольских писателей “Юнгвалд” (“Молодая поросль”) и ежегодник “Советиш”; книги печатали издательства “Эмес”, “Централфарлаг“ (“Центральное издательство”), “Шул ун бух”

("Школа и книга"). "Культурфарлаг" ("Издательство культуры") в Киеве выпускало книги на идиш; в Харькове выходили журналы "Ройте велт" ("Красный мир") и "Пролит" ("Пролетарская литература"), а после их закрытия появился в Киеве журнал "Фармест" ("Соревнование"). В Минске выпускали литературный журнал "Штерн" ("Звезда"), в Биробиджане — "Форпост".

П. Маркиш:

Две мертвые птицы на землю легли.
Удар был удачен... Что лучше земли?
Здесь, в солнечной этой блаженной стране,
Упасть так упасть! Так мерещится мне...

И. Фефер:

Лечу, как ветер, по родной стране,
Она моя! Она живет во мне...

Л. Квитко:

Мчаться, мчаться, мчаться, мчаться!
С буйным ветром повстречаться...

И неожиданное признание И. Харика — воспоминание о местечке:

Как я хотел, чтобы сгорело ты,
Как пылко я мечтал об этом в детстве,
И как храню теперь твои черты,
Как берегу теперь твое наследство.
Как вырос я, как изменилось ты!..

Литература на языке идиш продолжала развиваться. Прозаики создавали эпические произведения, пытаясь осмыслить изменения в еврейском обществе, драматурги писали пьесы, поэты — лирические стихотворения, поэмы, стихи для детей. Их переводили на другие языки народов Советского Союза, и читатель уже знал эти имена — Д. Бергельсон, Ш. Галкин, Д. Гофштейн, Дер Нистер, П. Маркиш, И. Кипнис, Л. Квитко, И. Фефер, З. Аксельрод, Э. Фининберг, М. Кульбак, И. Харик, А. Кушниров. В 1930-е годы успешно начинали молодые литераторы М. Тейф, З. Телесин, Р. Баумволь, О. Дриз, М. Грубиян и другие.

Из Большой Советской энциклопедии (1932 год): "Количество еврейских писателей из года в год увеличивается, главным образом, за счет рабочей и крестьянской молодежи, значительные кадры ко-

торой входят сейчас в литературу в результате призыва ударников; сильно выросла, в особенности в УССР и БССР, комсомольская еврейская литература, насчитывающая десятки рабочих и крестьянских поэтов, беллетристов и критиков, из которых многие обещают стать значительными фигурами..."

Лейб Квитко

Перец Маркиш

Времена менялись. Ужесточались цензурные требования. Не поощрялось новаторство литературного стиля и философские обобщения, которые могли "запутать" неискушенного читателя. Навешивались ярлыки на прозу и поэзию — влияние "пережитков прошлого", "тлетворное воздействие Запада", "зловредная контрабанда идей". Писателей обвиняли в "отрыве от реальной жизни", в "индивидуализме" и "идеализации" прошлого, в "эпикурействе и любовании преходящим моментом". От них требовали внедрять в массы большевистскую идеологию, и один из руководителей литературы заявил: прежние писатели на идиш искали "красоту еврейской души — мы же ищем марксистский подход ко всем явлениям еврейской жизни".

Беднел язык литературных произведений. Положительные персонажи становились еще "положительнее", а отрицательных лишали права на малейшие симпатии читателя. Культура на языке идиш постепенно превращалась в общесоветскую культуру, "национальную по форме и социалистическую по содержанию". Кроме официальной цензуры вырабатывалась и самоцензура; литератор знал наверняка, на какие темы и как можно писать, чтобы попасть в план государственных издательств и не вызвать нападок партийной критики. А для этого следовало выполнять

социальный заказ — воспевать новую жизнь, клеймить пережитки прошлого в сознании людей, создавать образ советского человека в духе социалистического реализма.

А. Кушниров:

Бои и победы поют ветераны...
Бетонною плотью затянуты раны...

И. Харик:

Каждый, каждый, каждый — в строй!
Каждый, каждый, каждый — строй!..

Л. Квитко:

Казак я! Буденновец!
Храбрый боец!
Так дайте ж мне, дайте
Коня наконец!..

Сглаживались различия между "пролетарскими" писателями и "попутчиками", особенно в тематике. Разрешенными темами являлись — революция, героика "пламенных лет" Гражданской войны, разоблачение шпионов и вредителей, классовая борьба в странах капитала, ломка старого быта, борьба с религиозными предрассудками, трудовые будни Биробиджана, коллективизация сельского хозяйства и индустриализация страны, что вызывало к жизни произведения с характерными названиями — "Плотины" и "На Днепрострое", "Шахты" и "Дорога в Донбасс", "Смерть кулака" и "Биробиджанцы", "Фабрика зовет", "В тракторном цеху" и "Радость нового бытия". Поэты и прозаики на языке идиш (как и прочие деятели советской литературы) выполняли заказ партии и правительства и неуклонно теряли своего читателя.

Дер Нистер (в переводе с идиш "скрытый", псевдоним П. Кагановича), из письма 1934 года: "В Советском Союзе нет места символизму, а ты знаешь, что я всегда был и остался символистом. Человеку моего типа, всю жизнь работавшему над совершенствованием стиля, очень трудно перейти от символизма к реализму. Это вопрос не техники. Тут нужно как бы переродиться. Нужно вывернуть душу наизнанку... Если я не буду писать, я выпаду из литературы и из жизни, ибо не тебе объяснять, что писатель, который не пишет, — это человек, который не живет, не существует в мире..." (арестован в 1948 году, умер в тюремной больнице).

Давид Гофштейн

Дер Нистер

Искренность первых лет творчества постепенно становилась фальшью; от писателей и поэтов требовали прославлять партию и ее вождей, желание оставаться самим собой вело в тюрьму или к творческому молчанию, а следовательно, к забвению. Были расстреляны и погибли в заключении многие писатели и поэты, творившие на языке идиш, среди них — А. Абчук, З. Аксельрод, М. Кульбак, И. Харик.

И. Харик:

Щеки мечены рубцами,
Строен, смуглокож.
Если нужно, завтра — в пламя,
А пока поёшь...

5

В начале 1920-х годов театры на идиш появились в Харькове, Киеве, Одессе, Бердичеве, Кременчуге, Нежине, Днепропетровске, Житомире и в других городах со значительным еврейским населением. Они возникали по инициативе любителей театра, чтобы просуществовать недолгое время и уступить место другим театрам с иными энтузиастами — актерами и режиссерами. Существовали передвижные театры малых форм со спектаклями агитационного характера, недолгое время работали еврейские театры оперетты и сатиры; в Киеве дети ходили в Театр юного зрителя и кукольный театр на идиш, в Ленинграде пытались создать еврейскую оперу.

В 1923 году Главрепертком запретил оперу еврейского композитора М. Мильнера "Ди гимелн бренен" ("Пылающие небеса") по пьесе С. Ан-ского "Диббук", которую исполнили в Петрограде лишь два раза. Цензура определила содержание оперы "насквозь клерикальным и вредным, которое вряд ли смягчит музыка". Из заключения цензора: "Лилит отрывает Иойне от Талмуда (это хорошо). Он стремится к земной красоте (прекрасно). Этот образ отражается в его бодрящем пении (и это хорошо). А что дальше?.. Не хочет ли автор сказать, что в отпадении еврейской молодежи от "заветов отцов", изучения Талмуда и священных преданий кроется гибель евреев?.."

В 1918 году на одной из улиц Петрограда появилось небольшое объявление: "Открывается петроградская еврейская театральная студия, приглашают молодежь, желающую работать и учиться в этой студии. Условия: не старше двадцати шести лет и никогда не учившиеся театральному искусству". Студию основал режиссер Алексей Грановский (Авраам Азарх); голодные, изможденные артисты репетировали в холодном помещении, и первый их спектакль на языке идиш состоялся в январе 1919 года. "Мы утверждаем, что задачи нашего Театра — это задачи Мирового Театра, и только язык отличает его от других, — провозглашал Грановский. — Каким наш Театр будет? Каким богам он будет служить? На этот вопрос мы ответить не можем. Мы не знаем наших богов... Мы ищем их".

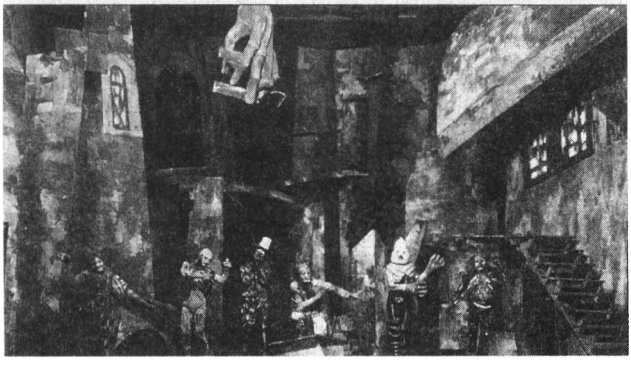

Слева направо: художник И. Рабинович, режиссер А. Грановский, художник Н. Альтман. 1924 год (из коллекции Г. Казовского)

Затем студия переехала в Москву; к ней присоединилась группа молодых актеров: так появился Государственный еврейский камерный театр, с 1925 года — Государственный еврейский театр (ГОСЕТ), первый из театров на идиш получивший правительственную субсидию. В то время была уже знаменита "Габима" — в противовес театру на "мертвом" иврите деятели евсекции всячески поддерживали ГОСЕТ, театр на языке "еврейских народных масс", а его очередные спектакли называли "новой победой на фронте революционного зрелища".

В январе 1921 года состоялась первая московская премьера "Вечер Шолом-Алейхема" — три одноактные пьесы по рассказам писателя. Театр работал в переоборудованной квартире, где помещались девяносто зрителей, но вскоре переехал на Малую Бронную, в перестроенный концертный зал на четыреста сорок мест. Спектакли в постановке Грановского становились событиями в театральной жизни Москвы: "Колдунья" А. Гольдфадена, "Ночь на старом рынке" И. Л. Переца, "Путешествие Вениамина Третьего" по Менделе Мойхер Сфориму, "Человек воздуха" по Шолом-Алейхему. Среди художников первых спектаклей были А. Бенуа и М. Добужинский, М. Шагал, Н. Альтман, Р. Фальк, И. Рабинович, А. Тышлер и М. Аксельрод; среди композиторов — И. Ахрон, А. Крейн, С. Розовский, Л. Пульвер.

Сцены из спектакля "Ночь на старом рынке", режиссер А. Грановский (из коллекции Г. Казовского)

"Кодунья" прошла триумфально... — вспоминал очевидец. — Спектакль был насыщен жизнерадостностью, которая все заливала и все переосмысливала. Еврейский темперамент актеров обрушивался на зрительный зал со сгущенной энергией. Когда по лестницам и крышам хибарок, на тесных площадках городка, сконструированного Исааком Рабиновичем, кружилась, перекликалась, шарахалась, пела, плясала, жестикулировала местечковая толпа в каком-то самозабвенном веселье — зрительному залу казалось, точно на сцене звенит, кружится и пенится народная стихия театральности".

По мнению критиков, Грановский создавал спектакли-симфонии — многоголосие авторского текста и гротесковой актерской игры, музыки, грима, декораций и освещения, особого ритма театрального действия и долгих выразительных пауз; это был своеобразный карнавал масок с приметами национального характера — для достижения единой творческой цели.

> А. Азарх-Грановская, актриса московского ГОСЕТа: "У Грановского (на сцене) никогда не было пустого пространства. Все равно — наверху, внизу, сбоку — всюду жило что-то, жило и было подчинено одному и тому же ритму, как подчинялось слово, как подчинялась музыка и подчинялось движение актера... Грановский лепил все, каждый поворот пальца, так как он считал, что поднятый палец — это событие на сцене. На сцене не может быть ничего случайного... Массовые сцены шли на бешеном темпе, на невероятном темпераменте... Все захвачены одним и тем же, одной и той же задачей, одним и тем же хотением, сохраняя свою характеристику..."

ГОСЕТ был одним из лучших театров Москвы, он много гастролировал по стране, однако — как и прочие культурные учреждения — находился под постоянным идеологическим контролем. Грановского обвиняли в "безыдейности" и отсутствии репертуара, отражающего "советскую действительность", в "бессмысленном левачестве" и формализме. В 1928 году театр выехал на гастроли по странам Европы и за девять месяцев дал более двухсот спектаклей, которые проходили повсюду с огромным успехом. Из отзывов критиков и очевидцев: "Когда открылся занавес "Ночи на старом рынке", театр встал. А еще не было произнесено ни одного слова. Только звучала музыка — и декорация... Только и слышалось: "Grand merci, Грановский! Grand merci, Грановский!.." — "Успех оглушительный... Напряженность с первого до последнего момента... Во мне происходит какое-то очищение под влиянием спектаклей..." — "Это не еврейский, а настоящий мировой театр..."

То было время, когда в Советском Союзе громили нэпманов и кулаков, начинали принудительную коллективизацию в деревне и вели борьбу с "врагами народа". Грановский очевидно догадывался о надвигавшихся переменах, но даже ему не могло прийти в голову, что по возвращении из гастролей его театр и Белорусский ГОСЕТ заставят подписать договор о "социалистическом соревновании" — создавать спектакли для отражения успехов "коммунистического строительства" в стране. Грановский не вернулся в Советский Союз; с 1929 года художественным руководителем московского ГОСЕТа стал С. Михоэлс.

6

Соломон Михоэлс (Шломо Вовси) родился в городе Двинске в 1890 году, в семье хасида. "Родительский дом, — вспоминал он, — типично еврейский, патриархальный... Воспитание свое получил в хедере, где обучался еврейской грамоте, Библии, Талмуду... Интерес к театру обнаружил в раннем детстве, неизгладимое впечатление оставили пуримшпилеры, посещавшие наш дом ежегодно во время праздника Пурим".

Эскизы костюмов к спектаклю "Колдунья", художник И. Рабинович
(из коллекции Г. Казовского)

Михоэлс учился на юридическом факультете Петроградского университета; ему оставалось совсем немного, чтобы получить диплом юриста, но он бросил все и ушел в театральную студию А. Грановского. Было ему тогда двадцать девять лет, тогда же появился и актерский псевдоним Михоэлс, по имени его отца. "Сын мой, — сказал однажды отец, — если представить себе, что жизнь — это азбука, то мне, простому смертному, дано было пройти лишь часть этой азбуки. Вижу по глазам твоим, что ты захочешь начать все сначала, но до конца и тебе не удастся изучить ее. А ты учти мой опыт, тогда, быть может, пойдешь дальше меня". Отец хотел, чтобы сын выучился на врача или адвоката, но он стал актером.

Портрет С. Михоэлса. Художник Н. Альтман, 1927 год

А. Эфрос, театровед и переводчик (1919 год, первая встреча с Михоэлсом): "В комнату вошел не первой молодости человек, видимо, около тридцати лет — низкорослый, худощавый, на редкость некрасивый, с отвисающей нижней губой и приплюснутым, хотя и с горбинкой, носом, с уже редеющими на высоком лбу волосами и торчашими на висках вихрами... "Экое обаяние в этом уроде, — внезапно подумал я. — Пожалуй, и в самом деле он интересен на сцене..."

А. Азарх-Грановская, о Михоэлсе: "Актер бесподобный! Более гибкого, тонкого и умного актера я не встретила, хотя очень много

бывала и в разных театрах, и в разных странах... Еврейство он знал гораздо лучше Грановского. Язык он знал идеально..."

Однажды его спросили: "Кого бы вы хотели сыграть?" Михоэлс ответил: "Всех". Уриэль Акоста. Алтер-книгоноша в "Мазлтов". Гоцмах в "Колдунье". Шимеле Сорокер в "200 тысяч". Бадхен в спектакле "Ночь на старом рынке". Вениамин в "Путешествии Вениамина Третьего". Менахем Мендл в "Человеке воздуха" (сначала на сцене, а затем в фильме "Еврейское счастье"). Глухой из пьесы Д. Бергельсона. Овадис из пьесы П. Маркиша. Король Лир. Тевье-молочник... Он выходил на сцену и весь мир переставал существовать. "Сам не знаю как, — говорил Михоэлс, — но все, чем живу, для кого живу — уже не существует. Я на сцене, и все!" Во время одного спектакля у него было желудочное отравление, резкая боль, температура сорок градусов, почти бредовое состояние — и единственное, о чем Михоэлс попросил, чтобы его поддерживали за руки перед очередным выходом на сцену. Выходов было очень много; его подводили к кулисе, и он выбегал на сцену, пел, плясал, не чувствуя боли в животе. Однажды во время прыжка у него порвалась связка на ноге, но Михоэлс доиграл до конца, не ощущая боли. В Ташкенте во время спектакля началось землетрясение. Покачнулось здание, погас свет, все в панике повскакали с мест, а Михоэлс продолжал монолог Лира, ничего не заметив, — ему только показалось, что немного закружилась голова.

"Король Лир" по пьесе В. Шекспира увидел свет в 1935 году — режиссер С. Радлов, композитор Л. Пульвер, художник А. Тышлер, перевод на идиш С. Галкина, в роли короля Лира С. Михоэлс.

Г. Крег, английский режиссер (после просмотра в Москве): "Подлинной неожиданностью, без всякого преувеличения — потрясением оказался для меня "Король Лир"... Я шел на спектакль с нескрываемым недоверием. Я даже предупредил Михоэлса, чтобы мне было оставлено такое место в театре, с которого я мог бы подняться и уйти, когда мне это заблагорассудится. Но вот я в партере. Я понял сокровенный трагический смысл жеста руки актера Михоэлса во второй сцене первого акта и я понял также, что с такого спектакля уходить нельзя... Теперь мне ясно, почему в Англии нет настоящего Шекспира в театре. Потому что там нет такого актера, как Михоэлс..."

В одном из украинских городов шел приемный экзамен для желающих поступить в еврейский театральный техникум. А. Потоцкая, жена Михоэлса, вспоминала: "По очереди входят мальчики и девочки. Чита-

Король Лир —
С. Михоэлс.
Рисунок
А. Тышлера

ют (почти все Маяковского), танцуют (почти все "яблочко"), двигаются под музыку. Наконец отвечают на вопросы... Михоэлс: "Как тебя зовут?" — "Лёва". Михоэлс: "Скажи, Лёва, почему ты хочешь стать актером?" — "Таки я хочу поздно вставать". Мгновение, и в мертвой тишине падает на стол железный кулак Михоэлса. Оглушительный треск и не менее оглушительный разъяренный голос Михоэлса: "Вон отсюда!" Не выдержал Михоэлс ни наивной бездумности этого ответа, ни такого представления о работе актера".

Очевидцы вспоминали, что он работал постоянно, за исключением нескольких часов сна, и день начинался на заре с первыми телефонными звонками. Ему звонили непрерывно, к нему шли евреи со всевозможными просьбами, и надо было выслушать в день по пятнадцать—двадцать человек, каждому постараться помочь, уделив время, которого всегда не хватало. Ему говорили: "Как ты можешь это вынести?" Михоэлс отвечал: "Кто же еще до конца будет их слушать? Ведь я — не инстанция, а просто человек, который выслушивает все, что накопилось". Недаром написали о нем шуточное стихотворение, где были такие слова: "Увидел я Михоэлса и снова успокоился..." Это он однажды сказал: "Иногда мне кажется, что я — один отвечаю за весь мой народ, не говоря уж о театре... Почета в этом маловато, а вот силы нужны немыслимые!"

Успех спектаклей ГОСЕТа был огромным — "Король Лир", "Суламифь", "Тевье-молочник"; театральная Москва сходилась на премьеры театра, после которых появлялись восторженные рецензии в газетах и

журналах. Небольшой зал не мог вместить всех желающих, и на улице перед театром безуспешно спрашивали — "нет ли лишнего билетика"; по окончании одного из спектаклей Михоэлс — Тевье-молочник выходил "на бис" двадцать пять раз. Казалось, театр ожидало ясное и безоблачное будущее, но время тому не способствовало: начинались процессы над "вредителями и шпионами", и от театров требовали спектакли на тему о "классовом враге". ГОСЕТ упрекали за отсутствие современной темы в его репертуаре, а потому на сцене появились спектакли о еврейских колхозах, об инженере-вредителе, о борьбе за установление советской власти в Белоруссии, — не случайно Михоэлс говорил с печалью: "Велят играть в другие игры..." Но и этого было недостаточно, чтобы прожить то время, не окунувшись с головой в потоки лжи и ненависти, заливавшие страну. Одних арестовывали и уничтожали в лагерях, а другие должны были постоянно славословить вождей, доказывать беспредельную преданность партии и правительству.

> В 1939 году Михоэлса наградили орденом Ленина, и он сказал на собрании работников театра: "Я призываю вас подчинить свое искусство огромным требованиям этой невиданной замечательной эпохи — эпохи Сталина, эпохи братства народов, эпохи вступления в обетованный мир коммунизма..."

Раздвигался занавес в спектакле "Путешествие Вениамина Третьего" — яркий, красочный, лоскутный, словно сшитый из старых бабушкиных одеял. Покосившийся забор. Горбатый мостик. Речка — из куска синей ткани. Кривые лавчонки с огоньками в окнах и крошечная корчма. На сцену выходил путешественник Вениамин Тунеядовский — худой и изможденный, в приплюснутой ермолке и трепаной капотце, в коротких штанах с торчащими из-под них белыми подштанниками, с платочком вокруг шеи и кривой бороденкой, перевязанной тесемочкой, чтобы не трепалась в дороге. Рядом с Вениамином был верный его товарищ Сендрл-Баба — смешной маленький человечек, что никогда не ел досыта, в драном картузе, с кривыми ногами, с огромными чистыми глазами. Посох в руке, узелок с краюхой хлеба — негромкими словами напутствия самим себе: "В добрый час! С правой ноги — вперед..." начинали они комическое и печальное путешествие из постылой Тунеядовки в Землю Обетованную. Это был грустный рассказ о маленьких людях с "подрезанными крыльями", которых отправила в путешествие высокая мечта. Два артиста — Соломон Михоэлс и Вениамин Зускин, еврейские Дон Кихот и Санчо Панса, трогательные и беззащитные — шли в Землю Обетованную под музыку композитора Л. Пульвера, наполненную народными мелодиями. Первый городок на своем пути они

приняли за Стамбул, первую речушку — за приток Иордана. "Сендрл! Скажи мне, знаешь ли ты, что находится по ту сторону Тунеядовки?" — "Знаю. Там находится корчма, где можно иной раз хватить добрую рюмку водки". — "Ты, глупый! А дальше, гораздо дальше?" — "Дальше корчмы? Нет, дальше ее я ничего не знаю. А ты, Вениамин, знаешь?.."

Актер, режиссер, художественный руководитель Московского еврейского театра, профессор, народный артист СССР, председатель Еврейского антифашистского комитета — Соломона Михоэлса убили в Минске по указанию Сталина 13 января 1948 года и устроили в Москве пышные похороны. Убийство назвали "автомобильной катастрофой".

7

Марк Шагал вспоминал свою жизнь в Витебске в 1918 году: "На Россию надвигались льды. Ленин перевернул ее вверх тормашками, как я все переворачиваю на своих картинах... Вместо того, чтобы спокойно писать, я открываю Школу Искусств и становлюсь ее директором или, если угодно, председателем. Какое счастье! "Какое безумие!" — думала моя жена... В косоворотке, с кожаным портфелем под мышкой, я выглядел типичным советским служащим. Только длинные волосы да пунцовые щеки (точно сошел с собственной картины) выдавали во мне художника. Глаза азартно блестели — я поглощен организаторской деятельностью. Вокруг — туча учеников, юнцов, из которых я намерен делать гениев в двадцать четыре часа..."

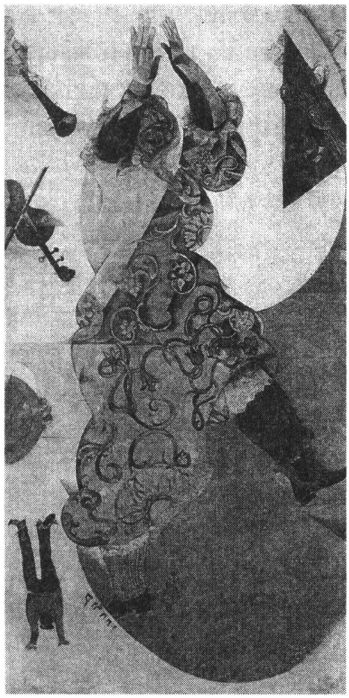
Ко второй годовщине советской власти Шагал возглавлял работы по оформлению города, и современник свидетельствовал: "Когда жители Витебска проснулись 7 ноября 1919 года... их изумлению не было предела. Здание собора на центральной площади города было затянуто огромными разрисованными полотнищами: длиннобородые старики на ярко-зеленых в яблоках конях устремились в небо... и неимоверное количество зеленых коз, нарисованных в самых разнообразных ракурсах и глядевших на прохожих безумно-растерянным взглядом".

В 1920 году Шагал переехал в Москву, и ему предложили оформить первый спектакль Еврейского камерного театра А. Грановского. "Я ждал, как примет меня труппа, — вспоминал он. — И про себя умолял режиссера и снующих артистов: "Только бы нам поладить. Вместе мы одолеем эту рутину. Совершим чудо!" Актерам я пришелся по душе..." Зрительный зал театра был невелик, и Шагал расписал его стены, потолок и занавес.

М. Шагал, из книги "Моя жизнь": "Вот, — сказал Эфрос, вводя меня в темный зал, — стены в твоем распоряжении, делай, что

хочешь"... И я приступил к работе. Холсты были расстелены на полу. Рабочие и актеры ходили прямо по ним. В залах и коридорах вовсю шел ремонт, опилки набивались в тюбики с красками, прилипали к эскизам. Шагу не сделаешь, чтобы не наступить на окурок или огрызок. И тут же на полу лежал я сам... Для центральной стены написал "Введение в новый национальный театр". На других стенах, на потолке и на фризах изобразил предков современного актера: вот бродячий музыкант, свадебный шут, танцовщица, переписчик Торы, он же первый поэт-мечтатель, и наконец пара акробатов на сцене..."

Фрагменты оформления Еврейского камерного театра. Художник М. Шагал

Для спектакля "Вечер Шолом-Алейхема" Шагалу принесли груду старой одежды, которую он раскрашивал, создавая костюмы для персонажей, а перед премьерой накладывал грим на лица актеров. Одну половину лица С. Михоэлса он разрисовал желтой краской, другую зеленой, приподнял ему правую бровь, пририсовал складки на лице, разлетавшиеся на стороны, чтобы подчеркнуть стремление к полету. Очевидцы рассказывали, что для завершения грима Шагалу мешал глаз актера; он безуспешно пытался преодолеть это препятствие, а затем воскликнул с досадой: "Ах, если бы у вас не было правого глаза! Что бы я только не сделал с вами?.." Шагал рассказывал о первом спектакле "Вечер Шолом-Алейхема": "В день премьеры я так перепачкался красками, что даже не

смог выйти в зрительный зал. Буквально за несколько секунд до поднятия занавеса я носился по сцене и спешно домазывал бутафорию. Терпеть не могу "натурализма". И вдруг — конфликт. Грановский повесил "настоящую" тряпку. "Что это такое?" — взвиваюсь я. "Кто режиссер: вы или я?" — возражает Грановский. Бедное мое сердце! Папа, мамочка!.."

А. Эфрос вспоминал: Шагала "возмущало все, что делалось, чтобы театр стал театром. Он плакал настоящими, горючими, какими-то детскими слезами, когда в зрительный зал с его фресками поставили ряды кресел; он говорил: "Эти поганые евреи будут заслонять мою живопись, они будут тереться о нее своими толстыми спинами и сальными волосами"... В день премьеры, перед самым выходом Михоэлса на сцену, он вцепился ему в плечо и исступленно тыкал в него кистью, как в манекен, ставил на костюме какие-то точки и выписывал на его картузе никакими биноклями не различимых птичек и свинок... — и опять плакал и причитал, когда мы силком вырвали актера из его рук и вытолкнули на сцену".

Марк Шагал,
1920-е годы

В 1922 году Шагал решил уехать из России: "Ни царской, ни советской России я не нужен. Меня не понимают, я здесь чужой... Теперь, во времена РСФСР, я громко кричу: разве вы не замечаете, что мы уже вступили на помост бойни и вот-вот включат ток?.. Последние пять лет

жгут мою душу. Я похудел. Наголодался... Возьму с собой жену и дочь. Уеду насовсем. И может быть, вслед за Европой, меня полюбит моя Россия..."

В старости Марк Шагал написал такие слова: "Ребенком я чувствовал, что во всех нас есть некая тревожная сила. Вот почему мои персонажи оказались в небе раньше космонавтов..."

Ашер Шварцман, поэт — родился на Украине, в годы Первой мировой войны был ранен и награжден двумя Георгиевскими крестами. Во время погромов на Украине вступил добровольцем в Красную армию, которую еврейское население считало единственной защитницей от массового уничтожения. Командовал взводом конной разведки, погиб в бою осенью 1919 года, похоронен в братской могиле — было ему тридцать лет. Критики называли Шварцмана "первым советским еврейским поэтом", хотя его творчество не укладывается в эти рамки. Это был поэт-лирик, символист, использовавший в своем творчестве еврейскую религиозную символику; он написал цикл субботних стихотворений: "Как ангел на шелково-синее небо, Нисходит субботний покой в мое сердце..." Сборники его стихотворений на идиш выходили отдельными изданиями, а также в переводах на русский и украинский языки.

В первые годы советской власти появились фильмы на еврейские темы: "В их крови мы неповинны" — о еврейских погромах, "Товарищ Абрам" и "Его превосходительство" о евреях-революционерах, "Евреи на земле" и "Земля зовет" о евреях-земледельцах. Затем были сняты фильмы "Чаша искупления", "Еврейское счастье", "Блуждающие звезды" и "Пять невест" — по произведениям Шолом-Алейхема, "Беня Крик" — по рассказам И. Бабеля. Фильм "Трипольская трагедия" был посвящен участию евреев в Гражданской войне; в фильме "Человек из местечка" актер В. Зускин играл роль бедного еврея-ремесленника, который после революции стал директором фабрики.

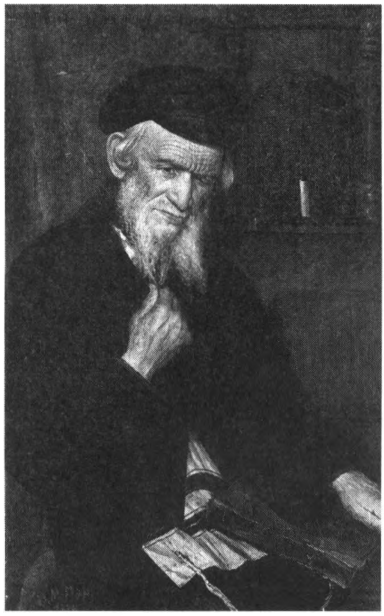
Жизнь еврейского местечка отражали в своем творчестве художники И. Пэн, М. Шагал, С. Юдовин; к еврейским темам обращались Н. Альтман, Э. Лисицкий, А. Тышлер. Профессор Московской консерватории пианист Д. Шор участвовал в работе Общества еврейской музыки, которое организовывало камерные концерты и авторские вечера еврейских композиторов. Композитор М. Гнесин сочинял песни и симфонические пьесы на еврейские темы, напи-

Плакат
к кинофильму
“Еврейское счастье”.
Художник
Н. Альтман,
1925 год.
В главной роли
С. Михоэлс

Из иллюстраций
к песне
“Хад Гадья”
(“Агада”
к празднику
Песах).
Художник
Э. Лисицкий,
1919 год

Старик в ермолке.
Художник С. Юдовин, 1925 год

Толкователь Талмуда.
Художник И. Пэн, 1925 год

сал оперу "Юность Авраама", после посещения Эрец Исраэль в 1922 году создал симфоническую сюиту "Хора. Пляски галилейских рабочих". Композитор А. Крейн писал инструментальную музыку на еврейские темы, сочинил кантату "Кадиш", вокальные произведения "Из Песни песней", музыку к спектаклям еврейских театров. Композитор Л. Ямпольский писал музыку к спектаклям еврейских театров и песни на стихи поэтов на идиш. Музыковед М. Береговский собирал и исследовал музыкальный фольклор евреев Украины, Белоруссии и Литвы, написал пятитомную работу "Еврейский музыкальный фольклор", а также книги на темы народных песен и музыки клезмеров. Еврейские песни можно было услышать на эстраде, по радио, купить граммофонные пластинки с записью популярных певцов — Х. Гузик, С. Любимова, М. Эпельбаума, З. Шульмана. Вокальные ансамбли, гастролировавшие по стране, исполняли народные и современные песни на идиш, однако в газетах уже предупреждали: "Чтобы бороться со старой песней и мелодией... укоренившимися в классовых врагах... надо петь нашу советскую песню, проникнутую духом интернационализма и большевистской дисциплины".

В городах Белоруссии и Украины выходили в свет десятки периодических изданий на идиш. Общеполитические газеты — "Пролетарише фон" ("Пролетарское знамя") в Киеве, "Дер арбейтер"

("Рабочий") в Бердичеве, "Дер одессер арбейтер" ("Одесский рабочий") в Одессе. Молодежные газеты и журналы — "Юнге гвардие" ("Молодая гвардия") и "Зай герейт" ("Будь готов") в Харькове, "Дер юнгер арбейтер" ("Молодой рабочий") и "Дер юнгер пионер" ("Юный пионер") в Минске. Газеты для фабрик и заводов — "Ди шнайдер штиме" ("Голос портного") в Минске, "Зокен арбейтерн" ("Чулочница") в Витебске, "Ди штолене нодл" ("Стальная игла") и "Шустер трибуне" ("Трибуна сапожника") в Харькове, "Махорочник" в Кременчуге, "Ройтер ол" ("Красное шило") в Гомеле, "Заводишер гудок" ("Заводской гудок") в Мозыре; в Москве выходил журнал профсоюза швейников "Ди ройте нодл" ("Красная игла"). К концу 1930-х годов периодические издания на идиш перестали существовать; в 1938 году закрыли московскую газету "Эмес", ее сотрудников репрессировали, а через год запретили выпуск "Афн шпрахфронт" ("На языковом фронте") — последнего еврейского научного журнала в Советском Союзе.

Обложка еврейского комсомольского журнала на идиш "Юнгвалд"

В 1919 году в Баку работал Еврейский народный университет, там же выходила газета "Корсох" ("Труженик") на еврейско-татском языке горских евреев Кавказа; были созданы школы на этом языке и кружки по ликвидации неграмотности, появились газеты,

книги с пьесами, а также татская секция Союза писателей Дагестана. В 1930 году еврейско-татский язык перевели с еврейского алфавита на латинский (языки шестидесяти восьми национальностей страны — двадцати пяти миллионов человек — перевели на латинский алфавит); в 1938 году, в связи с политикой русификации, еврейско-татский язык перевели на русский алфавит (тогда же русский алфавит, "алфавит Ленина—Сталина" вводили взамен латинского в республиках Средней Азии, в Татарии, Башкирии, Казахстане, Азербайджане, на Северном Кавказе и даже в Монголии). По окончании Второй мировой войны школы горских евреев Кавказа перевели на русский язык, прекратили преподавание татского языка и закрыли последнюю газету на этом языке; официальное объяснение властей: "в связи с тягой горско-еврейского населения к русской культуре" (у прочих малых народов Дагестана начальное образование на родном языке сохранялось).

זחמתכש

ZAHMETKEŞ

„Захметкеш"

Газета "Захметкеш" на татском языке с ивритским алфавитом, город Дербент

QIMƏT 5 KƏPİK. Proletarlıoj kommo ulkoho, jok noqit!

KOMMUNIST

18 Dekabr 1936 s.

№ 71 (162)

Gəzəl MK və BK. PK(b)Az. | Газета ЦК и БК. АКП(б) на татск. яз.

Sal vədrəsorsi sojuzu

Üyrykmiş nə birə qədər vədaşəndəi doklad ħ. Stalin

Korsoxhoj rəh ohuni Boku bəhən soxdət planə

Moskov, 15 (Az. TAG). Tələb ə kitob ə doklad ħərmalı Sosializmə əs tovun projekt Konstitutsijaj Soyuz SSR ədaj rəsərə ə üyrykmiş nə birə qədərbo. Ə partizdat MK HPK (b) omori talab soxdəiho ari 35 million ekzemplјar əni kitob.

tob vədaşəndəi təhmin soxdənyt hammə talabhorə ə qəriş dekabr 1936 sal və janvar 1937 sal. I sahət vədaşəndə omori və fyrsorə omori ə çigəho 3 million nim ekzemplјar əni kitob.

Ə ürəvoz ə içigə korsoxho rəhohuni Boku imkal rasirət , jə çərgə bərsəho ə kor xəji vəgyrdəi əz vogonho, zijodsoj daj kommersija və texniki: zurlјə ħərəkət soxdəi pojezd. ho. kam birəi orostoihoi va.

Газета "Коммунист" на татском языке с латинским алфавитом, город Баку

В первые годы советской власти существовали школы на иврите для бухарских евреев, и в Самарканде выпустили несколько учебных пособий на этом языке. Автором учебника "Общей гео-

графии" на иврите был З. Амитин-Шапиро, которого впоследствии репрессировали. С 1923 года языком преподавания в еврейских школах Узбекистана взамен иврита стал еврейско-таджикский диалект таджикского языка; педагогическое училище в Ташкенте выпускало учителей, в городах открывали клубы и "красные чайханы" для работы на этом языке. Появилась секция бухарско-еврейских писателей, выходила газета "Рушнои" ("Свет"), работал первый профессиональный театр на еврейско-таджикском языке, открыли музей истории и этнографии бухарских евреев. С 1929 года начали перевод еврейско-таджикского языка с еврейского алфавита на латинский, а впоследствии и на русский алфавит; закрыли газету, журнал и театр, прекратили выпуск книг на еврейско-тад-

Еврейская изба-читальня в Средней Азии

жикском языке; многих учителей, журналистов, писателей отправили в лагеря, и на этом прекратила существование бухарско-еврейская культура в СССР.

В конце 1920-х годов одновременно с ГОСЕТом работал в Москве театр на идиш "Фрайкунст" ("Свободное искусство"), а в Киеве — "Кунствинкл" ("Уголок искусства"). В Москве и Минске существовали театральные училища, которые готовили актеров для еврейских театров страны. К 1938 году в СССР существовало десять еврейских театров на идиш, в том числе в Ташкенте, Баку, Биробиджане. Художественным руководителем ГОСЕТов Харькова и Одессы был Э. Лойтер; основателем и руководителем Белорусского ГОСЕТа — М. Рафальский, который говорил актерам: "Чаще смотрите на звезды. А вниз смотреть — сама жизнь заставит..." Рафальского расстреляли в 1937 году; в обвинении было записано: "вёл активную антисоветскую работу на театральном фронте, протаскивая антисоветские постановки на сцену театра, заполняя репертуар контрреволюционными националистическими спектаклями, искажающими советскую действительность, умышленно устранял из театра все здоровые реалистические элементы".

Ведущим актером московского ГОСЕТа был Вениамин Зускин, народный артист РСФСР, друг С. Михоэлса в жизни и партнер на сцене, с такой же трагической судьбой (расстрелян в 1952 году). Среди ролей Зускина — Колдунья в "Колдунье", Соловейчик из "200 тысяч", Пиня Гопман — "король подтяжек" в кинофильме "Искатели счастья", Сендрл-Баба в "Путешествии Вениамина Третьего", шут из "Короля Лира", Гоцмах в "Блуждающих звездах", рабби Акива в "Бар-Кохбе", бадхен из "Фрейлехс". А. Азарх-Грановская вспоминала: "Он был одарен таким чувством ритма, музыкальностью и легкостью, которым нельзя обучить. Это уж действительно от Бога... У него все получалось, все!.." — "Зускин — шут. Такого шута я никогда не видела... Это был необыкновенный шут. Необыкновенный! Как он до конца подыгрывал Михоэлсу, как он был его сердцем, его душой, его всем! — это может только большой талант..."

Дер Нистер перевел на идиш "Хаджи Мурат" Л. Толстого, "Муму" И. Тургенева, "Жерминаль" Э. Золя, "Голос крови" Д. Лондона, прозу русских и украинских советских писателей. С. Галкин переводил на идиш стихотворения А. Пушкина, А. Блока, С. Есени-

на, В. Маяковского; Д. Гофштейн — стихи А. Пушкина, Т. Шевченко, Ш. Руставели; Э. Фининберг перевел на идиш "93-й год" В. Гюго, "Фауст" В. Гете, "Приключения Тома Сойера" М. Твена, "Витязь в тигровой шкуре" Ш. Руставели, переводил также В. Маяковского, К. Паустовского, А. Фадеева. И. Кипнис переводил на идиш произведения А. Куприна, Д. Лондона, Ф. Рабле, Д. Свифта, М. Твена; М. Кульбак перевел "Ревизор" Н. Гоголя и стихи белорусских поэтов; М. Тейфу принадлежат переводы — "Вильгельм Телль" Ф. Шиллера, "Тиль Уленшпигель" Ш. де Костера, "Айвенго" В. Скотта.

В 1929 году увидели свет книги П. Маркиша "Дор ойс, дор айн" ("Из века в век") и "Бридер" ("Братья") — о революционном движении в черте оседлости, о Гражданской войне и погромах. Главный редактор газеты "Эмес" М. Литваков заявил на собрании, что эти книги проникнуты "настроениями мученичества" и говорят о "национальной ограниченности" автора: все герои книг — евреи, из чего следует, что "революцию совершили еврейские революционеры". От Маркиша потребовали ввести дополнительных героев — революционеров других национальностей, на что он ответил: "Не вижу в этом особой необходимости, так как к русскому роману, в котором действуют только русские революционеры, не предъявляют подобных претензий" (Литвакова расстреляли в 1937 году; Маркиш, Квитко, Фефер, Бергельсон, Гофштейн пережили то время, чтобы погибнуть в 1952 году).

Очерк восемнадцатый

Евреи — русскоязычные писатели и поэты.
О. Мандельштам. И. Бабель.
Евреи в музыке, живописи, театре и кино.
Евреи-ученые, организаторы и руководители производства

1

Л. Троцкий утверждал в 1918 году: "Чем дальше и больше будет развиваться революционное движение и у нас, и за рубежом, тем теснее будет сплачиваться буржуазия всех стран". И. Сталин пошел далее в этом направлении, провозгласив усиление классовой борьбы по мере приближения к социализму, а потому появились и вошли в обиход понятия — идеологический фронт, идеологическая диверсия, идеологический противник. Классовая борьба должна была присутствовать повсюду, доказательством тому — призыв в журнале "Советское фото" (1930 год): "Мало провозглашать лозунг: "Фото — одно из орудий классовой борьбы", — надо на деле, с фотоаппаратом в руках, участвовать в классовой борьбе, содействовать успеху социалистической реконструкции, укреплять диктатуру пролетариата". Порой это принимало комические формы — нарком Н. Крыленко говорил на открытии международного шахматного турнира: "Мы должны раз и навсегда покончить с нейтралитетом шахмат. Мы должны раз и навсегда осудить формулу "Шахматы ради шахмат"... Мы должны организовать ударные бригады шахматистов и начать немедленное выполнение пятилетнего плана по шахматам".

Из воспоминаний комсомольца-еврея: "Тогда многое стали называть борьбой. В цеху боролись за план, за снижение брака, против прогулов. В школе боролись против лени, отсталости, недостаточной сознательности. Дворники боролись за чистоту тротуаров. Боролись врачи, литераторы, землекопы, счетоводы... Мы упоённо выкликали припев "Буденновского марша" — одной из самых популярных песен тех лет — "И вся-то наша жизнь есть борьба!.." За что, против кого и как именно следует бороться в каждое данное мгновение, решала партия, ее руководители..."

А. Безыменский, поэт (из пьесы "Выстрел"):

Власть у нас, власть у нас,
На борьбу не жди мандатов,
Поднимайте ярость масс
На проклятых бюрократов!..

В декабре 1929 года отмечали пятидесятилетие со дня рождения Сталина, и впервые его имя поставили на первое место в списке партийных лидеров, впервые провозгласили: "Сталин — вождь партии и лучший ученик Ленина". Газеты и журналы, радио и кино, весь пропагандистский аппарат прославляли его; К. Ворошилов, В. Молотов, Л. Каганович, А. Микоян, М. Калинин, В. Куйбышев писали о нем хвалебные статьи, подправляя, а то и фальсифицируя исторические факты, — так закладывался культ личности "великого вождя и учителя советского народа", мудрого, непогрешимого, скромного до аскетизма, непрерывно заботящегося о нуждах простого человека. "Ой ты гой еси, Сталин-батюшко, — вещала сказительница, — дорогой наш Виссарионович! Обо всех ты нас заботишься, о мужчинах и о женщинах, и о маленьких о детушках..." И наконец в "Правде" появились стихи казахского акына Джамбула: "Сталин — глубже океана, выше Гималаев, ярче солнца. Он — учитель Вселенной!.."

К тому времени Царицын уже переименовали в Сталинград; именем Сталина называли улицы, заводы, колхозы. Упоминания о Троцком и его делах исчезли со страниц книг, их вычеркивали из ранее написанных воспоминаний; советские историки даже написали историю Красной армии, не упомянув ее создателя, приписав всю заслугу "организатору великих побед Красной армии товарищу Сталину". Троцкий отметил в эмиграции: "Я не думаю, что во всей человеческой истории можно найти что-нибудь, хотя бы в отдаленной степени похожее на ту гигантскую фабрику лжи, которая организована Кремлем под руководством Сталина... Нужно, чтоб на определенную ложь был социальный спрос, чтоб она служила определенным социальным интересам".

Спрос на ложь оказался огромным. Сознательная, обдуманная, утвер-

жденная в инстанциях ложь пронизывала исторические работы и экономические прогнозы, результаты опросов населения и нормы выработки передовиков-шахтеров, металлургов, хлеборобов. Любой факт скрывали или искажали, если он не соответствовал партийным указаниям, — плановое задание первой пятилетки не смогли выполнить, однако власти торжественно заявили, что пятилетка перевыполнена за четыре года и три месяца. Страна еще не оправилась от последствий голода времен коллективизации, а Сталин уже заявил в конце 1935 года: "Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится". И тут же зазвучали песни по радио и на концертах: "Живем мы весело сегодня, а завтра будет веселей..."

Ложь проникала во все сферы жизни, она создавала непроницаемую завесу, за которой комфортно существовали те, кто распускал ее себе на пользу; творить эту ложь было поручено деятелям культуры и искусства, писателям и поэтам, "инженерам человеческих душ" — для "воспитания трудящихся в духе социализма". За это поощряли материальными благами, награждали орденами и званиями, распределяли по ступенькам славы: "лучший и талантливейший", "выдающийся", "чрезвычайно одаренный", "подающий многие надежды". Интеллигенция получила роль "прослойки" между рабочими и крестьянами; самостоятельного значения она уже не могла иметь — ей бы этого не позволили. Из письма Сталину писателя Е. Замятина: "Будущее русской литературы есть ее прошлое..." Из приветствия Сталину делегатов Первого съезда советских писателей (1934 год): "Да здравствует класс, Вас родивший, и партия, воспитавшая Вас для счастья трудящихся всего мира..."

> Н. Мандельштам, свидетель того времени: "Люди, обладавшие голосом, подверглись самой гнусной из всех пыток: у них вырывали язык, а обрубком приказывали славить властелина. Инстинкт жизни необорим, и он толкал людей на эту форму самоуничтожения, лишь бы продлить физическое существование. Уцелевшие оказались такими же мертвецами, как и погибшие..."

Поэт О. Мандельштам сказал однажды: "Нам кажется, что все благополучно, только потому, что ходят трамваи". А впереди был 1937 год...

2

После революции в литературу вошла молодежь, которая принесла с собой новые темы, ритмы и интонации. Поэты и писатели начинали творческую жизнь в семнадцать—двадцать лет; они были свидетелями, а то и участниками Гражданской войны, безоговорочно приняли совет-

скую власть, воспевали первые ее достижения, ненавидели ее врагов, — среди молодых литераторов оказались представители разных национальностей, в том числе и евреи, которые писали на русском языке.

Э. Багрицкий:

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.
Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.
Но в крови горячечной
Подымались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы...

С временно́го отдаления невозможно ощутить и понять их порыв и жертвенность, их стремление воспевать новую жизнь — "смычками страданий на скрипках времен", ту жизнь, которая пробивала себе дорогу на развалинах прошлого и завораживала многих, — евреи это ощущали, возможно, острее других, потому что вырвались из замкнутой черты оседлости в огромный и прекрасный мир. История человечества начиналась для них заново — с Октября; их молодость совпала с молодостью века, с началом невероятных свершений и переделок общества, в которое они вошли равноправными участниками великих событий, "чувствовали себя сильными, ловкими, красивыми". Э. Багрицкий: "Моя иудейская гордость пела, Как струна, натянутая до отказа..." И. Сельвинский: "И я иду. Бесстрашный и счастливый... Мне двадцать лет — передо мною мир!.." С. Кирсанов: "Это годы неслись двадцатые, это наши стихи неслись..." Потому и восхищался М. Светлов своим героем — вот он, Моисей Либерзон, "гордость нации, застенчивый еврей, боевой потомок Макавеев":

Он стоит впереди полков.
Триста пушек за ним гудят,
И четыреста жеребцов,
И пятьсот боевых ребят...

И. Бабель (герой его рассказа поступил на работу в петроградскую ЧК): "Не прошло и дня, как все у меня было, — одежда, еда, работа и товарищи, верные в дружбе и смерти, товарищи, каких нет нигде в мире, кроме как в нашей стране..."

М. Светлов:

Я пожимаю твою ладонь —
Она широка и крепка,
Я слышу, как в ней шевелится огонь
Бессонных ночей ЧК...

Даже писатели и поэты старшего поколения поддавались общему гипнозу, гипнозу времени. Казалось, что литератор не вправе проглядеть грандиозные преобразования, совершавшиеся в стране, не вправе шагать собственной тропой, когда весь народ двигается столбовой дорогой к намеченной цели, — следовало слиться со всеми, разделить их судьбы и их заблуждения, признать глубинный, ускользающий от тебя смысл происходящего, честно работать для будущего, находя оправдание настоящему. Одни боялись отстать от века и наступали "на горло собственной песне", у других это выходило естественно — им была достаточна ширина коридора, в котором дозволили существовать. Мало кому удавалось идти поперек движения, и лишь самые непримиримые продолжали работать без надежды на публикацию. "Ну что же, если нам не выковать другого, Давайте с веком вековать..." (О. Мандельштам).

Стремительная ассимиляция привела в русскую культуру еврейских писателей и поэтов. "Новое время — новые песни" стало их лозунгом. Одни решили забыть о среде, из которой вышли, и в своем творчестве не касались еврейских тем. У других появлялись порой еврейские мотивы и герои-евреи, и лишь некоторых можно назвать русско-еврейскими писателями, ибо писали они в основном на еврейские темы. Языком их творчества стал русский язык, их книги не требовали перевода; у них была всесоюзная, а то и мировая известность: список велик — всех не перечислить. О. Мандельштам и Б. Пастернак. И. Бабель, Э. Багрицкий, С. Гехт, В. Инбер, И. Ильф, Л. Славин и М. Светлов. В. Каверин, Л. Лунц, Е. Полонская и М. Слонимский. И. Уткин, И. Сельвинский, С. Кирсанов, П. Антокольский, С. Маршак. А. Соболь, И. Эренбург, Ю. Тынянов и В. Гроссман. Л. Кассиль, М. Козаков, В. Лидин и Р. Фраерман. Литературоведы — М. Гершензон, Ю. Айхенвальд, А. Эфрос, Л. Гроссман, А. Горенфельд, Г. Гуковский, В. Жирмунский, Ю. Оксман. На украинском языке писали Л. Первомайский и Н. Рыбак; одним из основоположников белорусской литературы стал З. Бядуля (С. Плавник).

М. Светлов:

Я вижу, я вижу:
По желтой стране
Китайский Котовский
Летит на коне...

Э. Багрицкий:

И на вокзалах,
Где сыпняк
По щелям стережет,
С плакатов командарм кричал:
"Вперед! Вперед! Вперед!.."

И. Уткин:

В перчатках счастье — не берут.
Закрытым ртом — не пообедать.
Был путь мой строг,
Был путь мой крут,
И тяжела была победа...

Они были жадными до жизни и беспощадными ко вчерашнему дню: "Все прошлое богатство обнищало, Эпоха нарождается при мне..." Они верили в неминуемую мировую революцию: "Говорят, что скоро заграница Тоже по-советски заживёт..." Их цель была грандиозна, а пути к ее достижению не вызывали сомнений: "Штыками и картечью Проложим путь себе..." Романтика их произведений — "Романтика! Мне ли тебя не воспеть, Степные пожары и трубная медь..." — приукрашивала и заслоняла ужасы и зверства Гражданской войны. Борьбу с врагом, пафос борьбы они переносили на мирное время для достижения желанного будущего: "В чем угодно — буду сомневаться. В революции, товарищ, никогда..."

Еврейские писатели и поэты вели перекличку в стихах и прозе, спорили друг с другом, а порой и сами с собой, отвергая только что провозглашенное, провозглашая отвергнутое. У Бабеля — старый еврей Гедали: "Революция — скажем ей "да", но разве субботе мы скажем "нет"?.." У Багрицкого — его герой: "Я покидаю старую кровать: Уйти? Уйду! Тем лучше! Наплевать!.." У Уткина — в "Повести о рыжем Мотэле": "Это прямо наказанье! Вы слыхали? Хаим Бэз Делать сыну обрезанье Отказался наотрез..." У Эренбурга — портной Лазик Ройтшванец: "Когда гуляет по улицам стопроцентная история, обыкновенному человеку не остается ничего другого, как только умереть с полным восторгом в глазах..."

Власти провозглашали — еврейский вопрос окончательно решен в Советском Союзе, и обойти эту тему было невозможно. У Сельвинского: "Есть ли еврейский вопрос? Нет такого вопроса. Забыты погром и разбой..." У Уткина — с проклюнувшейся надеждой: "Здравствуй, товарищ еврей, бывшая жидовская морда..." У Светлова: "Никогда не думал я, братишка, Что могу я жида Полюбить..." У И. Ильфа и Е. Петрова —

с запрятанной иронией: "Но ведь в России есть евреи?.. — Есть. — Значит есть и вопрос? — Нет. Евреи есть, а вопроса нету..."

"Вопроса" не было, но было отторжение, неприметное обоюдное отторжение родителей и детей, неприятие самого себя — прежнего, разрыв с семьей, с ненавистным прошлым, где обитали "ржавые евреи" — "горбаты, узловаты и дики". У Мандельштама, из воспоминаний детства: "Весь стройный мираж Петербурга был только сон, блистательный покров, накинутый над бездной, а кругом простирался хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый утробный мир, откуда я вышел, которого я боялся, о котором смутно догадывался и бежал, всегда бежал..." У Гроссмана в рассказе: военком Факторович "презирал свое немощное тело, покрытое черной вьющейся шерстью. Он не жалел и не любил его — не колеблясь ни секунды, взошел бы он на костер, повернулся бы чахлой грудью к винтовочным дулам... Он научился, презирая свою плоть, работать с высокой температурой, читать Маркса, держась рукой за раздутую флюсом щеку, говорить речи, ощущая острую боль в кишечнике..."

У Багрицкого:

Еврейские павлины на обивке,
Еврейские скисающие сливки,
Костыль отца и матери чепец —
Все бормотало мне: Подлец! Подлец!..

У Светлова:

Чувствую — верна моя дорога
Под полетом поднятых знамен.
Если надобно, седую синагогу
Подпалю со всех сторон...

И снова вступал в спор бабелевский Гедали: "Я хочу Интернационал добрых людей, я хочу, чтобы каждую душу взяли на учет и дали бы ей паек по первой категории. Вот, душа, кушай, пожалуйста, имей от жизни свое удовольствие..." Но времена тому не способствовали, и Лазик Ройтшванец у Эренбурга говорил с грустью: "Вы думаете, если убить человека и припечатать его вопиющей печатью, как будто это не живой труп, а только дважды два замечательного будущего, кровь перестанет быть кровью?.." А герой Уткина возглашал с юношеским задором наперекор всему:

Мы выросли,
Но жар не тает,

Бунтарский жар
В нас не ослаб!..

Постепенно их жизнь скукоживалась, скукоживалось и их творчество, ограниченное дозволенными коридорами, где не было места полету и сомнениям. На литераторов-евреев распространялись те же веления времени, что и на всю советскую культуру: ужесточения цензуры, требования официальной идеологии, ограниченный выбор тем, их разработка в духе "классового подхода", а затем и всеобщий страх, охвативший страну "от Москвы до самых до окраин". Иные приспосабливались к невозможному существованию и преуспевали под лозунгом: "Мы не Достоевские. Нам бы деньги...", но и они вздрагивали по ночам от топота сапог на лестничной площадке.

3

О. Мандельштам:

Помоги, Господь, эту ночь прожить:
Я за жизнь боюсь — за Твою рабу —
В Петербурге жить — словно спать в гробу...

И он же:

А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать —
А я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть...

Время было беспощадно к поэту, к творцу, к любому свободному слову, жесту, поступку. Сажали за стихи и прозу, за критические статьи и искусствоведческие исследования, сажали по доносам и без них, — как говорил О. Мандельштам, "уничтожался не только человек, но и мысль". Н. Мандельштам, вдова поэта, вспоминала: "Бородатый, задыхающийся, всем напуганный и ничего не боящийся человек, растоптанный и обреченный, в последние свои дни еще раз бросил вызов диктатору, облеченному такой полнотой власти, какой не знал мир..." — "Стихи шли сплошной массой, одно за другим... И весь этот год он спешил. Торопился, очень торопился. Одышка от этой спешки становилась все мучительнее: прерывистое дыхание, перебои пульса, посиневшие губы..." — "В сущности, он сжигал себя и хорошо делал. Будь он физически здоровым человеком, сколько лишних мучений пришлось бы ему перенести. Впереди расстилался страшный путь, и теперь мы уже знаем, что единственным избавлением была смерть..."

Осип Мандельштам

Осип Мандельштам был "полон доверия к людям, весел, лёгок". Он начинал жизнь с восторженного: "За радость тихую дышать и жить, Кого, скажите, мне благодарить?..", продолжил ее после первых лет всеобщего убойства: "Нельзя дышать, и твердь кишит червями, И ни одна звезда не говорит...", высказал горькое (и гордое) признание: "Поэзию уважают только у нас — за нее убивают. Больше нигде за поэзию не убивают...", вскричал напоследок в отчаянии: "Я поставлен в положение собаки, пса... Я тень. Меня нет. У меня есть только право умереть...", чтобы отправиться затем по этапу и закончить жизнь на нарах. Декабрь 1938 года. Пересыльный лагерь под Владивостоком. Место захоронения неизвестно.

> Н. Мандельштам: "Никто не видел его мертвым. Никто не обмыл его тело. Никто не положил его в гроб..." — "Я вдова, не похоронившая своего мужа, отдаю последнюю дань мертвецу с биркой на ноге, вспоминая и оплакивая его — без слез, потому что мы принадлежим к бесслезному поколению..."

Рассказы Исаака Бабеля из цикла "Конармия" — "летопись будничных злодеяний" — вызвали бурные отклики, как восторженные, так и враждебные. Автора обвиняли в натурализме, поэтизации "бандитизма" и клевете на Красную армию; бывший командир Первой Конной армии С. Буденный выступил с разгромной статьей "Бабизм Бабеля"; критики объясняли "ошибки" автора его "связью с мелкобуржуазной местечковой средой еврейского гетто". Бабель говорил о своем творчестве: "Его

будут читать, этот рассказ. И будут помнить. Над ним будут смеяться вовсе не потому, что он веселый, а потому, что всегда хочется смеяться при человеческой удаче... Я работаю из последних сил, делаю все, что могу, потому что хочу присутствовать на празднике богов и боюсь, чтобы меня не выгнали оттуда...” Его арестовали летом 1939 года и конфисковали все рукописи, блокноты и письма, которые бесследно исчезли. (Среди следователей, допрашивавших писателя, были и два еврея; одного из них, с четырехклассным образованием, спросили впоследствии о Бабеле: “Вы прочитали хоть одну его строчку?” — “Зачем?” — ответил он.)

Исаак Бабель

Бабеля обвинили в “подготовке террористических актов” против руководителей партии и правительства; в приговоре суда написали: “Вошел в состав антисоветской троцкистской группы... являлся агентом французской и австрийской разведки... Приговор окончательный... в исполнение приводится немедленно...” Его казнили 27 января 1940 года: в списке расстрелянных в тот день числились шестнадцать человек — Бабель шел первым. Тело кремировали, прах сбросили в общую яму на территории Донского монастыря в Москве. Через несколько дней туда попал прах очередной жертвы — режиссера В. Мейерхольда, там же, очевидно, нашел последнее упокоение и прах палача — “кровожадного карлика”, наркома НКВД Н. Ежова. Со временем яму заполнили до краев, сровняли с землей и поставили плиту с надписью: “Общая могила № 1. Захоронение невостребованных прахов с 1930 г. — 1942 г. включ.” (Через пятьдесят лет установили по архивным материалам, что в этой могиле оказалось не менее двадцати процентов евреев.)

Э. Багрицкий:

Коммуна мира!
Мы твои навеки.
Да здравствует веселая орда!..
Мы дружно поворачиваем реки,
Мы грозно подымаем города!..

О. Мандельштам:

И еще набухнут почки,
Брызнет зелени побег,
Но разбит твой позвоночник,
Мой прекрасный жалкий век!..

4

Евреи Советского Союза — композиторы, художники, режиссеры, актеры — создали многие произведения в музыке, живописи, театре и кино. Их количество поистине поражает, перечень их имен занял бы многие страницы, и если названы некоторые из них — не для того, чтобы умалить одних и выделить других, но из-за огромного множества евреев, которые работали и добивались успехов во всех областях искусства.

Композитор И. Дунаевский написал много популярных песен, среди них — "Марш веселых ребят" ("Нам песня строить и жить помогает..."), "Песня о Родине" ("Широка страна моя родная..."), "Марш энтузиастов" ("Нам ли стоять на месте..."), "Песня о Каховке", "Ой, цветет калина". Он сочинил музыку к опереттам "Золотая долина", "Вольный ветер", музыку к кинофильмам "Веселые ребята", "Цирк", "Волга-Волга", "Вратарь", "Светлый путь", "Дети капитана Гранта", "Искатели счастья", "Девушка спешит на свидание". Ю. Хайт написал марш "Авиаторы" на стихи П. Германа ("Все выше, и выше, и выше..."), который стал гимном военно-воздушных сил СССР. Л. Книппер сочинил музыку популярной песни "Полюшко-поле"; К. Листов стал автором "Гренады" и "Тачанки"; М. Блантер писал музыку к опереттам и многим песням, среди которых "Партизан Железняк", "В лесу прифронтовом", а также прославившаяся на весь мир "Катюша".

Композитор Самуил Покрасс написал песню на стихи П. Гоpинштейна, которая была очень популярной: "И от Москвы до британских морей Красная армия всех сильней..." Затем он уехал в США, где создал среди прочего музыку к кинофильму "Три мушкетера", мелодии которой приобрели всемирную известность. Его брат Дмитрий Покрасс стал автором "Марша Буденного" — "Буденный, наш братишка, с нами весь народ..." Братья Дмитрий и Даниил Покрасс написали более трехсот пе-

сен, которые пело не одно поколение: "По военной дороге шел в борьбе и тревоге боевой восемнадцатый год...", "Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой...", "Если завтра война, если завтра в поход...", "Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону...", "Утро красит нежным светом стены древнего Кремля..."

Московское музыкальное училище подготовило многих музыкантов; их обучали с раннего возраста по методике, которую разработали основатели и руководители училища сестры Гнесины, дочери казенного раввина (училище стало впоследствии Музыкально-педагогическим институтом имени Гнесиных). П. Столярский из Одессы был одним из основоположников советской скрипичной школы; в его школе для особо одаренных детей учились Б. Гольдштейн, Д. Ойстрах, Е. Гилельс, М. Фихтенгольц; по методу Столярского появились группы для особо одаренных детей при консерваториях Москвы, Ленинграда, Киева и других городов. Он создал первый в мире школьный симфонический оркестр; именем Столярского назвали музыкальную школу в Одессе, в которой он работал.

В 1930-е годы прославились скрипачи-евреи — Д. Ойстрах, Б. Гольдштейн, Е. Гилельс, Л. Коган, М. Полякин, Ю. Ситковецкий, М. Фихтенгольц; пианисты-евреи — Э. Гилельс, Я. Флиер, М. Гринберг, М. Юдина, Н. Перельман, Г. Гинзбург, Р. Тамаркина, Я. Зак; виолончелисты — Я. Слободкин, Д. Шафран; дирижеры — С. Самосуд (главный дирижер Большого театра в Москве), Н. Рахлин, Б. Хайкин, Ю. Файер; оперные певцы — М. Рейзен, Д. Пантофель-Нечецкая.

> В 1925 году М. Полякин получил в США первую премию на всемирном конкурсе скрипачей. В 1936 году Э. Гилельс стал лауреатом международного конкурса пианистов в Вене. В следующем году, на международном конкурсе скрипачей в Брюсселе, из первых пяти лауреатов четверо оказались евреями из Советского Союза — Д. Ойстрах (первая премия), Е. Гилельс, Б. Гольдштейн, М. Фихтенгольц (третья, четвертая и пятая премии). В 1939 году, на конкурсе пианистов в Брюсселе, первый приз получил Э. Гилельс, третий приз — Я. Флиер.

Режиссер С. Эйзенштейн (сын крещеного еврея) создал знаменитый фильм "Броненосец "Потемкин". Режиссер М. Ромм снял фильмы "Пышка" и "Мечта" (в главной роли Ф. Раневская), а также "Ленин в Октябре" и "Ленин в 1918 году". М. Донской снял трилогию по повестям М.Горького "Детство Горького", "В людях", "Мои университеты". Г. Козинцев и Л.Трауберг создали трилогию о Максиме: "Юность Максима", "Возвращение Максима", "Выборгская сторона". Фильмы режис-

сера Д. Вертова и его статьи по теории кино оказали огромное влияние на документалистов во всем мире. Работали в кино режиссеры Ф. Эрмлер, А. Роом, Г. Рошаль, Ю. Райзман, Л. Арнштам, Л. Луков и другие.

Режиссер А. Таиров (сын крещеного еврея) основал и многие годы руководил Камерным театром в Москве, спектакли которого становились событием в театральной жизни столицы. Актер и режиссер Г. Ярон был среди основателей Московского театра оперетты, режиссер М. Гольдблат стал одним из основателей и главным режиссером цыганского театра "Ромэн". Актер и певец Л. Утесов (Вайсбейн) в течение сорока пяти лет руководил эстрадным ансамблем, который пользовался огромной популярностью в Советском Союзе (программа 1925 года называлась "Мендель Маранц" — "Мендель Апельсин").

Плодотворно работали композиторы И. Сац, М. Гнесин, С. Фейнберг, художники Д. Штернберг, Н. Альтман, Э. Лисицкий, Р. Фальк. Литературовед Л. Гроссман занимался исследованием творчества А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Достоевского, Н. Лескова. Поэт и переводчик В. Парнах создал первый в СССР джазовый оркестр; он же выпустил книгу "Испанские и португальские поэты, жертвы инквизиции", с переводами произведений поэтов-евреев. Композитор Л. Книппер был среди основателей таджикской симфонической музыки. Е. Брусиловский создавал казахские оперы, балеты, симфонии и произведения для оркестра казахских национальных инструментов. М. Раухвергер сочинял музыку к киргизским операм и балетам; М. Штейнберг — музыку на казахские и узбекские темы; Г. Литинский — первые якутские оперы и балеты. Композиторы-евреи создавали туркменские, азербайджанские, молдавские оперы, балеты и симфонические произведения.

5

Традиционная тяга к образованию приводила еврейскую молодежь в школы, техникумы, институты и университеты страны; получение специальности, особенно престижной, становилось одной из главных ценностей в еврейской семье: родители — сами порой малообразованные, в скудных условиях жизни — не жалели сил и средств для своих детей. Страна испытывала острую нехватку специалистов, и двери учебных заведений были открыты для представителей любых национальностей. Из воспоминаний горского еврея, учащегося рабочего факультета: "Учились мы с энтузиазмом, с жадностью, но не без труда, жили впроголодь. В Москве, например, я обедал в студенческой столовой только через день, в иные дни питался черным хлебом и солеными огурцами, иногда и селедкой. Утром наш "чай" состоял из кипяченой воды и сахарного песка. Да и в студенческой столовой обеды были очень скудные".

К 1935 году евреи составляли 13,3% среди студентов высших учебных заведений СССР; на тысячу человек еврейского населения страны было 20,4 студентов-евреев (у русских количество студентов составляло 2,8 на одну тысячу населения, у белорусов — 2,4, у украинцев — 2). В 1937 году среди научных работников, профессоров и преподавателей высших учебных заведений насчитали 7000 евреев (8,8% от общего количества в стране), среди инженеров и архитекторов — 25 000 евреев (10%), среди агрономов — 1000 (1,25%), среди врачей — 21 000 (15,9%), среди фельдшеров, акушерок, медсестер — 31 000 (8,1%), среди бухгалтеров и счетоводов — 125 000 (7,7%), среди работников искусств — 17 000 (10,7%); в начальных и средних школах преподавали 46 000 учителей-евреев (4,7% от общего количества).

В первые десятилетия советской власти евреи-ученые получили свободный доступ в научные учреждения и успешно работали во всех областях науки. Их можно было встретить в научных институтах и лабораториях; еврейские имена появились в академических изданиях, на обложках научных работ и учебников; профессора-евреи преподавали в институтах и университетах страны. Они стали основателями научных школ и подготовили большое количество молодых ученых; их избирали в члены Академии наук СССР и союзных республик, награждали орденами, престижными премиями и званиями. Невозможно упомянуть в кратком повествовании имена евреев-ученых — физиков и математиков, астрономов и врачей, химиков, зоологов, географов и биологов, филологов и генетиков, психологов, экономистов, этнографов, — назовем лишь некоторых из них.

Вице-президент Академии наук СССР А. Иоффе был почетным членом иностранных академий, основателем Физико-технических институтов в Ленинграде, Москве, Харькове, Днепропетровске, Томске, автором монографий и учебников, создателем советской школы физиков, из которой вышли прославившиеся на весь мир ученые А. Александров, П. Капица, И. Курчатов, И. Кикоин, Л. Ландау, Ю. Харитон и другие.

Академик М. Авербах сорок лет возглавлял Центральный институт офтальмологии в Москве, провел более сорока тысяч глазных операций, разработал новые методы лечения глаза. Академик Л. Берг был президентом Географического общества страны, автором многочисленных работ по географии и биологии; имя Берга присвоено вулкану, леднику, горному пику на Памире, мысу на архипелаге Северная Земля. Академик Л. Мандельштам стал одним из основателей научной школы радиофизиков в СССР; среди создателей школы биохимиков был академик А. Бах, школы математиков — академик С. Бернштейн.

Действительными членами Академии наук СССР стали физиолог Л. Штерн — первая женщина-академик в Советском Союзе, физико-химик А. Фрумкин, биохимики Я. Парнас и Б. Збарский (бальзамировавший тело В. Ленина), специалист в области строительной механики Б. Галеркин, историк Е. Тарле, философ А. Деборин, историк марксизма Д. Рязанов (расстрелян в 1938 году).

> Р. Самойлович, геолог и полярный исследователь, еще до революции участвовал в экспедиции на остров Шпицберген в Ледовитом океане, который никому не принадлежал, — там установили российский флаг и обнаружили месторождения угля. В советское время Самойлович создал Всесоюзный арктический институт и руководил им; снаряжал и возглавлял экспедиции, исследуя климат Арктики и Ледовитый океан, его фауну и флору, подводные течения и дрейфы льдов. Самойлович был организатором многих геологических экспедиций, которые обнаружили на севере страны нефть, апатиты, уголь, цинк, медь и свинец. В 1928 году руководил операцией на ледоколе "Красин" по спасению участников полярной экспедиции У. Нобиле, потерпевших катастрофу на дирижабле "Италия"; был научным руководителем международной арктической экспедиции на дирижабле "Граф Цеппелин". Его именем названы пролив, бухта и остров в Ледовитом океане, а также полуостров в Антарктиде (арестован в 1938 году, погиб в заключении).

Этнограф В. Тан-Богораз составил первый словарь и грамматику чукотского языка. Психолог Л. Выготский основал Институт дефектологии, написал около ста работ, способствовавших развитию психологии и педагогики. Архитектор Б. Иофан создал проект Дворца Советов в Москве, строительство которого не было осуществлено. Экономист Е. Варга руководил Институтом мирового хозяйства и мировой политики. Историк Е. Тарле написал книги "Наполеон", "Талейран", "Нашествие Наполеона на Россию в 1812 году". В Харьковском институте физики почти всеми отделами и лабораториями руководили евреи, которых впоследствии репрессировали; среди арестованных оказался Л. Ландау, заведующий отделом теоретической физики, будущий лауреат Нобелевской премии, — его удалось спасти благодаря вмешательству академика П. Капицы, который убедил И. Сталина в научных заслугах молодого ученого.

6

Евреи принимали участие в разработке и реализации многих научных и конструкторских работ. Это были ученые, проектировщики, технологи и металлурги, а также руководители разных отраслей промышленно-

сти — наркомы и их заместители, директора и главные инженеры крупнейших предприятий и строек, начальники цехов и участков, — их количество не поддается учету.

В 1936 году был создан Народный комиссариат оборонной промышленности; первым его наркомом стал М. Рухимович (расстрелян в 1938 году). Этот пост занял затем М. Каганович, впоследствии нарком авиационной промышленности (застрелился в 1941 году). Его младший брат Л. Каганович, член Политбюро, был наркомом путей сообщения, наркомом тяжелой, топливной и нефтяной промышленности. А. Розенгольц руководил Наркоматом внешней торговли (расстрелян в 1938 году). С. Гинзбург возглавлял наркомат по строительству. Б. Ванников в предвоенные годы стал наркомом вооружения и был арестован; после начала войны с Германией его освободили и назначили наркомом по производству боеприпасов; впоследствии Ванников был одним из руководителей создания советского ядерного оружия.

Я. Гугель руководил строительством Магнитогорского металлургического комбината, затем стал директором комбината "Азовсталь" в Мариуполе (расстрелян в 1937 году). Л. Перельман был главным инженером строительства Туркмено-Сибирской железнодорожной магистрали (Турксиб), С. Франкфурт — начальником строительства Кузнецкого металлургического комбината, М. Левенберг — главным инженером Уралмашзавода (расстрелян), И. Каттель — начальником строительства, а затем и директором крупнейшего станкостроительного завода в Челябинске (награжден орденом Ленина, расстрелян). И. Зальцман был директором Кировского машиностроительного завода в Ленинграде, директором Челябинского завода по производству танков, наркомом танковой промышленности в годы войны (в 1941 году, первым из евреев, получил звание Героя социалистического труда). А. Брускин начинал работу слесарем, стал затем директором Харьковского и Челябинского тракторных заводов, наркомом среднего машиностроения СССР; о нем говорили с трибуны партийного съезда: "Кадры хотят работать, но мы не умеем их организовывать. А вот Брускины могут, умеют организовывать, и они это сделают" (награжден орденом Ленина, расстрелян).

Авиаконструкторы М. Гуревич и А. Микоян спроектировали скоростной истребитель МиГ-1, родоначальник многих поколений самолетов этого типа (МиГ — первые буквы фамилий Микоян и Гуревич). Авиаконструктор С. Лавочкин создавал различные модификации самолетов-истребителей типа Ла, которые проявили себя во время войны с Германией. Харьковский конструктор И. Неман сконструировал пассажирский самолет ХАИ-1, первый в СССР с убирающимся шасси, а затем самолет-разведчик ХАИ-5. М. Бисноват создал скоростной самолет, который в 1939 году развил очень высокую по тем временам скорость — 716

километров в час. Конструктор А. Изаксон руководил отделом по проектированию первых советских вертолетов. Я. Таубин участвовал в создании авиационной пушки нового типа, принятой на вооружение Красной армией.

А. Гольцман стал первым руководителем Аэрофлота, участвовал в создании гражданской авиации и открытии первых линий авиарейсов; по его инициативе начали отмечать в стране День воздушного флота (в 1933 году погиб в авиационной катастрофе; затем его обвинили в троцкизме, урну с прахом изъяли из Кремлевской стены). При полете в стратосферу в 1934 году потерпел аварию аэростат "Осоавиахим-1" — среди погибших был астронавт И. Усыскин, специалист по космической радиации. Я. Машковский создал и возглавил Высшую школу парашютистов СССР. Полярный летчик М. Шевелев стал одним из первых Героев Советского Союза.

Конструкторский отдел под руководством С. Гинзбурга спроектировал танк Т-26, принятый на вооружение Красной армии. Конструктор Б. Фиттерман создал несколько моделей автомобилей, а также первый советский вездеход и первый троллейбус для московских улиц. А. Минц проектировал крупнейшие радиостанции и руководил их строительством в разных городах страны. Н. Кижнер стал одним из создателей анилиновых красителей и организатором их промышленного производства. С. Либензон занимался проектированием и строительством первых советских заводов по производству синтетического каучука (расстрелян в 1939 году). А. Ланда был главным инженером по проектированию и установке рубиновых звезд на пяти башнях Кремля (их смонтировали в ночь на седьмое ноября 1937 года; систему электроосвещения разработал Е. Ратнер).

В первые годы советской власти евреи основывали издательства для выпуска книг на русском языке. З. Гржебин издавал художественную литературу и книги по искусству в издательстве "Шиповник"; С. Алянский — книги символистов и акмеистов в петроградском издательстве "Алконост"; Д. Айзенштадт и А. Вишняк основали московское издательство поэзии "Венок", А. Вишняк — издательство "Геликон", Л. Клячко в Петрограде — издательство детской литературы "Радуга". Е. Высоцкий в петроградском издательстве "Сеятель" выпустил около двухсот книг в серии "Общедоступная библиотека"; во главе кооперативного издательства "Время" в Петрограде стоял И. Вольфсон; группа евреев-ученых печатала книги на научные темы в одесском издательстве "Матезис". Рабо-

тали издательства "Просвещение", "Универсальное право", "Современные проблемы", основанные евреями до революции; недолгое время существовало издательство И. Кнебеля для выпуска книг по изобразительному искусству.

В московском издательстве "Сафрут" увидела свет "Еврейская антология" — произведения на иврите и идиш, которые перевели на русский язык В. Ходасевич, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, В. Брюсов, Ю. Балтрушайтис; там же вышла антология "У рек Вавилонских" — образцы древней, средневековой и новой еврейской поэзии в переводах А. Майкова, А. Плещеева, П. Козлова и других поэтов. В Петрограде выходили на русском языке сборники "Еврейская мысль", "Еврейский вестник", "Еврейская летопись", "Еврейская жизнь" и "Еврейский альманах".

Журнал
"Еврейская летопись",
1923—1926 годы

Ари Штернфельд, еврей из Польши — учился во Франции, получил диплом инженера, но все свободное время посвящал космонавтике. Он собирался написать докторскую диссертацию по проблемам космических полетов, однако профессора Парижского университета отказались одобрить "столь фантастическую тему". В 1933 году Штернфельд одним из первых в мире рассчитал траектории будущих космических полетов и предложил терминологию космической техники, которая тогда только зарождалась. В 1935 году он переехал в СССР, работал в Реактивном научно-исследователь-

ском институте; в Москве увидела свет его книга "Введение в космонавтику" — одна из фундаментальных работ по космическим исследованиям; ее перевод с французского языка способствовал введению новых понятий в русский язык — "космонавт" и "космонавтика", "космический полет" и "космический корабль", "перегрузка" и "космодром". Из свидетельства специалиста: "Введение в космонавтику" сыграло роль своеобразной энциклопедии, посвященной проблеме освоения космического пространства... По этой книге учились многие из тех, кому в будущем предстояла практическая работа по завоеванию космоса".

В 1937 году, в период шпиономании, Штернфельда уволили из института, и он не мог устроиться на работу по специальности. А через несколько десятилетий после этого траектории советских и американских спутников стали рассчитывать по формулам Штернфельда; совместно с первым космонавтом Ю. Гагариным его наградили международной премией за выдающиеся достижения в освоении космического пространства. Книги Штернфельда переведены на многие языки, его именем назвали кратер на Луне; он умер в 1980 году, похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. На памятнике написано "Ари Штернфельд. Пионер космонавтики" и высечена траектория полета ракеты к солнцу, рассчитанная этим ученым.

Герцель Баазов, писатель и драматург — в девятнадцатилетнем возрасте перевел на грузинский язык "Песнь песней", писал рассказы, повести и пьесы на грузинском языке, опубликовал роман "Петхайн" о евреях Грузии. Арестован в Москве в 1938 году во время работы над пьесой для московского ГОСЕТа; в том же году расстрелян или погиб под пытками. Ф. Баазова ("плач по брату"): "За что его убили?.. Он был молод и красив, высок и строен. Он был талантлив и образован, добр и благороден, горд и мужественен. Он излучал свет и добро... носил в себе печаль и горе своего народа... Его любили тысячи, ненавидели из черной зависти — единицы. Его любили евреи и грузины. Он был единственным, не похожим ни на кого. Он был сиянием и душой моей жизни. Погасло это сияние, и стало темно..." Впоследствии Баазова реабилитировали; в грузинском городе Они, где он родился, улицу назвали именем Герцеля Баазова.

Семен Гехт, писатель — родился в Одессе, писал по-русски, в основном на еврейские темы; его критиковали за то, что "не преодолел национальной ограниченности", "пережитки прошлого

сильны в его мировоззрении". В 1936 году Гехт написал роман "Пароход идет в Яффу и обратно" — о человеке, который с детства мечтал попасть в Землю Обетованную, достиг наконец своей цели и после многих разочарований вернулся в СССР. От писателя ожидали противопоставления подмандатной Палестины социалистическому Биробиджану, однако Гехт с теплотой рассказал о жизни евреев-земледельцев, отметил арабские беспорядки в Иерусалиме и Яффе, цитировал в романе речи сионистов и стихи В. Жаботинского — за это его обвинили в "замаскированном сионизме". Был репрессирован в конце 1940-х годов, выжил в заключении; писатель К. Паустовский вспоминал: "Гехт — это молодость нашего поколения, поколения писателей, пришедших с юга и с берегов Черного моря... Он много выстрадал, и смерть его была ускорена перенесенными страданиями..."

Лев Лунц, писатель: "Я — еврей, убежденный, верный, и радуюсь этому. И я — русский писатель... Россия — моя родина, и Россию я люблю больше всех стран. Как примирить это?.." Из повести "Родина" (1922 год): "В Петербурге летним вечером я с приятелем за самогоном. В соседней комнате отец мой, старый польский еврей, лысый, с седой бородой, с пейсами, молится лицом к востоку, а душа его плачет о том, что единственный сын его, последний отпрыск старинного рода, в святой канун субботы пьет самогон. И видит старый еврей синее небо Палестины, где он никогда не был, но которую он видел, и видит, и будет видеть. А я, не верящий в Бога, я тоже плачу, потому что я хочу и не могу увидеть далекий Иордан и синее небо, потому что я люблю город, в котором я родился, и язык, на котором я говорю, чужой язык... За стеной отец перестал молиться. Сели за стол: отец, мать, сестры. Меня не звали, меня уже три года не звали; я жил, как филистимлянин, в их доме. Их дом стоял под вечно синим небом, окруженный виноградниками, на горе Вифлеемовой. А мой дом выходил на Забалканский проспект — прямой, чужой, но прекрасный... Петербург же раскинулся над Невою прямыми улицами и прямыми перекрестками. Стремительные, как солнечные лучи, улицы и огромные спокойные дома. А над Петербургом серое и холодное небо, родное, но чужое..."

Писатели И. Ильф и Е. Петров прославились книгами "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок" — о похождениях "великого комбинатора" Остапа Бендера; многие выражения из этих книг во-

шли в народную речь. Из записных книжек Ильи Ильфа — "в краю непуганых идиотов": "До революции он был генеральской задницей. Революция его раскрепостила, и он начал самостоятельное существование..." — "Нам такие нужны. Он знает арифметику. Он нам нужен..." — "Не гордитесь тем, что вы поёте. При социализме все будут петь..." — "Утреннюю зарядку я уже отобразил в художественной литературе..." — "Когда покупатели увидели этот товар, они поняли, что все преграды рухнули, что все можно..." — "Композиторы ничего не делали, только писали друг на друга доносы на нотной бумаге..." — "Сторож при морге говорил: "Вы мертвых не бойтесь. Они вам ничего не сделают. Вы бойтесь живых..." — "В фантастических романах главное — это было радио. При нем ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет..." — "Жить на такой планете — только терять время..."

Леопольд Авербах, литературный критик — в 1918 году, в пятнадцатилетнем возрасте, стал членом ЦК комсомола и редактором первой комсомольской газеты "Юношеская правда". В 1920 году — один из руководителей Коммунистического Интернационала молодежи (КИМ), автор книги "Ленин и юношеское движение" с предисловием Л. Троцкого. С 1926 года генеральный секретарь Российской ассоциации пролетарских писателей; активно внедрял в литературу большевистскую идеологию. Н. Мандельштам, из воспоминаний: Авербах "искренне удивлялся, как я могу сомневаться в его оценках — ведь он владеет единственным научным методом и поэтому его суждение непререкаемо: осужденное им осуждено в веках... Никаких ценностей, истин и законов больше не существовало, кроме тех, которые нужны были сейчас и назывались для удобства классовыми..." В 1938 году Авербаха арестовали по обвинению в троцкизме, и он умер в заключении.

Михаил Кольцов (Фридлянд) — "журналист номер один" Советского Союза, главный редактор основанного им журнала "Огонек", редактор сатирического журнала "Крокодил"; во время Гражданской войны в Испании был политическим советником республиканского правительства. Награжден орденом Красного Знамени, в 1938 году стал членом-корреспондентом Академии наук СССР; арестован, погиб в лагере.

В конце 1930-х годов на экраны Советского Союза вышел фильм "Я — сын трудового народа", в котором прозвучала песня

братьев Дмитрия и Даниила Покрасс — "То не тучи, грозовые облака..." Затем началась война с Германией, и в гетто города Вильно оказался Гирш Глик, который писал стихи на идиш. Он был членом подпольного штаба сопротивления, после ликвидации гетто попал в лагерь в Эстонии, бежал оттуда и погиб. В виленском гетто Глик написал стихотворение "Зог ништ кейн мол..." — "Никогда не говори, что ты идешь в последний путь..." Чтобы стихотворение стало песней, он использовал мелодию братьев Покрасс "То не тучи, грозовые облака..." Эта песня стала гимном сопротивления виленского гетто, а затем гимном еврейских партизан, — братья Покрасс знали о судьбе своей мелодии и гордились этим. Слова гимна перевели на иврит, английский, польский, русский, болгарский, чешский, французский, немецкий, голландский, испанский и другие языки. Этот гимн поют в Израиле на торжественных собраниях в память еврейских бойцов сопротивления. Его первые слова: "Никогда не говори, что ты идешь в последний путь..."; его последние слова: "Мы — здесь!", что означает — мы живы, мы боремся...

Часть четвертая

Террор 1934—1939 годов. Евреи-жертвы. Евреи в органах НКВД. Начало Второй мировой войны

Очерк девятнадцатый

Террор 1934—1939 годов. Показательные процессы “врагов народа”. Г. Зиновьев. Л. Каменев. Л. Каганович

1

О. Мандельштам, поэт:

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.
И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных...

А. Авторханов, историк: “Сталин никого не убивал из любви к убийству. Не был он и садистом и еще меньше — параноиком... Все поступки, действия, преступления Сталина целеустремленны, логичны и строго принципиальны... Сталин был политик, действующий уголовными методами для достижения цели...”

Кампании против “врагов партии и народа” шли одна за другой. 1928 год — “Шахтинское дело”, показательный суд над “вредителями”, горными инженерами и техниками Донбасса: пять человек расстреляны, более сорока приговорены к лишению свободы на срок до десяти лет. 1930 год — процесс инженеров и работников Госплана, обвиненных в создании “Промпартии”, шпионаже, попытках подорвать эко-

номику страны; следом за ним — дело ученых-аграрников, которым приписали организацию Трудовой крестьянской партии. 1931 год — процесс "Союзного бюро меньшевиков", 1932 год — дело Рютина-Слепкова, требовавших смещения Сталина, 1933 год — суд над английскими специалистами фирмы "Метрополитен-Виккерс", обвиненными во вредительстве; начало 1934 года — дело о создании "всесоюзного троцкистского центра".

Одновременно с этим проходили многие процессы, отчеты о которых не попадали в печать. Арестовывали по спискам бывших офицеров царской армии, дворян, священников, предпринимателей, чиновников, бывших сторонников давно уже разгромленных политических партий. ОГПУ проводило ночные операции "по изъятию контрреволюционного кулацкого и антисоветского элемента"; шла чистка партийных рядов, в результате которой исключили из партии сотни тысяч коммунистов.

1 декабря 1934 года в Ленинграде был убит член Политбюро С. Киров, после чего объявили, что убийство совершено "наемными агентами международного империализма и троцкистами". В тот же день приняли закон об ускоренном рассмотрении дел, связанных с подготовкой и проведением террористических актов; новый закон отменил право на помилование и разрешил немедленное исполнение смертных приговоров — с этого момента началась волна массового террора. В Ленинграде арестовали около девятисот человек и опубликовали списки расстрелянных "в порядке возмездия"; десятки тысяч ленинградцев, представителей старой интеллигенции, выслали в отдаленные районы страны. Газеты призывали к мести и бдительности; аресты с расстрелами проходили в Москве, Киеве, по всей стране.

> Академик И. Павлов, ученый-физиолог (декабрь 1934 года, из письма председателю Совнаркома В. Молотову): "Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия... Надо помнить, что человеку, происшедшему из зверя, легко падать, но трудно подниматься. Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение... едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человечно. И с другой стороны, тем, которые превращены в забитых животных, едва ли возможно сделаться существами с чувством человеческого достоинства... Пощадите же родину и нас". (Резолюция на письме: "т. Сталину. Сегодня СНК получил новое чепуховое письмо академика Павлова. Молотов".)

Председатель ОГПУ В. Менжинский умер в 1934 г. В том же году эта организация вошла в состав Народного комиссариата внутренних дел

(НКВД) — под именем Главного управления государственной безопасности. С 1934 по 1936 год наркомом внутренних дел был Г. Ягода (расстрелян в 1938 году). Последующие два года руководил НКВД "сталинский нарком" Н. Ежов, в честь которого слагали стихи, акыны воспевали "орла и батыря Ежова", его именем назвали город Ежово-Черкесск на Северном Кавказе (расстрелян в 1940 году). С конца 1938 года наркомом НКВД стал Л. Берия (расстрелян в 1953 году).

Лидеры большевиков понимали, что в стране накапливались оппозиционные настроения, не проявляемые открыто. Большинство населения Советского Союза составляли крестьяне, не забывшие насилий времен коллективизации. Существовало тайное недовольство и среди рабочих, условия существования которых были невыносимы; интеллигенция и жители национальных окраин тоже подпадали под подозрение как "социально опасный элемент". Чтобы удержать неограниченную власть, следовало насаждать страх во всех слоях общества, и в начале 1937 года И. Сталин заявил: в стране происходит обострение классовой борьбы по мере развития социализма, а потому надо искать повсюду шпионов и вредителей, даже среди членов партии. "Сильная и мощная диктатура пролетариата, — провозглашал Сталин, — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов". Это была команда — усилить борьбу с остатками инакомыслия, тайного или явного, которые следовало искоренять вместе с их носителями, "врагами народа". Само понятие — "враг народа" было выбрано не случайно, оно отсекало арестованного от остального населения, отсекало и его родных — семью "врага народа"; это понятие утверждало: мы все — народ страны Советов, строители счастливого будущего, а они — наши враги, из-за которых жизнь не может стать прекрасной.

Летом 1937 года ЦК партии разослал по местным органам НКВД секретную инструкцию для проведения операции "по изъятию остатков враждебных классов". Историк А. Авторханов свидетельствовал: "В инструкции буквально указывались нормы (в процентах), которые давались каждой республике или области для арестов. Они для того времени были довольно скромными — от трех до четырех процентов к общему населению. Если брать весь СССР, то это означало ликвидацию около пяти миллионов человек. Я уверен, что этот "план заготовок людей" был значительно перевыполнен..." В столице утверждали нормы очередных репрессий, а местные власти обязаны были предоставить требуемое количество арестованных. Разнарядка из центра бывала порой недостаточна; в тюрьмах скапливалось избыточное число "врагов народа", которым приписывали самые тяжкие преступления, и руководители республик или областей просили увеличить норму для заключенных "первой категории" (расстрел). Из Омска телеграфировали в столицу: "Про-

шу указания относительно увеличения лимита первой категории до 8 тысяч человек". Резолюция: "т. Ежову. За увеличение лимита до 8 тысяч человек. И. Сталин".

Д. Волкогонов, историк: "Сталин почти ежедневно лично утверждал списки тех, кого считали "троцкистами" и осужденными по "первой категории", т. е. к смерти!.. Так, только 12 декабря 1938 года Сталин и Молотов санкционировали расстрел 3167 человек!.."

> "Товарищу Сталину. Посылаю на утверждение четыре списка лиц, подлежащих суду: на 313, на 208, на 15 жен врагов народа, на военных работников — 200 человек. Прошу санкции осудить всех к расстрелу. 20.8.38 г. Ежов". Резолюция: "За. 20.8. И. Ст., В. Молотов".
>
> Из заключения комиссии Политбюро ЦК КПСС (1989 год): "Инициатором и организатором массовых арестов, расстрелов без суда и следствия, депортации сотен тысяч людей был Сталин... В НКВД составлялись списки лиц... причем заранее определялось "наказание". Эти списки направлялись лично Сталину... В частности, из 383 списков (на 44 тысячи человек) Сталиным подписано 362, Молотовым — 373, Ворошиловым — 195, Кагановичем — 191, Ждановым — 177... Против отдельных фамилий стояли надписи (членов Политбюро): "Бить — бить"..."

Молотов вспоминал в годы старости: "1937 год был необходим... Никогда не жалел и никогда не пожалею, что действовали очень круто... Конечно, требования исходили от Сталина, конечно, переборщили, но я считаю, что все это допустимо ради основного: только бы удержать власть..."

2

Л. Троцкий предсказывал в 1927 году: "У Сталина на уме одно: нанести оппозиции кровавый удар. Для этого ему нужно связать оппозицию с террористическими актами, приписать ей подготовку восстания и тому подобное..." Так вскоре и произошло.

Август 1936 года. Первый московский процесс "объединенной оппозиции". На скамье подсудимых Г. Зиновьев, Л. Каменев и их "сообщники": из шестнадцати человек — одиннадцать евреев. Статьи обвинения: шпионаж и контрреволюционная троцкистская деятельность, сговор с иностранными разведками для свержения советской власти, организация актов террора и вредительств на заводах. Зиновьев признал на суде: "Троцкизм — это разновидность фашизма, а зиновьевизм — это

разновидность троцкизма". Каменев согласился с обвинением, что он "готовил вместе с Троцким и Зиновьевым контрреволюцию в СССР". Газеты сообщали о "змеином клубке измен, предательств, гнуснейших замыслов и подлейших деяний троцкистско-зиновьевской шайки убийц": это они убили С. Кирова, готовили покушение "на жизнь великого друга и отца народов товарища Сталина и его боевых соратников... Уничтожить гадин, стереть их с лица честной советской земли!" Генеральный прокурор А. Вышинский сказал в обвинительной речи: "Взбесившихся собак я требую расстрелять — всех до одного!" Зиновьева, Каменева и остальных обвиняемых казнили 25 августа 1936 года. В газете написали: "Шестнадцать негодяев расстреляны. Но остается за границей... бешеная собака контрреволюции — Троцкий; еще далеко не все гнусные корешки, последыши и подголоски его до конца выявлены и разоблачены".

Январь 1937 года — процесс "параллельного центра троцкистов" или "процесс семнадцати". На скамье подсудимых Г. Пятаков, Л. Серебряков, Н. Муралов, Г. Сокольников, К. Радек, Я. Лившиц и другие. Снова клеймили Троцкого и его сторонников, реальных и мнимых: "шайка бандитов, грабителей, подделывателей документов, диверсантов, шпионов, убийц". Обвиняемые сознались в попытке реставрации капитализма и территориального раздела страны (Украину — немцам, Приморье — японцам), во вредительстве и терроре против руководителей советской власти. Вышинский закончил трехчасовую речь словами: "Я обвиняю вместе со всем нашим народом, обвиняю тягчайших преступников, достойных одной только меры наказания — расстрела, смерти!" Тринадцать человек расстреляли, четверых приговорили к заключению на срок до десяти лет; в приговоре не забыли про Троцкого и его сына Льва: "В случае их обнаружения на территории Союза ССР, подлежат немедленному аресту и преданию суду военной коллегии Верховного суда Союза ССР".

> В декабре 1937 года отмечали двадцатилетие карательных органов ВЧК-ОГПУ-НКВД. В газете "Правда" разъяснили: сотрудничество с органами безопасности — "благороднейший и священный долг" советских граждан. Член Политбюро А. Микоян завершил свою речь на торжественном заседании такими словами: "Славно поработал НКВД за это время!.."

Март 1938 года. Процесс руководителей "антисоветского правотроцкистского блока", "процесс двадцати одного" — Н. Бухарин, А. Рыков, Г. Ягода, Н. Крестинский, Х. Раковский, А. Розенгольц и другие. Обвинение: подсудимые планировали крестьянские восстания во время Гра-

жданской войны и намеревались убить В. Ленина, организовывали саботаж в промышленности и сельском хозяйстве, желали расчленить СССР и реставрировать капитализм с помощью шпионских служб разных стран. Ягода — "организатор и вдохновитель чудовищных преступлений" — признал, что при содействии прочих обвиняемых подготовил убийство С. Кирова, совершил с помощью "врачей-отравителей" "злодейское умерщвление" М. Горького и его сына, а также членов правительства В. Куйбышева и В. Менжинского. Подсудимым ставили в вину и "крушение поезда с воинским грузом", "вредительство в области коневодства", "распространение чумы среди свиней", "подбрасывание в масло стекла и гвоздей". Вышинский говорил на суде: "Теперь ясно, почему здесь и там у нас перебои, почему вдруг у нас при богатстве и изобилии продуктов нет того, нет другого, нет десятого. Именно потому, что виноваты в этом вот эти изменники..." Генеральный прокурор называл обвиняемых — "вонючая падаль", "проклятая гадина", "жалкие подонки", "зловонная куча человеческих отбросов", которых следует "расстрелять, как поганых псов!" Бухарина, Рыкова, Ягоду и еще пятнадцать человек приговорили к смертной казни; приговор привели в исполнение 15 марта 1938 года; в газете поместили крупный заголовок "Вредители рабочего снабжения расстреляны".

> Н. Бухарин (в первые годы советской власти): "Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов... является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи..."

На показательных московских процессах от половины до двух третей подсудимых составляли евреи. Подчеркивали их настоящие фамилии — Радомысльский (Зиновьев), Розенфельд (Каменев), а потому Троцкий заявил в изгнании: "Какой еще мотив, кроме игры на антисемитских настроениях, мог двигать Сталиным при опубликовании "настоящих" фамилий своих жертв?.." То же самое отметил впоследствии и израильский историк Й. Недава: "Если фамилия обвиняемого звучит непривычно, то и шпионаж, и предательство, и все мыслимые низости — все годится: чего же и ждать от еврея, от еврейского националиста?"

Либеральная интеллигенция на Западе не поверила Троцкому, и в нью-йоркской газете на идиш с возмущением отвергли его обвинения: "Чтобы победить Сталина, Троцкий находит возможным изображать Советский Союз страной антисемитизма... Разве это правда, г. Троцкий? Разве честно писать об этом, когда это не так?.. Мы привыкли смотреть на Советский Союз как на наше единственное утешение в том, что касается антисемитизма... Непростительно Троцкому бросать такие не-

обоснованные обвинения против Сталина". Троцкий потребовал создать международную комиссию по расследованию московских процессов и опубликовал в газетах следующее заявление: "Если комиссия решит, что я хоть в малейшей степени виновен в преступлениях, которые Сталин приписывает мне, я заранее обязуюсь добровольно сдаться в руки палачей ГПУ". Под перекрестным допросом членов комиссии Троцкий опроверг обвинения и представил многие документальные доказательства; после его многочасовой заключительной речи председатель комиссии философ Д. Дьюи отказался от заключительного слова, кратко заявив: "Что бы я ни сказал, все будет ничтожным..." Выводы комиссии: Троцкий невиновен, а московские процессы являются подлогами.

Группа американских деятелей культуры осудила заключение комиссии Дьюи. Писатели А. Барбюс, Р. Роллан, Л. Фейхтвангер выступили с оправданием показательных процессов. Коммунисты и либералы на Западе с одобрением, а порой и с восторгом воспринимали гигантский "социальный эксперимент" в Советском Союзе; они рассматривали СССР как "лабораторию планеты", в которой возможны временные ошибки, потому что большевики шли к светлому будущему непроторенной дорогой. Иностранным туристам показывали под Москвой исправительно-трудовую колонию, которая приводила их в восхищение, и писатель А. Кестлер отметил: западные столицы "кишели художниками, писателями, докторами, адвокатами и молоденькими барышнями, перепевавшими на разные лады, хотя и в смягченной форме, лозунги Сталина".

> Й. Гебельс, министр пропаганды в гитлеровской Германии (1937 год, из дневника): "В Москве опять показательный процесс. На сей раз почти исключительно против евреев. Радек и другие. Фюрер еще сомневается, имеется ли в процессе скрытая антисемитская тенденция. Возможно, Сталин все же желает избавиться от евреев. И среди военных, кажется, присутствует сильный антисемитизм. Итак, с вниманием будем следить за дальнейшим..."

3

В январе 1934 года проходил в Москве Семнадцатый съезд партии — "съезд победителей". Страна еще не оправилась от "голодомора" времен коллективизации, а партийные лидеры докладывали с трибуны о достигнутых успехах в промышленности и сельском хозяйстве. Делегатами съезда были в основном старые большевики, вступившие в партию до революции или во время Гражданской войны; в их честь состоялась демонстрация трудящихся на Красной площади, а затем и воен-

ный парад. Съезд избрал 139 членов и кандидатов в члены Центрального комитета — 98 из них были вскоре расстреляны; из 1956 делегатов того съезда уничтожили 1108 человек.

Волна репрессий набирала силу, охватывая все слои общества и все национальности. Среди арестованных евреев в Белоруссии оказались — студент, продавец магазина, инструктор по заготовкам утиля, прораб, портной, пенсионер, домашняя хозяйка, врач-хирург, сапожник, юрисконсульт, редактор журнала, учительница, директор кинотеатра, инженер, слесарь, токарь, каменщик, секретарь райкома партии, экономист, писатель, бухгалтер, раввин минской синагоги, кочегар, жестянщик, регистратор поликлиники, заведующий ларьком, руководитель треста, экскурсовод музея революции, рабочий инвалидной артели.

Не менее разнообразны и предъявленные обвинения: "за контрреволюционную троцкистскую деятельность... за участие в сионистской организации "Левый Гехалуц"... за участие в антисоветской националистической организации Бунд... за шпионскую деятельность в пользу литовской разведки... за участие в военно-фашистском заговоре... за вредительскую деятельность в сельском хозяйстве... за антисоветские высказывания", а также — "социально опасный элемент" и "член семьи изменника родины". Репрессировали бывших бундовцев, членов евсекций, руководителей ОЗЕТа и КОМЗЕТа; обвиняли в шпионаже работников Джойнта, расстреливали и сионистов, припомнив их прошлые прегрешения.

Размах государственного террора устрашал всю страну. Трудно было поверить, что политика подавления и уничтожения направлялась с самого верха; многие приписывали это "кровавому карлику" Ежову, и перепуганные граждане с опаской шептали друг другу: "Если бы рассказали товарищу Сталину... От Сталина скрывают..." Расстреляли наркомов первого большевистского правительства 1917 года — В. Милютина, А. Шляпникова, В. Антонова-Овсеенко, Н. Крыленко, П. Дыбенко, А. Рыкова, Г. Оппокова (резолюция Молотова: "За немедленный арест этой сволочи"). Ликвидировали членов Политбюро и наркомов, секретарей ЦК и глав правительств Белоруссии, Грузии, Армении, Киргизии, Казахстана, прочих союзных и автономных республик. На Украине были арестованы все наркомы местного правительства, все секретари обкомов партии; из 102 членов ЦК партии Украины остались в живых трое.

На смену расстрелянным назначали новых руководителей, которые тоже исчезали, несмотря на проявления безграничной преданности партии и лично товарищу Сталину; порой лишь четвертому или пятому преемнику выпадала удача — остаться в живых. Уничтожали и зарубежных коммунистов из разных стран, получивших убежище в СССР. Ликвидировали лидеров коммунистических партий Болгарии, Югославии, Румы-

нии и Финляндии, Германии и Венгрии, а также ответственных работников Коминтерна, один из которых жаловался Сталину: "Многие иностранцы каждый вечер собирают свои вещи в ожидании возможного ареста. Многие из-за постоянной боязни полусумасшедшие, неспособны к работе..."

Высшие руководители страны, ставшие жертвами, являлись в свое время активными участниками насилий. Они одобряли "красный" террор, были ответственны за подавление рабочих и крестьянских выступлений, за голод 1920-х и 1930-х годов и создание концлагерей, и чем выше поднимался по служебной лестнице тот или иной коммунист, тем меньше было у него возможностей оставаться незапятнанным. Каждый из них провозглашал непогрешимой единственную идеологию, ради которой уничтожали инакомыслящих, каждый считал себя вправе распоряжаться судьбами народов, применяя без колебаний насилие с принуждением, — подобное можно сказать и о большевиках-евреях, занимавших высокие государственные или партийные посты.

> Н. Полетика, историк: "Для меня Сталин, Зиновьев, Троцкий, Бухарин были одним и тем же: носителями диктатуры, представителями тоталитарного режима, но не апостолами свободы. Сталин в борьбе за власть, быть может, пролил больше крови, чем могли пролить его соперники, но программа их — диктатура — была у всех одной и той же... Если бы оппозиции — все равно, "левой" или "правой" — удалось свалить Сталина, то режим Зиновьева, или Троцкого, или Бухарина мало бы чем разнился от режима Сталина..."

4

Григорий Зиновьев (Радомысльский), из семьи владельца молочной фермы — в восемнадцатилетнем возрасте вступил в социал-демократическую партию, в 1903 году примкнул к большевикам, сблизился с В. Лениным и был его ближайшим сотрудником. После Февральской революции вернулся с Лениным в Петроград, проехав через Германию в запломбированном вагоне; в июле 1917 года большевиков обвинили в получении немецких денег и попытке свержения Временного правительства — Ленин и Зиновьев скрывались от суда в шалаше на станции Разлив, возле границы с Финляндией.

В августе 1917 года Зиновьева избрали в Центральный комитет партии — на выборах он получил на один голос меньше, чем Ленин. В октябре того года Зиновьев выступил против захвата власти большевиками; он предлагал: "Учредительное собрание и Советы — вот тот комби-

нированный тип государственных учреждений, к которому мы идем". С декабря 1917 года Зиновьев — председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Союза коммун Северной области, а затем и председатель исполнительного комитета Третьего коммунистического Интернационала (Коминтерна); до 1926 года член Политбюро партии большевиков.

Р. Конквест, английский историк: "Трудно найти автора, который писал бы о Зиновьеве без неприязни. На коммунистов и некоммунистов, оппозиционеров и сталинцев Зиновьев производил одинаковое впечатление пустого, малоспособного, наглого и трусливого ничтожества... Зиновьев был очень эффектным оратором, но в его речах было мало содержания, они были способны лишь временно возбуждать массы. И вот такой человек некоторое время был руководящей фигурой в советском государстве перед смертью Ленина и после нее".

> Н. Полетика (1925 год): "Я пристально вглядывался в Зиновьева, которого видел впервые в жизни так близко. Впечатление было очень неблагоприятное, впечатление Чичикова о Плюшкине: "Ой, баба! Ой, нет!" Зиновьев был толстый, с опухшим лицом, одетый в поношенный костюм, что-то вроде френча или куртки, тесный для него. Его телеса буквально, как тесто, выпирали из костюма... Говорили, что он так вспух в последние годы: в 1917 году, когда он с Лениным приехал в Россию, Зиновьев был худ и бледен... От многих я слышал, что Зиновьев чрезвычайно жесток, что он трус и может предать своих сторонников и друзей в любую минуту..."

Лев Каменев (Розенфельд), из семьи инженера — вступил в РСДРП в восемнадцатилетнем возрасте, в 1903 году примкнул к большевикам. После октябрьского переворота был избран председателем высшего органа советской власти — Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). Выступал за коалицию социалистических партий взамен "чисто большевистского правительства"; по требованию Ленина его сместили с поста председателя ВЦИК и заменили Я. Свердловым. С 1919 по 1926 год Каменев — член Политбюро, заместитель председателя Совнаркома, председатель Совета труда и обороны, нарком торговли, посол в Италии.

Зиновьева и Каменева вывели из состава Политбюро за участие в "объединенной оппозиции" совместно с Л. Троцким, а затем исключили из партийных рядов. Вскоре их восстановили в партии, в 1932 году снова исключили и сослали в Сибирь. Через год вернули в Москву и опять восстановили в партии, но для этого им пришлось покаяться на "съезде победителей". Зиновьев заявил: "У меня была цепь ошибок,

цепь, у которой одно звено неизбежно цеплялось за другое". Каменев повинился: "Товарищи, я высказал свое глубокое сожаление о тех ошибках, которые я делал... Да здравствует наша социалистическая страна! Да здравствует наша партия! Да здравствует наш вождь и командир товарищ Сталин!"

После убийства С. Кирова Зиновьева арестовали, и он написал Сталину: "Ни в чем, ни в чем я не виноват перед партией, перед ЦК и перед Вами лично. Клянусь Вам всем, что только может быть свято для большевика, клянусь Вам памятью Ленина..." Через месяц был суд. Зиновьев признал свою "моральную ответственность" за убийство Кирова, обещал назвать "бывших участников антипартийной борьбы", и его приговорили к десяти годам заключения. Каменев получил на том суде пять лет, которые вскоре заменили на десять — по обвинению в покушении на Сталина. В тюрьме к ним применяли физические и психологические методы воздействия, и Зиновьев послал Сталину письмо: "В моей душе горит одно желание: доказать Вам, что я больше не враг. Нет того требования, которого я не исполнил бы, чтобы доказать это... Родные, загляните же в мою душу, неужели же Вы не видите, что я не враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом, что я понял все, что я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение..." В августе 1936 года Зиновьева и Каменева расстреляли.

Р. Конквест, английский историк, из книги "Большой террор" (обед у Сталина для руководителей НКВД в конце 1936 года): "Когда все основательно напились, Паукер на потеху Сталину стал изображать, как вёл себя Зиновьев, когда его тащили на казнь. Два офицера НКВД исполняли роль надзирателей, а Паукер играл Зиновьева. Он упирался, повисал на руках у офицеров, стонал и гримасничал, затем упал на колени и, хватая офицеров за сапоги, выкрикивал: "Ради Бога, товарищи, позовите Иосифа Виссарионовича!" Сталин громко хохотал, и Паукер повторил представление. На этот раз Сталин смеялся еще сильнее. Тогда Паукер ввёл новый элемент, изображая, как Зиновьев в последний момент поднял руки и обратился с молитвой к еврейскому Богу: "Слушай, Израиль, Господь Бог наш — Господь един!" Тут Сталин совершенно задохнулся от смеха и дал знак Паукеру прекратить представление..."

К. Паукер, еврей из Австро-Венгрии — попал в русский плен, вступил в партию большевиков, занимал ответственные посты в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД, награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды; в конце своей карьеры руководил охраной Сталина, который ему доверял и даже позволял брить себя. Паукера арестовали через несколько месяцев после описанного "представления" и вскоре расстреляли.

5

Московские процессы 1936—1938 годов прогремели на весь мир, и многие на Западе сочли их прекрасно выполненной театральной инсценировкой. Трудно было поверить, что старые большевики, профессиональные революционеры, могли участвовать в заговоре против государства, для становления которого они прежде не жалели жизней. Но признания обвиняемых в зале суда создавали ощущение правдоподобия, и даже те, кто считал процессы грандиозной фальсификацией, терялись в догадках: возможно, подсудимые оговаривали себя под гипнозом, или им делали уколы особых химических веществ, которые подавляли волю, а может, на скамье подсудимых сидели подставные актеры, игравшие роли обвиняемых? Н. Хрущев говорил на съезде партии (1956 год): "Как могло получиться, что люди признавались в преступлениях, которых они не совершали? Только одним путем — применением физических методов воздействия, пыток, которые заставляли арестованного терять сознание, способность мыслить, заставляли его забывать свое человеческое достоинство. Так добывались эти "признания"..."

Одних пытали, чтобы получить нужные показания, другим обещали сохранить жизнь, третьим грозили уничтожить жену и детей, если они не признают выдвинутые против них обвинения; существовало предположение, что старые большевики продолжали и на суде служить делу революции, по "приказу партии" подтверждали необходимые показания, выбитые из них на предварительном следствии.

> С. Дубнов, историк: "От всех этих явно инсценированных процессов... выносится такое впечатление: если все это правда, то выходит, что все творцы большевистской революции и основатели Советской республики, кроме умершего Ленина и живущего Сталина, суть великие злодеи и обманщики, предатели своего отечества... Если же расстрелянные невинны и пали жертвами властолюбия только одного самодержца, то новый режим в Кремле ничем не отличается от режима Ивана Грозного в шестнадцатом веке..."

Жизнь шла своим чередом, и газеты были переполнены сообщениями о достижениях социалистического общества. Экипаж самолета во главе с В. Чкаловым совершил беспосадочный перелет в Америку. Чемпион СССР гроссмейстер М. Ботвинник одержал победу на международном турнире шахматистов. Открыли в Москве институт косметики. Повысили пенсию инвалидам Гражданской войны. Снизили розничные цены на промышленные товары. Отметили двадцатилетие со дня свер-

жения самодержавия. Полярники во главе с И. Папаниным высадились на льдину в районе Северного полюса (заголовок в газете — "Большевики на полюсе!") Футбольная команда басков сыграла матч в Москве. Члены Политбюро во главе с товарищем Сталиным присутствовали на торжественном заседании в Большом театре, посвященном столетней годовщине со дня смерти А. Пушкина. Среди награжденных орденами музыкальные педагоги Столярский, Ямпольский, Цейтлин, Гнесина, лауреаты конкурсов музыкантов Ойстрах, Э. Гилельс, Е. Гилельс, Гольдштейн, Флиер, Дьяков. Вся страна с захватывающим интересом следила за спасением папанинцев с дрейфующей льдины, а одновременно с этим шли показательные процессы и расстрелы "врагов народа", поощрялось доносительство, насаждался страх во всех слоях общества.

Во время процессов 1936—1938 годов газеты публиковали гневные письма за подписью советских граждан — среди них были и евреи, никому не известные и знаменитые на всю страну. Пропаганда делала свое дело; многие верили в преступления, приписываемые обвиняемым, а если не верили — страх подавлял волю, честь, элементарную порядочность. В годы массовых репрессий каждый должен был внести свою лепту, чтобы не уйти вслед за уничтоженными. Даже самые честные люди подписывали подготовленные заранее письма с требованием расстрелять "врагов народа, недостойных ходить по земле", но это не всегда спасало: человека унижали, пачкали, делали невольным сообщником преступления, а затем ликвидировали. Двести тысяч человек на митинге в Москве и сто тысяч в Ленинграде одобрили высшие меры наказания: кто из них пришел добровольно, кто не посмел отказаться? Писатели и поэты, школьники, врачи, летчики и партийные деятели, токари, академики и полярники, ткачихи, архитекторы, артисты, композиторы и художники — нет им числа — единодушно требовали на собраниях и в газетах: "Уничтожить взбесившихся псов!", "Истребить троцкистскую нечисть!", "Расстрелять гадов!", "Добить до конца!", "Их имена прокляты навеки!", "Они не имеют права жить!", "На бойни гнать бы вас с веревками на шеях...", а также многозначительное "Распутать до конца злодейский клубок!" и "Трепещите, гады!" — предвестником очередных репрессий, жертвами которых становились те, кто только что одобрял карательные меры.

Из стихотворения украинской школьницы (к процессу Зиновьева—Каменева):

Трижды презренные, мерзкие гады,
Смертью посмели кому угрожать.
Нет! Не дождетесь вы больше пощады,
Суд вам один: как собак расстрелять...

Из книги шахтера А. Стаханова "Рассказ о моей жизни": "Когда по радио я услышал, что приговор исполнен, прямо на душе легче стало... Если бы эти гады попались к нам в руки, каждый из нас растерзал бы их. Но еще жива старая сволочь Троцкий. Я думаю, пробьет и его час, и мы рассчитаемся с ним, как полагается..."

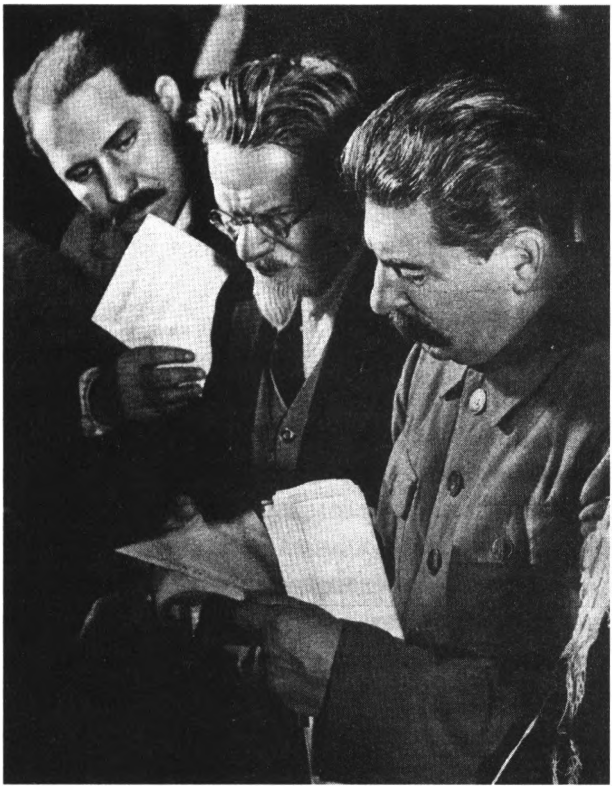
Тюрьмы и лагеря были переполнены заключенными, и один из них свидетельствовал: "У лагерника нет тыла. Колючую зону окружает еще одна ограда — сплошной высокий тын, частокол из рук, поднятых за объявление тебя, все новых и новых жертв врагами народа. За лагеря для них. Голосуют агрессивно, вытягивая руку повыше, позаметней. Голосуют миллионы. Все — против нас..."

6

В первые десятилетия советской власти евреи выдвинулись в экономике, науке, культуре, а потому их количество среди жертв "большого террора" было велико. Уничтожили и большинство евреев-коммунистов, занимавших высокие посты, — их ликвидировала та самая система, которую они создавали, и участие евреев в партийных и государственных органах значительно уменьшилось. Среди прочих были расстреляны руководители союзных наркоматов — наркомы А. Брускин, И. Вейцер, А. Гилинский, М. Калманович, Г. Каминский, И. Клейнер, А. Розенгольц, М. Рухимович. Историк А. Авторханов отметил: "Если иметь в виду количество уничтоженной интеллигенции, особенно партийной, то относительно больше всех пострадала еврейская интеллигенция. Из всех старых большевиков еврейского происхождения остался один только Каганович. Какую роль играл сам Каганович в этой расправе? Самую подлую..."

Лазарь Каганович — с четырнадцатилетнего возраста закройщик обуви, упаковщик и грузчик. В партии большевиков с 1911 года, член Политбюро с 1930 года, — его называли "одним из преданнейших учеников и помощников" Сталина. "Каганович старался походить на Сталина и физически, — отметил современник. — При Ленине он надел европейский костюм и отпустил бородку "а-ля Ильич", а при Сталине сменил костюм на сталинскую куртку, бородку снял и отрастил усы "а-ля Сталин"..." Генеральный секретарь ЦК партии Украины. Первый секретарь Московского областного комитета партии. Председатель Центральной комиссии по чистке членов партии. Чрезвычайный уполномоченный ЦК и Совнаркома по коллективизации и хлебозаготовкам. Заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК партии. Народный комиссар путей сообщения, нарком тяжелой, топливной, не-

фтяной промышленности. Заместитель председателя Совнаркома. Один из самых безжалостных инициаторов и беспощадных исполнителей карательных мер советской власти на транспорте, в промышленности и сельском хозяйстве.

И. Сталин, М. Калинин и Л. Каганович в президиуме съезда колхозников-ударников, 1936 год

В 1930 году Политбюро обязало Кагановича пройти курс лечения в Германии, так как его здоровье оказалось расстроенным из-за напряженной работы: "Строго соблюдать предписанный врачами режим (обед не позже пяти часов, отдых до обеда — полчаса, после обеда — полтора часа)"; жене Кагановича поручалось "иметь строгое наблюдение за мужем", о случаях нарушения предписанного режима "немедленно сообщать в ЦК". В 1935 году город Терновск в Московской области получил имя Каганович; железнодорожная станция Попасная в Донбассе стала именоваться Станция имени Л. М. Кагановича, а поселок возле этой станции — Город имени Л. М. Кагановича. Выстроенный в Москве первый в стране метрополитен долгое время носил его имя.

Из стихотворного послания белорусского народа (1936 год):

Звучало у нас Кагановича слово,
Он в Гомеле партию нашу растил.

Рабочие Витебска помнят Ежова,
Отдавшего много для партии сил...

Из песни на идиш к выборам в Верховный Совет:

Сталин наш вождь,
Каганович наш депутат,
А Молотов — наш раввин...

Л. Троцкий писал о нем: Каганович "имеет главные качества сталинской школы: решительность, ограниченность, хитрость". "Железного наркома" называли "талантливым организатором" с выдающимися административными способностями; он занимал одновременно несколько должностей, руководил сразу двумя наркоматами, и его работоспособность поражала современников. Многие подтверждали вклад Кагановича в развитие промышленности и транспорта, что достигалось жестоким принуждением, ценой рабского труда и огромных человеческих жертв.

В. Молотов вспоминал в преклонном возрасте: "Упорно предлагали одно время Москву переименовать в город Сталин. Очень упорно! Я возражал. Каганович предлагал. Высказывался: "Есть не только ленинизм, но и сталинизм!.." — "Сталин, конечно, был настороже в отношении евреев. Тем не менее самым преданным ему был Каганович. Берия за спиной Кагановича говорил: "Лазарь, этот Израиль..." — "Двадцать лет прошло после Сталина. Но кто со Сталиным крепко остался? Вот Каганович и я. Больше не знаю..."

Российские эмигранты внимательно следили за политической борьбой в Советском Союзе. Установление диктатуры одного человека, по их мнению, было первым шагом на пути к восстановлению монархического строя в России, и кое-кому нравилось, что Сталин изгонял евреев с высших постов страны. На Троцкого даже нападали за то, что "из семитской завистливости" он создавал в своих сочинениях "карикатурно-уродливый образ Сталина". Писатель Л. Разгон вспоминал о встрече в советской тюрьме с монархистом, вернувшимся из эмиграции; тот говорил, что чувствовал себя счастливым, когда видел камеры, заполненные "коминтерновцами, евреями, всеми политиканами, которые ничего совершенно не понимают, что же с ними происходит". Он считал, что уничтожение Сталиным коммунистов предвещало "становление русского национального государства с его великими национальными идеями". В том государстве "будет государственный антисемитизм. И снова будет процентная норма в университетах, и снова перестанут прини-

мать евреев в ведомство иностранных дел, в полицию, в жандармерию, выключат их из государственной элиты... В цивилизованной Германии малокультурный Гитлер пришел к власти, сказав "Германия — для немцев!.." И у нас выкинут этот лозунг: "Россия — для русских!" Неминуемо, неизбежно! А за этим лозунгом пойдут все, для кого евреи — конкуренты! Пойдут чиновники, профессура, журналисты, литераторы..."

Н. Устрялов — публицист, политический деятель, глава Бюро печати в армии А. Колчака — эмигрировал в Китай, был профессором университета в Харбине. В 1921 году в сборнике "Смена вех" призвал к сотрудничеству с большевиками, которые после введения НЭПа должны, по его мнению, непременно переродиться и восстановить правовое российское государство. В 1935 году вернулся в СССР, погиб в заключении в 1938 году.

Карл Радек (Собельсон), член ЦК партии большевиков — принимал участие в создании коммунистической партии Германии и подготовке восстания немецких рабочих. Исключен из партии за троцкизм и сослан в Сибирь в 1928 году. Заявил о разрыве с оппозицией, после чего его возвратили в Москву, восстановили в партии, назначили заведующим бюро международной информации ЦК партии и заведующим международным отделом газеты "Известия". Радека называли "мастером подпольной интриги и политической игры"; он был одним из самых блистательных журналистов страны; во время процесса Зиновьева—Каменева призывал к суровому наказанию обвиняемых. В 1937 году Радека судили на процессе "параллельного троцкистского центра"; о нем написали в газете: "Радек — это извивающаяся лицемерная блудливая гадина, ядовитая троцкистская гадина, за льстивой улыбкой прятавшая ядовитые зубы". В последнем слове Радек сказал среди прочего: "Не следователи нас мучили, а мы их мучили... Я обращаюсь к тем, кто были с нами связаны. Идите с повинной..." Приговорен к десяти годам лишения свободы, убит в заключении уголовниками в 1939 году — возможно, по указанию начальства.

В 1931 году побывал в СССР английский писатель Б. Шоу и написал затем, что "все преследования интеллигенции давно закончились", — а они были еще впереди. В 1936 году в Москве увидела свет книга французского писателя А. Барбюса "Сталин: Человек, через которого раскрывается новый мир". В книге сказано среди

прочего: "Во весь свой рост он возвышается над Европой и над Азией..." — "Человек с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата..." — "Фамилия дает нам его образ: Сталин — сталь. Он несгибаем и гибок, как сталь..." — "Если Сталин верит в массы, то и массы верят в него... Он спас. Он спасёт..."

В январе—феврале 1937 года побывал в Москве немецкий писатель Л. Фейхтвангер, еврей по происхождению. Он встречался и беседовал со Сталиным и написал книгу "Москва, 1937", составленную из небольших главок с самостоятельными названиями: "О несчастливой жизни на Западе", "О счастливой жизни советских граждан", "С каждым днем все лучше и лучше", "Государство — это мы", "Еще раз о счастье советских граждан" и прочее. Фрагменты из книги: "Мелкие неудобства не заслоняют от них (москвичей) того большого, которое может дать только жизнь в Советском Союзе..." — "Они точно знают, что через два года у них будет одежда в любом количестве и любого качества, а через десять лет и квартиры в любом количестве и любого качества..." — "Народ благодарен Сталину за хлеб, мясо, порядок, образование и создание армии, обеспечивающей это новое благополучие..." Переводчица Фейхтвангера, приставленная к нему, докладывала начальству: "Фейхтвангер вёл бесконечные разговоры о неудобствах жизни в Советском Союзе, жаловался на обслуживание в гостинице... Мне он иронически заявил, что... как ни прекрасно в Советском Союзе, он все же предпочитает жить в Европе..."

Фейхтвангер сомневался в законности процесса над Каменевым и Зиновьевым, но Сталин, по всей видимости, сумел убедить его и разрешил присутствовать на суде Пятакова—Радека. Фейхтвангер поверил в виновность обвиняемых и написал в своей книге: "Когда я увидел и услышал Пятакова, Радека и их друзей, я почувствовал, что мои сомнения растворились, как соль в воде..." — "Достаточно только прочесть любую книгу, любую речь Сталина, посмотреть на любой его портрет... и немедленно станет ясно, что этот умный, рассудительный человек никогда не мог совершить такую чудовищную глупость (показательные процессы), такую грубую комедию..." Книгу "Москва, 1937" отпечатали в СССР тиражом двести тысяч экземпляров и широко использовали для пропаганды; в конце 1940-х годов, во время борьбы с "безродными космополитами", книги "космополита" Фейхтвангера изъяли из магазинов и библиотек. После смерти Сталина его исторические романы и собрание сочинений издавали большими тиражами.

Очерк двадцатый

Террор в армии. Репрессии в Биробиджане. Евреи-жертвы.

Евреи в карательных органах НКВД

1

Н. Полетика, историк: "Великий страх" наступил не сразу. Он подкрадывался медленно и постепенно и хватал нас исподтишка... В этом тяжелом оцепенении "великого страха" жило все население Советского Союза более двух десятков лет. Никто не был уверен в завтрашнем дне, никто не знал, будет ли он завтра ходить на свободе... Но бежать куда-либо было уже невозможно: границы страны были на запоре..."

В Советском Союзе насаждалась атмосфера подозрительности, ненависти к врагам, страха перед карательными органами; завербованные сексоты (секретные сотрудники) внедрялись во все слои общества, особенно среди интеллигенции, находившейся под бдительным надзором. Донос процветал. Рабочий, служащий, колхозник, крупный партийный деятель, инженер и академик могли встретиться в одном лагерном бараке в результате анонимного сообщения или телефонного звонка. Страх перед арестом приводил к стремлению опередить других, первым сообщить в "органы" о подозрительном поведении или дву-

смысленной фразе соседа, знакомого, сослуживца, чтобы самому не пострадать во время террора.

На всю страну прославились знаменитые доносители, и среди них подросток Павлик Морозов, который выдал своего отца и погиб, — его возвеличивали по радио и в газетах, в школах и детских садах, ему ставили памятники, его именем называли школы, на его примере воспитывали молодое поколение. Доносы, клевета, сведение личных счетов — все это прикрывалось лозунгами о бдительности; люди научились скрывать свои мысли и говорить неправду — дома, в гостях, на работе; остерегались разговаривать откровенно с собственными детьми, которые могли проговориться в школе или на улице. Появилось теоретическое обоснование доносительства: "Чем больше арестуют, тем лучше; скорее станет понятной эта нелепость, — не могут же все граждане страны быть врагами". Появились заповеди советского человека, которые шепотом сообщали друг другу: "Не думай. Подумал — не говори. Сказал — не записывай. Написал — не подписывай. Подписал — откажись".

В разоблачении врагов участвовали дети и взрослые; в кинотеатрах показывали фильмы о шпионах и вредителях, которых ловили чекисты, пограничники и пионеры; на плакатах изображали "ежовые рукавицы", которыми нарком НКВД душил многоголовую гадину со свастикой на хвосте. Ошибка при проектировании, невыполнение завышенного плана, авария на заводе или пожар, крушение на железной дороге и падение самолета, любые проблемы и трудности вызывали обвинения в "массовом вредительстве". В газете "Правда" предостерегали: "Агрегаты сами не ломаются, котлы сами не взрываются. За каждым таким актом спрятана чья-то рука..."

> С. Боровой, историк: "Призывы к "бдительности", к преодолению "идиотской болезни беспечности"... с большой настойчивостью и последовательностью вбивались в головы... Многие, стремясь уцелеть и движимые инстинктом самосохранения, включались в борьбу с вредителями, выявляли их, иногда видя в этом средство не только уцелеть, но и расправиться с недругами, конкурентами, почувствовать свою "силу", испытывая подлую радость от сознания, что... в твоих руках судьба человека, который до этого был для тебя недосягаем..."

Врагов выявляли повсюду, и каждому руководителю могли приклеить опасный ярлык "беспечности", если в его учреждении не разоблачали достаточное количество вредителей. На партийных собраниях в Коми АССР выступавшие с гордостью сообщали о том, что им удалось разоблачить "тридцать... сорок с лишним... более пятидесяти человек..."; се-

кретари районных комитетов партии, отчитываясь перед обкомом, проставляли цифры в графе бланка: "Раскрыто врагов народа с партийным билетом в кармане..." Л. Каганович докладывал на пленуме ЦК партии: "С транспорта мы уволили 485 бывших жандармов, 220 эсеров и меньшевиков, 572 троцкиста, 1415 белых офицеров, 285 вредителей, 443 шпиона. Все они были связаны с правотроцкистским блоком..." ("уволены" — означало репрессированы). Секретарь обкома партии сообщал из Иркутска: "Партийное и советское руководство целиком было в руках врагов... Теперь начали копать в НКВД. Однако я не только не унываю, но еще больше укрепился в уверенности, что все сметём, выкорчуем, разгромим и последствия вредительства ликвидируем. Даже про хворь свою и усталость забыл, особенно когда побывал у т.т. Сталина и Молотова. Очень прошу, помогите кадрами..."

Сажали за "антисоветские высказывания" и "потерю бдительности"; сажали и казнили за "контрабандное протаскивание идей, враждебных ленинизму", за "вредительскую работу на историческом фронте" и "фальсификацию истории партии"; упрятывали за решетку "идеологически чуждые элементы" — под эту формулировку можно было отправить в лагерь, а то и расстрелять любого гражданина страны. Арестовывали и для пополнения состава принудительных лагерей — даровой рабочей силы, с помощью которой возводили промышленные объекты и перекрывали реки, прокладывали железные дороги и автотрассы, строили города, валили лес, добывали золото, уголь, медь, никель и другие полезные ископаемые в шахтах и рудниках Воркуты, Колымы, Норильска, на полуострове Таймыр и в прочих отдаленных районах страны. При планировании долгосрочных работ руководители ГУЛАГа намечали необходимое количество заключенных, а республики, области и города предоставляли в лагеря требуемое количество рабочей силы — с учетом "вероятной смертности". Шло массовое уничтожение представителей всех народов Советского Союза — ради благополучия этих самых народов, провозглашенного в программах партии, лозунгах и призывах.

Повсюду работали "тройки" и Особые совещания без участия защитника, которые уделяли обвиняемому несколько минут, а то и выносили приговоры заочно, — высшая мера наказания не подлежала обжалованию и приводилась в исполнение в тот же день. Генеральный прокурор А. Вышинский объявил презумпцию невиновности предрассудком буржуазной юстиции, и потому от следователей не требовалось доказательств вины; признание обвиняемого на предварительном следствии считали "царицей доказательств", а для получения нужных показаний работали специалисты пыточного дела — на официальном языке это называлось "активное следствие".

Из воспоминаний заключенного: "Зауряден, стандартен, ни тени эмоций... Обыкновенного рядового человека послали на обыкновенную рядовую работу: уничтожать людей... Он усвоил, впитал одну краткую формулу: приказано — сделано. Убивать? — Есть..."

> Режиссер театра В. Мейерхольд (из письма В. Молотову): "Меня здесь били, больного шестидесятипятилетнего старика: клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам сверху, с большой силой... Лежа на полу лицом вниз, я обнаруживал способность извиваться и корчиться, и визжать, как собака, которую плетью бьет ее хозяин... Смерть (о, конечно!), смерть легче этого... И я пустил в ход самооговоры в надежде, что они-то и приведут меня на эшафот..."

Сажали бывших меньшевиков, эсеров и кадетов, "буржуазных националистов" и беглых кулаков; отправляли в лагеря филателистов и эсперантистов за переписку с зарубежными "врагами"; посадили греков, обвинив в намерении провозгласить греческую республику на юге Украины; арестовали латышей, приписав им желание создать "Великую Латвию" на территории СССР. Во множестве репрессировали поляков, румын, финнов, эстонцев, литовцев — выходцев из стран, граничивших с Советским Союзом, "агентов иностранных спецслужб". Чтобы ликвидировать последователей Л. Троцкого, выявляли "затаившихся троцкистов-вредителей" в наркоматах, институтах, на заводах. Для ареста было достаточно знакомства с Троцким, работы под его началом, хранения его книг, любого обвинения в какой-либо причастности к этому человеку; просматривали даже архивные документы, приказы и письма Троцкого времен Гражданской войны, откуда вылавливали фамилии людей, подлежащих арестам. В конце 1938 года ЦК партии и Совнарком похвалили органы НКВД, проделавшие "большую работу по разгрому врагов народа", и предупредили с угрозой: "Однако не следует думать, что на этом дело очистки СССР от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов окончено..."

Страна жила под гнетом репрессий и страха, который способствовал укреплению диктаторской системы. Не было никакой логики в отборе жертв, и это увеличивало всеобщий ужас перед неминуемым, казалось, арестом. Люди исчезали из жизни, и никто не знал об их участи; жены, дети, братья и сестры репрессированных становились "членами семьи изменника родины" и сразу же оказывались в изоляции: близкие друзья, а порой и родственники опасались приходить к ним или звонить по телефону. Из записных книжек вычеркивали адреса разоблаченных

"врагов". На комсомольских собраниях в школах дети осуждали своих родителей — "врагов народа". На работе устраивали собрания, дружно одобряя очередной арест, и каялись в потере бдительности, что позволило "вредителю" "орудовать" в их коллективе. Книги репрессированных авторов удаляли из библиотек, их фамилии вымарывали из справочников, статьи о них вырезали из энциклопедий, их лица исчезали с групповых фотографий, которые продолжали публиковать. Кое-кто каялся публично в "гнилом либерализме" и "контрабанде троцкизма" — это служило лишь основанием для очередного обвинения с устрашающим приговором.

После ареста мужа и отца наступала очередь жены "изменника родины", которой грозила тюрьма или ссылка, а их "социально опасных детей" старше пятнадцати лет отправляли в лагеря или в исправительно-трудовые колонии. Маленьких детей, оставшихся без родителей и близких родственников, посылали в детские дома, и нарком Н. Ежов потребовал в приказе: "Наблюдение за политическими настроениями детей осужденных, за их учебой и воспитательной жизнью возлагаю на наркомов внутренних дел республик, начальников управлений НКВД краев и областей..."

> Сторонний наблюдатель-эмигрант (1939 год, сборник "Еврейский мир"): "Отсутствие в СССР права на жизнь вовсе не должно означать, что завтра или еще сегодня все будут убиты, а только то, что завтра или еще сегодня любого из граждан СССР, в том числе и состоящего на службе государственного убийцу, можно на государственном основании убить..."

2

11 июня 1937 года проходило в Москве заседание Военной коллегии Верховного суда СССР. На скамье подсудимых оказались прославленные командиры Красной армии, которых знала вся страна: маршал М. Тухачевский, командармы первого ранга И. Уборевич и И. Якир, командарм второго ранга А. Корк, комкоры В. Примаков, В. Путна, Б. Фельдман, Р. Эйдеман (двое русских, два латыша, два литовца и два еврея — Фельдман и Якир). Их обвинили в связях с германской разведкой, в подготовке государственного переворота и подрыве боевой готовности Красной армии, чтобы страна потерпела поражение в будущей войне. Заседание суда продолжалось несколько часов. Приговор не подлежал обжалованию. Обвиняемых расстреляли в тот же день, тела сбросили в траншею, засыпали негашеной известью и завалили землей (их матери и жены, братья с сестрами, прочие близкие родственники были

расстреляны либо исчезли в лагерях и ссылках). На другой день после казни в газете "Правда" написали: "Советские органы безопасности еще покажут, на что они способны!" — и это была не пустая угроза.

Тухачевского и других обвиняемых отправили на смерть вчерашние их товарищи по оружию, не менее прославленные командиры Красной армии, но вскоре почти все они тоже были уничтожены. Так начался террор в армии, который повлёк за собой огромные жертвы и оголил командный состав накануне войны с Германией. Были расстреляны заместители наркома обороны, командующие всех округов и флотов, начальники военных академий. Из пяти маршалов ликвидировали троих, из 16 командармов первого и второго ранга — 15, из 17 армейских комиссаров первого и второго ранга — 17, из 67 командиров корпусов — 60, из 169 командиров дивизий — 136, из 397 командиров бригад — 221, из четырех флагманов флота (адмиралов) — четыре, из шести флагманов первого ранга (вице-адмиралов) — шесть. Расстреляли начальника Разведывательного управления Красной армии и многих агентов военной разведки за рубежом; уничтожили пять тысяч старших командиров Красной армии (по свидетельству Н. Хрущева). Общее количество репрессированных за 1937—1938 годы — от командиров рот до маршалов — составило не менее сорока тысяч человек, и к этой цифре надо еще добавить двадцать тысяч офицеров-политработников.

Р. Конквест, историк: "Командарм Вацетис читал лекцию слушателям академии. После первого часа лекции полагалась короткая перемена. Когда перемена закончилась, комиссар курса объявил: "Товарищи! Лекция продолжаться не будет. Лектор Вацетис арестован как враг народа..."

Из воспоминаний: "В 1937 году в нашем третьем классе то и дело кипела "работа над учебником": мы дружно заклеивали в нем портреты. Учительница приходила в класс и говорила: "Ребята, откройте учебник на странице тридцать семь. Вы видите портрет Блюхера? Он оказался врагом народа. Давайте заклеим его портрет". Клеить приходилось чуть не на каждом уроке: Уборевич, Якир, Тухачевский, Егоров, Тимошенко... Портреты были одного размера. Это облегчало задачу: у нас были заранее заготовлены листочки. С каждым днем учебник становился все более слепым: вместо портрета — пустое белое окно. Количество этих "окон" наглядно свидетельствовало, что вокруг нас одни враги... Промашка вышла только с маршалом Тимошенко: сначала мы заклеили и прокляли его, а потом пришлось отклеивать и "реабилитировать", так как выяснилось, что он "честный человек, которого оклеветали", — так объяснила учительница..."

К 1929 году евреи составляли 2,1% от общего состава Красной армии, из них рядовые — 1,8%, командиры — 4,3%, старшие командиры — 3,4%. Имена еврейских военачальников Якира, Штерна, Фельдмана, Гамарника, Смушкевича были известны наравне с именами Тухачевского, Блюхера, Буденного, Котовского, Чапаева. Они продолжили службу в армии после Гражданской войны, заняли крупные военные посты; к началу "большого террора" они были молоды, полны сил и желания работать. Исследователи подсчитали, что в те годы расстреляли 830 высших командиров Красной армии, среди которых оказалось 207 евреев: командиры бригад, дивизий и корпусов, бригадные, дивизионные и корпусные комиссары, военные инженеры, врачи, юристы и интенданты.

Ян (Яков) Гамарник, еврей из Житомира — первый секретарь ЦК партии Белоруссии, а затем первый заместитель наркома по военным и морским делам СССР, начальник Политического управления Красной армии, армейский комиссар первого ранга, награжденный орденами Ленина и Красного Знамени. Из его характеристики: "Обладает редким талантом организатора, аналитическим умом, твердым характером, любое задание доводит до конца". Гамарник застрелился во время арестов 1937 года — было ему тогда сорок три года. На собраниях его клеймили: "Подлый двурушник Гамарник вёл предательскую работу..." При перечислении "военачальников-шпионов" Сталин сказал: "...и ушедший от суда Гамарник". В газете "Правда" сообщили: "Бывший член ЦК ВКП(б) Я. Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо, боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством". Тело Гамарника кремировали, но прах семье не выдали. Его жену расстреляли, мать отправили в лагерь, а дочь — в детский дом НКВД, где она встретилась с детьми других уничтоженных военачальников.

Григорий Штерн из украинского города Смела был главным военным советником республиканской армии во время Гражданской войны в Испании, за что его наградили орденом Красного Знамени. В 1938 году командовал войсками против японцев у озера Хасан на Дальнем Востоке и получил второй орден Красного Знамени. Через год советские войска под командованием Штерна разбили японцев при Халхин-Голе в Монголии, и ему присвоили звание Героя Советского Союза. Во время войны с Финляндией Штерн командовал армией, за успешные действия был награжден орденом Ленина, получил звание генерал-полковника. Расстрелян в октябре 1941 года в Куйбышеве, вместе с другими крупными военачальниками.

Яков Смушкевич, еврей из литовского местечка — руководил советскими летчиками в Испании, на истребителе И-15 сбил несколько самолетов противника и получил звание Героя Советского Союза. Коман-

довал авиацией во время сражения с японцами при Халхин-Голе; за четыре дня боев летчики под его командованием сбили шестьдесят четыре вражеских самолета, после чего Смушкевич стал дважды Героем Советского Союза (четвертый в стране, дважды награжденный высшей военной наградой). В 1939 году его назначили начальником военно-воздушных сил Красной армии, и он получил звание генерал-лейтенанта. Маршал Г. Жуков вспоминал: "Смушкевич был великолепным организатором, отлично знавшим боевую лётную технику и в совершенстве владевшим лётным мастерством. Он был исключительно скромный человек, прекрасный начальник". Депутата Верховного Совета СССР Смушкевича арестовали в июне 1941 года в больнице, после тяжелой операции, и увезли на носилках в тюрьму. В октябре того года, в разгар войны с Германией, его перевезли в Куйбышев и там расстреляли — было ему тогда тридцать девять лет.

Командующий военно-воздушными силами СССР Яков Смушкевич

Дмитрий Шмидт, сын сапожника, Георгиевский кавалер — в годы Гражданской войны командовал кавалерийской дивизией, прославился среди казаков отчаянной храбростью, награжден двумя орденами Красного Знамени. Известный всей армии "Митька" Шмидт был сторонником Троцкого, и когда того исключали из партии, Шмидт — по свидетельству очевидцев — приехал на партийный съезд в черкеске, в папахе на голове, подошел к Сталину и пригрозил: "Смотри, Коба, уши отрежу!" Сталин не прощал обид-

чикам, затаив гнев до нужного момента; Шмидта арестовали в 1936 году, одним из первых среди высших офицеров, — в то время он командовал танковой бригадой. Его пытали, чтобы получить нужные показания, и расстреляли в 1937 году.

В разные времена евреи были начальниками Военно-химической академии, Военной академии механизации и моторизации, Военно-хозяйственной, Военно-воздушной и Военно-морской академий, — их всех уничтожили.

Иона Якир, еврей из Кишинева — храбрый и талантливый командир в годы Гражданской войны. После учреждения ордена Красного Знамени получил его вторым в стране — было ему тогда двадцать два года. Командовал Южной группой войск против С. Петлюры и А. Деникина; вывел из окружения три дивизии, совершив с боями пятисоткилометровый рейд в тылу противника, — за проведение этой операции был награжден вторым орденом Красного Знамени (был ранен несколько раз, награжден за храбрость золотым оружием; третий орден Красного Знамени получил за бои с польской армией). Якир командовал разоружением полка Мишки Япончика, а затем и отрядов Н. Махно; во время разгрома оппозиции поддерживал исключение из партии Л. Троцкого, Г. Зиновьева, Л. Каменева и их сторонников. Член ЦК ВКП(б), командующий Киевским военным округом — Якир пользовался среди командиров огромным уважением и авторитетом. В 1935 году он проводил широкомасштабные маневры, в которых участвовали десятки тысяч солдат, сотни танков и самолетов. На этих маневрах впервые в мировой военной практике произвели спуск на парашютах более тысячи солдат, захвативших "вражеский аэродром", на который сразу же начали приземляться самолеты с пехотинцами и тяжелым вооружением. Маневры поразили западных военных наблюдателей; глава французской делегации заявил: "Видел отличную, серьезную армию весьма высокого качества и в техническом, и в моральном отношении... Ваш танковый парк поистине чудесен. Авиацией я восхищен. Парашютный десант под Киевом не имеет прецедента в мире". Маршал И. Баграмян свидетельствовал: "Служба в войсках, которыми командовал Якир, была академией воинского воспитания и высокого оперативно-тактического мастерства. Не случайно все важнейшие маневры и крупные общевойсковые учения с отработкой самых важных оперативно-тактических вопросов проводились в то время в Киевском военном округе". В преддверии будущей войны Якир создал на Украине систему оборонительных рубежей, на которых можно было остановить противника в случае внезапного его нападения; после сближения СССР с Германией эти укрепления были разоружены и ликвидированы.

Командарм
первого ранга
Иона Якир

Командарма первого ранга Якира арестовали в поезде по пути в Москву, сорвали знаки отличия с орденами; со скамьи подсудимых он кричал судьям: "Посмотрите мне в глаза! Неужели вы не понимаете, что все это ложь?!.." В день расстрела ему было сорок один год.

Перед смертью Якир послал письмо Сталину: "Я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к вам, к партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма". На этом письме Сталин начертал: "Подлец и проститутка", Ворошилов приписал: "Совершенно точное определение", Молотов подписался под этими словами, а Каганович добавил: "Предателю, сволочи и... (нецензурное слово) одна кара — смертная казнь". Впоследствии Н. Хрущев сообщил на съезде партии: "В момент расстрела Якир воскликнул: "Да здравствует партия! Да здравствует Сталин!" Когда Сталину рассказали, как вёл себя перед смертью Якир, Сталин выругался в его адрес..."

3

Иностранные евреи, поселившиеся в Биробиджане, попали под подозрение в период всеобщей шпиономании. Их считали агентами иностранных разведок, вербовавших себе помощников; многие из них были арестованы, расстреляны, погибли в лагерях или бесследно исчезли —

переселенцы из США, Польши, Франции, Германии, Бессарабии, подмандатной Палестины. Время было суровое и безжалостное; приходилось лгать, чтобы выжить, притворяться на улице и на работе, славословить вождей и советский образ жизни. "Я навсегда покинул капиталистический ад и вступил на советскую землю... — писал в журнале "Трибуна" переселенец из США. — Прежде я был лишним человеком. А теперь? Теперь я знатный гражданин своей социалистической родины, строитель социализма..."

Но славословия не всегда помогали в годы террора. Один из заключенных вспоминал встречу в лагере со своим другом, евреем-коммунистом из Аргентины: "Он был молод, красив, жизнерадостен, и вот теперь лежал в палате и умирал... Я увидел старое, обросшее седой щетиной лицо. Глаза были приоткрыты. Он прерывисто дышал, на лбу блестели капельки пота... "Яша, не узнаешь меня? Это я, Иосиф..." Что-то изменилось в его лице, появился проблеск осмысленности. Он пытается приподняться, но хватается за грудь, долго и тяжело кашляет... Смотрит на меня и шепчет: "Где Лещинский?" — "Расстрелян в тридцать седьмом". — "Авербух?" — "Получил десять лет". — "Мечтали мы о таком?.." Через два дня его не стало..."

В 1937 году советский посол в США сообщил, что прекращается прием иностранных евреев, так как в Биробиджане обнаружили разветвленную японскую шпионскую сеть. "Враги держали район в состоянии сплошного прорыва, чтобы подорвать веру в построение Еврейской автономной области... — разъяснили в газете "Эмес". — Этот националистический шантаж теперь разоблачен..."

> Репрессии коснулись всего населения Биробиджана, без различия национальной принадлежности. Из 311 делегатов первого областного съезда Советов арестовали 234, расстреляли — 114. Из 319 делегатов второго съезда Советов области репрессированы 227 человек, расстреляны и умерли в заключении — 166. Уничтожили одну за другой три смены руководителей Биробиджана: председателей облисполкома и райисполкомов, секретарей обкома партии и их заместителей, командиров воинских частей и пограничных отрядов, расположенных на территории области. Органы НКВД объявили о существовании корейского "повстанческого центра" — более четырех тысяч корейцев выслали в Казахстан и Узбекистан.

"Врагов народа" из Биробиджана обвинили в намерении "отторгнуть от СССР этот цветущий край и отдать его фашистским интервентам". Один из заключенных — после непрерывных пятисуточных истязаний — подписал такое "признание": "Я вместе с Либербергом и Левиным пла-

нировал создать Биробиджан-Го под властью Японии...” Расстреляли Я. Левина — в прошлом первого секретаря Биробиджанского райкома; расстреляли председателя облисполкома И. Либерберга, “воинствующего националиста, сохранившего свое нутро под маской большевика”; арестовали секретаря обкома партии М. Хавкина. В газете “Эмес” написали: “В руководстве Еврейской автономной области оказался отвратительный гнойник... Хавкин все время хвастал... будто это он разоблачил троцкистского мерзавца Либерберга и его клику. Но, как оказывается, Хавкин долгое время знал, что Либерберг троцкистский мерзавец, и он это замалчивал”.

В годы “большого террора” в Биробиджане были арестованы около восьми тысяч человек. Списки репрессированных евреев включали представителей разных специальностей: фотограф, начальник пристани, директор педагогического техникума, дворник, часовой мастер, электромонтер, председатель промысловой артели, слесарь, машинист паровоза, библиотекарь. Арестовали сотрудников газеты на идиш “Биробиджанер штерн” и газеты на русском языке “Биробиджанская звезда”. Погиб в заключении И. Форер из Аргентины, председатель колхоза “Икор” — за “шпионаж в пользу Польши”. Хотели арестовать и бухгалтера колхоза, еврея из Германии; когда же выяснилось, что незадолго до этого он умер, то приказали разрыть могилу, чтобы сфотографировать тело.

По всему Биробиджану репрессировали во множестве русских и украинцев — рабочих, колхозников, руководителей производства; некоторые села обезлюдели, и современник тех событий вспоминал: “В 1937 году урожай выдался отменный, но убирать было некому... Пшеница сыпалась на корню, а зерно, что успели привезти на ток, загоралось в буртах. Арестованных из окрестных деревень свозили в наше Дежнево и размещали в сарае. После обеда к селу причалил пароход, и потянулась масса крестьян, насильно оторванных от земли и родных очагов, под усиленной охраной к пароходу... Обезумевшая от горя толпа... двинулась вдоль берега за пароходом. Картина была потрясающая. Казалось, сама река стонала и рыдала...”

Жизнь в Еврейской автономной области продолжалась, возводили фабрики и заводы, но теперь уже подневольным трудом. На территории области располагались несколько отделений ГУЛАГа, которые насчитывали более двадцати тысяч заключенных.

4

К 1938 году разгромили общины русских католиков Москвы и Ленинграда, репрессировали мусульманских священнослужителей и лютеранских пасторов, закрыли в Ленинграде буддийский храм, а его служителей

расстреляли по обвинению в шпионаже в пользу Японии. Отправляли в лагеря православных священников, старообрядцев, баптистов и толстовцев, — раввины и главы подпольных иешив не избежали общей участи. В годы "большого террора" были расстреляны и погибли в заключении раввин Бердичева Ш. Фридман, раввин белорусского города Койданово Б. Израэлит, раввин Саратова И. Багатин, раввин Полтавы Д. Гринперс, раввин из Киева Х. Тверский, раввин Борисова Я. Режик, раввин Шклова М. Файнштейн, раввин Я. Шапира из украинского города Лубны (замучен на допросах), раввин из Одессы Х. Фишман и другие.

С начала 1930-х годов в Москве и Подмосковье проходили аресты раввинов и религиозных деятелей. В конце 1937 года осведомитель сообщил в НКВД, что раввин главной московской синагоги Ш. Медалье заявил в частном разговоре: "Еврейская религия в СССР... загнана в подполье... Биробиджан — советская колония. Еврейскому народу необходимо сплочение... чтобы спастись от наступления коммунизма в СССР". Раввина Ш. Медалье, его сына и зятя, председателя правления московской общины М. Брауде и группу религиозных евреев обвинили в шпионаже в пользу Польши и поддержке подпольных хедеров и иешив. Раввина и еще несколько человек расстреляли, остальных арестованных отправили в лагеря; власти официально сообщили, что в Москве раскрыто "вражеское гнездо раввинов", которые "выполняли задания фашистских разведок".

В 1937—1938 годах в Ленинграде прошли аресты верующих евреев, которым предъявили обвинения в "контрреволюционной пропаганде", — более двадцати человек погибли в заключении. В 1937 году расстреляли без суда девять хахамов — религиозных еврейских лидеров грузинского города Цхинвали. В следующем году раввина Давида Баазова в Тбилиси приговорили к высшей мере наказания за участие в подпольной сионистской деятельности; смертный приговор заменили ссылкой в Сибирь.

> Ф. Баазова, из воспоминаний (после вынесения отцу смертного приговора): "Бабушке сказали, что суд отложили... После ареста отца она установила пост "до прихода Давида". И вот пошел девятый месяц, как она постится четыре раза в неделю, а Давид вместо дома отправился в камеру смертников. Кто скажет ей об этом? Она ни на что не жалуется. Все принимает от НЕГО как благо, за все благодарит ЕГО. Она садится одна за стол... произносит кидуш и медленно читает Агаду... Девяностолетняя бабушка, при свете свечей, одна справляет седер. У нее большое потомство — дети, внуки, правнуки, праправнуки... Но никто, никто не пришел сегодня в наш дом, чтобы не омрачить себе праздник Песах. Или страх, страх гонит всех евреев подальше от нашего прокаженного дома? Свечи

медленно догорают. Бабушка проглатывает кусочки пищи вместе со скупыми слезами..."

В 1939 году арестовали раввина Днепропетровска рабби Леви Ицхака Шнеерсона и еще несколько евреев; их признали участниками "антисоветского еврейского клерикального подполья", сослали в Казахстан, и рабби Шнеерсон (отец седьмого Любавичского ребе) умер по окончании ссылки. Кое-где синагоги продолжали действовать, а председателями правлений назначали людей, далеких от религии, послушно выполнявших приказания; один из них сообщал о своих заслугах: "Именно я удалил из синагоги (Ленинграда) ритуалы: резку птиц, обрезание, венчание, разводы... и прочие атрибуты". В 1940 году в единственной синагоге Ленинграда не оказалось раввина, и некому было провести осенние праздники.

В деревне Ильинка Воронежской области жили геры — русские крестьяне, принявшие иудаизм. Раввин З. Либерман был у них также резником, меламедом, кантором в синагоге, делал обрезание новорожденным мальчикам; он организовал в деревне производство талесов на продажу и поставку в Воронеж кашерного мяса. В 1937 году в Ильинке закрыли синагогу и конфисковали свитки Торы; рава Либермана арестовали, и он погиб в заключении. Многие годы крестьяне Ильинки помогали семье своего раввина; в конце двадцатого века большинство жителей деревни переехало в Израиль.

5

Руководящих работников карательных органов страны назначали и смещали по решениям Политбюро; они проводили массовые репрессивные акции по указаниям сверху и по собственной инициативе, а потому стали ответственными за уничтожение и содержание в лагерях миллионов людей. С 1931 по 1933 год шло строительство Беломоро-Балтийского судоходного канала, соединившего Белое море с Балтийским; это была первая крупная стройка, выполненная принудительным трудом, на которой погибло около ста тысяч заключенных. По окончании работ оставшихся в живых — с добавлением новой рабочей силы — перебросили на строительство канала Москва—Волга. В те годы начальником ГУЛАГа был М. Берман, начальником строительства Беломорканала — Л. Коган.

Во время НЭПа приехал из Турции Н. Френкель (до революции — прораб строительных работ на Украине), которого арестовали, осудили на десять лет заключения по уголовному делу и отправили на Соловки. По всей видимости, Френкель предложил властям план реорганизации принудительных лагерей и способ повышения производительности тру-

да заключенных — введением разных норм питания в зависимости от дневной выработки. Его привезли к И. Сталину на продолжительную беседу, после чего Френкеля освободили, назначили начальником производственного отдела ГУЛАГа, затем — начальником работ на строительстве Беломоро-Балтийского канала, по окончании которых наградили орденом Ленина. Он был энергичен, деловит, изобретателен; в книге о Беломор-канале о нем сказано: "Глаза следователя и прокурора, губы скептика и сатирика... Человек большого властолюбия и гордости, для которого главное — власть безраздельная. Если надо, чтобы его боялись, — пусть боятся".

Френкель командовал строительством второго пути Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, был заместителем начальника ГУЛАГа, начальником Главного управления лагерей железнодорожного строительства; во время войны с Финляндией выполнял правительственное задание — построить за три месяца силами заключенных железную дорогу в Карелии, для подвоза военной техники и боеприпасов. Получил еще два ордена Ленина, в звании генерал-лейтенанта ушел на пенсию.

> А. Солженицын (из книги "Архипелаг ГУЛАГ"): "Френкель был выдающихся способностей не только в коммерции и организации. Охватив зрительно ряд цифр, он их суммировал в уме. Он любил хвастаться, что помнит в лицо сорок тысяч заключенных и о каждом из них — фамилию, имя, отчество, статью и срок... Голос у него был гнусавый, обычно спокойный. Рост — низенький. Носил Френкель железнодорожную генеральскую папаху, синюю сверху, красную с изнанки, и всегда, в разные годы, френч военного образца... Жил он, как Троцкий, всегда в поезде, разъезжавшем по разбросанным строительным боям... Любил звонить на объекты по ночам, поддерживая легенду о себе, что никогда не спит... Умер в Москве в пятидесятые годы в звании генерал-лейтенанта, в старости, в почете и покое. Мне представляется, что он ненавидел эту страну..."

Евреи — руководящие работники НКВД были в основном ровесниками двадцатого века; их социальное происхождение разнообразно: из семьи торговца, сапожника и портного, пекаря и сторожа, столяра, печника и кровельщика, врача, учителя, журналиста и счетовода, владельца типографии и хозяина кирпичного завода. Некоторые из них закончили гимназию, прослушали курсы в университете, но большинство проучилось лишь один-три класса в начальной школе или в ремесленном училище (около 40% руководящих работников НКВД разных национальностей имели начальное образование, еще 40% — среднее или незаконч-

ное среднее). В числе прочих чекистов евреев награждали орденами, знаками "Почетный работник ВЧК-ОГПУ" и "Заслуженный работник НКВД". В 1937 году, к двадцатилетию создания ВЧК, опубликовали список награжденных сотрудников: из 407 человек — 56 евреев.

Перемещения в системе НКВД были нередки в связи с чистками аппарата, а потому руководители этой организации не засиживались долго на одном месте — порой на несколько месяцев до ареста. После московских процессов уничтожили многих ответственных работников НКВД и следователей, тех, кто непосредственно участвовал в подготовке и проведении суда, знал методы воздействия на обвиняемых, понимал механику невиданных прежде массовых репрессий. Это была "ликвидация ликвидаторов": за годы "большого террора" казнили несколько тысяч сотрудников НКВД; некоторые успели застрелиться перед арестом или выброситься из окна. Были расстреляны все комиссары государственной безопасности первого и второго ранга — их звания приравнивались к званиям генерала армии и генерал-полковника. Расстреляли наркома НКВД Г. Ягоду. Расстреляли наркома Н. Ежова и заклеймили его методы названием "ежовщина".

На основании архивных материалов исследователи выделили 570 руководителей карательных органов СССР за 1934—1941 годы; еврейское присутствие среди них было значительным до 1938 года, а затем пошло на убыль. Н. Хрущев свидетельствовал, что наркомы внутренних дел Ежов и Берия проводили чистку евреев в НКВД. Убирали не только евреев, но и работников "иностранных национальностей" — немцев, поляков, латышей, а также представителей других народов. К 1941 году были расстреляны или погибли в заключении примерно 85% поляков из списка в 570 человек, 75% евреев, 70% латышей, 40% белорусов, 32% русских, около 26% украинцев — взамен уничтоженных шёл набор новых сотрудников, и в руководстве НКВД увеличивалось количество русских и украинцев.

Террор постепенно утихал, его размеры — по сравнению с прошлым — уже не казались чудовищными. Наркомом НКВД назначили Берию, кое-кого возвратили из лагерей, и в этом усмотрели наступление лучших времен; оптимистам показалось, что самое страшное осталось позади. Р. Конквест, историк: "К моменту падения Ежова было арестовано не менее пяти процентов населения — каждый двадцатый... Следователи по-прежнему спрашивали обвиняемых — кто ваши сообщники? Таким образом, за каждым арестом автоматически следовало еще несколько. Если бы репрессии продолжались еще некоторое время, и каждый подсудимый называл двух-трех сообщников, то новая волна поглотила бы десять—пятнадцать процентов населения, а потом — тридцать—сорок пять процентов... Террор достиг крайнего предела. Продолжать было не-

возможно — экономически, политически и даже физически: следователей не хватало, тюрьмы и лагеря были забиты до отказа. А между тем массовый террор выполнил свою задачу. Страна была подавлена".

> Ф. Баазова, из воспоминаний: "С утра и до поздней ночи всюду — на улицах, в домах и учреждениях — гремело радио и слышались песни, восхваляющие "вождя народов" и его "верного и испытанного соратника... "саблю, вынутую из ножен" — Берия. Древние прекрасные грузинские застолья превратились в арену идолопоклонства, где каждое слово, каждая песня служили выражением преклонения и безграничной благодарности "творцу счастливой жизни", величайшему сыну Грузии. Но за этим шумным и веселым миром был другой, незримый мир, где... убитые горем люди со страхом и трепетом скрывали свою трагедию..."

6

Генрих Ягода, из семьи печатника — работал учеником провизора, в 1907 году примкнул к анархистам, имел партийные клички Сыч, Тёмка, Одинокий, Галушкин; затем вступил в партию большевиков. С 1923 года — второй заместитель председателя ОГПУ, руководил разведкой и контрразведкой органов безопасности; с 1934 года — нарком внутренних дел СССР, член ЦК партии, генеральный комиссар государственной безопасности, один из организаторов массовых репрессий в СССР. Награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Ленина; учредил в НКВД особую группу, которая разрабатывала сильно действующие яды. Переведен на должность наркома связи, расстрелян в 1938 году по делу "антисоветского правотроцкистского блока".

Яков Агранов, из семьи рабочего — закончил четыре класса училища. С 1933 года заместитель председателя ОГПУ, затем первый заместитель наркома внутренних дел СССР, комиссар государственной безопасности первого ранга. Награжден двумя орденами Красного Знамени, расстрелян в 1938 году.

> К началу 1937 года в составе местных карательных органов (без учета работников главного управления НКВД) было 15 570 русских (65%), 2509 украинцев (10,5%), 1776 евреев (7,4%), 980 белорусов (4,1%), 426 армян (1,8%), 363 татарина (1,5%), 298 грузин (1,2%), 256 латышей (1,1%), 169 казахов (0,7%), 144 поляка (0,6%).

С 1934 по 1941 год евреи занимали должности наркомов внутренних дел союзных республик — порой на непродолжительные сроки, как и

прочие работники НКВД. И. Леплевский руководил наркоматом внутренних дел Белоруссии, а затем Украины; Б. Берман был наркомом НКВД в Белоруссии, М. Раев — в Азербайджане, Н. Райский — в Узбекской ССР, Л. Залин — в Узбекистане и Казахстане (расстреляны в 1937—1940 годах). Заместителями наркома внутренних дел СССР были М. Берман, Л. Бельский, С. Жуковский и М. Фриновский, незадолго до казни ставший наркомом военно-морского флота СССР (ликвидированы в 1939—1941 годах). Евреев назначали наркомами внутренних дел автономных республик — Башкирской, Татарской, Мордовской, Северо-Осетинской, Немцев Поволжья (уничтожены в годы "большого террора").

А. Беленький — член партии большевиков с 1902 года, получил знак "Почетный работник ВЧК-ГПУ" № 3 (после Ф. Дзержинского и Я. Петерса). Начальник охраны председателя Совнаркома В. Ленина (1919—1924 годы), начальник специального отряда по охране руководителей страны, особоуполномоченный при наркоме внутренних дел. Расстрелян в 1941 году.

Я. Серебрянский, в прошлом член партии эсеров — был на нелегальной работе ОГПУ в Палестине, Бельгии, Франции, руководил операцией по похищению из Парижа царского генерала А. Кутепова; в 1937—1938 годах стал начальником спецгруппы НКВД по проведению террора и диверсий за границей. Награжден двумя орденами Красного Знамени и двумя орденами Ленина. Приговорен к высшей мере наказания в 1941 году, амнистирован и освобожден. Вновь попал в тюрьму в 1953 году, после ареста Л. Берии, умер в заключении во время следствия.

Г. Люшков, еврей из Одессы — депутат Верховного Совета СССР, начальник управления НКВД Дальневосточного края. Принимал участие в репрессиях того времени, награжден орденом Ленина; в 1938 году получил приказание приехать в Москву. Понимая, что подошла его очередь, сумел переправить семью в Финляндию, а сам бежал в Маньчжурию и попросил у японцев политическое убежище. Опубликовал в газетах серию интервью, разоблачавших сталинский террор, был советником при генеральном штабе японской армии; убит в 1945 году при невыясненных обстоятельствах и тайно кремирован под именем японского военнослужащего.

К весне 1937 года высший командный состав НКВД насчитывал 111 человек — нарком внутренних дел СССР и его заместители, начальники главных управлений, наркомы внутренних дел союзных и автономных республик, начальники управлений НКВД краев и областей. Евреи составили среди них в том году 37,8% (42 человека), русские — 31,5% (35 человек), латыши — 7,2% (8 человек), украинцы — 5,4% (6), поляки — 4,5% (5), грузины — 4,5% (5), белорусы —

2,7% (3 человека). К концу 1939 года высший командный состав НКВД насчитывал 172 человека. После проведенных чисток и набора новых сотрудников русские составили 64,5% (111 человек), украинцы — 16,9% (29), грузины — 7% (12), евреи — 3,5% (6), белорусы — 1,7% (3 человека), латыши, поляки и немцы — ни одного.

В 1922—1929 годах начальником Иностранного отдела ОГПУ (внешней разведки) был М. Трилиссер, впоследствии секретарь исполкома Коминтерна (расстрелян в годы "большого террора"). В 1935—1938 годах эту должность в НКВД занимал А. Слуцкий, награжденный двумя орденами Красного Знамени. Он принимал деятельное участие в уничтожении социалистической партии Каталонии, члены которой воевали на стороне республиканцев в Испании; лидеры этой партии не соглашались с политикой коммунистов, а потому их обвинили в троцкистском заговоре и расстреляли. В 1938 году Слуцкого отравили в кабинете заместителя наркома НКВД М. Фриновского, предложив чай с пирожными, начиненными цианистым калием. Было объявлено, что смерть наступила от сердечного приступа; в официальном некрологе Слуцкого назвали "бесстрашным бойцом за дело рабочего класса, чье имя было известно во всех уголках СССР и наводило ужас на врагов" (через два месяца после этого Слуцкого посмертно исключили из партии как "врага народа"; участников отравления расстреляли). Затем недолгое время обязанности начальника Иностранного отдела НКВД исполнял С. Шпигельглас (уничтожен в 1938 году).

Операцией по ликвидации Троцкого (операция "Утка") руководил еврей Н. Эйтингон, организатор многих акций НКВД на Западе. Выполнив задание, Эйтингон вернулся в Москву, был принят Сталиным, награжден орденом Ленина, назначен заместителем начальника Главного разведывательного управления Красной армии. Во время Отечественной войны Эйтингон стал заместителем начальника особого отдела по организации сопротивления в тылу врага, провел много времени в партизанских отрядах, получил звание генерал-майора и орден Суворова. После войны участвовал в добывании атомных секретов США, но в 1952 году его сняли со всех должностей и поселили на даче под Москвой, где он жил под охраной в полной изоляции, без посетителей, радио и газет. После смерти Сталина был арестован Л. Берия и его "особо доверенные люди"; Эйтингона привезли к следователю, и он сказал в ответ на грубое обращение: "В свое время Иосиф Виссарионович обещал, что, пока он жив, ни один волос с моей головы не упадет. А вы так со мной разговариваете, что я понимаю: нет в живых товарища Сталина". Эйтингона приговорили к двенадцати годам заключения; когда он отбыл полностью этот срок и вернулся в Москву, на вокзале его встречали старые

друзья — с цветами, шампанским и ордером на квартиру в столице. Сын Эйтингона сказал об отце: "Он был предан идее и верил, что дело, которому он служил, приближает час торжества высоких идеалов".

К началу 1940 года в центральном аппарате НКВД русские составляли 84% (3073 человека), украинцы — 6% (221), евреи — 5% (189), белорусы — 1,25% (46 человек).

В сентябре 1937 года начался новый год по еврейскому летосчислению. Этот год, год немыслимого террора, в буквенном обозначении назывался на иврите "тирцах", что в переводе означает — "убей".

Трудно установить точное количество арестованных в годы "большого террора", о которых впоследствии сообщили семьям: "репрессирован незаконно, реабилитирован посмертно". Английский историк Р. Конквест приводит следующие примерные цифры (без учета арестованных за уголовные преступления): "В тюрьмах и лагерях на январь 1937 г. — около 5 миллионов. Арестовано между январем 1937 г. и декабрем 1938 г. — около 7 миллионов. Итого 12 миллионов. Из них расстреляно — около 1 миллиона. Умерло в заключении в 1937—1938 гг. — около 2 миллионов. Итого погибших — около 3 миллионов. В заключении на конец 1938 года — около 9 миллионов..." По оценкам исследователей, не более десяти процентов заключенных, арестованных в 1936—1938 годах, выжило в лагерях — на голодном пайке и непосильной работе.

Официальные советские данные расходятся с этими цифрами. Из секретной записки комиссии Президиума ЦК КПСС о нарушениях законности в период культа личности И. Сталина (1963 год): "Всего за 1937 и 1938 годы арестовано 1 372 392 человека, из них расстреляно 681 692 человека..." (количество заключенных, умерших в лагерях от недоедания и болезней, не указано). Для сравнения: в 1912 году количество сосланных на каторгу в Российской империи составило 32 000 человек, общее число заключенных — 183 949; в стране было 700 тюрем, которые могли вместить 200 000 человек.

Жертва режима — одна из неисчислимого множества. В 1926 году экономист Яков Оссовский написал статью о необходимости многопартийной системы в СССР, о праве на легальное существование меньшевиков и эсеров, так как нормальное развитие страны

невозможно без свободного обмена мнениями. Эту было время борьбы с троцкистами, и статью напечатали в журнале "Большевик", чтобы показать, "куда ведут ошибки новой оппозиции". И. Сталин назвал автора статьи "врагом партии"; Н. Бухарин написал в газете "Правда", что идеи Оссовского "расшатывают... основу диктатуры пролетариата, единство нашей партии и ее главенствующее положение в стране". Оссовского исключили из партии за "пропаганду буржуазной идеологии"; он отказался признать свои ошибки и решил уехать в Иерусалим, где жил его отец. Жена Оссовского умерла; после многих хлопот разрешение на выезд получили его дочери — десяти, двенадцати и шестнадцати лет. В 1934 году они уехали к дедушке, а Оссовского вскоре арестовали, обвинили в контрреволюционной деятельности и в намерении нелегально "перейти персидскую границу". Обвиняемый ответил на это, что он не контрреволюционер, однако готов пойти на все, чтобы оказаться возле своих детей.

Его отправили в психлечебницу и в истории болезни записывали не только состояние здоровья, но и "антисоветские разговоры" с другими больными; среди прочего Оссовский критиковал политику коллективизации деревни, отказывался от советского гражданства, требовал освободить его от "НКВД СССР, который содержит его в режиме мордобоя, пыток и унижений". Во врачебном отчете отмечено: во время прогулки Оссовский начертил на песке формулу и разъяснил больным, что строгости политического режима прямо пропорциональны величине государственной задачи и обратно пропорциональны уму правящего класса. Письма Оссовского в Палестину не попадали по назначению; в них он жаловался, что ему "не хватает только Иерусалима, дорогих детей и исследовательской работы". В 1940 году Оссовского перевели из психбольницы в следственную тюрьму, откуда он жаловался М. Калинину: "НКВД умерщвляет меня как отца моих детей, как сына моего народа, как труженика для науки. В нечеловеческих условиях я вчерне подготовил следующие труды: "Происхождение Израиля", "Моисеева демократия", "Закон социальных равновесий", "Три синтеза". Я должен все это держать в голове или писать микробисером и быть обворованным — это тоже пытка..." В 1942 году Яков Оссовский умер в тюрьме; его внуки и правнуки живут в Израиле.

Н. Мандельштам, из воспоминаний: "Ничто не связывает так, как общее преступление: чем больше запачканных, замешанных, запутанных, чем больше предателей, стукачей и доносчиков, тем

больше сторонников у режима, мечтающих, чтобы он длился тысячелетиями...” — “Люди, живущие при диктатуре, быстро проникаются сознанием собственной беспомощности и находят в ней утешение и оправдание своей пассивности... Мы все пошли на мировую: молчали, надеясь, что убьют не нас, а соседа...” — “Раздавленные системой, в построении которой так или иначе участвовал каждый из нас, мы оказались негодными даже на пассивное сопротивление. Наша покорность разнуздывала тех, кто активно служил этой системе, и получался порочный круг. Как из него выйти?..”

У наркома внешней торговли А. Розенгольца при обыске обнаружили в заднем кармане брюк листок бумаги. На этом листке его жена записала фрагменты из псалмов царя Давида, чтобы они отвели беду от мужа. Прокурор А. Вышинский прочитал на заседании суда при веселом оживлении зала: “Восстанет Бог, рассеются враги Его, убегут ненавидящие Его от Него...” — “Как это попало к вам в карман?” Розенгольц пояснил: “Перед моим уходом на работу жена положила мне в карман. Она сказала, что это на счастье”. Вышинский: “И вы несколько месяцев носили это “счастье” в заднем кармане?..” Прокурор подмигнул публике. Раздался хохот. Слушание дела закончилось. Подсудимых расстреляли.

Отрывок из девяносто первого псалма, записанный на том листке: “Живущий под покровом Всевышнего в тени Всемогущего обитает. Скажу Господу: убежище мое и крепость моя — Бог мой, на которого полагаюсь, ибо Он спасет тебя от сети птицелова, от мора гибельного. Крылом Своим Он укроет тебя и под крыльями Его найдешь убежище...”

Очерк двадцать первый

Всесоюзная перепись 1939 года. Изменения в демографическом, социальном и экономическом положении евреев СССР. Сближение Москвы и Берлина

1

В конце 1936 года проходил Чрезвычайный Всесоюзный съезд Советов, на котором И. Сталин произнес доклад "О проекте Конституции Союза ССР". Среди прочего он сказал: "У нас уже осуществлена первая фаза коммунизма — социализм... Мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни".

Проект конституции составили Н. Бухарин и К. Радек, которых затем уничтожили. Конституция провозглашала право на труд и на отдых, право на образование и материальное обеспечение в старости; она гарантировала свободу слова, печати, собраний и демонстраций — все то, чего были лишены жители первого в мире социалистического государства. Все граждане СССР получили равные права независимо от их социального положения, и с этого момента исчезла категория "лишенцев". В 1937 году, в соответствии с новой "сталинской" конституцией, проходили выборы в Верховный Совет, законодательный орган страны. Списки будущих депутатов утверждали в партийных организациях; за кандидатов блока коммунистов и беспартийных отдали свои голоса 98,6% из-

бирателей — эта цифра и близкие к ней стали обязательными при всех последующих выборах в центральные и местные советы. В Верховном Совете СССР 1937 года евреи составили 4% от общего количества избранных депутатов.

В. Гроссман, писатель (из повести "Все течёт..."): "Несвобода безраздельно торжествовала от Тихого океана до Черного моря. Она была всюду и во всем. И везде и во всем была убита свобода..."

Из частушек, рекомендованных к исполнению:

Рано утром выйду я
С книжкой на крылечко.
Конституцию прочту —
Застучит сердечко...

В первый год советской власти некий большевик разъяснил певцу Ф. Шаляпину: "Талант нарушает равенство". За годы террора были загублены многие таланты, а равенство и свобода присутствовали лишь в тексте конституции. Советский Союз превратился в тоталитарное централизованное государство, в котором отсутствовали какие-либо общественные организации с самостоятельной идеологией, насаждалось единомыслие, казенный оптимизм и безудержные прославления "вождя всех народов". Его воспевали в стихах и прозе; о нем слагали песни: "Сталин наша слава боевая, Сталин нашей юности полёт..."; о нем сочиняли поговорки: "При солнышке тепло, при Сталине добро"; его превозносили на весь мир: "внедрил", "разработал", "развил", "углубил" и "обогатил" научное наследие Маркса—Энгельса—Ленина. При появлении Сталина на съездах и совещаниях зал вставал и аплодировал три, пять, десять минут подряд — каждый опасался остановиться первым. Из журнала ОЗЕТа "Трибуна" (1935 год, Всесоюзный съезд колхозников): "Когда открылся съезд и вошел товарищ Сталин, в зале начало твориться нечто такое, что совершенно не поддается передаче. Не описать радости, что видим собственными глазами нашего дорогого Сталина... Такой любимый, дорогой, такой великий и такой простой!.." — "Он смотрит на тебя и смеется, излучая любовь и тепло из своих добрых умных глаз. Этого я никогда в жизни не забуду!.."

А. Сент-Экзюпери, французский писатель (1935 год, после посещения Москвы): "Служба порядка днем и ночью следит за запретным кварталом, где обитает Хозяин... Сталина окружает зона пустыни и безмолвия, через которую никто не проскользнет незамеченным. Можно даже подумать, что он не существует, столь невидимо его присутствие... однако его изображение размножено на улицах Москвы в сотнях тысяч экземпляров. Нет такой витрины, такого ресторана, те-

атра, где бы оно не было выставлено, такой стены, где бы оно не царствовало..."

В 1938 году вышел в свет "Краткий курс истории ВКП(б)", "величайший документ мирового значения", "энциклопедия основных знаний в области марксизма-ленинизма", и вся страна стала изучать эту книгу — студенты и профессора, рабочие и инженеры, лифтерши, дворники и водопроводчики при домоуправлениях. Вошли в обиход и стали обязательными добавления к имени Сталина — "мудрый руководитель", "великий кормчий", "корифей наук" и "гений предвидения", "гениальный вождь всех времен и народов". На выставках художников непременно присутствовали картины — Сталин в президиуме, Сталин на трибуне, Сталин с трубкой, в шинели, с девочкой на руках. В религии большевизма он занял место верховного жреца, а точнее, земного бога, которому поклонялись, которого наделяли всеми мыслимыми и немыслимыми совершенствами, в честь которого акыны сочиняли славословия: "Мы солнце свое получили от Сталина, мы сытую жизнь получили от Сталина..." — "Ты ясное солнце народов, беззакатное солнце современности. Ты больше, чем солнце, ибо в солнце нет мудрости..."

Знаменитая фотография 1936 года, сделанная на "приеме трудящихся Бурят-Монгольской АССР" в Кремле: Сталин держит на руках черноглазую девочку в матроске. Это была Гела Маркизова, дочь наркома земледелия Бурят-Монголии. Фотографию "друга детей" распространяли в миллионах экземпляров для школ, яслей, детских садов и дворцов пионеров — символ счастливого детства в стране Советов. Гела получила от Сталина подарки — патефон с набором пластинок и золотые часы с гравировкой "Геле Маркизовой от вождя партии И. В. Сталина". Отца Гелы наградили на той встрече орденом Трудового Красного Знамени, но вскоре его арестовали и расстреляли. Мать Гелы провела многие годы в лагерях и покончила жизнь самоубийством.

В 1936—1939 годах, во время партийных чисток, исключили из партии сотни тысяч коммунистов: исключение означало арест, заключение в лагерь или расстрел. Были уничтожены практически все профессиональные революционеры, которые начинали борьбу вместе с Лениным и сохраняли остатки прежних убеждений. "Они, хотя и с горьким чувством, — утверждал Л. Троцкий, — жертвовали своей личностью, своим достоинством во имя политической цели, которую ставили выше всего. Тем не менее они не спаслись. Сталин не верил им... И так как он знал, что они не считают его великим человеком, а только человеком, занимающим великое место, он ненавидел их двойной ненавистью". На сме-

ну уничтоженным пришло новое поколение руководителей на всех уровнях власти, циничных, расчетливых, жестоких и беспринципных, готовых выполнить любое приказание вождя — Г. Маленков, Н. Хрущев, М. Суслов, Н. Булганин, Л. Берия и тысячи других. В 1939 году в партию было принято более полутора миллионов человек, половину которых составили служащие. Партийный билет способствовал продвижению по службе, давал право на дополнительные материальные блага, порой мизерные, которые ценились тем не менее на фоне всеобщей скудости. Исследователь М. Восленский (из книги "Номенклатура"): "В чем заключается исторический смысл того, что в период ежовщины сталинские назначенцы перегрызли горло ленинской гвардии? В том, что в правящем слое общества коммунисты по убеждению сменились коммунистами по названию".

Власть в стране осуществляла партийная бюрократия во главе со Сталиным, о котором говорили: "Сталин — это Ленин сегодня". Подавлена была всякая оппозиция, запрещалось малейшее отклонение от партийных установок; диктатура пролетариата, провозглашенная теоретиками марксизма, обратилась после октябрьского переворота в диктатуру партии, а затем в диктатуру одного человека. Так завершилось построение культа личности; Сталин стал единовластным правителем огромного государства; "железный занавес" опустился, превратив СССР в закрытое общество.

В 1937—38 годах — на основании "писем трудящихся" — был подготовлен проект постановления о переименовании Москвы в город Сталинодар. Сталин, очевидно, не принял этого предложения, и столица сохранила свое имя.

2

Радио и газеты провозглашали, что в Советском Союзе нет антагонистических классов, но в действительности возник новый правящий класс — класс партийной бюрократии, которая поддерживала свою власть жестоким террором и всеохватывающим идеологическим контролем. Средства отпускали в основном на развитие тяжелой промышленности; возводили гигантские заводы и металлургические комбинаты, перекрывали реки, вооружали армию и флот, гордились бесплатным образованием и медицинской помощью, прославляя достижения страны Советов, а повседневная жизнь была бедной, почти нищенской, в переселенных коммунальных квартирах, при катастрофической нехватке жилья в городах и поселках. Карточки на продукты питания отменили в 1935 году, однако в магазинах стояли вечные очереди; на прилавках недоставало мяса и других продуктов питания, качество одежды, обуви и

прочих товаров было низким — все это называли "временными трудностями", которые сохранялись десятилетиями.

> Пропаганда утверждала: "Жизнь народа становится богаче, лучше", а граждане страны пересказывали друг другу невеселый анекдот: группа рабочих и крестьян внесла предложение в Академию наук — исключить из русского алфавита букву "м", как излишнюю. Причина такова: муки нет, мяса нет, молока нет, масла нет, маргарина нет, макарон нет, мыла нет, мануфактуры нет, а есть только Микоян, нарком пищевой промышленности. Но ради одного Микояна незачем иметь в алфавите отдельную букву.

С начала Первой мировой войны в Российской империи была запрещена продажа спиртных напитков; запрет существовал и в первые годы советской власти, но с 1924 года разрешили продажу виноградного вина и водки — сначала до тридцати, а потом до сорока градусов. Историк Н. Полетика свидетельствовал: "Пьянство тридцатых годов... это было пьянство безнадежности и отчаяния. Рабочие в городах (Ленинграде и Москве — в особенности) допивались до бесчувствия, до положения риз, они искали в водке забвения от действительности, от тревог жизни нашей, от ее безысходности, от убивающей здоровье тяжелой работы, от страха перед нуждой и старостью. Пили отчаянно и озлобленно — и мужчины, и женщины, и даже подростки пятнадцати-шестнадцати лет. Алкоголизм охватил и интеллигенцию..."

С 1932 года ввели паспорта единого образца для городских жителей Советского Союза: это объяснялось необходимостью выявить "скрывающихся в городах кулацких, уголовных и других антиобщественных элементов". Крестьянам паспорта не выдавали; они не могли без разрешения покинуть колхоз, становились подневольными работниками в деревне, а потому название коммунистической партии расшифровывали теперь иначе: ВКП(б) — "второе крепостное право (большевиков)". В новых паспортах появилась графа "национальность" — знаменитый "пятый пункт", и работник отдела кадров, заглянув в документ, мог теперь заранее решить, кого принять в институт или в учреждение, а кому отказать. Паспорт выдавали с шестнадцатилетнего возраста; если родители юноши или девушки были, к примеру, евреями, их дети автоматически становились евреями. Если же у родителей была разная национальность, можно было выбрать одну из двух — на всю жизнь. Поступая в институт или на работу, каждый заполнял анкету: социальное происхождение, национальность, был ли репрессирован, имеет ли родственников за границей, не участвовал ли в Белом движении и прочее и прочее. Страна желала все знать о каждом гражданине, и уклонение от этого строго наказывалось.

Н. Мандельштам, из воспоминаний: "Когда-то было много добрых людей. Мало того, даже злые притворялись добрыми, потому что так полагалось... Добряки вывелись. Ведь доброта не только врожденное качество — ее нужно культивировать, а это делают, когда на нее есть спрос... Все, чему учила нас эпоха — раскулачиванию, классовой борьбе, разоблачениям, срыванию покровов и поискам подоплеки под каждым поступком, — все это воспитывало какие угодно качества, только не доброту..."

В Советском Союзе уничтожили многих представителей старой интеллигенции — хранителей национальной культуры, ликвидировали религиозных лидеров; повсюду насаждалось силой атеистическое мировоззрение. Кто мог сопротивляться колоссальному давлению государства, его пропаганде, которая пронизывала жизнь каждого человека с первых его шагов? "Партия присвоила себе монополию на истину, — отметил историк Д. Волкогонов. — Она стала классовой. Никто не смел и подумать иначе. Но классовой истины нет, есть только классовая ложь. Истина же всегда общечеловечна".

Изменения в стране затронули и евреев, всех вместе и каждого в отдельности, неприметно обращая в советского человека "великой сталинской эпохи".

3

В январе 1937 года была проведена всесоюзная перепись населения, показатели которой не совпали с "плановыми" прогнозами партии и правительства. Перепись вскрыла огромные человеческие потери, понесенные страной во время коллективизации, голода и террора, и потому ее результаты признали недействительными, а руководителей переписи репрессировали "за грубейшие нарушения элементарных основ статистической науки".

Следующая всесоюзная перепись состоялась в январе 1939 года. Она определила, что в стране было сто семьдесят миллионов жителей (170 467 186), из которых 32,8% составляли городское население, а остальные жили в сельской местности (количество населения, возможно, завышено, чтобы скрыть человеческие потери). Перепись насчитала в СССР три миллиона евреев (3 028 538) — 1,8% населения страны. Евреи оказались на седьмом месте по количеству — после русских, украинцев, белорусов, узбеков, татар и казахов, опередив грузин, армян и прочие народы Советского Союза.

В стране не было уже банкиров, промышленников, помещиков, частных торговцев и кулаков. 40,7% евреев составляли служащие, 30,5% —

рабочие, 16,1% — ремесленники в системе кооперации, 5,8% — колхозники, 4% — ремесленники в частных мастерских. Развитие промышленности способствовало огромному спросу на рабочую силу; возрастала численность квалифицированных рабочих-евреев, занятых на транспорте, на фабриках и заводах, а также в тех отраслях, где евреев прежде не было, — в горной, химической, металлообрабатывающей промышленности. В Крыму евреи работали на металлургическом и судостроительном заводах, на железнодорожном и морском транспорте. Бухарские евреи составляли большинство рабочих на хлопкоочистительном заводе в Коканде, на шелкоткацких и мыловаренных фабриках Самарканда. В цехах металлургических заводов юга Украины работало большое количество специалистов-евреев.

Западный наблюдатель отметил: "Можем лишь предположить, что большая часть евреев-рабочих находится в том же материальном положении, что и рабочие других национальностей... что дает им возможность не умереть с голода, но далеко не обеспечивает всех насущных потребностей в одежде, обуви и тому подобном".

> Газеты прославляли особо отличившихся рабочих, среди которых встречались и еврейские имена. Машинист крана металлургического завода в Ново-Липецке М. Кац. Закройщик обувной фабрики в Одессе Вайнер. Токарь Ф. Эйвина. Машинист металлургического стана М. Лернер. Наладчик станков М. Альтман. Машинист паровоза Каплан. Сварщик С. Ярхо. Фрезеровщик И. Передников из Биробиджана. Рабочий Г. Аксельрод, который изобрел автомат для изготовления "цепей Галля" и среди первых получил звание лауреата Сталинской премии.

В стране проводили политику индустриализации, повсюду требовались инженеры и техники; увеличилось количество институтов, которые готовили специалистов, а их выпускники получили возможность быстрого продвижения по службе. Квалифицированный труд стали оплачивать лучше, и теперь уже не только тяга к знаниям подталкивала молодежь в институты, но и возможность повысить свой материальный уровень. Исчезла социальная категория — "лишенцы"; юноши и девушки поступали без ограничений в средние и высшие учебные заведения — среди них были конечно же и евреи. Так появилась еврейская интеллигенция, те люди, что получили образование в годы советской власти. Они работали в научных институтах и проектных бюро, на заводах, в школах и больницах — врачи и провизоры, инженеры, учителя и библиотекари, адвокаты и партийные активисты, представители свободных профессий — писатели, художники, актеры, композиторы и музыканты.

На окраинах Советского Союза, особенно в Средней Азии, евреи заняли ведущие позиции в науке, образовании, здравоохранении, в государственных и партийных органах — из-за нехватки местных кадров. Родители гордились профессиями своих детей, которые прежде были практически недоступны, — ученый, летчик, красный командир, руководитель предприятия.

Евреи расселялись по всей территории Советского Союза; тому способствовало и распределение молодых специалистов по окончании учебных заведений, которых направляли на работу в самые отдаленные районы страны. К 1939 году 87% евреев были городскими жителями; в Москве, Киеве, Ленинграде и Одессе еврейское население превышало двести тысяч человек. После переезда в город нарушались контакты с родителями и близкими родственниками, оставшимися в местечках Украины или Белоруссии, где дольше сохранялись традиционные условия жизни. Распадались семьи. Рвались национальные связи. Жизнь в городе навязывала иную культуру, единообразную по всей стране, и иные формы поведения — личного и общественного. Следовало работать по субботам и религиозным праздникам, считаться атеистом для продвижения по службе, посылать детей в детские сады, школы и пионерские лагеря, где с младенческих лет им прививали антирелигиозные взгляды и лозунги коммунистического общества. Школьники участвовали в субботниках, посещали кружки ворошиловских стрелков и Осоавиахима для повышения обороноспособности страны, сдавали экзамены на значок "Готов к труду и обороне", выходили на демонстрации под красными флагами, пели советские песни, участвовали в торжественных заседаниях, посвященных революционным праздникам, торжественно провожали в армию защитников Родины и декламировали хором: "Красная армия — стройно иди! Красная армия — враг впереди!.."

Внедрение в советское общество сопровождалось утратой религии, родного языка и культуры, национальных особенностей и традиционных семейных связей. Далеко не все сожалели о потерянном — успехи на службе подтверждали правильность выбранного пути, а подраставшая молодежь даже не догадывалась о том, что было утеряно за годы советской власти. Д. Клиер, английский историк: "Переосмысление советского опыта приглашает нас обратиться к старому клише: "Хорошо ли это для евреев?" Ответ должен быть двойственным. Во многом Октябрь был хорош для отдельного еврея и разрушителен для евреев как последователей определенной религии или как членов этнической группы. Преимущества революции становились доступны евреям только по мере их готовности потерять свое еврейство".

В 1937 году 66,2% мусульман Советского Союза старше шестнадцати лет назвали себя верующими; у христиан эта цифра соста-

вила 54,5%, у евреев — 17,4%, а в возрасте 16—29 лет лишь 2—3%. Во время переписи 1939 года 55% евреев Белоруссии назвали идиш родным языком, на Украине — 45,3%, в РСФСР — 26,4%. С. Дубнов, историк: "Человек, лишившийся памяти, перестает быть индивидуальностью, становится отдельным звеном, вырванным из цепи жизни; народ, лишенный своего в ч е р а , не имеет и своего з а в т р а ..."

Политика советской власти вела к полному уничтожению еврейской общинной, религиозной и культурной жизни. Появилось новое поколение, потерявшее семейную память и преемственность от прежних поколений, преемственность историческую и духовную, которая сохраняла еврейский народ в течение тысячелетий. Исчезали традиции и обычаи. Увеличивалось количество смешанных браков. Русский язык вытеснял идиш. Еда становилась иной, одежды иными, привычки. Менялся не только образ жизни, но и образ мыслей. Не было никакой связи с мировым еврейством, и сотни тысяч советских евреев постепенно обратились в "людей еврейской национальности", лишенных своей религии, оторванных от исторических корней, без национальной культуры и национального будущего. Этот процесс духовного национального умирания начался с первых лет советской власти, чтобы растянуться на десятилетия и привести к ассимиляции сотен тысяч евреев Союза Советских Социалистических республик.

"Большая часть молодого поколения оставила лагерь еврейства и отправилась возделывать чужие угодья... Собственный виноградник забросили они, а порой даже топтали и губили его намеренно... Унесло их ветром, как листья, сорвавшиеся с дерева, и не вернутся они в стан наш: закружились, упали — и нет их. Ученость еврейская увядает, знатоки Торы уходят в небытие, а иные растворяются среди других народов. Общины осиротели, синагоги и дома учения превратились в клубы и театры... Большинство молодежи уже не умеет читать на иврите; еврейство бьется в агонии по всей стране и погибнет, если не придет спаситель. Велика печаль и неисцелима боль в сердце!.." (Моше Мордехай Певзнер, летописец)

4

Завершая рассказ о жизни евреев Советского Союза между двумя мировыми войнами, невозможно обойти стороной международные события, которые сыграли трагическую роль в истории еврейского народа в странах рассеяния.

В 1930-е годы советская пропаганда противопоставляла отношение к евреям в СССР "каннибальскому" антисемитизму нацистов в Германии и осуждала "антисемитские законы, принятые фашистским рейхстагом в Нюрнберге". Высказывания в советских газетах отражали политику того времени: "в фашистском аду", "беснующиеся варвары", "антисемитское бешенство коричневых дикарей", которое "превосходит ужасы мрачного средневековья". В. Молотов говорил с трибуны Всесоюзного съезда Советов (1936 год): "Еврейский народ, наряду с самыми развитыми нациями, дал многочисленных крупнейших представителей науки, техники и искусства, дал много славных героев революционной борьбы против угнетателей трудящихся, в нашей стране выдвинул и выдвигает все новых и новых замечательных, талантливых руководителей и организаторов строительства и защиты дела социализма. (Продолжительные аплодисменты.) Всем этим определяется наше отношение к антисемитам и антисемитским зверствам, где бы они ни происходили".

> В 1936 году цензор распорядился убрать клички скота "Жид" и "Жидочек" из "Государственной племенной книги крупного рогатого скота" и "выявить виновных для привлечения к ответственности". Из протокола Бюро комиссии партийного контроля (1937 год): "Слушали: Об изготовлении маслобоек с лопастями, которые имеют вид фашистской свастики. Постановили: Дело о конструировании, изготовлении и непринятии мер к прекращению производства маслобоек, лопасти которых имели вид фашистской свастики — передать в НКВД..."

Затем началось сближение с Гитлером и упоминания о травле евреев в Германии прекратились. Еврейская тема постепенно исчезала со страниц книг и газет. Перестали упоминать в печати случаи антисемитизма и с неохотой использовали понятия "еврей" и "еврейский". Изъяли из употребления граммофонную пластинку "Речь о погромной травле евреев", записанную В. Лениным в 1919 году. Из таблицы геометрических фигур учебника математики убрали два пересекающихся треугольника — "националистический сионистский знак". Не допустили к опубликованию "Сказку" М. Горького, которая начиналась такими словами: "В некотором царстве, в некотором государстве жили-были евреи — обыкновенные евреи для погромов, для оклеветания и прочих государственных надобностей..."

23 августа 1939 года председатель Совнаркома В. Молотов и министр иностранных дел Германии И. Риббентроп подписали "Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом"; договаривающиеся стороны, "руководимые желанием укрепления мира", обязались "не

участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны". Молотов и Риббентроп утвердили также дополнительный секретный протокол о границе сфер интересов СССР и Германии, а Сталин и Риббентроп подписали карту территорий Польши, которые вскоре поделили между собой. После заключения договора Сталин произнес тост в честь А. Гитлера: "Я знаю, как сильно любит немецкий народ своего фюрера; поэтому я хочу выпить за его здоровье". Гитлер был чрезвычайно доволен результатами переговоров; он мог не опасаться войны на два фронта, и ничто теперь не мешало начать военные действия.

> В те дни в Женеве проходил очередной всемирный Сионистский конгресс. Было уже понятно, что войны не избежать, и Хаим Вейцман произнес прощальную речь на закрытии конгресса — о непроглядной тьме, которая неумолимо опускалась на мир. "Это было мучительное прощание, — вспоминал он, — в котором все дурные предчувствия переплелись с надеждами, что эти предчувствия не сбудутся... Большинство наших польских друзей мы никогда уже не увидели. Они погибли вместе с тремя миллионами польских евреев в концлагерях, газовых камерах или в последнем отчаянном восстании в варшавском гетто..."

31 августа 1939 года состоялась сессия Верховного Совета, на которой Молотов сказал среди прочего: "Вчера еще фашисты Германии проводили в отношении СССР враждебную политику... Сегодня, однако, обстановка изменилась и мы перестали быть врагами... Советский Союз подвергся многочисленным нападкам в англо-французской и американской прессе... (Они) требуют, чтобы СССР обязательно втянулся в войну на стороне Англии против Германии. Уж не с ума ли сошли эти зарвавшиеся поджигатели войны? (Смех)... Если у этих господ имеется уж такое неудержимое желание воевать, пусть повоюют сами, без Советского Союза. (Смех. Аплодисменты.) Мы бы посмотрели, что это за вояки..."

Депутаты Верховного Совета единогласно проголосовали за ратификацию советско-германского договора. Через несколько часов после этого, утром 1 сентября 1939 года немецкие войска вступили в Польшу и за три недели захватили всю страну — это был молниеносный блицкриг, объединенные и согласованные действия авиации и бронетанковых войск. У Польши существовали договора о взаимной помощи с Великобританией и Францией, а потому эти страны объявили войну Германии; к ним присоединились Австралия, Новая Зеландия, Индия, Южно-Африканский Союз, Канада — так началась Вторая мировая война.

17 сентября 1939 года части Красной армии пересекли польскую границу; произошел раздел Польши между Германией и СССР, и территории восточной Польши отошли к Советскому Союзу. На языке официальной пропаганды это называлось "братской помощью освобожденному населению" Западной Украины и Западной Белоруссии. В том же месяце Молотов заявил: "За последние несколько месяцев такие понятия, как "агрессия", "агрессор", получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл... Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, которое стремится к миру, к скорейшему окончанию войны, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются..."

После подписания пакта с Гитлером из газет, книг и радиопередач исчезли любые материалы, обличавшие фашизм, а также упоминания о преследовании евреев в Германии. Группу немецких и австрийскмх коммунистов-политэмигрантов, около шестисот человек — среди них были и евреи — передали на границе немецким властям; сотрудники НКВД и гестаповцы сверяли списки заключенных, чтобы не вкралась ошибка.

> Нарком внутренних дел подписал секретное предписание, которое запрещало лагерной охране называть политических заключенных "фашистами". И лишь в 1941 году, после начала войны с Германией, вышла в свет брошюра академика В. Струве "Фашистский антисемитизм — пережиток каннибализма".

В 1939—1940 годах Советский Союз захватил районы восточной Польши, Бессарабию, Латвию, Литву, Эстонию, и население СССР возросло на 23 миллиона человек. Количество евреев увеличилось почти на два миллиона; из районов Польши, занятых немецкими войсками, бежали на восток сотни тысяч евреев, а потому к 1941 году, к началу войны с Германией, еврейское население на территории СССР насчитывало около пяти миллионов человек.

Впереди была Катастрофа евреев Европы, которая унесла шесть миллионов жизней...

Перепись 1939 года установила, что в Белоруссии было 375 092 еврея (6,7% населения республики), в РСФСР — 956 599 (0,9%), на Украине — 1 532 776 евреев (5,0% населения). В Москве было 250 181 еврей (6,05% населения города), в Киеве — 224 236 (26,48%), в Ленинграде — 201 542 (6,32%), в Одессе — 200 961 (33,26%), в Харькове — 130 250 (15,64%), в Минске — 70 998 евре-

ев (29,71%). В Еврейской автономной области насчитали 17 695 евреев (16,2%), на Камчатке — 582 еврея, на острове Сахалин — 335. К 1939 году 26,8% еврейского населения в трудоспособном возрасте имело среднее образование, 5,7% — высшее (среднее по стране соответственно — 8,1% и 0,6%). 20,1% евреев Московской области назвали идиш родным языком; в Ленинградской области — 21,1%, в Одесской — 35,8%, в Киевской — 40,7%, в Минской — 56,7%, в Каменец-Подольской области — 81,4%.

Данные по Ленинграду на 1939 год. 20,8% студентов города составляли евреи; высшее образование было у 12,3% евреев (у русских — 2,7%, у украинцев — 5,4%, у белорусов — 4,0%). Среди ученых Ленинграда оказалось 18% евреев, среди инженеров — 20,9%, среди врачей — 38,6%, 45% — адвокаты, 58,6% — фармацевты, 69,4% — дантисты, 11,6% — режиссеры и актеры, 24,6% — музыканты и дирижеры, 31,3% — писатели, журналисты и редакторы. Количество смешанных браков в еврейских семьях Ленинграда достигало 36% (меньше, чем в украинских, немецких и польских семьях города).

В 1938 году вышел на экраны антифашистский фильм "Семья Оппенгейм" по роману Л. Фейхтвангера — режиссер фильма Г. Рошаль, в роли доктора Якобсона С. Михоэлс. Фильм запретили для показа после подписания пакта с Германией, а вместе с ним и антифашистский фильм "Профессор Мамлок" режиссера Г. Раппопорта, по сценарию немецкого писателя Ф. Вольфа, еврея по национальности. В популярной кинокомедии "Цирк" был выведен отрицательный герой — немецкий фашист с усиками, который отдаленно напоминал фюрера; колыбельную песню в этом фильме пел на идиш артист С. Михоэлс, — всякому было известно отношение нацистов к евреям, и фильм запретили для показа. После начала войны с Германией "Цирк" снова вышел на экраны кинотеатров. В 1949 году, в период борьбы с "безродными космополитами", кадры с Михоэлсом вырезали из фильма. В 1956 году Михоэлса вернули на прежнее место, а взамен вырезали заключительные кадры с портретами Сталина. И наконец, Сталина тоже восстановили.

В 1938 году в журнале "Красная новь" был опубликован роман М. Шагинян "Билет по истории", в котором упоминался отец матери В. Ленина: "Украинец Александр Дмитриевич Бланк окончил Петербургскую медико-хирургическую академию". В той же повести говорилось о немецких корнях бабушки Ленина, жены Бланка, и

этого было достаточно, чтобы журнал изъяли, а редактора сняли с работы. Политбюро признало произведение "политически вредным и идеологически враждебным"; Союз советских писателей вынес Шагинян "суровое порицание" за создание "искаженного представления о национальном лице Ленина... выдвинутого русским народом и являющегося его национальной гордостью". В 1966 году Шагинян получила копию документа из архива Синода, в котором говорилось, что Бланк, дедушка Ленина, был крещеный еврей. Писательница попыталась поведать о своем открытии в романе "Семья Ульяновых", и разразился новый скандал. Цензоры заявили: "Идея не нова. На Западе уже существуют подобные книги. Буржуазные писаки стремятся доказать, что гений русского народа Ленин — результат смешения русско-монгольско-немецко-еврейско-шведских корней..." После этого все документы о еврейских предках Ленина были изъяты из государственных архивов "без оставления копий".

Справка: в конце восемнадцатого века в украинском городе Староконстантинове жили Мошко (Моше) Ицкович Бланк и его жена Мирьям. Бланк был владельцем собственного дома, в котором, очевидно, находился шинок; он арендовал также участок земли и выращивал цикорий. У Бланка был затяжной конфликт с еврейской общиной города; он доносил властям, что некоторые евреи не записывали родившихся у них детей в ревизские списки. Примерно в 1802 году у Моше и Мирьям родился сын Сруль (Израиль). Затем семья переехала в Житомир, где Израиль и его старший брат Абель учились в уездном училище. В 1820 году братья крестились по православному обряду, после чего были приняты в Медико-хирургическую академию в Петербурге. После крещения Израиль стал именоваться Александром Дмитриевичем — отчество взято по имени его крестного отца Дмитрия Баринова. Александр (Израиль) Бланк получил диплом врача, работал в Смоленской губернии, затем в Петербурге, Перми, Златоусте; в 1847 году переехал в Казанскую губернию, пожалован в дворянство. У статского советника Бланка было шесть детей, которым он не рассказывал о своем происхождении; в семье хранился серебряный стаканчик для "кидуша" — благословения над вином, но дети и внуки Бланка не догадывались о его назначении. Мария Бланк вышла замуж за Илью Николаевича Ульянова, у них родился сын Владимир (Ульянов-Ленин). В начале 1930-х годов сведения о происхождении Ленина стали известны высшим партийным руководителям страны. А. Елизарова, сестра Ленина, считала, что этот факт "может сослужить большую службу в борьбе с антисемитизмом", "вследствие уважения, которым пользуется Владимир Ильич", однако И. Сталин распорядил-

ся "молчать о нем абсолютно". Елизарова писала Сталину: "Я не знаю, какие могут быть у нас, коммунистов, мотивы для замолчания этого факта. Логически это из признания полного равноправия национальностей не вытекает". В 1942 году вышла в свет первая научная биография Ленина, но в ней ничего не сказано о его национальном происхождении.

Максим Литвинов (Меир Валлах) — советский дипломат, нарком иностранных дел СССР с 1930 по 1939 год. Вел переговоры об установлении дипломатических отношений с США, способствовал приему СССР в Лигу Наций в 1934 году, с трибуны которой выступал за создание системы коллективной безопасности, выдвинул понятие "неделимости мира", разработал проект конвенции Лиги Наций об определении агрессора и нападающей стороны. Еврей, сторонник проанглийской ориентации — его сняли со всех постов после сближения Сталина с Гитлером, исключили из состава ЦК партии. В. Молотов, из воспоминаний: "В 1939 году, когда сняли Литвинова и я пришел на иностранные дела, Сталин сказал мне: "Убери из наркомата евреев". Слава Богу, что сказал..." У. Черчилль: "Еврей Литвинов ушел, и было устранено главное предубеждение Гитлера. С этого момента германское правительство перестало называть свою политику антибольшевистской..." Когда немецкие войска вторглись на территорию СССР, вновь вспомнили о Литвинове и его международных связях; он стал заместителем наркома иностранных дел и послом в США, содействовал отправке американского вооружения и продовольствия в Советский Союз.

У К. Ворошилова, В. Молотова, С. Кирова, Ф. Дзержинского, А. Луначарского, Л. Каменева, А. Рыкова, Н. Бухарина были жены-еврейки. Полина Жемчужина (Перл Карповская), жена В. Молотова — дочь еврея-земледельца с юга Украины — была наркомом рыбной промышленности (единственная женщина-нарком в СССР), кандидатом в члены ЦК партии. Молотов: "Мне выпало большое счастье, что она была моей женой. И красивая, и умная, а главное — настоящий большевик, настоящий советский человек". Жемчужина приветствовала образование государства Израиль, при встрече с Г. Меир, первым послом Израиля в СССР, сказала ей на идиш: "Их бин а идише тохтер" ("Я — еврейская дочь"). В конце 1948 года Жемчужину обвинили в знакомстве "с лицами, которые оказались врагами народа... Игнорируя элементарные нормы пове-

дения члена партии, участвовала в религиозном еврейском обряде в синагоге" (в марте 1945 года в московской синагоге проходило богослужение в память евреев, погибших в годы Второй мировой войны).

Молотов вспоминал: когда И. Сталин "на заседании Политбюро прочитал материал, который ему чекисты принесли на Полину Семеновну, у меня коленки задрожали... Сталин подошел ко мне в ЦК: "Тебе надо разойтись с женой!" А она мне сказала: "Если это нужно для партии, значит, мы разойдемся". В конце 1948-го мы разошлись..." Жемчужину арестовали в начале 1949 года, продержали год в тюрьме, сослали затем в Казахстан. Молотов: "Берия на заседаниях Политбюро, проходя мимо меня, говорил, верней, шептал мне на ухо: "Полина жива!.." На свободу она вышла на второй день после похорон Сталина... Перенесла она много, но, повторяю, отношения своего к Сталину не изменила, всегда ценила его очень высоко..."

Голда Горбман из многодетной еврейской семьи была сослана в Архангельскую губернию за участие в революционном движении, вышла замуж за ссыльного К. Ворошилова. Перед венчанием она крестилась и получила новое имя — Екатерина. Екатерина Давидовна Ворошилова закончила Высшую партийную школу, была заместителем директора музея В. Ленина в Москве. Из воспоминаний: "После расстрела евреев в Бабьем Яру с Екатериной Давидовной будто что-то случилось. Там, в той страшной яме, погибли ее родная сестра с дочерью. Екатерина Давидовна как будто глаза открыла на жизнь. Как будто что-то увидела — стала много человечнее, чем была до сих пор. Когда возникло государство Израиль, я услышала от Екатерины Давидовны фразу: "Вот теперь и у нас тоже есть родина". Я вытаращила глаза: это говорит ортодоксальная коммунистка-интернационалистка! Проклятая в синагоге за измену своей религии!.."

"Воистину — с сердцем, полным тревоги и печали, с сердцем разбитым и страдающим, с сердцем надорванным и возмущенным завершаем мы эту летопись, но завершаем без отчаяния. Не нам, еврейскому народу, отчаиваться. Научены мы прежним опытом и крепка наша надежда, что вернутся сердца сынов к их отцам, побеги молодые не увянут, не сгниют на корню, и живее живых будет народ наш на веки вечные!.. И сейчас, даже если отломятся в бурю иссохшие ветви, осыпятся увядшие листья, останется ствол прочным и принесет дерево прекрасные плоды. Еврейский дух — не только прошлое; он жив и сейчас, в пору скорби..." (Моше Мордехай Певзнер, еврейский летописец)

От автора — послесловием к прочитанному

1. Многие десятилетия в Советском Союзе замалчивалась трагедия еврейского народа в годы Гражданской войны. Евреи последующих поколений, которые родились и воспитывались при советской власти, ничего не знали о тех жутких событиях, не знали даже, где и как погибли их родственники, не догадывались, что рядом с ними жили и работали те самые люди (или потомки тех людей), которые уничтожали евреев в страшный период их истории. В. Жаботинский утверждал: "Особа народа царственна, не подлежит ответственности и не обязана оправдываться. Даже тогда, когда есть в чем оправдываться..." Возможно, так оно и есть, и вправе ли кто-нибудь сказать: "Я обвиняю тот или иной народ"? А если вправе, то какое количество невинных жертв потребуется для такого обвинения? Какое количество жертв необходимо, чтобы народ сам принял вину на себя? Но бывают моменты во всемирной истории, когда события, происходящие на какой-либо территории, носят настолько массовый и ужасающий характер, что жертвы этих событий (даже посмертно) вправе потребовать от того или иного народа если не покаяния, то хотя бы признания факта чудовищных деяний, которые происходили на данной земле, при активном или пассивном участии представителей этого народа.

2. Палачи ВЧК-ОГПУ-НКВД ушли из жизни, их дети уходят один за другим, а их внукам времена дедов неинтересны или в лучшем случае омерзительны. Одни считают, что потомки не несут ответственности за поступки дедов-прадедов, так как у них не было возможности повлиять на их действия. Другие полагают иначе: если нация гордится великими делами своих предков, то она не свободна и от чувства стыда за позорные дела прежних поколений. Не всякий согласен с тем, что требуется всеобщее покаяние за содеянное в годы советской власти, но если это все-таки необходимо, то наравне с другими народами бывшего Советского Союза покаяние должны принести и евреи. Сказано было прежде, и с этим, возможно, стоит согласиться: "Ответственность — господское качество, и лишь рабы от нее увиливают".

3. Еврейский поэт написал однажды на идиш — предостережением будущим поколениям:

Если собираешься открыть новую звезду,
Смотри, чтобы твоему народу не стало от этого темнее...

Библиография

А. Авторханов, "Технология власти". Изд. "Посев", Франкфурт-на-Майне, 1976 г.

Я. Агарунов, "Большая судьба маленького народа". Изд. "Чоро", Москва, 1995 г.

"Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783—1998 гг. Справочник". Изд. "Таврия-Плюс", Симферополь, 1999 г.

А. Азарх-Грановская, "Воспоминания. Беседы с В. Дувакиным". Изд "Гешарим-Мосты культуры", Иерусалим—Москва, 2001 г.

Б. Александров, "Положение национальных меньшинств в послевоенной Европе". Партиздат, Москва, 1933 г.

М. Александров, "Классовый враг в маске. О национализме и антисемитизме". Госиздат, Москва—Ленинград, 1929 г.

"Архив русской революции", тт. 1—22. Берлин, 1922—1937 гг.

Ф. Баазова, "Прокаженные". Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1980 г.

И. Бабель, "Сочинения". Изд. "Художественная литература", Москва, 1991 г.

П. Бабенко, "И. Э. Якир". Государственное издательство политической литературы, Москва, 1963 г.

Э. Багрицкий, "Избранное". Изд. "Советский писатель", Москва, 1948 г.

А. Баргтейл, "История еврейской общины Перми". Пермь, 2000 г.

М. Бейзер, "Евреи Ленинграда. 1917—1939". Изд. "Гешарим-Мосты культуры", Иерусалим—Москва, 1999 г.

А. Белов (Элинсон), "Рыцари иврита в бывшем Советском Союзе". Изд. "Лира", Иерусалим, 1998 г.

Д. Белоцерковский, "Жизнь Иосифа Трумпельдора". Берлин, 1924 г.

"Биро-Биджан (Землеустройство трудящихся евреев в СССР)". Изд. "Харбин обсервер", Харбин, 1930 г.

Г. Блоштейн, "Биробиджанские зарисовки". ОЗЕТ, Москва, 1934 г.

А. Блюм, "Еврейский вопрос под советской цензурой". Изд. Петербургского еврейского университета, С.-Петербург, 1996 г.

С. Блюмберг, "Работницы и колхозницы — в ряды ОЗЕТа!". ОЗЕТ, Москва, 1931 г.

"Богословие после Освенцима и ГУЛАГа. Материалы международной научной конференции". С.-Петербург, 1997 г.

"Богословие после Освенцима и его связь с богословием после ГУЛАГа: следствия и выводы. Материалы второй международной научной конференции". С.-Петербург, 1998 г.

Большая Советская энциклопедия. ОГИЗ, Москва, 1926—1931 гг.

С. Боровой, "Воспоминания". Изд. Еврейский университет — "Gesharim", Москва—Иерусалим, 1993 г.

А. Брагин, М. Кольцов, "Судьба еврейских масс в Советском Союзе". Госиздат, Москва, 1924 г.

Б. Бруцкус, "Социалистическое строительство. Теоретические мысли по поводу русского опыта". Изд. "Поиски", Париж, 1988 г.

"Былое", сборники статей (на иврите). Тель-Авив, 1968—1975 гг.

Д. Вайсерман, "Биробиджан: мечты и трагедия". Изд. "Риотип", Хабаровск, 1999 г.

М. Вайскопф, "Писатель Сталин". Изд. "Новое литературное обозрение", Москва, 2001 г.

Е. Ванеев, "Биро-Биджан". ОГИЗ, Благовещенск, 1931 г.

Л. Васильева, "Кремлевские жены". Изд. "Вагриус", Москва, 1993 г.

"Вестник Еврейского университета в Москве", № 1—22. Москва—Иерусалим, 1992—2000 гг.

М. Вишняк, "Всероссийское Учредительное собрание". Изд. "Современные записки", Париж, 1932 г.

Н. Волков, "Вахтангов". Изд "Корабль", Москва, 1922 г.

Д. Волкогонов, "Троцкий". Изд. "Новости", Москва, 1999 г.

Д. Волкогонов, "Этюды о времени". Изд. "Новости", Москва, 1998 г.

А. Вольфсон, "Евреи Уралмаша в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945". Изд. газеты "Штерн", Екатеринбург, 1998 г.

"Вопросы биологии и патологии евреев". Изд. Еврейского историко-этнографического общества, Ленинград, 1929 г.

М. Восленский, "Номенклатура". Изд. "Overseas Publications", Лондон, 1985 г.

М. Гейзер, "Соломон Михоэлс". Изд. "Прометей" МГПИ, Москва, 1990 г.

А. Герштейн, "Судьба одного театра". Изд. "Четыре четверти", Минск, 2000 г.

З. Гиппиус, "Живые лица. Стихи, дневники, воспоминания" в двух томах. Изд. "Мерани", Тбилиси, 1991 г.

"Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг." Изд. "Росспэн", Москва, 1998 г.

Ю. Гольде, "Евреи-земледельцы в Крыму". ОЗЕТ, Москва, 1932 г.

М. Гонтмахер, "Евреи на донской земле". Ростиздат, Ростов-на-Дону, 1999 г.

М. Гончарок, "Век воли. Русский анархизм и евреи". Иерусалим, 1996 г.

М. Горелов, "На реках вавилонских. Заметки беженца". Париж (?), 1921 г.

А. Грациози, "Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917—1933". Изд. "Росспэн", Москва, 2001 г.

Я. Гринвальд, "Михоэлс". Изд. "Дер Эмес", Москва, 1948 г.

В. Гроссман, "Все течет..." Изд. "Посев", Франкфурт-на-Майне, 1974 г.

В. Гроссман, "На еврейские темы. Избранное в двух томах". Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1985 г.

Р. Гуль, "Ледяной поход". А. Деникин, "Поход и смерть генерала Корнилова". Барон А. Будберг, "Дневник". Изд. "Молодая гвардия", Москва, 1990 г.

Р. Гуль, "Я унёс Россию", том 1. Изд. "Мост", Нью-Йорк, 1981 г.

Л. Гуральник, "Большой погром", 1917—1921 гг. Тель-Авив (на правах рукописи).

С. Гусев-Оренбургский, "Книга о еврейских погромах на Украине в 1919 г." Изд. З.Гржебина, Петроград, 1923 г.

В. Дарховский, "Моя родословная". Изд. Общества еврейской культуры Удмуртской республики, Ижевск, 1996 г.

А. Деникин, "Очерки русской смуты", тт. 1—3. Париж, 1921 г.

"Декреты советской власти, том 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г." Госполитиздат, Москва, 1957 г.

"Документы по истории и культуре евреев в архивах Москвы. Путеводитель". Москва, 1997 г.

И. Домальский, "Русские евреи вчера и сегодня". Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1975 г.

С. Дубнов, "Всемирная история еврейского народа от древнейших времен до настоящего, в десяти томах", т. 10. Изд. "Dzīve un kultūra", Рига, 1938 г.

С. Дубнов, "Книга жизни". Рига, 1935—1939 гг.

С. Дубнов, "Чего хотят евреи". Изд. "Муравей", Петроград, 1917 г.

С. Дудаков, "Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России". Изд. Российского государственного гуманитарного университета, Москва, 2000 г.

"Евреи Беларуси. История и культура", выпуски 1—6. Минск, 1997—2001 гг.

"Евреи в Крыму. Краткий очерк истории иудейских общин Крыма". Изд. "Таврия-Плюс", Симферополь, 1999 г.

"Евреи в России. Историографические очерки". Изд. Еврейского университета в Москве, Москва—Иерусалим, 1994 г.

"Евреи в России. История и культура", сборники научных трудов. Изд. Петербургского еврейского университета, Санкт-Петербург, 1995, 1998 гг.

"Евреи в Сибири. Сборник статей". Изд. Томского университета, 2000 г.

"Евреи в советской России. 1917—1967". Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1975 г.

"Евреи в Средней Азии. Прошлое и настоящее", сборник научных трудов. Изд. Петербургского еврейского университета, Санкт-Петербург, 1995 г.

"Євреі в Україні: історія, культура, традиції". Нац. Академия Наук Украины, Киев, 1997 г.

"Евреи и русская революция. Материалы и исследования". Москва—Иерусалим, 1999 г.

"Евреи Крыма. Очерки истории". Изд. "Мосты", Симферополь—Иерусалим, 1997 г.

"Евреи Украины. Краткий очерк истории", часть 2. Киев, 1995 г.

"Еврейская автономная область". Хабаровск, 1959 г.

"Еврейская культура в Советском Союзе", труды симпозиума в Иерусалиме, январь 1972 года. Изд. Всемирного еврейского агентства, Иерусалим, 1972 г.

"Еврейские народные песни". Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1947 г.

"Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока", материалы первой региональной конференции. Изд. Томского университета, Томск, 2000 г.

"Еврейские погромы, 1918—1921". Изд. "Школа и книга", Москва, 1926 г.

"Еврейский вестник. Научно-литературный сборник". Ленинград, 1928 г.

"Еврейский крестьянин. Сборник". ОЗЕТ, Москва, 1925—1926 гг.

"Еврейский мир", сборники. Париж, 1939 г. Нью-Йорк, 1944 г.

"Еврейское землеустроение на Украине". ОЗЕТ, Москва, 1929 г.

"Еврейское местечко в революции", под редакцией В. Тана-Богораза. Госиздат, Москва, 1926 г.

"Еврейское население СССР". Изд. ЦК ОРТ, Москва, 1927 г.

"Еврейское население юга Украины", ежегодник. Изд. "Еврейский мир", Харьков—Запорожье, 1998 г.

Г. Ерусалимчик, "Разные судьбы — общая судьба. Из истории евреев Челябинска". Изд. Т. Лурье, Челябинск, 1999 г.

Л. Завилевич, "Второй Всесоюзный съезд ОЗЕТа и задачи таторганизации". Татиздат, Казань, 1931 г.

"Запорожские еврейские чтения", выпуски 1—4. Изд. Запорожского государственного университета, Запорожье, 1998—2000 гг.

Е. Заславский, "Права и льготы переселяющимся в Биробиджан". ОЗЕТ, Москва, 1930 г.

Л. Зингер, Б. Энгель, З. Миндлин, "Еврейское население СССР в таблицах и диаграммах". Центральное издательство народов СССР, Москва, 1930 г.

В. Иванов, "Русские сезоны театра "Габима". Изд. "Артист. Режиссер. Театр", Москва, 1999 г.

"Из еврейских поэтов", перевод О. Колычева. Гослитиздат, Москва, 1935 г.

"Из истории евреев Урала. Дела, люди, судьбы". Центр документации общественных организаций Свердловской области, Екатеринбург, 1993 г.

И. Ильф, "Записные книжки". Изд. "Советский писатель", Москва, 1957 г.

К. Иоктон, "Работа" белой армии Юденича по "еврейскому вопросу". Тарту, 1928 г.

М. Иоффе, "Одна ночь. Повесть о правде". Изд. "Хроника", Нью-Йорк, 1978 г.

Э. Иоффе, Б. Мельцер, "Джойнт в Беларуси". Минск, 1999 г.

Э. Иоффе, "По достоверным источникам. Евреи в истории городов Беларуси". Изд. "Четыре четверти", Минск, 2001 г.

Э. Иоффе, "Страницы истории евреев Беларуси". Минск, 1996 г.

"Истоки", вестник Народного университета еврейской культуры в Восточной Украине. Изд. "Еврейский мир", Харьков, 1998—2000 гг.

"История евреев в России", сборник научных трудов. Изд. Петербургского еврейского университета, Санкт-Петербург, 1993 г.

"История евреев СССР в документах Государственного архива Российской Федерации. Каталог выставки в Еврейской национальной библиотеке". Иерусалим, 1993 г.

"История и сталинизм", сборник статей. Издательство политической литературы, Москва, 1991 г.

"Источник. Документы русской истории", приложение к журналу "Родина". Москва, 1993—1997 гг.

М. Калинин, "Евреи в СССР". ОЗЕТ, Москва, 1928 г.

М. Калинин, "Об образовании Еврейской автономной области". ОЗЕТ, Москва, 1935 г.

М. Калинин, П. Смидович, "О земельном устройстве трудящихся евреев в СССР". КОМЗЕТ, Москва, 1927 г.

Я. Кантор, "Национальное строительство среди евреев в СССР". Изд. "Власть Советов", Москва, 1935 г.

А. Канторович, "Перспективы Биробиджана". ОЗЕТ, Москва, 1932 г.

В. Катаев, "Уже написан Вертер". С. Лущик, "Реальный комментарий к повести". Изд. "Оптимум", Одесса, 1999 г.

Л. Квитко, "Песнь моей души". Изд. "Советский писатель", Москва, 1956 г.

А. Киржниц, "Еврейская автономная область". ОЗЕТ, Москва, 1936 г.

"Книга о русском еврействе. 1917—1967". Изд. Союза русских евреев, Нью-Йорк, 1968 г.

О. Козерод, С. Бриман, "Деникинский режим и еврейское население Украины 1919—1920 гг.". Харьков, 1996 г.

О. Козерод, "Переломные годы. Еврейская община Украины в первое послевоенное десятилетие. 1919—1929 гг". Изд. "Еврейский мир", Харьков, 1998 г.

К. Колесникова, "Еврейские страницы в истории Корсунщины". Корсунь-Шевченковский, 1999 г.

"Командарм Якир". Центральный музей вооруженных сил СССР, Москва, 1966 г.

Р. Конквест, "Большой террор". Изд. "Edizioni Aurora", Флоренция, 1974 г.

Л. Копелев, "И сотворил себе кумира". Изд. "Ардис", Анн Арбор, 1978 г.

"Корни. Вестник Народного университета еврейской культуры в Центральной России и Поволжье", выпуски 1—11. Изд. "Еврейский мир", Саратов—Нижний Новгород, 1994—1999 гг.

Г. Костырченко, "Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм". Изд. "Международные отношения", Москва, 2001 г.

И. Котлер, "Очерки по истории евреев Одессы". Иерусалим, 1996 г.

Вл. Кравченко, "Дроздовцы от Ясс до Галлиполи", т. 1. Мюнхен, 1973 г.

"Красная книга ВЧК". Издательство политической литературы, Москва, 1989 г.

В. Краснов, В. Дайнес, "Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт". Изд. "Олма-пресс", Москва, 2000 г.

Краткая еврейская энциклопедия, тт. 1—10. Изд. Общества по исследованию еврейских общин, Иерусалим, 1976—2001 гг.

А. Кушниров, "Избранное". Изд. "Советский писатель", Москва, 1956 г.

Ю. Ларин, "Евреи и антисемитизм в СССР". Государственное издательство, Москва—Ленинград, 1929 г.

Я. Левави, "Еврейская колонизация Биробиджана" (на иврите). Изд. "Историческое общество Израиля", Иерусалим, 1965 г.

В. Левитина, "Еврейский вопрос и советский театр". Иерусалим, 2001 г.

Б. Лекаш, "Когда Израиль умирает..." Изд. "Прибой", Ленинград, 1928 г.

В. Леонгард, "Революция отвергает своих детей". Изд. "Overseas Publications", Лондон, 1984 г.

В. Леонгард, "Шок от пакта между Гитлером и Сталиным". Изд. "Overseas Publications", Лондон, 1989 г.

Литературная энциклопедия, т. 4. Изд. Коммунистической академии, Москва, 1930 г.

В. Львов-Рогачевский, "Гонители еврейского народа в России". Изд. Московского совета рабочих депутатов, Москва, 1918 г.

"Максим Горький, из литературного наследия. Горький и еврейский вопрос". Изд. Еврейского университета в Иерусалиме, 1986 г.

О. Мандельштам, "Собрание сочинений в трех томах". Изд. Международного литературного содружества, Вашингтон—Нью-Йорк, 1964—1971 гг.

Н. Мандельштам, "Воспоминания". Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1970 г.

Н. Мандельштам, "Вторая книга". Изд. "Ymca-Press", Париж, 1978 г.

Ю. Марголин, "Как было ликвидировано сионистское движение в советской России". Изд. "Маоз", Иерусалим, 1968 г.

Ю. Марголин, "Советские концлагеря и еврейский народ". Изд. Общества борьбы за освобождение евреев из СССР, Тель-Авив, 1973 г.

П. Маркиш, "Стихотворения и поэмы". Гослитиздат, Москва, 1945 г.

"Материалы девятой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Тезисы". Изд. "Сэфер", Москва, 2002 г.

"Материалы об антиеврейских погромах. Погромы в Белоруссии". Евотдел народного комиссариата по делам национальностей, Москва, 1922 г.

С. Мельгунов, "Как большевики захватили власть". Изд. "Overseas Publications", Лондон, 1984 г.

С. Мельгунов, "Красный террор в России. 1918—1923". Изд. СП "Puico", Москва, 1990 г.

А. Мережин, "Вопросы земельного устройства трудящихся евреев". КОМЗЕТ, Москва, 1927 г.

Л. Мининберг, "Советские евреи в науке и промышленности СССР в период Второй мировой войны (1941—1945 гг.)". Изд. "Иц-Гарант", Москва, 1995 г.

"Минувшее. Исторический альманах", тт. 1—10. Изд. "Atheneum", Париж, изд. "Феникс", Москва, 1986—1992 гг.

Ю. Мирмович, "Обзор документальных источников по истории еврейской литературы в фондах архивохранилищ Киева". Общество "Еврейское наследие", Москва, 1996 г.

"Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Воспоминания о Михоэлсе". Изд. "Искусство", Москва, 1965 г.

"Мы начинали еще в России. Воспоминания". Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1983 г.

"Народные пословицы и поговорки". Изд. "Московский рабочий", Москва, 1956 г.

"Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету", выпуск 12. Запорожье, 2000 г.

Е. Невельштейн, "Фрайдорфский еврейский национальный район (Крым)". ОЗЕТ, Москва, 1934 г.

Й. Недава, "Вечный комиссар". Книготоварищество "Москва-Иерусалим", 1989 г.

"Неизвестная Россия. XX век", тт. 1—3. Изд. "Историческое наследие", Москва, 1992—1993 гг.

"Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю". Государственное издательство, Москва—Ленинград, 1925 г.

М. Новомейский, "От Байкала до Мертвого моря". Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1979 г.

"Обзор документальных источников по истории евреев в фондах РГВИА. Выпуск 2". Российский государственный военно-исторический архив, общество "Еврейское наследие", серия "Еврейский архив", Москва, 1994 г.

"О борьбе с антисемитизмом в школе". Государственное издательство, Москва—Ленинград, 1929 г.

"Одесский мартиролог", т. 2. Изд. ОКФА, Одесса, 1999 г.

"ОЗЕТработа среди детей". ОЗЕТ, Москва, 1930 г.

А. Оксман, "История евреев в Российской империи и Советском Союзе". Иерусалим, 1996 г.

С. Ольденбург, "Царствование императора Николая II". Изд. "Терра", Москва, 1992 г.

Д. Орвелл, "Памяти Каталонии". "Editions de la Seine", Париж.

Н. Орехова, "Еврейская община города Красноярска, краткая хроника". Красноярск, 2001 г.

В. Орлянский, "Євреі Украіни в 20—30 роки XX сторіччя". Изд. Запорожского государственного университета, Запорожье, 2000 г.

"Открытая сцена", библиотека деревенского театра. Изд. "Крестьянская газета", Москва, 1927 г.

"Отчет экспедиции КОМЗЕТа 1927 г. по обследованию Бирско-Биджанского района Дальневосточного края (Биробиджана)". КОМЗЕТ, Москва, 1930 г.

"Очерк истории еврейского народа. Под редакцией проф. Ш. Эттингера", т. 2. Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1976 г.

"Память. Исторический сборник", тт. 1—5. Москва—Нью-Йорк—Париж, 1976—1982 гг.

А. Панченко, "О русской истории и культуре". Изд. "Азбука", С.-Петербург, 2000 г.

Д. Пасманик, "Русская революция и еврейство". Изд. "Франко-русская печать", Париж, 1923 г.

Н. Петров, К. Скоркин, "Кто руководил НКВД, 1934—1941. Справочник". Изд. "Звенья", Москва, 1999 г.

"Письма во власть. 1917—1927". Изд. "Росспэн", Москва, 1998 г.

А. Подлипский, "Васильковые годы Марка Шагала, или Витебск в судьбе художника". Витебск, 1997 г.

Н. Полетика, “Виденное и пережитое”. Изд. “Библиотека Алия”, Иерусалим, 1982 г.

“Политические деятели России. 1917. Биографический словарь”. Изд. “Большая Российская энциклопедия”, Москва, 1993 г.

“Положение национальных меньшинств в послевоенной Европе”. Партиздат, Москва, 1933 г.

“Православная церковь и евреи: XIX—XX вв.”, сборник материалов. Изд. “Рудомино”, Москва, 1994 г.

Ц. Прейгерзон, “Бремя имени. Рассказы”. Изд. “Лимбус Пресс”, С.-Петербург, 1999 г.

“Процесс антисоветского “правотроцкистского блока”. Государственное издательство политической литературы, Москва, 1938 г.

“Процесс Шварцбарда в парижском суде”. Изд. “Красная газета”, Ленинград, 1928 г.

Э. Радзинский, “Николай II: жизнь и смерть”. Изд. “Вагриус”, Москва, 2000 г.

Л. Радищев, “Яд. Об антисемитизме наших дней”. Изд. “Прибой”, Ленинград, 1930 г.

А. Разгон, “Евреи в Москве”. Иерусалим, 1996 г.

А. И. Разгон, “ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата”. Изд. “Наука”, Москва, 1977 г.

“Разгром евреев в России”. Издание заграничного комитета Бунда, Варшава, 1915 г.

В. Рапопорт, Ю. Алексеев, “Измена родине. Очерки по истории Красной армии”. Изд. “Overseas Publications”, Лондон, 1989 г.

М. Ройзман, “Минус шесть”. Московское товарищество писателей, Москва, 1932 г.

Н. Ройтман, В. Цетлин, “Полководец-коммунист” (И. Якир). Изд. “Картя Молдовеняскэ”, Кишинев, 1967 г.

Д. Роскес, “Вопреки апокалипсису”. Изд. “Библиотека Алия”, Иерусалим, 1989 г.

Ж. Росси, “Справочник по ГУЛАГу”. Изд. “Overseas Publications”, Лондон, 1987 г.

“Россия и евреи”, сборник первый. Изд. “Основа”, Берлин, 1924 г.

“Русская печать и общество об отмене черты оседлости”. Изд. “Евреи и Россия”, Москва, 1915 г.

“Русские частушки”. Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1956 г.

Н. Салехов, “Ян Борисович Гамарник”. Издательство политической литературы, Москва, 1964 г.

Б. Сарнов, “Заложник вечности. Случай Мандельштама”. Изд. “Книжная палата”, Москва, 1990 г.

“Сборник об общине”. Изд. “Форвертсъ”, Петроград, 1918 г.

М. Светлов, “Стихотворения и поэмы”. Изд. “Советский писатель”, Москва—Ленинград, 1966 г.

“Святой отрок Гавриил. Средневековая Бейлисиада. Дело об антисемитской

агитации в московском соборе Василия Блаженного". Изд. "Атеист", Москва, после 1921 г.

Ц. Сегаль, "Утерянные ключи. Книга воспоминаний". Библиотечка газеты "Тарбут", Самара, 1999 г.

И. Сельвинский, "Избранные произведения". Изд. "Советский писатель", Ленинград, 1972 г.

Г. Слиозберг, "Дела минувших дней: записки русского еврея", три тома. Изд. "Паскаль", Париж, 1933—1934 гг.

А. Солженицын, "Архипелаг ГУЛАГ". Изд. "Ymca-Press", Париж, 1973—1975 гг.

"Справочник личных имен народов РСФСР". Изд. "Советская энциклопедия", Москва, 1965 г.

"Сто еврейских местечек Украины", выпуск 1. Иерусалим—С.-Петербург, 1997 г.

"Строительство Еврейской автономной области в 1935—1936 гг.". Изд. "Эмес", Москва, 1936 г.

Н. Струве, "Осип Мандельштам". Изд. "Overseas Publications", Лондон, 1990 г.

И. Сударский, "Биробиджан и Палестина". ОЗЕТ, Москва, 1930 г.

Г. Табачник, "Слава не меркнет" (Я. Смушкевич). Издательство политической литературы, Москва, 1967 г.

"Тирош. Труды по иудаике", выпуски 1—5. Москва, 1997—2001 гг.

Л. Троцкий, "А.Блок". Изд. "Prideaux Press", Англия, 1979 г.

Л. Троцкий, "К истории русской революции". Издательство политической литературы, Москва, 1990 г.

Л. Троцкий, "Сталин". Изд. "Терра"-Политиздат, Москва, 1990 г.

Н. Тэффи, "Воспоминания". Изд. "Лев", Париж, 1980 г.

И. Уткин, "Стихи и поэмы". Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1956 г.

Г. Уэллс, "Россия во мгле". Государственное издательство политической литературы, Москва, 1958 г.

Р. Фейгенберг, "Летопись мертвого города". Изд. "Прибой", Ленинград, 1928 г.

Л. Фейхтвангер, "Москва 1937". Изд. политической литературы, Москва, 1990 г.

И. Фефер, "Избранное". Изд. "Советский писатель", Москва, 1957 г.

В. Финк, "Евреи в тайге". Изд. "Федерация", Москва, 1930 г.

"Французы в Одессе", из белых мемуаров. Изд. "Красная газета", Ленинград, 1928 г.

М. Френкин, "Русская армия и революция. 1917—1918". Изд. "Logos", Мюнхен, 1978 г.

М. Френкин, "Трагедия крестьянских восстаний в России. 1918—1921 гг." Изд. "Лексикон", Иерусалим, 1987 г.

Л. Фрухт, "Еврейское переселение в Крыму на 1932 год. Справочник переселенца". Крымское государственное издательство, Симферополь, 1932 г.

М. Хавкин, "Еврейская автономная область к восемнадцатой годовщине Октября". ОЗЕТ, Москва, 1936 г.

И. Харик, "Стихи и поэмы". Изд. "Советский писатель", Москва, 1958 г.

В. Хитерер, "Документы по еврейской истории XVI—XX веков в киевских архивах". Изд. Институт иудаики — "Мосты культуры", Киев—Москва, 2001 г.

Ф. Чуев, "Сто сорок бесед с Молотовым". Изд. "Терра", Москва, 1991 г.

М. Шагал, "Моя жизнь". Изд. "Эллис Лак", Москва, 1994 г.

С. Шварц, "Антисемитизм в Советском Союзе". Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1952 г.

М. Шейнман, "О раввинах и синагогах". Изд. "Безбожник", Москва, после 1928 г.

А. Шингарев, "Финансовое положение России". Издание партии народной свободы, Петроград, 1917 г.

Э. Школьникова, "Трансформация еврейского местечка в СССР в 1930-е годы". Общество "Еврейское наследие", Москва, 1996 г.

Рабби Й. И. Шнеерсон, "Записки об аресте". Изд. "Friends of Refugees of Eastern Europe", Нью-Йорк, 1980 г.

И. Штейнберг, "Дневник социалиста-революционера". Уфа, 1917 г.

И. Штейнберг, "Нравственный лик революции". Изд. "Скифы", Берлин, 1923 г.

А. Штерншис, "Советский еврейский песенный фольклор". Общество "Еврейское наследие", Москва, 1996 г.

"Штетл" як феномен еврейськоі історіі", материалы конференции 1998 г. Киев, 1999 г.

В. Шульгин, "Что нам в них не нравится... Об антисемитизме в России". Изд. "Russia minor", Париж, 1929 г.

И. Эренбург, "Люди, годы, жизнь", тт. 1—2. Изд. "Советский писатель", Москва, 1990 г.

М. Эткинд, "Натан Альтман". Изд. "Советский художник", Москва, 1971 г.

А. Яковлев, "Омут памяти". Изд. "Вагриус", Москва, 2000 г.

"Ян Борисович Гамарник". Центральный музей Советской армии, Москва, 1964 г.

А. Ярков, "Евреи в Кыргызстане". Бишкек, 2000 г.

С. Яров, "Новейшая история России. 1917—1991". Изд. "Неотэкс", С.-Петербург, 1998 г.

Л. Яруцкий, "Евреи Приазовья". Мариуполь, 1996 г.

"Я себя до конца рассказала. Сборник стихов израильских поэтесс". Изд. "Библиотека Алия", Иерусалим, 1990 г.

"Distribution of the Jewish population of the USSR — 1939", editor M. Altshuler. Изд. Еврейского университета в Иерусалиме, 1993 г.

A. Greenbaum, "Rabbis in the Soviet Union during the interwar period. 1917—1939" (на иврите). Изд. Еврейского университета в Иерусалиме, 1994 г.

"Jews and Jewish life in Russia and the Soviet Union". Изд. "Frank Cass", Англия, 1995 г.

"Jews in Eastern Europe". Изд. Еврейского университета в Иерусалиме, 1995—2001 гг.

Газеты, еженедельники и журналы

"Ахдутъ", Рига, 1927—1928 гг. "Бюллетень № 1 военной секции при ЦК сионистской организации", 1917 г. "Бюллетень Всесоюзного съезда невропатологов и психиатров", Москва, 1936 г. "Вестник", Москва, 1995 г. "Вестник сибирских евреев", Томск, 1917 г. "Гатхио", Омск, 1917 г. "Гехолуц", Москва, 1924 г. "Евреи и Россия", Москва, 1915 г. "Еврейская газета", Москва, 1992 г. "Еврейская жизнь", Москва, 1917 г. "Еврейская жизнь", Иркутск, 1919 г. "Еврейская жизнь (Сибирь—Палестина)", Харбин, 1920—1924 гг. "Еврейская летопись", Ленинград, 1924—1926 гг. "Еврейская мысль", Ленинград, 1922 г. "Еврейская неделя", Москва, 1917 г. "Еврейская пролетарская мысль", Москва, 1922 г. "Еврейская старина", Ленинград, 1928 г. "Еврейская трибуна", Париж, 1922 г. "Еврейская школа", С.-Петербург, 1995 г. "Еврейские письма", Якутск, 1917 г. "Еврейский вестник", Петроград, 1922 г. "Еврейский голос", Казань, 1918 г. "Еврейский путь", Екатеринослав, 1917 г. "Еврейское слово", Александровск Екатеринославской губернии, 1917 г. "Еврейское слово", Харбин, 1918 г. "Еженедельник советской юстиции", Москва, 1922 г. "Красная газета", Ленинград, 1928 г. "Наш голос", Одесса, 1917 г. "Наш путь", Чита, 1922 г. "Наше слово", Тобольск, 1917 г. "Новый журнал", Нью-Йорк, 1946, 1993 гг. "Новый Израиль", Тифлис, 1917 г. "Отечественные архивы", Москва, 1992—1998 гг. "Разсвет", Берлин—Париж, 1922—1934 гг. "Разсвет", Петроград, 1917—1918 гг. "Революция и культура", Москва, 1928 г. "Родина", Москва, 2002 г. "Русская мысль", Париж, 1998—2001 гг. "Советские архивы", Москва, 1986—1991 гг. "Советское фото", Москва, 1930, 1936 гг. "Солнечное сплетение", Иерусалим, 2001 г. "Трибуна", Москва, 1929—1937 гг. "Трибуна еврейской советской общественности", Москва, 1927—1928 гг. "Юный Израиль", Тифлис, 1917 г.

Содержание

Часть первая

Очерк первый
Февральская революция 1917 года и ее последствия. От февраля к октябрю 9

Очерк второй
Октябрьский переворот. Отношение еврейского населения к новому режиму. И. Трумпельдор 27

Очерк третий
Разгон Учредительного собрания. Евреи-большевики. Л. Троцкий 42

Очерк четвертый
Образование Украинской Народной республики. Погромы на Украине. Еврейская самооборона. Н. Махно. С. Петлюра . . . 64

Очерк пятый
Гражданская война. Наступление Добровольческой армии. Уничтожение евреев Украины 86

Очерк шестой
Победа большевиков и окончание Гражданской войны. Итоги погромов 1918—1921 годов 103

Часть вторая

Очерк седьмой
Террор первых лет советской власти. Евреи в карательных органах. Уничтожение царской семьи 119

Очерк восьмой
Экономическое положение евреев после Гражданской войны. Голод 1921—1922 годов. Новая экономическая политика. Лишенцы 135

Очерк девятый
Борьба с инакомыслием. Большевики и сионизм.

"Гехалуц". Эмиграция из России. Палестинский павильон на выставке в Москве 158

Очерк десятый

Преследования религии в Советском Союзе. Еврейский комиссариат. Евсекции. Борьба с иудаизмом и еврейскими традициями 183

Очерк одиннадцатый

"Евреев на землю!" Биробиджанский проект 208

Очерк двенадцатый

Переселение в города. Евреи на государственной службе. Антисемитизм в 1920-х годах 236

Часть третья

Очерк тринадцатый

Борьба за власть после смерти В. Ленина. И. Сталин и Л. Троцкий. Изгнание и убийство Л. Троцкого 257

Очерк четырнадцатый

Коллективизация деревни и "голодомор" 1932—1933 гг. Еврейские колхозы и их судьба. Еврейские административные районы 284

Очерк пятнадцатый

Становление коммунистической идеологии. Арест Любавичского ребе. Борьба с религией. Изменения в еврейских местечках 1930-х годов. Еврейский "дворик" в Витебске 307

Очерк шестнадцатый

Борьба с языком иврит. Закрытие школ с преподаванием на иврите. Запрет на издание книг. Театр "Габима" 333

Очерк семнадцатый

Развитие культуры на языке идиш. Ученые. Писатели и поэты. Театры на идиш. С. Михоэлс. М. Шагал 355

Очерк восемнадцатый

Евреи — русскоязычные писатели и поэты. О. Мандельштам. И. Бабель. Евреи в музыке, живописи, театре и кино. Евреи-ученые, организаторы и руководители производств 391

Часть четвертая

Очерк девятнадцатый

Террор 1934—1939 годов. Показательные процессы "врагов народа". Г. Зиновьев. Л. Каменев. Л. Каганович 415

Очерк двадцатый

Террор в армии. Репрессии в Биробиджане. Евреи-жертвы. Евреи в карательных органах НКВД 433

Очерк двадцать первый

Всесоюзная перепись 1939 года. Изменения в демографическом, социальном и экономическом положении евреев СССР. Сближение Москвы и Берлина 455

Библиография 472

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МОСТЫ КУЛЬТУРЫ/ГЕШАРИМ» ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

В СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРА ИЗРАИЛЯ»

ФЕЛИКС КАНДЕЛЬ. Смерть геронтолога
Роман. М., 2001. С. 240

АРКАН КАРИВ. ЮРИЙ КАРАБЧИЕВСКИЙ. Жизнь Александра Зильбера
М., 2001. С. 368

ЦРУЙЯ ШАЛЕВ. Я Танцевала Я Стояла
Роман. М., 2000. С. 176

БИНЬЯМИН ТАММУЗ. Минотавр
Роман. М., 2001. С. 288

А.Б. ЙЕГОШУА. Сборник рассказов
М., 2001. С. 432

О. ЮРЬЕВ. Полуостров Жидятин
Роман. М., 2000. С. 288

Х. САББАТО. Выверить прицел
Документальный роман. М., 2002. С. 192

В СЕРИИ «ПРОШЛЫЙ ВЕК»

САУЛ БОРОВОЙ. Воспоминания историка
М., 1993. С. 384

ДАВИД ШОР. Воспоминания музыканта
М., 2001. С. 352

А.В. АЗАРХ-ГРАНОВСКАЯ. Беседы с В.Д. Дувакиным
М., 2000. С. 200

ВЛАДИМИР ХАЗАН. Особенный еврейско-русский воздух
М., 2001. С. 432

А. ЗУСКИНА-ПЕРЕЛЬМАН. Путешествие Вениамина. Размышления о жизни, творчестве и судьбе еврейского актера Вениамина Зускина
М., 2002. С. 512

Л. КАЦИС. Осип Мандельштам: мускус иудейства
М., 2002. С. 600

Ассоциация «Гешарим» (Иерусалим) / «Мосты культуры» (Москва) осуществляет совместные издательские проекты в сотрудничестве с Федерацией еврейских общин России.

В серии «ИЗРАИЛЬ. ВОЙНА И МИР»
вышли следующие книги:

РУТ БАКИ-КОЛОДНЫЙ
«Если ты пойдешь со мною...» (документальная повесть)
Пер. с иврита. М., 2002. С. 240

ЙОНАТАН НЕТАНИЯГУ
Письма. Пер. с иврита. М., 2001. С. 336

ИДО НЕТАНИЯГУ
Последний бой Йони. Операция «Энтеббе»
Пер. с иврита. М., 2001. С. 256

ДАВИД ШЕХТЕР
Рядом с премьер-министрами. М., 2001. С. 352

РАФИ МАНН
Что ты сделал для страны? М., 2001. С. 32

ТАТЬЯНА ЮРКОВА
Платье для первой леди (записки жены дипломата)
М., 2001. С. 336

100 ЛЕТ СИОНИЗМА. АЛЬБОМ
М., 1997. С. 336

Феликс Кандель

Книга времен и событий

Том третий
История евреев Советского Союза (1917-1939)

Мосты культуры, Москва
Тел./факс: (095) 284-3751
e-mail: gesharim@e-slovo.ru

Gesharim, Jerusalem
Tel./fax: (972)-2-624-2527
Fax: (972)-2-624-2532
e-mail: gesharim@netvision.net.il

Издательство «Мосты культуры-Гешарим»
ЛР № 030851 от 08.09.98

Формат 70 x 100 / 16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ.л. 30,5
Подписано в печать 22.10.2002
Тираж 3000 экз. Зак. № 6983

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
OCR Давид Титиевский, март 2021 г., Хайфа

Эта книга – популярный рассказ об истории евреев Советского Союза с 1917 по1939 год – является естественным продолжением прежних работ автора, посвященных истории евреев Российской империи. Эта книга о жизни евреев на территории СССР со всеми проблемами, иллюзиями и ошибками, с горем и скорбью, радостями и разочарованиями, которые выпали на долю граждан Страны Советов.

В этой книге, как и в предыдущих, рассматриваются человеческие судьбы на фоне исторических событий. Февральская революция 1917 года. От февраля к октябрю. Октябрьский переворот. Отношение еврейского населения к новому режиму. Разгон Учредительного собрания. Евреи-большевики. Л. Троцкий. Гражданская война. Уничтожение евреев Украины. Террор первых лет советской власти. Евреи в карательных органах. Политика «военного коммунизма». Голод 1921-1922 годов. НЭП. Лишенцы. Большевики и сионизм. Эмиграция из России. Преследования религии в Советском Союзе. Борьба с иудаизмом и еврейскими традициями. «Евреев на землю!» Биробиджанский проект. Переселение в города. Антисемитизм в 1920-х годах. И. Сталин и Л. Троцкий. Изгнание и убийство Л. Троцкого. Еврейские колхозы и их судьба. Арест Любавичского ребе. Изменения в еврейских местечках 1930-х годов. Борьба с языком иврит. Театр «Габима». Развитие культуры на языке идиш. Театры на идиш. С. Михоэлс. М. Шагал. О. Мандельштам. И. Бабель. Евреи в литературе, музыке, живописи, театре и кино. Евреи-ученые, организаторы и руководители производства. Террор 1934–1939 годов. Показательные процессы «врагов народа». Репрессии в Биробиджане. Евреи-жертвы. Евреи в карательных органах НКВД. Всесоюзная перепись 1939 года. Изменения в демографическом, социальном и экономическом положении евреев СССР. Сближение Москвы и Берлина. Начало Второй мировой войны.